

149
12

(287/11)

СТРАНСТВОВАНІЯ
Василья Григоровича-Барскаго

по
СВЯТЫМЪ МѢСТЫМЪ
ВОСТОКА

съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ
ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ

1885

А $\frac{149}{12}$ (23 вкл)

СТРАНСТВОВАНІЯ

ВАСИЛЬЯ ГРИГОРОВИЧА-БАРСКАГО

ПО

СВЯТЫМЪ МѢСТЫМЪ

ВОСТОКА

съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ

Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

1885

Отъ Спб. Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 16 Мая 1885 г.

18935-0

2010517192

СТРАНСТВОВАНІЯ

Василья Григоровича-Барскаго

по

СВЯТЫМЪ МѢСТЯМЪ

ВОСТОКА

Часть I

1723 — 1727 гг.

На границахъ время, раздѣляющихъ конецъ древней и начало новой Истории Россіи, а именно въ 1701 году, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ сѣнію „небесеподобной“, Печерской Лавры, въ Печерской слободѣ, у небогатаго торговца родился будущій нашъ странствователь по Святымъ мѣстамъ Востока Василій Григорьевичъ Барскій.

Предки его были жителями города Бара, нынѣ заштатнаго города Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, принадлежавшаго въ то время Польскому Королевству¹. Во время казацкихъ войнъ, въ 1648 году, Баръ былъ взятъ, а въ 1651 году обращенъ въ пепель. Это событіе понудило дѣда Василя Григорьевича, Ивана Григоровича покинуть городъ отцевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ переселиться въ Малороссію. Одинъ изъ сыновей Ивана Григоровича, Григорій, отецъ нашего странстввателя, по смерти отца женился въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣткѣ нынѣ Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда, на дѣвицѣ Маріи и вскорѣ послѣ того переѣхавъ въ Кіевъ, поселился тамъ въ Печерской слободѣ. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ ихъ сыну Василю довелось быть свидѣтелемъ страшнаго прояв-

¹ Городъ Баръ, въ древности Ровъ, такъ названъ только въ XVI вѣкѣ, Боною Сфорца, супругою Польскаго короля Сигизмунда I въ воспоминапіи города Бари, въ которомъ почиваютъ мощи Святителя Христова Николая.

II

ленія гнѣва Божія. Въ 1710 году, въ Кіевѣ явилась чума. вмѣстѣ съ другими этотъ бичъ Божій принудилъ и Григорія Ивановича Барскаго оставить Кіевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ выселиться „въ поле“. Когда же опасность миновала, онъ снова возвратился въ Кіевъ и поселился на Подолѣ близъ соборнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы.

О жизни сына его Василія мы имѣемъ единственныя свѣдѣнія, которыя находимъ на страницахъ его „Страствованія по Святымъ мѣстамъ Востока“. Отецъ Василія, Григорій Ивановичъ, по свидѣтельству сына, былъ „книжень точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ дѣланіи“. Занятый торговлею и къ тому же имѣя предубѣжденіе противъ ученыхъ, примѣчая въ нихъ „излишнее прѣнне, гордость, тщеславіе, славолюбіе, зависть и прочая“, очень естественно старался отклонить своего сына отъ ученаго поприща и приучить къ торговымъ занятіямъ. А между тѣмъ Василій, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, по свидѣтельству его брата Ивана, былъ „любопытенъ“ ко всякимъ наукамъ и художествамъ и „имѣлъ охоту видѣть чужія страны“. Такимъ образомъ, юный Василій невольно долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ желаніями отца, что сдѣлало жизнь его въ родительскомъ домѣ не особенно радостною. По счастью, въ своемъ стремленіи къ ученію, Василій нашель поддержку въ своей матери, которая сумѣла убѣдить своего мужа не препятствовать благому желанію ихъ сына. Василій поступилъ въ Кіевскую Академію, и какъ слѣдуетъ предполагать, во время ректорства въ оной знаменитаго Теофана Прокоповича (1709—1716). Судьба не дозволила однакожь Барскому окончить курсъ въ Академіи. Когда онъ достигъ уже до „началь философскихъ“, то у него открылась на лѣвой ногѣ язва, лишившая его возможности ходить. Онъ принужденъ былъ

оставить Академію и приняться за лѣченіе. Пользовавшіе его Кіевскіе врачи не принесли ему пользы. Въ то время, когда больной потерялъ уже всякую надежду „исцѣлится“, до него доходитъ слухъ, что одинъ изъ его товарищей, нѣкто Іустинъ Леницкій, братъ бывшаго архіепископа Суздальскаго Варлаама¹, задумалъ ѣхать „въ Полшу до града Льова, ради совершенія болшихъ наукъ“. Это извѣстіе оживило Барскаго и имѣло на него рѣшающее значеніе. „Виждь“, восклицаетъ онъ, „нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе“. И онъ „тому поревновахъ“, рѣшился вмѣстѣ съ Іустиномъ ѣхать во Львовъ. Пользуясь отсутствіемъ отца, онъ оставляетъ родительскій домъ, и мать „съ многими рыданіемъ и слезами“ благословляетъ своего сына на далекій путь.

Двадцатидвухлѣтній Василій вмѣстѣ съ товарищемъ Іустиномъ выѣхали изъ Кіева 20 Іюля 1723 г. Едва они покинули городъ, какъ возвратился домой отецъ Барскаго и тотчасъ послалъ слугу за сыномъ въ погоню. На все увѣщанія слуги вернуться домой, Василій остался непреклоненъ и послалъ отцу „должній синовній поклонъ“, продолжалъ свое путешествіе. Изъ Почаева, отъ 13-го Августа, онъ отправилъ къ отцу письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отеческимъ, всякіе замысли и поступки благополучніи были“. О дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ Барскій пишетъ въ этомъ письмѣ нерѣшительно: „Извѣщаю, же иду до Льова, а пѣвнѣ не извѣщаю гдѣ буду; Богъ вѣсть, може еще и далѣй пойду?“. Очевидно, что на первыхъ порахъ Барскій не имѣлъ

¹ Варлаамъ хиротописанъ 31 Мая 1719 г.

какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, а одно только неопредѣленное желаніе видѣть свѣтъ и „иныхъ людей обычаи“. Во Львовѣ искусный врачъ вылѣчилъ ногу Барскаго и онъ сталъ хлопотать о поступленіи во Львовскую іезуитскую академію. „Да искусимъ“, пишетъ Барскій, „ихъ преданія учений“. Но православныхъ, и особенно Кіевскихъ, въ эту академію не допускали; а потому для достиженія своей цѣли Василій вмѣстѣ съ Іустиномъ рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, въ то время весьма обычной. Они объявили себя братьями Барскими, уроженцами Польскаго города Бара. Такимъ путемъ они проникли въ академію и поступили въ классъ риторики. Обманъ однакоже вскорѣ открылся и они были изгнаны изъ академіи „яко волци отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Барскій не упалъ духомъ и утѣшалъ себя благочестивымъ размышленіемъ, что Богу неугодно было оставить ихъ; воспитанныхъ въ православной вѣрѣ, среди латиновъ и онъ сталъ убѣждать своего спутника Іустина: „да идемъ къ инымъ градомъ и видимъ иныхъ людей обычаи“. Къ исполненію этого намѣренія Барскаго способствовало и слѣдующее обстоятельство. Во Львовѣ они сошлись съ Русскимъ священникомъ, Стефаномъ Протанскимъ. Онъ потерялъ жену и „ради разгнанія своей печали“, рѣшился отправиться въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Барскій и Іустинъ предложили Протанскому идти туда вмѣстѣ и Протанскій съ радостію принялъ ихъ предложеніе. „Мнѣ же“, пишетъ по этому поводу Барскій, „не бысть толь желаніе до Рима, елико до Святителя Христова Николая въ Баръ градъ“. Денегъ для этого путешествія Барскій имѣлъ хотя и „зѣло мало“, но онъ возложилъ все свое упованіе на Бога и „на милость христіанскую“. Предпринимая дальнее путешествіе, Барскій запасается не только патентомъ отъ

архієпископа Львовскаго, долженствующимъ открыть ему двери католиковъ, но даже и отъ Львовскаго еврейскаго кагала. Наши путешественники, въ одѣлнн Римскихъ пилигримовъ, вышли 23 Апрѣля 1724 года, изъ Львова. Перебравшись черезъ сѣверо-восточный уголь Карпатскихъ горъ, достигли города Кашау, гдѣ, не имѣя чѣмъ жить, ходили по городу и просили милостыню. Это такъ непріятно поразило священника Протанскаго, что онъ рѣшился разстаться съ своими товарищами. Для самаго же Барскаго это „художество“ не могло быть новымъ. Онъ въ Кіевѣ довольно насмотрѣлся, какъ тамошніе ученики цѣлыми десятками расходились по разнымъ городамъ и селамъ Кіевской и Черниговской губерніи, для собиранія подавннй. Кромѣ того многіе бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ пѣли разные священные стихи, испрашивая у жителей христіанской милостыни. Изъ Кашау Барскій черезъ Эрлау пришелъ въ Пештъ, гдѣ нашель помощь у православныхъ Сербовъ, и думалъ, чрезъ Сербію и Далмацію, отправиться въ Венецію; но „благоразсудніи людіе“ имъ посовѣтовали идти туда на Вѣну, „да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкими себѣ въоружимъ патентами“. Такъ они и сдѣлали. Разставаясь съ Венгрією, Барскій съ благодарностью отзывается о страннолюбнн ея жителей. Иное встрѣтилъ онъ, когда вступилъ въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ не нашель „никаковаго страннолюбнн, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго“. Но къ чести Нѣмцевъ Барскій сообщаетъ, что земля ихъ „мырна естъ отъ разбійниковъ“. 1-го Іюня 1724 года, путешественники увидѣли передъ собою „славный градъ“ Вѣну. Всевозможныя затрудненія при-

шлось имъ преодолѣть, чтобы проникнуть въ самый городъ, который показался Барскому „аки прекрасный рай“. Здѣсь нашимъ бѣднымъ странникамъ удалось достать себѣ патенты отъ папскаго нунція и отъ Венеціанскаго посла. Полученіе этихъ патентовъ было крайне для нихъ необходимо; ибо Барскій отъ кого то слышалъ, что немѣющихся „Вѣденскаго (Вѣнскаго) патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахъ работу“. Черезъ Штирію и Каринтію путешественники добрались до Венеціи. Когда Барскій увидалъ въ первый разъ море, то помянулъ Пророка, вопіюща: „Нисходящи на море въ кораблехъ и творящи дѣланія въ водахъ многихъ, тѣи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. По прибытіи въ Венецію, Барскій на другой же день отправился въ Православную церковь Св. Георгія. Такъ какъ Барскій въ то время еще не зналъ Греческаго языка, то очутился въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручали дѣти Грековъ, обучавшіеся въ церковной школѣ Латинскому языку. Они завязали разговоръ съ нимъ на этомъ языкѣ. Подошли и учителя и стали бесѣдовать о вѣрѣ. Донесли протопопу, что пришедшіе странники „суть православны и благочестивыи христіяне“; да къ тому же родомъ „отъ Россійскихъ странъ“. По поводу послѣдняго показанія, Барскій замѣчаетъ: „зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ“. Въ Венеціи, въ этотъ разъ, Барскій пробылъ всего только два дня. Черезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро, Фано и Анкону, слѣдуя берегомъ Адриатическаго моря, онъ пришелъ въ Лорето. Изъ Лорето путешественникамъ предстояло два пути: кратчайшій—въ Римъ, дальнѣйшій—въ Бари. Барскій настоялъ идти въ Бари прямо изъ Лорето. „Аще“, пишетъ онъ, „пойдемъ первѣе къ Риму, доволни будемъ видѣніемъ величества, кра-

соти и славы его и облѣнимся пойти поклониться мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая.“ Невыразимыя страданія пришлось испытать нашимъ путешественникамъ, когда они шли въ самое жаркое время года, по сухой, неплодной, безводной Калабріи. Къ довершенію бѣды близъ Барлеты, Барскій потерялъ свои патенты, а пилигримъ безъ патентовъ, по замѣчанію Барскаго, тоже что „человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ криль, дерево безъ листвія“. Наконецъ, послѣ девятидневныхъ страданій, Барскій достигаетъ давнишней своей цѣли, пресловутаго града Бара, и онъ удрученный потерей патентовъ и болѣзнію ноги, „присно же приходякъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его съ слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ“. Молитва его была услышана. Нога его исцѣлилась и патенты его нашлись; но вслѣдъ за тѣмъ Барскаго постигаетъ новая бѣда. Жестокая лихорадка удерживаетъ его въ Барлетѣ; а спутникъ его Іустинъ, не желая дожидаться выздоровленія своего товарища, уходитъ въ Римъ, оставляя Барскаго одного „скорбна и болѣзненна“. Съ тѣхъ поръ товарищи уже не сходились и судьба Іустина Леницкаго остается намъ неизвѣстною. Въ это трудное время, какъ и всегда, Барскій не упалъ духомъ и онъ „помянухъ Бога и возвеселихся“. Одинъ одиноконекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный Латинскій языкъ, котораго не разумѣлъ простой народъ въ Италіи, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, томимый жаждою, шелъ онъ по пути къ Риму и наконецъ, наканунѣ Успенія, дотащился до Неаполя, гдѣ въ гостиницѣ Св. Троицы Барскій нашель себѣ пріютъ и успокоеніе. Пробывъ нѣсколько дней въ Неаполѣ, Барскій отправился въ Римъ сухимъ путемъ и 29 Августа 1724 года, взорамъ его открылся вѣчный городъ. „И видѣхъ“, пишетъ онъ,

VIII

„Римъ отвнѣ зѣло много красенъ; много бо услаждають зѣнници людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащеніе на себѣ крести имущими“. По цѣлымъ днямъ Барскій бродилъ по Риму: заходилъ въ церкви, осматривалъ княжескіе и кардинальскіе дворы и палаты, любовался красотою града. наблюдалъ нравы и обычаи народа. Между прочимъ ему удалось воспользоваться даже гостепріимствомъ самаго Папы. Въ Римѣ Барскій прожилъ около 3-хъ недѣль и оставилъ вѣчный городъ, сознавая, что о великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ „многія повѣсти требѣ, по достоянію славы и лѣпоты его“. Путь свой Барскій направилъ опять въ Венецію, идя туда черезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, съ надеждою вернуться оттуда прежнимъ путемъ „въ страну Полекую“. Въ Венеціи Барскій пріютился въ богадѣльнѣ знакомой ему уже греческой церкви и не рассчитывалъ долго пробыть въ Венеціи мечтая возвратиться на родину черезъ Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію. Вслѣдствіе сего онъ почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ ли корабля, отправлявшагося въ Зару. „Не виденія ради“, хотѣлъ онъ посѣтить этотъ городъ, „понеже многа видѣхъ красна и чудесна; но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца“. Проходила недѣля за недѣлею, а онъ не находилъ добродѣтельнаго капитана, который довезъ бы его до Зары „Христа ради“. Вызванные его прошеніемъ упреки, что пилигримъ, путешествуя по свѣту и обходя страны и земли „многія собираетъ бацисъ есть денги“, заставляютъ Барскаго излить свою скорьбу въ одной изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ своихъ записокъ: „Всякъ бо путникъ“, пишетъ онъ, „аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради,

не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красотъ и разнствования земель, народовъ и обикновеній, но аще путешествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или бша, или стоястѣ нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, — таковій долженъ есть ангельское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя. Сего ради“, продолжаетъ онъ, „путникъ аще и нагло помретъ, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученической воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варъ, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяся даже до смерти самоволно, Христа ради“. Въ безвыходныхъ хлопотахъ объ отъѣздѣ изъ Венеціи, прошелъ для Барскаго мѣсяцъ Октябрь. Наступили холода, вѣтры, и онъ рѣшился зимовать въ Венеціи. Протопопъ о. Василій благословилъ Барскаго остаться при Греческой церкви. Между тѣмъ ему „омерзѣ дозѣла“ праздное препровожденіе времени и онъ рѣшился посвятить свободное время изученію Греческаго языка. Къ тому же Греки, какъ единовѣрцы, очень полюбили Барскаго и охотно допустили его до занятій въ церковной школѣ. Только товарищи Барскаго по богадѣльнѣ отнесли съ насмѣшкой къ этимъ занятіямъ его и со смѣхомъ называли его „премудримъ Соломономъ“. Барскій съ сожалѣніемъ говоритъ, что ему мало времени удавалось посвящать занятіямъ, такъ какъ онъ принужденъ былъ часто ходить по городу и просить милостыню. Не рѣдко Барскій заходилъ и на площадь Св. Марка, гдѣ ему пришлось однажды присутствовать при зрѣлищѣ, которое его, какъ малороссіянина, возмутило до глубины души. Травили вола собаками. И можетъ быть, смотря

на это, вспомнилась ему его далекая родина, гдѣ воля есть неизмѣнный спутникъ и кормилецъ человѣка. И можетъ быть зазвучали въ душѣ его родныя пѣсни, величающія столь любезное Малороссіянамъ чумакованье. Пѣсни, отражающія въ своей унылой однообразной мелодіи безбрежную степь, съ безоблачнымъ небомъ, палящимъ солнцемъ и въ этой величавой обстановкѣ, мѣрное, „съ важностью спокойной“ движеніе воловъ, сопровождаемое загорѣлыми чумаками. Когда же на чужой сторонѣ представилось ему это зрѣлище травли и веселіе зрителей, то изъ его души вылились слѣдующія прочувствованныя строки: „азъ едва не плакахъ, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣри, отъ неблагословенной бестіи терпимое люгѣ. Помянухъ бо азъ грѣшный тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единъ отъ иннихъ въ вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо онъ и подобній другъ его незлобивый осель“. Между тѣмъ наступилъ 1725 годъ, а съ нимъ и Италіянская весна. Пахнуло „отъ теплоты диханія морскаго“. Вмѣстѣ съ весною у Барскаго обновилась непреодолимая жажда къ путешествію. Однажды случилось ему разговориться объ этомъ предметѣ съ однимъ ученикомъ Греческаго училища, который замѣтилъ Барскому, что не мѣшало бы ему побывать въ „волной Греціи“. Тамъ, сообщалъ онъ, „Святыхъ Божіихъ мощи“, а люди „милосердны на путниковъ“. Эти слова запали въ душу Барскаго и потянули его на Святой Востокъ. Одно только нѣсколько печалило Барскаго: не было у него спутника, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить труды и трудности страннической жизни. Случайно на площади Св. Марка столкнулся Барскій съ такимъ спутникомъ. Это былъ бывшій архимандритъ Тихвинскаго монастыря Рувимъ Гурскій, нѣ-

когда любимецъ митрополитовъ Стефана Яворскаго и Иова Новгородскаго, довѣренное лицо царицы Прасковьи Θεодоровны и царевича Алексѣя Петровича, но принужденный бѣжать изъ отечества и искать себѣ такого мѣста, „идѣже бы мя токмо Единъ знаяше Богъ и азъ Его“. Съ этой минуты и до самой кончины Рувима Барскій уже съ нимъ не разлучался. Съ такимъ спутникомъ Барскому впервые пришла мысль „пойти въ Иерусалимъ поклонитесь Гробу Христову“. Они стали дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Нашелся благодѣтель, въ лицѣ нѣкоего сербскаго капитана Вукола, который взялся быть ходатаемъ за нашихъ странниковъ предъ однимъ великимъ Венеціанскимъ бояриномъ, обладателемъ многихъ кораблей и просить его „да укораблить“ ихъ до Корфу. Наконецъ все устроилось и въ мартѣ 1725 г. Рувимъ и Барскій оставили Венецію и поплыли къ острову Корфу.

Вообще тяжело было имъ это путешествіе. Взятые на корабль Христа ради, они принуждены были цѣлые дни проводить, что называется въ проголодь. Хозяинъ корабля латынинъ, такъ ихъ любилъ, „яко волкъ агнца“, видѣть же ему ихъ было такъ пріятно „яко соль въ очесехъ и вѣру ми ими, благій читателю“, продолжаетъ Барскій, что Латыни гораздо болѣе любятъ жида и турка, чѣмъ насъ православныхъ. Въ наши дни, когда такъ часто приходится слышать: *„Православіе падаетъ. Надо поддержать Православіе,* какъ бы въ опроверженіе этихъ богохульныхъ жалобъ и дерзостныхъ намѣреній, не мѣшаетъ выслушать слѣдующія вдохновенныя строки, которыя вылились изъ глубины вѣрующей души Барскаго: „Но не удивляйся сему правовѣрный читателю, изначала бо мира никогда въ мирѣ не бистъ Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ ере-

ХІІ

тиковъ и иныхъ враговъ, иногда и отъ своихъ величавыхъ и высокоумдрѣствующихъ латиновъ, но никогда же, ни отъ кого же преодолѣнна бываетъ, ниже будетъ. Стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ тверда, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринь посередѣ тернія, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любви, яже къ Богу, его же никакимъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтри угасити не могутъ, никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь“.

Подплывая къ Корфу, Барскій, любуясь представившеюся его взорамъ картиною прекрасныхъ горъ, долинъ, деревень, садовъ масличныхъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ „вѣру нашу православную на благой, мягкой и плодovitой насаждаетъ землѣ“. Здѣсь Рувимъ и Барскій пріютились при церкви Св. чудотворца Спиридона. Вскорѣ они завели знакомство съ Корфіотами. Многіе изъ нихъ стали приглашать Рувима совершать литургію и святить воду. При этомъ нельзя не замѣтить, что архимандритъ Рувимъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ томъ числѣ и Греческаго, и слѣдовательно служилъ литургію для Корфіотовъ на Славянскомъ языкѣ.

Въ началѣ Мая, „именемъ Христовымъ“, поплыли они въ Хіосъ и достигнувъ мѣстечка Миконо, лежащаго на одномъ маленькомъ островѣ вступили въ Турецкія владѣнія. Слышавъ, что Россія не мирна съ Турціею, они побоялись выходить на берегъ, дабы не сдѣлаться невольниками. Но опасенія ихъ были напрасны и Турокъ ихъ „ни о чемъ же вопросы“. Также боязнь овладѣла ими, когда они пристали къ острову Хіосу, но также напрасно. Черезъ Греческаго толмача, Турецкій чиновникъ, задалъ имъ обыкновенные вопросы:

„Откуда еси, и почто прїддохомъ тамо и камо грядемо?“ На эти вопросы отвѣчалъ Барскій и за себя и за своего старца. Потомъ турокъ потребовалъ ихъ патенты; и посмотрѣвъ на нихъ, какъ выражается Барскій „своима очима скверними сѣмо и овамо“ сказалъ имъ: Идите куда хотите. Барскій вознесъ благодарственную молитву къ Богу за то что Онъ „умягчи сердце нечестиваго“, который не только не взялъ съ нихъ дани но даже не сказалъ имъ и дурнаго слова. Узнавъ, что на островѣ Хіосѣ пребываетъ Іерусалимскій патріархъ Хрисанъ ¹ прїѣхавшій сюда просить милостыни на искупленіе Гроба Христова, они не мало сему удивились, что „самъ труждается, бывши толь великая персона“ и явились къ нему за благословеніемъ и совѣтомъ. Когда они сообщили патріарху, о своемъ намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ, то получили отъ него извѣстіе, что на такое путешествіе требуется сумма превосходившая ихъ средства. Тогда они измѣнили планъ своего путешествія и рѣшились вмѣсто Іерусалима идти на Аѳонъ. Барскій думалъ только поклониться Святынямъ, а потомъ возвратиться въ отечество, а Рувимъ на всегда тамъ остаться. Но Всевышній судилъ иначе. Архимандритъ Рувимъ Гурскій, уже преутруженный старецъ, внезапно заболѣлъ и скончался въ Хіосѣ. „И погребоша его честно, съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ“, подъ спудомъ церкви во имя Св. Виктора. „И азъ“ пишетъ Барскій, „присутствовахъ, провождая его честнїи

¹ Хрисанфъ, патріархъ Іерусалимскій съ 1707 по 1731 г. Уроженецъ Константинополя, родственникъ Іерусалимскаго патріарха Досея, которому онъ наслѣдовалъ. Учился въ Константинополѣ, Итали и посѣтилъ европейскіе университеты. Извѣстенъ какъ знатокъ патристики, классическихкихъ языковъ и метафизики, а также какъ хорошій проповѣдникъ. Въ его патріаршество исправленъ храмъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Своимъ описаніемъ Св. Града онъ посвятилъ Императору Петру Великому.

мощи къ гробу, плача и рыдая“. Надъ одиночествомъ Барскаго и его безденежемъ сжалились Греческіе купцы и въ особенности одинъ изъ нихъ по имени Іоаннъ Маврокордато, который съ ногъ до головы одѣлъ Барскаго и далъ ему возможность доѣхать до Солуня, куда онъ и приплылъ, испытавъ сильную бурю, 23 Сентября 1725 года. Здѣсь онъ провелъ только день и имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ своими соотечественниками, а также и съ Болгарами. Они его угостили и проводили въ дорогу.

На Аѳонъ Барскій отправился пѣшкомъ и претерпѣлъ много путевыхъ невзгодъ, обходя всѣ монастыри. Постояннымъ мѣстопробываніемъ его былъ монастырь Св. Пантелеймона. Изъ Русскихъ въ этомъ монастырѣ былъ только одинъ человѣкъ, а то или Греки, или Болгаре. По замѣчанію Барскаго „Наша Русь не токмо тамо, ни въ коемъ иномъ Святія Гори монастырѣ не можетъ долго пребывать, развѣ кто подражаетъ Ювлеву терпѣнію“; а прочіе бѣгутъ оттуда „яко дивіе серны отъ тенета“. Это явленіе Барскій объясняетъ матеріальною обезпеченностью нашихъ монастырей, которые въ то время владѣли деревнями. Эта обезпеченность давала нашимъ инокамъ возможность жить въ монастыряхъ какъ „святые въ раю, во всякомъ довольствѣ и безмолвіи“ и думать исключительно о своемъ спасеніи. Между тѣмъ Аѳонскіе монахи принуждены день и ночь трудиться, работать „съ изліяніемъ пота; днемъ копающе землю, ноцію же о спасеніи своемъ“. Самому же Барскому было не легко жить на Аѳонѣ. „Богъ же вѣсть“, пишетъ онъ, „коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребываючи въ Горѣ Аѳонской“. Ему пришлось вынести цѣлое гоненіе за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у

Папы. Его даже не допускали до Причастія и только послѣ архіерейскаго разрѣшенія онъ былъ допущенъ къ „Пренайсвятѣйшей Евхаристіи“. Получивъ свѣдѣнія, что „повсюду миръ и тишина слишится“, Барскій 1 Февраля 1726 года, вышелъ изъ Святой Горы обратно въ Солунь и здѣсь прожилъ до Сентября того же года. Благопріятный случай доставилъ ему возможность помѣститься безмездно на кораблѣ, плывшемъ съ поклонниками во Святую Землю. Въ концѣ Сентября, Барскій прибылъ въ Яффу. По пути, онъ заѣзжалъ въ Родось и Кипръ. На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ Барскаго стоящимъ за дверчи гостинницы, когда другіе обѣдали и „созирахъ бывшее“ и тутъ же, по окончаніи стола вмѣстѣ съ слугами питающимся остатками отъ общей трапезы.

Изъ Яффы, Барскій вмѣстѣ съ другими бѣдняками шель за караваномъ пѣшкомъ. „Сн на верблюдахъ, аки на колесницехъ“, пишетъ онъ, „ми же, въ имя Господа Бога нашего грядомъ пѣши“. Между Рамлэ и Іерусалимомъ Барскій былъ ограбленъ и избитъ Арабами. Изобразивъ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ этихъ Арабовъ, преграждающихъ путь ко Святому Граду, Барскій какъ бы испугался чтобы описаніемъ своимъ не отвлечь другихъ отъ путешествія ко Святому Гробу, и спѣшитъ оговориться: „Сія убо толь многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящее сердце твое къ мѣстомъ святымъ. Всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ святому граду Іерусалиму, ниже липатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще же кто хошетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ серебромъ всякое завистное око, что бо есть раздати таларь или два Еоіопомъ, любве ради Божія и

Мѣсть Святыхъ“. Въ заключеніе Барскій взываетъ къ своимъ соотечественникамъ и ко всѣмъ христіянамъ: „Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящій христіяне потщитесь отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваща на шествіе къ Святимъ Мѣстомъ и руки въ подаваніе милостини на откупленіе тѣхъжде, студъ бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрныхъ. Несите же имѣнія ваща съ собою, и положите я въ неветшающемъ влагалищи, въ гробъ Христа Спасителя“. Въ Іерусалимѣ Барскій окончилъ 1726 и встрѣтилъ новый 1727 годъ. Въ это время онъ обошелъ окрестности Святаго Града. Былъ на Іорданѣ и на Мертвомъ морѣ, посѣтилъ Виелеемъ и неоднократно бывалъ въ Лаврѣ Св. Саввы. Въ заключеніе своего описанія Іерусалима, Барскій пишетъ: „Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онымъ“. Изъ Іерусалима Барскій имѣлъ желаніе отправиться на Синай и 17 Апрѣля поплылъ по направленію къ Даміеттѣ. Но буря отнесла корабль къ острову Кипру. Въ этомъ Барскій усмотрѣлъ волю Божию и провелъ 3 мѣсяца, странствуя по городамъ и монастырямъ Кипрскимъ. Отсюда онъ отправился въ Каиръ, гдѣ патриархъ Александрійскій Косма¹, сжалился надъ нимъ и приютилъ его на своемъ подворьѣ. Барскій рѣшился жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти къ Синаю, а чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, сдѣлался трапезаремъ и упражнялся въ Греческомъ языкѣ, чтобы не терять даромъ время. Его очень полюбили Каирскіе иноки и онъ иногда прогуливался съ ними по Каиру, любуясь красотою и величествомъ города и

¹ Косма, патриархъ Александрійскій въ 1724—1737 г.

наблюдая народные обычаи. Болѣе восьми мѣсяцевъ суждено было Барскому прожить въ Каирѣ. Въ день Богоявленія 1728 г. онъ вмѣстѣ съ патриаршими иноками обходилъ дома и носилъ сосудъ со святою водою и это дало ему возможность собрать на дорогу „нѣсколько пѣнизей“. Наконецъ, послѣ, казалось, непреодолимыхъ трудностей, Барскій проникъ на Синай, гдѣ обозрѣлъ всѣ святыя мѣста, и покинулъ Египетъ въ Даміеттѣ.

Барскій вышелъ на берегъ въ древнемъ Сидонѣ. На первыхъ же порахъ, онъ былъ пораженъ до глубины души тѣми церковными нестроеніями, которые онъ нашель въ Антіохійской патриархіи. „Богъ токмо да уврачуеть Церковь Христову Православную“. Въ Дамаскѣ Барскій увидѣлъ магометанъ, католиковъ, уніатовъ, армянъ, маронитовъ, евреевъ, а православныхъ христіанъ оказалось самое наименьшее число, да и тѣ, по наблюденію Барскаго, были не весьма тверды въ вѣрѣ. Самаго патриарха Сильвестра ¹ въ это время не было въ Дамаскѣ, онъ пребывалъ въ Константинополѣ. Барскій отправился въ Антіохію, гдѣ встрѣтился съ „торговцами Греческими, пришелцами отъ земли Болгарской, отъ града Филипополя“, которые угостили

¹ Въ это время патриархомъ Антіохійскимъ былъ Сильвестръ, родомъ съ острова Кипра. Онъ былъ архидіакономъ при Антіохійскомъ патриархѣ Аванасіи, который передъ смертію своею назначилъ его своимъ преемникомъ. Въ это время Сильвестръ находился на Аеонѣ, Константинопольскій синодъ, узнавъ о желаніи покойнаго патриарха, 27 Сентября 1724 года призналъ Сильвестра патриархомъ. По отзыву современниковъ это былъ мужъ „не злобивый, не коварный, не сребролюбивый, паче же добродѣтельный и многомилостивый, хранитель отеческихъ преданій, знатокъ правилъ церковныхъ, исполнитель церковныхъ чиноположеній и уставовъ, но не обладалъ политическимъ тактомъ, а мнѣнія его были перемѣнчивы“. Онъ скончался 13 Марта 1766 года, будучи во время своего 38 лѣтняго патриаршества принуждаемъ неоднократно оставлять свой престолъ, побуждаемый къ тому противною ему партією, поставившею антипатриархомъ Кирилла.

XVIII

нашего путешественника „трапезою и одромъ честно“. Эта встрѣча произвела на Барскаго отрадное впечатлѣніе, „яко языкомъ ихъ сбесѣдовахъ“. Народъ ихъ, замѣчаетъ Барскій, есть „естественно страннолюбивъ“. Печальную картину взорамъ Барскаго представилъ „сей иногда преславній и великій, именуемій Божій, градъ Антіохія“. Въ 1728 году она казалась селомъ. Въ этой бывшей столицѣ Антіохійскаго патріарха, Барскій не нашелъ ни одной церкви, а тамошніе магометане ненавидѣли христіанъ и стремились выжить ихъ изъ Антіохіи. Но христіане тамъ живущіе, съ утѣшеніемъ замѣчаетъ Барскій, „не точію не умалются, но паче избыточествуютъ“. Достигнувъ границъ, отдѣляющихъ Антіохійскій патріархатъ отъ Константинопольскаго, Барскій располагалъ отплыть моремъ въ Константинополь, „понеже“ пишетъ онъ, „утрудихся и возненавидѣхъ по вся дни шествующи землею“. Но жестокая лихорадка заставила Барскаго измѣнить планъ своего путешествія. Онъ уклонился отъ моря и направился въ Алеппо. Въ маленькомъ городкѣ Бейланъ, онъ присоединился къ купцамъ, идущимъ на верблюдахъ въ Алеппо. Не найдя въ этомъ городѣ пріюта у митрополита, который оказался гордымъ, скупымъ и страннореневистнымъ, Барскій отправился на торжище и водворился въ одномъ купеческомъ дворѣ. Болѣзнъ замедлила выѣздъ его изъ Алеппо. Между тѣмъ приближался праздникъ Рождества Христова и Барскій былъ опечаленъ тѣмъ, что не могъ найти здѣсь православнаго священника, который бы его исповѣдалъ и причастилъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ близлежащее мѣстечко Едлибъ, въ которомъ жили православные христіане; но и здѣсь онъ не могъ найти Греческаго священника и принужденъ былъ исповѣдываться

у Арабскаго. По этому поводу мы узнаемъ, что Барскій зналъ уже по арабски.

Барскій, встрѣтивъ новый 1729 г. въ монастырѣ Св. Георгія близъ Триполя и получивъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, замыслилъ вторично посѣтить Иерусалимъ, уповая отъ Святыхъ мѣстъ „совершенное получить здравіе“. Путь Барскаго во Святой Градъ шель на этотъ разъ изъ Триполя черезъ Назаретъ и Самарію. Близъ Иерусалима, Барскій опять попалъ въ руки разбойниковъ, которые его не только избили, но и „отъ одеждъ обнажиша въ вся“. Къ довершенію бѣды у него не оказалось денегъ, для уплаты магометанскихъ дани. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Барскій рѣшился прикинуться юродивымъ Христа ради, „безчинствуя и неподобная глаголай и бѣхъ въ поруганіе всему народу“ и въ такомъ видѣ дошелъ, 23 Марта 1729 г. „даже до Святаго Града“. Проведя здѣсь Пасху и посѣтивъ еще разъ окрестности до Виелеема, Барскій отправился въ Яффу, а отсюда, 15 Мая, въ Птоломаиду. За тѣмъ посѣтилъ вторично Назаретъ, прошелъ всю Галилею до источниковъ Иордана, всходилъ на Өаворъ и Кармилъ, посѣтилъ остатки Каны Галилейской, видѣлъ мѣсто благословенія пяти хлѣбовъ и гору Блаженствъ. Изъ Птоломаиды Барскій отплылъ „ладіею по морю“ въ Триполи. Сердце путника уже жаждало возвратиться въ Кіевъ. Онъ видѣлъ все, чего желалъ видѣть. Царьградъ, гдѣ онъ еще не былъ, лежалъ на пути въ Россію. Но, человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Слѣдующее обстоятельство заставило Барскаго остаться въ Триполѣ. Въ этомъ городѣ существовало Греческое православное училище, основанное тогдашнимъ патриархомъ Сильвестромъ, съ тою цѣлію, чтобы умножить, по словамъ Барскаго, „разумнихъ и словесныхъ мужей

и искусныхъ философовъ“, способныхъ бороться съ врагами Церкви Христовой. Дидаскаломъ этого училища былъ съ острова Патмоса іеромонахъ Іаковъ. Барскій не находить словъ для похвалы этому достойному мужу. Равнаго ему, пишетъ Барскій, „ни въ Іерусалимѣ отъ Отець, ни въ Горѣ Синайской, ни обрѣтающесе въ горѣ Аѳонской, обрѣсти ми не случися“. Іаковъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, уговорилъ его остаться въ училищѣ для изученія Греческаго языка. Это предложеніе совпало съ завѣтными мыслями Барскаго и онъ остался въ Триполѣ и прожилъ здѣсь при своемъ дидаскалѣ въ теченіе почти пяти лѣтъ „начертахъ на сердци моемъ“, пишетъ Барскій, „благій по Бозѣ житія его образъ“. Въ Іюль 1730 года, Барскій долженъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египеть, частію по порученію своего дидаскала, а частію по собственнымъ дѣламъ, для поклоненія святѣйшему патріарху Космѣ и для принятія благословенія его къ собиранію милостыни. Патріархъ принялъ Барскаго „благимъ сердцемъ и лицемъ веселимъ“, исполнилъ его просьбы и далъ ему пріютъ на своемъ патріаршемъ дворѣ. Въ концѣ 1730 года, Барскій вернулся въ Триполь и продолжалъ тамъ свои занятія Греческимъ языкомъ. Лѣтомъ 1731 года, Барскій былъ посланъ своимъ дидаскаломъ на островъ Патмосъ къ тамошнему богослову іеродіакону Макарію, для рѣшенія недоумѣній по поводу одного вопроса, возбужденнаго въ Антиохіи спорами папистовъ и уніатовъ съ православными. На островѣ Патмосѣ, при святой пещерѣ, „въ ней же святыи Іоаннъ Богословъ исписа божественное Евангеліе и Откровеніе, якоже пишуть древніе книги Греческія кожаныя“, процвѣтало Греческое училище, подъ руководствомъ іеро-

діакона Макарія. Объ этомъ святомъ старцѣ Барскій сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія. „Везъ сомнѣнія“, пишетъ В. И. Ламанскій, іеродіаконъ Макарій „займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ. Не знаю“, пишетъ далѣе г. Ламанскій“, сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженникѣ просвѣщенія и народности, во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія“. По поводу же порученія, даннаго Барскому къ о. Макарію, г. Ламанскій пишетъ: „Замѣчу кстати, что такъ послужили дѣлу Грековъ не одинъ Русскій. Не мало Русскихъ богомольцевъ перебывало на островахъ Греческихъ до Барскаго, и конечно большая ихъ часть поступила также подобно Барскому. Кстати напомнимъ, что въ XVIII столѣтіи, одинъ Русскій, именемъ Пароеній Небоза, былъ митрополитомъ Лаодикійскимъ“. Во время пребыванія своего на островѣ Патмосѣ, Барскій каждый день ходилъ въ училище „и вѣдѣхъ“, пишетъ онъ, „оного избраннаго мужа бистроуміе и добродѣтель, и чудихся“. О. Макарій, любя Барскаго, совѣтовалъ ему оставить странническую жизнь и заняться изученіемъ Греческаго языка „въ ползу себѣ и отечеству. Азь же“, просто душно сознается Барскій, „тогда младъ суши, и акп младъ мудрствующѣ же услаждахся лучше пугшествіемъ п исторією разныхъ мѣстъ, нежели поученіемъ“. Но тѣмъ не менѣе совѣтъ Макарія Барскій навсегда сохранилъ въ сердцѣ своемъ. Невольно припоминается, что въ нашемъ отечествѣ, еще въ XIV столѣтіи въ Ростовѣ Великомъ существовалъ при архіерейскомъ домѣ иноческій затворъ богослововъ. Здѣсь учились и подвизались иноки богословы, къ числу коихъ принад-

лежали: просвѣтитель Перми—Св. Стефанъ, біографъ преподобнаго Сергія — Епифаній Премудрый, преподобный Григорій Пельшемскій, Вологодскій чудотворецъ. Здѣсь были ученія прѣнія и братство иноковъ, службу церковную пѣло по Славянски и по Гречески. Но на прежнее возвратимся. Исполнивъ въ Патмосѣ, возложенное порученіе, Барскій отправился обратно въ Триполь, по пути заѣзжалъ въ Самосъ, гдѣ между святыми памятниками христіанства, онъ не забылъ посѣтить горы, съ которыми связано имя Пифагора. Въ Хіосѣ нашель онъ своихъ старыхъ знакомыхъ „мужей благородныхъ“ и помянулъ скончавшагося здѣсь спутника своего о. Рувима. На Самосѣ увидѣлъ Барскій впервые патріарха Сильвестра и нашель въ патріархѣ „мужа возрастомъ и умомъ благоправна и добродѣтельна и милосердна“. Возвратившись въ Триполь Барскій засталъ тамъ чуму. Въ виду этаго бѣдствія, школа была закрыта, а о. Іаковъ съ учениками, къ которымъ присоединился Барскій, переселились въ Дамаскъ. Въ это время изъ Дамаска въ Москву отправлялся, по своимъ торговымъ дѣламъ, одинъ богатый купецъ, по имени Спандонѣй „мужъ“, по отзыву Барскаго „благороденъ и благоразуменъ“. Пользуясь этою оказіей, Барскій написалъ къ своимъ родителямъ письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Пребываю до времени въ престолѣ Антіохійскомъ въ пресловутомъ и въ великоименитомъ градѣ Дамаску, въ дворѣ святѣйшаго патріарха господина киръ Сильвестра, иже великую ко мнѣ показываетъ любовь, страннолюбіе и учусь въ его училищѣ по Греческу“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ своихъ родителей принять Спандонѣя и „почтита честно, понеже мой естъ зѣло любезный другъ“. Въ этомъ же письмѣ Барскій воспоминаетъ о своемъ старомъ и его покинувшемъ спутникѣ: „Іустинъ Ле-

ницкій не вѣмъ гдѣ обрѣтается, зъ которымъ я вѣхаль
 вкупѣ до Полци, и если есть въ Кіевѣ, „поздравляйте его
 отъ мене“. Усиливающаяся съ каждымъ днемъ Римская
 пропаганда принудила патріарха Сильвестра послать „сло-
 вѣснѣйшаго дидаскола“ Іакова „въ предѣлы Сиріи и
 Килѣкіи и въ весь Антіохійскій престоль, ради проповѣди
 Божія Слова и утвержденія православныхъ“. По отшествіи
 о. Іакова, школа осталась безъ учителя и Барскій рѣшился
 удалиться на островъ Патмосъ къ іеродіакону Макарію,
 „къ совершенію ученія греческаго“. Но патріархъ,
 полюбившій очень за это время Барскаго, желалъ его
 удержать при себѣ, и самъ 1 Января 1734 года по-
 стригъ его въ монашескій санъ. Ни расположеніе па-
 тріарха, ни постриженіе въ монахи, не измѣнили одна-
 коже намѣренія Барскаго удалиться изъ Дамаска, но
 вѣрный своему призванію пилигрима и любознательна-
 го путешественника, инокъ Василій не хотѣлъ оста-
 вить Сиріи, не осмотра въ ней всего, что можно было
 видѣть. Съ этою цѣлью, онъ снова отправился къ вер-
 ховьямъ Іордана и оттуда проникъ даже въ Харанъ,
 отечество Фарры, отца Авраама. Въ Дамаскъ онъ вер-
 нулся съ караваномъ богомольцевъ, ѣхавшихъ изъ Мекки.
 О своихъ же спутникахъ, Меккскихъ богомольцахъ,
 Барскій пишетъ, что они отходятъ въ Мекку „над-
 менни, яростни, неприступни, горди, богати и здрави“,
 а возвращаются оттуда: „кротки, смиренни, убоги, не-
 мощни“. Никто изъ этихъ богомольцевъ и не подозрѣ-
 валь, что съ ними ѣдетъ христіанинъ, такъ какъ Бар-
 скій будучи въ „худомъ и странномъ одѣянїи“, являлъ
 собою образъ дервиша, то есть „убогаго турецкаго пут-
 ника“. И подъ симъ образомъ, онъ, по прїездѣ въ Да-
 маскъ, вмѣстѣ съ богомольцами проникъ въ неприступ-
 ную тогда для христіанъ Дамаскую мечеть. Изъ

мечети, не переодѣваясь, Барскій отправился прямо на патриаршій дворъ: „И чудяхуся вси, полагающе на себѣ крестное знаменіе, недоумѣвающе въ себѣ и глаголющи: Василиій ли есмь“: Самъ святѣйшій патриархъ не мало удивился „толь хитростному“ его „притворенію“ и былъ очень радъ его возвращенію. Патриархъ продолжалъ оказывать нашему Василию свою любовь и расположеніе и по прежнему приглашалъ его къ своей трапезѣ. Едва оправившись отъ постигшей его вновь болѣзни, Барскій отправляется въ Триполь, а оттуда въ половинѣ Сентября 1734 г. вторично на островъ Кипръ, гдѣ тогдашній архіепископъ Кипрскій Филоеѣй, жившій въ Левкосіи, узнавъ, что Барскій владѣеть латинскимъ языкомъ, убѣдилъ его остаться на зиму при себѣ, для преподаванія этого языка въ православномъ Греческомъ училищѣ. Барскій преклонился „благоувѣтливимъ его словесемъ“. Архіепископъ помѣстилъ его на своемъ дворѣ и оказывалъ ему „почестъ и любовь велию“. Барскій же позналъ въ немъ „мужа мудра, благонаравна, добродѣтельна и словесна и велие попеченіе имуща о поученіи“. Учительство Барскаго продолжалось съ Октября 1734 и до Апрѣля 1735. Бѣдетвія, постигшія Кипръ, прервали занятія. На Святой было тамъ страшное землетрясеніе. Къ этому бѣдетвію вскорѣ присоединилось и другое—явилась чума. Тогда архіепископъ „изіиде отъ престола“ и уединился въ одномъ изъ далекихъ монастырей. А нашъ о. Василиій „облекшися въ худи ризи и изіидохъ отъ града Левкосіи, и шествовахъ пѣшеходно между горами и пустынями, проходящи отъ монастыря въ монастырь, зрѣнія ради и поклоненія“. Осмотрѣвши подробно въ теченіе полугода почти все Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію и помѣстился по прежнему на архіерейскомъ дворѣ, съ на-

мѣреніемъ вскорѣ отправиться на островъ Патмосъ „пользо-
ванія ради Греческихъ ученій“; но лихорадка и прибли-
жающееся время платы хараджа, который турки ежегодно
взимали со всѣхъ иновѣрцевъ, задержали Барскаго въ
Кипрѣ. Въ это время прибыли на этотъ островъ благодѣ-
тель Барскаго, Блаженнѣйшій Патріархъ Антиохійскій
Сильвестръ, а съ нимъ вмѣстѣ и возлюбленный Барскаго
дидаскаль іеромонахъ Іаковъ и онъ остался на о. Кипрѣ
еще почти годъ до Августа 1736 года. Возникшая
война между Россіею и Турціею понудила его поспѣ-
шить отъѣздомъ на островъ Патмосъ. И послѣ „много-
численнаго и прискорбнаго шествованія морскаго“, предъ-
самымъ праздникомъ Рождества Христова, Барскій до-
стигъ, наконецъ, „совершенія желанія“ своего благосло-
веннаго острова Патмоса. На другой же день, онъ от-
правился къ „пресловутому философу и богослову“
о. Макарію; но, къ сердечному своему прискорбію, засталъ
учителя лежащимъ на смертномъ одрѣ. Барскій имѣлъ
только одно утѣшеніе: присутствовать при поучительной
его кончинѣ. Вскорѣ по кончинѣ его, на островъ Пат-
мосѣ явилась чума. Тогда весь народъ разбѣжался по
горамъ и вертепамъ, монастырь Св. Іоанна Богослова и
училище „затворившася“, но Барскій остался въ за-
пустѣломъ городѣ и въ виду грознаго образа смерти,
съ христіанскою твердостью трудился надъ изученіемъ
Греческаго языка, уповая этимъ знаніемъ принести пользу
своему отечеству, такъ какъ, по замѣчанію Барскаго
Россійскій народъ „не тщашеся о Еллинскомъ діалектѣ“.
Здѣсь въ 1738 г., его посѣтилъ землякъ, настоятель
посольской церкви въ Константинополь іеромонахъ Кон-
стантинъ ¹, по отзыву Барскаго „словесный мужъ въ

¹ До своего назначенія въ Константинополь, Константинъ былъ іеро-

Латинскомъ ученіи“. Между ними завязалась переписка и до насъ дошло нѣсколько писемъ Константина къ Барскому. На о. Патмосѣ Барскій получилъ извѣстіе о кончинѣ отца и по этому поводу писалъ (отъ 21 Апрѣля 1741 года) къ своему брату Ивану: „Понеже, Божіимъ смотрѣніемъ, удостоился еси быти наслѣдникъ отческій, тщи-ся достойно званіе свое совершати, съ прилежаніемъ по-

монахомъ Кіевскаго Софійскаго монастыря. Свѣдѣнія о немъ находятся въ „Сказаніи о страданіяхъ священномученика Христова Константія Россіянина“, написанное аеонскимъ іеромонахомъ Іоною на греческомъ языкѣ въ русскомъ переводѣ напечатанное архимандритомъ Леонидомъ въ Чтеніяхъ И. О. И. Д. Р. 1869. Кн. 1-я. По свидѣтельству аеонскаго іеромонаха Іоны, о. Константинъ, состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополь, „тихо и мирно проводилъ жизнь свою“. Во время войны нашей съ турками, бывшей въ царствованіе Анны Іоанновны (1736—1739) посольство наше вышло изъ Константинополя, а іеромонахъ Константинъ удалился на Аеонскую гору и поселился въ Лаврѣ св. Аеанасія. Оттуда въ видѣ простаго странника онъ посѣтилъ Іерусалимъ, Патмосъ и прочія Святыя мѣста. Когда война кончилась, тогда о. Константинъ возвратился въ Константинополь. Резидентъ нашъ А. А. Вешняковъ принялъ его „съ любовью и обращался съ нимъ съ чувствомъ уваженія и почтенія“. Черезъ нѣсколько времени, неизвѣстно по какой причинѣ, возникли между ними неудовольствія. Въ бумагахъ архіепископа Псковскаго Симона Тодорскаго нашлось письмо къ нему іеромонаха Константина (отъ 18 Апрѣля 1741 г.), въ которомъ изображается мрачное состояніе души его. „Нѣкоторые возстали на меня и запрещаются мнѣ учить животворному слову Божію. И это дѣлаютъ не агаряне, не евреи, не еретики, но наши и притомъ іереи“. Будучи въ такомъ настроеніи о. Константинъ рѣшился на неожиданный поступокъ. Онъ скрылся изъ посольства и явившись въ верхонный диванъ объявилъ, что онъ желаетъ лично представиться султану Махмуду I (1730—1754), для того, чтобы предъ нимъ отречься отъ Христа и „исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха“. Желаніе его было исполнено, султанъ осыпалъ его милостями своими. Но всеблагій Господь коснулся своею благодатію сердца Константина, мысль его вдругъ оварилась Божественнымъ свѣтомъ и онъ подобно Петру „плакася горько“. Тогда, повязавъ голову свою ветхимъ платкомъ и въ раздранной ризѣ явился предъ султаномъ исповѣдникомъ Христовой вѣры. Онъ былъ схваченъ и на дворцовой площади 26 Декабря 1742 года отсѣкли ему голову. Константинопольская церковь причислила его какъ священномученика къ лику святыхъ и празднуетъ память его 26 Декабря.

печеніи дому и о вдовствующей при старости родительницы нашей, и аки мужественъ сій, утѣшай всячески немощь женскую благовѣтливими глаголы, съ должнимъ почитаніемъ, говѣніемъ же и крайнимъ послушаніемъ, поминающе Божіе приказаніе: чти отца твоего и мать твою и долготѣнь будещи на земли“. Въ отвѣтъ же на просьбу брата и матери вернуться въ Кіевъ, Барскій писалъ брату: „Не ревнуй правомъ женскимъ, плачуши и болѣзнуючи о медлѣннѣ возвращенія моего, да не къ тому стужаеши и горлицы плачевной матери утробу, но дерзай мужественно, образъ себе показуя къ прогнанію всякой скорби“. Въ другомъ письмѣ, отъ 6 Мая 1742 года, Барскій опять напоминаетъ брату: „Чти отца твоего и мать твою“ и предписываетъ ему, быть во всемъ послушнымъ матери. „Кромѣ аще ты попускаетъ къ женитвѣ, не слушай, на се бо ускоряти не полезно есть; еще же еси и младъ, якоже познахъ отъ числа лѣтъ твоихъ, совершенный возрастъ мужу тридесать лѣтъ. Ожидай убо моего пришествія и лучше ти будетъ сотворити предъ очима моима, и неприлично тебѣ совѣта моего преслушати, почитающему мя вмѣсто отца. Живи же въ чистотѣ и цѣломудріи, елико мощно, ибо юность многими сѣтми уловяема бываетъ. Сего ради блюстися ти нужда есть, да чистими очеси и непорочнымъ сердцемъ можеши взирати къ Богу вышнему. Блаженнѣи чистіи сердцемъ, яко тиі Бога узрять“.

Между тѣмъ еще въ 1740 году до Барскаго дошелъ слухъ, что въ Кіевѣ повелѣніемъ Императрицы Анны Іоанновны учреждено Греческое училище, въ которомъ учителемъ назначенъ мужъ „зѣло искусный въ Греческой мудрости“. Живо заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, Барскій проситъ своихъ родныхъ сообщить ему свѣдѣнія какъ объ учителѣ, такъ и о предполагаемомъ Гре-

XXVIII

ческомъ училищѣ. Учитель же, былъ никто иной, какъ пользовавшійся извѣстностью Симонъ Тодорскій; впоследствии архіепископъ Псковскій и Нарвскій и, какъ слѣдуетъ полагать, товарищъ Барскаго по Кіевской академіи.

Получивъ свѣдѣніе о Тодорскомъ, Барскій написалъ ему письмо на Греческомъ языкѣ и послалъ его въ Кіевъ въ Апрѣлѣ 1741 г. при письмѣ къ своему брату Ивану „Потщися убо самъ своими руками сіе словеснѣйшему и премудрому оному учителю отцу Симону Тодорскому подати съ подобающимъ отъ меня поклоненіемъ и моли его прилѣжно, да на сіе отпишетъ мнѣ отвѣтъ тимъжде Еллино-греческимъ діалектомъ, а не инымъ. И да вѣси, возлюбленный брате, яко листъ онаго учителя больше васъ имать ползовати возвращеніи моемъ къ вамъ, нежели слезная ваше ко мнѣ моленіе, будетъ бо мнѣ, аки магнитъ, влекущій мя къ отечеству. Если же“, пишетъ Барскій далѣе, „не

¹ Симонъ Тодорскій по окончаніи курса въ академіи былъ отправленъ на счетъ кіевскаго митрополита Рафаила за границу, гдѣ въ Галлскомъ и Іенскомъ университетахъ изучалъ Догматику, Естественную Физику, а также языки: Греческій, Еврейскій, Сирскій, Арабскій и Халдейскій. Въ этихъ предметахъ Тодорскій сдѣлалъ такіе успѣхи, что современники удивлялись его познаніямъ. Кромѣ того, онъ до совершенства изучилъ Нѣмецкій языкъ. Въ 1738 году Тодорскій вернулся въ Кіевъ. Блестящій дипломъ, въ которомъ самъ знаменитый Михаэлисъ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ познаніяхъ Тодорскаго, далъ возможность Митрополиту Рафаилу открыть въ академіи классы: Еврейскаго, Греческаго и Нѣмецкаго языковъ и преподаваніе этихъ языковъ поручить Тодорскому. 17 Мая 1740 года Симонъ Тодорскій принялъ монашескій санъ и по воскресеньямъ всему народу толковалъ пространный Катихизисъ. Молва объ отличныхъ способностяхъ и познаніяхъ о. Симона вскорѣ распространилась и достигла Петербурга. Высочайшимъ указомъ, отъ 31 мая 1742 года онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ждалъ его высокій постъ законоучителя Наслѣдника Русскаго Престола, а также избранной невѣсты его Принцессы Цербской будущей Великой Екатерины. Симонъ пережилъ Барскаго только семью годами и скончался 22 Февраля 1754 года, въ Псковѣ въ санѣ архіепископа.

получу отвѣта, то отъ Патма не двинуся“. Какъ слѣдуетъ предполагать Барскій просилъ Тодорскаго пристроить его при Греческомъ училищѣ. Желанный отвѣтъ Барскій получилъ только въ Маѣ 1742, и какъ видно вполнѣ имъ удовлетворился, ибо съ радостью извѣщаетъ своего брата: „Многожелателенъ листъ Греческій потщался еси послати мнѣ, въ немъ же, аки въ прекрасномъ вертоградѣ, насытихся довольно различныхъ красованій и по-нуждаюся благоувѣтливыми премудраго учителя отца Симона словеси желаніе ваше исполнити (т. е. вернуться въ отечество). Когда же се имать быти, се на Божіе возлагаемъ смотрѣніе“. Къ сожалѣнію до насъ не дошла эта переписка Барскаго съ Тодорскимъ; но съ достовѣрностью можемъ предположить, что Императрица Елисавета Петровна и Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій узнали отъ о. Симона о существованіи Барскаго на островѣ Патмосѣ и приняли въ немъ участіе; ибо въ Маѣ 1743 года, Барскій получилъ отъ нашего резидента въ Константинополь А. А. Вешнякова письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что вслѣдствіе Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ Барскій вызывается въ Константинополь „понеже здѣсь“, пишетъ Вешняковъ „въ персонѣ вашей особливо не безъ нужды есть“. Но Барскій, по полученіи этого письма, почувствовалъ не радость, а печаль. Ему грустно стало разставаться съ своими трудами, съ своимъ уединеніемъ, съ своимъ таинственнымъ Патмосомъ, хотя, пишетъ онъ, „и нужное и прискорбное“ было его тамъ житіе, но „плоди ученія, услаждающіи мя до зѣла, укрѣпляху мя къ терпѣнію“. Наступилъ день отъѣзда его изъ Патмоса. Со слезами простился онъ какъ съ духовными, такъ и съ начальнѣйшими гражданами, и 26 Сентября, въ день Св. Іоанна Богослова 1743 года, сѣлъ на корабль и

отплыль въ Константинополь, вооруженный султанскимъ фирманомъ. Казалось наступило время, когда Барскій начинаетъ пожинать плоды долголѣтнихъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ особъ, онъ теперь вездѣ встрѣчаетъ почетъ, уваженіе. Болѣе мѣсяца прожилъ Барскій въ Ефесѣ „созиранія ради знаменитихъ зданій ветхихъ“. При вступленіи на островъ Хіосъ, его было остановилъ таможенный чиновникъ изъ евреевъ, но какъ только онъ показалъ фирманъ, то тотчасъ же „свободно и честно“ былъ пропущенъ. Когда о прѣздѣ его на островъ Хіосъ узнали иноки монастыря Агіамона, то прислали къ нему цѣлую депутацію „отъ соборныхъ старцевъ“ съ просьбою посѣтить ихъ монастырь. На это приглашеніе Барскій съ ироніею имъ замѣтилъ, что онъ уже дважды посѣщалъ ихъ монастырь и тогда былъ ими принятъ какъ худоризецъ, просящій хлѣба. Это замѣчаніе Барскій сдѣлалъ старцамъ съ тою цѣлю, чтобы обличить ихъ „тогдашнее нестраннолюбіе и нинѣшнее ласкателство“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая показать „по себѣ гордости и презрѣнія образъ“, согласился посѣтить ихъ монастырь. Въ Хіосѣ же къ Барскому приходило много русскихъ невольниковъ и невольницъ, которые со слезами просили его ходатайства объ освобожденіи ихъ „отъ плѣненія“. Барскій принялъ сердечное участіе въ ихъ участи и обѣщалъ сдѣлать въ Константинополѣ все что можетъ и въ концѣ 1743 г., Барскій увидѣлъ „царствующій градъ“. А. А. Вешняковъ, познакомившись съ трудами его „похвалилъ его передъ всѣми“, далъ ему „милостыню не малу“ и „причтъ мя“, пишетъ Барскій, къ „своей господской трапезѣ“. Пользуясь теперь, столь непривычными для него, всѣми удобствами жизни, Барскій благодарилъ Всемогущаго Творца „яко отъ гноища вознесе нища“. Полученными же день-

гами онъ распорядился такимъ образомъ: часть изъ нихъ отдѣлилъ на покупку книгъ, другую на одежду; ибо, разсуждалъ Барскій, „безчестіе бысть Двору въ раздраннихъ тамо мнѣ смѣшатися ризахъ, якоже прежде навикохъ“; третью часть и большую онъ послалъ на островъ Патмосъ въ монастырь св. Евангелиста Іоанна Богослова „не вмѣсто милостини“, замѣчаетъ Барскій, но „вмѣсто благодарствія за благодѣяніе и милостину“, а остальную и малую часть денегъ оставилъ у себя на всякій случай. Такъ закончилъ Барскій 1743 и встрѣтилъ 1744 годъ. При резидентѣ Барскій не имѣлъ опредѣленныхъ какихъ либо обязанностей и былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ любилъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ. Часто „ради полезной бесѣды“ заходилъ онъ къ патріарху, архіереямъ, и учителямъ. Въ прогулкахъ своихъ онъ осматривалъ „древнія зданія царей Греческихъ, и знаменити оніи столпи, иже обрѣтаются въ Цареградѣ“, любовался красотою и расположеніемъ города, наблюдалъ за обычаями народа. Барскій долго не зналъ зачѣмъ Вешняковъ его удерживаетъ при себѣ; но когда узналъ о намѣреніи резидента сдѣлать его своимъ „капелляномъ“, то это намѣреніе очень смутило Барскаго. Во 1-хъ, онъ считалъ себя недостойнымъ „такого чина“ и неспособнымъ „къ таковому званію“; во 2-хъ, что это ему послужитъ препятствіемъ къ „безмольному, поученію“; въ 3-хъ, что это не дастъ ему возможности посѣтить нѣкоторыя „изрядныя мѣста и монастыри“; въ 4-хъ, отдалить время возвращенія его въ отечество и, наконецъ сознаніе, что „иноку между мірскими тяжелоно есть жителствовати“. Боголюбивая душа Барскаго стремилась къ наукѣ, неоторвавшейся отъ неба. Когда онъ

узналъ, что въ Кіевскомъ домѣ ихъ поселился какой то ученый, то онъ написалъ изъ Константинополя къ своей престарѣлой матери слѣдующія замѣчательныя строки: „За немалое себѣ причитаю благополучіе, яко въ дворѣ вашемъ на квартири живетъ ученый челоувѣкъ. Идѣже бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума, а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истины, тамо мудрость Божія, тамо добродѣтель, а идѣже добродѣтель, тамо и вся благодать Духа Святаго“. Барскій всѣми силами души стремился изучить исторію челоувѣчества и, при томъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую и, при томъ, исторію жизни не одного только челоувѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божиимъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были идеалы Барскаго. Сообразивъ все вышесказанное нами, станетъ понятнымъ почему Барскій тяготился своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ и обратился къ Вешнякову съ просьбою „отплыть къ Святой Горѣ“. Резидентъ, не имѣя вѣроятно дальнѣйшихъ указаній на счетъ Барскаго, не удерживая его, исполнилъ его просьбу „безъ всякаго прекословія“, а для спокойнаго путешествія снабдилъ его султанскимъ фирманомъ. Въ Маѣ 1744 года, Барскій вступилъ вторично на Святую Гору Аѳонскую. Теперь нашего Барскаго приняли на Аѳонѣ не такъ какъ прежде, но съ „многочратною любовью и почитаніемъ“. Эту перемену самъ Барскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, своимъ знаніемъ Греческаго языка и „сладокъ имъ мнихся быти“, пишетъ онъ, „въ привѣтствіяхъ и разглагоствованияхъ“; во 2-хъ, величіемъ Россіи, отъ которой Греки, наипаче же иноки, чаяли получить избавленіе, и, наконецъ, самъ Барскій въ это время былъ почтенъ

Промовна въша и пате вселюбра браваца мнѣ родителю, цвѣтѣхъ въ подобіи
чужимъ говѣнѣмъ зми престарѣлій зѣтнѣ рѣцѣ, делѣхъ
самъ встанилъ блѣполѣтій, и дожделивнито въ мнѣго
мужзрѣнѣхъ, наипаче же дивило спѣнѣхъ

Листавъ ваиъ? маатрнѣ писанѣхъ зрѣнвиола Павла дубѣнцнскола Погола
лѣта на спѣтацѣло маатрнѣ, полуцихъ въ здравіемъ и радостнѣмъ зъ Пирѣт
Крнстна итнчѣполсѣ зъ Геурѣтѣ рѣсскіеделѣмъ зѣтнѣмъ зъ. Пирѣтѣ Оуѣмъ зѣлодѣрнѣ
бѣа нѣмъ зѣмъ зѣфрнѣзѣмъ абрѣтаецѣмъ, и мнѣ полѣтѣ Самѣло за вѣсѣхъ сохѣа-
ннѣмъ даде и зѣмола възвращѣнѣмъ. зѣпирѣгѣрѣдѣнѣмъ оуѣннѣмъ зѣлодѣ-
нѣло мола бѣсѣта зѣвѣта пачѣмъ и нѣсѣтѣстѣхѣмъ и дивнѣмъ и прнсуствѣхѣмъ, и
делѣтѣмъ зѣмъ зѣупнѣмъ въ зѣтнѣмъ зѣмъ въ прѣтѣмъ цѣслнвнѣмъ дѣмъ въ зѣмнѣмъ и
бѣгѣднѣмъ прѣрнѣтѣмъ. прѣтѣмъ зѣмѣмъ оуѣмъ прнхѣтѣмъ блѣполѣтнѣмъ нѣмъ
въ зѣмѣмъ бнѣмъ на зѣмѣмъ рнѣзѣтѣмъ Оуѣннѣмъ зѣмѣмъ. и дѣрѣмъ зѣмѣмъ,
пачѣмъ прѣсѣвѣнѣмъ Оуѣмъ, и дѣрѣмъ прѣсѣвѣнѣмъ зѣмъ, пачѣмъ познѣнѣмъ и сѣтнѣмъ,
и дѣрѣмъ познѣнѣмъ и сѣтнѣмъ, пачѣмъ мѣдрѣстѣмъ бѣмъ, и дѣрѣмъ мѣдрѣстѣмъ бѣмъ
пачѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ, и дѣрѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ, пачѣмъ и зѣмъ блѣполѣтнѣмъ зѣмъ Самѣло.
зѣмѣмъ зѣмѣмъ изѣмѣтнѣмъ замъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ и нѣмъ скорѣнѣмъ, пачѣмъ и дѣрѣмъ на мѣрѣнѣмъ зѣмѣмъ
зѣмѣмъ прнѣзѣтнѣмъ зѣмѣмъ на спѣтацѣло лѣта, нѣмъ бѣмъмъ смѣтрѣнѣмъ, мнѣ
на зѣмѣмъ мнѣмъ полѣтѣмъ зѣмѣмъ, зѣмъмъ внѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ рнѣзѣтѣмъ нѣмъ зѣмѣмъ рѣмъ
сѣмъмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ на прѣмъмъ зѣмѣмъ, а зѣмъ прнѣзѣтнѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ
зѣмъмъ и прнѣзѣтнѣмъ, зѣмъмъ прѣмъмъ зѣмѣмъ и нѣмъмъ зѣмѣмъ и нѣмъмъ зѣмѣмъ
и зѣмъмъ зѣмѣмъ мѣмъ и блѣполѣтнѣмъ. прѣтѣмъ оуѣмъ зѣмѣмъ болѣмъ зѣмѣмъ нѣмъ
пачѣмъ бѣмъмъ мѣмъ зѣмѣмъ и пачѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъмъ прѣмъмъ зѣмѣмъ. зѣмъмъ
пачѣмъ Павла дубѣнцнскола писанѣмъ зѣмѣмъ мѣмъ зѣмѣмъ нѣмъмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ
мола мѣмъ зѣмѣмъ и прнѣмъмъ прнѣмъмъ зѣмѣмъ, и блѣполѣтнѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ
зѣмъмъ мнѣмъ смѣрѣнѣмъ и зѣмѣмъ зѣмѣмъ писанѣмъ по мѣрѣмъ, зѣмѣмъ зѣмѣмъ
лѣмъмъ мнѣмъ бѣмъмъ, и нѣмъмъ зѣмѣмъ нѣмъмъ зѣмѣмъ прѣмъмъ зѣмѣмъ, оуѣмъ
полѣтнѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ зѣмѣмъ мнѣмъ мнѣмъ. Снѣмъмъ мѣмъ зѣмѣмъ
зѣмъмъ мнѣмъ писанѣмъ мнѣмъ зѣмѣмъмъ прѣмъмъ зѣмѣмъ, зѣмѣмъ зѣмѣмъ

подлокііємъ і дїнь бѣхъ Стану подорсіомъ, а другій въ навістину
бѣхъ лацесіомъ, и бѣхъ пѣхъ прїаіємъ іздѣте мѣхъ прїєлѣтї.
Сїтѣ іздѣтѣ іємъ

З Константинопѣля,
1744 мѣсѣ іюніѣ

Самей родителіей прїєстѣтѣ
старостї покорнѣ Сѣхъ басїлії
встѣхъ вѣхъ ієлѣтї

фирманомъ „отъ Цариграда и грамотою отъ високоблагороднаго господина резидента Алексѣя Андреевиче Вешнякова“. Пользуясь этими благопріятными условіями, Барскій, по выраженію митрополита Евгенія, „любопытство свое простеръ даже до сокровенныхъ монастырскихъ архивовъ“ и своимъ подробнымъ описаніемъ Аѳона, познакомилъ съ богатствомъ историческихъ источниковъ, скрывающихся въ Аѳонскихъ бібліотекахъ.

Описаніемъ своего вторичнаго посѣщенія Аѳона оканчиваетъ Барскій рукопись своихъ странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свою автобіографію. По привычкѣ Барскаго сперва писать краткія замѣтки на мѣстѣ, а потомъ ихъ отдѣлывать и переписывать, слѣдуетъ предполагать, что замѣтки о послѣднихъ 3-хъ годахъ его жизни были имъ оставлены, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Дальнѣйшую жизнь его намъ приходится излагать по его письмамъ и рисункамъ, судя по которымъ Барскій, какъ слѣдуетъ полагать, свои странствованія началъ отъ Салоникъ, откуда сухимъ путемъ прошелъ въ Трикалу и Арту, посѣтивъ по дорогѣ Метеорскіе монастыри. Изъ Арты моремъ перебрался Барскій въ Патрасъ, откуда посѣтилъ Калавритъ. Затѣмъ мы его встрѣчаемъ въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ. Должно думать, что изъ Аѳинъ отправился Барскій на о. Критъ, откуда, въ половинѣ 1746 г., онъ вернулся въ Константинополь, гдѣ нашелъ однакоже весьма неблагопріятную для себя перемѣну.

Мѣсто умершаго 29 Іюля 1745 года ¹ А. А. Вешнякова, занялъ Адрианъ Ивановичъ Неплюевъ, назначенный

¹ Этими свѣдѣніями мы обязаны просвѣщенному вниманію барона Ф. А. Бюлера, который одновременно сообщилъ, что въ реляціяхъ нашихъ Константинопольскихъ резидентовъ, за это время, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ упоминовеній о Барскомъ.

11 Ноября того же года резидентомъ при Портѣ, и передъ которымъ какіе-то „недоброхоты“ успѣли оклеветать Барскаго. При своемъ же оправданіи сей послѣдній произнесъ какія-то „дерзновенныя слова“, за которыя Неплюевъ приказалъ было подѣ „жестокою стражею“, на первомъ отходящемъ кораблѣ, отправить его въ Петербургъ, однако же ему удалось инымъ образомъ покинуть Константинополь. Дошедшіе до насъ письма къ Барскому патріарха Антиохійскаго Сильвестра¹, отчасти объясняютъ причину размолвки Барскаго съ Неплюевымъ. „Мы тебя вразумляемъ, пишетъ патріархъ, чтобъ ты заботился объ обузданіи языка и неразумнаго гнѣва“. Кроме того, въ размолвкѣ игралъ нѣкоторую роль Спандонѣй или Спадонаки, купецъ, уроженецъ Цареградскій, человекъ близкій къ Антиохійской патріархіи и часто посѣщавшій Россію. Самъ Барскій, вообще сдержанный, въ письмѣ къ матери, изъ Бухарешта, отъ 31 Октября 1746 г., не упоминая даже имени Неплюева, весьма глухо говоритъ о постигшихъ его неприятностяхъ: „Извѣщаю, яко многихъ ради случившихся препятій, не могохъ по намѣреніи моему остатися въ Константинополь для исполненія моей нужды. Для того и не хотя отдалихся оттуду и пріѣхамъ съ всею моею тяготу въ землю Мултянскую“. Здѣсь въ Бухарештѣ, Барскій получилъ отъ Префекта Кіево-Подольскихъ школъ Варлаама Лащевскаго письмо, въ которомъ онъ „именами и соизволеніемъ преосвященныхъ архипастревъ, Псковскаго киръ Симона и Кіевскаго киръ Рафаила“, приглашался въ Кіевъ, чтобы тамъ занять кафедру Греческаго языка. Такимъ образомъ, уже близко было

¹ Переводъ греческой переписки Барскаго съ патріархомъ Сильвестромъ крайне обязательно былъ сдѣланъ для насъ профессоромъ В. К. Эрнштедтомъ.

„совершенство“ задушевнаго желанія Барскаго послужить Отечеству своимъ познаніемъ Греческаго языка и исполнить завѣтъ Патмосскаго богослова Макарія. Но Богъ судилъ иначе. Тяжкая болѣзнь задержала Барскаго въ Бухарештѣ и только въ Іюль 1747 г. онъ, „желая живымъ добратся до родины“, поспѣшилъ черезъ Яссы и Могилевъ на Днѣстръ въ Кіевъ, куда прибылъ 5 Сентября того же года и когда, послѣ двадцати четырехъ лѣтняго отсутствія, вступилъ въ родительскій домъ, то его мать въ теченіи цѣлаго часа не могла признать, въ пришедшемъ монахѣ своего сына. „Ни живъ, ни мертвъ“, писалъ самъ Барскій къ Патриарху Сильвестру, „пріѣхалъ я въ Кіевъ и лежу измученный, представляя собою жалкій трупъ, какъ въ Бухарештѣ, и даже хуже. Врачамъ расходую мои деньги на лѣченіе. Больше печали причинила болѣзнь моя роднымъ и друзьямъ, нежели радости о прибытіи моемъ. Высокопреосвященный Кіевскій съ великою радостію и заботливостію принялъ меня, свыше заслугъ моихъ и ожиданія, и отпустилъ меня на покой въ домъ моей матери, пока не вылечусь, а тогда имѣетъ намѣреніе взять меня подъ ярмо послушанія“. „Вы мнѣ запрещаете“, пишетъ онъ далѣе, „пить вино, я нынѣ нахожусь въ такомъ состояніи, что не пользуюсь другою пищею, кромѣ ячневой и рисовой кашицы (тѣорѣа), и при всемъ столь долгомъ воздержаніи, еще не могу поправиться, и съ трудомъ лежа въ постели, начерталъ я настоящее письмо“.

Казалось, задача всей жизни нашего подвижника рѣшилась съ окончаніемъ странствованія и съ возвращеніемъ его на родину. Едва мѣсяць довелось ему прожить въ родительскомъ домѣ... „преставился рабъ Божій монахъ Василій, писатель книги сея, року

1747 мѣсяца октоврня 7 числа въ среду рано“. Такъ гласитъ краткая запись, помѣщенная въ концѣ подлинной рукописи его „Странствованій“.

Кіевъ почтилъ преставляшагося инока Василя торжественнымъ погребеніемъ. Печальный обрядъ былъ совершенъ преосвященнымъ Макаріемъ, Митрополитомъ Оивайдскимъ, въ сослуженіи съ архимандритомъ Братскимъ Сильвестромъ Ласкоронскимъ. Во гробъ съ нимъ положили разрѣшительную грамоту, подписанную Хрисанеомъ патріархомъ Іерусалимскимъ.

Прахъ Барскаго покоится въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ алтаря соборной церкви. Сочувственная ему рука начертала на его надгробномъ камнѣ слѣдующіе стихи.

Того Василя сей покрываетъ камень,
 Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
 И лучъ премудрости снизшедъ къ его уму,
 Святня посѣтитъ мѣста влилъ мысль ему:
 Онъ вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
 Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ край,
 На сушѣ и моряхъ вла много претерпѣлъ,
 И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
 За свято имуть что и Римляне и Греки,
 Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
 Церквей, монастырей и градовъ красоту,
 Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
 Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
 И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ,
 О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
 И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь трудахъ,
 Оставилъ бренныя составы здѣсь тѣлесны;
 А духъ его прешель въ селенія небесны.
 Читатель, ты его слезами прахъ почти,
 И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

ГРОВНИЦА
Василія Григоровича - Барскаго
въ Києві.

Когда надпись эта стала стираться, вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ее отлили на чугунной доскѣ, которую помѣстили на наружной восточной стѣнѣ собора, противъ надгробнаго камня Барскаго.

Въ настоящее время, гробница Барскаго приходитъ въ совершенное разрушеніе, но нетлѣннымъ памятникомъ остались его *Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока*, совершенныя и описанныя имъ, по собственному его свидѣтельству, „ради отпущенія своихъ грѣховъ, и ради пользы же и духовнаго утѣшенія тгущимъ и слышащимъ во славу Святыя, Единосущныя и Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа“.

Собственноручное описаніе Барскимъ его странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, оставалось послѣ его смерти, въ домѣ его матери и у его родныхъ до 1794 г., какъ это видно изъ фамиліныхъ замѣтокъ въ концѣ рукописи, которая впоследствии перешла къ Ивану Никитичу Царскому, а отъ него поступила въ бібліотеку покойнаго графа А. С. Уварова, находящуюся въ с. Порѣчьѣ, Можайскаго у. Московской губ.

Объемъ рукописи, какъ слѣдуетъ полагать, былъ причиною, что до насъ дошло относительно незначительное число списковъ съ оной.

Кромѣ подлинной рукописи намъ извѣстны лишь три списка, принадлежащія: 1) Археографической Коммисіи, 2) Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю и 3) Императорскому Казанскому Университету.

Подлинная рукопись описана П. М. Строевымъ въ его: „Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому, М. 1848, № 601 и 602“. Она in 4°, въ одной книгѣ, вновь пере-

плетенной, и заключаетъ въ себѣ 560 перенумерованныхъ листовъ, въ дѣйствительности же ихъ всего 559, такъ какъ 157 листа не достають. Заглавіе написано рукою П. М. Строева: „Странствованія монаха Василія Григоровича. Рукопись своеручная автора“. Вѣрность мнѣнія П. М. Строева подтверждается сходствомъ почерковъ, которымъ написана рукопись съ сохранившимися подлинными письмами Барскаго. Только первые семь листовъ, а также листы съ 94 по 101, 384, 385, 388, 389 и 423 утрачены и переписаны другою рукою. Въ концѣ книги приложены слѣдующія статьи, писанныя тоже рукою Барскаго:

л. 486. О созданіи Цариграда и о плѣненіи его отъ Турковъ;

л. 490. О мощехъ великаго царя Константина и письма Греческая обрѣтающаяся на гробѣ великаго Константина;

л. 490 об. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія Патріарха;

л. 491 Толкъ литеръ, переведенъ на Словенскій; ¹

л. 492 *Κατάλογος τῶν ἐπισιμοτέρων ἐκκλησιῶν καὶ μοναστηρίων, ὁμοίως καὶ ἐκκλησιῶν οἰκῶν ὅπῃ εὕρισχοντο εἰς τὴν Κωνσταντινῆ-πολιν πρὸ τῆς ἀλώσεως καὶ πρῶτον περὶ τῶν ἀφιεραμένων εἰς τὸν Χριστόν;* ²

л. 496. Разные рисунки и портреты, въ концѣ два листа бѣлые.

¹ Статьи эти съ 466 по 492 стр. почти дословно напечатаны въ книгѣ „Исторія о раззореніи послѣднемъ Святаго града Иерусалима и о взятіи Константинополя, столичнаго града Греческой монархіи, изъ разныхъ авторовъ собранная; противъ перваго изданія девятымъ тисненіемъ напечатана, Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1793 года“, стр. 142—156. Первое изданіе этой книги относится къ 1713 г. — ² Списокъ знаменитѣйшихъ церквей и монастырей, а также и молитвенныхъ домовъ, находившихся въ Константинополѣ до взятія (его). И во-первыхъ о посвященныхъ Христу.

л. 555. Кіевскія лѣтописныя и домашнія замѣтки, писанныя разными руками, съ 1749 до 1794 годъ ¹.

Рисунки, находящіеся въ рукописи и приложенія въ особомъ альбомѣ № 602, описаны ниже.

Списокъ Археографической Коммисіи описанъ мною въ моемъ трудѣ „Рукописи Археографической Коммисіи, Спб. 1882, № 156“. Онъ написанъ скорописью XVIII вѣка, in fol. на 62 нумерованныхъ тетрадахъ, въ которыхъ 986 нумерованныхъ и 13 ненумерованныхъ страницъ (въ дѣйствительности 974 нумерованныхъ и 13 ненумерованныхъ страницъ, такъ какъ изъ 62 тетрадей: 59 состоятъ изъ 8 полулистовъ, 2 тетради изъ 18, 53-ья изъ 6, и 58-ая изъ 10 полулистовъ; кромѣ того въ двухъ мѣстахъ встрѣчается переходъ, по ошибкѣ, нумераціи съ 549 на 560 и съ 752 на 755 стр.), въ кожаномъ переплетѣ и въ одномъ томѣ. Въ началѣ озаглавлена: „Сія книга глаголемая Путникъ“. Рукопись принесена въ даръ Археографической Коммисіи корреспондентомъ ея Л. А. Артамоновымъ въ 1874 году. На первой ея страницѣ написано: „Жертвованіе въ монастырь преподобнаго Іоны Клеменскаго монастыря ², отцу игумену Ираклію въ знакъ 38 лѣтней дружбы, 1872 года. Даръ купца Анемподиста Тиханова Селянова“. На стр. 5—11, 15—35 скрѣпа по листамъ другою рукою: „Сія книга Клеменскаго монастыря подарена С.-Петербуржскимъ купцомъ Анемподистомъ Тихановымъ Селяновымъ“. Въ концѣ текста тою же рукою, какою написана вся рукопись, помѣщена слѣдующая замѣтка. „Преставился рабъ Божій Василій монахъ, иже потрудился въ путешествіи семь и въ писаніи книги сея року

¹ Часть этихъ замѣтокъ напечатана О. Г. Лебединцевымъ, въ „Кіевской Старинѣ“ Апрель, 1834, стр. 688—690. — ² Николаевскій Климецкій монастырь находится на островѣ Онежскаго озера.

1747, мѣсяца Октоврія 7 числа, въ среду, рано, по пяти недѣляхъ прибытія своего въ Кіевъ“. Подъ симъ другою рукою написано „1778“. Такъ какъ это годъ перваго печатнаго изданія Барскаго, то нельзя опредѣлить, хотѣлъ ли писатель этимъ годомъ отмѣтить время написанія рукописи, или изданія путешествія. Послѣ сего на 19 нумерованныхъ страницахъ идетъ оглавленіе „знаменитѣйшихъ вещей, яже обрѣтаются въ сей путешестввенной книгѣ, означенни красными знаками на поляхъ“. Рукопись вся написана четко и одною рукою и заключаетъ описаніе всего путешествія Барскаго, но безъ рисунковъ.

Списокъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря ¹. Рукопись состоитъ изъ двухъ книгъ in 4°. Въ 1-й книгѣ 389 писанныхъ и 11 бѣлыхъ листовъ, во 2-й 409 писанныхъ и 1 бѣлый листъ. Писана скорописью. Первая книга писана однимъ почеркомъ, вторая разными. Почеркъ первой старше. На оборотѣ переплета 1-й книги написано: „Изъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря. Библіотекаръ іеромонахъ Серафимъ ². 1838. Генваря 23“, на слѣдующемъ бѣломъ листѣ: „№ 1741. Изъ числа книгъ Библіотеки Кіево-Златоверхо-Михайловскаго первокласнаго монастыря 1862 г. Августа 2“. Эта вторая надпись повторена и во 2-й книгѣ. Рукопись неполная. Въ ней не достаеъ описанія слѣдующихъ Сирійскихъ монастырей, посѣщенныхъ Барскимъ въ 1728 году: Белемента, Натура, Нурія, Кофунна, Хантура и начала монастыря св. Антонія въ Ливанѣ.

Списокъ Императорскаго Казанскаго Университета по составленному А. И. Артемьевымъ „Описанію рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета, № 1561“, заключаетъ въ

¹ Описанъ мною во время бытности моеи въ Кіевѣ, осенью 1880 года.—

² Нынѣ Архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

себѣ двѣ книги, in fol. Въ первой 93 листа (кромѣ рисунковъ), во 2-й 276 листовъ писанныхъ и четыре въ концѣ бѣлыхъ, только на послѣднемъ сверху написано: „Сем. полку 10 руб. капраль Акуловъ“. На первомъ бѣломъ листѣ книги 1-й, рукою бывшаго бібліотекаря Кондырева написано: „Пѣшеходца Василя Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе по Св. Мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпринятое 1723 и оконченное 1747 года имъ самимъ писанное“. Далѣе: „Книга сія была потомъ напечатана на издвеніи князя Г. А. Потемкина 1778 въ Спб. Книга первая“. Другою рукою написано: „Въ сей книгѣ находится десять листовъ съ изображеніями“. Вся первая книга написана однимъ почеркомъ, сначала довольно мелко, но съ 27 листа нѣсколько крупнѣе и разгонистѣе. Въ этой книгѣ содержится описаніе путешествія отъ Кіева до Іерусалима. На первомъ бѣломъ листѣ книги второй, рукою Кондырева написано „Книга вторая“. Эта книга писана разными почерками и притомъ со многими описками, пропусками, поправками на поляхъ и между строкъ. На поляхъ этой рукописи вездѣ остались типографскія отмѣтки, означающія переносъ набора на другой листъ. Въ этой книгѣ есть нѣкоторыя поправки, сдѣланныя рукою Рубана и она писана позднѣе первой. Она заключаетъ въ себѣ только описаніе Кипра и Аеона. Такимъ образомъ Казанскій списокъ неполонъ. Въ немъ недостаетъ: описанія острововъ Средиземнаго моря, Палестины, Сиріи и Синайской горы, посѣщенныхъ Барскимъ въ теченіе 1726—1734 годовъ. Въ концѣ второй книги приложены слѣдующія статьи:

л. 268. О созданіи Цариградѣ и о плѣненіи его отъ Турокъ;

л. 271. О мощахъ великаго Царя Константина;

л. 272. Писмена Греческая, обрѣтшаяся на гробѣ великаго Константина. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія патріарха. На оборотѣ: Толкъ литеръ, переведенъ на Славянскій. Описаніе Константинополя, заключающее въ себѣ собственно перечисленіе церквей, находившихся тамъ до завоеванія его Турками. Всѣ эти статьи находятся въ подлинной рукописи Барскаго.

л. 276 об. Описаніе города Солуня.

Въ обѣихъ послѣднихъ рукописяхъ находятся рисунки, сдѣланные перомъ и тушью.

Кромѣ исчисленныхъ списковъ, въ библіотекѣ Н. П. Дурова хранился рукописный отрывокъ путешествія Барскаго, заключающій начало его странствованій, гдѣ онъ нынѣ находится—намъ неизвѣстно.

Дополненіемъ къ рукописи Барскаго служатъ сдѣланные имъ перомъ рисунки, сохранившіеся въ собственноручной его рукописи и въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ Одесскому обществу исторіи и древностей. Этотъ альбомъ, какъ видно, тотъ же, на который ссылается Рубанъ въ своемъ изданіи и который въ его время принадлежалъ Архіерейской Псковской библіотекѣ. По всей вѣроятности, онъ былъ присланъ самимъ Барскимъ въ подарокъ Симону Тодорскому, въ то время Архіепископу Псковскому, послѣ котораго онъ поступилъ въ Архіерейскую библіотеку. Въ Одесское общество исторіи и древностей альбомъ этотъ былъ пожертвованъ Гавріиломъ Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, которому какъ онъ достался неизвѣстно. Можно предполагать, что изъ Пскова альбомъ этотъ попалъ вмѣстѣ съ бумагами князя Г. А. Потемкина въ Екатеринославъ, гдѣ Преосвященный Гавріилъ былъ съ 1828 по 1837 г. Архіепископомъ.

Кромѣ того, въ обоихъ спискахъ Кіевскомъ и Казанскомъ сохранились копіи нѣкоторыхъ изъ подлинныхъ, до насъ не дошедшихъ, рисунковъ Барскаго.

Представляя списокъ всѣхъ рисунковъ Барскаго, считаемъ долгомъ оговорить, что при каждомъ изъ нихъ, мы нашли необходимымъ подробно отмѣтить, сохранился ли онъ въ подлинникѣ или въ копіи, и гдѣ именно, а также длину и ширину рисунка въ дюймахъ, принимая въ основаніе только самый рисунокъ,¹ при чемъ въ этомъ перечнѣ рисунковъ мы употребляемъ слѣдующія сокращенія обозначающія:

подл. — подлинникъ.

коп. — копія.

дл. — длина, считая сверху внизъ рисунка.

шир. — ширина, считая отъ лѣвой къ правой сторонѣ.

У. — Уваровскій списокъ или подлинная рукопись.

О. — альбомъ Одесскаго общества исторіи и древностей.

З. — списокъ Кіевского Михайловскаго Златоверхаго монастыря.

К. — списокъ Казанскаго Университета.

М. — списокъ Ѳ. Мочульскаго.

П. — альбомъ Архіерейской Псковской бібліотеки.

БК. — списокъ Бантышъ-Каменскаго.

Послѣдніе три упоминаются въ изданіи Рубана.

Кромѣ того *курсивомъ* обозначено изъ какого именно списка заимствованъ рисунокъ для настоящаго изданія.

1. Цистерна 1001 колонны въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 5; М. № 7; дл. 7, шир. 12,4.

2. Обелискъ Θεодосія въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 8; дл. 10,2, шир. 2,7.

¹ Показаніе это, тѣмъ болѣе необходимо, что мы, по требованію изданія, принуждены были уменьшить размѣръ нѣкоторыхъ рисунковъ.

3. Змѣнная колонна въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 9; дл. 6, шир. 1,8.

4. Колонна Константина въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 10; дл. 10, шир. 1,7.

Рисунки №№ 2, 3 и 4 какъ въ подлинникѣ, такъ и въ копіи помѣщены на одной страницѣ. Верхъ рисунковъ №№ 1—4 въ подлинникѣ оторванъ.

5. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 19; коп. въ К. стр. 10; М. № 11; дл. 3,9, шир. 7,1.

6. Видъ монастыря (безъ названія, но какъ видно обратная сторона предъидущаго вида), подл. въ У. стр. 19; коп., въ К. стр. 10 обор; М. № 12; дл. 5, шир. 4,4.

7. Видъ (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (1); коп. въ К. стр. 93; М. № 13; дл. 12,3 шир. 8.

8. Видъ монастыря (безъ названія съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (2); коп. въ К. стр. 93; М. № 14; дл. 6,2, шир. 8,4.

9. Видъ монастыря Св. Варнавы, подл. въ У. стр. 122 (3); коп. К. стр. 93; М. № 15; дл. 5,9, шир. 8,2.

10. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (4); коп. въ К. стр. 93; М. № 16; дл. 5,1 шир. 7,8.

11. Развалины храма Геры на о. Самосѣ, подл. въ У. стр. 122 (4 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 17; дл. 5,3, шир. 7,8.

12. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (5); коп. въ К. стр. 93; М. № 18; дл. 5,6, шир. 7,9.

13. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (5 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 23; дл. 1,8, шир. 3,5.

14. Монастырь Св. Георгія Ригатись, подл. въ У. стр. 122 (6); коп. въ К. стр. 93; М. № 19; дл. 5,4, шир. 7,8.

15. Монастырь Лакатомійскій Св. Архангеловъ, подл. въ У. стр. 122 (7); коп. въ К. стр. 93; М. № 20; дл. 5,4, шир. 8.

16. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (8); коп. въ К. стр. 93; М. № 21; дл. 5,7, шир. 7,8.

17. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (9); коп. въ К. стр. 93; М. № 22; дл. 12,7, шир. 25,6.

18. Монастырь Св. Троицы, подл. въ У. стр. 122 (10); коп. въ К. стр. 1; М. № 1; дл. 6,2, шир. 8,4.

19. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (11 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 2; дл. 6, шир. 8,6.

20. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (12); коп. въ К. стр. 1; М. № 3; дл. 4,2, шир. 7.

21. Видъ города (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (12 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 4; дл. 5,5, шир. 8,4.

22. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (13); коп. въ К. стр. 1; М. № 5; дл. 6, шир. 8,2.

23. Яффа, подл. въ У. стр. 129; коп. въ З. стр. 234; М. № 1; БК. № 1; дл. 1,8, шир. 5,6.

24. Домъ Св. Меланіи на Елеонской горѣ, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 268; М. № 2 (1); дл. 2,3 шир. 4,7.

25. Мѣсто вознесенія Христова, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 268; М. № 2 (2); дл. 2,5, шир. 2,2.

Правая сторона рисунковъ №№ 24 и 25 въ подлинникѣ обрѣзана.

26. Вершина Елеонской горы, подл. въ У. стр. 148; коп. въ З. стр. 269; М. № 3; БК. № 2; дл. 1,8, шир. 5,9.

27. Гробница Рахили близъ Виелеема, подл. въ У.

стр. 160; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (2); БК. № 3; дл. 1,3, шир. 2,2.

28. Виаеелемъ, подл. въ У. стр. 161; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (1); БК. № 4; дл. 2,4, шир. 5,4.

29. Домъ Евфрафовъ, подл. въ У. стр. 163; коп. въ З. стр. 299; М. № 6; БК. № 5; дл. 3,3, шир., 5,6.

30. Монастырь Св. Илиі близъ Іерусалима, подл. въ У. стр. 166; коп. въ З. стр. 303; М. № 7; БК. № 6; дл. 3,2, шир. 5,2.

31. Іорданъ, подл. въ У. стр. 169; коп. въ З. стр. 308; М. № 8; БК. № 7; дл. 6,1 шир. 1,8.

32. Горная, подл. въ У. стр. 171; коп. въ З. стр. 312; М. № 9; БК. № 8; дл. 2,1, шир. 6,2.

33. Монастырь Св. Креста на о. Кипръ, подл. въ У. стр. 175 (1); коп. въ З. стр. 330; М. № 14; дл. 6,1, шир. 8.

34. Храмъ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, подл. въ У. стр. 175 (2); коп. въ М. № 10; дл. 4,5, шир. 8,1.

35. Назаретъ, подл. въ У. стр. 175 (3); коп. въ М. № 22; БК. № 21 (1); дл. 3,8, шир. 8,1.

36. Тиверіадское озеро, подл. въ У. стр. 175 (4); коп. въ М. № 23; БК. № 21 (2); дл. 4,8, шир. 8,1.

37. Левкосія, подл. въ У. стр. 178; коп. въ З. стр. 324; М. № 11; БК. № 9; дл. 3, шир. 6,1.

38. Аликесъ и Ларнака, подл. въ У. стр. 178; коп. въ М. № 12; БК. № 10 и 12; дл. 3,1, шир. 6,4.

39. Монастырь Св. Маманта, подл. въ У. стр. 181; коп. въ З. стр. 329; М. № 13; БК. № 11; дл. 3,1, шир. 4,6.

40. Монастырь Св. Креста на о. Кипръ (тоже что № 33, только съ другой стороны), подл. въ У. стр. 182; коп. въ М. № 4; дл. 5,5, шир. 6,1.

41. Рахитъ, подл. въ У. стр. 183; коп. въ З. стр. 332; М. № 15; ВК. № 13; дл. 5,4, шир. 6.

42. Колодезь Іосифа въ Капрѣ, подл. въ У. стр. 190; коп. въ З. стр. 343; М. № 16; ВК. № 14; дл. 5,6, шир. 2,8.

43. Источники Моисея близъ Суэца, подл. въ У. стр. 193; коп. въ З. стр. 348; М. № 17; ВК. № 15; дл. 1,8, шир. 5,3.

44. Церковь Св. Георгія близъ Бейрута, подл. въ У. стр. 209; коп. въ З. стр. 382; М. № 18; ВК. № 16; дл. 2,5, шир. 3,5.

45. Кедры Ливанскіе, подл. въ У. стр. 217; дл. 1,7, шир. 1,4.

46. Горы Ливанскія, подл. въ У. стр. 218; коп. въ М. № 19; ВК. № 17; дл. 3,2, шир. 6,2.

47. Мѣсто сокрытія Св. Варвары въ Балбекѣ, подл. въ У. стр. 220; коп. въ М. № 20 (1); ВК. № 18 (1); дл. 0,9, шир. 1.

48. Мѣсто усѣченія главы Св. Іуліаніи въ Балбекѣ, подл. въ У. стр. 220; коп. въ М. № 20 (2); ВК. № 18 (2); дл. 0,6, шир. 2.

49. Большой камень въ Іліополисѣ, подл. въ У. стр. 220; дл. 0,6, шир. 2,8.

50. Церковь Св. Варвары въ Іліополисѣ, подл. въ У. стр. 220; дл. 1, шир. 1,8.

51. Монастырь Св. Моисея Мурина, подл. въ У. стр. 228; коп. въ ВК. № 19; дл. 3, шир. 5,1.

52. Гробница Св. мученика Іуліана, подл. въ У. стр. 230 (1); коп. въ М. № 21; ВК. № 20; дл. 1,9, шир. 5,4.

53. Монастырь Св. Георгія въ Орфѣ, подл. въ У. стр. 230 (2); дл. 4,2, шир. 7.

54. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 230 (3); дл. 1,9, шир. 4,4.

XLVIII

55. Гора Кармилъ, подл. въ У. стр. 240; коп. въ М. № 24; БК. № 22; дл. 1,4, шир. 5,3.

56. Фамагустъ, подл. въ У. стр. 242; коп. въ М. № 25; БК. № 23; дл. 3,3, шир. 5,2.

57. Александрія, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. № 26; БК. № 24; дл. 5,2, шир. 7,9.

58. Столбъ Помпеевъ, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. № 27 (1); БК. № 25 (1); дл. 7, шир. 2,1.

59. Игла Клеопатры, подл. въ У. стр. 244; коп. въ М. №. 27 (2); БК. № 25 (2); дл. 7, шир. 1,3.

Рисунки №№ 58 и 59 помѣщены въ подлинникѣ на одной страницѣ.

60. Иппократовъ платанъ на о. Косъ, подл. въ У. стр. 249; коп. въ М. № 28; дл. 3,6, шир. 5,7.

61. Леросскіе сосуды, подл. въ У. стр. 251; дл. 1,5 шир. 0,7.

62. Островъ Патмосъ, подл. въ У. стр. 252; коп. въ М. № 29; БК. № 26; дл. 4,6, шир. 8,1.

63. Храмъ въ монастырѣ Св. Іоанна Богослова на о. Патмосъ, подл. въ У. стр. 254; коп. въ М. № 30; БК. № 37; дл. 1,9, шир. 1,9.

64. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внѣшній видъ), подл. въ У. стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1.

65. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внутренній видъ), подл. въ У. стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1,7.

66. Саркофагъ въ Изрѣ, подл. въ У. стр. 269; коп. въ М. № 32; БК. № 29; дл. 1,2, шир. 4,5.

67. Развалины алтаря Аѳанасія Зинодора, подл. въ У. стр. 270; коп. въ М. № 33; БК. № 30; дл. 2,1, шир. 3,2.

68. Монастырь Св. Антонія, подл. въ У. стр. 275; коп. въ К. II ч. стр. 1; М. № 1; дл. 8,2, шир. 12,7.

69. Монастырь Сейдная близъ Дамаска, подл. въ У. стр. 280; коп. въ К. II ч. стр. 7; М. № 3; дл. 5,5, шир. 8,4.

70. Армянскій монастырь Св. Иакова, подл. въ У. стр. 281; коп. въ К. II ч. стр. 6; М. № 2; дл. 3,7, шир. 7,2.

71. Ковчегъ съ главою Св. апостола Филиппа, подл. въ У. стр. 292 (1); коп. въ БК. № 31 (1); дл. 1,8, шир. 1,2.

72. Кость локтя Св. апостола Филиппа, подл. въ У. стр. 292 (2); коп. въ БК. № 31 (2); дл. 0,4, шир. 3,5.

73. Миры Ликійскія; подл. въ У. стр. 312; коп. въ К. II ч. стр. 49; М. № 4; дл. 2,5 шир. 6,1.

74. Крестильница Св. Иоанна Богослова; подл. въ У. стр. 324; коп. въ БК. № 32; дл. 0,5, шир. 0,9.

75. Врата Ефесскія, подл. въ У. стр. 324; коп. въ К. II ч. стр. 63; М. № 5; БК. № 33; дл. 1,7, шир. 1,8.

76. Желѣзные жезлы Св. Аѳанасія, подл. въ У. стр. 336; коп. въ К. II ч. стр. 271; БК. № 34; дл. 0,7, шир. 4,3.

77. Кадилаьницы въ Аѳонскихъ монастыряхъ; подл. въ У. стр. 356; дл. 0,7, шир. 1,6.

78. Мантиношеніе въ лаврѣ Св. Аѳанасія, подл. въ У. стр. 356; коп. въ М. № 6; дл. 2, шир. 1,4.

79. Планъ монастыря Пантократоръ, подл. въ У. стр. 393; коп. въ К. II ч. стр. 167; М. № 7; дл. 2,2, шир. 2.

80. Портретъ Хрисанеа, патріарха Іерусалимскаго (нарисованъ тушью), подл. въ У. въ концѣ ¹; дл. 6,3 шир. 3.

¹ Въ концѣ подлинной рукописи, кромѣ портрета Хрисанеа, помѣщены еще слѣдующіе портреты, не относящіеся, впрочемъ, до странствованія Барскаго, но которые, по всей вѣроятности, срисованы имъ съ оригиналовъ, когда онъ учился рисованію:

1. Портретъ Эрцгерцога Рудольфа III († 1307), сына Императора Альберта I, дл. 6, шир. 5,1.

L

81. Каиръ, коп. въ *K.* стр. 1, М. № 6; дл. 5, 3, шир. 10,6.

82. Видъ монастыря (безъ названія), коп. въ *K.* П ч. стр. 271; дл. 10,8, шир. 9,3.

Послѣдніе два рисунка №№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ.

83. Трапеза лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *O* въ началѣ, дл. 0,8, шир. 4,8.

84. Чинъ трапезы лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *O.* № 1, стр. 3 об.; П. № 1 (2); дл. 10,8, шир. 8,5.

85. Чинъ церковный лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *O* № 1, стр. 3; П. № 1 (3); дл. 7,8, шир. 7,7.

86. Монастырь Каракалъ, подл. въ *O.* № 2, стр. 4; П. № 2; дл. 7,8, шир. 15.

87. Монастырь Филофей, подл. въ *O.* № 3, стр. 5; П. № 3; дл. 7,9, шир. 12,5.

88. Монастырь Иверскій, подл. въ *O.* № 4, стр. 6; П. № 4; дл. 8,2, шир. 14,8.

89. Монастырь Котломушь, подл. въ *O.* № 5, стр. 7; П. № 5; дл. 8,9, шир. 14,6.

90. Монастырь Ставроникита, подл. въ *O.* № 6, стр. 8; П. № 6; дл. 7,8, шир. 12,3.

91. Монастырь Пантократоръ, подл. въ *O.* № 7, стр. 9; П. № 7; дл. 7,8, шир. 12,2.

92. Монастырь Есфимень, подл. въ *O.* № 9, стр. 10; П. № 9; дл. 9,2, шир. 14,2.

2. Портретъ Андрея (Кардинала † 1600 г.), сына Эрцгерцога Фердинанда II, дл. 6,1, шир. 5,1.

3. Портретъ Алберта II († 1397 г.), основателя Вѣнскаго университета, сына Алберта I, дл. 5,9, шир. 5.

4. Портретъ Леопольда IV Гордаго († 1411 г.), сына Леопольда III, дл. 6, шир. 4,9.

Всѣ эти портреты членовъ Габсбургскаго дома нарисованы тушью.

Кромѣ того на 52 листахъ той же рукописи помѣщены разные рисунки.

93. Водосвятельница Ватопедскаго монастыря, подл. въ *О.* № 9, стр. 11; *П.* № 8 (3); дл. 6,9, шир. 7,9.
94. Монастырь Зографъ, подл. въ *О.* № 11, стр. 12. *П.* № 11; дл. 9,2, шир. 14,6.
95. Монастырь Костамонитъ, подл. въ *О.* № 12, стр. 13; *П.* № 12; дл. 8,5, шир. 13,1.
96. Монастырь Дохиаръ, подл. въ *О.* № 13, стр. 14; *П.* № 13; дл. 9,2, шир. 14,7.
97. Монастырь Ксенофъ, подл. въ *О.* № 14, стр. 15; *П.* № 14; дл. 7,6, шир. 12,4.
98. Монастырь Русскій Св. Пантелеймона, подл. въ *О.* № 15, стр. 16; *П.* № 15; дл. 7,7, шир. 12,5.
99. Монастырь Ксиропотамъ, подл. въ *О.* № 16, стр. 17; *П.* № 16; дл. 11,3, шир. 15,5.
100. Монастырь Симонетра, подл. въ *О.* № 17 стр. 18; *П.* № 17; дл. 14,1, шир. 9,5.
101. Монастырь Григоріатъ, подл. въ *О.* № 18, стр. 19; *П.* № 18; дл. 8, шир. 12,4.
102. Монастырь Діонисіатъ, подл. въ *О.* № 19, стр. 20; *П.* № 19; дл. 9,6, шир. 14,1.
103. Монастырь Св. Павла, подл. въ *О.* № 20, стр. 21 коп. въ *М.* № 8; *П.* № 20; дл. 15, шир. 11,3.
104. Монастырь Преображенскій, подл. въ *О.* № 2, стр. 22; *П.* № 2; дл. 13,9, шир. 12,4.
105. Монастырь Спасскій Русанъ, подл. въ *О.* № 3, стр. 23; *П.* № 3; дл. 11,3, шир. 7,9.
106. Монастырь Спасскій Дузскій, подл. въ *О.* № 4, стр. 24; *П.* № 4; дл. 9,2, шир. 13,9.
107. Монастырь Троицкій, подл. въ *О.* № 5, стр. 25; *П.* № 5; дл. 12,3, шир. 9,4.
108. Врата монастыря Аркадія на о. Критъ, подл. въ *О.* № 6, стр. 26; *П.* № 6; дл. 12,1, шир. 8,3.

109. Монастырь Св. Георгія Азрани на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 7, стр. 27; *П.* № 7; дл. 8,4, шир. 13,3.

110. Монастырь Спасскій Флампурии въ горахъ Дмитріадскихъ или Загури, подл. въ *О.* № 9, стр. 28; *П.* № 9; дл. 9,3, шир. 13,9.

111. Церковь Успенія въ Аѣинахъ, подл. въ *О.* № 10, стр. 29; *П.* № 10; дл. 4,5, шир. 10,3.

112. Монастырь Введенскій близъ Аѣинъ, подл. въ *О.* № 11, стр. 30; *П.* № 11; дл. 7,3, шир. 11,2.

113. Островъ Санторинъ, подл. въ *О.* № 12, стр. 31; *П.* № 12; дл. 8,5, шир. 13,3.

114. Монастырь Благовѣщенскій на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 13, стр. 32; *П.* № 13; дл. 9,2, шир. 13,9.

115. Изображеніе иконостаса (безъ названія), подл. въ *О.* стр. 32 об.; дл. 3,9, шир. 12,7.

116. Метеорскіе монастыри, подл. въ *О.* № 14, стр. 33; *П.* № 14; дл. 12,4, шир. 18,8.

117. Церковь Св. Георгія въ Аѣинахъ, подл. въ *О.* № 16, стр. 34; *П.* № 15; дл. 5,5, шир. 11,3.

118. Монастырь Св. Георгія Апаностенфи на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 15, стр. 35; *П.* № 16; дл. 8,8, шир. 19,5.

119. Пещера Св. Іоанна Крестителя, подл. въ *О.* № 17, стр. 36; дл. 3,1, шир. 6,6.

120. Гробницы Авессалома и пророка Захаріи, подл. въ *О.* № 17, стр. 36; *П.* № 17; дл. 4,1, шир. 7,3.

Рисунки №№ 119 и 120 находятся въ подлинникѣ на одной страницѣ.

121. Монастырь Троицкій Акротиръ на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 18, стр. 37; *П.* № 18; дл. 12,1, шир. 17,3.

122. Монастырь Успенскій Пендели близъ Аѣинъ, подл. въ *О.* № 19, стр. 38; *П.* № 19; дл. 12,4, шир. 17.

123. Монастырь Св. Архангеловъ въ Пелопонезѣ, подл. въ *О.* № 20, стр. 39; *П.* № 20; дл. 10,9, шир. 15,2.

124. Монастырь Св. Варлаама, подл. въ *О.* № 21, стр. 40; *П.* № 21; дл. 13,9, шир. 9,4.

125. Монастырь Никольскій и скитъ Предтеченскій, подл. въ *О.* № 24, стр. 41; *П.* № 24; дл. 11,3, шир. 7,9.

126. Монастырь Успенскій, великая пещера близъ Калавриты, подл. въ *О.* № 25, стр. 42; *П.* № 25; дл. 7,5, шир. 11,4.

127. Водосвятильница Иверскаго монастыря, подл. въ *О.* № 26, стр. 43; *П.* № 26; дл. 7,6, шир. 5,7.

128. Гробница Св. Евангелиста Луки въ Ойвахъ, подл. въ *О.* № 27, стр. 44; *П.* № 27; дл. 3,2, шир. 7,8.

129. Внутренность храма Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 28, стр. 45; *П.* № 28; дл. 6,2, шир. 8,5.

130. Монастырь Успенскій на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 29, стр. 46; *П.* № 29; дл. 7,9, шир. 11,4.

131. Монастырь Св. Стефана, подл. въ *О.* № 30, стр. 47; *П.* № 30; дл. 10,4, шир. 8,7.

132. Гробъ Господень, подл. въ *О.* № 31, стр. 48; *П.* № 31; дл. 7,1, шир. 6,3.

133. Монастырь Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* № 32, стр. 49; *П.* № 32; дл. 6,9, шир. 9,4.

134. Планъ церкви Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* стр. 49 об.; дл. 4, шир. 2,5.

135. Монастырь Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 33, стр. 50; *П.* № 33; дл. 9, шир. 17,7.

136. Крестъ Ксиропотамскаго монастыря, подл. въ *О.* № 34, стр. 51; *П.* № 34; дл. 11,3, шир. 5,4.

137. Монастырь Живоноснаго источника на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 35, стр. 52; *П.* № 35; дл. 8,1, шир. 12,4.

Кромѣ этихъ вышеприведенныхъ рисунковъ, Рубанъ

перечисляетъ еще слѣдующіе, существовавшіе въ его время и до насъ не дошедшіе.

138. Лавра Св. Аѳанасія, въ П. № 1 (1).

139. Монастырь Ватопедь, въ П. № 8 (1).

140. Помость Ветопедской церкви, въ П. № 8 (2).

141. Монастырь Хиландарь, въ П. № 10 (1).

142. Мѣра Хиландарскаго креста, въ П. № 10 (2).

143. Карта Александрійской патриархіи, въ П. № 1.

144. Монастырь Богородицы на о. Аморгосѣ, въ П. № 8.

145. Монастырь Преображенскій Аркадія на о. Критѣ, въ П. № 22.

146. Мраморный фонтанъ при монастырѣ Св. Антонія, въ П. № 23.

147. Разныя вещи и храмъ Св. Софіи въ Царьградѣ, въ П. № 36.

148. Греческія монеты, въ П. № 37.

Такимъ образомъ, изъ 148 рисунковъ, оставленныхъ Барскимъ, какъ дополненіе къ описанію его странствованій, 2—№№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ и 11—№№ 138—148 затеряны, если только по ближайшему изслѣдованію, они не отыщутся въ числѣ поименованныхъ выше рисунковъ безъ названій.

Кромѣ рисунковъ, какъ наслѣдство отъ Барскаго, до насъ дошли 12 его писемъ, сохранившіеся въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ также графу А. С. Уварову, а именно:

1. отъ 1723г. Августа 24, къ отцу.

2. „ 1733 „ Августа 1, изъ Дамаска, къ родителямъ.

3. „ 1733 „ Августа(?), изъ Дамаска, къ родителямъ.

4. „ 1740 „ Августа 31, изъ Патмоса, къ родителямъ.

5. „ 1741 „ Апрѣля 21, изъ Патмоса, къ брату.

6. „ 1742 „ Января 25, изъ Патмоса, къ матери.

7. отъ 1742 г. Марта 12, изъ Патмоса, къ брату.
8. „ 1742 „ Мая 13, изъ Патмоса, къ брату.
9. „ 1744 „ Января 11, изъ Царьграда, къ брату.
10. „ 1744 „ Юня (безъ означенія числа) изъ Царьграда, къ матери.
11. „ 1744 „ Юня (безъ означенія числа), изъ Царьграда, къ брату.
12. „ 1746 „ Октября 31, изъ Букарешта, къ матери.

Всѣ эти письма были уже напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1874 г. № 9, стр. 514—532.

Наконецъ, въ томъ же альбомѣ сохранились слѣдующіе, касающіеся Барскаго, документы:

1—5. Пять писемъ Иеромонаха Константина Политанскаго къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 15 Октября 1740 г., 12 Мая 1741 г., начала 1742 г. безъ числа, 28 Мая и 5 Юня 1742 г.

6. Отрывки праздничныхъ евангелій на арабскомъ языкѣ, съ русскою сверху транскрипціей, а именно:

а) На Воскресеніе Свѣтлой Пасхи—отъ Іоанна, гл. I, ст. 1—17.

б) На вечерни перваго дня Пасхи — отъ Іоанна, гл. XX, ст. 19—25.

в) На обѣднѣ въ Рождество Христово—отъ Маттея, гл. II, ст. 1—12.

г) На обѣднѣ въ Богоявленіе—отъ Маттея, гл. III, ст. 13—17.

7. Свидѣтельство Филарета игумена Креховской обители, отъ 24 Апрѣля 1724 г.

8. Грамата Львовскаго архіепископа Іоанна Скарбека, отъ 27 Апрѣля 1724 г.

9. Грамата Агрскаго (Эрлаускаго) епископа Георгія Фоглара, отъ 29 Мая 1724 г.

10. Паспортъ Франциска Донато, Венеціанскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, отъ 13 Юня 1724 г.

11. Паспортъ графа Льва де-Пейри, въ Неаполѣ, отъ 29 Августа 1724 г.

12. Грамата Винцентія Аламанни, Папскаго нунція въ Неаполѣ, 29 Августа 1724 г.

13. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, на арабскомъ языкѣ, отъ 5 Мая 1734 г.

14. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, данная Барскому, безъ означенія года и числа.

15. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Адріанополя отъ 6 Апрѣля 1744 г.

16. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Константинополя, отъ Мая (послѣ 9) 1744 г.

17. Свидѣтельство Дамаскина, игумена Ксиропотамскаго монастыря, данная Барскому, отъ 2 Ноября 1744 г., на оборотѣ переводъ ея на Русскій языкъ.

18. Письмо Виссаріона, ризничаго Иверскаго монастыря къ Барскому, отъ 18 Ноября 1744 г.

19. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Бухарешта, отъ 14 Августа 1747 г.

20. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Кіева, отъ Сентября (послѣ 8) 1747 г.

Сличая эти подлинныя документы съ помѣщенными въ изданіи Рубана, мы увидимъ, что семь изъ нихъ, а именно: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14 и 17 были извѣстны Рубану и помѣщены имъ въ переводѣ, какъ приложение къ его изданію, остальные тринадцать были ему неизвѣстны. Въ свою очередь, Рубанъ помѣстилъ слѣдующіе 28 документовъ, которые въ подлинникѣ до насъ не дошли и сохранились только въ его изданіи.

21. Грамата Иеронима Грималди, Папскаго нунція въ Вѣнѣ, отъ 19 Юня 1724 г.

22. Паспортъ, выданный Барскому, въ Барлеттѣ, отъ 5 Августа 1724 г.

23. Грамата Кардинала Чіенфугоса, въ Римѣ, отъ 13 Сентября 1724 г.

24. Грамата Кардинала Албанскаго, въ Римѣ, отъ 15 Сентября 1724 г.

25. Свидѣтельство Спиридона Караса, Священника Греческой Георгіевской церкви, въ Венеціи, отъ 15 Октября 1724 г.

26. Свидѣтельство Священника Греческой Георгіевской церкви, выданное Архимандриту Рувиму и Барскому, въ Венеціи 2 Марта 1725 г.

27. Грамата Іоаннікія Архіепископа Синайскаго, въ Каирѣ, 1 Мая 1728 г.

28. Письмо А. А. Вешнякова къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

29. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополь, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

30. Султанскій фирманъ, на проѣздъ Барскаго съ о. Патмоса въ Константинополь, отъ Апрѣля 1743 г.

31. Султанскій фирманъ, для проѣзда Барскаго на Афонъ, отъ Апрѣля 1744 г.

32. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополь, отъ 4 Іюня 1744 г.

33. Свидѣтельство Кирилла, проигумена Ватопедскаго, отъ 1744 г.

34. Грамата патриарха Александрійскаго Матѳея, данная Барскому, въ Бухарештѣ, отъ Февраля 1747 г.

Харачи (Турецкія свидѣтельства) выданныя:

35. Въ Сакизѣ, 1139 (1725) г. желтаго цвѣта.

36. Въ Кутчеримѣ или Іерусалимѣ, 1140 (1726) г. розоваго цвѣта.

37. Въ Кипрѣ, 1141 (1727) г. бѣлаго цвѣта.

38. Въ Іерусалимѣ, 1142 (1728) г. желтаго цвѣта.
39. Въ Іерусалимѣ, 1143 (1729) г. кирпичнаго цвѣта.
40. Въ Дамаскѣ, 1144 (1730) г. розоваго цвѣта.
41. Въ Сакизѣ, 1145 (1731) г. бѣлаго цвѣта.
42. Въ Дамаскѣ, 1146 (1732) г. желтаго цвѣта.
43. Въ Дамаскѣ, 1147 (1733) г. темнобѣлаго цвѣта.
44. Въ Кипрѣ, 1148 (1734) г. свѣтлобѣлаго цвѣта.
45. Въ Кипрѣ, 1149 (1735) г. розоваго цвѣта.
46. Въ Кипрѣ, 1150 (1736) г. желтаго цвѣта.
47. Въ Патмосѣ, 1157 (1743) г. розоваго цвѣта.
48. Въ Македоніи, 1158 (1744) г. желтаго цвѣта.

Первая мысль объ изданіи въ свѣтъ странствованій Барскаго принадлежала архіепископу Псковскому Симону Тодорскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ этою рукописью своего земляка графа А. Г. Разумовскаго. Но кончина Преосвященнаго въ 1754 году, помѣшала исполненію этого намѣренія. Послѣ кончины Преосвященнаго Симона, за это дѣло взялся графъ Разумовскій, который уже сносился объ этомъ предметѣ съ Архіепископомъ Московскимъ Амвросіемъ, прося его прислать для напечатанія исправный списокъ путешествія Барскаго. Но и на сей разъ, за смертью Разумовскаго въ 1771 г., дѣло не состоялось. Только черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Барскаго, на его рукопись обратилъ вниманіе князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, который поручилъ В. Г. Рубану изданіе оной. Рубанъ пользовался для своего изданія слѣдующими тремя рукописями, принадлежавшими тогда: 1. архіепископу Ростовскому Самуилу въ десять безъ рисунковъ, 2. Н. Н. Бантышъ-Каменскому, изъ бібліотеки архіепископа Московскаго Амвросія, въ 4-ую долю, съ нѣкоторыми ри-

сунками ¹ и З. архимандриту Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Θεоктисту Мочульскому, изъ библіотеки митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго, со многими рисунками, въ 3-хъ книгахъ, — въ десять. При этомъ нельзя не замѣтить, что Рубанъ не упоминаетъ о подлинной рукописи Барскаго, которая должна была быть ему извѣстна, такъ какъ онъ находился въ сношеніи съ братомъ Барскаго.

Въ 1778 году вышло 1-е изданіе странствованій Барскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное, нынѣ же на издѣвленіе Его Свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ Василія Григорьевича Рубана. Санктъ-Петербургъ. При Императорской Академіи Наукъ, 1778, in 4°, стр. XII, 796.

„Не безприлично“, пишетъ Рубанъ, „упомянуть объ *отмѣнахъ*, учиненныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при печатаніи сей книги, противъ подлинника, которая читавшіе оригиналь, и съ нимъ сличающіе, могутъ безъ сомнѣнія примѣтить. Отмѣны сіи состоятъ по большей части въ повѣстьяхъ, кои находятся уже въ другихъ Россійскихъ церковныхъ, или гражданскихъ книгахъ, почему здѣсь и исключены, дабы повтореніемъ извѣстныхъ исторій, ни книги, ни читателей, не обременить. Напротивъ того, въ мѣстахъ сдѣланы дополненія изъ различныхъ историческихъ, географическихъ и путеше-

¹ Какъ слѣдуетъ предполагать, приготовленную митрополитомъ Амвросіемъ, по требованію графа А. Г. Разумовскаго.

ственныхъ книгъ“. Чтобы наглядно представить отношенія Рубана къ подлиннику, мы считаемъ долгомъ привести нѣсколько отрывковъ.

У *Рубана* по изданію 1778 г.

Стр. 494. „И абіе присла (Резидентъ Вешняковъ) ко мнѣ на брегъ Россійскаго студента Василя Стефанова сына Рубанова и съ нимъ одного янычара“.

Стр. 498. Нынѣ же для любопытства твоего читателю, сообщаю выписки учиненныя мною изъ разныхъ Греческихъ и другихъ книгъ, содержащихъ роспись Благочестивыхъ Христіанскихъ церквей, бывшихъ въ семь, прославіемъ нѣкогда процвѣтающемъ градѣ, изъ которыхъ до нынѣ весьма немногіе уже оставшася, слыши убо о семь въ кратцѣ.

Стр. 505. Константинополь бысть иногда величайшая и сильнѣйшая столица Восточной, си есть Греческой Монархіи, а Западной, или Римской имперіи сверстница, и есть совершеннымъ междустѣніемъ, или

У *Барскаго* по подлинной рукописи.

Л. 326 об. И абіе присла къ мнѣ на брегъ Турчина ясактѣя при себѣ служаща.

Сего не находится, а сама роспись помѣщена по Гречески и не въ текстѣ, а въ приложеніи л. 492.

Л. 328, 329. Азь часто преѣздахъ обонь ко Цариграду изначала съ провожденіемъ янычара Турчина при дворѣ служащаго, послѣди же и самъ. И ходихъ часто до патриархъ и архіереовъ и учителей ради полезной бе-

соединеніемъ Азіи съ Европою. Онъ силою страшнаго своего оружія и славою побѣдъ своихъ; всѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ лежащія грады, кромѣ Рима, превозвышаше. Въ семь царствующемъ градѣ бысть иногда театръ Христіанскія славы, изъ него же произойдоша многіе мудростію и добродѣтелями просіявшіе Цари, Богоносные Отцы и непобѣдимые столпы церкви Христовой, иже Богодуховеннымъ ученіемъ своимъ всѣхъ на Христа Спасителя и Святѣйшую Церковь Его воставшихъ еретиковъ и развратниковъ Истинныя Вѣры, побѣдиша, а благоправіемъ и челоуѣколюбіемъ своимъ жестокосердыхъ укротила варваровъ, и изъ всего правду и истинное ученіе любящаго свѣта, несравненною и сущей Христовой благодати и истинны наполненною проповѣдію, тьму заблуждающаго невѣденія прогнаша. Во истинну тотъ челоуѣкъ не погрѣшитъ, иже Констан-

сѣди, таже обхождахъ и созирахъ древнія зданія царей Греческихъ, и знаменити они столпы, иже обрѣтаются въ Цариградѣ и звѣри дивія различніи, храниміи отъ султана, и прочія вещи достойны зрѣнія. И разсмотряхъ красоту и расположеніе града, и пристанище различныхъ кораблей, и обычай народовъ и прочая. О нихъ же всѣхъ подробну напишу тебѣ повѣсть, любезный читателю, егда опишу Цариградъ. Еще бо многія вещи (аще Богъ изволитъ), достойніи зрѣнія имамъ разсмотрѣти.

тинополь ключемъ вселен-
ныя, средоточіемъ царствъ
и сердцемъ всѣхъ частей
свѣта назоветъ. Сей единый
градъ совершенно того до-
стоинъ, дабы раздѣленной
Вѣрѣ Христовой, паки въ
немъ соединитися, о чемъ
первенствующая и Право-
славная Греческая Церковь,
въ праведныхъ своихъ мо-
литвахъ, ежедневно у Соз-
дателя Бога просить, дабы
Христіанскіе Цари, многими
Областями владычествую-
щіе, престоль свой по преж-
нему тамо возымѣли, науки
яко въ крѣпкомъ забралѣ,
безъ упадка процвѣтали,
и всему Христіанству полез-
ные законы изъ него, яко
изъ главнаго источника, по
знанію славы и величанію
имени Іисусъ Христова, не-
оскудно бы проистекали.
Но къ общему всѣхъ Хри-
стіанъ жалѣнію, въ нескя-
занный упадокъ сей пре-
славный градъ пришелъ.
Красота Царскихъ палатъ,
великолѣпіе превосходив-
шее вѣроятіе, сокровища
святыхъ Божіихъ церквей;

марморомъ, живописью, мусією, златомъ и сребромъ преукрашенные Христіанскіе храмы и монастыри, Княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе дома, на высочайшую степень возшедшія науки и художества, почти въ совершенное уничтоженіе придоша. Святія церкви въ Магометовыкапища и въ мусульманскія мечети съ 1453 году обращены. Мудрость безуміемъ, а наука невѣжествомъ поглощена, а притомъ гордостію и тиранствомъ окована.

Другія „отмѣны“, сдѣланныя Рубаномъ противъ подлинника, заключаются въ томъ, что онъ, стараясь представить Барскаго, такъ сказать, въ облагороженномъ видѣ, искажилъ первоначальный текстъ Барскаго, который въ этой передѣлкѣ потерялъ всю свою своеобразность и типичность.

Но указавъ на погрѣшности Рубана по изданію Барскаго, было бы грѣшно умалять заслуги его по обнародованію рукописи Барскаго, которой безъ него, вѣроятно, долго бы пришлося оставаться мало извѣстною.

Вслѣдъ за первымъ изданіемъ послѣдовали: 2-е—1785 г., 3-ье—1793 г., 5-ое 1800 г. и 6-ое—1819 г. Всѣ эти изданія были напечатаны при Академіи Наукъ и составляютъ только перепечатку перваго изданія. М. Полуденскій въ статьѣ своей: Путешествіе по Святымъ

мѣстамъ Василья Барскаго, помѣщенной въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г. № 9, стр. 254—282, отмѣчаетъ слѣдующія замѣченныя имъ разницы въ изданіяхъ: во второмъ, третьемъ и пятомъ сохранена та же нумерація страницъ, для чего не поставленъ въ счетъ бѣлый оборотъ страницы 411, листокъ для заглавія второй части и первая ея страница, на которую перенесены съ 411 страницы послѣднія 30 строкъ текста. Въ шестомъ изданіи измѣнено только слѣдующее: вторая часть имѣетъ свою особую помѣтку страницъ съ 1 по 391, алфавитъ напечатанъ не такъ убористо, такъ что онъ занимаетъ въ этомъ шестомъ изданіи 13 страницъ, а не 10, и помѣта внизу сдѣлана не литерами, а цифрами. Говоря объ этихъ изданіяхъ, нельзя не обратить вниманія, что послѣ *третьяго*—1793 г. слѣдуетъ *пятое*—1800 г., *четвертое* же, долженствовавшее существовать между ними, не видѣлъ ни одинъ изъ изслѣдователей Барскаго и годъ этого изданія не указывается ни въ одномъ изъ печатныхъ каталоговъ. Все это заставляетъ предполагать, что *четвертаго* изданія, дѣйствительно, не существуетъ, но какія причины побудили Академію перейти прямо съ *третьяго* на *пятое*, остается доселѣ неизвѣстнымъ.

Кромѣ этихъ изданій имѣется еще одно, нынѣ весьма рѣдкое, напечатанное съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сія книга пешеходца Василія Григоровича Барскаго-Плако-Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, напечатанная въ С.-Петербургѣ Пріимператорской Академіи Наукъ въ 1778 году. Нынѣ же вышенапечатанная Книга Путешествія, перепечатана съ указанаго дозволенія, съ засвидѣтельствомъ Сѣверскаго Новгородскаго Намѣстничества нижняго Земскаго Суражскаго суда, и подписана суда при-

сутствующими, и печатью утверждена: скоторой нынѣ напечатана, въ вольной типографіи Клинцовскаго посада второй гильдіи купца, Дмитрія Руковишника. 1788 году Юня 15 дня“. Раскольническое изданіе это, нынѣ весьма рѣдкое, представляетъ дословную перепечатку перваго изданія Рубана, съ слѣдующими только измѣненіями: напечатано оно in fol., алфавитъ въ одинъ, а не два столбца, отчего вмѣсто 10 страницъ перваго изданія занимаетъ 18 страницъ и, наконецъ, за неимѣніемъ вѣроятно въ Клинцовской типографіи иностранныхъ буквъ, вездѣ, гдѣ таковыя встрѣчаются въ первомъ изданіи, здѣсь оставлены пробѣлы.

Кромѣ того «Странствованія Барскаго» были издаваемы въ извлеченіяхъ. Еще въ 1770 г., издававшемся С.-Петербургскомъ журналѣ: Парнасскій Щепетильникъ, Июль, стр. 119, былъ напечатанъ отрывокъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Описаніе города Солуня. называемаго другимъ именемъ Салоники, по латинѣ Thessalonika, учиненное тамъ бывшимъ Россійскимъ путешественникомъ Василиемъ Григоровичемъ, гражданиномъ Кіевскимъ, во время странствованія его по свѣту, чрезъ 25 лѣтъ, которое описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится“.

Въ 1847 году было издано въ Москвѣ: „Путешествіе въ Іерусалимъ“ и перепечатано въ 1849 и въ 1851 г. Тамъ же въ 1864 г. „Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Іерусалимъ въ 1726 г. В. Г. Барскаго. Описаніе Іерусалима и его окрестностей. Въ 1867 г. „Изъ путешествія въ 1726—1744 г. Аѳонская Лавра Св. Аѳанасія“. Наконецъ въ 1882 г. о. Архимандритъ Леонидъ издалъ: „Три древнихъ сказанія о Св. Горѣ Аѳонской и краткое описаніе Св. Горы составленное въ первое посѣщеніе оной Василиемъ Барскимъ 1725—1726 г. (по Казанскому списку).

Настоящее изданіе странствованій Василья Григоровича-Барскаго предпринято Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, на средства, пожертвованныя на этотъ предметъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ, Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, при чемъ редакція странствованія была обязательно возложена Обществомъ на меня.

Въ основаніи настоящаго изданія принята подлинная рукопись Барскаго. Въ тѣхъ же немногихъ мѣстахъ, гдѣ она писана чужою рукою, приняты въ основаніе списки Археографической Коммиссіи, какъ самый полный и безошибочный, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ существеннѣйшіе варианты къ нему подобраны изъ списковъ: Михайловскаго Златоверхаго монастыря и Казанскаго Университета. При ссылкахъ мы употребляли, для обозначенія списковъ, слѣдующія сокращенія: подлинной рукописи — *Ув.*, списка Михайловскаго монастыря — *М.* и списка Казанскаго Университета — *К.*

Всѣ сохранившіеся 137 рисунковъ Барскаго, а равно палеографическій снимокъ съ подлиннаго его письма и фотографическій снимокъ съ его надгробнаго камня воспроизведены съ возможною точностью противъ подлинниковъ, въ фотолитографическомъ заведеніи Н. Т. Индутаго.

Да послужитъ это новое изданіе странствованій Василія Григоровича-Барскаго, предпринятое Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, „на увѣдѣніе и на память и на молитву благовѣрнымъ челоуѣкомъ“.

Николай Барсуковъ.

10 Октября 1884 г.
Сельцо Ивановка.

Елико неоткровенна есть премудрость Божія, толико недомислимое Его о насъ промишленіе же и смотрѣніе: *Его же судьби суть бездна многа*, ибо не точію истинная благая, но и мнимая злая приводитъ къ благому концу. И толикое, кромѣ сего, имать человѣколюбіе, яко не точію тымъ, иже Его ищуть, но и тымъ, иже ниже о чесомъ благомъ помпшляють, многожди великіе даруеть благодати, яко же азъ искусствомъ въ себѣ познахъ, иже никогда же помислихъ ходити по толикихъ далекихъ странахъ, и понести и подяти толь великіе труды, и свободитися отъ множества бѣдъ, и поклонитися святимъ многимъ мѣстамъ, зрѣти же и описати изрядная зданія и преславутіи монастыры, скити, церковніи чини, къ томужде житія и дѣянія добродѣтелнихъ мужей и ивни достопамятни и достохвални вещи; обаче сподоби мя премилосердній Богъ, аще и грѣшна. Сего ради и азъ вся описахъ въ славу и благодаренію Божіе и въ ползу чтущимъ и слышашимъ, не съ ивнимъ намѣреніемъ, точію да молитствують о недостойнствѣ моемъ и да удивляюся Божію промишленію и смотрѣнію, отъ каковаго гнилого основанія и отъ каковаго некрѣпкаго начала приведе мя и настави къ толь благополучному концу.

Во времена, въ няже правяше престоль Кіевскій блаженной памяти преосвященной Іоасафъ Краковскій и по немъ Варлаамъ Ванатовичъ, быхъ азъ тогда въ младихъ лѣтахъ и поучахся въ школахъ Латинскихъ; аще же и не силенъ въ науцѣ быхъ, обаче благодатию Божіею пройдохъ маліе школы даже до Реторикы и началъ философскихъ, до которихъ наукъ самъ азъ вдадохся на поученіе, кромѣ изволенія отца моего, и кромѣ помощи домашнего инспектора. Отець бо мой бѣше книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи, мужъ аще и благовѣненъ, обаче нравомъ простъ, и видя въ ученіяхъ излишное прѣбне, гордость, тщеславіе, славолюбіе, зависть и прочая случаемъ, мняше, яко отъ науки имъ сія бывають, а не отъ самовольнаго произволенія, тщашеся всячески воспятити ми намѣреніе, но не можаше, помоществующей мнѣ матери. Многожды же и послѣди развращашеся совѣти своими и совѣтоваше оставити непотребную сію науку и въ церковной упражняться практицѣ; видя же во мнѣ нѣкую къ сему естественну склонность и охоту, прочее остави мя мирна. Доспѣвшу убо мнѣ, яко же предрекохъ, до началъ философскихъ, Божіимъ поущеніемъ проявился мнѣ на лѣвой нозѣ толь язва велія, яко не могохъ ходити. Тогда оставихъ школы и врачавахся. Врачемъ же тогда неискуснымъ сущимъ, и многимъ приходящимъ и премѣняющимъся, и денги немалы взяша отъ родителей и болшую язву отверзоша и не могоша мя исцѣлти, и сице мало иде время кромѣ ученія, яко 21 день, ¹ еже азъ оставихъ уже вся со всеѣмъ моимъ намѣреніемъ, понеже не чаяхъ уже исцѣлится. Но виждь нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе: нѣкто Іустинъ Ленинѣцкій, братъ бывшаго архіепископа Суждалскаго Варлаама, мой же соученикъ и сверстникъ, отъѣзждаше

¹ годъ единъ. Уг. проп. К.

тогда въ Полшу до града Лвова, ради совершенія болшихъ наукъ, тому поревновахъ, возжелахъ отъѣхати съ нимъ вкупѣ, тоеяжде ради вини, найпаче же ради исцѣленія ноги, слышавъ бо, яко тамо искусни обрѣтахуся врачеве. Начахъ убо молити мать мою, да отпуститъ мя; она же вину благословну представивши, неприсутствіе отца, никако же хотяше первіе соизволити, пбо отецъ мой купецъ бывъ, въ далекомъ медляше пути, котораго ожидати нелзя было при такъ случной оказіи. Молящи же азъ многожды мать и преклоняющи ю благословною виною врачеванія своего, аще и жена сущи и болше, аки мати, къ чадомъ соболѣзнованіе имѣеть, нежели отецъ, обаче, смотрѣніемъ Божиимъ, соизволи и давши мнѣ молитву и благословеніе и вся нужная на путь и на харчъ, отпусти со многимъ риданіемъ и слезами. Егда же отъехали мы внѣ предѣловъ Кіевскихъ на нѣсколко миль, отецъ отъ пути тогожде дня повратившись, посла абіе скоро за мною коннаго слугу, иже достигши мя, увѣщаваше, прекланяше мя всячески къ возвращенію, яко же ему повелѣнно есть. Азь видящи случай мнѣ благополучень, препославши ему должній синовній поклонъ, не повинухся его совѣту, ниже отлучихся друга своего, но возвративши слугу воспятъ, яхся пути прилѣжно. Бысть же тогда годъ 1723, егда изійдохъ исъ Кіева, мѣсяць Іулій, память святаго пророка Іліи; возраста же моего бяше лѣтъ около двадесяти и двоихъ. И преѣхахомъ чрезъ Острогъ городъ и чрезъ Почаевъ, идѣже есть монастырь унѣятскій Успенія Пресвятія Богородицы, и тамо бываеъ на всякъ годъ въ праздникъ соборъ народа многа и ярмарокъ, на немъ же случихомся и ми бити. Тамъ есть стопа Богородична въ церкви, въ камени, и моци цѣліе святаго Желѣза, яже достовѣрни суть, или ни, того

*

не испитахъ: не бихъ бо тогда еще любопитнѣй. Оттуду. аще и не по пути, прїѣхавъ до града, нарицаемаго Броди. Минувшимъ бо намъ нѣкое мѣсто, стрегущи райтари силою взявши тамо насъ отведоша и озлобиша насъ тамо Жиди много. Броди есть градъ, стѣною каменною обведенъ, стоитъ на мѣстѣ равномъ и нискомъ, окрестъ же себе имать блати и води мелко, оттуду бо нарекошася и Броди, яко до града чрезъ води брести тресбѣ. Тамо Жидовъ множество и власть ихъ великая. Оттуду прїѣхавъ до града Льова прослутаго, каменная зданія въ себѣ имущемъ и церкви изрядни, и звоници, и школы, и полѣтического народа довольно. Тамо азъ купно съ спутникомъ моимъ Іустиномъ наяхомъ на предградїи нарочно домъ, съ кормленіемъ, и поплащавъ на мѣсяць, еже согласихомъ, по тамошнему обычаю, и обрѣвши азъ тамо врача искусна, исцѣлихъ свою ногу въ малѣ времени и благодарихъ Бога. Обрѣтохомъ же тамо многихъ страннолюбивыхъ людей отъ Русовъ, духовныхъ же и мірскихъ, и угощевавъ насъ часто, найпаче же тїи, иже на Унѣю бяху насидованни, въ тайнѣ же зѣло православни. Въ Льовѣ обрѣтается Академія Езувитская прослутая, въ которую ми желаючи сочетатися, да искусимъ ихъ преданія ученій и да видимъ предъуспѣяніе учащихся; боящися же да не како познаеми будемъ, яко весьма православни, не прїимають бо тамо таковыхъ, найпаче же Кїевскихъ, и хотящи утаитися, поживши малое время, поученія ради ихъ язика и привѣствій, оставихомъ своя прежняя проименованія и нарекохомся Барскїи, единымъ проименованіемъ, притворшеся быти брата родна и аки би отъ Бара суща, иже въ Лишеской сторонѣ обрѣтается на Подолїи. Вистъ же Іустинъ, спутникъ мой, мало старѣйшїи и той мняшеся быти братъ первїи, азъ же вто-

рій. И съ сичевимъ согласіемъ явившися предъ префекта, аще и вопрошаеми бихомъ, гдѣ первіе учихомся, отвѣщавши нѣкіимъ тамо въ окрестныхъ градѣхъ знающии имена вѣроятни, возмѣнихомся ему быти, яко непреткновенно и сладко ему отвѣтствовахомъ Латинскимъ языкомъ, и по прошенію убо нашему сочета насъ въ Реторику. Бысть же сіе, мню, попущеніемъ Божиимъ, искушенія ради ихъ и нашего; но не восхотѣ да пребудемъ тамъ многое время и не остави чадъ, воспитанныхъ ученіемъ православнымъ, повредитися отъ злославныхъ нравовъ многовременнымъ сочетаніемъ, яко же то пострадала мнози, но слыши, что устрои. Ходящимъ намъ въ школу точію осмь или десять дній, не вѣмъ, отъ характера ли писанія, или отъ сочиненія, или отъ бесѣды Лешеского языка, начаху съ ученики познавати насъ, яко нѣсми отъ Полскихъ странъ, найпаче же тамошній Руси унѣяти, о семъ любопытливіе суть, но не могуци явѣ обличити насъ, понеже отъ префекта предъвистязанни сущи, пріяти бихомъ честно, такожь и отъ профессора риторического, завистию убо, или ненавистию наполненни суще, умишляють коварство хитростно сичево: сочиняетъ нѣкто лукавшій отъ нихъ посланіе Руское притворное, аки бы намъ съ Кіева отъ родителей писанное съ великимъ плачемъ и слезами, ради непоноснаго нашего отъ ихъ разлученія, и аки бы почитителное и увѣщательное, да блюдемъ себе всячески отъ кваса унѣятского и отъ яда папѣжского, и прочая, елика его бѣсь научи. Такъ же запечатавши, вручи нѣкоей старой бабѣ и научи ю, да мимо ходя предъ школами вопрошаетъ, кому надлежитъ отдать сіе писаніе, купци бо нѣкіи мимоходящіи вручиша мнѣ сіе. Видждь, каковая орудія избра себѣ диволь въ мѣрѣ семъ къ дѣланію воли своей, всегда бо

злотворная дѣла, найпаче сими средствіями, бывають или діаволомъ, или бабою, или отрокомъ. Сотворшей же бабѣ, яко же наученна бѣ, намъ ничтоже о семь вѣдающимъ, ниже присутствующимъ, абіе похитивши писаніе отъ рукъ бабиныхъ, на сіе согласившіися и видящи написанная наши проименованія, распчаташа и прочетши между собою, отнесоша къ префекту. Префектъ же абіе написа ексклюзію, си есть изгнаніе, и привозди на вратѣхъ внѣшнихъ академіи. Предъ окончаніемъ же, егда имѣяху исходити профессоры со учениками изъ школь, прійде первіе до Риторики и привѣтствовалъ учителя нашего рече: „Согрѣшихъ въ невѣжествѣ и сочетавъ овама прокаженни козлища“. Всѣмъ же созирающимъ другъ на друга и удивляющимся реченію, абіе зва насъ по имени и повелѣ намъ изійти изъ школи. Абіе же намъ изшедшимъ въ пріосѣненіе рече: „Вѣжѣте отсюду лицемѣри и къ тому здѣ не возвращайтесь“; ми же отвѣтствовахомъ: „Какой ради вини честній отче?“ „Понеже познастеся, яко волци есте отъ лѣсовъ Кіевскихъ“. Отвѣщавхомъ: „Никако же“. Паки рече къ намъ: „Писаніе родителей вашихъ, отъ Кіева посланное, дойде въ руцѣ мои“. Ми же, познавши, яко продаденіе и хитрость есть злотворныхъ людей, рекохомъ, яко чуждое и притворное можетъ быти посланіе, истинное никако же, и молихомъ да намъ его покажетъ. Префектъ же болѣе возъярися и рече: „Аще до показанія прійдетъ, злѣ пострадати имате“; ми же, давши мѣсто неправедному гнѣву, поклонились отъидохомъ. И прежде даже не взійти ученикомъ изъ школь, проходящи врата академіи и видящи прибитую противо насъ написанную ексклюзію, си есть причину изгнанія нашего, прочтохомъ ю. Вкратцѣ заключаешеся же въ ней разумѣніе сичево: Понеже Іустинъ и Василій, по проименованію Барскіи, познашася, яко отъ странъ

Кіевскихъ суть и противніи Каѳалической Римской церкви, для того по регуламъ и правиламъ Академіи нашей Езувитской Львовской не имуть въ ней мѣста, но изганяются явѣ. Сія прочетши, идохомъ скоро въ домъ свой, премѣнивши срамъ на дерзость, печаль же на радость, разсуждаючи, яко вина изгнанія нашего не толко бысть безчестна, но и честна. Како бо нечестна въ Божѣ, егда явѣ въ семь градѣ прославиша насъ, яко есми православніи христіане, сини Восточной Соборной и Апостолской церкви, и противніи неправославно и еретическо мудрствующимъ, си есть послѣднимъ и новопроявшимся вимисленникомъ и чадомъ Западной Римской церкви? Како нечестное бысть изгнаніе чрезъ лжу и хитрость и ненависть людскую содѣянное? Самъ же отъ самаго Христа Спасителя міру блажимое: „Блаженни бо“, рече, „изгнанни правди ради, яко тѣхъ есть царство небесное“; и паки: „Блаженни есте, егда поносятъ вамъ и изденуть вы и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуце, Мене ради“. Сія убо и ина сичева пришедши въ домъ и размишляючи, безмолствовахомъ, ни каможе исходящи, но совѣтующися съ собою едину седмицу, что имамы творити. Азь убо совѣтовахъ, да преживши нѣсколко мѣсяцей въ Львовѣ и научившия бесѣди добръ Полской, паки повратимся въ православній и богоспасаемій градъ Кіевъ, мерзящи необычно, яко вси церкви Рускіи и монастирѣ волною и неволною поврежденни бяху унією, и вѣдаючи свою немощъ въ денгахъ, которихъ я мало имѣль, понеже, якоже предъ писяхъ, нечаянно и спѣшно изйдохъ отъ отечества, въ небитіи отца моего; Густинъ же Леннѣцкій, мнимій мой братъ, истинній же сожителъ и сопутникъ, понеже денги имѣяше многи, не хотяше пріяти совѣта моего, ниже собившагося безчестія, но совѣтоваше всячески, да при-

падемъ къ нѣкому великому и знаменитому лицу, молящи, да его ходотайствомъ и предстательствомъ паки пріяти будемъ въ училище. Азь же повиновахъся ему; аки возрастомъ старѣйшему и ученіемъ силнѣйшему и мнимому первому брату. Идохомъ же купно по согласію въ катедрапній монастырь къ епискому Рускому бывшему тогда Аоанасію Шептицкому и откривши ему вся подробну, молихомъ его о ходотайствѣ; онъ же умилосердися о насъ и обѣщася намъ сотворити сіе благодѣяніе, понеже великое пріятелство имѣяше съ Латыны, и абіе призвавъ архидакона своего и рече ему: „Пойди съ сими юношами къ ректору и рци, яко привѣтствую ихъ любезно и прошу прилѣжно, да пріймутъ сихъ студентовъ паки въ Академію, ибо отъ моея епархіи суть и вѣмъ ихъ отечество, но яко они суще и чуждыхъ странъ зрѣти желающе, отъидоша точію до Кіева, виденія ради, и паки возвратишася въ свое отечество“. Мы же, слышавши сія, поклонихомся ему до земли и благодарствовахомъ. По повелѣнію убо его, поведшу насъ предъ ректора и префекта архидакону и рекшу, яко же научи его, аще и не хотяху насъ пріяти, прекословящи доволно, яко по эксклюзии нѣсть обичая паки пріймати, обаче ради великаго пріятелства епископскаго и ради прилѣжнаго архидакона моленія, обѣщаша насъ пріяти паки и повелѣша намъ утро прійти въ Академію. Намъ же поклонившимся и благодарившимъ архидакону, отъидохомъ въ домъ съ радостію. Утру же бывшу пріидохомъ въ Академію и пріять насъ префектъ и паки вручи насъ профессору въ Реторику, исповѣдавши ему тайну вину нашего возвращенія. Шатахуся же мнози и удивляхуся и отъ зависти не вѣдаху, что творити, и недоумѣваху, како се сотворися необычное и неслыханное. Глаголаху бо, отпелѣже Академія сія создася, ни-

когда же кто слышася изгнанъ сѣй, или праведнѣ или неправеднѣ, паки пріять быти. Мы же молчаніемъ внутрь сердцемъ благодарихомъ Бога за о насъ Его бывшее смотрѣніе, намъ убо на радость и ползу, противнымъ же на печаль и зависть. И сице ходихомъ свободно и безмолвно до школы, яко двѣ седмици и болше. Тогда начахомъ размишляти и совѣтоватися между собою, что сотворимъ. Азь убо рекохъ, яко довольно намъ есть, яко пріяти есми паки и возвратися честь намъ вспять, сего ради оставимъ самовольно ходити до школы многихъ ради винь. 1. Да не ископаютъ намъ паки каковую нову яму ненавидящій насъ, горшую первой. 2. Да не истяжутъ насъ о вѣрѣ, и да не принудятъ насъ къ соединенію своему папѣжници и унѣяти. 3. Да идемъ къ цнимъ градомъ и видимъ инихъ людей обичай, и прочіи мнози представихъ ему причины. Сопутникъ же мой Іустинъ совѣтова, да не оставимъ школы даже до праздника Латинского Воскресенія Христова. Бистъ бо тогда недалече поста конецъ великаго. И тако сотворихомъ. Мы убо, яко чловѣци, различная помишляхомъ и совѣтовахомся, Богъ же иное нѣчто лучшее о насъ промишляше. И слыши въ то время цѣкій цоль Рускій, младъ овдовѣвшій, мужъ учень, ради разгнанія своей печали готовяшеся по Воскресеніи Христовомъ итти въ Римъ, мы же имущи его пріятеля, поревновахомъ ему и возжелахомъ съ нимъ купно ити; онъ же и радостень бысть, ради сопутнической дружби. И сице, давши другъ другу слово и обѣщаніе, начахомъ предуготовлятися и ми. Мнѣ же не бысть толь желаніе до Рима, елико до святителя Христова Николая въ Баръ градъ. Егда бо еще цѣлихъ оную предреченную великую язву на нозѣ моей, обѣщахъ Богу по исцѣленіи далекій поядти трудъ, въ благодареніе благодати Его; аще же и

денегъ при себѣ зѣло мало имѣхъ, но повергохъ себе на промишленіе Божіе и на милость христіанскую. Предупованіе же наше бысть сичево: Умислихомъ первіе ити въ катедру Епископскую Львовскую къ своимъ благодѣтелямъ, хотящи молити ихъ, да яко совѣтники и наставники наши будучи въ прежнемъ случаи, дадутъ намъ здравій совѣтъ къ умишленію и произволенію нашему; но понеже тогда Свѣтлія Пасхы праздновахуся дни, сего ради праздникомъ Воскресенія Христова идохомъ третіяго дне привѣтствовати ихъ. Привѣтствовахомъ убо архидіакона, и игумена, и намѣстника, и прочая знатнѣйшая лица, послѣди же и намѣреніе наше архидіакону открихомъ, чесому онъ не точію не отрече, но и благоволи въ семь намъ помоществовати обѣщася, радъ бо бысть о семь зѣло, понеже вѣроятно имѣяше быти эзувитамъ епископское предписанное о насъ свидѣтельство и ходотайство. Сего ради повелѣ намъ, да предуготовившися утро прійдемъ къ епископу съ привѣтствователными словеси, си есть съ ораціями. Сіе же намъ безъ укосненія сотворшимъ и заутро зѣло рано ускорившимъ, по службѣ Божіей и по трапезѣ, идохомъ вкупѣ со архидіакономъ и привѣтствовахомъ его, но въ тойжде ораціи и нѣсколко словесъ о намѣреніи нашемъ приложихомъ, чесому архіерей радостень бысть зѣло, и абіе повелѣ призвати писара и написати намъ безъ укосненія патента, си есть грамоти свидѣлствованни, и съ теми по совѣту его идохомъ къ ректору школь и къ архибискупу Полскому и отъ нихъ взяхомъ патенти, въ которихъ написано быше, яко оньсица и оньсица Русса, отъ области Лешеской, студенти школь Львовскихъ, грядуть къ Риму и проч. Взявши убо ми патента и предуготовивши себѣ облеченія пелgrimская, си есть путническая, понеже не готовъ еще быше поць, имый съ нами путешествовати.

Имуще время и хотящи себе искусити, какови намъ имуть явитися труды путешествія, идохомъ за три милѣ отъ Лвова къ Жовквѣ городу, поклоненія ради мощемъ святаго мученика Іоанна Сочавского. Придохомъ же къ инокамъ, тамо при храмѣ мощей обитающимъ, и пріять насъ игумень честно съ вечера, со всякимъ учрежденіемъ и упокоеніемъ. Заутра же, по службѣ Божіей, лобизахомъ мощи святаго мученика; таже званны быхомъ паки къ игумену, иже учреди насъ паки трапезою доволною. И абіе воставши отъ трапези и благодареніе Богу и всѣмъ инокамъ сотворши, отклонихомся, идохомъ до монастыра, именуемаго Креховского, идѣже dospѣвши на вечерню, быхомъ въ церквы и видѣхомъ вся по чину инокъ изряднѣ правящаяся. Послѣди же отъ игумена и братіи звахомся въ трапезу и тамо такожде видѣхомъ благочиніе и пріяти быхомъ честно. Тамо вси смиренніи, страннолюбивіи и зѣло добронравніи иноки. Тамо четири церквы внутри монастыра, а пятая внѣ, въ лѣсѣ; отъ нихъ же первоначальная въ честь Преображенія Христова есть сооруженна. Тамо игумень на единь точию годъ поставляется и равень со братією во власти, точию именовемъ и достоинствомъ болшій разумѣется быти. Словомъ рещи, всемъ достохвалная обитель. Тамо мы пренощевахомъ; заутра же, по прошенію нашему, дадоша намъ патента, свидѣтельствующая путь къ Риму, съ приложеніемъ монастырской печати и подписомъ игуменской руки. Таже по учрежденіи трапези и благодареніи, отклонихомся, идохомъ паки до Лвова инымъ путемъ, но не успѣхомъ того дня возвратитися къ нему, понеже, погубивши путь, блудихомъ въ пустомъ лѣсѣ много. Для того обнощевахомъ у нѣкоего священника въ веси Яслискахъ. Заутра же воставши возвратихомся въ Лвовъ, благопоспѣшно, и показася намъ путешество-

ваніе радостное и полезное. Выхомя же тогожде дня на праздниць святаго великомученика Георгія, празднуемаго въ катедрѣ Львовской епископіи. По праздниць же въ три дни предуготовихомь пелгримскіе къ путешествію одежды и вся, яже быша потребна. Таже идохомь къ монастыру Рускому Іоанна Богослова, которій на предградіи Львовскомь, на прекрасномь и уединенномь обрѣтается мѣстѣ. Тамо имѣхомь самаго игумена, духовного нашего отца и великаго благодѣтеля, нѣкоего Пахомія Гучинского, мужа страннолюбива, благонравна; при немь же азъ, новопришедшій, нѣколико время жителствовахъ и многое благодѣяніе отъ него получихъ. Тому убо всечестному игумену исповѣдахомь грѣхи своя и вручихомь книги наши, одежды же студенскіе и вся, яже имѣяхомь, вещи; сами же облекохомся въ одежды пелгримскіи, по общему тамошнему обикновенію отходящихъ въ Римь. Есть же одѣяніе пелгримское сичево: одежда черна, или отъ платта, или отъ сукна, не имуща воскрилій раздѣльныхъ, но совокупно сошвенна, на подобіе стихара діаконскаго, точію съ узкими рукавами, которую пелгрими носятъ внѣ верху своихъ обичныхъ одеждъ, подъ сею сокровенныхъ, и на персехъ носятъ повешень крестъ извязанній внѣ одежды; поясъ ремань и при боку тиквица, ради ношенія води въ мѣстѣхъ безводныхъ; мѣшець на плечахъ съ нужными вещами; плащикъ кратокъ сверху, еликъ точію доволенъ покрыти плещи отъ дожда, и мѣшець отъ платна увощеннаго сошвень, подобнаго кожѣ черной; сандалія на ногахъ крѣпко обвязана; шлемъ чернь, кругло верху главы распростертъ, и въ руцѣ жезль толстъ, висотою досягающъ даже до главы, нарочно лѣпо виточень и очернень. Въ сичеви убо и ми облекшеса одежды, попь же съ послушникомъ своимь въ

маломъ чемъ различествующіи, идохомъ вси четыре первіи въ монастырь катедралній и послѣ служби Божіей и по трапезѣ отклонившіся и милостиню отъ него взявши, такожде привѣтствоваши и прочіихъ нашихъ благодѣтелей и пріятелей; отъидохомъ оттуду со многимъ провожденіемъ знаемыхъ и сосѣдовъ и облобизавшіся съ ними, внѣ града на поли далече разлучихомся. Таже сами, съ единимъ точію Богомъ, призвавши Его на помощь и Ему навсегда поручившіся, пустихомся въ намѣренній нашъ путь, и, прешедши три Полскіи мпы, доспѣхомъ, яко о второмъ часѣ ноци, къ веси, нарицаемой Криница, въ ней же пощевахомъ въ дому родителей священника, съ нами грядущаго, со всякимъ страннопріятіемъ и покоеніемъ. Утро же, по службѣ Божіей, въ недѣлю, учреждахомся до полудни; таже мало препочивши, оттуду идохомъ, яко польмиль, къ граду, нарицаемому Грудснъ или Городъ, и тамо обнощевахомъ въ честномъ дому. Заутра же въ понеделокъ, мало нѣчто снѣвши, идохомъ со многимъ провожденіемъ и плачемъ и лобизаніемъ знаемыхъ, сродниковъ, сосѣдовъ и ближнихъ же и родителей вышепомянутаго сопутника нашего священника и разлучившіся отъ нихъ со крайнимъ цѣлованіемъ, преидохомъ яко милю едину, и мимошедши веси Годвишнюю и Опани, таже паки милю едину, и доспѣвшимъ веси, нарицаемой Рудки; ту пощевахомъ у нѣкоего человекъ проста, на сломѣ въ житниці. Утро же востахомъ, пройдохомъ веси Новосялки и Хлопчики, таже шествовахомъ надъ рѣками, именующимися Днѣстръ и Стривязь, которая въ Днѣстръ впадаетъ. Въ оной вода зракомъ мало зеленая, въ сей же рудоватая. Черезъ веси Пѣняне и Вабину и доспѣхомъ на ночь къ граду, именуемому Самборъ, которій отъ Лвова отстоитъ девяти милями и иматъ предградія долга и красна, со множе-

ствомъ вербъ, чинно насажденнихъ, еще же и школы Латинскіи. Тамо гостихомъ у зѣло благонаравнихъ и страннолюбивихъ людей, со всякимъ доволствомъ и упокоеніемъ чрезъ два дни. Оттуду же идохомъ до стараго мѣста, яко двѣ милѣ, идѣже прежде Самборъ бысть, идѣже нощевахомъ такожде у одинаго страннолюбива. Заутра же, возсіявшу солнцу, оттуду идохомъ три поприща къ знаменитому монастыру Спасскому, въ немъ же обитаетъ епископъ Перемышльскій. Сего монастыря, аще тамо и знаменитъ слышится, описати не возмогохъ, ибо не токмо лѣпоты его внутрнія не видѣхомъ, но и внѣшнія добрѣ не разсмотрѣхомъ: ибо еще точію намъ подъ монастырскую нѣкоего древа сѣнію сѣдшимъ и бесѣдующимъ о красотѣ обители тоя, абіе по случаю изійде отъ монастырскихъ вратъ епископъ, именуемій Іеронимъ Уштрицкій; ми же егда возмогохомъ познати его, ибо не яко епископъ, но яко мучитель нѣкій и разбойникъ, гордости и ярости исполненній, изійде въ худихъ одеждахъ, едину токмо послѣдующу ему мірянину. Ми же узрѣвши его, аще и недоумѣвахомъ, кто есть, обаче абіе воскочихомъ отъ мѣсть своихъ и должное, аки епископу, сотворихомъ поклоненіе. Онъ же абіе сими насъ привѣтствова словеси: Откуда? Зачимъ? Пощо? Ми же отвѣствовахомъ: „Странни есми, владыко святій“. Онъ же, превративши очесъ своихъ зѣници, воскочи ногами и не аки пастиръ ко овцамъ, но аки хищній волкъ, ослѣпленъ унѣсю немисленній очеса, искій незлюбивіи овцы, на пажитѣ православніа пасуціяся, поглотити, внезапноу на насъ страшній въ сѣхъ словесахъ испусти гласъ: „фортъ, фортъ, фортъ, прочъ, прочъ, прочъ“ и прочая, отъ діавола тогда ему во умъ влагаемая словеса. Ми же абіе бѣжахомъ отъ лица его и яхомся пути, поминающіе оніи словеса Христа Спасителя: „Блаженни есте, егда поносятъ вамъ, иж-

денуть вы“ и прочая, и не смущающися; но чаше радующися ради послѣдующихъ словесъ: „Радуйтеся и веселѣтеся, яко мзда ваша на небесѣхъ“, идохомъ спѣшно полмилѣ и прійдохомъ къ инному монастыру, именуемому Лаура. Тамо страннолюбно пріяти быхомъ и патентъ отъ монастыря взяхомъ и оттолъ идохомъ полтори ¹ мылѣ надъ потоками, по камены текущими, и путемъ каменнороднымъ до веси нарицаемой Стебницы; и тамо нощевахомъ въ дворѣ панскомъ безъ бытности его, тогда самому точію бывшему и просившему насъ подстаростому. Заутра же воставшы шествовахомъ три мылѣ и доспѣвши до веси, нарицаемой Угорцы, тамо нощевахомъ у нѣкоего священника. Заутра же въ недѣлю по службѣ Божей и по угощеніи отъ тогожде священника, безъ закосненія идохомъ пакы горы двѣ мыли велики надъ рѣкою, каменіе удивительное имуцою, доспѣхомъ до Балигорода, мѣста пограничнаго. У Балигородѣ замедлихомъ чрезъ два дны. Тамо Жидове и денги намъ дароваша на харчъ подорожную, имѣхомъ бо къ всѣмъ вездѣсущимъ Жидамъ отъ кагалу Лвовскаго патента чрезъ ходатайство единаго еврея, данное намъ за нѣкое наше преждне къ нему благодѣяніе. Тамо гостихомъ у старосты, страннолюбива и милостива человѣка, иже, егда отгуду отидохомъ, даде намъ и человѣка проводника, повсече путь тяжекъ и непроходимъ бѣ, и горы каменны превисоки, камень на камены аки бы рукамы положенны имущи. Егда же преидохомъ мылю едину, и приведе насъ до нѣкоей веси и отгуду дадоша намъ иннаго проводника за повелѣніемъ предъреченнаго Балигородскаго старости, и съ нимъ прешедшы къ веси, нарицаемой Воля, нощевахомъ въ нѣкоего священника Самуила, мужа страннолюбива, иже отъ любви своей и благаго произволенія въ утріе приведе насъ (въ) гору

¹ Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ начинается собственноручная рукопись Барскаго.

великую и ужасную, лѣсамы густимы зарастшую, нарицаемую Бескидь, того ради яко тамо разбойникомъ есть мѣсто угодное и бѣдное преходящихъ шествованіе. Обаче что имѣхомъ творити не имѣющи иннаго пути, ибо далекимъ разстояніемъ протяжеса она гора и немощно было обыйти ю. Сего ради, Бога на помощь призвавши, идохомъ спѣшно съ вишне помянутимъ священникомъ и возшедши на верхъ тся горы, на немъ же Полская убо кончается, Венгерская же начинается граница. Тамо опочивши мало, видѣхомъ облаки сиче низко ходящія, яки и главамъ нашимъ касасуся. Таможе недалече отстоящую видѣхомъ на всѣвысочайшую гору съ многими снѣгами, имъ же бы и неприлично было быти тогда въ лѣтное время, но понеже высока есть зѣло, того ради всегда на ней хлади обрѣтаются. Повѣствоваху же намъ мнози, яко тамо снѣзи многолѣтны суть въ вертепахъ крѣощіяся, снѣгъ бо ветхій лежитъ до новаго, тойже до втораго и паки третій до иннаго, и тако никогда же до конца исчезнути не могутъ. Мы же видѣвши таковое разство стихій и Божию сіе смотрѣнію восписавши, пойдомъ оттуду долу обонь поль гори Бескида и спїдохъ невредимы на землю Венгерскую. Богу тогда смырившу къ нѣкому властелину всякое разбойническое зло. Посемъ разлучихомъся съ онымъ священникомъ провождающимъ насъ и путешествовахомъ паки сами чрезъ мѣста, въ которыхъ народъ краткое и тѣсное одѣяніе имать, и языкъ удивительный, его же мы не могохомъ разумѣти отнюдь. Прешедши убо дня того три мылѣ, dospѣхомъ къ веси, нарицаемой Грушевъ. Тамо едва возмогохомъ упроситися на ношеваніе въ домъ, понеже ниже они нашего, ниже мы ихъ возмогохомъ распознати нарѣчія, точію помяніемъ рукъ. Заутра же воставши и прешедши мылю

едину, прійдохомъ до мѣстечка, еже нарицается Гуменное. Тамо замедлѣхомъ полтора дня, и отгуду въ субботу по полудны идохомъ двѣ мылѣ чрезъ весы Страское и Грушевѣ, и угощеваша насъ въ тыхъ страннолюбыи человѣцы, и ноцевахомъ въ Грушевѣ. Заутра же въ недѣлю шествуюци на пути и удалившия мало отъ сопутниковъ своихъ ради нужды тѣлесной, соблюдихъ отъ пути праваго достизаюци ихъ, и по невѣжеству разлучихся и поидохъ путемъ иннымъ и преидохъ самъ мылю едину и достигохъ до веси, нарицаемой Царховѣяны, и въ ней обноцеввахъ. Заутра же зѣло рано воставшы шествовахъ три мылѣ и преидохъ веси Балко, Клечановъ и Бѣдовцы, и тамо едва случихся съ моими сопутникамы, и прешедши совокупно двѣ мылѣ, прійдохомъ къ граду, въ всей Унгарии прослутому и знаменитому, который общимъ Венгерскимъ языкомъ именуется Кошицы, Латински же Caszovia или Кашовѣя. Сей градъ лѣпотень есть и крѣпокъ, крѣпокъ того ради, яко зѣло твердую имѣяше стражу: еще бо точію намъ къ первымъ града вратамъ пришедшимъ, абіе вопросиша насъ стражіе: Кто? Откуда? Зачимъ? Мы же небоязненно отвѣщяхомъ: Путницы есмы отъ Полскихъ странъ грядущи къ преславному граду Риму. Оны же требоваху отъ насъ свидѣтельства, си есть патентовъ. Мы же аще и дадохомъ, обаче еще не попустиша намъ внейти, но повелѣша ждати, донелѣже покажетъ властелину града и повратится отъ него. И бысть тако. Таже возвратившия и отдавши коемуждо своя патенты, повелѣша намъ ити внутрь. Мы же прешедши стражу первую, выдѣхомъ лѣпоту его внѣшнюю градуци чрезъ мостъ, на мурованныхъ столпахъ стоящъ, и видящи подъ нымъ въ глубокомъ и широкомъ рвѣ окрестъ града текущую воду. Таже идохомъ чрезъ вторую стражу, въ вратахъ каменно-

зданныхъ стоящую. Прешедши же невозбранно, видѣхомъ второй ровъ широкъ и глубокъ, такожде воду въ себѣ имущій, но огражденъ каменіемъ сюду и сюду. Таже паки преидохомъ третію стражу, такоже въ вратахъ каменныхъ стоящую, послѣди же и въ третьихъ вратѣхъ четвертую пройдохомъ стражу. Таже внидохомъ внутрь самага града уже темному вечеру бывшу, и прійдохомъ къ нѣкоему скуделнику въ домъ, добронравну и страннолюбну человѣку, и въ него пощевахомъ и гостыхомъ полтора дня просяще мылостини по граду, аще и не безъ срама бысть намъ сіе новое художество. Лѣпота же внутреняя града сего бысть сія: 1. Каменны суть вси дома, едины 'верху другихъ стоящіи, красны, бѣлы, чисты, отъ нихъ же многи суть съ желѣзными кратамы, на окнахъ, нѣціи же и съ желѣзными дверьмы, и отъвнѣ красками упенренны. 2. Вода посредѣ града течеть потокомъ узкимъ каменнозданнымъ, обаче быстримъ, и измиваетъ всякую нечистоту, отъ смрадныхъ и сокровенныхъ мѣсть исходящую и коегождо дому извергаемую. 3. Кійждо домъ и подворіе имать свой кладязь, отъ камены сочиненный, и всякъ отъ своего почерпаетъ избылно и ни отъ кого же требуетъ воды. 4. Костели и кляшторы тамо аще и немноги, обаче суть изрядны отъвнѣ и отъвнутрь строеніемъ и столпы или звоницы, при коемъждо храмѣ стоящіи, такожде лѣпотны, найпаче же костель Фарскій, аки бы у Русовъ нарицаемая первоначальная или соборная церковь красотою своею и иждивеніемъ вся превосходитъ, отъ самага бо сѣченнаго составлень каменіи зѣло искуснымъ художествомъ, такожде и вежа его или звоница. 5. Улицы чисты ниже мало блата имущіи, каменіемъ бо суть помощенны нарочно косо, да въ время дождевно омываются и да истекаетъ отъ нихъ

вода въ предписанный каменный потокъ чрезъ градъ текущій. 6. Конецъ и глава вѣсь красотамъ тамо обрѣтается столпъ каменный года 1724 новосозданный зѣло искуснымъ художествомъ и расположеніемъ на три углы, посреде града стоящъ, на немъ же ангелы на облацѣхъ сѣдящїи по краяхъ угловъ отъ низу даже до верха изображенны. Верху же онаго столпа отъ тогожде камня Пресвятая Дѣва Богородица хитростнѣ и лѣпотнѣ изсѣченна, дванадесять златыхъ звѣздъ окрестъ главы своей имущая, съ смиреннымъ и умыленнымъ лицомъ право на ногахъ стоящая. Нижае же ангеловъ повѣшенна мѣдяна доска, златый надписъ имущая Латинскїи симы словеси, но мало здѣ сокращеннымы: *Beatissima Virgo Maria, tuo honori hoc nostrum consecramus opus, conserva nos famulos tuos a peste, labe, bello etc.* Си есть: Преблагенная Дѣво Марїе, Твоей чести сіе наше освящаемъ дѣло, сохраняй насъ, рабовъ Твоихъ, отъ губителства, вреда, браны и прочая и прочая. Нижае же тоя доски на камени отъ единия столпа страны изрито надписаніе сіе: *Ave Dei Patris Filia*: радуйся Бога Отца дщерь; на другой же странѣ сіе: *Ave Dei Filii Mater*: радуйся Бога Сына Маты; на третьей же странѣ сіе: *Ave Dei Spiritus Sancti Sponsa*: радуйся Бога Духа Святаго невѣсто. Низу же окрестъ онаго столпа сугъ степени каменнозданны, на ныхъ же нѣщїи Латинскїи святыи отъ камени такожде изсѣченны стоять. Таже при самой земли окрестъ основанїя сугъ хоры или ганки, имущїи баляси, такожде отъ камня изсѣченны, на ныхъже сугъ окрестъ стоящїи лѣхтарнѣ, которїи зажигаются въ первый часъ ноцы. Сугъ же тамо избранныи отъ колегїи студенты или ученики сладкогласны, иже утро восходящу слонцу и въ вечеръ паки заходящу поють пѣсны красны нарочно сложенны, которїи и азъ слышахъ и

насладихся до зѣла. Оттуда изійдохомъ въ среду по полудны инными градскими врата и видѣхомъ стражъ тверду, яко же и въ предреченныхъ. И оходящи окрестъ града на путь нашъ, видѣхомъ жестокою казнѣ злѣ творящимъ, си есть рукъ, и ногъ, и главъ человѣческихъ множество по висалницахъ и паляхъ и на гакахъ желѣзныхъ висящихъ, ветхыхъ же и новыхъ, яко едва отъ смрада возмогохомъ преминути и отъ ужаса сердечнаго. Разлучися же тамо отъ насъ сопутникъ нашъ попь Стефанъ, иже съ нами совокупно изыде отъ Льова, стидяшеся бо съ нами въ дружбѣ быти, понеже мылостины просихомъ, и онъ убо съ послушникомъ своимъ инымъ путемъ отъиде. Азь же съ другомъ моимъ Іустиномъ Лениѣцкимъ, иннымъ простпымъ, яко же насъ наставыша искуснїи люде, и прешедши едину мылю, dospѣхомъ къ веси, именуемой Ганисца; тамо у началствующаго дадоша намъ мылостиню малу, пива же довольно въ сосудъ, и нощевахомъ у винника его. Заутра же, въ четвертокъ, на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа, быхомъ въ костелѣ на службѣ Римской, ибо далече отстояше церковь наша. Послѣди же быхомъ у плебана, си есть у Латинскаго мірскаго попа, и принявши отъ него мылостиню малу, идохомъ двѣ мылѣ чрезъ Нагидовъ, въ которой едини Калвины обитаху, точию первоначальный господинъ Латинъ зъ Кошицъ dospѣхомъ къ веси, нарицаемой Гарадна, яже имѣяше въ себѣ отчасти Калвиновъ, отчасти же Папѣстановъ. Тамо мы нощевахомъ у нѣкоего человѣка блага, Рускую содержащаго вѣру. Но вѣдомо да будетъ, яко по всей Венгерской земли аще и различныхъ вѣрь обрѣтаются людіе, обаче вси суть страннолюбивы. Оттуда заутра въ пятокъ воставши идохомъ двѣ мили долгихъ, и приспѣхомъ до мѣстечка, именуемаго Сиксовъ, въ которомъ самы Калвини жител-

ствують, точию два или три Римскаго исповѣданія. Тамо быхомъ въ коллегіумъ Калвинскомъ у директора и пріять насъ страннолюбно и напои насъ довольно виномъ. Оттуду идохомъ мылю едину до веси, проименованной Арновець, имущой въ себѣ разновѣрныхъ людей. Тамо ношевахомъ въ дому нѣкоего Русина добра челоуѣка. Заутра же въ субботу воставшы идохомъ мылю едину къ мѣстечку, именуемому Мышковцы, такожде различнаго исповѣданія христіанъ въ себѣ содержащему, болшую же часть Калвинскаго, которіи тамо и коллегіумъ училищъ своихъ имуть. Тамо испросивши отъ нѣкихъ домовъ мылостиню и мало нѣчто отъ пирь своихъ снѣвши, идохомъ между виноградамы и видѣхомъ продающихъ въ оградахъ вино; даяху же и намъ пити. Тамо мя остави съпутникъ мой Іустинъ и самъ поиде спѣшно. Азъ же самъ оставшися и шествующи погубыхъ путь мой и блудыхъ и утрудившися возлегохъ при пути, не боящися никогоже: слышахъ бо, яко нѣсть мощно изобрѣсти въ всей земли Венгерской разбойниковъ и иныхъ злотворниковъ. И егда уснухъ отъ вина и отъ труда крѣпко, обрѣтеса мимо ходяй золь челоуѣкъ и сня съ главы моей шлемъ новый, егоже ношахъ, си есть капелюшь, и возложи на мя свой ветхый и раздранный. Азъ же неразсужденію моему сіе причеть, яко уснухъ самъ единъ при пути, похваливъ же и разсужденіе татія, яко не остави мя отнюдь безъ покровя и ниже мало о семь скорбя, чающи болшую мылостиню получаютъ въ старомъ капелюши. И прешедши оттуду едину мылю, прійдохъ ко веси Руской, нарицаемой Герембель. Тамо гостыхъ въ дворѣ священническомъ и пріять быхъ честно. По трапезѣ же оттуду идохъ двѣ мыли и прійдохъ къ веси, нарицаемой Гестъ, Калвинскихъ въ себѣ людей содержащей. Тамо ношевахъ въ дому единаго калвина, страннолюбива. Заутра же въ недѣлю

идохъ мылю, блудихъ же инную паки мылю, таже прійдохъ къ веси, именуемой Тардь, въ ней же людіе Папѣжскую содержатъ вѣру; точію тамо два или три Русины обитають языкомъ и исповѣданіемъ вѣры. Тамо азъ препочихъ въ нѣкоего Русина убога человѣка, обаче добронравна и страннолюбива, и ядохъ у него обѣдъ. Послѣди же мало замедлѣвши идохъ мылю долгу и прійдохъ къ граду знаменитому, именуемому Эгра. Тамо такожде, яко же и въ Кошицахъ, не попустиша намъ внйти въ градъ, донелѣже не донесоша и не показаша стражіе нашихъ патентовъ началнику града (все бо тамо четыры снйдохомъся вкупѣ: Богу сиче содѣйствовавшу), обаче аще и свидѣтельство о насъ чтоша, но не попустиша намъ внйти въ градъ, вечеръ бо бысть, но повелѣша ѣдаты до утра. Мы же кійждо особно идохомъ напредградіе къ домамъ и ноцевахомъ тамо, идѣже кто у кого могль упроситися. Заутра же возсіавшу слонцу невозбранно внйдохомъ въ градъ и раздѣлихся отъ сопутниковъ своихъ, гнѣваяся за то, яко мя оставиша прежде, и пребыхъ чрезъ понедѣлокъ въ нѣкоего человѣка православна, Арацкую вѣру держащаго. Суть бо тамо Арапи сиче именующіися, можетъ быти по бесѣдѣ ихъ Грецы, ибо Греческаго суть исповѣданія, и церковь свою имуть особну, въ которую чуждостраннымъ входить не попускають, ибо и стражныкъ всегда при дверехъ стоитъ, и иже хотяща мя, зѣло и многажды покушающася внйти, всячески возбраняше. Сему азъ удивыхся довольно, яко сичеву имуть тверду вѣру, яко не токмо Папѣжскимъ людемъ, но и Грекомъ и Русомъ, отъ незнаемыхъ странъ пришедшимъ, запрещають входа. Сей градъ каменною обведенъ есть стѣною и внутрь лѣпотень есть, но не якоже Кошицы, и мало имать домовъ каменныхъ, но все древяны. Тамо обрѣтаются и столпи Турецкіи

зѣло тонко мурованы, на которыхъ оны гласиша на свое мерзское правило, егда обладаша градомъ симъ. Суть тамо и школы Латинскія, точию по Реторику, и епископъ папи Римскаго престоль свой имать. Къ нему же мы ходихомъ и просихомъ отъ него патента, онъ же не точию не отрече, но и повелѣ написать воскорѣ. И тако спутшественныки мои, не извѣстивши мнѣ, взяша патенты самы и отъидоша въ понедѣлокъ. Азъ же, егда увѣдавъ о семъ, воскорбѣхъ мало и помянухъ словеса сія отъ Псалмопѣвца: „Друзи мои и искреннии мои прямо мнѣ сташа и ближнии мои отъдалече мене сташа“. Идохъ же въ второкъ по полудни къ писару катедралному и взяхъ отъ него патентъ за денгы, ибо не хотяше никому же дати кромѣ денегъ. Сего ради единъ отъ насъ и безъ патента Эгрицкаго отъиде. Таже Бога призвавши на помощь, да сохранить мя отъ всякаго зла, идохъ спѣшно три мыли до веси, нарицаемой Домословъ, и тамо ношевахъ въ дому нѣкоего человѣка страннолюбыва. Заутра же въ среду рано воставши отъ сна, еще предъ восхожденіемъ слонца, хотѣхъ бо спѣшно шествовати и достигнуты сопутниковъ своихъ. И прешедши мылю едину велику, прійдохъ до мѣстечка именуемаго Денгешъ. Сіе мѣсто было бы изрядно, аще бы было огражденно; имать бо и училища Латинская даже до Ретореки. Тамо азъ отъ началнѣйшихъ домовъ испросивши мылостиню идохъ оттуду. Прешедши же отъ мѣста яко поприще едино, абіе возшумѣ отъ небеси дождь великъ, азъ же сокрыхся въ млынъ, недалече при пути стоящій, и уснухъ отъ труда мало; воспрянувши же отъ сна и выдѣвъ, яко дождевное не престаеть ліаніе, сидѣхъ тамо пишущи мое путешествіе даже до вечера. Въ нощи же мало что отъ толпанія обращающихся колесъ, аще же въ нощи и малъ дождь бысть, обаче мня-

пеша мнѣ быты силенъ и шумень, ибо и громы слышася въ сонномъ мечтаніи; сіе же мню яко бысть отъ звука млиннаго. Рано же въ четвертокъ оттуду идохъ двѣ мыли къ веси, нирицаемой Гатвань. Тамо предпочихъ мало въ плебана и хлѣбъ ядохъ, таже отъ иныхъ домовъ испросивши малу милостиню, наки шествовахъ двѣ мылѣ и dospѣхъ къ веси, именуемой Осовтъ, въ которой отчасти людіе суть, иже Лютерскую содержать вѣру, нѣци же Папѣжскую, азъ же ношевахъ у лютра страннолюбыва. Заутра въ пятокъ воставшы, идохъ зѣло долгу милю между горама и холмама, красну траву и дубраву на себѣ имущимы, прійдохъ же къ веси, зовомой Геделовъ, Калвиновъ въ себѣ содержащей. Тамо, немощи ради своей, купивши полкварти вина, испихъ и еще оттуду идохъ милю едину, такожде горама и дубравама краснимы, къ веси, проименованной Керепешъ. Тамо быхъ въ плебана и взяхъ отъ него милостиню зѣло малу. Таже шествовахъ двѣ мыли велики и прійдохъ до славнаго града, именуемаго Будимъ, сидящаго надъ великою рѣкою Дунаемъ, возмущенную и бѣловатую имущимъ воду. Мѣсто оно раздѣленно есть на двѣ части: единъ градъ старый, каменіемъ крѣпко и високо огражденный, на единой странѣ рѣки, именуемый Пештъ; другій каштель или замокъ новый на горѣ, такожде или крѣпчае каменною ограждень стѣною, на другой странѣ рѣки, иже именуется Латински и Нѣмецки Буда, Славенски же Будимъ; ниже же сего на равницѣ есть торжище или базарь, съ коорама и православная Сербская перковь и Сербовъ много живущихъ. Ни еднаго же града внутреня лѣпоты описаты не могу, понеже не попустиша мнѣ вныти въ ня. Еше бо точію къ первому старому граду прійдохъ и покусихся ити въ врата, абіе стражъ вратный изгна мя, глаголя: яко чуждымъ и страннымъ входитьи

возбраненно есть, азъ же идохъ къ вторымъ вратамъ, на другой странѣ стоящимъ, стражіе же въ ныхъ стоящи рекоша мнѣ, да иду на мостъ при брезѣ рѣчномъ стоящъ, отъ него же сходятъ весь народъ на превозъ. Превозъ же тамо аки корабль устроенный хитроснымъ и искуснымъ художествомъ тако: яко аще и не имать паросовъ, обаче самъ преплываетъ, никому же гребушу или инно что дѣлаюшу въ немъ. Тамо жителіе непрестанно превозятся отгуду и отсюду, потребности ради своей. Идохъ убо и азъ на побережный мостъ и взыйдохъ на корабль. Взя же отъ мене стражникъ корабля патентъ и превезши мя, кромѣ мзды, иде съ мною къ крѣпости, си есть къ граду Будиму, и повелѣша мнѣ тамо стражіе ожидаты внѣ вратъ, донелѣже началствующій ихъ прочтеть патентъ мой, егда же прочте и отсла въспягъ, дадоша отвѣтъ, яко нѣсть повелѣнія входитьи страннымъ, кромѣ точію своихъ. Возвратившися убо азъ отгуду идохъ на нижное предъградіе Сербское, си есть на предъреченное торжище, и тамо паки обрѣтши сопутника своего Іустина, не хотѣхъ сочетатися съ нимъ, понеже гнѣвахся на него, яко уже дважды мя оставы на пути и инныхъ многихъ ради вынь, ихъ же не хочу здѣ воспоминати, да не впаду въ грѣхъ осужденія. Ходихъ же яко до пятнадцати дворовъ молящи да пріймутъ мя на ночь, но никто же пріятъ, тамо бо обптають все Сербы православніи и отъ одежды пелgrimской мняху мя быти папѣстака, имъ же сущи противны, не хотѣша мя угостити. Хотѣхъ же пощевати на стогнѣ, но понеже жаждень быхъ, вопросихъ гдѣ продають пиво и показаша мнѣ, идохъ убо и повелѣхъ принести пива и сѣдши тамо пихъ, человѣкъ же онъ, иже продаваше пиво, бысть сербинъ православный, азъ же не вѣдя о семъ бесѣдовахъ съ нимъ многая, таже послѣди

рекохъ, яко многихъ молюхъ да воспріймутъ мя на пощь въ домъ, но нигдѣ же получихъ; онъ же познавъ мя отъ бесѣди, яко православный есмь, пріять мя благодарственнѣ. Прійде же тамо и сопутникъ мой Іустинъ Промысломъ Божиимъ, да соединимся паки въ союзъ любви, и радъ бысть обѣма за православіе наше и повелѣ дати ясты и постелю къ препочиванію, ядохомъ избыточно и наситихомся и снахомъ сладко, утруждени сущи отъ пути. Пребывахомъ же въ него чрезъ субботу и недѣлю даже до понедѣлка съ всякимъ учрежденіемъ. Сей чловѣкъ именовашеся Христофоръ Велковичъ, иже страннолюбивъ и смиренъ сущи и Христову послѣдуя образу, не точію угощеніе намъ доволное сотвори, но и грѣшныи нашы утружденны нозѣ умыти повелѣ, отъ Его самага десницы мзду воспріяти надѣяся. Еще же возвѣсти о насъ вѣмъ правовѣрнымъ Сербамъ, яко православныи есмы; таже показа намъ, идѣже архимандрить обитаетъ и повелѣ намъ да идева къ нему и возвѣстивася. Пришедшимъ же егда убо прійдохомъ къ нему привѣтствова насъ любезнѣ и вопросы насъ, аще есмы истинны Руси, смущашеся, бо о одеждѣ нашей пелgrimской, мы отвѣщахомъ, тако есть воистинну. Мы же видяци усумпѣвающагося его о насъ, показахомъ патента отъ монастирей Рускихъ; видѣвъ же и прочеть, увѣрися и благоволи о насъ зѣло и повелѣ намъ быти въ церквѣ своей на правилѣ, бѣ бо тогда праздникъ великъ Сочествія Святаго Духа, и быхомъ въ церквѣ Сербской на всенощномъ бдѣніи и на литургіи, юже служаше тогда архимандрить, иже повелѣ въ церквѣ собравшемуся народу сложити намъ мылостину, и даде кійждо по силѣ своей и собрася намъ мылостина не мала. Завтра же въ понедѣлокъ, си есть на Троицу, такожде быхомъ въ церквѣ. Послѣди же съ процессіею ходихомъ

по стогнахъ между домамы и благодарихомъ Бога, яко въ толь великій праздникъ Господскій сподоби насъ съ православными торжествоваты. По совершеніи же церковнаго пѣнія, званы быхомъ отъ архимандрита на трапезу и учредихомъся различными пищама до изобилія. Возвратившися же оттуду паки къ первому страннолюбцу и тамо мало препочивши и воздавши ему должное благодареніе за любовь и благодѣяніе, отъидохомъ отъ Будима града того же дня пополудни, завратившися на путь, ведущій къ Вѣннѣ. Первіе бо намѣреніе имѣхомъ просто шествоваты чрезъ Сербію и Далмацію по суху, таже моремъ до Венеціи, но благоразсудни намъ совѣтоваша людіе лучше ити на Вѣденъ, да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкими себѣ въоружимъ патентамы, еже и бысть. Прешедши убо отъ Будима между горама двѣ мыли, доспѣхомъ къ веси, нарицаемой Сантовъ, тамо нощевахомъ. Заутра же въ второкъ идохомъ двѣ мыли до веси, именуемой Костовъ, таже оттуду едину милю до мѣстечка Острогона и тамо мало препочихомъ. Оттуду же прешедши двѣ мыли къ веси, нарицаемой Уйфаловъ, нощевахомъ въ нѣкоего челоуѣка блага. Тамо обрѣтается изрядный новосозданный костель и вежа или звонипа. Утро же въ среду, прежде восхожденія солнца, идохомъ три мыли по-надъ рѣкою Дунаемъ, чрезъ весы Олшамовъ и Шунъ, и прійдохомъ подъ градъ Комарно, по другой странѣ Дуная отъ насъ стоящъ. Мы же вънутрь его не быхомъ, ибо аще и недалече отъ пути нашего отстояше, точію обонь поль рѣки обаче превозитися не хотѣхомъ. Точію сидяци на брезѣ и омываюци нозѣ нашы, яко лѣпа тамо и красна есть крѣпость, тамо особно стоящая воскрай брега рѣчнаго и твердо каменною огражденна стѣною и пушкама вооруженна. Изшедши же отъ Будима, не видѣхомъ уже болѣе ни-

каковаго страннолюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго, сего ради и ноцію начахомъ шествоваты, понеже та земля мырна есть отъ разбійниковъ. Отъ Комарна убо града двигнувшисья чрезъ всю ночь шествовахомъ три мыли зѣло велики, таже мало препочихомъ такожде при брезѣ Дуная. Послѣди же уже кончащейся ноци прійдохомъ къ нѣкоей веси и пришедши отай на гумнѣ спяхомъ даже до возсіянія солнечнаго. Оттуду воставши въ четвертокъ идохомъ двѣ мили протяженныхъ до града, именуемаго Юрь. Тамо егда прійдохомъ къ вратамъ градскимъ, абіе стражницы вратныи взяша отъ насъ патенты и отнесоша къ старѣйшинамъ въ градъ, ради соизволенія входа. Они же отславши воспятъ, возбраниша. Тако бо тамо опасно блюдошася въ всѣхъ знаменитыхъ градѣхъ, яко никому же отъ чуждостранныхъ входиты въ ня попускаху, найпаче же отъ странъ Лешескихъ, сичевой ради вины: яко вышше помяненный градъ Буду, року 1723, нѣкій путникъ отъ Полскихъ странъ пришедши сожже огнемъ. Оттуду мало препочивши, идохомъ едину мылю долгу и dospѣхомъ къ нѣкоей веси и тамо у плебана Латинскаго пощевахомъ. Заутра же въ пятокъ рано шествовахомъ двѣ мыли и прійдохомъ къ граду, иже обще нарицается Старій Градъ, и тамо приближившимся намъ къ вратамъ тожде сотвориша, еже и въ предписанныхъ градѣхъ, и пренощевахомъ на предъградіи. Оттуду воставши идохомъ спѣшно миль пять, мало гдѣ препочивающи и ничесо же отъ кого просящи, понеже тамо повсюду (яко же слышахомъ) повелѣніемъ кесаря заповѣданно бысть и просити и даяты мылостинию подъ казнію сичевою: просящаго взяти въ узы и работу ему наложить, мылющему же поплащати пять левовъ въ казну государскую. Се же бысть того ради.

понеже мнози отъ Нѣмцовъ съ женамы и дѣтицы, подь извѣтомъ шествованія до Рыма, преходяци отъ града въ градъ и отъ веси къ веси и просящи мылостины и стужаюци людемъ, многи собираху денги, сребролюбствоваху и безчинствоваху. Мы же слышавши сія, къ тому ни отъ кого же ничесо требуюци, идохомъ спѣшно, имѣхомъ бо довольно въ пирѣ хлѣба и сира и тымъ доволствовахомъся. Прійдохомъ же до мѣста или града, иже нарицается Прукъ, отъ него же уже начинается земля Нѣмецкая, Венгерская же оканчивается. Тамо не точію возбраниша входити въ градъ, но и на предградіи никто же на ноцѣ пріятъ насъ въ домъ свой. Тамо пощевахомъ на улицы съ купцами, тогда тамо пришедшимы съ оливою. Оттуду завтра въ недѣлю, по вислуханю служби Божой, обрѣтши и священника, съ нами вѣкупѣ градушаго, идохомъ двѣ мили малихъ и прійдохомъ къ нѣкоей веси прекрасной, зѣло бо подобится предреченному граду Кошицамъ, точію неограждена есть. Тамо быхомъ у рихтора, си есть у судіи, иже видѣвши наши патента, повелѣ дати намъ шпиталь, си есть гостиницу, идѣже ми пришедше купихомъ себѣ ястія и питія (понеже тогда запустѣ бистѣ предъ Петровимъ постомъ) и учреждахомъся съ веселіемъ, просяще Господа, да сохранитъ насъ отъ оскверненія мясь, масла, сира и прочіихъ чрезъ все постное время, понеже уже оттуду весь путь нашъ чрезъ Нѣмецкую страну имѣяше бити, и удоволившеса спяхомъ довольно на сламѣ. Завтра же въ понеделокъ яко близъ полудны идохомъ оттуду двѣ мили зѣло маліе, яко полмили доброй, къ славному граду, нарицаемому Вѣдень, идѣже цесарская столица есть. Тамо аще и мнози идущихъ насъ устрашаху симъ: яко не точію непущенны будете въ градъ, но и въ темницу всажденни будете, ибо не точію мірскихъ, но и духов-

нихъ жестоко истязаютъ и воистинну всеу будетъ трудъ вашъ, его же подясте, ибо и глаголати ничтоже предъ ними возможно. Ми же ничто же сумняшеса о семъ, идохомъ дерзновенно, призвавше Бога на помощь и великаго угодника Его Святителя Николая, къ нему же наше бистъ и шествованіе. Помянухомъ бо (аще грѣшни есми) оніе словеса: „Егда будете веденны предъ пари и владыкы, не прежде поучайте, что имате отвѣщевате, дасться бо вамъ въ той часъ, что возглаголете“, и прочая. Недалече же къ граду приходяще, видѣхомъ садъ цесарскій, аки нѣкій замокъ прекрасный, твердо и лѣпо каменіемъ огражденный, ему же почудившеса довольно идохомъ къ Вѣдню. Егда же прійдохомъ къ вратомъ первымъ, еще не къ граду, но къ преградію надлежащимъ, тамо отнюдь бы насъ не пустиша, ибо никого же повелѣнно пустити, найначе же отъ странъ Полскихъ, понеже нѣкій путникъ отъ Полци, недавно предъ нами пришедый, многа зла сотворый, того ради злый добрымъ пакость содѣла; но Богу насъ снабдѣвающу, молитвами угодника Его Святителя Николая, како намъ добръ устроися. Егда бо стражіе начаша возбраняты намъ входить въ градъ и претити всячески, ми уже намѣреніе имѣхомъ воспать возвратитися, не умѣхомъ бо имъ ничтоже глаголати, ниже оправдितися, ибо ни ми онихъ, ни они нашего разумѣхомъ язика. Но се по случаю Божию идоша въ градъ отъ реграціи студенти Вѣденскіе, иже искусно Латинскимъ и Нѣмецкимъ діалектомъ глаголати разумѣша, молихомъ же онихъ, да наша Латинскіе отвѣти Нѣмецки истолкують; иже егда сотвориша, абіе повелѣна намъ показати патента начальнику во вратехъ, иже егда прочте и видѣвъ я новіе и достовѣрніе, еще же къ тому и недавно число въ нихъ написанное, ятъ намъ вѣру и подписа руку

свою, да пропустятъ насъ чрезъ предъградіе. Идохомъ же смѣло, никомуже насъ вопрошающую или воспящую чрезъ предградіе долгое и широкое окрестъ града обстоящее. Тамо видѣхомъ доми, всѣ отъ перваго даже до послѣднаго лѣпотнимъ и искуснимъ составленни иждивеніемъ, найпаче же домъ зѣло красенъ и великъ, имущъ позлащенія верхи: сія бяху внѣшніи полати цесарскіи. Егда узрѣхомъ почудихомся не мало и уже разумѣхомъ самій то быти градъ, но соблудихомъ въ мнѣніи. Егда бо преидохомъ предъградіе, узрѣхомъ градъ, яко два поприща отъ предградія отстоящъ. Его же внѣшная точію красота услади наша зѣнци и сердца. Видѣхомъ бо прекрасніе костели, вежи, доми, и много поверху злата блещашагося. Видѣхомъ же и стражници около вратъ градскихъ на валахъ стоящіа и позлащенія по мѣди верхи имущіе. Преидохомъ же мостъ каменный великъ, подъ него же течеть вода, таже прійдохомъ къ единимъ вратомъ градскимъ. Тамо аще и видѣша и чтоша наши патента, обаче входа жестоко возбраняху, заповѣдь бо велику имѣяху, да никого же пустятъ, повелѣша убо намъ, да идемъ на другую страну къ вторимъ града вратомъ. Ми же идохомъ съболѣзнующе суетному труду нашему и просяще Господа о помощь и Святытеля Христова Николая, невозможно бо отнюдь бы било прейти къ Риму или къ Бару, ибо отъ многихъ слишахомъ, яко неимущихъ Вѣденскаго патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахъ работу, идѣже отъ тяжестнаго труда и повседневной работи безвремени жизнь свою скончають. Егда же прійдохомъ къ инимъ вратомъ, и тамо подобнѣ намъ отрекоша и повелѣша намъ ити къ инимъ вратомъ. Ми же идохомъ возвергше на Господа печаль нашу, но и тамо отвѣтъ таковій же воспріяхомъ. Хотѣша бо еще насъ отсалаты къ иннимъ вратомъ, обаче

милосердный Богъ промишляй о насъ, да не всуе трудъ нашъ будетъ, милостивъ бо есть и истиненъ всѣмъ призывающимъ имя Его. И се нѣкій человекъ знаменитъ идетъ отъ града, иже зная добръ нужду путническую и видя насъ не могущихъ достигнути къ граду, совѣтова стражникомъ ласкательнѣ, да единъ отъ насъ съ стражею взявши патента идетъ къ нунціушу, си есть архіепископу, отъ самага Папи тамо поставленному. И бистъ тако, идеже и совратися воскорѣ и пріять отвѣтъ, да утро приходитъ о десятой годинѣ. Идохомъ же на предградіе и купихомъ хлѣба и снѣдохомъ по укруху, таже идохомъ, идѣже продають вино, и купи намъ Іустинъ Леннѣцкій, бистъ тогда день патрона его, и привѣтствовахомъ его, таже молахомъ, да пустить кто насъ на ночь, но ни отъ кого же получихомъ милости. Идохомъ же на брегъ рѣки Дуная, тамо бо помежду доми течаше, и хотѣхомъ поцевати въ чолнѣ праздно, но и оттуду хотѣша изгнати насъ, ми же патента дадохомъ въ свидѣтельство, яко ни въ чемъ жадного не имѣемъ подзору, они же едва съизволиша, и то вопрошаху насъ, не имали съ собою нѣкоя жены блудници или огня, и не куримъ лы люлки и прочая. Аще бо и не могохомъ разглаголствовати Нѣмецескимъ язикомъ, обаче единъ отъ нихъ умѣяше по Молдованску, си есть по Волоску, азъ же разумѣхъ вся, что глаголаше, и тако едва съ нуждею пренощевахомъ тамо. Заутра же въ вѣвторокъ отобравши патента идохомъ къ тѣмже вратомъ града. Отъиде паки отъ насъ священникъ съ нѣкимъ стражникомъ въ градъ къ нунціушу, ми же ожидахомъ при вратехъ сѣдяще. Таже съвратися яко въ полуденное время и принесе патента отъ нунціуша и отъ бискупа Италѣанского и абіе вси невозбранно пойдехомъ въ градъ. Прешедше же первую и вторую каменую башню, идо-

хомъ чрезъ мостъ широкъ и глубокъ, каменіемъ сюду и сюду ограждень, и прійдохомъ ко вратомъ, отъ камене лѣпо и крѣпко составленнымъ, имущимъ на себѣ написаніе златое. Таже ввійдохомъ и въ самый градъ, аки въ прекрасный рай. Тамо бо каменицы чинно стоятъ зѣло изрядны и лѣпотны, подъ коеюждо лѣхтарня виситъ на желѣзѣ повѣшенна. Тамо бихомъ въ костелѣ цесарскомъ Святаго Стефана и видѣхомъ чудотворную икону Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы, стоящую на великомъ олтарѣ въ златокованнымъ кіотѣ, такожде и столпи на олтарехъ началнѣйшихъ мраморовыя зѣло великіе, такожде и органъ изрядень, и нѣсть, иже бы не было чудесно. Оттуду изшедше ходихомъ по граду съ нѣкіимъ тамошнимъ жителемъ и видѣхомъ удивителнѣ многа устрояющаяся. Видѣхомъ при томъжде костелѣ изрядну превисоку вежу, отъ самага каменіа составленну, ниже мало на себѣ имущую древа, обаче тако хѣтростно и лѣпотно сѣченно, яко и отъ древа тако не можетъ биты; въ висоту же иматъ яко пятьдесятъ сажень, въ широту же шесть или семь. Таже видѣхомъ столпъ каменный, еще болшій и краснѣйшій, нежели въ Кошицахъ, посередѣ града стоящъ. Такожде видѣхомъ источники или фонтаны, отъ камене лѣпо составленны, отъ нихъ же на многи части истекаетъ вода. Такожде видѣхомъ комори, чинно стоящіе, и что въ которой продается виситъ надъ коеюждо коморою абрисъ тоя вещи изображенный. Тамо всякъ домъ кладязь особый имѣетъ, въ коемъждо же кладязѣ смокъ, имѣ же воду тянуть; сущъ же иніе явны, инніи же потаемны и за стѣною стоящіи, точию чрезъ стѣну егда кто восхоцетъ тягнетъ воду. Сія ми видѣвше, чудихомся много. Таже идохомъ на ночь къ гостиницѣ, идѣже пелгримамъ всегда на три дны съ ястіемъ и питіемъ мѣсто дается. Тамо имѣхомъ

чрезъ три дни кійждо отъ насъ свой одръ съ возглавїемъ долгимъ, сламою напханнимъ, идѣже есть таковъ обичай: въ полудни дають потраву едину, обаче довольно, но никогдаже постную, въ вечеръ же дають по укрузу хлѣба и по мѣрной чаши вина; аще убо и ядоша инніе тогда сошедшея путницы представляемое, но мы никакже, точію хлѣбъ и вино въ вечеръ взимахомъ (бысть бо святыи въ насъ тогда Петровъ постъ), и тимъ; еже Богъ даяше, довольно быхомъ. Заутра же, въ среду, сѣдѣхомъ въ дому и писахомъ путники. Въ четвертокъ же; понеже праздникъ баше великъ у Нѣмцовъ, прибистъ же на тотъ часъ и самъ Цесарь въ градъ, и бистъ процесія великая зѣло, въ ней же ядоша цеховъ 48; кійждо въ разномъ одѣяніи и кійждо съ своею хоругвою; послѣди же ядоша закони, ихъ же числомъ бѣ единадесять, съ свѣщами, и образи и всякими различными утварми, и обхождаху всѣ стогны града; послѣди же возвратишася въ соборную церковь Святаго Стефана, отъ нея же изійдоша (си есть въ началній костель). И видѣхомъ, егда вхождаше и исхождаше Цесарь многими ему предидущими первѣе воины съ острымъ оружіемъ, таже предходящими и съ послѣдствующими ему сенаторами. Бистъ же сенаторовъ числомъ 80, всѣ же избранни яко единъ и невозможно бистъ отнюдъ между ими самаго Цесаря познати, ибо и онъ въ такомъже одѣяніи бистъ, точію оттуду познатися можетъ, яко бистровидень и метокъ, возраста же малаго. Оттуду въ пятокъ предъ полуднемъ изійдохомъ и прешедше яко полмилѣ сѣдѣхомъ полгодини подъ покровомъ, идѣже дѣлають плїны. Бистъ бо тогда дождевное лїаніе и не могохомъ гдѣ индѣ сокритися, понеже далече отстояше весь, и ожидахомъ донелѣже престанеть. Егда же преста, идохомъ равнимъ полемъ

по подь горами чрезь лѣпотніе веси, доми ово оть каменей, ово же оть плинѣъ зданніе. Ноци же надьходящей приспѣхомь къ нѣкоей веси, ей же имени не вѣмы, невозможно бо бѣ ни о чесомь кого спросити, понеже въ нарѣчїи отнюдь согласитися не могохомь. Тамо въ многихъ просящихься насъ на ноцъ никакоже получихомь милосты, но идохомь внѣ веси и обрѣтохомь винограды, каменїемь огражденны, и тамо возлегохомь подь муромь, не вси же спахомь, но бодрствовахомь по чину и часахъ. Утру же бывшу, въ четвертокъ, начахомь ити помежду гори великіе зѣло и удивителніе, инїе единимь каменемь стоящіе, инїе же малое, инїе средне каменїе родящїи. Тамо идохомь все по-надь бистрими потоками, по каменю текущими, чрезь красніе веси, аще и малїе. Тамо бо мало гдѣ обрѣтахуся древяніи доми, но повсюду каменїе, еше же и не простѣ созиданніе, нѣсть бо тамо художника проста ни въ чесомь, но егда что созидеть, удивлятися требѣ, найпаче чуждостранному. Идохомь же помежду тими горами даже до вовторка си есть днїи четыри, даже до мѣста свята, именуемаго Латински Маріяцель, Славенски же домъ Богородиченъ. Тамо многая похвали, многая же удивленїю достойная видѣхомь. Видѣхомь первѣе кляшторъ изряденъ и бихомь въ немъ, но не возмогахомь извѣститися, како именуются законники, никтоже бо можаше съ нами разглаголствовати. Тамо бихомь въ костелѣ, иже и отъвнѣ и отъвнутри красенъ зѣло, внутри красителъ, яко многое оть мрамора имѣеть составленна, и окна зѣло лѣніе отъвнѣ, понеже двѣ вежи красніе при себѣ имѣеть. Тамо два зегари, единъ въ костелѣ, а другїй на вежѣ, и въкупѣ гласятъ часи; тамо чинно и изрядно устроенїе целїи. Тамо посередѣ кляштора зѣло лѣная фонтана, си есть источникъ, оть камене составленный, оть него же на

версѣ столпа вода аки стрѣла простѣ течетъ въ висоту, яко на четири лакти, и возвращается низу. Сіе ми узрѣвше, почудихомся довольно. Тамо ничтоже ни ко лстію, ни ко питію испросихомъ, но точію единъ отъ стражей вратнихъ, и той, чая царствія Божія, даде намъ гнилаго хлѣба, его же ми съ благодареніемъ принявше, идохомъ въ домъ, идѣже пиво и вино кляшторное продается, и купивше пива, часть снѣдохомъ онаго вишечеченнаго хлѣба, часть же гнилую псу повергохомъ. Оттуду изшедше видѣхомъ многа чудесная, идохомъ бо все по-надъ потоками долиною, гори же бяху сюду и сюду зѣло превисокіе и прекрасніе, красную бо траву и древеся лѣпотніе на себѣ имѣяху. Много же видѣхомъ горъ самихъ каменнихъ, на нихъ же отнюдь невозможно би (яко мнится человѣческимъ умомъ) не точію древесемъ, но и травному билію; но силою Божіею и судбами Его, превисокіе древа растушіе, и въ камени, акибы преестественнѣ, коренія своя разширающіе. Тамо видѣхомъ гори каменіе, висящіе, иже всячески мнятся падати и опровергтися, но силою Божіею тако силнѣ держатся, яко никакимъ образомъ и отторгнути невозможно. Тамо видѣхомъ толь гори превисокіе, яко егда кто восхоще на верхъ онихъ смотрѣти, едва покровъ главній не спадаетъ. И воистинну уподобилъ бихъ оніе равенствомъ древной оной вежѣ Вавилонской, иже по потоцѣ созидашеся, но и не бѣхъ тамо и не видѣхъ, се же, еже видѣхъ пишу. Еще видѣхомъ горы височайшіи, аще не въкупѣ, но за колико милъ стоящихъ, на нихъ же ни древесъ, ни травы нѣсть, точію снѣзи великіе. Сему ми, аще и мнози намъ людіе о томъ потверждаду, но вѣровахомъ, издалече бо видѣхомъ. Послѣди же случися близъ воскрай гори таковой ити и тамо добрѣ разсмотрѣвше, разсудихомъ вѣроятію достойная. Много же почудихомся, како

дотолѣ (си есть до Петрова поста) снабдѣвается, ми бо не могохомъ стерпѣти вара солнечнаго. Повѣтствуютъ же нѣци отъ тамо живущихъ, яко и до зими не съгибають. Тамо непрестанно вода чиста широкимъ и бистримъ потокомъ по каменю течеть, не отъ нѣкія бо рѣки взятая, но отъ самихъ пречистихъ жродель отъ горъ текущихъ собранна, безъ числа бо тамо жродель отъ боковъ истѣкающихъ видѣхомъ. На той водѣ красны художники дивная содѣвають, мало что дѣлающе руками, точію водою: рудники желѣзо дѣлають, ковачи кують, древодѣлы тертици рѣжуть и прочая. Тамо при пути много видѣхомъ разнихъ фѣгуръ, образовъ и капиць изряднихъ. Видѣхомъ же два кляшторы лѣпотнихъ, а третій вишшереченный. Видѣхомъ же, недалече до Маріяцель шествующи, капицу зѣло лѣпотнѣ устренную, при ней же вода пятьма трубами исходитъ, напоенія ради жажднихъ. Послѣди же въ второй капици видѣхомъ Пресвятую Дѣву Богородицу, держащую на обятіяхъ своихъ, или на рукахъ, мертваго Господа нашего Исуса Христа, отъ каменя изображеннаго, отъ Его же язвы ребрной течеть непрестанно вода и напалеть изобилно шествующихъ. Сіе мнѣ зѣло возлюбися и пихъ азъ отъ тогожде источника съ піющими тамо путешественники. Тамо видѣхомъ многое множество обоого полу народа, до Маріацелю поклоненія ради грядущаго, инихъ же возвращающихся. Нѣци же идутъ процессією съ хоругвами и образи, поюще пѣсни красно, точію Нѣмецкимъ нарѣчіємъ, не умѣють бо инако тамо и не могутъ. Идохомъ же не точію помежду горы, но и чрезъ високіе зѣло восходяще и нисходяще по нихъ бистъ же намъ съ трудомъ великимъ, но Господа ради ни во что жо вмѣняхомъ. Вся тамо видѣхомъ благоприятна, точію людіе неблагоприятны, аще и побожни суть, не токмо бо ясти

или пяти, но ниже пренощевати соизволяютъ. Многажды же пощевахомъ съ звѣрми на поли и въ дубравехъ, и зной претерпѣвахомъ, отъ роси и отъ прохладеннаго поту, найпаче же въ долинахъ. И тако ми, вся себѣ къ ястію и питію купующе, идохомъ, ни отъ кого ничтоже просяще, бояхомъбоя да не кто видя, насъ оклеветать и сотворить препятіе и смущеніе. Случися же намъ тамо на пути пити пиво и не хотяше отъ насъ брати Венгерскихъ грошей корчемникъ, си есть чеховъ, ми же найпаче сію монету имѣхомъ и чрезъ Венгерскую странну идохомъ и тамо отъ милостиваго люда собрахомъ; еще не точію сихъ, но и Полскихъ, ни талларей битихъ не берутъ, точію червоній златій. Ми же сія слышавше, поскорбѣхомъ много, кающе, яко прежде не премѣнихомъ пѣнязей, еще въ Вѣдню сущи. Таже своему неразумленію вину наложивше и на Господа уповающе, никтоже бо не бѣ отъ насъ тако нищъ и убогъ, якоже азъ, но ни мало же о семъ скорбѣхъ, помилшля въ себѣ, яко Богъ, възшедшу ми зъ Лвова и отнюдь ничесо имущу, даде ми на пути вся требуемая, тойжде и паки дастъ недостойному рабу своему; и паки: „Не печися утрешнимъ, утрешное вама печется“. И тако вси возвергше на Господа печаль свою и общающеся единъ другому въ нуждѣ помагати, ничто ни отъ кого просяще, но вся купующе. Прешедше же осьмьнадесятъ миль Нѣмецкихъ отъ Вѣдня, доспѣхомъ до мѣста пресловутаго Маріяцель, си есть домъ Маріинъ. Се же того ради тако именуется, яко тамо въ костелѣ кляшторномъ, въ немъ же Бенедиктаны обитають, есть домъ Богородичень оній, въ немъ же Архангель Гавріиль благовѣстова зачатіе Сына Божія. Тамо стоитъ образъ П. Богородица, иже аще и не маліованъ, но отъ камене ли, или отъ древа составленъ, не вѣмъ (не

могохъ бо познати, аще и видѣхъ, лѣпотнаго ради устроенія), обаче безчисленная творить чудеса: хромія исправляетъ, прокаженія очищаетъ, слѣпимъ даетъ прозрѣніе, глухимъ слышаніе, нѣмимъ глаголь, и инна многая, числа неимущая исцѣляетъ недуги и изывляетъ чудотворенія. Приѣдохомъ же тамо въ второкъ и бихомъ въ костелѣ и слухахомъ службы Божой, чрезъ нашего священника отправованной, и видѣхомъ лѣпоту костела устроенну зѣло лѣпо, такожде и органъ, и видѣхомъ капицу оную посреде церкви стоящую, си есть, якоже глаголють, домъ, отъ Назарета принесенный, въ немъ чудотворная икона стояше Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы; тамо стѣни образи злато и среброкованными тако покрити, яко ни мѣсто праздно обрѣстися можетъ, заграда же дома онаго и врата отъ входа отъ чистаго лѣпотнѣ искованна сребра, предъ врати же ограда каменная мраморными баляси хитростнѣ изсѣченна. Тамо всякъ видяй почудится лѣпотѣ оной. Видѣхомъ же множество народа обоего полу людій, инихъ приходящихъ, инихъ же отходящихъ. Поютъ же въ костелѣ неисходно. Тогда изшедше изъ костела, идохомъ къ трапезнимъ вратамъ и просихомъ, да дадутъ что ясти или пити, и дадоша нѣкоего съ мясомъ варенія, ми же не вси ядохомъ, понеже Петровъ постъ тогда бистъ, питія же ни мало дадоша. И тако отгуду възвратившеса тщи, идохомъ къ гостынници, въ ней же ядомая и піемая вси продають. Тамо купивше себѣ сирой капусти, съ солию токмо приготованой, и пива, наситихомъся. Вечерни же прислѣвшей, идохомъ паки въ костелъ и разсмотрѣвахомъ, ходяще всюду, низу и горѣ, тамо хори преизбранны. Видѣхомъ же окрестъ дому Богородичина милиць повѣшеннихъ, числомъ 162, яже хромии, воспріемше здравіе, оставиша и оставляють доселѣ; такожде и оковъ желѣз-

нихъ отъ бѣсноватихъ видѣхомъ. Едва не вси столпи церковніе и стѣни, низу и горѣ образами зѣло красно устроенніе, на нихъ ничто инно не изображенно, токмо или чудеса, или благодѣянїя, яже отъ чудотворнїя иконы воспрїяша людіе. Се же не кляшторнимъ устройся коштомъ, но кто каковую либо получитъ ползу, тойжде въ незабвенную память и образъ поставляетъ въ костелѣ. Тамо случися быти, аще и не всѣмъ, въ скарбницы церковной. Азъ же бихъ и найпаче разсмотрѣхъ, и видѣхъ, еже не видѣхъ отъ рожденїя моего, еже и описати отнюдь не могу, ибо цѣни оному богатству наложити нѣсть мощно, токмо таковую скудоумѣемъ моимъ полагаю цѣну, яко возможно бы, мнитмися, царство съ землею и войскомъ искупити. Сїя азъ видѣвъ, удивихся и ужасохся. Таже изшедшимъ оттуду, тамо даде намъ еклесїархъ истинное изображеніе чудотворнаго образа Марїяцелскаго, въ свидѣтельство на немъ же написа имена и променованїя наша, и повелѣ намъ утро исповѣдатися, еже ми обѣщающесе сотворити, не сотворимъ, но отидохомъ и разлучихомся на поли по два и испросивше въ домѣхъ мѣсто, гдѣ кто возмогъ, ношевахомъ. Заутра же, въ среду, вѣставше, идохомъ къ костелу и слышавомъ служби Божой, чрезъ нашего священника тихо отправованной. Послѣди изшедше, быхомъ въ иномъ костелѣ маломъ, на странѣ града подъ горою стоящимъ. Тамо видѣхомъ ангеловъ двоихъ по обою страну олтаря отъ древа лѣпотнѣ содѣяннихъ, аки на воздуху висящихъ и имущихъ въ рукахъ своихъ сосуди каменїя, отъ нихъ же здрава непрестанно исходитъ вода въ чаши великіе мраморніе и исходитъ паки тѣмїжде въ подземніе странны. Оттуду изшедше, купихомъ себѣ мало что къ ястію и питїю. И покрѣпившися, идохомъ паки подобнѣ горами, якоже и прежде, по на надѣ по-

токомъ, но уже широкимъ и глубокимъ, иже аки рѣка течеть. Черезъ людей ласкавшихъ, ибо нѣгдѣ тамо не пощевахомъ на поли, но въ домахъ или въ стодолахъ. Тамо уже не бяху тако каменисто, но глиняніе и нижшіе горы, точію издалеча видѣхомъ високіе и много снѣга на нихъ. Прешедше же отъ Маріацель пять миль, прійдохомъ къ веси Шебѣжень, зѣло въ глубокой долині стоящей. Тамо едва съ зѣлнимъ трудомъ снідохомъ съ горы, найпаче же понеже тогда бистъ дождевное лянїе, идѣже пощевахомъ въ гостинницы. Оттуду завтра, въ четвертокъ, идохомъ четири милѣ и dospѣхомъ къ мѣстечку изрядному, нарицаемому Кофембергъ. Оттуду, завтра, въ пяттокъ, идохомъ шесть миль черезъ градъ Пругъ, черезъ градъ Лоимъ, и черезъ веси Санктъ Михаель и Санць Лоренць. Тамо пощевахомъ. Оттуду, завтра, въ субботу, всединаче идохомъ помежду горами пять миль, точію низшими. Азь же послѣдствовахъ имъ и прійдохъ къ граду значному, не вѣмъ како разминувшися и предваривши ихъ, и бихъ тамо въ кляшторѣ Францишканскомъ. Тамо ми дадоша окрухъ хлѣба лѣпотнаго и чашу мѣрну вина, имъ же азь удоволившися, хотѣхъ изійти отъ града, но нѣкій тамо начальникъ повелѣ возвратити мя воспятъ и вопросы мя о патента и написа нѣколико словесъ на Вѣденскому и отпусти мя съ миромъ. Азь же изшедъ внѣ града, прійдохъ къ нѣкоей веси, недалече отстоящей; тамо пощевахъ въ гостинницы, при пути стоящей. Оттуду завтра, въ недѣлю, отъ сна воставъ, идохъ двѣ милы и прійдохъ къ нѣкоей веси, и снишедшеся тамо бихомъ вси на мшѣ. Оттуду идохомъ четири милѣ къ граду, нарицаемому Навмаргъ. Тамо азь паки отъ нихъ остахся, не могохъ же dospѣти къ граду дождевнаго рады лянїя; но внѣ града недалече пощевахъ, у домѣ великомъ го-

стинномъ, идѣже хлѣбъ пекутъ, продающія рады; дадоша же ми въ вечерь окрухъ хлѣба благаго. И снѣдши, пощевахъ на сламѣ прекрасно; еще бо нѣгдѣ тако не прилучися, яко тамо лѣпо устроено, угощенія ради странныхъ. Въ понеделокъ заутра не идохъ къ граду, не представаше бо дождь, но паче вѣщшій умножашеся. Егда же молитвы обичнїя прочеть, призваша мя къ кухни и даяху ми ясти нѣчто отъ варенїй, азъ же, познавъ бити не постное, не восхотѣхъ ясти, но паки просихъ хлѣба самаго и дадоша ми окрухъ мѣрень и снѣдохъ въ славу Божию, и ожидахъ донелѣже престанеть дождевное лїанїе. Мняхъ же яко тако будетъ до вечера, и возлегохъ мало и спяхъ. Егда же востахъ, видѣвъ яко преста мокрота, идохъ къ граду Навмаргъ. Тамо снѣдохомся съ своими и идохомъ къ рихтару, да положитъ подѣпись на патента, и бистъ тако. Оттуду изшедше мило, нощевахомъ въ нѣкоей гостиницѣ, при пути стоящей. Оттуду, заутра, въ второкъ, они убо преди, азъ же послѣди, идохъ пять милъ къ граду, именуемому Сантъфаидъ. Тамо не обрѣтохъ ихъ, но идохъ еще мило едину къ нѣкоей веси и тамо нощевахъ. Случижеся мнѣ тогда на пути скорбь не мала, ибо погубихъ отъ пѣнязей яко два златихъ Полскихъ или вѣщше. Заутра же, въ среду, воставши зѣло рано, возвращахся воспать, но никакоже обрѣтохъ; идохъ же оттуду, на Господа возвергши печаль, идохъ четири мили и придохъ къ нѣкоей веси, надъ езеромъ великимъ, шерокимъ и долгимъ стоящей; тамо нощевахъ въ гостиницѣ, при пути стоящей. Тамо видѣхъ на другой странѣ езера клашторъ изрядень, надъ самимъ берегомъ стоящъ, отѣвнѣ и отѣвнуръ каменїй, и вежу такожде иматъ красну и високу, на ней и зегарь и часословъ изрядень. Тамо обитаютъ законники, именующїися Бенедиктани. Оттуду, заутра, въ четвертокъ, шество-

вахъ по-надъ тимъжде езеромъ двѣ мили и прійдохъ до града значнаго, иже именуется Филохъ; тамо искахъ своихъ, но не обрѣтохъ, биша бо они въ нѣкоемъ кляшторѣ, азъ же мнѣхъ, яко уже отъидоша далече и идохъ оттуду за ними не медля. Прешедши же яко полмилѣ отъ града и приходя уже подъ великіе зѣло гори, обрѣтохъ при пути нѣкую гостинницу каменну изрядну и двѣ каплици древяни при ней стоящїи, отъ нихъ же зѣло чиста истѣкаетъ вода; мнѣхъ же азъ яко хладна есть и хотѣхъ напитися, но егда вложихъ первѣе руку и ощутивъ бити теплу, аки би согрѣяну при огны, усумнѣхся и почудився Божиимъ судьбамъ и строенію Его, како такова теплота отъ спудовъ горнихъ истѣкаетъ. Таже мислихъ тамо мало препочити, труда ради и паленія солнечнаго, бѣ бо мѣсто изрядно, и видѣвъ міющихся людїй въ онихъ теплицахъ, и азъ возжелавъ и идохъ и молихъ обитающихъ тамо, да не возбранятъ и мнѣ омитися. Они же хотяху отъ мене мзду воспрїяти, но азъ имъ отрекохъ, яко мзду за мя грѣшнаго дастъ вамъ Господъ Богъ, таже едва умолихъ безмездно и идохъ и михся донелѣже ми годѣ бистѣ. Послѣди же прїидоша и спутшественники мои; мняху бо и тїи, яко вода хладна есть и хотяху пити и узрѣвше мя во водѣ міющася и себѣ возжелаша, и идоша и умолиша такожде, и премедлихомъ долгое время міющася, зѣло бо изрядна вещь и не можетъ скоро отпустити человѣка. Оттуду идохомъ твердимъ и зѣло труднимъ путемъ, по-между и чрезъ височайшіе гори каменніе, бѣль алавастръ родяціе, на нихъ же ни травы, ни древа, токмо единъ снѣгъ изобрѣтахомъ, и прешедше полтори милѣ, нощевахомъ въ нѣкоей веси. Идуще на путн видѣхомъ кляшторъ зѣло изрядень, на високой скалѣ стоящъ, въ нѣкоей веси, аки нѣкій замокъ, бихомъ бо въ немъ и

видѣхомь армати, и до цели чрезъ три врата каменніе ити требѣ. Таже пренощевавше, завтра, въ пятокъ, идохомь чрезъ весь день точію четири милѣ зѣло сокривленнымь, помежду горами, и твердимь шествовахомь путемь, dospѣхомь же кърасному и пресловутому граду, именуемому Понтафль, Руски же, или Славенски, Понтава, идѣже Нѣмецкая кончается, Итальянская же, или Влоска, зачинается граница. Сіе мѣсто, аще и не весьма красно есть, обаче пресловутое. Тамо дадоша намь свидѣтельство, даби свободно возмогли прейти далей, и дадоша шпиталь на ноць, но ничтоже дадоша къ лѣтію или питію, токмо самое мѣсто къ упокоенію. Оттуда завтра, въ субботу, премѣнихомь монету, тамо бо инная уже Венеціанская идетъ монета, мислихомь же сухимь путемь ити даже до самого Рима; нѣціи же намь совѣтоваху, яко унше есть моремь на Венецію. Се же того ради, яко и за краткое возможеть бити время, и многая чудесная узрѣти возможеть. Сей ми воспріяхомь совѣтъ и по совѣту сотворити обѣщахомся; обаче до здѣ Нѣмецкими шествовахомь милями, но уже краткими Итальянскими начахомь. Прешедше того дне 10 милѣ, чрезъ гради идуще, именно: Донія, Склюзъ, Лѣсюта, препочивахомь въ нѣкоемь градѣ; обаче все идохомь по-надъ потокомь, по-надъ крутими горами. Оттуду препочивше, идохомь еще далей. Идохъ же и азъ, послѣдуя имь, не могохъ бо въкупѣ ити, скорого ихъ ради хожденія, и скорбляхъ отчасти; но се внезапно, по Божію смотреію, видѣхъ плывущихъ потокомь съ доски рѣзанными на плитахъ и молихъ ихъ, да возмутъ и мене съ собою; они же, Богу тако содѣйствующу, безъ всяка отреченія взяша мя. Пловохъ же съ ними 5 милѣ и присташа на ноць къ берегу подъ градомь, нарицаемимъ Зоріумъ. Воздавши же азъ имь должное метаніе за та-

ковое ихъ благодѣяніе, идохъ къ оному граду, яко поприще едино. И случися мнѣ ношевати у челоуѣка блага, иже именуется Петръ Вѣнтурини, словомъ, воистину и дѣломъ, челоуѣкъ благъ и милосердъ, даде бо ми ясти и пити и многа блага разглаголствова съ мною. До здѣ гори, оттуду идохъ полемъ седмь милъ, въ день недѣльный, до града Санктъ Данѣль. Сіе мѣсто изрядно, на низкой горѣ стоящее, и хотѣхъ тамо бити на мшѣ, но не достигохъ; прійдохъ же тамо къ шпиталю, идѣже пелгримамъ мѣсто дается къ препочиванію. Тамо мя безъ всякаго прекословія пріяша и дадоша ми къ ястію вина и хлѣба, по обичаю своему, азъ же снѣвши то, спяхъ довольно. Таже воставши, писахъ путникъ, ожидаючи своихъ и премедлихъ даже до вечера; таже и они прійдоша. Паки въ вечеръ дадоша намъ по чаши вина и по окруху хлѣба, но не всѣмъ, мнѣ точію не дадеса, азъ же купихъ, единожди бо точію на день тамо дается. Таже, по обичныхъ молитвахъ, возлегохомъ кійждо на ложи, еже кто себѣ избра. Ложіи же тамо вси, яко едино поставленни. Заутра же, въ понедѣлокъ, воставши и паки по обичныхъ моленіяхъ просихомъ, да дадутъ намъ что снѣдно, но никакоже дадоша. Купихомъ же себѣ кійждо противу силы своей и покрѣпихомся, да не ослабѣваемъ на пути. Таже идохомъ оттуду двѣ мили и прійдохомъ къ веси, нарицаемой Вѣлнѣоре. Тамо нѣци отъ насъ препочиваху, нѣци пройдоша по стогнахъ, просяще хлѣба, драго бистъ куповати. Оттуду, препочивше часъ довольно, идохомъ 5 милъ до веси, нарицаемой Дигняно. Оттуду превезохомся чрезъ рѣку невелику, — невозможно бо бистъ прейти ногами, но мзди не дахомъ, оставиша бо намъ Христа рады, — и прешедше 5 милъ, доспѣхомъ къ значному граду, рекомому Валюежонь. Сіе мѣсто красно и изрядно отъвнѣ

и отъвнуръ. Тамо прїдохомъ къ шпиталю, идѣже то-
чїю четири ложа суть уготованны пелгримамъ, обаче
изрядны; ко яденїю и ко питїю ничесо же дается. Тамо
намъ мѣсто на ноцѣ дадоша и пренощевахомъ угодно.
Воставши же отъ сна, заутра, въ вторникъ, отгуду
шествовахомъ 10 миль къ граду невелику, иже именуется
Қордоватъ. Тамо отъ кляштора, въ немъ же обитають
Павлѣны, несприхомъ вина и зѣло мало хлѣба. Таже
паки отгуду идохомъ пять миль и прїдохомъ къ пре-
словутому граду, ему же имя Портогуаро, рекомое отъ
порта, си есть пристанища, портъ бо Латински, Славен-
ски же пристанище толкуется. Се же того ради, яко
недалече берега морскаго разстоянїе имать, и отъ него рѣ-
кою впадающею въ море плвуть къ Венеціи и къ инымъ
странамъ кораблями. Тамо попустиша намъ мѣсто но-
щеванїа ради въ гостиницы, идѣже къ ястїю или питїю
ничтоже намъ не дадоша, точїю мягки бѣли и чисти по-
слаша постеля, на нихъ же угодно въ славу Божїю
черезъ ноцѣ препочихомъ. Заутра же, въ среду, востав-
ши рано, идохомъ къ корабленкомъ, ищуще, иже би вос-
хотѣли плисти на Венецію, но не обрѣтохомъ. Таковїй бо
тамо обичай, яко точїю два рази въ седмицу корабль на
море идетъ, си есть въ понедѣлокъ и въ четвертокъ. И тако
умисливше ожидать утра, скитахомъся при корабляхъ при
портѣ, не имуще гдѣ главы приклонити, ибо нѣгдѣ въ дому
препочивати не попускають; ядохомъ же, еже купи-
хомъ, мало точїю отъ домовъ хлѣба испросивше. При-
спѣвшу же вечеру, идохомъ на ноцѣ паки къ вишне-
реченной гостиницы, тамо бо на три ноци время
путникомъ дается, и препочихомъ съ Богомъ. За-
утра же, въ четвертокъ, идохомъ рано до порту и
обрѣтохомъ корабль, приплившїй отъ Венеціи и паки
до Венеціи отплисти имущїй въ вечеръ. Ми же не от-

ходяще отъ пристанища, чрезъ весь день пребываюмъ тамо, потребная кійждо своя дѣлающе. Не имій азъ тогда, что творити, писахъ сіе, еже видѣхъ и разсмотрѣхъ, идуще чрезъ сію часть земли Италіанской, начень отъ Понтави даже до здѣ. 1) Видѣхомъ виногради великіе зѣло, толсто, високо и широко растушіе, при иннихъ же древахъ великихъ лѣсныхъ сажденіе. Се же того ради, да отъ единого древа къ другому и паки къ третьому приципляются, и тако аки нѣкіе лѣси стоять, плода же зѣло изобилнаго имуть. 2) Жита и пшеници зѣло мало, иннихъ же пашень никакоже сѣють, токмо много пшеници Турецкой, юже простій народъ въ иннихъ страннахъ именуеть кіяхи. Ту пшеницу на многія вещи употребляютъ, мелютъ бо первѣе на муку, и иніе отъ нея самія кашу варятъ и хлѣбъ пекутъ, иніе же въполь мѣшалоше, сія творять. Не сѣють же въ оградехъ ничесого, кромѣ единой капусты. Тамо никакоже обрящени квасна хлѣба, токмо сладкій яко медь, его же намъ въ милостину даяху, но никогда же возможно бистъ насититися, аще и довольно ядохомъ. 3) Слонце тамо зѣло палитъ и всячески жестоно шествовати, рано бо теплота начинается и долго триваетъ. Того ради два рази въ едино лѣто сѣменена въ землю всѣвають и два рази пожинають. 4) Видѣхомъ отъ дровъ сосни Влоскіе, яловець и фіги съ плодомъ растушіе. Фиги тако растутъ, яко и орѣхи Волоскіе, листвѣе же яко у винограда или у рай древа, зелія точію грубшіи и жестокии. 5) Цѣлая Венеція за патрона себѣ имѣеть Евангелиста Марка; на пенязяхъ же и всюду печатуются онимъ. Еще же, кромѣ того, на надписаніяхъ и грамотахъ царскихъ, по пристанехъ и вратахъ градскихъ, вмѣсто его самага, левъ съ крилами изображается, держацій въ ногтехъ своихъ книгу, на ней

же сицево написаніе вездѣ чтохомъ: *Rax tibi Marce Evangelista meus*—миръ тебѣ Марко, Евангелисто мой.

6) Тамо невозможно разнствія познати между невѣстою и женою: обоя бо одиначе ходять, не покрывающе глави, аще би и сѣдину имѣли. Но возвращаюся къ первому. Егда бо приспѣ вечеръ того дне, си естъ четвертка, вопросихомъ пловцовъ, что хочете, да превезете насъ къ Венеціи? Они же рекоша, яко три литри отъ коегождо (литра 4 шаги или шосточки). Ми же аще и много молихомъ, да менше отъ насъ возмутъ, но никако же получихомъ. Обаче не идохомъ уже на нощъ къ гостинници, но нощевахомъ въ корабли, бояхомъбояся да не нощію отплуютъ и оставятъ насъ тщихъ. Зѣло бо желахомъ видѣти Венецію, слишахомъ бо еще здавна отъ многихъ, яко многочисленія вещи чудеснія тамо обрѣтаются. Утру же возсіявшу, въ пятюкъ, ожидохомъ до полудне, донелѣже отпловетъ корабль, но дождевнаго ради кропленія и ожиданія ради инихъ, тогда имѣвшихъ бити въ корабли, замедлѣ. Таже по полудны, яко о третомъ или о четвертомъ часѣ, пустихомъся отъ берега и плвохомъ одною морскою даже до вечера. Нощи же надходящей внезапноу возшумѣ вѣтръ великъ и возбуди волны на водѣ великіе и начать жестоко колебати кораблемъ и соврати корабль отъ пути на инное мѣсто. Видѣвъ же кьрабленникъ, яко нелѣпо дѣйствуется съ нами, абіе верже котвицу воскрай берега и оцѣпи вервомъ за парось, иже посредѣ корабля стоитъ, повелѣ всѣмъ ити къ верву, иже биша въ корабли, и тягнути вервь, при паросѣ привязанъ, даби возмогль пристати къ берегу. Ускориша же вси, не токмо бодрствующіи, но и отъ сна воставшии, паче страха ради, а не повеленія, и едва съ великою силою привлекохомъ къ берегу. Бистъ же тамо на брезѣ нѣкая корчма, и привязавше корабль, идохомъ въ ню и купихомъ, елико

кто возможе къ ястію и питію, таже паки возвратихомься воспать въ корабль и спахомь. Заутра же, въ субботу, воставши отъ сна, плихомь одногами морскими, сѣмо и овамо текущими воскрай брега морскаго. Видихомь же много весей и нѣколико градовъ издалеча и много виноградовъ великихъ, краснихъ; видѣхомь паки море и кораблей безъ числа на немъ, отъ различныхъ странъ пловущихъ, и вольни морскіе, аки холми великіе; зѣло играше бо тогда море, и сего ради корабленникъ онимъ не хотяше плисти, ибо корабль бяше малъ, еще же къ тому и отягченъ. Кораблѣ же, иже издалеча плвуть на морѣ, мнятся не аки на водѣ, но аки на землѣ стояти. Се же того рады, яко широта толь велика есть, яко не точію очеси, но и умомъ постигнути тяжестно есть. Сія азъ видѣвъ, помянухъ Пророка, вопіюща: „Нисходящїи на море въ кораблехъ и творящїи дѣланїя въ водахъ многихъ, тїи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ“. Благодарствовахъ же Богу, яко и самъ иногда слышати, нинѣ же видѣти сподобихся. И препливше отъ Портогуара осмьдесятъ безъ двохъ миль, пристахомь къ берегу морскому, идѣже Венецкая стражъ стоитъ и презираеть свидѣтельство. Дадохомь же и ми о себѣ свидѣствованное писаніе, еже въ Портогуару дадеся, и абїе пропустиша насъ. Пловохомь же оттуду самимъ моремъ седмь миль, даже до Венеціи. Видѣхомь же недалече одесную, при брезѣ моря, градъ зѣло великъ и красень, ему же имя Бурянь. Паки видѣхомь аки погруженъ на водѣ стоящъ костель, зѣло изряденъ. Паки видѣхомь ошуюю на водѣ стоящъ кляшторъ великъ и лѣпотенъ. Вечеру убо темну надшедшу, приспѣхомь къ вездѣ пресловутому оному граду Венеціи, и припливше даже къ самому предьградію, привязахомь корабль къ углу нѣкоего храма; послѣди же помишляхомь внїйти въ

градъ, нѣсть бо тамо стражія, ни вратъ, и сего ради никто же би намъ возбранилъ входа. Но понеже ноцъ бистъ, сего ради оставихомъ и нощевахомъ въ корабли, имъ же приплихомъ; ядохомъ же, еже кто что имѣяше. Утру возсіявшу, въ недѣлю, идохомъ къ гостиници святой Анны, идѣже прекрасная ложа видѣхомъ, путниковъ ради устроеная, но ничто же получихомъ къ ястію или питію, ибо точію единъ разъ въ вечеръ дается ясти, въ день же и сѣдѣти не поустятъ. Суть же таковыхъ гостиниць тамо три. Оттуду идохомъ на службу Божию къ Греческой церкви и просихомъ милостини отъ протопопу, исповѣдающе себе быти православныхъ, но не разумѣяше нашего нарѣчія. И се, по случаю Божію, или по обыкновенію своему, снідошася Грецкіе дѣти на набоженство къ церкви, иже учатся язика Латинскаго; тіи разглаголствоваху многая съ нами. Прійдоша же послѣди и искусніе ихъ учителя и бесѣдоваша долго, вопрошающе насъ о вѣри, въ мнзѣхъ вещьехъ и откуда есми родомъ, усумнѣвахубося о благочестіи нашемъ, не хотяще вѣру яти. Послѣди же увѣдавше, яко истину глаголемъ и требуемъ милостини, тече единъ отъ нихъ въ олтарь къ протопопѣ и возвѣсти о насъ, яко православны есми и благочестивыи христіане, еще же къ тому глагола насъ отъ Россійскихъ странъ родомъ сущихъ. Се же того ради, да болшую пріобряземъ милость, зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ, ибо и образи ихъ всѣ въ своей церкви имѣють. Сія увѣдавъ о насъ протопопа, обѣщася намъ сотворити милостину, токмо повелѣ ожидать утра и быти въ церквѣ на литургіи, понеже праздникъ тогда случися бити святыхъ верховныхъ апостоль Петра и Павла. Ми же на службѣ Божой тогда въ церкви бихомъ и видѣхомъ чинъ церковный, красно устрояющійся, и слышахомъ лѣпотное пѣніе Греческое, аще и не разумѣ-

хомъ словесъ, точію самую вещь; но вся тако, якоже и въ Руси, токмо Евангеліе чтется не посередѣ церкви, но по лѣвой странѣ, на казалници, високо. Оттуду, по службѣ Божой, идохомъ къ второй виталници, си есть гостинници, или къ шпиталю (яко же тамо именують), чающе что испросити къ ястію или питію, но вотще трудихомься. И тамо бо тако, якоже въ первомъ, точію единою въ вечеръ дается по укрузу хлѣба. Оттуду идохомъ на средоградіе, между ряди коморніе, и купивше себѣ нечто мало, свѣдохомъ. Драго бо тамо вся продають, милостини же испросити зѣло трудно. Таже разсмотрѣвахомъ, что гдѣ продается, но мало гдѣ что баше, бысть бо тогда день неделный, въ-нѣже куплю дѣяти не волно никому же (якоже и повсюду въ православныхъ, недѣлю и святыя дни обсервервуютъ); токмо видѣхомъ книги Латинскіе продаеміе, и купихъ азъ едину. Оттуду возвратихомься на вечерню къ Греческой церквѣ, и слышавомъ вся пѣнія и чтенія, якоже и въ нашихъ странахъ, точію нарѣчіемъ разнствуютъ, а не вещью. По вечерни многая разглагольствоваху съ нами Греки, младіе и старіе, искушающе и вопрошающе насъ о вѣрѣ. Ми же, якоже научихомься и якоже Духъ Святый насъ наставиль, въ всемъ добрый отвѣтъ дадохомъ. Нашедшу же мрачну вечеру, требѣ баше ити къ единой отъ предреченныхъ гостинницъ, ястія рады. Ми же не идохомъ двоихъ ради винъ: первая, яко обѣ далече отстояху вторая, яко жelahомъ быти на утрени, праздника ради, и ношевахомъ въ шпитали тоейже Греческой церкви, еже именуется Георгія святаго великаго мученика. Заутра же, воставши отъ сна, въ понеделокъ, си есть въ день празнованія святыхъ верховныхъ апостоль Петра и Павла, бихомъ на утрени; таже послѣди и на службѣ Божой, и по совершеніи дадоша намъ милостину, и благода-

рихомъ Бога за призрѣніе его таковое на насъ, яко и въ праздникъ Сочествія Святаго Духа, и въ день святыхъ верховныхъ Апостоль сподобихомся бити въ церквѣ. Оттуда хотяще уже изійти идохомъ паки чрезъ средоградіе и видѣхомъ многое множество коморъ и въ нихъ всякія продаемія вещи чудесніе, драгоцѣнніе и малоцѣнніе. Выхомъ же въ прекрасномъ костелѣ святаго Марка Евангелисти, иже отъ церкви превращенъ есть. Видѣхомъ бо и древныхъ иконописцевъ дѣло и отъ расположения познахомъ, еще же къ тому и слушахомъ отъ жителей. Тамо видѣхомъ отъ мрамора краснѣ изсѣченіе многіе вещи, яко почудитися всякому, найпаче же подножіе церковное тако зѣло хитростно и лѣпотно устроено, яко и восхвалити по достоянію нѣсть мощно. Тамо бо самымъ мраморнымъ каменіемъ дробнымъ и различновиднымъ сажденно хитростно тако, яко различніе растущіе цвѣты изображаются. Такожде и отъвнѣ лѣпо устроенный. Еще же, кромѣ того, отъ приходу високо, на щиту, великіе и красніе, аки живые спѣжовіе кони имать. Тогда разсмотрѣхомъ лѣпоту, аще и не всю. и основаніе града того, чудеснымъ Промисломъ устроенное, и воистинну по достоянію его описать невозможно путешественнику, развѣ жителей, еще къ тому и искусному, иже вѣсть входи и исходи и основаніе и создателя его. Азъ сіе токмо пишу, еже разсмотрѣхъ. *Краткое описаніе града Венеціи:* 1) Венеція основанна есть въ водѣ морской, на отмѣлѣ. 2) Раздѣляется на много частей. Се же того ради, да кораблѣ помежду части града переходять. 3) Вратъ и огражденія не имать, не боить бо ся никого. 4) Въ всякой улици имать воду морскую, непостоянну, временемъ бо велика, временемъ же мала биваетъ (еже азъ самъ многожди пристрегохъ). Се же дѣйствіемъ моря творится. 5) Отъ единой къ другой

улици все мости каменіе и високіе имать, прехожденія ради чрезъ воду, високіе же того ради, даби подъ нихъ чолнами и малыми кьраблями преходити возможно било. 6) Лѣпотніе и високіе доми единь при другому чинно стоящіе имать, верхи же, ими же димь исходить, въ всѣхъ единымъ образомъ, яко лейки, устроеніе. 7) Кладези суть едва не въ всякомъ дому, отъ нихъ же варенія ради и питія почерпають воду. Обаче не такова въ нихъ вода, яко же въ морѣ, въ морѣ бо горка, слана и непріятна, тамо же сладка, здрава и добра, но отъ дожда собыраема. 8) Всякіе вещи ядоміе, кромѣ одинаго хлѣба, на вагу продаются тамо. 9) Вода проста здрава, купно съ напойми инними, продается мѣрою. 10) Коня и ниже инного скота ни одинаго нѣсть тамо, токмо всякъ имать противу силѣ своей чолнь или два, или корабль, имиже потребная себѣ превозить, аможе хочеть. Коней же четири отливанихъ, спезовихъ надъ дверми соборной церкви святаго Евангелиста Марка, (не вѣмь) публики ли ради или инной вины, на самомъ ринку стоящей, поставиша. Сіи пренесошася отъ Цариграда, отъ Святой Софіи. 11) Обыкновеніе имуть ходити въ плащахъ и въ лѣтѣ, токмо въ легкихъ. 12) Всякъ отъ мужеска полу носить всегда при себѣ образецъ, на паличцѣ малой устроень, прохлажденія ради. Отъ женска же полу иннимъ образомъ. 13) Риби морской, аще и довольно имуть къ ястію, но не доволны оною. Еше же ядятъ и жаби водянія, самъ бо азъ видѣхъ ловцовъ и продавцовъ. 14) Въ всей Венеціи и далечае даже до Рима и Бара не видѣхъ чернаго житнаго хлѣба, точію всюду пшениченъ, бѣль же, аки снѣгъ, малъ же, аки просфоры, того ради и драгую дѣну имать. Не вся пишу тебѣ, трудолюбивій читателю и слиспателю, ибо (яко же прежде рѣхъ) невозможно довольно, развѣ жителейвѣ, описати или паче да не непріа-

тень тебѣ своимъ явлюся многословіемъ. Прочая, аще хоцещи, устами тебѣ исповѣсти обѣщаюся, нинѣ же къ первому, си есть къ путешествію, возвращаюся. Оттуду, въ понеделокъ по полудни, давше мзду цловцу, превезохомся челномъ пять миль къ пристанищу на брегъ и паки идохомъ путемъ сухимъ дватцять миль до града пресловутого Падвы. Идоша же мои спутшественныки чрезъ всю ночь и dospѣша тамо рано въ вовторокъ. Авъ же не могохъ съ ними ити, но по силѣ своей и по произволению идохъ чрезъ веси красніе, зѣло удивителніе доми и вертогради имущіе, и нощевахъ за 7 миль отъ Падвы, въ веси, зовомой Доля. Обаче не возмогохъ мѣста испросити на ночь и на стогнѣ хотѣхъ возлегти, таже едва съ нуждею умолихъ млинара. Въ второкъ по полудны прійдохъ къ Падвѣ и snйдохомся съ своими въ гостинницѣ и препочивахомъ. Ясти же и пити ничесо тамо намъ дадоша, коея ради вини съпутшественникъ нашъ, честный отецъ Протанскій разгнѣвася зѣло и, не хотя вечера ожидати, разлучися тогда съ нами и поиде преди съ слугою своимъ. Ми же утрѣя ожидахомъ, ради взятія свидѣтельства; нощевахомъ же на инной господѣ, а не въ гостинницы. Заутра, въ среду, бихомъ въ костелѣ святаго Антонія Падвскаго, ему зѣло красень и коштовень олтарь устроенный отъ алавастра и мрамора видѣхомъ. Познахомъ же костель, иногда святую церковь быты, ово отъ расположенія и верховъ, ово же отъ древнаго малованія. Тамо пріяхомъ свидѣтельства. Таже не медля идохомъ изъ града и видѣхомъ паки инъ костель, отъ церкви превращень, таковоежде расположеніе имущъ, якоже и предреченный. Шествовахомъ же отъ Падвы чрезъ среду и четверъ, чрезъ тры воды перевозчися и чрезъ два гради преходячи именуеміе Гуара и Рувига. Въ пятокъ рано внідохъ въ

значній градъ Ферара, уже подъ Папѣжа належачій и его монету имущій. Тамо премѣнивше монету Венецкую на Папѣжскую зъ надаткомъ, купованія ради хлѣба, уже бо тамо милостиню зѣло мало обрѣтахомъ, и идохомъ къ пресловутому и великому граду Бононѣя завоному, въ ней же различніе вещи продаеміе видѣхомъ, чрезъ градъ преходяще. Случи же ся тамо намъ бити въ нѣкоего аптекара богата, челоуѣка блага, иже умѣяше разглаголствовати Латински. Сей, видя насъ алчущихъ и жаждущихъ, насити, напои насъ виномъ довольно, яко избыткомъ остатися. Тамо видѣхомъ дивная, яже никогда прежде: видѣхомъ истинаго крокодила изсушенаго и змію великую зѣло, такожде изсушенну, и инная безчисленная отъ ползających, четвероногихъ и морскихъ животнихъ. Послѣди же, мало отпочивши, идохомъ отъ града Бононѣи пять миль и приспѣхомъ еще предъ захожденіемъ слонца къ гостинниці святаго Петра зовомой, при пути стоящей, отнюдуже нехотѣхомъ далѣе шествовати, но изволися намъ тамо обнощевати. Тамо намъ дадоша бѣлаго хлѣба по довольному окруху (по обикновенію своему) и по двѣ чашици малихъ вина, съ водою раствореннаго, и одри бѣли и чисти къ пренощеванію, идѣже препочихомъ чрезъ ноцъ. Оттуду заутра, въ неделю, идохомъ двадцать миль чрезъ весь день и преидохомъ сквозѣ градъ, рекомій Иммоля, аще и не великій, но лѣпъ, и dospѣхомъ вечеръ къ второму граду, подобному ему, именуемому Касталлюмъ. Тамо нощевахомъ въ госпиталю pereгринскомъ на постеляхъ добрихъ; ясти же и пити ничтоже дадоша. Оттуду вѣставши отъ сна въ понеделокъ идохомъ два дни 36 миль и пройдохомъ гради маліе зовоміе и Фавенса и Католѣка. Таже въ второкъ заходящу слонцу dospѣхомъ къ единому граду не весьма велику, но лѣпотну въ строеніи домовъ, ему же имя

Аримимѣнѣ. Градъ оный есть ветхій и пресловутій отчасти, поневажъ недале стоитъ отъ моря яко за поприще едно на мѣстѣ равномъ и веселомъ подъ горами и иматъ корабельное пристанище. Тамо пойдомъ въ гостинницу путническую и первое намъ случися, яко обнаживши насъ до послѣднего рубища вѣхъ колико насъ случися тамо, ведяху на одри, созирающе по единому создаи, еда ли не иматъ прокази или чесо иного на тѣлѣ, и аще кій что либо нибуть имѣяше, особое даяху мѣсто; ми же удивляхомъся обичаю оному и похвалихомъ тщаніе ихъ, яко призирають, да единъ отъ другаго не повреждается. Оттуду, рано, въ среду, изійдохомъ и шествовахомъ два дни и ноци съ обнощеваніями земними при пути, не ищуще гостинницы, понеже путь баше простъ и равень берегомъ морскимъ, прейдомъ же градовъ, при морѣ стоящихъ, три, лѣпотнихъ строеніемъ, именуемыхъ Пейзеро, Фано, Сенегалія; отъ нихъ послѣдній градъ краснѣйшій и славнѣйшій пристанищемъ кораблей, понеже въ то время бистъ тамо ярмарокъ великъ, и видѣхомъ множество купцевъ, съ различными товарн пришедшихъ, и овихъ купующихъ, овихъ же продающихъ всякіе вещи. Тамо мало замедлѣхомъ. Идуцмъ же намъ посредѣ града чрезъ мостъ древяній зводистій, случися видѣти чудесное: дѣти Италѣянскіе убогіе, въ десяти лѣтехъ и ниже, влазаху нагіе верху звода онога моста, иже отстояше отъ води високо яко три сажни, глубини же въ водѣ мною яко три сажни, и аще кто отъ людій метнетъ въ воду наименшую монету квадратинь, то есть шелягъ, абіе оніе дѣти вергаются въ висоти въ глубину водну даже до дна и мало тамо замедлѣвше вскорѣ обрѣтше износятъ и елицо людіе метяху, не единого квадратина не оставиша погибнути въ водѣ, якоже предъ нашими очима явнѣ сотворися.

Ми же, видѣвши хитрость ума и сердечную отвагу дѣтей онихъ, чудихомся не помалу. Таже оставше, изійдохомъ оттуду предъ захожденіемъ слонца, не хотяще въ гостинницахъ ношевати, даби не медляще скоро могли шествовати, понеже болше ноцію уходядохомъ, нежели днемъ, вара дѣля солнечнаго, зѣло палящаго, къ тому же прискорбно намъ бистъ, яко зліи тамо намъ случахуся людіе, понеже ни отъ кого ни въ чесомъ милостини получити не возмогохомъ, и единаче намъ бистъ такъ шествовати въ ноци, яко въ дны, понеже разсмотрѣвши ихъ нестраннолюбіе, оставихомъ ихъ вящше просити, но за пѣнязи, яже имѣхомъ, куповахомъ, ускоряюще мнуги ихъ странну, найпаче же о хлѣбъ трудно бистъ зѣло, не токмо дати, но ниже продати не хотяху на распутіяхъ и при пути въ гостинницахъ живущіи корчемники, аще кто не прежде купитъ у него вина, поневаже тамо вина доволно, хлѣба же оскудно. Намъ же не бистъ тако потребно вино, яко хлѣбъ, понеже (яко же уразумѣхомъ) съ хлѣбомъ безъ вина крѣпцѣ могохомъ шествовати, съ виномъ же безъ хлѣба, аще и найкрѣпчайшимъ, ослабѣвахомъ. Сего ради аще и нуждни сребра бѣхомъ, хотяще и не хотяще куповахомъ первѣе вино и тогда намъ продаяху хлѣбъ; аще же ми мало взимахомъ вина, хотяще токмо да продадутъ намъ хлѣба, колико хошемъ, не продаяху вящше, но за колику цѣну взимахомъ вина, за толику продаяху и хлѣба. Се же токмо на пути бистъ, въ градѣхъ чесого изволихомъ куповахомъ. Сего ради, якоже прежде рѣхъ, не медляще изійдохомъ отъ града Сенегалѣи предъ захожденіемъ слонца и прахъ отъ ногу нашею оттрясающе, по словеси Евангелскому: „Идѣже аще не пріймутъ ви, изходяще оттуду и прахъ отъ ногу вашею отрясите въ свѣдѣтельство имъ“; понеже и тамо аще толь

многій соборъ бѣше различныхъ купцевъ, ничтоже испросихомъ милостини. Идущимъ же намъ тоя нощи и завтра приспѣхомъ о полудни къ знаменитому граду Анконѣ.

Описаніе града Анкони.

Анкона градъ знаменитій и пресловутій въ всей Итали, Венеціи, Греціи и иннихъ странахъ, понеже отъ всѣхъ тѣхъ купци морскіе припливають тамо, творяще куплю, есть бо пристанищемъ славнымъ. Градъ той распростертимъ есть болшій отъ предъреченнаго Сенегалии, строеніемъ же домовъ не весьма высокъ, токмо до тріехъ степеней; доми же вси каменіе и улицы каменемъ насажденіе. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ и високомъ, понеже зрится на все море оттуду, како ходять кораблѣ, не на равномъ же, распростресе бо по горахъ обоюду и вдоль продолженній до брегу морскаго сице близу, яко домовъ вода касается. Чистъ же того ради, яко не равенъ, понеже въ время дожда весь омивается. Води имать здравіе, отъ горъ текущіе и народа содержитъ много. Приспѣвшимъ же намъ тамо въ пятокъ о полудни, идохомъ на пляцъ мѣскій, си есть на базарь, хотяще себѣ купити нѣчто снѣдно на трапезу, но невозможномъ, вся бо на великой цѣнѣ продавахуся; купихомъ же одинаго токмо хлѣба, аще и драго, но безъ него невозможно, цибулю же имѣхомъ съ собою, и предше сквозѣ градъ, сѣдохомъ въ вратехъ града, близъ источника воднаго, и снѣдохомъ трапезу въ славу Божію. Таже поидохомъ, хотяще ускорити къ чудотворному мѣсту Лорету, недалече бо отстояше, токмо пятнадцать миль, гдѣ отъ Анкони за полдня токмо приходятъ. Тогда оставихомъ брегъ морскій, понеже подлежаше

намъ путь въ гори и пойдомъ тяжестнымъ путемъ, горами и долинами. Прешедшимъ же намъ яко двое поприць, ослабѣвахомъ, понеже въ ноци много труждахомся. Шествующе и обрѣтше при пути корчемній домъ, сѣдохомъ подъ сѣнію его и опочивахомъ яко часъ единъ, ово пишуще своя путники, ово утѣшающе другъ друга о нужду и инная бесѣдующе братолюбнѣ. Таже крестное на себѣ положше знаменіе, пойдомъ прилѣжно путемъ горнимъ, шествующе непрестанно, и dospѣхомъ къ пресловутому мѣсту, именуемому Лореть, зѣло позно, мню, о третомъ часѣ въ ноць. Предваривши же азъ съпутника своего Іустина, внідохъ, врати внутрь бяху бо оттворенни. Въ всей бо Италіи не обыкоша заключати твердо вратъ, но аще въ малихъ градѣхъ оттворенни стоятъ, въ великихъ же и знаменитихъ градахъ великіе точію врата отъ всѣхъ странъ затворяются, но маліе отверзети стоятъ. Се же того ради, яко въ всей Италіи чрезъ всю ноць не спять, болше дѣлающе въ ню, нежели въ день, зноя дѣля солнечнаго. Дошедши убо тамо азъ вѣнутрь, идохъ къ гостинници пелгримской, гдѣ едва съ велією нуждою умоливши начальника нощевахъ, не хоташе бо мя пріяти въ таковое позное время, понеже имуть уреченній часъ, въ онъ же снисходятся путники. Другъ же мой и съпутникъ Іустинъ не прійде тогда тамо, и тако раздѣлнѣ оную препровадихомъ ноць. Заутра же, въ субботу, рано снідохомся и пойдомъ въ единъ костель великъ и прекрасенъ строеніемъ, отъ сѣченнаго мрамора зданній, на немъ же и часословъ съреди глашаетъ часи, предъ лицемъ же вратъ началнихъ стоитъ источникъ великъ, зѣло хитростнымъ художествомъ изсѣченъ отъ мрамора бѣла, иже верху степеней аки кладязь широко созданній, посредѣ же иматъ столць, високо сведенній, и окрестъ его четири

нѣякіи животніи лѣпно изсѣченни, кійждо отъ нихъ зъ усть своихъ изобилно точащъ воду, верху же столпа оного пятая струя, тояжде води въ гору аки стрѣла точится непрестанно и на низъ возвращается въ кладязь, отгуду же исходитъ подъ землею, не вѣмъ камо. Къ оному источнику вси приходятъ жаждущіи и пійють и утружденіи, и омивающесе прохлаждають лица своя, хладна бо отъ него и здрава исходитъ вода. Тогда ми пошедши вѣнутрь костела онаго, видѣхомъ лѣпноту его и строеніе удивителное, много бо имагъ престоловъ служебныхъ, отъ драгихъ и различно видныхъ мраморовъ созданія, такожде мраморными таблицами и подножіе насажденно, еще же сугъ сѣдалища отъ древа, ради исповѣдающихся и исповѣдающихъ, чинно устроеніе, и муціе на себѣ кождо свой подѣпись, подѣпись же не что инно изявляетъ, токмо гдѣ каковимъ язикомъ духовній исповѣдаеть, понеже народи разноязични тамо приходятъ отъ различныхъ странъ на поклоненіе и исповѣдають тамо грѣхи своя того ради, яко есть тамо домъ малъ каменній, посередѣ тоя церкви стоящъ, отъ Іерусалима тамо принесенній, о немъ же повѣствуютъ достовѣрне, яко той есть домъ въ немъ же архангелъ Гавриилъ благовѣствова Пречистую Дѣву Богородицу и прочая, что послѣдні ясно изявити потщуся. Ми убо знающе чести писанія Латинская, прочитовахомъ, идѣже что видѣхомъ, или сѣченіемъ или писаніемъ изображенное. Таже прійдохомъ къ онимъ вишшереченнымъ духовнымъ сѣдалищамъ и прочтохомъ вся надѣписанія: яко здѣ духовній въ язике Италианскомъ, здѣ въ Французскомъ, здѣ въ Нѣмецкомъ, здѣ въ Венгерскомъ, здѣ въ Греческомъ, здѣ въ Полскомъ, къ нему же, понеже знахомъ добръ по Полску, идохомъ и даде намъ коемуждо листъ свидѣтельствовацій и по пять баіоковъ тамошней монети, понеже

отъ странъ Полскихъ посилається тамо скарбъ, даби отъ него давалася милостина пелгримамъ Полскимъ, милосердствующи о нихъ за труди ихъ. Таже изшедши изъ церкви идохомъ, видяще иннихъ, идѣже пелгримамъ и всѣмъ убогимъ даются хлѣби мали и по чаши вина два рази на день: разъ предъ полуднемъ, а другій по вечерни. Сія и ми пріавше, не удоволихомся, но идохомъ еще къ гостинници, въ немъ же трапеза изрядна дается страннымъ священникомъ, монахомъ и всему духовному чину и еремитамъ, си есть пустинножителемъ, належитъ же подъ протекцію законниковъ, именуемихъ Капуциновъ. Тамо бо гвардіанъ, си есть начальникъ или игумень Капуцинскій, всегда присутствуетъ съ инними духовными и мирскими особами знаменитими, иже слугать, носяще потрави и вино вливающе въ чаши и прочая потребная творяще. Тамо насъ пришедшихъ и просящихъ нѣчто снѣдно, узрѣ оній гвардіанъ, человекъ благъ зѣло, и вопроси насъ: „Что прійшли есте, друзи? Еда ли есте отъ духовнаго чина или пустинци? понеже здѣ простимъ пелгримамъ нѣсть мѣста, токмо, рече, оное, идѣже обще всѣмъ убогимъ дается хлѣбъ и вино“. Сія же глаголаше намъ діалектомъ Италианскимъ, разумѣ бо, яко не знаемъ Латински. Ми же, не знаяще разглаголствовати языкомъ Италианскимъ, отвѣтствовахомъ ему Латинскимъ сиче: „И ми убо, отче честній, не прости есми путници, но студенти, обучающіися Латинскому языку и прилежащій ученіемъ школьнымъ, на большое подтвержденіе и разширеніе Православной Каеолической вѣри, на честь же и похвалу всемогущаго Бога“. Онь же, слишавши отъ насъ сіе и узрѣвши наши патента, повелѣ пріяти насъ честно въ туюжде гостинницу и представиша намъ трапезу изрядну, якоже и протчимъ. Повелѣ же намъ оній игумень приходити тамо на всякъ

день, рано и въ вечерь, донелѣже замедлимъ тамо. Ми же, не хотяще время погубляти всеу, замедлѣхомъ точію чрезъ два дни, субботу и неделю, ядохомъ же и спхомъ довольно въ той гостинници, ношевахомъ же въ пинной вишереченной, ибо та токмо къ ястію духовнихъ, другая же къ ношеванію обще всѣхъ путниковъ устроена есть. Разсмотрѣхъ же азъ добрѣ чрезъ тое время внѣ и вънутрьду оній вишнепомяненнй домъ Пречистія Владичици нашей Богородици и како и откуда принесся, что все послѣдователнѣ увѣстся.

Описаніе Дому Богородичного Лоретского.

Домъ Пресвятія Богородици, иже въ мѣстѣ Лоретѣ, въ Панствѣ Римскомъ стоитъ посреде церкви, созданъ не отъ родимаго камене, но отъ плинѣ самихъ, не великъ собою, въ долготу, яко десять лактій; въ широту же и висоту яко осмь, ветхій зѣло, имущъ по обою страну дверци, отъвнѣ убо отъ верху даже до низу въвесь мраморемъ бѣлимъ гладцѣ обложенъ, яко аще кто не ввійде въ его, не разсмотритъ его, разумѣти имать яко въвесь отъ еднаго мрамора изсѣченъ есть, спце зѣло углажденными дсками каменными лѣпо облеченъ, яко лице въ нихъ зрится чловѣче, аки въ зеркалѣ. Созади дома того, си есть на стѣнѣ олтарной, изображеннй есть надпись Латинскимъ діалектомъ, псмени великими, сѣченными на мраморѣ, теми словеси: *Christiane hospes qui pietatis votive causa huc advenisti, Sacram Lauretanam domum vides divinis misteriis et miraculorum gloria toto orbe terrarum venerabilem. Hic sanctissima Dei genitrix Maria in lucem aedita, hic ab angelo salutata, hic aeternum verbum Dei caro factum. Hanc angeli 1-mum e Palestina in Illiricum aduxere*

ad tersanctum oppidum anno salutis 1291, Nicolao 4-to summo pontifice. Triennio post iniicio pontificatus Bonifacii 8-vi in Picenum translata prope Recinetum urbem in huius collis nemore eadem angelorum opera collocata est, ubi loco intra anni spatium ter commutato hic postremo. Sedem divinitus finxit anno 300. Ex eo tempore tam stupendae rei novitate vicinis populis in admirationem commotis tum deinceps miraculorum fama longe lateque propagata Sancta haec Domus magnam apud omnes gentes venerationem habuit, cuius parietes nullis fundamentis subnixi post tot saeculorum aetates integri stabilesque permanent. Clemens Papa 7-mus illam marmoreo ornatu circumquaque convestivit anno Domini 1525. Clemens 8-vus Pontifex maximus brevem admirandam translationis historiam in hoc lapide inscribi iussit anno 1595. Antonius Maria Gallus S. R. E. Praesb. Card. et Episcopus Auximi S. Domus protector faciendum curavit. Tu pie hospes Reginam Angelorum et Matrem gratiarum hic religiose venerare ut ejus meritis et precibus a dulcissimo Filio vitam auctore et peccatorum veniam et corporis salutem et aeterna gaudia consequaris.

„Тоеежъ самое по Словенску: Христіанскій гостю, иже по желанію и обѣщанію здѣ пришель еси, святыи Лавретанскій домъ зриши Божественными таинствами и чудесь славою отъ всего міра почитаемій. Здѣ Пресвятая Богородица Марія родися, здѣ отъ ангела благовѣствовася, здѣ предвѣчное Бога Слово воплотися. Сей ангели первое зъ Палестини въ Иллирикъ пренесоша до трисвятаго мѣста, року отъ Рождества Христова 1291, въ время Николая четвертаго, папи Римскаго. По тріехъ лѣтѣхъ послѣди, въ началѣ папѣжства Вонифантія VIII, въ Пѣцень принесень, близь Рецинета града, на сей холма пустинни тѣмъжде ангеловъ дѣйствомъ поставель, гдѣ

мѣстомъ въ части году трижды премѣняющися, здѣ, на послѣдокъ сѣдалище Божественнымъ Промисломъ водрузи въ лѣто 300. Отъ того времени толь чудесной вещи новиною окрестніе народи къ удивленію возбуждивши таже паки чудотворенми далече и широко прославленъ святій сей домъ веліе отъ всѣхъ народовъ почитаніе имѣяше. Его же стѣни никаковимъ поддержими основаніемъ по толь многихъ лѣтахъ цѣли и крѣпки пребываютъ. Климентій папа седмій его мраморнимъ украшеніемъ окрестъ одѣя, лѣта Господня 1525. Климентій осмій, папа Римскій, краткую чудотворнаго пренесенія повѣсть на семь камени изобразити повелѣ въ лѣто 1595. Антоній Марія Галлюсь С. Р. Ц. пресвитеръ, кардиналь и епископъ Авксима С. Дому заступникъ сотворити сія потщался. Ты, побожній гостю, Царицу аггловъ и Матерь благодати здѣ благоговѣннѣ почитай, да Ея предстателствомъ и молитвами отъ сладчайшаго Сина Жизнодавца и грѣховъ прощеніе и тѣлесное здравіе и вѣчную радость получиши“. — До здѣ виѣшное лице Его. Многократнѣ же вхождахъ внутрь, поклоненія ради, съ прочіимъ множествомъ народа и разсмотрѣхъ вся въ немъ. Внутрое его зданіе простое, на четири угли, и якоже рѣхъ отъ самихъ точію плинеъ безъ примѣшанія камня природнаго, есть же зѣло старъ, яко не могль би стояти, аще не би отъвнѣ мраморомъ биль ограждень. Есть же тамо внутрь и престоль, служенія ради литургіи, серебромъ и златомъ и лампадами украшень, верху же онаго есть чудотворная безчисленно икона Пресвятія Богородици, не вѣмъ, отъ камене ли, или отъ древа, или отъ чесого инного сотворенна, се точію вѣмъ, яко не писанна на дсцѣ, но сѣчивомъ содѣланна, каменми же драгими и кленотами зѣло ушепренна. Не увѣдахъ же и не вопрошахъ, еда ли со до-

момъ пренесся или послѣди поставленна есть. Созади престола въ стѣнѣ дому онаго, низу при землѣ, есть мѣсце маленькое, въ подобіе пещери или печи, идѣже тамошнимъ нарѣчіемъ именуютъ кузѣна, си есть кухня, на ней же (повѣствуютъ) яко яству варяше преблагословенная Владчица наша Дѣво Богородица. Еще же кромѣ того вси глаголють, яко мисочки и ложки и инніе сосуди господарскіе, иже въ дому томъ обрѣтошася въ великомъ сохраненіи и доселѣ блюдутся. Изнесе же въ той часъ священникъ въ видѣніе всѣмъ едину мисочку малу зѣло ветху, яко украза загладися на ней и расѣдеса на маліе части, того ради оправленна въ мосендзъ и держаше ю стоя при престолѣ и полагаху людіе различніе вещи, освященія ради, яко то: чотки, крести, хустки, перснѣ, мѣру пояса пресвятія Богородици и прочіи, яже въ томъ градѣ продаются. Полагахъ же и азъ недостойній многіе вещи тамо купленія, обычаю послѣдующи, благословенія ради, и отнесохъ съ собою. Стѣни дому онаго внутрь суть зѣло учерненни и углаженни отъ лобизанія и прикосновенія народнаго. Еще же дается тамо вода всѣмъ требующимъ, ею же омиваютъ оніе ветхіе святіе сосуди и олива отъ лампы, непрестанно предъ чудотворнимъ образомъ горящей, и хлѣбъ зѣло малъ, яко нѣкая монета, съ печатію богородичною, яже всѣ къ врачеванію недуговъ упогребляють; отъ тихъ всѣхъ и азъ недостойній воспріяти сподобихся. Доздѣ о дому. Градъ Лоретъ сѣдитъ верху гори високо, между иними горами и долинами, отъ моря недалече, яко три или четири поприща, строеніемъ не великъ и не высокъ, токмо лѣпотенъ и имать нѣкіе полати коштовніе; доми суть всѣ каменніе, ограду токмо имать едину и то не крѣпку, крѣпости же или фортеци не имать, но во подобіе веси составлень; славенъ всемъ

христіанствѣ ради дома Богородична; коморъ много торговихъ имать, въ нихъ же продаются четки, разніе менталѣ, абрисы чудотворнаго онаго образа и прочая безчисленная. Народа имать много живущаго, приходящаго же еще вяще, на поклоненіе, отъ различныхъ бо странъ приходятъ тамо, наченши отъ Полской, Нѣмецкой, Венгерской, Ческой, Венецкой, Грецкой, Римской, Гиппанской, Французкой, отъ прочихъ земель приходятъ, ихъ же не вѣмъ наректи, множества ради; всякъ бо грядій до Риму или до Бару по земли, на поклоненіе до Святителя Христова Николая, не минаетъ его, понеже на пути Римскомъ стоитъ. Есть же отъ Рима далече 139 миль, сіе версть, отъ Бару же четириста. Сотворшимъ же намъ и совершившимъ довольно свое путническое поклоненіе, сотворихомъ совѣтъ между собою, азъ съ другомъ моимъ Іустиномъ, камо имами первѣе шествовати, къ Риму или къ Бару. Разсуждахомъ бо, яко аще пойдемъ первѣе къ Риму, доволни будемъ видѣніемъ величества, красоти и слави его, и о меньшихъ уже небрегуще восхощемъ возвратитися воспать, или, утружденни суще пѣшехожденіемъ облѣнимся пойти поклонитися мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая. Егда же пойдемъ первѣе къ Бару граду, и узрѣвши меньшая, можемъ, ради болшихъ, на болшіе и далшіе подвигнутися труди. И умислихомъ первѣе ити къ Бару. Въ понедѣлокъ убо возсіавшу слонцу, идохомъ въ церковь и поклонихомся дому пресвятія Богородици призвавше же Бога на помощь и его прелюбезную мать, преблагословенную Дѣву Марію, яхомся пути къ великому чудотворцу и угоднику Святителю Христову Николаю. Изшедшимъ же намъ изъ града Лорета, идохомъ первѣе горами, яко три или четири поприща, въ низъ до моря; таже поидохъ землею

иною, которая именуется Калаврія. Наченшимъ намъ ити землею Калаврійскою, бистъ намъ путь просто на страну полуденную, завратися бо тамъ море и зряше брегъ просто прямо полуденнаго слонца; путь же намъ (якоже прежде увѣдахомъ еще въ Лоретѣ отъ пелгримовъ) имѣяше бити весь воскрай брега морскаго даже до самаго Бара. И тако пойдохомъ въ долготу земли тоя, шествовахомъ же 9 днѣй, ово равнимъ брегомъ морскимъ воскрай воды, овоже жестокими горами и высокими, въ брезѣ моря стоящими и зѣло жестокое и острое каменіе на пути имущими, и воистинну не бистъ намъ нигдѣ тако путь тяжестень, яко тамо. Шествовахомъ же денно и ношно, не обрѣтающе госпиталовъ къ пренощеванію, понеже тамо путници не обикоша ходити, или яко мало усердіе имущи къ святому Николаю, или тяжестнаго ради пути; аще же инніи и ходять, то идуть отъ Рима чрезъ Неаполь инимъ путемъ великимъ. Не случашежеся тамо кромѣ двохъ устрѣсти путниковъ, не ходять бо тамо такъ, якоже путемъ Римскимъ, якоже прежде шествующимъ намъ въ Италіи не обрѣтахомъ въ дни часа ни единаго, въ онъ же би не стрѣталися съ единымъ, двѣма, трома, четирма, пятма, иногда же и десятѣма пелгримами, тамо же никакоже; страна бо та оскудна въ хлѣбъ, неимущая хлѣба бѣла пшенична, токмо чернь и тотъ драгъ, земля бо тамо суха и неплодна, водъ здравихъ неимущая, того ради и отъ благороднихъ мало въ себѣ имать, но всесь народъ нѣякій простолюдень, некрасноризень, нестраннолюбивъ, ученій школьныхъ неимущъ, въ всемъ отмѣненъ отъ Италѣянскаго. Тамъ градовъ знаменитихъ нѣсть, токмо посредніе, и тихъ мало, и не тако лѣпотни строеніемъ, якоже въ Италіи; единъ токмо градъ издалече видѣхомъ нѣякійсь ветхій, именуемій Юліановъ, той зряшеся отъвпѣ бити добро-

образень и крѣпокъ, внутрь же не вѣмъ како, понеже не тако далече, яко високо отъ пути стояше на горѣ надъ берегомъ морскимъ, и не хотѣхомъ трудитися къ нему, не градовъ бо презирати, но мѣстомъ святымъ идохомъ поклонитися. Прочіихъ же градовъ ниже имени вѣмъ, понеже ниже вопрошахомъ, иніи же ноцію мимо идохомъ, того ради, яко гостинницъ не имуть къ пріятію путникомъ, и тамо намъ бѣше гостинница, идѣже пзнемагахомъ или въ дни или въ нощи. Земля тамо суха до зѣла, ниже травы, ниже лѣса имущая; аще же и бѣше, но далече отъ пути, весь же отъ веси такожде далече, и мнѣся бити край онъ невесель и аки пустъ. Болше би тебѣ и широчае желалъ описати, благій читателю, по ниже азъ, ни съпутникъ мой Іустинъ могохомъ, нужди ради превеликой. Воистинну бо не бистъ намъ нигдѣ тако путь тяжестень, яко тамо, многажди бо прехождахомъ рѣки и потоки, отъ между горъ тамо въ море текущіе, иже не суть глубокіе, но бистріе, и дробное каменіе на днѣ имущіе, ихъ же преходити нужда велія бѣше. Преходяще бо ихъ, преношахомъ ризи своя верху главъ и многажди ово отъ преткнанія, ово же не тѣрпяще болѣзни отъ остраго онаго и дробнаго каменія подъ ногами слышимой, иже аки гвоздѣя въ ноги бодуть, иногда же и тяжело уроняють, падахомъ погружающесе и омочающесе съ одеждами. Едали можетъ что горчайшее бити? Прехождахомъ же потоковъ тихъ яко пятнадцать или двадцать, частѣ обнажающесе и одѣвающесе, и пакы обнажающесе, индѣже токмо презувающе сандалія. На сусѣ же такожде нужда бѣше, не ниѣхомъ бо чрезъ 9 днѣй и нощій нѣгдѣ пути чиста, безъ камене; но аще берегомъ идохомъ воскрай води морскія, все бѣше каменіе дробное, острое, якоже и въ потокахъ, по немъже аще и въ сандаліяхъ шествующе, бо-

лѣзнь въ ногахъ претерпѣвахомъ, понеже не можетъ на себѣ держати человѣка, но угнѣтаются подъ ногама и человѣкъ, ходя по нихъ, зѣло ослабѣваетъ. Аще же гдѣ путь непроходень бѣше воскрай води, тамо путь раздѣляшеся отъ брега въ гори и паки на брегъ сходяше и паки совращашеся въ гори. На многыхъ же мѣстѣхъ шествовахомъ горами високими и зѣло неравній путь и острое каменіе имущими, идѣже велию нужду претерпѣвахомъ, не обрѣтающе води, ни веси, понеже тамо далече едини отъ другихъ селятся. Немоцни же бѣхомъ пици ради, яко ничто ино не имѣхомъ ясти, кромѣ хлѣбъ и лукъ, индѣже и того не имѣхомъ, но гладь претерпѣвахомъ, испрошающе мало что, или ничтоже, купивши же съ собою нести не могохомъ, едва тѣло свое отъ горячести солнечной влекти могоуще. Множицею же зѣло тяжестно падахомъ отъ частаго претиканія ножнаго о камень остръ и поражахомъ члени и разбивахомъ сосуди, въ нихъ же воду ношахомъ, и пребывахомъ безъ води, яже есть дражайша паче злата и сребра путешествующему. Случашежеся ходити блудяше алчуще и жаждуще въ горахъ и вертепахъ и пропаstechъ земнихъ, къ Единному возивающимъ Богу; разслабѣвахомъ же и кости отъ хожденія и лежанія на камени твердомъ. Еще же къ тому въ самое горящее время мѣсяця Іюля и толь горящою страню полуденною шествовахомъ, яко въ намъ кости и состави тѣлесніе разслабѣваху и едва мозгъ въ главѣ не изсушился и едва чувства не повредишася. И уже не бистъ тамо когда путешествія описовати, не токмо бо писати, но ниже ясти, ниже сѣдѣти, ниже зрѣти, ничто разглаголствовати кромѣ нужнаго словесе возмогахомъ, полумертви суще отъ зноя солнечнаго и обліянія потнаго, презлишише отъ насъ текущаго (здѣ всякъ рассуждай, путешествовати желаяй);

но ми сія вся претерпѣхомъ помощію Вишняго. Таже по 9-ти днехъ, въ среду рано, dospѣхомъ въ граду, именуемому Sanct Michael, то есть Святаго Михаила, стоящему на горѣ високой, яже именується Monte Gorgoneo, еже есть гора Горганская. Оній градъ въ всей Калавріи и далечеае есть пресловутій и славень. Стоптъ на високой зѣло горѣ, надъ берегомъ морскимъ стоящей. Доми въ немъ каменіе и костели и кляштори, то есть монастыри, суть зданніе лѣпо; вода обрѣтается здрава. Единою же точію оградію каменно оградень, якоже и Лореть; всходъ ку нему и сходъ такожде зѣло тяжестень есть, именуеть же ся Санѣтъ Михаелъ того ради, яко Святій Михаилъ Архангелъ изгна оттуду змія. Есть бо тамо пещера неkopанана, но отъ самородней скали отваленна въ долготу и висоту яко десять лактей, въ широту же яко двадесять, въ ней же древле живяше діаволь въ образѣ змія, иже взимае отъ людей, тамо окрестъ живущихъ, дань отъ живихъ мужей, жєнь и дѣтей и подавляе я. Таже единою явися тамо воевода силъ небеснихъ Архистратигъ Михаилъ, и Божіимъ повелѣніемъ изгна его оттуду. Идѣже нынѣ, въ незабвенну память благодаренія его, создаху людіе церковь въ имя его, каменимъ сѣченіемъ лѣпотнѣ устроєнную, приградіша бо стѣни къ оной пещерѣ съ врати входнимъ, пещера же невредима и нынѣ внутри церкви стоптъ; входъ же ко ней долгъ есть по степенехъ, отъ великаго сѣченнаго мрамора созданныхъ, ими же съ горъ на низъ входити требѣ круто; но зѣло лѣпо и прохладно тамо, понеже подъ покровомъ; въ самой же церкви, внутри въ пещери, прохладеніе зѣло пріятное, яко изитти оттуду не хочеться весма, аще бы и чрезъ цѣлій день попущено было сѣдѣти. Пещера оная многими явленми и чудесами прославленна есть. Тамо ми бихомъ на службѣ

а на вечерни и видѣхомъ лѣпотное украшеніе церкви и пещери тоя и строеніе лампадъ горящихъ множество, ово позлащеннихъ, ово сребнихъ. Есть же тамо внутри за престоломъ среднимъ студенець, зѣло сладку и хладну воду имущъ, ей же ми испивше по изобилной мѣрѣ удоволихомся. Есть же тамо на великомъ престолѣ чудотворній образъ Архистратига Христова Михаила, златомъ и сребромъ и драгоценными каменми украшень. Тамо ми, по обычаю пелгримскому, разсмотрѣвши вся и изшедши изъ церкви, паки идохомъ тимижде степенми на гору вонь, и егда изійдохомъ, узрихомъ каменносѣчцовъ, при входѣ пещерномъ живущихъ, непрестанно сѣкущихъ и рѣжущихъ камень бѣль яко снѣгъ, и мягокъ къ дѣланію, отъ него же изсѣкають маліе иконы Святаго Архангела Михаила и крести и чаши и солнцы и прочая, которое все продають, а денги собирають на пещеру. Убогимъ же просящимъ и безъ денегъ маліе крести дарствуютъ. Продароваху же и намъ по единому, еще же къ тому мало купихомъ на благословеніе, таже пойдехомъ до монастыровъ просити нѣчто снѣдно, бѣ бо полудне, и покормившися предпочивахомъ тамо даже до вечера и бихомъ въ тойжде пещерѣ на вечерни. Таже, заходящу солнцу, изійдохомъ оттуду, не хотѣхомъ бо коснити, яко желахомъ къ Бару ускорити, понеже недалече отстояти слышахомъ. Идохомъ же жестокимъ и узкимъ путемъ каменнимъ, зъ горы сходящи круто, яко три поприща, уже при мѣсяцѣ ноцномъ. Таже знишедшимъ на равнину, шествовахомъ, донелѣже мѣсяць свѣтяше, егда же ноць помрачися, яко не вѣдѣхомъ пути, совративше на страну, гдѣ обрѣтше маслину, возлегохомъ подъ нею и спяхомъ до утра. Заутра же, въ четвертокъ, возшедшой денници, пойдехомъ и прейдехомъ еднѣ градокъ не великъ, но лѣпъ, зъ огра-

дою каменною, стоящъ на брезѣ морскомъ близу, яко и огради его касается вода морская. Той городокъ належитъ до вишереченнаго Санктъ Михаель, есть бо пристанищемъ его корабелнымъ. Оттуду останася намъ гори на правой странѣ и бистъ уже поле равное даже до самого Бару, токмо маліе нѣгди долини являхуся, и идохомъ брегомъ пѣщистимъ, чистимъ и мѣлкимъ, бродяще въ водѣ морской, чрезъ весь день и ноцъ. Заутра же, въ пятокъ, приходящимъ намъ къ единому граду Барлетѣ, видѣхомъ недалече на полѣ равномъ множество народа, влачащихъ отъ езеръ соль, яко дробное каменіе, лѣпу и бѣлу, и висиповаху отъ нея могилы велики и множество ихъ: бяху бо могилы вящше яко сто и езеръ такожде множество. Въ езерахъ зѣло мало воды и вода въ нихъ червоная мало, яко пѣкое вино, подъ водою же на днѣ соль зѣло чиста и бѣла родится. Тамо азъ видѣхъ хлѣба много и котлы кипящіе съ яствою, ради дѣлающихъ соль. Просихъ отъ нихъ милостини и даяху ми хлѣба много, яко едва могохъ понести, просихъ же и соли мало, нужди ради подорожной, но никакоже нигдѣ же даху, еще же прещаху, грозящися на мя и глаголющи нѣкая словеса своимъ нарѣчіемъ, но азъ не знаяхъ ни мало ихъ языка; стрежаху же мя и отгоняху скоро отъ себе, да некако возму мало отай ихъ, валишися бо сѣмо и овамо мало, юже погубишаносяще и труждающися, но никакоже мнѣ попустиша взяти и отъ той. Чудихся же не помалу, яко отъ толкаго множества ни мало соли мнѣ дадоша и недоумѣвахъ въ себѣ, что и чесо ради бистъ сіе. Таже отъидохъ оттуду и се преминувшу ми оніе езера и прешедшу яко поприще едино, абіе ять мя стражъ на путу и обнажи мя даже до хитона и искаше соли, созирающе отъ перваго до послѣднаго рублища моего, но не обрѣтоша ни мало,

не имѣхъ бо въ то время, аще бо прежде всегда съ собою соль ношахъ на пути, тогда же не бисть: Богу тако отъ бѣди и напасти сохранили хотяшу. И тако отпустиша мя съ миромъ. Другъ же мой Іустинъ не бисть тогда со мною вкупѣ, понеже езера оніе отчасти удалени суть отъ берега и стоятъ при пути великомъ и облѣнися тамо пойти, видѣнія ради, идяше же берегомъ морскимъ, лучшой ради прохлады. Видѣ же онъ возвращающихся отъ поля людій въ градъ и вергающихъ въ море соль, елико кто изъ града изнесе, потреби ради и остана; пни же висиповаху на брезѣ на сусѣ. Се же того ради, яко всѣхъ тамо призираетъ стражъ, и аще би обрѣлы въ кого соль, то въ вози полагають его и плащаетъ много, неимущи же чимъ заплатити въ катергу отдають его, яко злодѣя цесарского: соль бо тая цесарская бысть Нѣмецкая. Іустинъ же мой не вѣдыше такожде, коей ради вини мещуть соль, и отшедшимъ имъ, взять на потребу свою, колико хотяше, и преиде берегомъ даже до самага града, неусмотрѣвшой его стражи. И прославихомъ Бога и Его угодника Святителя Христова Николая, яко молитвами его обою наю спасе отъ напасти. Таже, о полудни, прійдохомъ къ граду Барлету, которій есть великъ и въ широту и долготу и изрядень строеніемъ, полати лѣпіе и церкви и монастыри такожде имать. Болшій и лучшій отъ Лорету и Санктъ Михаель, подобній якоже Аримини, сѣдитъ отъ горъ далече, яко едва зрятея отъ него, при морѣ, на брезѣ равномъ; море касается огради его; при станице кораблемъ многимъ есть; люда внутрь много имать. Тамъ ми не размотряюще долго, понеже знаехомъ, яко паки тамъ имами прійти возвращающесея отъ Бара, къ Риму бо путь тамъ предлежаше, якоже увѣстихомся. Сего ради изшедше отгуду, сѣдохомъ за вра-

ти градскими и снѣдохомъ трапезу. Таже крестное на себѣ знаменіе положше и Св. Николая на помощь призвавше, пустихомся въ путь, совѣщавшеся денно и ночью шествовати даже до Бара, недалече бо, за тридесять миль точію отстояше, къ тому же ночь свѣтла бѣше и путь великъ и широкъ и единъ бисть. Шествующимъ же намъ нощи тоя помежду прекрасними оградами виноградными и прелстившеся діаволомъ прелѣзовахомъ, идѣже зѣло низкіе обрѣтахомъ ограды, и рвахомъ отай ягоды, никому же слишущу, понеже въ день твердо стрегуть я, въ нощи же не тако. Се же того ради, яко не имѣхомъ тогда въ тиквицахъ своихъ води и жалдни бѣхомъ, отчасти же страсть насъ побѣждаше, яко въ то время еще точію начинаху дозрѣвати ягоды и едва очима ихъ не ядохомъ, найпаче же яко отъ странъ тѣхъ бѣхомъ, въ нихъ же виноградъ не родится, или мало. Обаче аще и малу кривду сотворихомъ человекомъ въ ягодехъ, то Богъ праведень сій, комуждо даля по дѣломъ его, наказа мя отчасти. Уже бо кончащойся нощи, егда утрудихомся отъ пути, минувше единъ градъ Тарань и обрѣтше при пути въ стѣнѣ ограды виноградной созданное отъ камени точило, въ немъ же дѣлается вино, тамо изволихомъ уснути мало. Сѣдшимъ же намъ тамо внутри и разрѣшшимся отъ сановъ своихъ, таже въ нѣдра моя вложихъ руку, хотя извлеши патента и сокрити я, но не обрѣтохъ прочее, ниже вѣдахъ, гдѣ погубихъ. Тогда разумѣвъ бити казнь Божую на мнѣ и помислихъ оніе словеса: „ищай чуждая, свое погубляетъ“, и начахъ скорбѣти и тужити, не вѣдая, что творити. Оставихъ же Іустина, да идетъ къ Бару и ожидаетъ мене тамо, самъ же возвратихся искати патентовъ и идохъ чрезъ останокъ нощи и утро до полудне, ища и познавая мѣста, идѣже крадахъ ягоды или ино что дѣ-

лахъ, но не обрѣтохъ; такоже и вопрошахъ всякаго стрѣтающаго мя чѣловѣка, но ни какоже, ни отъ кого же увѣстихся, и уже въ обѣдное время паки прійдохъ къ граду Берлетѣ и вшедши внутрь на средоградіе, многихъ вопрошахъ людій съ плачемъ, но не обрѣтесе обрѣтій. Пойдохъ же азъ въ канцелярію мѣсную и сказую имъ неблагополучній случай свой, просихъ у нихъ или совѣта, что имамъ творити, или нѣкоей помощи. Они же даша мнѣ свидѣлствованную грамоту съ подписомъ самага судіи и иннихъ съначалнихъ ему двоухъ, въ ней же написанно бяше свидѣлство о погубленіи патентовъ моихъ и прошеніе, еже вездѣ доброволній имѣти пропускъ и страннопріятіе отъ всѣхъ, равное съ прочіими пелгримами. И давше ми оное свѣдѣлство, рекоша, да яко аще и не обрѣтеши патентовъ своихъ, удобѣе съ тѣмъ пройдеши всюду и пріятъ будеши. Азъ же взявши е, мало отради въ себѣ послышахъ, и благодарствуя имъ отъидохъ тогожде дне, въ субботу по полудни. Идохъ же по малу денно и ношно, понеже утрудихся до зѣла и разболѣся ми правая нога, яко едва могохъ шествовати. Мимойдохъ же градовъ четири, воскрай брега морскаго стоящихъ, лѣпіе доми и кляштори каменіе имущіе, съ огражденіями и врати, но меншіе отъ Берлети. Тамо же случися мимо ити брегъ морскимъ два, или вѣще поприщъ, идѣже смрадъ исходдаше отъ моря, яко едва мощно терпѣти; идѣже въ брезѣ морскомъ въ водѣ воднихъ источниковъ видѣхомъ множество, воду горѣ испущающихъ отъ спудовъ земнихъ. Чесому почудихся не мало, паче же Божію смотренію.

Описаніе Бара града и яже въ немъ видѣхъ.

И едва въ недѣлю, позно въ вечеръ, ради болѣзни пожной, достигохъ пресловутаго Бара града. Тогожде

дне и съпутникъ мой прійде тамо, токмо рано, и совокупившия паки, идохомъ къ гостинниці Святителя Христова Николая, стоящей при церкви, въ ней же мощи его опочиваютъ. Въ той гостинниці всякому приходящему пелгриму даются три вечери и три постели къ пренощеванію. Снѣдохомъ же ся тогда, не вѣмъ десять или дванадесять, и по всегдашнему своему обикновенію оглядѣвши всѣхъ патента, представиша намъ трапезу честну, въ честь Святителя Христова Николая, и по доволной мѣри вина. По снѣденіи же ея и благодареніи, вовеле насъ страннопріемникъ внутрь гостинниці и даде всякому свое ложе и спахомъ въ славу Божию. Заутра же, въ понеделокъ, идохомъ въ костель, въ немъ же опочиваютъ святіе мощи Святителя Христова Николая. Вшедшимъ же намъ тамо и созирающимъ, гдѣ мощи Святаго опочиваютъ, и не обрѣтахомъ. Видѣхомъ же множество народа съ женами и дѣтми, входящихъ внутрь и исходящихъ вонъ, по обою страну степенми каменными, тогда уразумѣхомъ, яко тамо суть мощи, и текохомъ абіе въ слѣдъ ихъ степенми мраморными шерокими, лѣпотнѣ созданными, подъ спудъ великія церкви, деснимъ входомъ, два бо суть тамо входи, единаче создание, единъ одесную и единъ ошуюю. Тогда вшедшимъ намъ тамо внутрь, обрѣтохомъ тамо инну церковь лѣпу, но не велику, яко до половины верхней, кратка бо зѣло и низка, токмо шерока, яко же и верхная, ея же верхъ поддержится двадесять и шестми столпами, иже всѣ подобятя въ дѣлѣ, точію единъ разнствуетъ, меншіи бо тонкостію отъ прочіихъ и огражденъ краткою желѣзною. Престоловъ точію два имать: единъ началній и другій подначалній, на нихъ же священники на всякъ день, отъ утра даже до полудне, непрестанно мшатъ, си есть литургисаютъ. Престоль первоначальный есть весь сре-

брокованъ хитростнымъ и лѣпотнымъ художествомъ, стоитъ же посредѣ церкви, верху гроба Святителя Христова Николая. Подножіе церкви тоя бѣлимъ, гладкими и чистыми дсками мраморными уславно есть, верхъ же ея весь лампадами серебряными украшенъ многочисленными, отъ нихъ же суть вяшше яко пятьдесятъ. Тамъ ми слышахомъ лутургіи, Римскимъ нарѣчіемъ и обикновеніемъ отправованной, и по обичаю путническому помолшеса по силѣ своей, лобизахомъ гробъ Святаго, поневажъ мощей не отверзають никакоже или не имуть; не имуть бо Римляне сего обикновенія, кромѣ великой потреби. Престоль же оній великій есть загражденъ съреди, въ подобіе вертограда, баясамъ, отъ мрамора пскусиѣ сѣченными. На той убо оградѣ ошуюю стоитъ въ чаши серебряной мана, отъ мощей святаго Николая истекающая, аки вода, и частѣ къ ней приходя единъ отъ священникъ, помазуетъ на челѣ крестаобразно тѣхъ людей, которіи, по вислушаніи лутургіи, хошуть отходити. Тамъ и ми приходихомъ многократнѣ и мазахомъ маною оною. Не далече же того потира, на другой страннѣ, въ стѣнѣ, въ маломъ ковчези, за кратою желѣзною, есть отдѣленна часть суха мощей Святителя Христова, идѣже людіе приходятъ и касаются перстамъ, досязающе чрезъ крату, и лобизающе персти своя, чему и азъ недостойній участникомъ бити сподобихся. Егда же излѣзохомъ отгуду вонь, въ церковь велику, которая на версѣ стоитъ, видѣхомъ и строеніе ея, лѣпо и честно зданно, три врата великіе входніе имущее, съ столпи каменными и подножіемъ каменнымъ, пространно въ долготу, висоту и широту расположенное. Медлящимъ убо намъ въ Барѣ градѣ чрезъ три дни, на вечеру и пощеваніе ходяще къ вишшенисанной гостинниці, въ день же потребная себѣ предъуготовляюще. Бывахомъ

же на всякъ день на правилѣ церковномъ въ храмѣ святаго Николая, и о многихъ вещехъ вопрошаючи, ово отъ священникъ, ово отъ людій увѣстихомся. Суть тамо близу церкви комори четири, продающіе сосуди шклянніе, различнаго вида и образа, имущіе на себѣ икону Святителя Христова Николая изображенную; суть же нѣцѣи зѣло маліи сосуди, нѣцѣи зѣло хитростнѣи и лѣпотнѣи созданніе, яко дивитися въ истинну. Сосуди же они великіи продаются праздни, ради взятія мира святаго Николая, отъ мощей его истекающаго, которое отъ церкви его раздавается всѣмъ требующимъ. Нѣцѣи же сосуди, иже суть зѣло малы, наполненни зѣ миромъ, продаются и запечатани крѣпко, отъ нихъ же азъ купихъ нѣколико сосудецъ наполненнихъ и два празднихъ и идохъ и наполнихъ я въ церкви, и съпутникъ мой Іустинъ такожде. Сосуди же оніе строятся коштомъ церковнымъ, и паки собранное за ня злато на управленіе церкви и на снабдѣніе гостинници путнической належитъ. Мира тамо дается довольно, елико кто хоцетъ, токмо сосуди да будутъ куплены отъ коморъ церковныхъ, на нихъ же есть изображеніе святаго Николая, кромѣ бо тѣхъ, въ инніе отнюдь не даютъ. Суть тамо священници канонѣки, именуеміе страже гробу св. Николая, постановленніе въ равной чести того ради, да блюдутъ опасно себе и людій и гробъ Святителя Христова Николая, и да сохранно ходятъ около святинь церковныхъ и да раздаютъ требующимъ оную воду, юже они тамо именуютъ S. Манна, святая манна, и прочая потребная да творятъ. Тѣхъ тамо началствующихъ священниковъ, или стражей, вопрошахомъ о двохъ вещехъ: 1) вопрошахомъ единаго отъ нихъ, коль много манны отъ мощей святаго Николая и чрезъ коликое время умножается? Онъ же отвѣтствова намъ, яко на всяко

утро обрѣтается гробъ полнь, и что раздается въ день, то умножается въ ноци, непрестанно бо течеть, якоже слышахомъ. Слышахомъ же еще, яко предъ праздникомъ его, двѣма или трема днями, иногда зѣло изобилно манна умножается, иногда же мало биваетъ. И оттуду уразумѣвають неомилно, яко аще когда много биваетъ манны, тогда и соборъ великъ народа христіанскаго имать свѣйтися; аще же манны мало является, тогда и людей мало собирается. И толико прозорливъ угодникъ Божій, точить цѣлебной манны, елико правовѣрному народу довлѣти. Сіе ми слышавше, удивихомся толь чудесному отвѣту его. Паки вопросихомъ его о вишпереченномъ ономъ мраморномъ столпѣ, въ малой оной сподней церкви стоящемъ, что есть и чесо ради огражденъ желѣзною кротою онь единъ, инни же не суть огражденни столпи? Отвѣтствова намъ епце: яко егда токмо сія церковь въ имя Святителя Христова Николая сдатися начать и основаніе утвердиша и умислиша я здати на 20 и 6 столпахъ расположити, и поставиша дѣлатели отъ мрамора изсѣченнихъ кійждо на предуготованномъ своемъ мѣстѣ столповъ числомъ 25. Скорбяху же дозѣла, яко 26-го недостояше, не могоша бо уже нѣгдѣ обрѣсти мрамора, аще и прилѣжно искаху, и тако празной оставшейся церкви и дѣлателемъ, и всему граду въ печали бившу. По нѣколицѣхъ днехъ, чудеснимъ промысломъ великаго чудотворца Святителя Христова Николая, явися нѣякій столпъ мраморній, внѣ града на морѣ плавающъ, аки нѣкое древо. Видѣвше же рыбаке и прочіи людіе, хотяху яти, но никакоже возмогаша егда бо точію кто коснутися хотяше, онь потопаше въ глубину, послѣдн же пакн плаваше, и тако оставиша его. Ноци же надшедшей, и се въ самую полунощъ, егда вси людіе спаша, пачаша по всемъ градѣ гласити кимвалы сами, безъ

двизанія человѣческаго. Въ тоже время св. Николае съ двѣма ангеломъ несяше оній столпъ отъ моря въ градъ и принесши въ церковь на мѣстѣ предъуготованномъ постави его. Абіе же вси въ градъ возбудившесе, текоша въ оную церковь, и иже первѣе ускориша и притекоша скоро въ церковь, видѣша очевидно, како, св. Николай съ двѣма ангелами поставляше столпъ, послѣдиже невидимъ бистъ. И видѣвше людіе чудо таковое, прославиша Бога и угодника Его; въ незабвенную же память образъ чудотворенія того написаха на стѣнѣ високо, на странѣ десной, въ верхнемъ костелѣ, иже и доселѣ пребиваетъ. Покушахомъ жеся просити часть малу отъ мощей угодника Божія, но никакоже получихомъ, нѣсть въ Римлянъ таковаго обикновенія, якоже въ Грековъ, еже би съѣти мощи святіе на раздаяніе, или знаменоватися по вся дни, отверзтой суще рацѣ. Аще же и дарствуютъ нѣкогда часть отъ моще, то развѣ царскому лицу. Тамо же токмо раздавается манна святая отъ мощей Николая искапающее, еже они тамо въ своемъ нарѣчїи именуютъ *manna sancta*, то есть манна святая, не вѣмъ чесо ради. Попрошахомъ же паки его о вишшереченномъ столпѣ, чесо ради кратною желѣзною ограждень есть? Отвѣстова, яко столпъ оній цѣлби многи творить, найпаче же отъ болѣзни главной, и егда прежде не ограждень стояше, мнзїи начаха усѣчати его или угрызати орудїями желѣзными отай, исцѣленія ради; того ради оградиша его кратною густою, яко токмо коснутися перстами мощно, якоже и доселѣ творять, осязающе его и цѣлбу приѣмлюще. Есть же тамо въ верхней церкви чудотворная икона Святителя Христова Николая, по правой странѣ стоящая, при ней же знаки многи и свѣдѣтельства висятъ новосотворенныхъ въ Барѣ градѣ по пренесенїи мощей чудесь. Видѣхомъ висящїй

образъ великого корабля, его же отъ потопа смертнаго избави. Видѣхомъ таможде кость велику, яже ланцухомъ желѣзнимъ окованна виситъ и доселѣ на стѣнѣ, толстая, аки нога человѣческая, долгая же на два сажны. Нудоумѣвахомъ же, кая есть кость и чесо ради виситъ здѣ въ церкви. Вопросихомъ же единого отъ стражей гроба С. Христова Николая, иже искусѣ о всемъ вѣдѣше. Той повѣда намъ не токма о томъ, но и о многихъ его чудесехъ и безчисленныхъ вещехъ. Глаголаше же намъ о кости оной сиче: единъ отъ рибарей тамошнихъ, егда вергаше мрежу въ море, верже на имя святаго Николая, рѣкъ въ себѣ, яко не всуе трудъ мой на имя его будетъ; и абіе ятъ рибу толь зѣло велику, аки гору, яко отнюдь ея никаковимъ образомъ извлекти можаше, и моли паки тогожде скорого помощника, да якоже пособіемъ его улови, сиче извечеть, бояше бо ся, да не како и его потопитъ. И тогда едва съ великою нуждою, первѣе огненнымъ оружіемъ въ водѣ заби, таже извлече мертву. Той изятши едину отъ ребрь ея кость, принесе въ церковь Святителя Христова Николая и исповѣда предъ всѣми преславное чудотвореніе его. Взѣша же церковники оную кость и оковавши ланцухомъ желѣзнымъ, повѣсѣша на стѣнѣ десной въ церкви верхней, между инними знаменми чудесъ его, яже виситъ и доселѣ на болшае прославленіе угодника Христова. Видѣхомъ паки висящъ таможде на ланцуху зубъ слоновъ, такожде великъ, якоже и кость иже такожде чудеснѣ малою силою уловленъ бистъ и въ знаменіе благодарствія отъ ловца оногю зубъ его принесеса въ даръ святому Николаю. Многая же пнная, на дскахъ изображеная, сами видихомъ чудеса и чтохомъ на нихъ Латинскіе подписи, како и когда сотворишася. Ихъ же, множества ради, и писати время не довлѣсть и памятовати

невозможно. Сего ради отъ тѣхъ всѣхъ, отъ нихъ же лучше увѣдахъ, написахъ, прочая же оставляю. Се токмо, благій читателю, оставити не могу, еже на мнѣ собистся даръ исцѣленія отъ того жъ угодника Божія. Еще бо днемъ предъ входомъ моимъ въ градъ Варъ, (якоже предъписахъ), не вѣмъ откуда, отъ путешествія ли, или естественнѣ разболѣся нога десная на пути, яко едва могохъ прійти къ граду; таже чрезъ три дни паче разболѣся и одмеса, аки бревно, яко едва съ великою нуждою хождахъ по градѣ, пищи ради и инной нуждной потреби, и ниже въ сандаліяхъ можахъ ходити, но бось. Печалень же бѣхъ азъ зѣло, яко не уеще мимошедшей скорби о згубленнихъ патентахъ, найде сія вторая. Присно же прихождахъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его съ слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ. И се молитвами его по двою днію безъ всякаго иннаго врачеванія, не вѣмъ како ищезе толстога отъ ноги моя и хождахъ здравъ, якоже и прежде. Сіе азъ разумѣвъ бити не кого иного, токмо отъ с. Николая, и благодарихъ Бога и его угодника. Въ тоже время, егда болѣзновахъ на ногу въ Варѣ градѣ, случися пойти вкупѣ съ другомъ моимъ Іустиномъ до единого Францешканскаго конвента, си есть монастыра, ради прошенія снѣди, идѣже единъ отъ братій тѣхъ, имѣяй любовь Божию и ближняго въ сердцу своемъ, изнесе намъ окрошцовъ хлѣба бѣла и чиста, отъ трапези оставшихся, съ инною яствою и вина мало. Таже, по снѣденіи того въведе насъ внутрь монастыра, внутрь единого угла темна, обѣщая намъ еще нѣчто принести въ снѣдь, и о отъиде, повелѣвая ожидати его. Таже принесе полнь обрусецъ винограда сладкаго сухого и давши его намъ въ рудѣ, абіе самъ вержеса долу, хотя мои облобизати позѣ, мнѣ же не допускающу его, заклять мя именемъ Исуса

Христа, да невозбраню ему, и оставихъ по волѣ его сотворити, и той нагіе мои и грѣшніи облобиза нозѣ и ладе сандалія; такожде и друга моего Іустина, но той бяше здравъ и обувень въ сандали, сего ради верху сандалъ лобиза его, и отпусти насъ съ миромъ. Ми же присно поминающе толь великую любовь и смиреніе инока того, удивляхомся зѣло, понеже еще первое случися видѣти толь великую добродѣтель въ Римлянахъ, еже въ незабвенную память написахомъ въ путницѣхъ своихъ. Разсмотрѣхомъ красоту града, которій величествомъ и красотою есть, якоже и градъ мимошедшій Берлета. Стоитъ же на веселомъ полю, далече отъ горъ, яко едва зрятся отъ тамо, на мѣстѣ равномъ, пѣщистомъ, чистомъ, на самомъ брезѣ, яко отъ единія страни ограду его омочаетъ волна морская. Строеніемъ костеловъ, монастырей и домовъ есть лѣпотень, народа въ себѣ живушаго имать много, такожде и отъ приходящихъ на поклоненіе по морю и по суху есть множество. Тамо поставлень есть престоль архіерейски и архіепископъ, тамо живій, началствуетъ. Градъ той оградю каменою огражденъ есть лѣпо, съ врати отъ каме сѣченнаго зданными. Окрестъ града сугъ много садовъ мигдаловихъ, инное овоціе имущихъ, виноградовъ же такожде и маслинь веліе изобиліе. Тамо пашень мало, отъ пристанища же морскаго много живеть, понеже множество чуждостраннихъ и окрестнихъ людій съ кораблѣ припливають и куплю дѣють. Стоитъ же въ самой странѣ полуденной (якоже слишахъ) въ кѣнець земли, яко отъ тамо точію три дни пути противу полудне, идѣже самій кѣнець и острота земли тоя есть, къ которому концу пришедши человекъ не можетъ вящше далече шествовати просто, но или на западъ или на полунощъ возвратитися долженъ, отъ всѣхъ бо странъ окружаетъ море.

*

Предъуготовавшимъ же намъ вся тамо въ Барѣ градѣ и уже хотящимъ изійти, зѣло жалѣхомъ, яко не видѣхомъ цѣлихъ мощей С. Христова Николая и како отъ нихъ истѣкаетъ манна святая, никому бо не отверзають гроба. Ми же просихомъ зѣло прилѣжно всѣхъ онихъ стражей гробу Святителя Христова, глаголюще, яко ми отъ толь далечайшихъ странъ не возлѣнихомся прійти, одинаго ради того, да видимъ и лобизаемъ мощи угодника Божія, нынѣ же тщи отходимъ въ желаніи. Како убо и что проповѣми инимъ, не видѣвши и не увѣдѣвши сами, и проч. Умилосердившижеся прошенію нашему, повелѣша замедлѣти намъ къ вечеру и ускорити въ церковь предъ вечернею, прежде даже не снѣйтися людемъ, отай хотяще намъ отверзти гробъ Святаго, да не будетъ зазоръ въ людехъ, понеже не имуть обикновенія никомуже показовати. Ми же сотворихомъ, яко же намъ повелѣнно бистъ, и егда прійдохомъ предъ вечернею въ церковь, поведе насъ екслесіярхъ въ скарбницу церковную, идѣже вся святая содержится, показова же намъ многіе мощи святыхъ подробну. Показоваше ость, яже главу Христови даже до мозгу пронзе въ время Страстей и одежду его нешвенную; власи Пресвятой Богородици; крестъ Григорія Богослова; зубъ Маріи Магдалени; губу, отъ нея же Христось на крестѣ піяше оцеть съ желчію; часть мощей Архидіакта Стефана; святаго Іакова, брата Господня, и другаго Іакова и проч., ихъ же, множества ради, вспомянути не могу, но нѣкія, ихъ же памяествовахъ, написахъ. Послѣди же поведе насъ въ оную вишшеписанну церковь, яже есть подъ спудомъ верхнея церкви, къ великому олтару, отъ сребра ськованному, и отверзи спреди маліе дверци, яко точію челоуѣку мощно вползти чревомъ. Вполжеже первѣе до пояса тамо самъ онь ключехранитель, и зазже малъ свѣ-

тилникъ, дазримо будеть. Влѣзохъ же азъ многогрѣшнїй по немъ и мнѣхъ раку отворенну бити, якоже въ нашихъ странахъ повсюду всегда рака отверзается, якоже ковчегъ или, просто рещи, скриня. Тамо же не тако: рака бо мощей святаго никакоже отверзается, понеже отъ мрамора изсѣченна толсто и широко, аки нѣкій сосудъ, или ковчегъ, и глубоко въ землю яко на 5 пядїй, равно съ подножіемъ престола постановленна недвижимо и дскою великою, такожде отъ мрамора изсѣченною, приваленна крѣпко въеже не отверзати никогда же. Се же, мно, того ради, яко мощи нѣ суть, но или украденны отъ нихъ, или инуду сокровенны, или раздробленны на малїи частицы и разданны въмѣсто святыхъ Римскихъ и не мощно народу являти я. Сквозѣ же оной дски мраморной сверху есть оконце просѣченное, круглое и невеликое, яко можетъ таларь битїй покрыти его. Бистъ же тогда онымъ оконцемъ на ланцужку желѣзномъ внутрь зажжена свѣща и завѣшенна глубоко, яко до поль раки. И влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ едино око надъ оною дирицею и видѣхъ раку оную мраморну глубочае лактя въ земли, аки криницу, до половины воды, или манны, имущую, яже, аки найчистшая вода, свѣтла есть, и сквозѣ ю подъ спудомъ зрятся аки би кости бѣліе, отъ нихъ же аки потнїе краплѣ исходятъ непрестанно, тѣла же нѣсть, но все расплїся, глаголють, въ миро, и кости не мощно познати отъ каковаго члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежать. Егда же излѣзохъ азъ оттуду, влѣзе по мнѣ другъ мой и съпутникъ Іустинъ. Вопросы же мя онїй канонѣкъ, иже отверзе гробъ святаго, едали видѣхъ добрѣ? Отвѣщахъ, яко видѣхъ, токмо не могу уразумѣти, како тамо (якоже прежде отъ многихъ слышахъ и чтохъ) отъ колѣна деснаго истѣкаеть миро святое. Онъ же рече ми, яко невозможно есть по-

знати, кая костъ отъ колѣна и кіп инніи, вси бо не на своемъ мѣстѣ лежать, но смѣшенны, пренесенія ради; отъ колѣна же деснаго точію начатъ миро точитися, нынѣ же отъ всѣхъ равно костей исходитъ. Егда же излѣзе другъ мой Іустинъ, паки азъ смотрѣхъ вторицею и уразумѣхъ лучше. И не мнятся быты истинны кости, но отъ тогожде мрамора хитростно изсѣченны, якоже уразумѣхомъ съ Іустиномъ. Таже послѣди вопросихомъ стража гробу онаго, аще убо гробъ никогда не отверзается, то како почерпають миро? Отвѣствова, яко сквозѣ оное малое оконцо тягнуть хитростнѣ однимъ инструментомъ. Тогда ми за вся, яже видѣхомъ и слышахомъ, Богу благодареніе сотворши и Его угоднику Святителю Христову Николаю, изидихомъ отъ Бара града тогожде дне, въ среду, предъ захожденіемъ слонца. Идохомъ же паки воспять тѣмъ же путемъ 30 миль, даже до предреченнаго града Берлети. Шествовахомъ же съ укушеніемъ двоихъ ради винъ: 1) яко начахъ немоществовати на фребру, которая мнѣ сотворися отъ многого питія воднаго, жаждну сушу; 2) замедлѣхомъ на пути, вопрошающе по градѣхъ и стогнахъ о изгибшихъ моихъ патентахъ, ихъ же азъ погубихъ прежде, еще идучи до Бару; обаче не обрѣтохомъ ихъ. Тогда скорбяхъ же азъ дозѣла и отнюдь не хотяхъ шествовати къ Риму отъ предѣль тѣхъ, донелѣже би не могли обрѣсти. Сего ради отъ пачалника града, именуемаго Траанъ, отстоящаго за шесть миль отъ града Берлети, взяхъ листъ, писанный до губернатора Берлетского, ходотайствующій за мя, даби повелѣлъ вопросити и зискати по градѣ отъ своихъ и отъ приходящихъ людей о згубленныхъ моихъ патентахъ. Прійдохомъ же паки къ граду, рекомому Берлета, Августа 1 числа, въ день суботній, на святыхъ мученикъ Макавей, и пдохомъ къ губернатору града того съ оною

предъреченною картою. Бистъ же тогда часъ обѣда и рече намъ, яко да прійдемъ въ вечерь, писаніе же взять къ себѣ. Другъ же мой и съпутникъ Іустинъ Леннѣцкій молвяше и скорбяше на мя, не хотя мя ожидати, глаголющи, яко всеу и время погубляю и трудъ подъемлю, патентовъ же никакоже обрѣсти возмогу. Уже бо рече: изгибшое погубе, и къ тому возвратитися не може, понеже и самъ не вѣси, гдѣ погубилъ еси. Къ тому не вѣси языка и не можеша вопрошати о семь. И что прочее трудитися: аще и патента погубилъ еси, то имаша свѣдѣтельство отъ града сего, въ немъ же пишеть, да вездѣ данъ будетъ пропускъ и вѣроуаніе, и угощеніе, яко ни въ чемъ жадного подзору немущему. Сидева и ина ми онъ совѣтоваше, да оставлю прочее скорбѣти и труждатися о патентахъ. Но не послушахъ его, понеже помислихъ въ себѣ, яко пелgrimъ безъ патентовъ нечто инно есть, токмо человекъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ крыль, древо безъ листвія. Кто бо можетъ ему вѣруати, яко въ тѣхъ и тѣхъ странахъ путешествоваше, или тамо и онамо биваше. Кромѣ же сихъ винъ, всякому путнику сладко есть воспоманути путешествіе свое и видѣти свѣдѣтельства потнаго труда своего съ подписаніемъ великихъ лицъ духовныхъ, мирскихъ. Словомъ реку, яко по путешествіи пелgrimу патента чрезъ все житіе его единимъ утѣшеніемъ суть. Сего ради положши надежду на Бога и на С. Николая, умислихъ попеченіе имѣти о своихъ патентахъ дотолѣ, донелѣже би ихъ могль обрѣсти. Съпутникъ же мой Іустинъ Леннѣцкій не хотящи мя ожидати (аще и много его молихъ), остави мя и поиде преди къ Риму, обѣщаяся на пути ити съ усненіемъ, да послѣжде постигнути его удобіе возмогу. И тамо оставивъ мя самага скорбна и болѣзненна, отънде. Вечеру же приспѣвшу, поидохъ азъ къ предписан-

ному губернатору града и молихъ его, да что отвѣтствуетъ на вишшеписанную хартію, онъ же хрістіанское свое на мя показавши милосердіе и сожалившись о падежу моемъ неблагополучномъ, посла абіе одинаго челоувѣка съ мною на плацъ, си есть на базаръ, да возгласитъ явѣ предъ всемъ народомъ и прилѣжно спроситъ о згубленнихъ моихъ патентахъ. Сотвори же рабъ онъ повелѣнное, и егда начатъ вопрошати по градѣ велегласно, абіе обрѣтесе челоувѣкъ онъ, иже обрѣте патента мои на пути, не имѣяше же съ собою, но остави въ дому, идѣже пребываше, иже отстояше за 5 миль отъ Берлети, въспятъ къ Бару, понеже челоувѣкъ онъ бяше отъ иннаго града и прихождаше тамо куплю дѣяти. Обѣщася же мнѣ ихъ наутрѣе привезти, егда возвратится къ дому; обаче сведе мя, всегда бо отъ утра до утра отлагая, удержи^{ма} тамо чрезъ 5 день, еже 5 дный мняхуся бити долги, яко 5 недель. Се же сихъ ради винь: первое, зѣло скорбяхъ, яко чрезъ дни тѣ съпутникъ мой Іустинъ далече отъиде, и не чаяхъ его отнюдь постигнути; 2) яко не имѣхъ съ собою сребра и гладомъ изнуряхся, не имѣя за что хлѣба купити; того ради и нѣкія вещи тамо продахъ, пищи ради, аще бо и вещи оніе зѣло мнѣ нуждніе бяху, обаче пища тогда нужднѣйша бяше. Еще бо въ всей Италіи и въ иннихъ странахъ нѣгдѣ не случися видѣти толь драго продаемаго хлѣба, яко тамо, и сице чернаго; пекутъ же хлѣби невелики, яко въ полфунта, или вящше, тяжестни, и продають ихъ по четири баіюки единь. Полтретя баіюка Неополитанского и Римскаго цѣнить шесть грошей Полскихъ. Отсюду всякъ разсуди и сложи цѣну. Егда же кто онаго хлѣба или не можетъ, или не хочетъ два или единь купити, но или полтора и полъ-хлѣба токмо, тогда хлѣбопродавци прерѣзуютъ на полъ и полагають

на мѣрилѣ, едину одесную и едину ошуюю, и егда премагаетъ тяжестію едина другую, тогда оной мало отрѣзуетъ и прилагаетъ къ второй; егда же съравнятся обѣ части, яко мѣрило ниже сѣмо ни овамо двигнутися не можетъ, тогда купуйай, каковую хочеть беретъ половину, не лишитъ же ни малѣйшей крупници отъ своея части у хлѣбопродавца остатися, но изметши до послѣдней, отходить. Не вѣмъ же казнь ли Бозкая тогда бистъ, или всегда тако: аще бо и въ всей Калаврїи по-надъ моремъ, наченши отъ Лорету даже до Бару, чернѣйшій и дражайшій хлѣбъ продается, но нѣгдѣ же дражае, яко въ ономъ градѣ; прочія же вещи на цѣнѣ мѣрной продаются: мясо, рыба, вино, оwoщїе оградини, наипаче же елей, малоцѣнно, понеже изобилно его тамо родится, и мигдалнихъ плодовъ такожде. Се ми бистъ велїя нужда, яко убогъ бѣхъ и не имѣхъ за что хлѣба купити въ чуждой и гладной странѣ; испросити же отнюдь не возмогохъ, понеже единъ день, отъ утра до вечера, хождахъ тамо по градѣ и едва съ нуждею испросихъ толь хлѣба мало отъ всѣхъ людїй, яко ниже снѣдохъ до ситости; кромѣ же хлѣба, аще даяху что пинно отъ варенїя, то не можахъ ясти, ни мяса, ни сирна, ничтоже, понеже постъ тогда Августовъ бяше и долженъ бѣхъ его сохранить; 3) яко немоществовахъ на фебру, и не бяше тамо страннопрїемници пелгримской доброй съ постелми, якоже въ прочїихъ градѣхъ, но есть тамо едина пуста съ нагими одрами. Тамо азъ чрезъ онїе 5 день лежахъ и страждахъ на фебру лютую, иже мя ово хладомъ, ово же огнемъ мучаше. Тогда Богъ вѣсть, каковую азъ тамо нужду претерпѣхъ отъ алчби, жажди и болѣзни, не могуци ниже испросити, слабости ради, ниже имущи за что купити пици себѣ, ниже помагающаго, ниже служащаго ми, ниже призирающаго на мя, кромѣ еди-

паго Вседержителя Бога. Тогда зѣло болѣзнавахъ сердцемъ и отъ великаго жалю скорбяхъ дозѣла на сопутника своего Іустіна и кленяхъ его многократнѣ съ плачемъ, понеже остави мене въ таковой нуждѣ, и въ сицевомъ неблагополучіи, и просто рекше, на чужой сторонѣ, при лихой годинѣ, еже би и невѣрній не сотвориль, аще би вкупѣ друголюбно съ хрістіаниномъ шествоваль. Что бо можетъ лютѣйшое бити: имуци брата и друга своего искреняго, единія вѣри и единія странни съ нимъ сущаго и чрезъ многое время вкупѣ на единой трапезѣ съ собою хлѣбъ ядущаго и въ далекіе чуждіе странни съпутствующаго въ время скорби и неблагополучнаго падежа въ чуждомъ и незнаемомъ краю съ нимъ разлучитися? И кій видъ безъчеловѣчія сверѣпѣйшій изобрѣстися можетъ, яко его болѣзненна отъ расслабленія тѣлесе валяющася на пути, или въ градѣ въ народѣхъ тѣхъ, идѣже языка ихъ не знаетъ, безъ одра и постели, на твердинѣ валяющагося и не имущаго отъ кого капли воды, прохлажденія ради, испросити, оставитъ, отбѣжитъ, и всеконечному небреженію его предавши, отидеть. Се тако искренній другъ мой и съпутникъ сотвори; се познася братняя любовь; се явися хрістіанское помилованіе. Гдѣ оній непремѣнный искреняго пароль? Гдѣ оное шляхетное товариша слово? Гдѣ оная твердая клятва, еже другъ друга не оставити, аще и въ падежи смертномъ? Се пароль премѣнни, слова запрѣся, клятву же разруши и потреби. Тогда азъ возвергахъ на Господа печаль свою и поминахъ пророческіе словеса, яко и „ближніи мои отъдалече мене сташа“, и егда пренемагаше духъ мой отъ облежашея мя болѣзни и скорби, помянухъ Бога и возвеселихся, и тогда на мнѣ собишася Давидови глаголы: „Скорбь и болѣзнь обрѣтохъ и имя Господне призвахъ“.

Глаголю же, яко нѣгдѣ тако друголюбіе искреное познати не можетъ, якоже въ путешествіи, аще бо тогда кто брата своего не презреть, то николиже. И явилъ би ти, читателю благій, широчае нужду свою, но понеже, недуга ради своего, не тогда писахъ, когда что сотворися, но послѣди, сего ради въкратцѣ изъяснивши, прочее оставляю. Тогда человекъ оный, иже обрѣте мои патента, отъ утра до утра удержаваше мя ожидать, донелѣже привезетъ ихъ, и сведе мя даже до пяти днѣй, лѣняся отходить въ домъ, азъ же, недуга ради своего, не можахъ ему часто стужати о семь. И тако едва по шести днехъ замедлѣнія моего тамо, чрезъ иннихъ людей випуканіе патента получивши, Августа 6 числа изійдохъ оттуду, въ четвертокъ рано, самъ единъ, Бога предитечу и руководителя имѣя и скорого помощника Святителя Христова Николая, не имѣхъ же отъ человекъ съ собою ни одинаго съпутника. Пойдохъ же оттуду путемъ новимъ, чрезъ великій Неаполь, къ Богомъ спасаемому и пресловутому граду Риму, на страну западную, идѣже шествовахъ три дни и три нощи путемъ добримъ, овогда равниною, овогда же зѣло малими горами, токмо горящимъ краемъ, и полемъ, нѣмало древа, ни травъ не имущимъ. Идохъ же азъ тогда зъ великою нуждою, на всякъ день стражда на фребру и множицею валяся при пути, на поли пустомъ и на знои солнечномъ, стражда, трясейся и паляся, не имѣя ни кроплѣ води омочити языкъ свой, овоже при австеріяхъ лежай, си есть при корчмахъ подорожныхъ, и не имѣй за что купити пици или питія, едва съ нуждею одинаго хлѣба испросити могій, понеже не знаяхъ ихъ нарѣчія, и къ тому не смѣяху къ мнѣ близатися, да не преидетъ болѣзнь на нихъ, видяху бо мя не имуща своего друга и различно о мнѣ помишляху; понеже тамо безъ дружби не проходятъ путници,

развѣ еще кто отъ ближней страны есть. Тогда азъ чрезъ три дни прелѣзши зъ нуждею отъ Берлети 44 мили, прійдохъ къ граду, именуемому Троя.

Градъ Троя въ земли Калавріи, стоитъ на положенію веселомъ и красномъ, на мѣстѣ високомъ, при горахъ великихъ, на одной низкой горѣ, широтою и долготою средній, отъ Берлети меншій, токмо лѣзь строеніемъ костеловъ, полатъ, домовъ и улицъ, весь отъ камени зданъ и оградою такожде каменною огражденъ единою. Стоитъ при водѣ здравой, имать всякое доволство и хлѣбъ дешевшій, нежели въ преднѣхъ градѣхъ. Есть же тамо болница, нищихъ и страннихъ ради сотворенна, и видѣвше мя людіе недужна суца, совѣтоваху мнѣ, да иду тамо и исцѣлюся, есть бо, рекоша, тамо пристановленній врачъ, иже дозираетъ болнихъ, и дается пища и питіе, Христа ради. Болница оная именуется *Sant Iouanne di Dio*, то есть Святаго Іоанна Божія. Послушавши же азъ совѣта ихъ, пойдохъ тамо, и пріяша мя безъ отреченія; обнажиша мя отъ ризъ моихъ и давше ми бѣль и чистъ хитонъ и одръ мягкъ уготованъ, повелѣша мнѣ лежати. Прихождаше тамо врачъ на всякъ день два рази, рано и вечеръ, созирати болнихъ; прихождаше же и къ мнѣ и разглаголствоваше съ мною нарѣчіемъ Латинскимъ и омацуя жили мои ручніе, рано и вечеръ, обѣщася мя сотворити здрава, и еже хотяше, то повѣлѣваше тамо служашимъ, что давати ясти и что пити и какову мѣру. Пища же даяшеся два рази на день, но зѣло мало, овогда бо едино варенно яйце, овогда же нѣчто отъ варенія и едина чашица студеной воды. Тамо азъ вѣмалѣ не исчезохъ отъ малоястія, пайпаче же жажды ради, понеже, кромѣ единой чаши при обѣдѣ и второй въ вечеръ, ни въ дни, ни въ ноци, ниже кроплѣ воды не даяху, повелѣніемъ врача. Тамо азъ лежахъ

3 дни, чрезъ неделю, понеделокъ и во второкъ, мя уврачеванъ бити. И видѣвъ мя цѣлби не получивша, но паче ослабѣвша, къ тому же и время погубивша, не хотѣхъ болѣе самъ лежати, но молихъ ихъ, да мя отпустятъ, они же удержавашу мя, совѣтующе еще нѣкія дни замедлити, да оздравѣвши отъиду, нѣсть бо (рекоша) въ насъ обичай, еже пріявши болнаго въ гостиницу, отпустити его неисцѣленна, сего бо ради и создася, да убогимъ болящимъ поможемъ Христа ради. Азъ же благодарствовахъ имъ за страннопріятіе и сипцевое благодарѣніе, болше же отнюдь премедлѣти не хотѣхъ, чухъ бо мя паче горѣ ослабѣвша, нежели прежде бѣхъ. Се же о скудной ради пици и питія. И молихъ, да мя отпустятъ. Они же насилovati мя не хотяще, отдадоша ризи моя воспятъ и отпустиша съ миромъ. Изійдохъ оттуду Августа 9 числа, въ восторникъ пополудни. Не могохъ же абіе шествовати отъ залежанія онаго, разслабленъ бо бѣхъ всѣмъ тѣломъ, сего ради замедлѣхъ тамо въ градѣ, проходяся помалу даже до вечера. Ноци же нашедшей изійдохъ внѣ града и спяхъ на поли, не возмогохъ бо тогда шествовати, залежалій суще. Таже отпочивши на вѣтрѣ чрезъ ноцъ, заутра въ среду, Августа 12 числа, едва не съ плачемъ начяхъ ити чрезъ гори високіе и великіе, отъ всѣхъ странъ далече обстоящіе, помишляя свою немощъ и безъдружіе и предъставляя себѣ предъ очи долгій и тяжестній путь и нескорое возвращеніе къ дому воспятъ. Молихъ же всемогущаго Владiku и Бога, да мя свободитъ отъ болѣзни и даруетъ скорое возвращеніе. Богъ же, человеклюбивъ сій и милостивъ, сотвори мя отъ того часа здрава отъ фребри и уже болѣе на ню не болѣзнавахъ, но не возмогохъ скоро шествовати ово горняго ради пути и прехожденія, ово горячести ради, найпаче же немощи

дѣля, яко не возмогохъ къ первому привратитися здравію чрезъ нѣколико днѣй, все бо, еже ядяхъ и пихъ, не бистъ мнѣ въ сладость; къ тому же мало уходядахъ миль на день, разслабленъ сій по болѣзни. Едина точію вещь тогда малу ми крѣпость подаде. Егда бо изійдохъ отъ града Трои и шествовахъ полдня, обрѣтохъ при пути едину корчемницу, при ней же источникъ стояше, зѣло прекрасную и преизбранную имущъ воду, хладная бо, аки ледъ, чистая, аки кристаль, къ тому здравая и сладко пріемная, сице, яко аще кто и много ея піеть, не вредитъ ничтоже. Сице же глаголаху тамошніи жителіе, яко вода оная многимъ есть знаменита и пресловутая въ всей Италіи первѣйшая есть, чесому вѣру яхъ, понеже нѣгдѣ же не обрѣтахъ сице хладной и здоровой воды. Стоитъ же на горѣ високо и точится горѣ, сквозѣ столпъ бѣль мраморній, идѣже азъ препочихъ нѣколико часовъ и пихъ оную воду въ сладость и укрѣпихся мало отъ нея. Сице же оная вода есть хладна, яко человекъ единимъ дхновеніемъ пити ея не може, понеже зуби терпѣти не могутъ. Тогда, (якоже рехъ) наченши отъ града Трои, идохъ шесть днѣй все горами, обаче не тако жестокими, яко въ иннихъ странахъ, но отчасти веселыми, понеже частію камень, частію же землю добру имуть, индѣ же и дресеса и лѣски маліе проявляются, яко и подъ сѣнію ихъ множицею вѣтахъ. Виногради же и сади зѣло красніе, найпаче же приходящи къ великому граду Неаполю, на всякъ бо день, имъ же приближахся къ Неаполю, тѣмъ краснѣйшимъ и равнѣйшимъ шествовахъ путемъ, аще бо и помежду горами бысть путь, но равень и шерокъ и людѣй много проходящихъ суть. Виногради тамо великіе плодятъ, ихъ же лоза, аки нѣкое древо, толсто и високо. Насаждаютъ же дреса лѣсніе при всякой лозѣ и тако лозіе плету-

щихся по онихъ древесяхъ, распростираются високо и широко, прицепляющеса отъ древа на древо, яко лѣпо на нихъ смотрѣти и подъ сѣнію ихъ витати. Виногради оніе именуются дикіе, того ради, яко мало ихъ дозирають и очищаютъ и ягоди ихъ къ ястію непріятни, вино же изрядное биваетъ. Суть же и инихъ лозій чистительныхъ множество, раждающихъ ягоди различнаго образа и вкуса, иніе бо суть черніе, иніе бѣліе, инніе червленіе, иніе бурштиновіе, иніе долгиіе, именуеміе розинки, иніе же кругліе, иніе дробніе, аки горохъ, иніи же великіе, аки сливи, нѣціи мягки и полни соку, прочія же тверди, но сладки зѣло, другія же винніе и всяко различніе суть; такожде и оградини разніе обрѣтаются, найпаче же кавуни и динѣ толь великіе родятся, яко человѣкъ купивши на торжищи одинаго кавуна едва въ домъ свой занести можетъ; прочіи же убогіи, сложившеса 5 или 6 человѣкъ вкупу, одинаго кавуна или едину диню купуютъ на снѣденіе, толь же сладкіе и вкусніе суть, яко сладчайшіе бити не могутъ, къ тому же не весьма драго продають; ягоди же лозніе зѣло малоцѣнно и фигіи такожде подобнѣ яблока, груши, орѣхи волоскіе, мигдали, орѣхи маліе, каштани и прочая, отъ нихъ же всѣхъ тамо древеса растутъ, найпаче же орѣховъ волоскихъ и простихъ и каштановъ и фигъ; между садами же и лѣсами гради, веси и гостинници общіе стоятъ веліе изобиліе, между ими же, аки между лѣсомъ, идущи, нечаянно прихождахъ къ граду или веси. И воистинну прекрасная страна и отъ инихъ различествующая тако въ строеніи градовъ, весей, полатъ, гостинницъ, виноградовъ, оградинъ, источниковъ воднихъ, яко же и въ прочіихъ иннихъ вещехъ. Идохъ же тамо людъми отчасти милостивими, идѣже всегда пищу обрѣтахъ некупуюмую, найпаче же хлѣбъ и овошчіе даяху, варенія

же нигдѣ не даютъ, не токмо тамо, но ни въ всей Ита-
ліи, развѣ когда случаемъ биваетъ; но аще кто хочетъ
отъ путниковъ вареніе ясти купуетъ, всюду бо обрѣщеть
и въ градѣхъ, и на пути, понеже странопріемници
устроеніе всюду тамо при пути суть, ихъ же име-
нують тамо австеріи, идѣже разная варенія и вина про-
даются для всѣхъ богатыхъ же и убогихъ, обще прихо-
дящихъ. Тамо егда шествовахъ, видѣхъ по тихъ австе-
ріяхъ много народа ядуща, піюща и веселящася, упи-
вающего же ся нѣгдѣ ни одинаго. Шествовахъ же отъ
Трои къ Неаполю 66 миль. Приближающіи же ся къ
предградію великаго Неаполя, видѣхъ ограды, зѣло чин-
но и лѣпо строеніе, въ нихъ же хитростнѣмъ обращеніемъ
кола чрезъ мули разливается вода, гдѣ требѣ.

Описаніе великаго града Неаполя.

Входящу ми въ предградіе Неаполя видѣхъ три ис-
точники водніе, зѣло искуснимъ сѣченіемъ отъ мрамора
бѣла созданные, единъ по единому недалече отстоящіе,
различная лица въ себѣ имущіе изображенна: первій
источникъ стоитъ при пути въ стѣнѣ каменной, деками
мраморными гладцѣ устроеній, имущъ на себѣ подпись,
чимъ попеченіемъ и пѣвязми и когда устроится; вторій
два посредѣ пути стоятъ, но не вкупѣ, единъ по дру-
гому приходящи къ граду, и тіе суть искуснѣйшаго зда-
нія, понеже въ гору воду испущаютъ и низу на четири
странни отъ различныхъ изображеній. Тамо предъгра-
діемъ идущи вся лѣпота Неаполя зрится аки на длани, и
все расположеніе и строеніе костеловъ и полатъ, понеже
стоитъ подъ горами и между горами великими, на равномъ
и веселомъ мѣстѣ. Предградіе же красное есть, имущее
все дома каменніе, великіе и високіе, искуснаго стро-

енія. Прешедшу же ми оное, приближихся къ оградѣ каменной високой, яже обиде окрестъ града, и се врата високіе и шерокіе, отъ мрамора рѣзаннаго лѣпо и крѣпко устроенніе, съ столпи толстыми, гладкѣ сѣченными. Бистъ же тогда Августа 14 число, егда приспѣхъ азъ къ Неаполю, и бистъ вечеръ, уже по захожденіи слонца, егда внідохъ въ врата градскіе. Тогда вшедши внутрь, узрѣхъ мимоходяще многое множество народа отъ благороднихъ и знаменитихъ мужей и женъ яздящихъ по граду позлащенными и гордыми колесницами, другихъ же проходящихъ сѣмо и овамо, прочихъ же различніе вещи продающихъ, и толь многое множество народа, яко едва разминутися могохъ. Не созирахъ же тогда болѣе ничтоже, бѣ бо уже часъ вечера темна и ускоряхъ зѣло къ гостинници, далече бо отстояше, едва не на другой странѣ града, къ тому же еще прежде слышахъ, яко честно тамо пріймуютъ пелгримовъ, пдохъ же спѣшно яко часъ единъ, предводящу мя едину мужу, таже достигохъ яко по первой години въ ночь къ госпиталю de S. Trinita, то есть къ гостинници Святой Троицы, идѣже бистъ уже по вечери, и отводоша путниковъ въ ложници ихъ. Пришедшу же ми тамо, удивихся усвоенному и необичному моему пришествію. Обрѣтохъ же азъ тамо отъ благороднихъ и богатихъ мужей и женъ нѣколько, не вѣмъ чесо ради, посѣщенія, или созиранія дѣля пришедшихъ. Тѣи мя пріяху съ любовію и посаждаху мя въ самой гостинници на сѣдалищи честномъ, сами предстояще ми; азъ же не терпѣхъ сѣдѣти предъ толь великими лицами, тѣи же нуждою и насиліемъ сотвориша мя сѣдѣти, сами предъстояще и повѣлѣвающе мнѣ ожидать, донелѣже принесутъ трапезу. Призираху же мнѣ въ лице, потомъ омоченное, и покивалоше главами, соболѣзноваху труду моему. Попро-

шаху же мя, но не вѣмъ о чесомъ, не знаяхъ бо ихъ нарѣчія; послѣди же, чрезъ толмача, въ Латинскомъ языку отвѣтствовахъ имъ на нѣкія вопросы. Приѣде же тогда тамо священникъ, начальствуя и управляя пелgrimскіе дѣла, той разглаголствова съ мною Латинскимъ діалектомъ и вопросы мя, откуда есмь и камо иду, и повелѣ мнѣ показати свои патенти; азъ же открихъ ему всѣ, еже имѣхъ, наченши отъ страны Полской даже доздѣ, и удивляшеса толику множеству, и прочетъ точію единь или два и всѣмъ вѣру ятъ и подписа свой знакъ, и сокрихъ я. Таже предъставиша ми вечеру, аще и въкратцѣ, но честну: баше же едина снѣдъ варена, вторая печѣна и третое овоціе лозное и сосудъ доволенъ вина. Та вся донелѣже потребихъ, служаху мнѣ предъстоящіе оніе предреченніе благородніе мужіе же и жени, ово порѣзующе яству, ово же наливающе вино въ чашу и подающе ми въ рупцѣ. Таже по вечерѣ единь приставникъ тамошний поведе мя горѣ по степенемъ въ иніе полати къ прочіимъ пелgrimомъ, идѣже даде ми ложе, посланное честно и чисто, и отъиде, заключивши двери. Азъ же спяхъ тогда безъ памяти, утружденъ сій до зѣла. Заутра же, воставши, ходихъ по костелахъ и по градѣ, разсмотрѣнія ради, въ вечеръ же паки къ той же гостинници прійдохъ вкупѣ съ прочіими пелgrimами, и паки созираше священникъ отъ всѣхъ патентовъ и знакъ коемуждо даеше. Чинь же таковъ бистъ и всегда есть: по созираніи патентовъ, вси путници идуть въ костель, иже тамо внутрь двора есть, и творять установленную свою молбу, таже тѣмъ часомъ ищислятъ, колико суть персонъ и по толику представляють трапезу; по окончаніи же оной молби, всему суцу готову, сѣдаютъ по обою страну трапези, гдѣ кто изволитъ, или на початку, или посредѣ, или на концу; се же

того ради, яко яства едина и одинака часть всѣмъ, развѣ аще кто будетъ духовная особа, тогда тихъ особнѣ пріймуютъ. Сѣдшимъ же при трапезѣ, встають разомъ всѣ на нозѣ и благословить священникъ яству въкратцѣ, таже паки возлагають и ядутъ кійждо предъ собою. Три же яди обикова даяти: или мастніе, или постніе, якоже требуетъ время: егда бѣ въ мясопусти, подають вареніе отъ зерна, мясо вареное и мясо печеное и плоди гроздніе; егда же въ пятокъ и субботу или въ инъ постъ, тогда вареніе отъ зерна, или оградини, съ елеемъ, таже двѣ яйца на всякаго и часть сира прекраснаго пармазинскаго и отъ лознихъ плодовъ, аще въ лѣтѣ; аще же въ зимѣ, то отъ иннихъ; аще же великій постъ, то вся съ елеемъ, да всегда же букаль вина изобилень и вода въ другомъ меншомъ сосудѣ и чаша предъ всякимъ. Ядущимъ же пелгримамъ предстоятъ много отъ духовнихъ особъ и отъ мирскихъ знаменитихъ и благороднихъ мужей; такожде иже (якоже слышахъ) добровольнѣ смиряюще себѣ въ память Христову, приходятъ тамо на всякъ вечеръ и служатъ, понеже всегда страніе едина по другихъ обрѣтаются, или отъ Риму къ Бару шествующи, или отъ Бару къ Риму; служатъ же, якоже предърекохъ о себѣ, ово разрѣзующе ядъ, ово вино вливающе въ чашу и подающе въ рупцѣ, ово собирающе праздніе сосуди. Отъ вечери же воставши, паки идутъ въ церковь и молитву дѣють; таже ведутъ ихъ въ ложници и дають всякому одинакій одръ бѣль и чистъ, усланъ мягкою постелею, и заключаютъ ихъ внутрь тамо, заутра же рано испуцають, да идетъ всякъ и творить потребу свою. Тогда азъ, по второмъ пренощеваніи, паки ходихъ съ прочими пелгримами по градѣ и видѣхъ строеніе прекраснихъ полатъ и благороднихъ мужей прівѣтствія и бесѣди слышахъ, зданій, источни-

ковъ, различныхъ ремесниковъ и премудрыхъ мастеровъ и иніе рааличніе вещи, о нихъ же послѣди яснѣе скажу. Паки третого вечера съ инними путниками идохъ въ туюжде гостинницу и единаче пріять бѣхъ, съ всякимъ удовлетвореніемъ. Гостинницу оную тамо именуютъ, по ихъ нарѣчію, госпитале, се же отъ угошенія страннихъ, понеже гостя зовутъ госпите, сего ради наречеса и госпитале, си есть гостинница di S. Trinita, си есть Пресвятой Троици, понеже храмъ Троици иматъ въ себѣ. Отстоятъ отъ торжища далече, строень на четири страни, аки нѣкій монастырь, полати окрестъ иматъ, внутрь строенніе високо, едини на другихъ, посредѣ же подворія пляць нагъ, пространень, каменіемъ насажденъ; врата иматъ великіе, едини токмо, ими же входятъ и исходятъ, и студенець, отъ камене зданій, питія ради, здраву воду содержащъ. Опуюю входа вратнаго есть аптека; въ ней же врачъ живетъ съ всякими цѣлбами, яко да аще кому случится впасти въ болѣзнь, абѣе врачуютъ его безъ всякой мзды. Въ ложницахъ же чинно одри устроение, по обою страну, единъ по другому стоящіе, скованніе отъ желѣза и мосѣнзу упецренніе, верху же постели мягки и бѣли, съ колдрами лѣпотними и теплыми, свѣтло же чрезъ всю ночь горитъ для всякой потреби; таможе низу есть домъ, идѣже яству варять, страннихъ ради путешественниковъ. О лѣпотѣ же великаго града Неаполя по достоянію изрещи не могу, понеже мали тамо пребихъ дни и не могохъ внутренея его испитати красоти, не знаяхъ бо языка ихъ; къ тому же ускоряхъ къ Риму, хотя вишпенисаннаго сопутника своего Іустина или постигнути, или обрѣсти въ Римѣ. Не токмо же внутрь, но и внѣ его не разсмотрихъ совершенно, понеже величества ради его не могохъ весь преходити и презрѣти, но еже и въ малѣ великую его

видѣхъ лѣпоту внѣшную, сего ради въкратцѣ изьявляю. Той градъ Неаполь не токмо въ всей Италіи, но и въ Греціи, и Франціи, и Гишпанѣи, и въ всѣхъ иннихъ странахъ есть славень величествомъ, ветхостию и мѣстомъ, крѣпостию, строеніемъ, богатствомъ, многолюдствіемъ, пристанищемъ морскимъ и куплями. Величество его большое въ долготу, нежели въ широту, обаче далече распростресея, на ... миль, и тѣсно устроенній есть. Сѣдитъ же надъ моремъ, на мѣстѣ равномъ и великомъ, между великими горами каменными, лѣса на себѣ немущими, и между садами, по долинахъ сущими и различное оwoщіе имущими; такожде стоитъ при водахъ здравихъ, отъ спудовъ горнихъ быстро текущихъ. Тамо своимъ нарѣчіемъ именують его *Napoli di Spania* то есть Неаполь Гишпанскій, понеже прежде Гишпанс облодаху имъ. Тогда же въ Цесарской державѣ бысть, идѣже и краль обитаетъ отъ Цесара поставленній и ему подчиненній. Весь каменною стѣною огражденъ крѣпко, найпаче же фортецу зѣло крѣпкую имать, которая на високой горѣ, внѣ града, созданна и наполненна множествомъ армать, праховъ и куль и всякой инной военной потреби; утвержденна же стрежею и наполненна воинствомъ, блюдется опасно; на добромъ, воистинну, и прекрасномъ мѣстѣ положеніе свое имать, яко и смотрѣти на ню крѣпко лѣпо есть, и къ защищенію всего града удобопомощна. Часто же тамо оглашаютъ отъ армать или вѣсти, или нѣкіе новини, или инніе оказіи. Что же реку о лѣпотномъ строеніи его, которое увеселяетъ сердце и очи видящихъ, аще кто узритъ костели, они суть прекраснаго иждивенія, чиннаго расположенія, совершенной мѣрѣ въ висотѣ, долготѣ и широтѣ, лѣпотнаго строенія, отъвнѣ покровенни цѣнію, внутрь же великими рѣзаними деками мраморными, иніе бѣлыми,

иніе черними, иніе червленними, инніе пестрими и всяко всѣ различновидними цвѣти, имуть своя подножія по-славніи, сице же прекрасно съравнени суть таблици каменніе, яки оледенѣвшая вода, яко едва не поползнется всякъ ходяй. Что же еще реку о многочисленнихъ и коштовнихъ онихъ престолахъ служебнихъ, одесную и ошую въ всякомъ костелѣ чино стоящихъ, отъ нихъ же вси, аки единь, отъ различныхъ мраморовъ и драгоценныхъ порфіровъ и прекраснихъ агатовъ, иннихъ безчисленнихъ, ихъ же по имени наректи не вѣмъ, суть созданніе хитростнымъ сѣченіемъ, съ столпами же и инними фигурами искуснымъ художествомъ живо изображенными и толь прекрасно, яко въ нихъ вніти аки въ небо вніти и въ нихъ въ время праздника или недели стояти на небесахъ мнѣтся челоуѣку. Нѣсть же ни одинаго костела, иже би билъ нелѣпаго или неискуснаго строенія, но вси, отъ перваго до послѣд- него, единь другому въ дѣлѣ подобитя. Не имуть тамо злихъ художниковъ, но всѣ искусніе, Господь бо имъ дарова всякую премудрость. Кое открію слово о онихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ церковнихъ, си есть о златѣ, сребрѣ, о сосудахъ священнихъ, цѣни неимущихъ, о стихаряхъ, ризахъ, наравъцахъ; аппаратахъ, орнатахъ и прочіихъ одеждахъ коштовнихъ, еже въ всякомъ костелѣ довольно обрѣтается. Воистинну о семь умолчу, понеже ихъ оцѣнити не могу. Возримъ на монастырѣ иноческіе обоого полу, ихъ же тамо много суть, отъ нихъ же въ каковъ либо буди внідетъ челоуѣкъ, найпаче же странній, узритъ его аки прекрасній рай; суть же инніе внутри града и инніе внѣ, строеніе же ихъ биваетъ на четири стѣни, идѣже високо въ гору едини на другихъ стоятъ даже до пяти или шести степеней, внутри же имуть все подножіе монастыра, гладцѣ каменемъ посланное, и

въ коемъждо монастыри кладязь или два, зѣло прекраснаго зданія и церковь, такожде искуснаго художества. Поступѣмъ нпнѣ къ строенію полатъ и расположенію улицъ. Улицы расположенны и размѣренны зѣло чинно и лѣпо; едини бо суть началніе улицы, иже чрезъ весь градъ протяженны и сіи суть широке доволно, яко тріемъ колесницамъ разминутися; вторіе средніе, иже суть по странамъ тѣхъ великихъ, идѣже двѣ колесницы разминутися могутъ, третіе же побочніе вторихъ и четвертіе еще узшіе, внутрь тѣхъжде, пѣшеходящихъ ради. Каяжде улица согласуетъ своей парѣ, си есть, колико улица великая отъ единія страни имать въ себѣ поперечныхъ улицъ, толико и отъ другія, такожде и средніе и меншіе, вси же великими каменми черными умощенны толь гладцѣ, яко токъ прекрасній; сиче же чисто по улицахъ, яко нигдѣ смѣтя не узриши, ибо суть приставленны человекци отъ гражданъ, иже на всякъ день ходять по всемъ градѣ, имущи кійждо въ руцѣ правой мѣтлу и кошницу на плещахъ и лопату въ лѣвой руцѣ, и идѣже что обрящеть на улицы измѣтаетъ на лопату и вергаетъ въ кошницу и наполнвшіе ю износятъ внѣ града, друзіе же суть, иже осломъ износятъ, сего ради чисти суть сиче, яко на иннихъ ниже прахъ обрѣтается. Строеніе же полатъ и общихъ домовъ толь лѣпо есть, яко зрящаго услаждаетъ зѣлицѣ и удивляетъ умъ изящной ради своей архитектуры: понеже зданни суть всѣ подобнимъ образомъ едини при другихъ толь нераздѣлно, яко стѣна отъ улицы размѣтается бити отъ единія полати, точію по дверехъ разнствіе познавается, сиче же високи, яко нѣціи до пяти степеней, нѣціи же до шести, едини верху другихъ стоятъ, едини отъ другихъ неотдѣлни даже до поперечней улицы, вси же суть отъ камене на четири углы

тесаннаго созданніе, токмо различнѣ, инїи отъ бѣлаго мрамора, инїи же отъ чернаго, инїи же отъ червленаго, инїи же камень чернаго, камень бѣлаго, нѣце же камень бѣлаго, камень червленаго имущіе, и овїе шахмати полнїе, другїе же гладкіе, прочїи же вѣтви инїе на себѣ фигури изображеннїе имуть и всяко всѣ различными види строеннїе, яко дивитися вѣистинну. Окояъ же много имуть и всѣ суть единой мѣри великіе, къ тому же огражденнїе кратами желѣзными; при коемждо же дому на улицу суть чардаки или ганки малїе, отъ желѣзнихъ заломъ скованнїе и на подножїи мраморномъ при тойжде стѣнѣ утвержденнїе, сице же гладкимъ дѣломъ, яко дивитися воистинну; на тихъ убо чардакахъ онїе благороднїе и знаменитїе мужїе же и жени сѣдять тамо на златихъ или малованихъ крѣслахъ, прохладженїя ради и созиранїя низу на люде. Се же полати онїе суть главнѣйшіе, въ нихъ же богатирѣ обитають на началнихъ и широкихъ улицахъ, на среднихъ же и узкихъ аще не суть тако вси коштовнїе доми, обаче подобни строеннїемъ, понеже такожде отъ гладкаго тесаннаго или рѣзаннаго камени лѣпо зданнїе и високи такожде, яко не обрѣтается тамо внутрь града ни малѣйшая хижина дѣла неискуснаго. Надъ всѣ же полати краснѣйшїй есть Королевскїй дворъ, тако отъвнѣ яко отъвнутрь. Отъвнѣ имать ганки великіе и долгїе чрезъ весь дворъ, съ многими каменными столпами, стоитъ же на самомъ брезѣ при мори, яко и вода касается основанїя его, недалече же вратъ началнихъ стоитъ источникъ води піемой, идѣже течеть вода бистрою струею отъ каменнаго болвана или фигури, которая аки живая бити зрится, искуснаго ради художества. Не воспоминаю же онихъ дворовъ панскихъ и сенаторскихъ, въ нихъ же студенци и фонтани, здраву воду точашїе, лѣпотнаго

зданія суть. Обаче разумѣй слишай о семь, яко тамо дворовъ мало суть таковыхъ, въ нихъ же би внутрь праздное мѣсто обрѣтало, якоже въ странахъ Россійскихъ, кромѣ точію знаменитшихъ персонъ, прочіи же всеѣ полати и посполитіе дома толь тѣсно стоятъ, яко отнюдь ни мало празна мѣста между собою не имуть, яко мнѣть вся единимъ зданіемъ бити. Идуще же помежду улицами, ничтоже болше не зрится, точію горѣ небо и обоюду високая зданія; кромѣ же того всего, многую умножаютъ лѣпоту къ строенію каменницъ, понеже подь всякою полатою и домомъ суть при стѣнѣ на улицу високо прикованніе фанарѣ, то есть лѣхтарнѣ кристаловіе, въ нихъ же всякъ предь своимъ домомъ зажигаетъ свѣтило свѣтло съ вечера и горять даже до четвертой години въ ноцѣ. И сице на улицы зрится въ нощи, якоже и въ дни. Сеже того ради творять, понеже тамо край есть горящій и не могутъ въ дни ниже ездити, ниже прохажатися, въ нощи же есть прохлада и сего ради начевши отъ вечера даже до четвертой години ездять колесницами, инніи же пѣшо прохаждаются и посѣщаютъ едини другихъ и пиршествуютъ, и угощеваются, и веселятся. Словомъ рещи, зѣло прекрасній обичай и чинъ и градъ, надъ него же лучшаго не видѣхъ даже доздѣ. Что же реку о богатствѣ и достаткахъ его? Богатство его изьявляютъ саміе толь великіе махини удивителніе структури, прекрасніе монастыри и костели, коштовніе полати, безцѣніе церковніе наклады, понеже сія вся богатствомъ биша. Къ тому же отгуду иматъ таковыхъ искусныхъ художниковъ, множество иконописцевъ, златаровъ, каменносѣчцевъ и прочіихъ безчисленнихъ. О многолюдствіи тамо въ градѣ обитающемъ не вѣмъ каковое ти написати число; отсюду точію знати мощно, яко суть тамо зѣло

великіе и продолженніе торжища, на нихъ же узрѣвши вещи снѣдніе различніе, отъ хлѣба же, мясь и рибу зѣло многое множество, человекъ чуждъ воистину почувдится, и мнится яко отнюдь того ни за седмицу испити не могутъ. Таможде до вечера ничтоже не останется, сиче же на всякъ день биваетъ. На торжищи толь тѣсно отъ народа, яко разминутися зѣло нужно. Пристанище тамо есть море Бѣлое, тоежде, при немъ же Венеція, Анкона, Берлета и Баръ стоитъ, токмо воспятъ завратиси, Баръ бо стоитъ на полуденную страну, Неаполь же на западъ. Азь бо егда возвращахся отъ Бара воспятъ, оставихъ море отъ Берлети града въ правой рудѣ и шествовахъ все горами, нечаяхъ отнюдь болшъ видѣти моря; егда же придохъ въ Неаполь, бистъ мнѣ море въ лѣвой рудѣ, и оттуду уразумѣхъ, яко земля тамо узка и море тоежде завратися воспятъ. Пристанищемъ онимъ зѣло славится, кариствуетъ и обогащается градъ, понеже тамо купци богатіи отъ Франціи, Гишпаніи, Англіи, Венеціи, Греціи, Португаліи, отъ Рима и отъ прочіихъ множественныхъ странъ припливаютъ кораблями, наполнивше ихъ различными товарами и куплю дѣютъ ово привозящи тамо чуждіе вещи, ово же оттуду купующе и развозяще въ инніе землѣ и паки иніе товары тамо привозяще. Симв убо, якоже рѣхъ, многіе користи граду тому приносятся и богатства умножаются и слава его всегда пребиваетъ. Замедлѣхъ азъ въ Неаполѣ малое время, точію полчварта дня ово препочиванія ради и добраго страннолюбія гостинаго, ово же взятія ради патентовъ, ово же разсмотрѣнія ради града. И воистинну аще бихъ былъ укоснѣлъ тамо болшое время, лучше бихъ билъ прозрѣлъ и описалъ его; не возмогахъ же тамо болѣе пребити нуждъ ради сичевихъ: 1, яко не имѣхъ ни злата, ни сребра, еже би купити себѣ пищу,

людіе ни богатіе ни убогіе не дають милостини ни мало; сего ради не могохъ питатися, ниже испросити пѣнзя, ниже что снѣдно, развѣ точію гдѣ въ нѣкихъ монастирахъ, и то съ велимъ трудомъ и нуждею; ибо тамо аще и премоного множество (якоже прежде рѣхъ) ястія и питія продается, но вся купити требѣ сяде богатому, якоже и убогому, коемуждо противу силѣ своей; еще къ тому вся драгою продаются цѣною всякіе вещи ядоміе и питія, найпаче же хлѣбъ, къ тому же и воду зимную продають, аки нѣкій напой, чашу малу по единому шелягу, и болше тамо въ самое горячое лѣтнее время тратять грошей на воду, нежели на вино; 2) ускоряхъ оттуду изійти, хотяци постигнути или снѣтися въ Римѣ съ сопутникомъ своимъ предыднимъ Іустиномъ. Обаче и чрезъ тое малое время всегда хождахъ на пляци, си есть на торжища, идѣже всякіе вещи продаются, и видѣхъ како оніе велможи и боляре шестоконными, четвероконными и пароконными колесницами яздяху семо овамо, возящеся по стогнахъ граду, другихъ же носятъ на носилахъ человѣци, прочіи же своими ногами проходяются по торжищахъ и помежду рядами купеческими и стрѣтающеся другъ со другомъ привѣтвуются лѣпо съ уклонами и привѣтствіи. Видѣхъ паки семо и овамо благороднихъ и гобатихъ мужей утро и вечеръ всегда по аптекахъ піющихъ кафе, водки и инніе дорогіе напой, и служащихъ пмь чинно съ подобающею честію. Что же реку о онихъ сладкихъ словесахъ и прекраснихъ бесѣдахъ, ихъ же слишати едино услажденіе пноземпу? Что же паки реку о множествѣ купеческихъ коморъ и различныхъ товарахъ, или о множествѣ искуснихъ въ всякомъ художествѣ дѣлателей, иже отъ нашихъ, яко небо отъ земли, разлствуютъ? Есть же внутри града Неаполя единъ

студенець, квасну воду имущъ и зѣло къ питію здраву, юже почерпають множество народа, найпаче же нищїи и убогїи приходятъ тамо непрестанно и вмѣсто вина ядятъ съ хлѣбомъ. Толико же вода оная есть здрава, яко елико кто можетъ вмѣстити піеть, ничтоже вредитъ, въ мѣру же піющимъ здравіе приноситъ. Есть тамо церковь Греческая, созданная страннихъ дѣля купцовъ, отъ Греціи приходящихъ, въ ней же священники вся по чину Восточнїа церкви творять, си есть олтарь имуть затворень, органовъ нѣсть, священники съ бради и въ долгихъ одеждахъ чернихъ, покриваютъ главы капелюшами, крестятся по восточному и кланяются, служатъ на хлѣбѣ квасномъ; мирскїа же Греки тамо вси исповѣдаются и причащаются, вся по обычаю своему творять; въ семь точію разнствуютъ отъ прочїихъ Грековъ, яко послушни суть Папѣ Римскому, суть унѣяти и Папу поминають и въ всѣхъ догматахъ ему покаряются. Слиши прочее: есть тамо внѣ града въ горахъ недалече едина пещера, отъ нея же всегда непрестанно курится димъ, яки отъ нѣкой печи, частѣ же исходитъ огонь великъ и пламень страшень, испущающъ густіе искри, и множицею, егда вѣтръ биваетъ, наноситъ на градъ и многу пакость творитъ, и сія есть подобная горѣ пламенно горящей Этнѣ, яже всѣмъ книгочїямъ есть вѣдома. Та вся азъ вкратцѣ увѣдавши и увидѣвши, взяхъ четвертаго дне 2 патента, единый отъ тамошняго нунціуша, си есть митрополита, а другїй отъ королевскаго двора, и изїдохъ въ четвертокъ ¹ предъ вечеромъ, Августа 18 числа, въ путь. Возможно же бѣ тамо кораблемъ по мору дойти къ Риму, обаче не имѣхъ сребра, имъ же би могль наняти пловцовъ, по-

¹ Въ 1724 году 18 Августа было во Вторникъ. *Ред.*

неже безъ мзди взяти не хотѣша, къ тому же разсудихъ, яко унше есть трудитися своими ногами къ мѣстомъ Святимъ поклоненія ради, нежели безъ труда яжденіемъ поѣщати. И тако шествовахъ ногами, не попусчая имъ облѣнятися, да не како разслабѣвши не донесуть въ отчество мое, понеже аще и надежда есть въ Бозѣ, но къ тому много ползуютъ и нозѣ. И тако шествовахъ отъ Неаполя 40 миль безъ единой помежду великими горами, сѣмо овамо стоящими, обаче долинами равній путь имущими, широкій же и каменіемъ посланни, именуемій страда Романа, си есть путь Римскій, се же того ради, яко неомилно путь Римскій каменній долженъ бити, понеже, якоже слисахъ отъ тамошнихъ жителей, на всѣ страни окрестъ Рима града путіе каменемъ сажденніе суть, се же слави ради и чести толь всему миру явнаго града. Идохъ же отчасти и помежду лѣсами и садами каштановими, найпаче же помежду виноградами великими и високими, зѣло по древахъ лѣсныхъ распростирающимися, подобнѣ, якоже предъ рекохъ, шествуя ко Неаполю, подъ ихъ же сѣнію лѣпо страннымъ витати, яко аще би они не били, воистинну би человѣку тамо, найпаче же иноземцу, пѣшествовати отнюдь невозможно. Людіе же, иже тамо родишася, удобіе ходять и труждаются, обаче иніи болѣе нощію дѣлають, нежели въ дни, понеже тамо въ ноши прохладно. Такожде прохождахъ и азъ частіе села и гостинници наемніе, подобнѣ якоже по первой странѣ Неаполя. Прешедши же 30 и 8 миль, прійдохъ къ граду рекомому Гарияно, идѣже паки тоежде море завращается и градъ стоитъ на брезѣ. Тамо стоитъ стражъ Неаполитанская, того ради яко тамо граничитъ Неаполѣтанское панство съ Римскимъ, ибо отъ начала Пуліи даже доздѣ Неаполь властелинствуетъ, то и его тамо проходитъ моне-

та даже до границы, ею же самъ обладаетъ. Тамо пред- реченная стражь патента, яже взяхъ отъ Неаполя, во- просиша, азъ же показахъ имъ и видѣвше оставиша мя шествовати. доброволнѣ. Возможно же би еще, кто хоцетъ, и отъ тамо моремъ дойти Риму, обаче азъ пѣ- шехожденію обѣщаніе предложивъ, не искахъ иннаго пути, развѣ предълежащаго; къ тому же, понеже тогда мѣсяць свитяше въ нощи, умислихъ болѣе шествовати ноцію нежели днемъ, горячести ради солнечной, къ тому же хотѣхъ постигнути съпутника своего Іустина въ Римѣ, зѣло бо скорбно бистъ безъ друга. Доздѣ панство Неаполѣтанское.

Панство Римское.

Оттуду отшедши, оставихъ море, и пойдохъ панствомъ Римскимъ, паки знаменитимъ путемъ каменымъ, помежду густими горами, частію преходя ихъ, отчасти же равними долинами, помежду ими шествуя. Случаше же ся мнѣ тамо устрѣтати нѣколько пелгриновъ, къ Неаполю шествующихъ, нѣціихъ же постизахъ отъ Неаполя къ Риму шествующихъ, иніи бяху Нѣмци, иніи Францизе, другіи же Римляне, и не можахъ съ ними разглаголствовати: сего ради ниже съвокупитися, всегда бо дружбою шествуютъ, или два, или тріе, или четыре, къ тому же не спѣшатся ниже ноцію ходять, но ноцуютъ въ гостиницахахъ по градахъ и весехъ. Идохъ же азъ спѣшно самъ единъ, не ищущи страннопріемницъ, но идѣже изнемогахъ отъ тру- да и падохъ на землю, тамо ми гостинница баше, или въ дни или въ нощи. Прехождахъ же нѣколько градовъ лѣпотнихъ зданіе домовъ, и весей множество, но и тіе веси суть лѣпотнѣйшаго строенія, нежели въ иннихъ странахъ градове. Земля тамо не весьма камениста и не

имать блага, но имать отчасти нѣгдѣ лѣси маліе, и древа при пути, яко аще и не частѣ, обаче случатся подъ сѣнію витати; къ тому же води здравіе всюду бяху, и людіе отчасти милостивіе; мало бо тамо что куповахъ, даже до самаго Рима, понеже пищу всюду обрѣтахъ отъ милостини, найпаче же по конвентахъ, си есть по монастырахъ, иноки обикоша всегда питати шествующихъ peregrinovy, мирстїи же, понеже въ то время собираху плоды, даяху много отъ плода лознаго и фигъ, понеже отъ сихъ тамо многое изобиліе родится. Виногради же тамо иннимъ образомъ насаждають, не тако, якоже окрестъ Неаполя: окрестъ бо Неаполя, якоже предъ рекохъ, много суть виноградовъ дикихъ, ихже лоза велика и віется високо по верху деревь лѣсныхъ; въ Римскомъ же панствѣ все виногради низкіе, огражденіе каменими стѣнами лѣпо; но сїи суть окрестъ градовъ, прочїи окрестъ весей окопанїи или осажднїи терномъ; многїи же суть осажденїи тростїю густою високою и толстою, яко сквозѣ ея человѣку протиснутися невозможно, нѣгдѣ бо толь толстая и крѣпкая не растеть тростъ, яко тамо, аки нѣкое древо; внутрь же за тростїемъ онимъ виноградное лозіе малое, привязанное до палиць; се же огражають того ради, да не всякъ мимоходя путемъ удобіе урветъ: зѣло прїятное къ ястїю гроздіе, и вино крѣпкое бываетъ; вина же тамо мало червленнаго, токмо желтаго и бѣлаго множество, си маляю продаются цѣною. Шествовахъ же наченъши отъ Неаполя, даже до пресловутаго града Рима 9 днїй, и прешедши миль сто двадесять почтовихъ, таже десятаго дне, Августа 29 числа, въ субботу предъ полуднемъ, достигохъ тамо.

О пресловутомъ градѣ Римѣ и о пришествіи
моемъ къ нему.

Пришедшу ми яко за три поприща недалече, къ многознаменитому и богоспасаемому граду Риму, видѣхъ внѣ града зѣло ветхіе стѣни каменніе долго, даже до самага града протяженніе и недалече ихъ текущую рѣку мѣлку и узку даже внутрь града; идохъ же путемъ знаменитимъ отдалече наченшимся, иже бяше посланъ каменемъ лѣпо и гладко и широко; при пути столпи таковы каменіе стоятъ, имущіе на себѣ таблицы мраморніе, аки зеркала гладкіе, на нихъ же Латинскіе подписи, виритіе орудіями, чимъ коштомъ и стараніемъ послашася путіе оніе. Таже идохъ предградіемъ долго, лѣпотніе доми, виногради, садове, источники имущимъ. И видѣхъ Римъ отвнѣ зѣло много красенъ; много бо услаждають зѣниці людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ, зданніе високо и пространно съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащенніе, на себѣ крести имущими, такожде и красно стройніе высокіе полати. Пришедшу же ми близъ града, видѣхъ его огражденна каменною стѣною единою високою гладкимъ и крѣпкимъ дѣломъ. Таже внідохъ вратами, искуснимъ художествомъ отъ великихъ рѣзаннихъ каменей устроенными, и идохъ улицами далече, хотя прійти къ средоградію на пляць, си есть на базарь или на рынокъ, да тамо нѣчто въ снѣдъ промышлю, приближаше бо ся полуденное время, къ тому же бѣхъ гладень и утрудень сій до зѣла, шествовахъ бо непрестанно чрезъ день и пощъ къ мѣску, сна не вкушая, къ тому же хотя узрѣтися съ пелгримами, и въпросити о съпутнику моемъ бившомъ Іустину; но не могохъ ускорити до полудни,

есть бо градъ зѣло великъ и много шествія требуетъ. Устрѣтохъ же на улицы пелgrimовъ и убогихъ множество и спросихъ ихъ, камо грядуть, нарѣчимъ Римскимъ то есть Италѣянскимъ, знаяхъ бо нѣчто мало еже къ яствѣ и пути требуемое. Они же отвѣщаша ми, яко идуть на едино мѣсто, идѣже дають въ милостину нѣчто снѣдно; съ ними же и азъ идохъ вкупѣ. И прійдохомъ на едино мѣсто, нарицаемое Рацелѣ, стояще високо на малой горѣ, гдѣ идохомъ по степенехъ горѣ, тамо стоятъ полати великіе и пространніе и высокіе лѣпозданіе, одесную монастырь закона Францѣшканского, ошуюю же полати великіе, идѣже свѣдѣтельства отходящимъ зѣ Риму даются, вся прекрасно отъ камене зданна. При онихъ первыхъ полатахъ предъ сходами источникъ водній стоитъ, сладку воду піющимъ подавающъ; между же тѣми всѣми полатами пляцъ пространенъ и равенъ, гладкими, дсками каменными въ едину мѣру сѣченными посланній на другую же страну паки степени каменніе, другіе (еще лѣпшаго строенія) обоюду нмущѣ стѣни, на нихъ же сѣмо и овамо два болвани, тѣло нагихъ чловѣкъ изображающіе, сипце же искусно учиненіе, яко аки живіе мнятся зрѣти. Тамо отъ онихъ Францѣшкановъ приспѣвшу полуденному часу, изнесоша нѣкое вареніе и раздаваху всякому единою мѣрою, идѣже и азъ часть свою взяхъ и мало укрѣпихъся и благодарихъ Бога, яко алчущимъ даетъ хлѣбъ и на страннія и нищія презираеть. Таже препочивши тамо нѣкій часъ по полудни, идохъ далечеае внутрь града и дойдохъ къ гостинници Полской, при храмѣ Святаго Станислава стоящей, именуеть же ся госпитале ди Поляки; тамо азъ обрѣтохъ нѣколико Полскихъ людей и бихъ зѣло благодаренъ и привѣтвовалъ съ ними и нѣколику бесѣду сотворихъ, спросихъ же о сонутникахъ своихъ, съ ними же отъ странъ Пол-

скихъ отъ града Лвова изійдохъ Отвѣща ми, яко священникъ прежде отъиде; другъ же мой, иногда бывшій съпутникъ Іустинъ, трома или четирма днями предъ пришествіемъ моимъ отъиде велѣдъ священника паки на Лоретъ къ дому Богородичну, идѣже прежде бѣхъ съ ними совокупно. Видѣхъ же азъ, яко (Богу тако хотящу) не могохъ совокупитися съ дружиною своею, оставихъ мысль ону, и къ тому проче не жалѣхъ, понеже чаяхъ отъ Риму себѣ обрѣсти съпутниковъ много. Вопросы же еще отъ нихъ вся, что и како имамъ творити въ градѣ Римѣ, и извѣстившися добрѣ, начахъ вся по чину дѣлати. Оттуду приходящу слонцу на западъ, пойдохъ, по обичаю всѣхъ peregrinovy, къ еeneralной гостиници.

О госпиталю первоначальномъ Римскомъ.

Пришедшу ми къ госпиталю или къ гостиници началнѣйшой Римской, идѣже обще всѣхъ путешественниковъ, здравыхъ и немощныхъ, пріймуютъ; именуеть же ся госпитале de S. Trinita, Святой Троици, понеже при церквѣ Живоначальной Троици стоитъ. Тогда обрѣтохъ тамо предъ врати съшедшихся пелgrimovy, вѣще яко сто душъ, отъ различныхъ странъ, иже на поклоненіе къ Риму прійдоша; кромѣ же тихъ еще недужныхъ толикожде. Предъставиша же первѣе трапезу немощнымъ и служаху имъ честно отъ священныхъ особъ и знаменитыхъ мужей Христа ради. Ми же всѣ здравіе стояхомъ внѣ дверей, ожидающе своего времени, не пущаютъ бо ни единого внутрь, донелѣже не прійдетъ часъ той, въ онъ же представляють трапезу здравимъ. Обаче съзирахомъ вся бившая внутрь окнами, како посадиша болныхъ чинно, обоюду трапези долгой и предъ

всякимъ особно яству и питіе предъставиша, и како чинно инніе приношаху полніе блюда, другіи же собираху праздніе. Таже по трапезѣ, сотворшимъ имъ благодареніе, поведоша ихъ приставники въ своя болници. Держати же тамо недужныхъ обикноша кормяще и врачующе дотолѣ, донелѣже оздравѣютъ, творяще сіе въ память Христа, рекшаго въ Евангеліи: „болень бѣхъ, и послужисте мнѣ; прійдѣте благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра.“ Таже начаша насъ по единому впущати дверми и созирати коегождо патента, откуда кто прійде и отъ коея странни естъ. По единому же того ради впущаютъ, да чинно безъ воля входятъ, понеже много отъ младихъ путниковъ суть, иже еще дѣтищная творяще бѣгають сѣмо и овамо, непостоянни суще и тѣснящися внутрь, хотя единъ другаго предъварити, угнѣтаются и вопль творять. И тако чинно по единому впущающе, оставиша и мене внійти, идѣже священници, присѣдаціи близъ вратъ, вопросиша мя: откуда есмь, своимъ Римскимъ нарѣчіемъ. Отвѣщахъ имъ, яко не разумѣю языка вашего, но Латинскій. И вопрошающимъ имъ Латински, вся отвѣщахъ, откуда есмь, и камо шествовахъ, и откуда нинѣ прійдохъ. Таже взыскаша отъ мене патентовъ Полскихъ, и показахъ имъ всѣ, яже имѣхъ отъ града Львова. Единъ же отъ нихъ, началній, возьмъ прочетъ и подѣписа нѣколико словъ своею рукою, и давшѣ ми печать бляшану, поведоша мя въ ликъ избранныхъ пелгримовъ. Всѣхъ же тамо до послѣднего пресмотрѣваши, огласиша въ звонокъ малъ бившой уже годинѣ въ ноцъ, и поведоша насъ священници въ единъ костель, тамо внутрь стоящъ, и сотворшимъ молбу пелгримамъ по обичаю къ Пресвятой Дѣвѣ Богородици, юже именуютъ Литанѣя, возгласи единъ, не вѣмъ кто,

*

сыреди, и не вѣмъ что, Римскимъ бо бѣше нарѣчіемъ. По гласѣ же ономъ абіе пойдоша, яко тридесять чловѣкъ, единъ по одному, другими дверми въ инну полату, прочіи же всѣ остахася въ церквѣ и сидѣша, съ ними же и азъ. Азъ же видя бывшое и неразумѣвая творимаго, что и чесо ради инни пойдоша, друзіи же остахася, и не терпя мисли своей, обрѣтохъ единаго отъ путниковъ, знающаго мало Латинскаго языка, Римски же добръ, и вопросихъ его о семь. Той же извѣсти ми вся ясно сице: яко той, иже по окончаніи молби возгласи, да вси, иже перву ноцъ имуть въ гостинници, идуть напереди и послѣдуютъ ему. Тойже поведе ихъ въ умивалницу, да уміють имъ нозѣ. Прочіи же, иже суть второнощніи или третонощніи, должны ожидати ихъ, да купѣ всѣ пойдуть ясти вечеру. Рѣче же ми, да и азъ иду тамо: понеже первонощень бѣхъ. Внїйдохъ же азъ тамо въ умивалницу и видѣхъ близъ конца творимое дѣло, не рекохъ о себѣ ничтоже, понеже Вожіею тако волею, при неразумѣи языка, собистся. Стояхъ же азъ издалече и видѣхъ лѣпо творимую церемонїю, яже бистъ сице: два ношаху сосудъ и подѣставляху подъ нозѣ путниковъ, третій ношаше сосудъ съ чистою водою и поливаше на нозѣ, четвертій ношаше ленте чисто, пятій мїаше нозѣ и отираше, шестій ношаше ковчежець съ врачевствѣ, и аще кто отъ путникъ имѣаше нѣкую язву, прилагаше пластирь и обовязоваше струпи. По умовеніи же ногъ, ведоша насъ въ трапезу, уже лѣпо и чинно предуготованну сушу, и многимъ благороднымъ и знаменитимъ мужемъ пришедшимъ къ послуженію страннымъ; трапези же, на нихъ же яства представляется, зѣло суть долгиѣ и великіѣ огражденніе стѣнами, токмо единъ входъ имуть. Тогда ставше два пресвитери при входѣ трапезномъ, взимаху печать отъ всякаго прежеданную, и впушаху по еди-

ному къ засѣданію трапези. Сѣдшимъ же всѣмъ чинно, сотвориша краткое благословеніе священници и ядохомъ благодаряще Бога и творящихъ милостиню; стояше же при коемъжеде peregrinъ единъ мужъ честень и благородень и служаху ово порѣзующе снѣдь, ово наливающе вино и подающе въ рупѣ, ово же сосуди испраздненніе собирающе и прочая таковая. Бяше же снѣдій три и четвертіе плоды и поль ока вина на всякаго, якоже до обилія довлѣяше; такожде и вода предъ всякимъ и чаша, да аще кто не можетъ самага вина пити, то да пьетъ съ водою, въ Римѣ бо и окрестъ зѣло крѣпкіе и найвящше бѣліе вина раждаются. Ядущимъ же всѣмъ и наситившимся, и воставше отъ трапези, воздадоша благодареніе Богу. Таже поведоша насъ въ горнюю виталницу, по мраморнихъ степенехъ високо, и тамо пресмотрѣвше всякаго руки и лице, едали не имать кто каковаго вреда на тѣлѣ своемъ, и раздѣливше здравихъ отъ поврежденныхъ на особно въ разніе разведоша гостинници и раздѣлиша всѣмъ одри чистіе и посланніе лѣпо, и поставиша два на одрѣ почивати, понеже одри шероки суть и на двоихъ строенніе; аще же случится когда мало число peregrinовъ, тогда по единому полагаются на одрѣ. И спахъ азъ ту ноцъ зѣло сладко и здраво, по утружденіи отъ пути, кому же и отъ чаши. Утру же бившу, испустиша насъ вонъ изъ госпиталя, аки стадо овецъ чернихъ, вси бо путники, иже тамошнимъ нарѣчіемъ именуются peregrini, въ черномъ одѣяніи ходять, яки иноци. И разійдошася вси по церквахъ на поклоненіе и на слышаніе литургій, большая же часть поиде къ первоначальной и великой церкви Римской, въ честь С. Верховнаго Апостола Петра созданной, яже стоитъ обонъ поль рѣки Тивера, тогда и азъ съ ними идохъ, поклоненія ради. Есть же тамо къ

прехожденію устроень мостъ каменній зѣло великъ и високъ и крѣпокъ, на столпахъ високихъ каменныхъ, въ рѣцѣ основанныхъ, утверждень и возвишень високо, яко ужасно есть низу зрѣти. Оттуду возвратившися, посѣщахъ инніе костели и знаменитіе монастыри. Таже, вечеру приспѣвшу, паки отъидохъ въ предъреченній госпиталь Святой Троицы и пріять бихъ съ тѣмъ же почтеніемъ и чиномъ, якоже и прежде, токмо на патентахъ второе знаменіе начертаху и печати инакіе раздалху. Такожде и третаго вечера вкупѣ съ прочіими пелгринами пріять бѣхъ. Четири же вечера токмо гостятъ, и всякъ приходлй послѣдною, си есть четвертую, ноцъ гостити, долженъ есть исповѣданъ прійти и свѣдѣтельство исповѣданія отъ духовнаго показати гостиннику, того ради, яко имать уже пойти на трапезу въ полати самаго папи Римскаго. Тогда азъ, по обычаю тамошнему, исповѣдахся притворно и ложно въ первоначальной церкви Святаго Апостола Петра и пріяхъ свѣдѣствованную хартію. Четвертаго же дне вечеру бившу пойдохъ паки въ предъреченную гостинницу и стахъ предъ врати съ прочіими peregrinami, держаще въ рудѣ хартію, отъ церкви Святаго Апостола Петра данну. Приспѣвшу же часу гощенія странныхъ, изійде единъ отъ клириковъ знаменитыхъ, иже на всякъ день собираеть peregrinovy 12, въ число верховныхъ Апостоль, и отсилаеть въ полати къ Папѣ Римскому на трапезу: обычай бо есть Папѣ Римскому на всякъ день представити трапезу честну 12 путникомъ. Стоящу же мнѣ тогда предъ врати гостинници уже четвертаго вечера и многимъ готовимъ сущимъ къ трапезѣ папѣжеской на утро, и молваху, единъ другаго пошихающе, хотяще всякъ бити первымъ. Азъ единъ тогда сущи подъ именемъ Полскимъ и не имущи друга, ни сопутника, къ

тому же не знаючи тамошнего языка, смирихся всегда и стояхъ на послѣднѣйшемъ отъ всѣхъ мѣстѣ, и не малъ сій возрастомъ держахъ свое писаніе високо, еже узрѣвши оній вишеписанній собиратель, повелѣ разступитися всѣмъ и возва мя внутрь гостинницы и написа мя первымъ паче иныхъ и даде ми хартію волную, еже утро ити къ Папѣ на трапезу; послѣднѣе и иныхъ одинадесять собора и всѣмъ даде хартіи; таже прочімъ обичнѣ подписоваху патента и дадоша печати и представивша вечеру и упокойша въ ложницахъ честно, якоже и прежде. Утру же бившу 5 дня, въ среду, приспѣвшу уреченному часу, собравшеса вси дванадесять, пойдохомъ внутрь двора Папина, никому же намъ возбраняющу, аще и стража крѣпка въ вратехъ стояше. Пришедшимъ же намъ тамо и неуготовой сушой трапезѣ, сѣдѣхомъ въ нижнихъ полатахъ, ожидающе времени. Таже по малѣ званнн и ведоми бѣхомъ мраморными степенми високо въ горницу прекрасную, идѣже не первѣе насъ воведоша, дошелѣже не дадохомъ всякъ свою хартію, отъ госпиталя Святой Троицы данну. Взявше же насъ дванадесяти путниковъ, вмѣсто Апостоль, взяше еще одинаго къ намъ отъ нищихъ на мѣсто Христова, на память словесъ оныхъ, отъ самаго Христа въ Евангеліи глаголаннихъ: „алчень бѣхъ и накормите мя, жаждень бѣхъ и напоите мя“, и ниже: „аще кому отъ малихъ сихъ что сотворите, Мнѣ сотворите“. Тогда посадивше насъ, представивша намъ на трапезѣ прекрасная и различная снѣди и варенія. Случижеса тогда бити дню средѣ и бохся, да не како омерзуся чимъ въ день той, понеже Римляне среди не посятъ. Азъ же аще и нужно сохраняхъ всецѣло Греческаго устава правило, обаче, Богу о мнѣ промишляющу, сохранихся отъ пакости вражія. Случи бо ся день той бити Вигилія, у Римлянъ противу праздника Чест-

наго Креста, обичай бо есть по всюду Християномъ, Римскій держащимъ обичай и законъ, постити день предъ всякимъ знаменитимъ праздникомъ, иже именуется Вилѣя, и тако тогда представленни бяху намъ на трапезѣ различнїя риби и ина постная варенїя и вино избранное, и служаху намъ лица знаменитїе и честнїе, пралатскимъ и священническимъ почтеннїе саномъ, и учреждени бѣхомъ доволно, яко лучше не требѣ баше. Вѣстно же буди, якоже повѣствуется отъ самовидцевъ путниковъ, яко въ нѣкіе дни неделнїе и праздничнїе самъ Папа, изъ внутрнихъ своихъ изшедши покоевъ, приходитъ въ гостинницу и посѣщаетъ онихъ убогихъ перегринавъ, ядущихъ обѣдъ въ дворѣ его, и ущедряетъ милостинею, въ повседневнїе же дни не приходитъ. Воставшимъ же намъ тогда отъ трапезы и сотворшимъ благодаренїе, дадоша коемуждо отъ насъ на благословенїе по единому хлѣбу малу, зѣло же бѣлу и чисту, такожде и по единому менталлю мосяжномъ, на которомъ отъ единїя странни икона Христа Спасителя, отъ другїя же странни Дѣви Богородици излянна суть, такожде и по два образци отъ бѣла и чиста воска, иже именуются *Agnus Dei*, си есть агнецъ Божїй, которїе то Римляне имѣють въ великомъ почитанїи, таже отпустиша насъ съ честїю. Послѣди пойдохъ азъ въ гостинницу Полскую, котору тамо зовуть госпитале ди Поляки, которая стоитъ при храмѣ Станислава Костки, святаго Полскаго. Обичай же тамо перегриновъ, приходящихъ отъ странъ Полскихъ, постити 15 днїй, безъ пищи, токмо постелю дающе чисту. Пришедши убо азъ, обрѣтохъ тамо и иннихъ путниковъ зъ Полци и бистъ мнѣ отраднѣе, яко обрѣтохъ языкъ къ разглаголствїю и совѣту. Умишляхъ же абїе воскорѣ изїйти отъ Рима, не хотя много медити тамо, обаче на то время предъготовляшеся *Confirmatio Pontificis*, си

есть подтвержденіе Папи, его же по избраніи минувшимъ николико мѣсяцемъ подтверждають, отъ конецъ вселенія стекшеся, весь духовній синодъ и мирскій сикглитъ, о чесомъ послѣди явить повѣсть. Виденія убо ради онаго подтвержденія замедлихъ нѣколько днѣй въ пресловутомъ градѣ Римѣ, нощи имѣя къ упокоенію въ гостинници Полской, днемъ же кормяхъся отъ монастырей иноческихъ, купно со прочіими peregrinami, и обхождахъ многіе церкви въ дни тѣя и посѣщахъ княжескіе и кардинальскіе двори и полати, проходя стогни же и улицы, торжища и средоградіе, внѣду и внутрѣ града, и видѣхъ лѣпоту града и нрави народа и инніе различніе вещи.

О препрославленомъ градѣ Римѣ, о обычаяхъ же и о вещехъ, обрѣтающихся въ немъ.

О великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ многія повѣсти требѣ, по достоянію слави и лѣпоты его; обаче азъ скудоумень сій и мали дни въ немъ замедлѣвши и мало что въ немъ разсмотрѣвши, вкратцѣ тцанію твоему, благій читателю, повѣсть предлагаю. 1) Римъ градъ есть зѣло ветхій, не слабостию или обетпаніемъ, но лѣти, понеже прежде Христіанства отъ Еллиновъ созданъ есть, и есть градъ царскій, понеже царіе тамо ветхими временами свои сѣдалища имѣяху еще отъ Еллиновъ, яко то Тить и Веспасіянъ и прочіи; послѣдиже благочестивій царь Константинъ престоль свой имѣяше тамо, донелѣже не пренесе его въ Византію, идѣже нинѣ есть Константинополь, его же послѣди созда и нарече своимъ именемъ. 2) Римъ есть зѣло прекрасній отъвнѣ и отъвнутрѣ. Отъвнѣ бо лѣпою и крѣпкою огражденъ есть стѣною

съ многими красно устроенными вратами; паки отъвнѣ лѣпоту свою показуетъ отъ церковь, иже съ многими главами суть, еще за Константина царя созданніе, суть покровенни иніе оловомъ, иніе же мѣдію, на нихъ же крести позлащенніе, издалече, аки молнія, сіяють; такоже отъ високихъ полатъ, столповъ, вежей и звониць лѣпотенъ является. Внутри же строеніемъ домовъ, расположеніемъ улицъ, зданіемъ прекрасныхъ источниковъ и каменныхъ балвановъ красится. 3) Бяше иногда градъ зѣло великъ, якоже и нынѣ познавается отъ муровъ старихъ, иже внѣ града стоятъ продолженни, и нынѣ же великъ есть, обіймуетъ бо мѣста съ предградіемъ 25 миль Италянскихъ, еже есть 5 полскихъ. Всегда бо въ градѣ, егда странній вопрошаетъ, далече ли монастырь онъсице отстоитъ, или палати Папѣжа, или нѣкая церковь?—отвѣщаютъ: едина или двѣ, или три суть милѣ и вѣщше. 4) Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, но не ровномъ, при малихъ горахъ, окрестъ же издалече окружають гори великіе и высокіе, такожде и внутри маліе гори обрѣтаются. Отъ нихъ же на единой стоитъ дворъ съ полати Папи Римскаго и именуется Монте Коваліо, си есть гора Конная, понеже предъ полати папѣжскими сѣдитъ на кони едина персона, аки жива, отъ бѣлаго гипса сотворенна. Паки инно мѣсто именуется Монте де Тринита, си есть гора Троецкая, понеже на горѣ оной стоитъ монастырь Святія Троици. въ немъ же обитають иноки Французкіе, правила Францішканскаго. Паки ино мѣсто зовется Монте Росо, си есть гора червленная, и сице прочая многа. 5) Римъ иматъ морское и земное пристанище, понеже отстоитъ двома денми отъ моря по суху ходящи; водою же ближе, понеже рѣка Тиверь, которая преходитъ чрезъ Римъ впадаетъ въ море. Есть же глубока, бистра и широка, ибо отъ моря рѣкою приходятъ различніе кораблѣ и

купеческіе, маліе же и великіе, такожде и военніе корабли и катерги, иже посылаеми бивають отъ Папи на помощь царемъ христіанскимъ въ время брани; и рыба морская свѣжая въ градѣ продается. 6) Благородныхъ и богатыхъ и мудрыхъ мужей многое множество, поже суть различніе училища въ нихъ различныхъ языковъ, мусики, анатоміи, си есть врачества, астрономіи, си есть звѣздохотства, риторскаго красноглаголанія, философіи же и богословіи, граматики, всяческихъ языковъ, искусныхъ художествъ, велика обрѣстися могутъ въ мирѣ семъ. 7) Сѣдять на водахъ здравыхъ, изобилно текущихъ. Первое убо велика рѣка Тиверъ (якоже прежде рѣхъ) преходить сквозѣ градъ, второе же отъ горъ, окрестъ Рима обстоящихъ, много воды течеть внутрь подъ землею хитростивъ исправленной и много суть источниковъ, зѣло лѣпимъ и искуснымъ художествомъ отъ мрамора бѣла и иныхъ прекрасныхъ каменей содѣланныхъ подобіемъ лицъ чловѣчыхъ, звѣринныхъ, зміевыхъ и инообразныхъ имущихъ, отъ ихъ же ово отъ усть, ово отъ очей, ово отъ ушей и ноздръ точатся безпрестанно источници водніе, изобилно всему народу къ почерпанію, питію и всякой потребѣ. 8) Садовъ, разноплodie дерева имущихъ, вертоградовъ, всякими благоуханными цвѣтами исполненни, много суть; найпаче же изобиліе велие виноградовъ и вина доволство и всякіе торговіе вещи мѣрною продаются цѣною, единъ токмо хлѣбъ отчасти скупъ. Обаче, аще и съ нуждою, странній и убогій питатися можетъ, поже, аще народъ и немилостивій и не ущедряють нищихъ, но иноки нѣкии отъ монастырей богатыхъ вареніе пѣкое разъ въ седмицу раздавають, о чемъ послѣжди. 9) Суть столпи великіе и звонцы многіе високіе, яже отъвнѣ и внутрь лѣпоту граду многу показываютъ, та-

кожде и звони различніе, маліе и великіе, обрѣтаются и часовъ множество, отъ нихъ же токмо звукъ дню и ношю непрестанно слышится и человѣкомъ подаетъ веселіе. Столпи же, иже незданніе суть, но отъ единаго изсѣченни камене, иже въ висоту яко двадесять сажней и вѣще, въ толстоту же яко сажень или два. Инии суть столпи многолѣтны отъ вѣтхихъ царей и папѣжовъ созданны, ини въ память бывшей нѣкоей преславной побѣди и инихъ пресловутыхъ дѣлъ, на которыхъ подписи изрѣгіе и донинѣ обрѣтаются. Стоять же не на единомъ мѣстѣ, но на различныхъ мѣстѣхъ, посредѣ торжищъ града. 10) Въ Римѣ торжищъ или ринковъ много суть, иже тамошнимъ нарѣчіемъ именууютъ пяцы, яко би пляци. И первое убо и началнѣйшее торжище именуется пяца ди Навона, то есть торжище Навони, идѣже всякіе вещи обрѣтаются, по желанію коегождо человѣка. Второе, рекомое пяца ди Францези, то есть торжище Французское, и сіе великое есть и богатое. Есть же особно Нѣмецкое и особно Гишпанское, и иніе разніе, имъ же имени не вѣмъ. Особнѣ же есть мѣсто и торжище Жидовское, со стѣною и врати, яко градъ опредѣленное да не смѣшаются съ Христіани, сами между собою купующе и продающе; обаче невозбранно ни Жидамъ на Христіанское, ни Христіаномъ на Жидовское ходити торжище. Обрѣтается убо въ Римѣ много Жидовъ, обаче чернихъ одеждъ не носятъ, якоже въ Лядской землѣ, но якоже кто хошетъ, и бради и власовъ не сохраняютъ, но обрѣзуютъ и всю одежду носятъ, якоже Италѣяне и Нѣмцы и языкомъ Римскимъ бесѣдуютъ, въ семь токмо различествуютъ отъ Христіанъ, яко не имутъ волѣ чернаго капелюша носити, но отъвнуръ чернъ, а отъвнѣ почервленъ или покровенъ червленнимъ платномъ. 11) Въ Римѣ гостинницъ много суть, въ няже воспріймуютъ

страннихъ и убогихъ, найпаче же путниковъ, иже тамо приходятъ на поклоненіе, которіи именуются peregrinami, иже егда начнутъ путешествовати отъ отчества своего на поклоненіе мѣсть святыхъ, ни стригутъ ни власовъ, ни бради, но яко пустинници ходятъ, даже возвратятся въ странну свою. Такихъ убо пріймають отъ онія гостинници индѣ три ноци, со пищею и пптіемъ и одромъ чистимъ, индѣже четири и индѣ единъ; въ прочіихъ страннопріемницахъ и по десять и по 15 дній пріймуютъ, кромѣ пищи, токмо одръ къ упокоенію. И тако, колика племена въ Римѣ обрѣтаются, толики и гостинници суть. Первая же и началнѣйшая есть гостинница Св. Троицы, о ней же предъ писахъ, и сія есть общая, прочіи же опредѣленни, яко Нѣмецкая Нѣмцовъ ради, Французская Французовъ ради, такожде Гишпанская, Венецкая, Лядская и прочіи. Есть еще гостинница знаменита Святаго Духа, идѣже недужныхъ врачуютъ и кормятъ. Вѣстно же буди, яко непрестанно, въ зимѣ и лѣтѣ, грядутъ на поклоненіе къ Риму, найпаче же лѣта того 1724 множество веліе снѣйдошася peregrinovi, понеже Папѣжъ Римскій новопоставленъ баше, къ тому же и годъ грядущій 1725 баше тогда у Римлянъ святій годъ, его же именуютъ юбилеушъ. Обычай бо есть Римляномъ, не токмо въ Римѣ, но по всей вселенной ихъ, прешедшимъ 24-мъ лѣтомъ 25 празновати юбилеушъ, въ онъ же Святыхъ мощи, елики имуть, и вся сокровища церковная износятъ и дають всему миру лобизати, прочіи же лѣта въ заключеніи имуть, тогда же и разрѣшительніи грамоти повсюду посилаеть Папа Римскій и инія многа творять; яже и явити и не явити нѣсть ползи. 12) Обычай есть въ Римѣ вареніе даяти отъ монастырей, по чину дній въ седмици, не токмо peregrinamъ, но и всѣмъ убогимъ. Въ понедѣлокъ убо

суть три или четири монастири, отъ нихъ же раздѣляютъ вареніе убогимъ, овѣи убо предъ полуднемъ, овѣи же въ полудніе. Въ вторникъ же въ иннихъ монастырѣхъ и въ среду въ иннихъ, и тако суть опредѣленни монастири, иже въ седмици единъ день имуть, въ онъ же раздѣляютъ убогимъ яству, идѣже убогѣи неоскудни суть въ пищу, монастири же богатіе и великіе и многочисленніе суть. Что же реку о прекрасномъ и дѣпотномъ зданіи обителей тѣхъ, о преишнихъ кардинальскихъ и митрополитанскихъ дворахъ, о полатахъ великознаменитихъ князей и благороднихъ боляръ, о гордомъ ихъ яжденіи, о преходящихъ и послѣдующихъ слугахъ, о позлащеннихъ колесницахъ и украшеннихъ конехъ, о дворѣ и полатехъ самаго Папи Римскаго, о зданіи, строеніи и дѣпотѣ святыхъ Божіихъ храмовъ, иже безъчисленни суть и никтоже подробну исписати можетъ? Отъ нихъ же азъ убо нѣкія началнѣйшія тщанію твоему, благій читателю, извѣщаю. Есть обичай peregrinovy, отъ нихъ же всякъ, егда дойдетъ въ Римъ, посѣщаетъ многіе храми святыхъ церквей, аще же можетъ и вси. Но суть семь церковь великихъ и началнихъ, ихъ же аще кто не посѣтитъ, не вмѣняется бити поклонникъ и яко всеу пришедшій и тощъ отходяй. Отъ нихъ же азъ услышавши, въ единъ отъ днѣй потщахъся и обійдохъ вся. Суть же сіи.

О церквѣ С. Апостола Петра.

Первая убо соборная и началная церковь есть въ имя Святаго Верховнаго Апостола Петра, къ ней же путь есть чрезъ великій мостъ каменній, иже въ Тиберѣ стоящій, аже отстоитъ недалече отъ крѣпости градской, или, простѣ рекше, отъ замку, которій именуется Sancto Angelo.

Есть же храмъ зѣло зданія и расположенія великаго и лѣпотнаго, тако отъвнѣ, яко и отъвнутрь. Отъвнѣ имать врата великіе и не едины, но многи, отъ спѣжа слыянніе зѣло тонкимъ и иськуснимъ художествомъ, яко дивитися всякому, найпаче же странному. Верху имать едину главу велику, яко довлѣти всему храму, и та есть оловомъ покровенна. Внѣ же, предъ лицемъ церкви, есть пляць великій, каменными дсками гладцѣ насажденій, посредѣ же его стоитъ столпъ высокій, четиреугольній, въ гору изостренній, такожде источникъ каменній, сладкую воду жаждущимъ точащъ, одесную же и ошую столповъ великихъ, отъ цѣла камня изсѣченнихъ и чинно стоящихъ множество суть, яко сто и вящше, иже лѣпоту многу показываютъ. Внутрь же въ широту, долготу и висоту зѣло пространна есть и многими великими столпами каменно-зданными поддержива, престоловъ такожде множество суть, на нихъ же отправляютъ мшу, то есть службу Божую, гласъ же великъ и шумень издаеть поющимъ и чтущимъ. Тамо органи суть три, великихъ и зѣло сладкоцѣснивихъ, яко чловѣкъ слишай, найпаче же странный, не можетъ насытитися ихъ. Весь же храмъ великими дсками мраморными посланній гладкимъ художествомъ. Тамо, близъ соборнаго алтаря, стоитъ одесную храма икона спѣжова изваяна Святаго Апостола Петра, ей же съ великимъ усердіемъ весь народъ поклоненіе творять и лобизають. Оттуду мало прешедши, посредѣ церкви суть гроби Верховнихъ Апостоль Петра и Павла; идѣже части мощей ихъ обрѣтаются, отъ составовъ и членовъ тѣла, гроби же ихъ нѣ суть верху, но внутрь, подъ основаніемъ церковнымъ, идѣже входъ есть мраморными степенями, врата же всегда заключенни суть и пикогда же не отверзаются, кромѣ 25 года, на юбилеушь, или великаго ради нѣкоего

лица, внѣ же вратъ окруженни суть балясами мраморными степени, на нихъ же много позлащенныхъ и серебряныхъ кандиловъ висятъ, неусипно горящихъ, идѣже людѣе на всякъ день, предъ врати гробовъ, поклоняются честь воздающе мошамъ святимъ, идѣже и азъ множицею сподобихся поклонитися, вѣрующе несумѣнно, яко обрѣтаются мощи Святыхъ тамо, невозможно бо есть да въ градѣ ономъ, идѣже Святїи пострадаша, аще не цѣлимъ тѣлесемъ, то поне частемъ сохраненнымъ быти отъ христіанъ. Тамо есть обичай всемъ людемъ исповѣдаться, найпаче же страннымъ или peregrinomъ, на поклоненіе пришедшимъ. Есть же тамо троновъ много, на нихъ же сидяще духовници, исповѣдуютъ народи, единъ убо по Латинску или Италіанску исповѣдетъ, вторїй же по Греческу Грековъ съединившихся или премѣнившихся, и инїй Венгровъ, инїй же Французовъ, инїй же Нѣмцовъ и инїй же Гишпановъ и инїй же Поляковъ и вси разными язика различныхъ людїй исповѣдаютъ. Обрѣтаютъ же ся многїи и Словенскїй языкъ знающїи, аще кто требуетъ, найпаче же Далматовъ и Горватовъ ради, яко тїи Словенски бесѣдуютъ. Врата первоначалная церкви Святаго Апостола Петра всегда затворенна стоятъ, токмо на юбилеушѣ, то есть двадесять пятаго лѣта, яже самъ Папа Римскїй отверзаетъ и первѣе входитъ, такожде и весь народъ по немъ.

О церквѣ Святаго Апостола Павла.

Вторая церковь есть въ Римѣ великая и многопочитаемая Святаго Верховнаго Апостола Павла, яже стоитъ внѣ града, яко поприща едино. Есть же широкая и долгая, но не весьма висока, едину токмо главу имущая, прочее же весь покровъ ея древянъ, долгїй и отъвнѣ

оловомъ покровень, внутрьъ четиредесять столповъ суть, върядъ по десять стоящихъ, великихъ, единокаменныхъ. Кромѣ же тихъ, и иннихъ столповъ мраморныхъ много обрѣтаются и олтари алавастрными и порфирными деками уещренни. Есть же и тамо подобнымъ образомъ гробъ Святаго Павла содѣланній, якоже въ церквѣ С. Апостола Петра, къ нему же врата подъ спудъ храма суть, идѣже такожде кандиловъ сребрныхъ полно, неусипно горящихъ, въ которомъ гробѣ сохраняемы суть члены мощей Святаго Апостола Павла. При храмѣ же томъ сооружень монастырь великій и красній, въ немъ же иноковъ много суть.

О инной церквѣ С. Апостола Павла.

Третья церковь подалѣе отъ храма Святаго Апостола Павла отстоятъ внѣ града, яко два поприща далече, которая именуется Римскимъ нарѣчїемъ *Desolatione di Sant. Paulo*, то есть усѣкновение С. Павла, на мѣстѣ бо ономъ, идѣже честную его усѣкнуша главу, созданъ есть храмъ отъ ветхихъ временъ, иже и донинѣ обрѣтается. Аще же и невеликъ есть строенїемъ, но лѣпотень внѣ и внутрь. Есть же и монастырь тамо при храмѣ созданъ, въ немъ же иноковъ мало обитають, елико довлеють на службу церковну. Стоитъ же на уединенїи отъ людїи, на поли, на мѣстѣ високомъ. Тамо внутрьъ церкви суть три студенци, сладку воду имущїе, единъ близъ другаго, мраморами прекрасно уещренны, и лижици желѣзніе къ нимъ прикованніе, идѣже обичай есть всякому на поклоненїе пришедшему отъ коегождо по мѣри испити воды, благословенїя ради. Повѣствуютъ бо Римляне и окрестнїи народи, яко въ время оно, по усѣченїи Святаго Апостола Павла, не кровь, но млеко те-

чаше, и честная его глава, егда паде на землю, скочи трижды отъ мѣста на мѣсто и на коемъждо мѣстѣ (о преславнаго чудесе!) изійде вода отъ земля, яже и до нинѣ волею Божественною неоскудна пребываетъ, юже и азъ грѣшній сподобихся пити.

О церквѣ Святаго Севастіанія.

Церковь четвертая есть святаго мученика Севастіана, яже на тойжде странѣ внѣ града яко за два поприща отстоять, на поли равномъ и веселомъ, между виногради, купно же и монастырь великій и изрядній при церквѣ обрѣтается, въ немъ же законниковъ изобиліе и зданіе келій прекрасный. Храмъ убо пространень и великъ въ высоту, въ широту же и долготу, и лѣноту внѣшнюю и внутренюю имать, сверху покровень есть оловомъ, внутрь же гладцѣ постланъ мраморными плахами, столпами же и олтарми чинно расположенъ и украшенъ. Церковь та на мѣстѣ томъ созданна есть, идѣже мучень баше Святій Севастіанъ, внѣ града изведенъ сій и стрѣлами отъ воевъ прободаемъ, еже мѣсто говѣнія и поклоненія отъ христіанъ достойное, понеже освященно мученіемъ Святаго, еже Христа ради претерпѣ. Есть же и другое благословеніе на мѣстѣ томъ: обрѣтается въ церквѣ той единъ студенецъ древній, отъ него же не почерпають воду, но есть покровенній сверху и литургисають на немъ, аки на престолѣ, токмо отъ странъ имать оконца, согляданія ради. Повѣствуютъ же достовѣрно, яко множеству лѣтъ прешедшимъ невѣдоми бяху главы Святыхъ Апостоль Петра и Павла, таже откровеніемъ Божіимъ обрѣтошася въ ономъ студенцы.

О церквѣ Святаго Іоанна Лятерана.

Пятая церковь въ Римѣ есть знаменита и ветха, завомай Sant. Ioanne Laterano, Святаго Іоанна Лятерана, которая есть въ висоту, долготу же и широту зѣло велика и пространна и много престоловъ въ себѣ имущая. Ея же верхъ покровень есть оловомъ, внутрь же преупещренна вся порфирами, алавастрами, различновидными мрамори и иными драгими камени и иными уварми богатыми. Иматъ же много сокровищъ и мощей Святыхъ, якоже слышится, но та не показываютъ, точію на юбилеушь, и врата ея началная всегда заключенна суть и не отверзаются даже до года онаго. Тамо суть честніе глави Святыхъ Апостоль Петра и Павла пренесенни по обрѣтенію отъ онаго вишшеписаннаго студенца. Есть еще тамо единъ престоль каменній, о немъ же повѣствуютъ и печатають на хартіяхъ Римляне, свидѣтельствующи, яко есть оній, на немъ же сподобися устрѣти и воспріяти на лона праведній старецъ Симеонъ Господа нашего Іисуса Христа, еще суца младенца, якоже свѣдѣтельствуеть священное Евангеліе; взять же есть и принесень въ Римъ въ время древнихъ браней. Тамо, внѣ церкви, суть полати високіе и красніе и зѣло изящнаго строенія, идѣже прежде Папи Римскіе обитаху, ницѣ же премѣниша мѣсто и обитають на горѣ, зовой Монте Кавалло; ветхіе же полати папѣжскіе премѣниша въ монастырь, въ немъ же и донинѣ законники обитають.

О церквѣ Санта Марія маіоре.

Шестая церковь знаменитая, ветхая и пресловутая въ Римѣ есть, яже именуется Санта Марія маіоре, си есть святая Марія болшая, которая есть въ долготу же и широту зѣло пространна и многіе престоли лѣпо устроени драгими столпами и деками мраморными и блестящими аки зеркало, въ нихъ же зрится лице челоуѣческое, и иными утварми драгими украшенніе; подножее ея лѣпо и гладко посланно, верхъ ея покровень оловомъ. Стоитъ на мѣстѣ високомъ и веселомъ, и монастырь избранній при ней устроенъ, въ немъ же законниковъ множество суть правила Доминиканскаго.

О церквѣ святаго Лаврентія.

Седмая церковь въ Римѣ ветхая и пресловутая, и богатая, именуемая Sant Lorenzo, то есть святаго Лаврентія, въ которой обрѣтаются части мощей многихъ и различныхъ святыхъ, но не износятся въ явленіе миру, токмо 25 года. Вѣстно же буди, яко въ всѣхъ сихъ предреченныхъ храмѣхъ суть великіе и сладкопѣснивіе органи, понеже Римская церковь нигдѣ же безъ органа биваетъ, развѣ въ нуждномъ зѣло мѣстѣ. И сіи суть седмь церквей ветхихъ и пресловутихъ, яже всякъ отъ peregrinovъ долженъ есть посѣтити, яже и азъ въ единъ отъ днй ходихъ и посѣтихъ вся. Есть еще внутри града церковь мала Святаго Петра, идѣже древле темница бяше и Петръ С. въ ней заключенъ и веригами окованъ сѣдшае, яже вериги и донинѣ обрѣтаются тамо и людіе съ вѣрою и усердіемъ приходяще, поклоняются, имъ же и азъ недостойній поклонитися

сподобихся. Стоитъ же оной храмъ внизъ гори глубоко, яко на два сажни и вяще, на горѣ же оной есть дворъ, въ немъ же раздаются хартіи печатаніи исходящимъ отъ Рима въ инну страну, свѣдѣтельствующіи о здравіи человѣческомъ и о мѣстѣ незаповѣтренномъ, еже мѣсто именуется Рацели. Одесную темницу, нинѣ же церкви Святаго Петра, суть много столповъ великихъ зѣло, чинно стоящихъ, отъ одинаго камене изсѣченнихъ, на мѣстѣ пустомъ, идѣже нинѣ смѣтіе вергають, отъ нихъ же познавается, яко бяху некис зѣло богатіе и прекрасніе полати. Таможе близу суть инніе темници великіе, въ нихъ же татіе, разбойници и иніе зліи чловѣцы нинѣ заключаются. Есть паки ивна церковь внутрь града, зовома Rotunda, сиречь округла, того ради, яко зданіе ея отъвнѣ и внутрь округло есть, ни угловъ бо, ни камаръ не имать, но едину стѣну окрестъ, аки столць имать, и единою главою вся покривается. Есть ветхая зѣло, еще отъ Еллиновъ созданная, идѣже всѣхъ боговъ ихъ, или паче всѣхъ идоловъ капище баше и жертву обще всѣмъ приношаху, вжигающе огнь великъ посредѣ храма и телци паляще, чесога знаменіемъ есть окно, или дира велика посредѣ главы храма, аможе димъ исхождаше, яже и доселѣ непокровенна есть. Наставшу же благочестію и христіаномъ въ область Римъ воспріавшимъ, отъ капища всѣхъ идоль очистиша и нарекоша храмъ Всѣхъ Святыхъ, аще и отъ круглости круглая общенародно именуется, обаче храмъ Всѣхъ Святыхъ есть. Врата токмо едини имать, но зѣло великіе, аки градскіе, окна же ни одинаго, но дирою сверху просвѣщается. Внѣ церкви покровъ сооружень есть въ подобіе паперти, подержимъ четирма великими зѣло столпами единокаменными, яко всякаго взпрающаго удивляетъ умъ, како толь великаа машина рушима и

зихдема бисть, въ висоту убо суть яко пять или шесть сажней, толсти же два челоуѣки обяти не могутъ. Къ оному храму Римляне великое усердіе имуть, на всякъ бо день полно мира тамо людій, на поклоненіе приходящихъ, обрѣтается, найпаче же того ради, яко близъ торжища стоитъ и всякъ мимо грядій не лѣнится внутрь ввійти. Внѣ храма того, одесную, при стѣнѣ, есть образъ Христа, въ гробѣ лежаща, отъ бѣла алавастра изсѣченъ, къ нему же Римляне вси говѣніе веліе имуть, и егда поклоняются, метаютъ внутрь пѣнязи, всякъ по силѣ своей. Есть паки внутрь града ина церковь, зовома Екеза нова, сиречь церковь новая, яже древле бѣша капище Еллинской богинѣ, именуемой Діянни, еже въ время Рождества Христова падеся, въ время же христіанства обновися и бисть Домъ Божій, сего ради и наречеса церковь нова, сиречь отновленна. Еще есть внутрь града иная церковь великая и прекрасная, купно съ монастыремъ, въ ней же законники обитають, именуеміе Гаравѣте, жестокое провождающіи житіе, идѣже обикоша людей множество снисходитися на правило въ первій часъ ноци; исходяще же изъ церкви, дають убогимъ милостину, того ради и отъ нищихъ тамо много собираются, не тако молби дѣля, яко прибитка; въ вторникъ же и четвертокъ и неделю поученіе биваетъ и раздають всѣмъ треконечни вервици, яже именуются дисциплины, и угашають свѣщи, яко ни единой не остати, и бичуется народъ, си есть всякъ біеть себе самаго, иній по одеждѣ, инній же по нагомъ тѣлѣ, Христа ради, суть бо нѣщии на сіе приуготовленни, иже аще и видятся одѣянни бити, но егда угасятся свѣтила, абіе изметають верхніе одежды и въ сподней созади на плещахъ имуть устроенну диру и біеть въ ню до болянія и язвъ; біють же ся яко чрезъ 3 Вѣрюю или

вяще; таже хотящимъ престати дають иноки знаменіе и абіе всякъ вскорѣ облакаетъ ризы своя, да тако другъ друга не познаваетъ, мало ли или много, или ничтоже біяше себе, на голи или по одеждѣ; послѣди же паки засвѣщаютъ свѣщи и творять отпустъ. Недалече отъ храма, яже иногда темница Святаго Петра бистъ, обрѣтается монастырь, при горахъ, Сергія и Вакха, идѣже нинѣ иноки отъ Грековъ, болше же отъ Русовъ обитають, именуеміе Базилѣяне, яко би по Святаго Василя правилу живущи и по обичаю Греческихъ иноковъ, но якоже отстоятъ востоци отъ западъ и небо отъ земля, сице и они разнятъся отъ Грековъ, вѣсьмъ бо соединенни суть Римской церкви, одѣяніемъ токмо мало подобятъся, еже носятъ долгое, даже до земли, и власяное, клобукъ же имуть безъ криль, якоже и Арменскіе иноци, еще надъ то и капелюшъ верху клобука носятъ, бради голятъ и власи стрижуть и постовъ всѣхъ не сохраняють, кромѣ великой четиредесятници и то не твердо; литургисають ово по Греческу, овогда же по Руску, обаче, по обичаю Римлянъ, на опрѣсноку и то безъ пѣнія, токмо единымъ чтеніемъ тихимъ. Церковъ ихъ есть строеніемъ и обичаемъ Римлянъ, безъ царскихъ вратъ и сѣверныхъ и безъ иконостаса, откровенній престоль имущая. Есть же въ церквѣ ихъ ошуюю стоящая икона Пресвятія Богородици велика, на десцѣ исписанна, на десницѣ держащая младенца Христа, многими же чудотвореніи и цѣленіемъ различныхъ болѣзней препрославленна, златомъ и серебромъ и драгими каменми, яко едва лицу видѣтися, завѣшенна и украшенна, ея же истинное изображеніе иноци имуть на хартіи, съ подписаніемъ Словенскихъ лѣтеръ: „Честнѣйшую херувимъ и славнѣйшую безъ разсужденія Серафимъ“ и прочая до конца, яже инимъ продають, инимъ

же дарствуютъ. Есть еще особнѣ мирская церковь Гре-
ческая Святаго Аванасія, не тако Грековъ ради, тамо
обитающихъ, понеже ихъ зѣло мало суть, яко прихо-
дящихъ ради купцовъ, въ ней же аще правило церков-
ное по обычаю Греческому творится, но прочіе въ всемъ
едино съ Римляни суть, и не дивно есть: стояй бо въ
огни, или сгоритъ ни вочтоже, или опалится. На пути,
идуши къ монастыру Святаго Павла, о немъ же пред-
рекохъ, есть церковь мала, каменна, внѣ града, яко
полноприщемъ отстоящая, созданна на мѣстѣ ономъ, на
немъ же Петръ Апостоль устрѣтеся съ Христомъ, яко
съ нѣкіимъ человѣкомъ. Вина же сего сія бистъ: отъиде
Петръ Апостоль въ Римъ проповѣдати вѣру Христову,
якоже свидѣлствуютъ Дѣянія Святихъ Апостоль, бяху
бо тогда въ Римѣ идолопоклонники, якоже и повсюду,
отъ язкы бо разширися церковь Христова, отъ нихъ
же многихъ къ Христу обрати Св. Апостоль Петръ. Та-
же возненавидѣнъ бистъ отъ идолослужителей и окле-
ветанъ, ятся отъ игемона Римскаго и всажденъ бистъ
въ темницу, имѣя мучимъ бити, иже, убояса подати
мукъ, избѣжа отъ темници и течаще вонъ изъ града,
идѣже явился ему Христось въ образѣ нѣкоего человѣка,
хотя его укрѣпити, да не погубитъ мзды своея. Устрѣт-
ши убо Петръ вопросы Христа: камо грядеши? Отвѣща
Иисусъ, акы инъ человѣкъ: иду въ Римъ пострадати Хри-
ста ради. Еже слышавши Петръ, размисли въ себѣ,
яко сей самоволно идетъ на смерть Христа ради, азъ
же, ятъ бивъ, избѣжахъ; и раскаявся возвратися въ
градъ и паки ятъ бистъ, узп же мученіе и смерть подѣ-
ять за Христа, на крестѣ пригвожденъ стремглавъ.
Еще же обрѣтаются въ Римѣ и доннѣ полати роди-
телей Алексѣя человѣка Божія и хижина, въ ней же
не познаваемъ, яко единъ отъ нищихъ, при вратехъ

отца своего живяше. Полати въ Римѣ суть вси строе- нія каменнаго, краснаго и високаго, яко иніе пять до- мовъ, инніи же шесть едина верху другихъ имуть, съ прекрасними великими окнами, желѣзными же и мосяж- ными кратами, улицы же едва не вси суть насажденіе каменми красно, началніе и шерокіе великими каменми, ово черными, ово же бѣлыми, гладко посланіе, на нихъ же не токмо каль, но ниже прахъ обрѣтается, на всякъ бо день ходяще, пометають на то опредѣленніе людіе. Двори княжескіе, яже въ Римѣ, боярскіе же, а найпаче же кардиналскіе, многоя похвали достойни, красоти ради своей, въ нихъ же позлащенныхъ исписанныхъ лѣпо колесницъ полно, на которыхъ они яздыть, шестма кон- ми влекоми; кони же ихъ сице упещренни и устроени суть, яко дивитися востинну, и много имуть предьхо- дящихъ и послѣдующихъ. Есть же въ Римѣ Кастронъ, сиречь замокъ крѣпкій и красній, надъ Тиверомъ рѣкою стоящій, недалече первоначалніа церкви С. Апостола Пет- ра, которій именують Римляне Сантъ Angelo, си есть Свя- тій Ангель, понеже ангелу есть въ соблюденіе поручен- ній и ангелскую на себѣ печать имать. Обрѣтають же ся въ Римѣ многая училища, въ нихъ же различныхъ мудростей и хитростей и языковъ учатся. Первоначал- ное же училище есть рекомое Коллеігумъ Romanus, въ немъ обще вси народи отъ христіанъ Латинскимъ ді- лектомъ грамматики, философіи, астрономіи и богословіи учатся.

О дворѣ и полатахъ Папи Римснаго.

Дворъ, въ немъ же обитають нинѣшнихъ времѣнь Папи Римскіа, стоитъ внутри града на мѣстѣ, рекомомъ Monte Cavallo, якоже прежде рѣхъ, то есть на горѣ

Конной, сиче отъ коня и яздца проименованной, иже созданы естъ отъ ветхихъ лѣтъ отъ камене бѣла и чиста, зѣло искуснимъ и хитрымъ художествомъ и стоитъ предъ врати двора папѣжскаго издаличе, на високомъ и широкомъ каменѣ, нанъ же посмотрити мимоходящему угодно естъ. Дворъ убо Папи естъ пространенъ и великъ зѣло, яко нѣкій монастырь, оточенъ же стѣною високою, яко градъ. Вратъ къ входу и исходу четири имать, въ нихъ же вои стрегущи день и ношь стоятъ въоружени и не всякаго оставляютъ внйти, прежде даже не вопросятъ вини и потреби, единымъ токмо перегринамъ невозбраннй всегда входъ дается, понеже многа дѣла имуть, ини бо приходятъ взяти разрѣшеннй хартии, инни же приносятъ суплѣки, просяще милостини, инни же на трапезу папѣжскую приходятъ, инны же чотки и инне покупки Римскіе, ради благословенія, къ Папѣ приносятъ. Обичай бо естъ въ Римѣ, аще кто что купитъ молитвамъ прилично, яко то: крести, образки, чотки, ментали и прочая, приносить въ полати папѣжскіе и онъ, молитву дѣючи, благословляетъ я, и паки утро или по утру всякъ взимаетъ вещи своя. Воини же папѣжскіе одѣяніе веселое имуть и различное отъ многихъ иностранныхъ, понеже одежда ихъ и шаравари суть суконнѣе, отъ многихъ частей сошвеннѣе, и отъ двообразнаго цвѣта, отъ желтаго и блакитнаго, и не весма тѣснѣе, но помѣрнѣе. Еше имуть отъ тогожде сукна сошвеннѣе, аки пояси, висящѣе отъ плещей даже до чреслъ. Внутрь убо двора суть полати многіе, едини верху другихъ, зѣло чино и лѣпо устроеннѣе окрестъ при стѣнѣ, посреде же пляцъ великъ празденъ, гладкими велики каменми насажденъ, иже многу лѣпоту подворію являетъ. Папа, аще камо внѣ двора исходитъ, всегда на носилахъ носимъ бываетъ, которое овогда по-

сятъ крѣпи, овогда же челоуѣцы. На носилахъ же есть устроены златій тронъ, или сѣдалище, отъ всѣхъ чети-рехъ странъ окна кристалніе имущъ и заключены, ясно сквозѣ зрится; и егда несутъ его нѣкою стогною, абіе людіе, оставивши своя купли и продаванія, бѣжатъ во-скорѣ устрѣсти его и вси припадаютъ на колѣна про-ходящу ему, онъ же обѣма рукама благословляетъ на-роды. Одежды его суть шелкови свѣтло багрянц, пре-тукани златомъ, долги же и шероки довольно, шлемъ такожде багрянъ верху главы его. Множицею же и на конехъ издѣтъ, по далекости и растоянію мѣста. Хо-тѣлъ бихъ тебѣ, тщательнїй читателю, извѣстити о по-ставленїи Папизовъ Римскихъ, но понеже своимъ очима неслучися мнѣ видѣти, токмо слышати множицею, того ради слышемая не дерзаю писати, понеже различно по-вѣствуютъ народи, къ тому глаголемая и самъ можешь услышати. О конфирмаціи же ихъ (понеже видѣхъ) въ-кратцѣ ти предлагаю повѣсть. Премедлѣвшу ми въ Римѣ едину седмицу и обшедше оніе вишпереченніе седмъ началнїи церкви, по обычаю перегриновъ умишляхъ изій-ти во скорѣ, но понеже предъуготовляшеса конфирмаціа, того ради дни нѣкія еще умедлихъ и видѣхъ бившее. Вистъ тогда, си есть году 1724, новозбраннїй папа Римскїй Венедиктъ 13, зъ Доминѣкановъ. Обычай же есть въ Римѣ, по наставленїи папи новаго прошедшимъ нѣколикимъ мѣсяцемъ, конфирмацію, то есть подтвержде-ніе, творити. Сего убо предреченнаго Папи Венедикета 13 подтвержденіе сичевимъ образомъ. Снїйдошася отъ окрестнихъ ближнихъ же и далекихъ градовъ весь ду-ховнїй соборъ и мирскїй сїгелитъ и множество общаго народа; Папа же чрезъ три дни предъ конфирмаціею своею собирающе всѣхъ нищихъ и убогихъ въ подворїе свое и раздѣляше милостину коемуждо равно: мужу

же и женѣ, велику же и дѣтищу по десять баіоковъ, еже цѣнитъ въ Полской монетѣ четири шаги, а въ Московской осмь копѣекъ, не даваше же серебромъ или мѣдію: како бо возможетъ время довлѣти по единому толку народу дробніе числити, или гдѣ иматъ собрати твердой монети? баше бо убогихъ яко три или четири тысящи; но собравши всѣхъ убогихъ въ дворъ и врата заключиша и по единому испускающе, подаваху по единому болетикку, или квитку, си есть малой хартіи, въ ней же отсилаетъ убогаго до пекара коего любо буди, повелѣвающи, да за 10 баіоковъ хлѣба дастъ ему, таковимъ словеси: Сей убогій, имя рекъ, посилаеться къ тебѣ пекару, имя рекъ, на оно парохіи или на ономъ мѣстѣ обитающему, да даси ему за десять баіоковъ хлѣба и вмѣсто мзды хартію да удержиши. Воспріавши убо всякъ убогій болетикъ, отъиде къ пекару, его же имя напечатанно баше, пекары убо даяху по десять хлѣбовъ убогимъ и хартіи задержавашу, таже послѣди отнесяху въ дворъ папѣжскій и воспріимаху мзду свою. Раздѣляше же сичевимъ образомъ милостину чрезъ три дни, единожды на день. Таже въ единъ отъ днѣй весь священній соборъ взяли Папу отъ полатъ своихъ и бистъ проводимъ съ великою честію и почтеніемъ сквозъ нѣкіе стогни града, безчислену ему предъидущу и послѣдующу народу града, постилаху же по пути драгіе килими и многоцѣнніе одежи; и предидяху убо первѣе, всѣдше на конехъ 6 священникъ и канониковъ многое множество въ шелковыхъ черныхъ и долгихъ одеждахъ, по нихъ же подобное число епископовъ и архіепископовъ, таже пралатовъ множество, иже вси шелковіе и долгиіе же и широкіе одежи цвѣтомъ вишневіе имѣяху, вси бо по обичаю и достоинству своему одѣяніе ношаху, не церковное, но домашное, и сіи бяху не

на конехъ, но на мечахъ всѣдши; послѣди же на избранихъ и украшенныхъ конехъ яздяху кардинали, митрополитское достоинство имущи, вси въ багрянихъ свѣтлихъ шелковыхъ одеждахъ, весьма долгихъ и пространнихъ, съ широкими зѣло рукавами, такожде и капелюши на главахъ ихъ багрянніе. Вѣдомо же буди, яко многи суть кардиналове, верховнихъ же имуть Римляне точію дванадесять, въ число дванадесять Апостоль, и сіи обитають въ Римѣ, прочіи же въ ивнихъ градѣхъ. По сихъ убо грядяше Папа, всаждень на коня бѣла, преудобренна и преукрашенна златими и серебряными покровами; по немъ же во слѣдъ грядяху два кони избранніе, тронъ его на себѣ художно повѣшенъ носящіе, премъневія ради, аще би утрудился сѣдяти на кони. И тако устроени, пройдоша нѣколько стогнъ внутрь града. Таже пройдоша едину стогну, въ ней же отъ обоихъ странъ на стѣнахъ множество іероглификовъ и различныхъ похваль Папѣ-жовѣ, отъ премудрихъ учителей написанныхъ, пригвожденни бяху, яже отъ ученикъ многи съ прилѣжаніемъ чтаху и ублажаху творцевъ, бяху же овѣ стихотворною мудростію, овѣ красноглаголеніемъ риторскимъ сложенни. Ведоша его сквозѣ врата новоустроена на единомъ пляцѣ широкомъ, яже врата зѣло красно и дѣпо сотворенна отъ премудрихъ майсторовъ, бяху ибо дrevяна, въ очесѣхъ же людскихъ издалече, аки отъ самихъ мраморовъ сложенна бити зряхуся; и на мѣстѣ томъ отъ всего Собора и Сиглита дана бяху два ключа, единъ золотій, другій же серебряній, въ память (якоже глаголють) ключовъ вязанія и рѣшенія, яже дана бѣста отъ Христа Спасителя Святому Верховному Апостолу Петру. Оттуда же отведоша его наки въ полати его съ многою честію и торжествомъ, и сице бистъ конецъ подтверженія его. Вѣстно же буди, яко Римляне суть людіе благородни,

еще отъ ветхихъ временъ и нинѣ отъ иностранныхъ цѣняеми и почитаеми, сладкоглаголеви, полѣтични, хитри и искусни въ всякомъ дѣлѣ; обрѣтають же ся многи убоги, но богатихъ паче множае суть. Замедлѣхъ убо азъ въ Римѣ дванадесять днѣй равно и взяхъ патента, якоже обичай есть путникомъ, не имущи же сопутника, развѣ единого Бога. Того убо призвавши на помощь, умислихъ паки ити по суху въ Венецію, даби оттуду удобнѣе паки первымъ путемъ могль возвратитися въ странну Полскую. Извѣстившижеся и испитавши добрѣ о пути правомъ и простомъ, иже есть чрезъ Флоренцію, изволихъ онимъ шествовати.

Изшедши азъ изъ пресловутаго града Рима Септеврѣя числа 18, въ четвертокъ¹ зѣло рано, шествовахъ нѣколько днѣй ово горами, ово долинами и лѣсами, идѣже весей на пути мало случипаша, токмо нѣгдѣ лѣси и виногради и корчми при путехъ. Таже dospѣхъ къ знаменитому граду, именуемому Витерба, о немъ же много писати не могу, понеже случися прійти въ вечеръ позно, идѣже точію пренощевалъ и утро идохъ далѣе. Есть убо градъ ветхій лѣти, но строеніемъ красенъ, въ немъ же костелы и домы суть лѣпо зданіе и улицы каменны насажденія. Стоитъ же на мѣстѣ веселомъ, въ низъ гори, при текущихъ и здравихъ водахъ. Суть тамо цѣліе нетлѣніе мощи нѣкоей святой монахинѣ Римской, именуемой Рожа, о которой достовѣрне слышалъ, но своима очима не видѣхъ, понеже послѣди, минувши градъ той, извѣстихся о ней. Оттуду идохъ паки частію горами, частію же равнымъ путемъ, и преходихъ села и грады маліе ноцію, не хотя искати гостинницъ, понеже ноцію лучше бистъ шествовати, нежели днемъ, прохладенія ради. Милостивихъ же тамо отчасти людій обрѣтахъ, нежели прежде. И по нѣколицехъ днехъ приспѣхъ къ

¹ 18 Сентября 1724 г. приходилось въ пятницу.

граду, именуемому Сене. Градъ Сене нѣсть подь властію Папи, но подь вожда Флорентійскаго, токмо Папѣ-жовѣ духовно покоряется; тамо бо и пѣнязи его дробніе не проходятъ, но ини суть. Есть убо градъ зданіемъ изряденъ и крѣпокъ, стоитъ же на горѣ, на веселомъ мѣстѣ и доброй земли, костеловъ и полатъ строеніе есть многолѣпно и улицы вси суть каменми насажденни; въ вино и хлѣбъ, и плоды, и инніе ядоміе вещи доволенъ есть. Обрѣтаетъ же ся тамо гостинница зѣло лѣпна съ красными и мягкими одрами, препочиванія ради странствующихъ перегриновъ, юже азъ посѣщахъ, но не хотѣхъ ожидать даже до вечера, частію яко не дивна баше гостинница, въ нихъ же нощевахъ множицею, частію же, яко рано тамо достигохъ бѣхъ и не восхотѣхъ цѣлаго дня погубляти веуе. И шествовахъ отгуду паки горами и удоліями, частими же селами и градцами и милостившими людьми на доброй землѣ стоящими, на ней же виноградовъ много рождается и хлѣба неоскудно. Всѣхъ убо днй шествовахъ единадесять и dospѣхъ къ знаменитому граду и веюду прослутому Флоренціи Септеврїа 30; иже отстоять отъ Рима размѣреніемъ миль Италіанскихъ 145.

О пресловутомъ градѣ Флоренціи.

Случися мнѣ тамо прійти въ понедѣльникъ ¹ зѣло позно яко о первомъ часѣ ноци, идѣже абіе текохъ къ гостинници, чая еще не заключенну, и обрѣтохъ тако. Пришедшу же ми тамо, уже бяху инніе перегрини повечерали и отъидоша спати, обаче и мене прїяша любезно и представивша ми трапезу честну, съ доволствомъ вина, еще же и служаху величїи и знаменитїи мужїе, предстоюще ми подобнимъ обичаемъ, якоже въ Римѣ и вели-

¹ Слѣдуетъ 23 Сентября, которое въ 1724 г. дѣйствительно приходилось въ понедѣльникъ.

комъ Неаполю. По оконченіи же вечери, отведенъ бѣхъ на одръ честень, бѣль же и чистъ и посланъ мягко, и спяхъ, благодаряще Бога. Заутра же, въ вторникъ, хотѣхъ изійти отъ града того, не хотя всеу губити время, понеже зима приближашеся, но въ день той, Божиимъ изволеніемъ, сніде дождь не малъ и сего ради замедлехъ даже до вечера и идохъ къ иному гаспиталию на пощеваніе, идѣже, купно съ прочіими многими спешными peregrini, еще ядохъ трапезу, яже бистъ лучша нежели въ первомъ, и служаху такожде отъ благородныхъ и знаменитыхъ мужей много, предстояще и вливающе вино въ чаши. Таже, по оконченіи и благодареніи, отведенни бѣхомъ въ чертогъ на одри, красно устроенніе съ постелями чистими и мягкими, и пренощевахомъ Богу слава. Флоренція есть въ Италиі градъ знаменитій и повсюду прослутій, подъ властію единаго велика Дукса, то есть вожда, иже два оніе началніе гради подъ собою имать: Флоренцію и Сени, съ окрестными. Стоитъ на земли благоплодovitой, мало каменія имущой, въ единомъ широкомъ удолиі, егоже обстоятъ окрестъ гори высокіе и рѣка едина проходитъ сквозѣ его. Есть же распростерть много въ широту и долготу, имать водъ здравыхъ текущихъ много и садовъ прекрасныхъ такожде, еще же виноградовъ и вина изобиліе веліе, такожде хлѣбъ и иніе ядоміе вещи не скупо продаются. Тамо богатыхъ же, знаменитыхъ и благородныхъ людей много, церквей, монастырей избранныхъ и многой похвали достойныхъ довольно, такожде високихъ вежей и столповъ; домове же и полати зданіемъ суть красни, торжища же и стогни чинно расположенни, всегда же очищенни и пометенни суть, яко не токмо ходити, но и зрѣти лѣпо; училищъ же и мудростей довольно обрѣтаются и художниковъ, въ всякомъ рукодѣланіи искусныхъ. Тамо

народъ полетичній и добръ бесѣду простираеть, токмо не лѣпо изношеніе имуть, яко проходитъ слово въ всей Италиі: *Lingua Toscana in bucca Romana*, то есть добрый есть языкъ Тосканскій въ губѣ Римской, страна бо та, идѣже Флоренцѣя есть, Тосканѣя именуется. Тамо бо добръ въ бесѣдѣ глаголи слагають, въ Римѣ же чисто слово износятъ. Флоренцѣя оній градъ есть, въ немъ же осмій синодъ (его же нинѣ Восточная церковь не приѣмлетъ) собранъ быше тщаніемъ и иждивеніемъ Папи Римскаго, хотящаго соединеніе сотворити, иже собрася первѣе въ градъ Феррарѣ, таже, мора ради, преиде въ Флоренцію, якоже въ лѣтописцѣхъ обрѣтается. Вяху же на ономъ соборѣ сѣ: царь Греческій Іоанъ Палеологъ, папа Евгеній четвертій, патріархъ Константинопольскій Іосифъ, Исидоръ митрополитъ Кіевскій и всей Россіи, Марко Ефескій и прочіи архіепископи Греческіе и епископи, архимандрити же, протосингели и игумени отъ Святія горы Афонскія, иже вси подписахася на соединеніе, единъ токмо Марко Ефескій не подписа и удержа Греческую церковь отъ соединенія, яже и доселѣ не совокупляется съ Римляни. По окончаніи же того синода, таможде въ Флоренціи патріархъ Константинопольскій Іосифъ, сѣдючи и пишущи, наглою умре смертію, еже бистъ знаменіемъ, яко непріятно бистъ Богу его соединеніе. Онъ вкупѣ съ царемъ первѣе подписахася, послѣди же прочіи. Преставися же Іюнія дня 9 ведлугъ календаря Римскаго, а ведлугъ Греческаго Мая 29, и погребень бистъ съ многію честію въ церквѣ, именуемой *Sancta Mariя* повелла, яже есть въ монастырѣ иноковъ чину Домѣнѣканскаго, идеже Папа обиташа. Бистъ же соборъ той совершенъ въ лѣто отъ воплощенія Господня 1439, Іюнія 6, по календару Римскомъ, по Греческомъ же Мая 26. Въ Флоренціи наибольшая и краснѣйшая и израднѣйшая церковь есть, которая

именуется *Sancta Maria liberata*, при ней же высокая и прекрасна звонница каменная стоит, искуснымъ мастерствомъ созданна. Замедлѣхъ убо азъ въ градѣ Флоренціи двѣ нощи и день единъ и изійдохъ оттуду Септеврія четвертаго ¹ дня, въ среду рано, и шествовахъ паки горами, еще височайшими и зѣло прискорбень и жестоко путь имущими. Найпаче же суть тамо двѣ, паче иныхъ височайшіе, ихъ же съ великимъ трудомъ преїдохъ, послѣди же шествовахъ путемъ добрымъ, аще и не равнымъ, горами, камня мало имущими, но землю мягку и добру и садовъ каштановыхъ много, или, паче рѣки, лѣсовъ, понеже два дни идохъ сквозѣ нихъ, идѣже нѣсть стражи никакой, не оточенни оплотомъ, но всякъ мимоходяй зобаетъ, никому возбраняющу. Тамо въ весехъ живушіи людіе мелютъ я на муку и творятъ хлѣби, ово въ полѣ съ пшеницею растворяющіи, ово же безъ растворенія, отъ нихъ же хлѣбовъ и мнѣ даяху и есть зѣло сладокъ и вкусень, точію не крѣпокъ. Четвертаго же дни изійдохъ на равнину отъ между горъ и возрадовахся зѣло, яко послаби ми Богъ во путешествіи, униль бо бѣхъ до зѣла, день и ношъ восходящи и нисходящи горами по жестокомъ каменномъ пути, и приспѣхъ къ знаменитому граду Бононѣи Септ. 7 ², въ субботу вечера. Тамо двѣ суть гостинницы пелгримскіи *S. Blassi* и *S. Francisci*; въ первомъ убо въ субботу вечерахъ и пощевахъ и нагъ идохъ на ложе, въ второмъ же въ недѣлю, но необнажень. Есть же тамо внѣ града монастырь богатъ, рекомій Чертоза, въ которомъ на всякъ день страннимъ даютъ иноци вареніе, хлѣбъ и вино, юже милостину и азъ воспріяхъ. Вѣдомо же буди, яко отъ Флоренціи до Бононіи суть шестьдесятъ миль. Бононѣя есть градъ изряденъ и знаменитъ въ Италіи, подъ Папѣжовою областію сущъ, великъ въ долготу и

¹ Слѣдуетъ: тридцатаго. — ² Слѣдуетъ: Окт. 3.

широту, найпаче же въ долготу, имать прекрасніи доми и полати и многознаменитъ и богатихъ въ себѣ содер- житъ людій; домове же толь широкіе на улицы имуть дахи, яко аще би и наиболшій дождь билъ, мощно подь ними пройти безъ омоченія ногъ; улицы же суть широки и стеклисто каменни сажденіе, того ради да въ дождь вся нечистота отъ града исмивается. Церквей и мона- стирей краснотданнихъ много, найпаче же первоначал- ній храмъ, при торжищи стоящъ, есть зданіемъ зѣло великъ, ему же подобнаго въ всей Италиі мнѣ не слу- чся обрѣсти. Тамо преходитъ сквозь градъ рѣка, именемъ Рено, узкая, обаче глубокая, которая много по- житку и користи жителѣмъ приноситъ; раздѣляютъ бо оную на многія части, ово на млини, ово впуцають ма- лими потоками въ огради и творять многоплодная ко- ренія и зелія ко яствію и варенію. Хлѣба нѣсть изряд- нѣйша, яко тамо, развѣ въ Венеціи, и на мѣрной про- дается цѣнѣ, и инная вся къ яствію такожде суть до- волна. Доздѣ новымъ путемъ шествовахъ, се же на первій (имъ же къ Риму идохъ) паки возвратихся и уже вторицею бихъ въ Бононіи, оттуду старимъ путемъ шествовахъ 30 миль къ значному граду, именемъ Ферара. Въ томъ градѣ кончается Панство Римское и монета, зачинаетъ же ся далѣй Панство Венеціанское и монета. Изійдохъ отъ Бононіи въ понеделокъ о полудни, при- спѣхъ до Ферари въ среду о полудни. Оттуду имѣхъ шествовати паки путемъ прежднимъ, чрезъ Падву, даже до Венеціи, града морскаго, 65 миль; но посовѣтовав- шися точію идохъ земнимъ путемъ до града не велика, обаче пресловута куплею и торговлею, именемъ Рувиго. Мѣсто оное преходитъ рѣка великая, именемъ Лядишъ, наченшаяся отъ между онихъ великихъ горъ, выпадаеть- же въ море, того ради и оное мѣсто Рувиго есть, от-

части тамо пресловутое, яко многіе людіе кораблями и ладіями отъ моря приходятъ оною рѣкою и куплю дѣють. Прійдохъ тамо въ пятокъ о полудни и видѣхъ многихъ многая купующихъ и многихъ многая продающихъ и удивляхъся, почто не видѣхъ тако, егда первѣе идохъ еще къ Риму. Вопросихъ же нѣкоего отъ стоящихъ на ринку, почто тако многолудно нинѣ, прежде же не бистъ тако? И рече ми, яко въ сей часъ на всякъ годъ биваетъ ярморокъ великъ и триваетъ на многъ часъ. Сія азъ слышавъ, умислихъ тамо замедлити до вечера, и сотворихъ тако; и видѣхъ многихъ купцовъ, различнія продающихъ товари, прочая штукотворенія и игри и интермедіи творящихъ; видѣвъ же многія корабли, пришедшія отъ Венеціи и имущія возвратитися, просихъ единого отъ пловцовъ, да превезетъ мя оттуду воднимъ путемъ къ Венеціи, Христа ради, и обѣщася ми сотворити милость и повелѣ ми ждати, донелѣже продастъ рибу, и ожидахъ полтора дня, си есть въ пятокъ до вечера; въ вечеръ же, по захожденію слонца, пустихся съ оними рибари водою, и пловихомъ чрезъ всю ночь 6 милъ и приплихомъ уже начинающуся дню къ нѣкому граду, на морѣ (якоже и Венеціи) стоящему, ему же имя Кюза. Тамо азъ замедлихъ даже до вечера, мнѣхъ бо тамо милостину велику испросити, идѣже не биваютъ пелгримы, но зѣло мало обрѣтохъ; искахъ же инихъ пловцовъ къ Венеціи и не биша, не хотѣша бо тогда никого везти, понеже бистъ день недѣлній; ожидахъ же и не хотя даже до утра и ношевахъ въ госпиталю. Заутра же, въ понедѣлокъ, аще и много пловша къ Венеціи, но ни единъ мя восхотѣ взяти Христа ради, но требоваху мзди; азъ же, понеже оскудень бѣхъ, не возмогохъ дати и ожидахъ на мя призрѣнія Божія. И се по малѣмъ времени, пловяху недалече къ острову людіе малою ла-

дією, откуду можетъ ногами пти много, молихъ же ихъ, да мя возмутъ зъ собою, и взяша безъ всякаго отреченія и превезоша 5 миль водою къ острову; и идохъ того дне десять миль, все людми тамо живущими, и многу милостину даяху отъ хлѣба и отъ поленти, не даяху скоро шествовати, вопрошаху бо мя окрестъ обстояще, найпаче отъ женска полу вопрошаху мя: откуду родомъ, откуду иду и прочая, прочая, прочая. Прешедши же того дне десять миль, испросихъ у корчемника внѣ корчми подъ покровомъ пощевати, иже сожались надо мною и даде ми чашу малу вина и полнѣ свѣтилникъ оливи, да что восхошу твору при немъ, и отъиде. Сидящу ми тамо въ вечеръ, абіе снїйдеся къ мнѣ народъ многъ и бесѣдоваху съ мною много, донелѣже олива въ свѣтилицѣ можаше свѣтити, таже разидошася. Нѣдїи же не хотяху разійтися съ мною, видящи мя охотнѣ съ ними бесѣдующа, купища же оливи свѣтилникъ полнѣ и сѣдяху съ мною разглаголююще даже до полунощи, таже и тїи отъидоша, желающе ми всякаго блага и благополучной ноци. Послѣды же угасло свѣтило, и азъ, сотворше обычное моленіе, облегохъ, но мало уснувши, бодрѣствовахъ даже до дня, не возмогохъ бо болѣе спати, вѣтра ради и зимной стихїи. Утру же бившу, въ второкъ, пойдохъ воскрай острова, берегомъ, ищуще пловцовъ, къ Венеціи грядущихъ, но не обрѣтохъ, иже би мя восхотѣша Христа ради превезти, вси бо хотяху мзди, найпаче же того ради, яко самага везти не хотяху всеу трудитися, иннихъ же перевозити не случашеся. Ходящу же ми воскрай берега и печалующу, и се абіе, по Божїю смотренїю, узрѣхъ пловущихъ къ Венеціи съ оградними зелїями и коренїи, на продаванїе къ варенїю, и молихъ да возмутъ мя съ собою; взяша же безъ отреченія и привезоша мя даже внутрь

града самаго. Азь же благодареніе воздавъ, идохъ первѣ къ Греческой церкви и бихъ на вечерни, узрѣхъ же ся съ священники; и позна мя абіе протопопа, азь же поклонихся низко и просихъ его да не возбранитъ ми нѣкїй часъ пребыти въ госпиталю своемъ. Онъ же не точію благослови, но и самъ иде съ мною (недалече бо отъ церкви отстоитъ) къ шпиталю и вручи мя живущимъ, да не возбраняють ми тамо пребивати, донелѣже восхощу замедлѣти въ Венеціи. Азь же положихъ нѣкія тамо своя вещи, самъ же въ повседневнїя дни ходихъ на ноць къ пннимъ гостинницамъ, идѣже пелгримамъ дается милостина. Суть въ Венеціи госпиталіювъ много къ пощеванію и наймованію, опредѣленнихъ для всякаго люда, обаче особнѣ для пелгримовъ и путниковъ странныхъ суть 3. Первое именуется Hospitale SS. Petri et Pauli. Тамо перваго вечера дается хлѣбъ и вино и дванадесять солѣдовъ и ложе; втораго вечера хлѣбъ и вино и ложе, третяго такожде. Второе именуется Hospitalettum SS. Joanis et Pauli. Тамо нѣсть пѣязей, токмо три нощи пощевати, въ вечеръ же хлѣбъ и вино давати обыкоша. Третье стоитъ акьби на предмѣстїю, на мѣсту, именуемомъ Incugabili, до него же требѣ чрезъ воду мало превезтися. Тамо раздается хлѣбъ и вино и едина ноць къ пренощеванію, аще ти хоцешъ, аще же ни, то въ кое нибудь время можешъ отъобрати свою порцію, мнози бо тако творять, ради непочестнихъ одровъ. Къ четвертому госпиталю (аще кто восхоцетъ) требѣ превезтися къ мѣсту, имянемъ Мурано. Тамо на едину токмо ноць постеля добра и шесть соледовъ жалованя дается. Тамо многіе суть гути, въ нихъ же прекрасни вещи и удивителніе штуки дѣлаются, еже азь вся разсмотрѣхъ. Послѣди, бившу ми уже въ всѣхъ онихъ вишшереченныхъ госпиталяхъ и мислящу изійти въ путь, не хотяше

ми ся ветхимъ возвращатися путемъ, но зѣло жelahъ моремъ пуститися къ граду, именуемому Зара, или Задра, въ Далмаціи стоящому. Найпаче же сіе мое бистъ великое желаніе, не виденія ради (понеже многа видѣхъ красна и чудесна), но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца и иннихъ святыхъ, еще же того ради, яко тамо всюду, наченше отъ Далматовъ, Гарвати, Серби и Болгаре Славенскимъ разглагоствують нарѣчіемъ, аще и Италианскій добрѣ знаютъ, идѣже добрѣ би мнѣ било шествовати, знающому добрѣ Славенскій языкъ, понеже Италиански не знахъ, или мало что, и многую претерпѣхъ нужду, не могуще ни милостини, ни пощеванія, ни пути, ни разстоянія града отъ града, или веси отъ веси, ни числа верствъ искуснѣ спросити и испросити. Того ради не хотѣхъ отъ Венеціи на сухъ изійти путь, хотя весьма желаніе мое исполнити, аще бо и зѣло нужно есть въ Венеціи замедлѣти, тако богатому, яко и нищому; богатому, яко много пѣнязей погубить, кормящеса (вся бо драгоцѣнно продають), нищому, яко зѣло нужно и пѣнязя и хлѣба испросити. Обаче азъ, двоихъ ради вещей, могохъ нѣкую премедлѣти седмицу: первое, яко имѣхъ своя денги, яже мнѣ отъ церкви Греческой сотвориша милости, второе, яко имѣхъ мѣсто пощеванія, ибо мнѣ священники церкви Греческой дадоша власть въ госпиталию ономъ, идѣже неволниковъ, отъ Турка утекшихъ, или како нѣ бутъ, Божіимъ произволеніемъ, свободившихся, воспріймуютъ, пребивати, донелѣже восхощу замедлѣти въ Венеціи. Сего ради азъ часъ отъ часа, день отъ дне, седмицу отъ седмици медля, на всякъ день ходящи сюду и сюду, усмотряючи, ищущи и вопрошаючи многихъ, аще можетъ бити каковій корабль, отъ Задри пришедій, или возвращающійся, или отъ Венеціи къ Задрѣ плывущій, или

въ инну страну чрезъ Задру грядущій, но никакоже обрѣтохъ. Аще же и обрѣтахъ много, то таковіе, иже требоваху мзди, мзди же великой, ей же чрезъ все путешествіе мое собрати не возмогохъ (си есть цекини, или, яснѣе рещи, червоніе), Христа же ради никто же взяти хотяше, мнятъ бо и глаголють мнози, яко перегринъ, путешествуяй по свѣтѣ и обходя страни земли, многія собираетъ беци, си есть денги. Азь же глаголю подь совѣстію, яко Богъ точію единъ вѣсть путешескую нужду и терпѣніе, како отъ горячости солнечной въ время лѣтное кривавій отъ тѣлесе, даже съ болѣзнію сердца и главы, изобилно истекаетъ потъ и кости ослабѣвають тако, яко ни ясти, ни пити, ниже глаголати воистину что либо хочеть, утружденъ сій дозѣла. Како въ время осенное, дождевное, найпаче аще случится далече отъ града или веси, на поли, или въ дубравѣ, претерпѣваетъ ліяніе и вѣтри, дрижа и стениа сердцемъ, иногдаже и плача съ призиваніемъ Владики, понеже не имѣеть ни одинаго рубища суха на мѣзерномъ тѣлеси своемъ, весь сій хладомъ пронзенъ и дождемъ обліанъ, измочень, отягощенъ? Что же реку, како во время зими, хлади, мрази, снѣги, съ омертвѣніемъ вѣшнихъ и внутреннихъ членовъ, претерпѣваетъ, иногда же, немогій стерпѣти, безвременнѣ жизнь свою скончиваетъ, ни одинаго же имѣай члена тепла, единъ точію духъ теплый, имъ же дышетъ. Обаче не мни, читателю благій, яко сице или иннимъ образомъ наглою помираяй смертію, лишень бити можетъ царствія Божія. Всякъ бо путникъ, аще истиненъ путникъ есть, аще путешествуетъ Христа ради, не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красотъ и различствованія земель, народовъ и обикновеній, по аще путешествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или

спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоятъ нозѣ Господа нашего Иисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ,—таковій и всякъ инь, аще не имать, то долженъ есть ангелское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя; таковое бо есть путниковъ и всѣхъ пелgrimовъ обикновеніе и отъ началниковъ установленіе, яко, идѣже аще прійдетъ пелgrimъ къ нѣкому святу мѣсту, аще и въ подломъ градѣ, или веси, отнюду же нѣсть требовати патента, волнаго ради шествованія, обаче, лучшаго ради достовѣрія, мѣсто патента дается свидѣтельство исповѣданія грѣховъ, за каковое тако истязаютъ, яко и за патента, или жесточае. И во истинну, аще би и не хотѣлъ кто исповѣдаться, муситъ тако Греческую содержацій вѣру, яко и Римскую; аще же къ тому Римляне и болѣе творять, елико бо исповѣдаются, толико и причащаются, яко то въ Нѣмецкой странѣ, въ Маріацелю, въ Лоретѣ, Италиі, въ Ишпаніи, въ Бару, въ Римѣ, въ Падвѣ и прочая; кромѣ же сего, аще кто восхоще отъ своея пoboжности, можетъ и частѣ исповѣдаться. Сего ради, путникъ аще и нагло помретъ, въ таковомъ частомъ исповѣданіи, покаяніи и чистомъ житіи, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученической воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варь, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяйся даже до смерти самоволно, Христа ради. Здѣ разсуди, разумній читателю, путника путь и путешествіе его, представляе предъ очи вишереченную нужду его, яко въ вся части годаве имать угодія въ шествованіи своемъ: въ зимѣ нужда, въ лѣтѣ нужда, въ осени такожде; едина точію весна, иже всѣмъ есть пріятна, аще биваетъ недождевна, мало нѣчто убогому страннику приноситъ отрады, яже ни мрза и упалу не имать,

единь тоцію благопріятевь и благорастворительній воздухъ. Обаче и въ той часъ, аще случится чрезъ непроходиміе вертепи, гори, долини и дубравы, не глаголю шествовати, но блудити, идѣже сверѣпіе токмо звѣріе и ядовитіе живутъ крокодили, — радость въ печаль, отрада во воздыханіе, теплота въ лютой мразъ, словомъ рещи, благая весна жестокою мнится бити зимою, озѣмѣваетъ бо сердце отъ страха, преставляя себѣ предъ очи безвременную смерть, или звѣрми снѣденну бити, или отъ лютихъ снѣденну бити зміевъ, или отъ разбойническихъ рукъ умерети, или голодомъ погибнути; нѣсть кого спросити о исправленіи пути, нѣсть отъ кого требовати помощи, въ единомъ токмо Бозѣ путниковъ жизнь и упованіе. Паче же всего сего, аще не повседневное, то поне частое на земли лѣганіе, острое и жестокое каменое претиканіе, ножное болѣніе, алчба въ странахъ неплоднихъ, жажда въ странахъ безводнихъ, вошояденіе и прочая, проч. проч. безчисленная нужда. Обаче, да не въ грѣхъ многоглаголанія и славолюбія впаду, боюся. Сего ради возвращаюся на первое, отъ него же соблудихъ. И тако ми день отъ дне коснящу, исполненія ради желанія моего, уводяся день отъ дне, замедлихъ четири седмици, си есть цѣлій мѣсяць Октоврій. Послѣди же, егда начаша являтися вѣтри и мрази и частѣ возмущашеся море, не являхуся никаковіе пловци къ граду Задрѣ, къ тому же обѣтшаша на мнѣ ризи и раздрашася, и тако отпаде ми желаніе. Сухимъ же путемъ предѣднимъ бояхся шествовати, понеже путь ми предлежаше чрезъ гори, идѣже толь великіе снѣзи упадають, яко чрезъ все лѣто изгибнути не могутъ. Еще бо ми грядущу въ Римъ, купно съ други моими видихомъ многіе снѣзи, на горахъ лежащіе въ средолѣтіе, о нихъ прежде писахъ довольно. Сего ради (Богу тако

хотящу) умислихъ тако въ Венеціа чрезъ зиму при Греческой пребити церквѣ, и бистъ тако. Молюхъ бо начальнѣйшаго отъ священникъ онаго, иже и прежде, именуемаго отца Василія, да благословитъ ми пребити чрезъ зимное время въ ономъ вишереченномъ госпиталю, и абіе благослови безъ всякого отреченія любяху. Послѣди же, видяху мя неотходяща отъ Венеціи, ктитори церковніе вписаху мя въ реестръ церковній, купно съ иными убогими, имъ же дается въ всякъ день неделній по пятнадцать сълидовъ (еже творитъ въ монетѣ Польской осьмнадцать грошей, Московскихъ же два алтини), даяху же купно и мнѣ равную съ прочіими милостину. Отъ ихъ же руки азъ взимая и Бога благодаря за промишленіе его о мнѣ грѣшномъ, молихъ всегда за благодѣтелей своихъ, живущи тамо въ ономъ вишшеписаномъ госпиталю, при храмѣ святаго вел. мученика Христова Георгія. Послѣди же омерзѣ ми до зѣла празнованіе, яко не имѣхъ, что дѣлати, и не умѣхъ, едино точію ученіе Латинское, Русское и иное школьное знахъ, единъ бо отъ учащихъся быхъ. Есть же тамо семинаріумъ, си есть школа Греческая, въ нейже дѣти Греческіе, отъ инихъ странъ Греческихъ пришедшіе, учатся Италіанскому и Латинскому нарѣчію, даже по реторику. Семинаріумъ оное належитъ подъ протекцію болшихъ пѣкіихъ боярь Венеціанскихъ, иже не тако (мню) своя ради славы, яко паче Божья, даютъ сумптъ болшой, платяще дидакалу, си есть учителю, за оніе чуждіе дѣти, кормяще и одѣвающе даже чрезъ шесть лѣтъ. Тамо азъ приходя частѣ и видя школьное ихъ ученіе, желалъ зѣло, да нѣчто мало изучуся Гречески, и молихъ учителя ихъ, иже ми духовній отецъ бистъ, да не возбраняетъ ми приходити тамо на всякъ день. Онъ же не точію не возбрани, но соизволи, благослови, еще и повелѣ ученикомъ своимъ, да аще о че-

сомъ либо нибудь вопрошу, да показываютъ и научаютъ. Все бо мя Греки любяху, яко едину съ ними имамъ вѣру. Азъ же ходихъ и научахся граматике Греческой и писанію ихъ, ожидая время тепла путешествію моему. Егда же увѣстишася нѣщїи отъ Грековъ и отъ старшихъ церковныхъ о моемъ ползованію и въ таковой нищетѣ прилѣжанію въ науцѣ, благоволиша о мнѣ зѣло и подаваху мнѣ частѣе, аще и малу милостину; ктитори же церковніе видѣша мя нага, и дадоша ми одежду добру и теплу, и благодаривъ азъ Бога и, на болшую Его жъ честь и похвалу, учахся. Обаче мало ползовахся, понеже краткое къ наученію имѣхъ время, два дны бо просихъ милостини, ходящи по градѣ, третій же день учихся. Зѣло бо трудно въ Венеціи, найпаче убогому, жити, воскормленія ради, ибо каковою цѣною въ нашихъ странахъ три или четыре можетъ кормитися дны, тамо единъ не весьма доволенъ. Сїе же творихъ чрезъ три токмо мѣсяцы, сїе есть Ноеврїй, Декемврїй и Януарїй, послѣди же лишихъ, яко зѣло мя ненавидаху съжителіе мои въ госпиталю, частѣ со мною сваряцася, и премудримъ мя именующе Соломономъ, насмѣвахуся и иная многая пакости дѣяху. Множицею бо книжици моя и писаніе школьное вѣмѣтаху въ огнь и прочая негодная творяху. Азъ же иногда сваряхся, иногда же на Господа возвергахъ печаль мою, молящи, да Той мя препитаеть и по печали дастъ радость. Мѣсяца Февруарїя, егда начать теплѣти, начахъ и азъ о себѣ промышляти. Зима бо тамо въ тихъ странахъ кратка естъ и аки би нѣсть, чрезъ три бо оніе хладніе мѣсяцы ни единожды не баше снѣгъ, аще окрестъ по горамъ и великъ баше, не можетъ бо тамъ, найпаче же въ Венеціи, яко стоитъ на морѣ, снѣгъ падати; аще бо когда окрестъ Венеціи биваетъ снѣгъ, тамо дождь, снѣгъ бо въ дождь растопне-

ваетъ и претворяется отъ теплоты диханія морскаго. Видя азъ, яко день отъ дне теплѣйшій является, начахъ паки о прежднемъ своемъ промишляти намѣреніи и хотя весьма желаніе свое исполнити, моляхъ всемилостиваго Владыку и Творца моего, да якоже сподоби мя великому и дивному въ святыхъ чудотворцу Святителю Христову поклониться Николаю и якоже всесплною его помощію многая святія сподобихься посѣтити мѣста, молихъ Всемогущаго Его, да и конечное путешествіе моего исполнить желаніе. Ходихъ, едва не на всякъ день, въ вечеръ на пляцъ Марка Святаго, си есть на базарь, рассмотря машкари, игры, продаваніе балсамовъ, діалоги, комедіи, обичая, привѣтствія и прочая, прочая, прочая, яже ищислити не могу. Есть бо воистину, что видѣти тамо, все бо, еже можетъ обрѣстися что либо нибудь чудесное и новое въ всѣхъ тамо окрестныхъ странахъ, къ Венеціи проходить. Тамо азъ различныхъ и чудесныхъ вещей много видѣ, о нихъ же послѣди изъвити потшуся, здѣ же первѣе описаніе онаго, всей вселеной пресловутаго града, прекрасной Венеціи и яже въ ней въкратцѣ изъвити подшуся. Обаче о семъ первѣе разумній вѣдай читателю, яко Венеція двояко именуется: единожды вся гради, и веси, и иѣсули морскіе, словомъ единимъ, все панство, належащее къ принципу Венецкому, именуется Венеція, о нихъ же нѣсть здѣ глаголати подробну; вторицею самая столица, си есть первоначалній градъ, идѣже обитаетъ принцепсъ и вещь посполитая, именуется Венеція; и о сей азъ мало изъвити потшуся.

Описаніе Венеціи града.

Венеція есть градъ прекрасній славою и честію по всемъ свѣтѣ сіяющій, дивной ради своей лѣпоти и чу-

деснаго на водѣ морской устроенія, вся въ себѣ имущій. Имать въ себѣ много костеловъ зѣло лѣпотныхъ и много вежей високихъ, при оныхъ стоящихъ, и многія часи на нихъ устроеніе, найпаче же первоначальная въ градѣ церковъ Святаго Апостола и Евангелиста Марка есть зѣло лѣпотна, обаче ницѣ въ костель отъ Римлянъ превращенна. Есть же лѣпота ей таковая: отъвнѣ имать верховъ пять болшихъ, цѣнію лѣпотнѣ покровенныхъ, и иными же многими персопами и различными гзимсами мраморными украшенна отъ всѣхъ странъ. Первая, си есть западная, стѣна мусіею и различными мрамори украшенна, акпзлато блещится, верху же мусіи различными малована фигурами, посредѣ же, на преди щита, четири кони позлащеніе, аки живіе, искуснѣ содѣланніе имать; часи отъ стѣни правой. Внутрь вся даже до половины, наченши отъ верха, прекрасною насажденна мусіею, по мусіи же старинное Греческое имать иконописаніе, отъ половины же даже до земля разнолѣпотными таблицами и столпами отъ мрамора драгоцѣно насажденна и украшенна. Первоначалній же престоль (повѣствуютъ), яко цѣни не имать, отъ многихъ бо дражайшихъ мраморовъ и каменей различныхъ еще коштомъ Греческимъ есть содѣланъ. Что же реку о павементѣ или помостѣ? Вонстину удивленію великому достоинъ есть, како отъ различновидныхъ, малыхъ же аки бобъ штучокъ мраморныхъ весь насажденъ, разніа фигури, птици, цвѣти, риби и прочая животная изображающій. Многи суть, якоже рѣхъ, прекрасни костели, обаче иніе отъ Греческихъ церковъ превращеніе. И та самая Греческая церковъ (при ней же азъ живяхъ) Святаго великомученика Георгія превращенна есть и не вся по древнему Греческому правилу творить отправу свою, якоже и ми, но въ многихъ разпствующе.

Описаніе церкви Греческой, яже есть въ Венеціи.

Церковь Греческая есть зѣло лѣпотна отъвнѣ и отъвнутри, отъ одинаго превеликаго тесаннаго составленна камени стариннимъ расположеніемъ, ни одинаго въ себѣ имущая внутри столпа, токмо внѣ мало, и верхъ точію единъ великъ, цѣнію лѣпотнѣ покровень. Тамо Греки обикновенія не имуть нѣкогда приходити на утреню, аще би и въ наибольшій праздникъ, токмо на службу Божую и на вечерню. Тамо ницимъ въ церкви не волно просити милостини, но еднѣ отъ чину церковныхъ прокураторовъ есть поставлень, просяй, ходящи по церкви. на вся неделя въ службѣ Божой, по окончаніи же раздавая инимъ, что повелѣнно, иже суть въписаны въ реестръ церковній, невписаннымъ же, что хотя. Въ отправѣ церковной согласуютъ въ всемъ зѣ нами, токмо симъ разнствуютъ: 1) на службѣ Златоустаго, егда служатъ соборомъ, на первомъ вѣходѣ, си есть со Евангелиемъ егда речеть діаконъ: „премудрость прости“, вси единоголасно поють: „прійдѣте поклонѣмся и припадемъ къ Христу“, таже, входяще въ олтарь окончиваютъ и абіе поють такожде сами и тропари; 2) прокимена не поють предъ Апостоломъ, но чтеть, иже чтеть Апостоль; 3) по Апостолѣ не поють на два крилоси „аллилуя“, но на единой странѣ; 4) „Господи помилуй“ и прочая къ ектеніи всегда панамарь отвѣствуетъ въ олтарѣ; 5) „Иже херувими“ на единой поють странѣ; 6) егда многолюдствіе биваетъ въ церкви, діаконъ не чтеть Евангелія посреде церкви, но возлазитъ на катедру високо, идѣже проповѣдь биваетъ, и тамо чтеть, лучшаго ради вниманія; 7) кинокникъ токмо на единой поется странѣ;

8) егда речеть „вонмѣмъ“ „святая святыхъ“, не отвѣщають абіе понамарь: „единь святъ“, но первѣ глаголетъ: „на помощь всѣмъ побожнымъ и православнымъ христіаномъ“, таже: „единь святъ“ и прочая, до конца. На вечерни, егда служатъ соборомъ, сами священники поють „Свѣте тихій“, егда же ни, то поеть единь на крилосѣ и не входитъ въ Царскіе врата священникъ, донелѣже не услышитъ *пришеду солнцу на западъ*; не выходятъ нареди церкви пѣти ничтоже, ни стиховень, ни „Достойно“, токмо на клиросѣхъ, всегда же единь отъ нихъ что либо нибудь поеть, прочіи же токмо гудуть и творять въ подобіе нѣкоего инструмента. Всенощное вкупѣ отправляютъ съ вечернею, утреню же всегда въ свое время; на всенощное же хлѣби великіе пекутъ, съ медомъ и кореніемъ, и раздають всѣмъ, отъ велика даже до мала, ни одинаго презирающе, яко въ насъ бываетъ. Единь тоцію разъ звонять на всякое набоженство: или на службу Божую, или на вечерню, или на утреню; въ неделю и въ инніе свята въ вся колоколы, по вся же дни въ единь. Токмо въ великіе зѣло свята звонять трижды: первій разъ, егда идетъ священникъ на прѣскоמידію, вторій, егда преноситъ дари, третій, егда глаголетъ: „съ страхомъ Божіимъ и со вѣрою приступѣте“. Въ четиредсятницу на прѣдсвятенной не чтуть парамеовъ посредѣ церкви, но на крилосѣ. „Да исправится“ поеть седмичній въ олтарѣ, а не якоже въ насъ, чтяй парамей посредѣ церкви поеть и „Да исправится“. Поклоновъ творити не обикѣша, токмо метаніе. На первой же недели поста, на павечерномъ канонѣ поклоновъ не творять, токмо крестятся, не вѣмъ чесо ради: или лѣности, или стида, да не возсмѣются Италиане. Въ пятокъ не чтуть Пассіи, токмо малое Евангеліе, вмѣсто же Пассіи чтуть часть отъ акафиста Богородицы, раз-

дѣляюще по три икоси на пятокъ, чрезъ седмици, на повечерници; на мѣстѣ же ономъ, идѣже требѣ чести канонъ, поютъ ирмоси отъ акафиста съ стихами даже до икосовъ, послѣди же выходитъ священникъ предъ намѣсній образъ Пресвятой Богородица и рече: „ангелъ предстатель посланъ бистъ рещи Богородицы: радуйся“, 3-жди, и чтеть три кондаки и три икоси, послѣди же престаеть и поютъ клирици седмую пѣснь, съ стихи и прочая до конца втораго пятка подобнѣ творять, обаче три икоса и кондаки инніе послѣдующіе священникъ чтеть; третаго пятка паки инніе три, четвертаго даже до конца окончевають. И тако аки единъ акафистъ чрезъ четири недели чтуть. Обаче довлѣеть о семь и возвращаюся паки къ описанію Венеціи, идѣже мало помянувъ о лѣпотѣ костеловъ, обаче не могу ихъ исповѣсти, колико суть числомъ, суть бо премноги, и лѣпоти ихъ подробну не исповѣдую, понеже не всюду посѣщахъ. Токмо се пишу, яко многіе имуть святыхъ Божіихъ мощи, тако Греческихъ, яко и Римскихъ, обаче не цѣліе, но маліе части, и не показываютъ никому же. Суть же три токмо цѣліе Святіе Греческіе, въ Римскихъ лежащіе костелахъ, ихъ же токмо трижди въ годъ откриваютъ и показываютъ, си естъ на Воскресеніе, на Состшествіе и въ день ихъ празднованія. Первій святой именуется Іоанъ Милостивій, патріарха Александрійскій, иже лежитъ въ костелѣ, именуемомъ Sanct Ioane Bragula, на правой странѣ, въ златой рацѣ. Вторій святой именуется преподобный Сава, иже лежитъ въ костелѣ, именуемомъ Sanct Антонинъ. Третій святой именуется Аванасій, патріарха Александрійскій, учитель церковный, иже опочиваетъ въ монастырѣ Капуцинскомъ въ церкви. И сего ради, славится Венеція: 1) основаніемъ на водѣ; второе) лѣпотою и множествомъ прекрасныхъ костеловъ

и вежей; третье) множеством мощей Святых Божіих; четвертое) лѣпотою и строеніемъ прекрасныхъ полатъ и расположеніемъ улицъ, въ нихъ непрестанно вода морская проходитъ; 5) яко отъ улицы до улицы суть каменніе мости, лѣпотнѣ устроеніе, прехожденія рады, суть же числомъ всѣхъ шестьдесятъ шесть, кромѣ деревяныхъ, ихъ же едва не толико изобрѣстися можетъ. Есть тамо мостъ, глава всѣмъ мостомъ, именуемій *Realto*, иже есть толь долгій, и шерокій, и крѣпкій, яко много апотекъ, си есть коморъ купеческихъ, великихъ, цѣнію покровенныхъ, на себѣ стоящихъ имать; подъ сподъ же его кораблѣ болшіе преходятъ; 6) Венеція есть славна и честна разнствіемъ купцовъ, иже приходятъ тамо отъ различныхъ странъ и куплю дѣютъ, яко то отъ Греціи, отъ Туркіи, отъ Арменіи, отъ Нѣмецкихъ, Гишпанскихъ и прочіихъ безчисленныхъ странъ; 7) Венеція есть славна и честна того ради, яко нѣ сѣть, ни ореть, но всякое изобиліе имать; 8) Венеція есть славна и честна множествомъ богатыхъ и великородныхъ бояръ и людми, иже свѣтлія и честнія обикоша носити одежды; 9) Венеція есть славна и честна, яко въ ней принцъ, или вождь всего Венецкаго панства живеть и Вещь Посполита, на него же посмотрѣти съ асистенціею сенаторовъ, си есть Вещи Посполитой, и ужасно, и преславное есть, что азъ многажды видѣхъ. Принцъ ходитъ въ порфири царской, отъ горностаевъ составленной, на главѣ же имѣть златій рогъ, его же и въ церквѣ не слагаетъ; сенатори же егда ассистуютъ ему, тогда въ червленныхъ, егда же ни, то въ черныхъ; обаче всегда ходятъ въ долгой одеждѣ, яже именуется латински *toga*, яже прознаменуетъ покой, Венеція бо всегда сѣдитъ въ покой, ибо ея не отважится никто одолѣти, того ради и печатуется петлѣн-

ною дѣвицею, яко ни отъ кого же есть поражена; 10) Венеція есть славна и честна различными премудрими мастерами и художниками искусными, иже нигдѣ не возмогутъ лучше, паче ихъ, обрѣтися; 11) Венеція есть славна и честна, яко имать премногое множество купеческихъ рядовъ и коморъ, въ нихъ вещи, каковыя могутъ изобрѣтися въ свѣтѣ, продаются; 12) Венеція есть славна плацомъ, или площадію, именуемою Святаго Марка: первое, яко широкое, чинное, премудрое и прекрасное имать расположеніе; второе, яко чудесная и удивительная творятся на ней чрезъ все года время, кромѣ первой и послѣдней недѣлы святаго великаго поста. Но довлѣть о семь, понеже совершенно даже до послѣдней вещи описати не могу, егда и времени, и труда, и паперу много приложити требѣ. Здѣ мало извѣляю вещи, яже азъ видѣхъ и яже суть въ Венеціи.

Описаніе вещей, яже азъ видѣхъ въ Венеціи.

1) Видѣхъ пирь, или банкетъ, его же самъ Принцъ Венецкій болшимъ своимъ сенаторомъ, и великороднымъ бояромъ творить въ учрежденіе въ дни Празднованія Господа нашего Иисуса Христа. Банкетъ оній (якоже повѣствуютъ Венеціане) составляетъ трижды въ годъ, си есть: на Рождество, на Пасху и на зеленіе Свята, обаче всякъ различнымъ образомъ; на него же смотрѣти едва не вси грядутъ Венеціане, невозбранно бо есть. Тамо и азъ прійдохъ и узрѣхъ, еже не зрѣхъ отъ рожденія моего, того ради и перомъ изобразити совершенно не могу, понеже ни оцѣнити, ни распознати сложенія вещей не уразумѣхъ. Се токмо глаголю, яко многія тысячи денегъ къ составленію требуетъ, отъ

драгихъ бо вещей есть составлень, отъ нихъ же суть пѣліе, яко ни обрѣтаются въ нашихъ странахъ. На него же тоцію посмотриѣти есть удивително, честно и преславно, ибо не простою сочиненній яствою, но вся яства персонами сочиненна, еще же персонами приличествующими къ яствѣ или питію, съ подписами, разумно приложенными, или отъ исторіи, или отъ фабуль рифмотворческихъ взятими, яко то Бахусъ, иже бяше богъ пьянства, яко то Венера, иже бяша богиня плодовъ земныхъ, и прочая, симъ подобная; еще же, кромѣ фигуръ человѣческихъ, звѣріе, птицы, риби, гори, дубрави, рѣки, источники и прочая безчисленная отъ ядомихъ вещей, аки живіе, содѣланна суть. Тамо азъ долго присмотряся, велимъ удивленіемъ чюдяхся дозѣла. Довлѣеть толико. Прочее бо азъ устнѣ яснѣе вопрошающу мя исповѣсти обѣщаюся. 2) Видѣхъ дивное твореніе (еже по вся годи биваетъ) въ Баханалии, си есть въ Мясопусти, предъ Четиредесятницею. Еще бо за пять или шесть недель предъ великимъ постомъ начинаютъ шалѣти и бѣсноватися, дѣти, ходяще по улицамъ и по базарѣ, играюще, скачуще, поюще, закрывающе лица своя машкарами и творяще скоки, игри, празнословія, смѣхотворенія, интермедіи и прочая, проч., проч., зѣло удивительная, тако отъ нищихъ, яко и отъ богатихъ, даже до остатнаго дне мясопустнаго. Предъ заплатами же, за шесть днѣй, сооружаютъ отъ древа великую и лѣпотную структуру посередѣ пляца Святаго Марка, въ подобіе пѣкоя полати, или вежи, всю малованну лѣпо, иже мнитса, аки отъ камене мраморнаго составлена быти, на ней пороховъ и рацій многое множество таинственно сокровенни суть, паленія ради и показованія многихъ огневъ. По обою страну тоя вежи содѣловуютъ два театра, въ твореніе деалоговъ и танцовъ на чпадахъ и

прочіихъ дѣйствій. Окрестъ издалече устрояють полати, сѣденія ради народа и лучшаго ради виденія. Симвъ же тако устроенимъ, изводятъ мясопродавци, повелѣніемъ Принципа, трохъ или четирыхъ воловъ и великимъ мечемъ всѣмъ отъ перваго до послѣднаго, предъ всенародними очима отсѣдаютъ главы, аки би закалающе на уготовление пиршества Запустнаго. Послѣди творять танци и штуки, по обою страну на онихъ театрахъ. Таже тайно вжигаютъ сокровенніе порохи и раціи, на оной вишписанной вежи, еже аки огнь съ небесы спадшій мнится бити съ громомъ. Егда же скончается, расходятся къ домоу. Паки, по двою или трію дню, внутрь Принципова двора устрояють полати на сѣденіе народа, и сходятся людій много. Изводятъ же вола, оцѣпивши за роги вервомъ и ведяще окрестъ издалече. Таже припускають псовъ, изученнихъ хватати за уши, и творять дотолѣ, донелѣже живому отгризуть уши. Таже изводятъ втораго, третяго и четвертаго и творять всѣмъ такожде, даже до девяти; десятаго твоятъ безъ верва, едина десятого привязують до висящаго верва, посередѣ двора Принципова, дванадесятому цѣлому отсѣкають главу и послѣди расходятся. Еже егда видѣхъ, аще и веселяхуся мнози, азъ едва не плакахъ, видяци таковое мученіе незлобиваго звѣра, отъ неблагословенной бестіи терпимое люте, и слышащи вопль и риканіе его ужасное и тяжестное, пронзающее утробу всякаго милосерднаго челоука. Помянухъ бо азъ грѣшній тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единый отъ иннихъ въ вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо оный и подобній другъ его незлобивій осель. Еще же разсудихъ, яко силою и трудомъ его сѣемъ и собираемъ хлѣбъ на воспитаніе жизни нашей и его самага снѣ-

даемъ, не благодаряще Бога, еще избыточествуемъ злѣ, паче любяще сквернаго и лукаваго пса, нежели благопотребнаго и незлобиваго вола. Что глаголю любити, нѣци бо еще въ любовь и избыточествуютъ, ослѣпленни суще умою, цѣлююще, сѣдяще, вкушѣ ядяще и спяще, нищаго же ненавидяще и изганяюще изъ очесей своихъ. О безумнїя человѣческаго! О человѣковъ безумныхъ! таковая неудобная и негодная творящихъ! Но прейдѣмъ отсюду къ инымъ вещемъ, яже видѣхъ въ Венеци. Видѣхъ по вся дни (кромѣ Святой Четиредесятници) отъ великородныхъ людїй, тако полу женска, яко и мужеска, приходящихъ на всякъ ранокъ и вечеръ на пляцъ Святаго Марка на виденїе штукъ и дѣйстви. Се же тою ради облакаются въ машкарю, да не познаваеми будутъ родителми и други своими, безчестно бо есть тамо богату стояти и на онїе игри и чудеса смотрѣти. Тамо, аки на ярмарку, всегда народъ много, идѣже и азъ, едва не на всякъ приходя день, видѣхъ многая чудесная, обаче не волхвованїемъ, но наукою творимая. 1) Видѣхъ игрца съ картами, иже извѣститъ на яку колвекъ кто замислитъ карту; второе, дастъ карту кому нибуть отъ окрестъ стоящихъ отъ среди пучка взяти и паки въ пучокъ положить и помѣшаетъ много разїй, таже обратитъ лицемъ карти и яже притрафится на верху, глаголетъ тому, иже взятъ карту: аще твоя сія есть? отвѣщаетъ ему: яко нѣсть моя; онъ же полагаетъ лицемъ на сподъ и рече, яко твоя есть и превратитъ лицемъ къ горѣ и покажетъ ему предъ очи дредъ всемъ народомъ, яко его есть; 2-е играютъ монетою сїце: взимать отъ кишениа и ищисляетъ предъ всеми, таже положить въ ину руку и паки исчисляетъ и уже сотворитъ пятнадцать; второе снѣдаетъ кулю, взимаетъ отъ палца и влагаетъ ю въ уста и мнится ю снѣсти, вторую взимаетъ отъ втораго палца

и снѣдаетъ ю, 3-тую взимаетъ отъ маленькой палочки и тую такожде снѣдаетъ и взимаетъ, идѣже хочетъ: едину отъ своего носа, вторую отъ чуждаго, третую на повѣтрѣ, и различнѣ, различнѣ якоже хочетъ творить. Видѣхъ паки обезьянъ и псовъ учонихъ, различная штуки показующихъ. Чудеснія органи и инструмента, но вси ово отъ Нѣмцовъ, ово отъ Франціи приходящія. Видѣхъ всю процессію и церемонію на юбилеушѣ творящуюся въ Римѣ, въ деревяной скрини чрезъ оконца христовіе, показующихъ како папа Римскій грядяше отъ своихъ полатъ къ церкви Святаго Петра Апостола, и како своими руками млатомъ толкаетъ въ двери церковніе, отверзаше ихъ, како присутствоваху ему кардинали, пелgrimовъ и народа людскаго многое множество и прочая. Видѣхъ паки двоихъ человекъ силнихъ, одинаго отъ странъ Римскихъ, другаго же отъ Французскихъ, въ Венецію пришедшихъ и различніа показующихъ храбрости. Римлянинъ таковую показаваше силу: наливаетъ цеберъ воды полень и взимаетъ отъ зема зубами, заложивши назадъ руки, и труситъ тако, яко верху глави его вода летя, таже помалу наклоняетъ главу и поставляетъ на землю; паки тойже цеберъ, оцѣпивши вервомъ подемельть горѣ носомъ и держитъ якъ чрезъ *Вѣру* и полагаетъ на землю. Паки двѣ армати, едину на единомъ плечи, другую на другомъ положивше, держитъ; паки поставляетъ два сѣдалища и на онихъ возлегаетъ горѣ чревомъ, одинаго дотикающися главою, а другаго ногами, верху же персей своихъ тромъ человекомъ возлѣзти и стояти повелѣваетъ и тако стоящихъ на себѣ держитъ, висяи главою и ногами на сѣдалищахъ и никакже угинайся до земля; паки подіймаетъ человека зъ драбиною високо и держитъ на зубахъ; паки желѣзное великое ковадло, тысящу фунтовъ въ себѣ имущое,

полагаеть верху персей своихъ, самъ лежаши на землѣ, два же человекѣ всею силою великими млатами верху ковадла бѣють. Французъ такожде силній, о немъ же прежде рекохъ, таковія показа храбрости: 1) человекѣ стоящаго на драбинѣ възвпшаеть горѣ и полагаеть верху зубовъ и держитъ и скачетъ; 2) паки бревно великое, яко троемъ человекомъ на плечахъ понести, верху зубовъ держитъ; 3) столъ съ потравами держитъ на зубахъ; 4) два цебря желѣзными окованни обручами и наполненни водою повѣшаеть по обою страну креста древяна велика и держитъ на зубахъ; 5) вервь толстой, аки первій палець человекской, прериваеть. Паки видѣхъ по шнури скачущихъ и чудесная творящихъ человекъ и женъ и прочая, и прочая игри и штуки различіе дѣлающихъ. И тако ми поминляющу и сѣтующу надолзѣ, яко не могохъ обрѣсти корабля, случися ми тамо въ семинаріумъ Греческомъ (по волѣ Божественной) съ единѣмъ отъ учениковъ разглаголствовати о путешествіи, случаяхъ, нуждахъ, о желаніи и намѣреніи моемъ и совѣтова ми, да пойду въ отчество ихъ на инсули морскіе, идеже есть волная Греція, си есть подѣ принципа не подѣ Турка належащая, сказующи, гдѣ суть тамо Святыхъ Божіихъ мощи и како суть милосердны люде на путниковъ и прочая. И показа ми купца Грека, иже тамо имѣяше плисті отъ Венеціи съ товари, въ краткомъ времени. И настави мя, да прошу его. Просихъ же, и той пренебреже прошеніе мое. Умислихъ же просити ктиторей церкви Греческой, да сотворятъ за мя ходотайство къ оному купцу. И тако собиется (помощію Вишняго). Ходотаствоваша бо за мя и обѣцася мя взяти безъ отреченія, токмо повелѣ ожидать благополучнаго морскаго времени. Азъ же радъ бихъ зѣло и благодарихъ Творца моего за таковую Его благодію и при-

зрѣніе на мя грѣшнаго раба своего, яко не по моей, но по Своей пресвятой дѣлаеть со мною воли. Азъ бо желяхъ пуститися въ Далмацію, къ граду Задрѣ, идѣже опочиваютъ мощи святаго Симеона Богопріимца, и отуду возвратитися къ отчеству, Богъ же посла мя въ Грецію, не вѣмъ на каковій конецъ. Ожидахъ же уреченнаго времени, предъготовляючи себѣ потребная на путь. Первой бо недели (по обычаю христіанскому) Святой Чотиредесятници предъготовляхся къ Божественнымъ Тайнамъ и сподобихся, исповѣдавши грѣхи своя, причасникомъ бити онихъ, и уже въ всемъ бихъ готовъ на путь. Единаго точію не достояше ми и отчасти непріятно бистъ, яко не имѣхъ никакогого другаго сопутника себѣ. Се мнѣ мислящу въ субботу съ вечера, въ утрѣ, въ неделю, рано на пляцъ Святаго Марка изшедшу и разсмотряющу, идѣже книги и образи продаютъ. Узрѣ мя издалече нѣкій странній старецъ благочестивій и мняше мя священника бити, понеже на главѣ моей священническую шапку видѣ, юже еще зъ Полши принесохъ, и ятъ мя нечаянно за руку и рече ми: „Здравствуй, господине!“ Азъ же, видѣвъ его, удивихся, како тамо прійде и каковымъ образомъ таковій инокъ, и отвѣщахъ ему: „Здравствуй, отче честный“. И начать мя съ радостію вопрошати, откуда есмь? Азъ же рѣхъ ему, яко азъ нѣсмъ ни священникъ, ни инокъ, точію единъ грѣшній простолюдинъ есмъ. И рци ми: „Честный господине, что есть честность твоя и откуда прійде, и камо гряде?“ — „Тебѣ бо первѣе реши подобаетъ, понеже честію и саномъ мя превозвимаеши“. Онъ же, смиренъ и простодушенъ сѣи и ничтоже хотя утаити предо мною, вся ми изрече подробну, начень отъ рожденія своего, сипе: „Азъ“, рече, „есмъ родомъ отъ странъ Полскихъ, отъ града Острога, отъ шляхти Гур-

скихъ, отъ родителей благочестивихъ рождень и воспитанъ, близнецъ, отъ чрева матерня произшедый, единъ сій (умершимъ всѣмъ первій) послѣдній, благодатию Духа Святаго, не вѣмъ, на каковій конецъ снабдѣнь останахся. Егда же родители мои состарѣшася, разійдошася съ собою самоволно, бывшу мнѣ тогда въ двоюнадесять лѣтъехъ, и взятъ мя маты моя съ собою, 1680 году, и иде въ градъ Кіевъ, бывшу тогда тамо гладу, и пострижеся въ монастирѣ панянскомъ въ инокини, мене же постриже въ иноки въ Софіи монастирѣ катедралномъ, держащу тогда престоль архіерейства метрополитѣ Варлааму Ясинскому. Мати бо моя, еще прежде рождества моего, сущу мнѣ въ чревѣ, обѣща мя Господевѣ, и тако по обѣщанію сотвори. Тамо точію рософөръ воспріяхъ, си есть малій иноческій чинъ, и жихъ точію тамо единъ годъ, въ полатахъ самага архіерея, подъ началомъ, и послуговахъ ему всегда до трапези и братіи такожде, повеленіемъ его. Таже, егда повеленіемъ царя Россійскаго взимаху на Москву учителей, взятъ мя единъ отъ учителей, сродникъ мой, съ собою и привезе мя на Москву, и жихъ при немъ полгода. Таже Стефанъ Яворскій, митрополита Резански, взятъ мя до себѣ и жихъ у его подъ послушаніемъ. Той ми даде мантію, діаконство и священство. Послѣди, по прошенію Калиста архієпископа Тверскаго и Кашинскаго, отпусти мя преосвященній Резански къ ему, и тамо жихъ полгода. Тотъ благослови ми битъ строителемъ въ монастирѣ Духовѣ, въ градѣ Кашинѣ. Тамо пребивахъ три года и построихъ церковь древяну красну въ имя преподобнихъ и богоноснихъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ, стараніемъ власнимъ, денгами же, спрошенными и собранными отъ народа. Оттуду, по смерти Калиста архієпископа, взятъ мя благочестивая царица Параскевія

Теодоровна и посла мя въ Великій Новгородъ къ преосвященному Юву, молящи чрезъ писаніе, да посвятить мя игуменомъ на оное мѣсто, идѣже въ еп маетностехъ недавними времени явися, Богъ вѣсть откуда, чудотворній образъ Святителя Христова Николая. Тамо, повеленіемъ оная вышеписанія царицѣ, помощію Святителя Христова Николая, денгами же паки, якоже и прежде, чрезъ прошеніе отъ народа собраніе, построихъ монастырь и собрахъ братію даже до двадесять и четырехъ человекъ и живяхъ три года, хвалящи Бога и Его угодника Святителя Христова Николая и пасящи стадо Христово. По тріехъ же лѣтахъ, преосвященный Ювъ Новгородскій взятъ мя оттуду и посвати мя архимандритою на Великіе Луки. Тамо такожде пребивахъ три года, оздобляючи монастырь, церковь и вся потребная. По смерти же преосвященнаго Юва, паревичъ Алексѣй Петровичъ взятъ мя на болшій степень въ монастырь Тихвинскій. Тамо многимъ трудомъ и прошеніемъ милости устроихъ чудотворную икону Пресвятыя Богородици златомъ и предрагими каменми, яке по воздуху ангелами отъ Цариграда бѣше пренесенна и три года стояше неукрашенна. Тамо жихъ 4 года. Таковое мое житіе, не вѣмъ чесо ради, или зависти ради и лучшаго ради терпенія, или на каковій инній благій конецъ, попусти Богъ многимъ возненавидѣти клеветникомъ, иже многожды и многимъ образомъ многа ложная клевету на мя предъ Его Величествомъ Царскимъ Петромъ Алексѣевичемъ, Императоромъ Россійскимъ, великую ми наводяху скорбъ и печаль, юже на Господа возвергохъ, молящи, да Той мя препитаеть и по печали радость даруетъ. Послѣди, видя азъ, яко не умаляется, но паче растѣеть, и разсмотрѣвъ, яко богатство и слава, чини, престолы, господствія, начала и власти, вся сласти мира

сего ничтоже суть едина, точію суета суетствъ, скорбь, гордость, ненависть, тщеславіе и прочія безчисленніа раждающа грѣхи. Сего ради, 1720 года, оставивши начало, чести, богатства и имѣнія, яже имѣхъ, и бѣжахъ въ полунощи, Октоврія 24, въ власть Полскую, въ страни Литовскіе, единаго спокойнаго житію своему ищущи мѣста, но не обрѣтохъ; аще бо и обрѣтахъ, то таковіе, еже болше телѣсп, нежелѣ душѣ ползоваху. Тамо паки оставиша вся имѣнія собранная, бѣжахъ въ страну Волоскую, и тамо такожде много живущи на разнихъ мѣстѣхъ, аще и ради бяху мнѣ людіе, обаче азъ не радъ, понеже не имѣхъ спокойнаго душѣ моей жилища. И тамо паки оставляющи многажди и отъ мѣста на мѣсто преходящи и хотящи утаитися отъ слави человѣческой, не могохъ. Таже, напослѣдокъ, лишихъ вся въ вся и обѣщахся путешествовати по свѣту, посѣщающе святыя мѣста, дотолѣ, донелѣже таковое обрящу мѣсто, идѣже би мя токмо Единъ знаеше Богъ и азъ Его“. Таже ми сказа вся, порядку, како посѣщаше мощи святаго великомученика Θεодора Тирона, лежащіе въ Сербяхъ, въ монастырѣ Оповѣ, и святаго Симеона Богопріемца, лежащаго въ Далмаціи, въ градѣ Задрѣ, и како шествоваше къ Бару граду, идѣже мощи Святителя Христова Николая опочиваютъ. Паки, како дойде до пресловутаго града Рима и како тамо. баше на трапезѣ у самага Папи Римскаго Венедикта тринадесятаго, и како ему служаше, и како его держаше чотки въ своихъ рукахъ и цѣловаше, и благослови и отпусти съ честію. Паки, како оттуду возвратися и како дойде къ преславному и прекрасному граду Венеціи, и како съ мною совокупися, и прочая. Видящи азъ его добронравна и простодушна и любовна, и ему вся исповѣдахъ: како путешествовахъ, гдѣ бихъ, како сѣмо прійдохъ и камо ити хочу. И ради

бихомъ, яко Божиимъ изволеніемъ сице сънйдохомся съ собою, и дадохомъ слово, да не разлучаемся, но да совокупно въ любовь пребивающе шествуемъ въкупѣ, аможе аще Богъ наставитъ ни. Онъ бо мною доволенъ быше, азъ же имъ, понеже видя его человекъ смиренна, благо-разумна и свята и доброе имуща житіе, видѣхъ бо на немъ вериги желѣзніе, пятнадцать фунтовъ ваги имущіе. И вопросихъ его, и рече ми, яко еще отъ младихъ лѣтъ наложи на себе и вмѣсто парамона иноческаго носить на обнаженномъ тѣлеси своемъ, терпя жестокое гризеніе его, яко на кожи его единъ по одному ржадающися струпи незгоеваются никогда же. Паче же того любитъ нестяжаніе и нищету; прійде бо къ Венеціи и кленущися крестомъ святымъ, рече ми, яко ни единого и малѣйшаго не имѣяше пѣнзя, кромѣ малаго округа отъ хлѣба на воспитаніе жизни своей. Советовахъ же ему да идетъ къ церквѣ Греческой и проситъ отъ ктитореи милостинны, понеже и мнѣ многу творяху и всѣмъ творятъ православнымъ. Бѣ же тогда день неделный, и тече воскорѣ со радостію, не тако взяти ради милостинны, яко паче слушанія святой литургіи. И прійдохомъ, и поклоншися образамъ, идохъ и молихомъ старшихъ отъ церкви, да сотворятъ милостину убогому и странному старцу, и обѣщаша. Таже по вислушаніи службы Божой дадоша. И не разлучахомся съ собою и зихомъ въ шпиталю Греческомъ, ищуще себѣ совокупнаго корабля. Идохомъ же и молихомъ онаго купца, иже мя обѣщася взяти въ Грецію волну, си есть въ Кефалонѣю, и не хоташе, и паки просихомъ, но весма отмѣташеся, понеже имѣяше зѣло отягощенъ корабль людьми и товарами. Азъ же съ честнымъ онимъ вишшешаннимъ іеромонахомъ Рувимомъ недоумѣвахомъ, что творити, понеже не хотѣхомъ со собою разлучитися, ко-

рабль же онаго купца хотяше отплисти воскорѣ, и молихомъ всемогущаго Господа, да Онъ Самъ намъ вся устроитъ блага. И се обрѣтесе тамо нѣкій человѣкъ капитанъ, Сербской вѣрп, именовъ Вуколя, иже егда увѣда нашу нужду и желаніе, многое надъ нами показоваше милосердіе и ходотайства къ нѣкому великому болярину въ Венеціи, иже обладаетъ кораблями, просящи, да укораблить насъ въ Корфусъ, идѣже опочиваютъ мощи святаго Спиридона Триміуунскаго чудотворца, да оттуду возможемъ пойти въ Кефалонію. Сказахомъ же, яко еще имами желаніе (аще Богъ изволитъ) пойти въ Іерусалимъ поклонитися Гробу Христову, и ради бяху о словесѣхъ нашихъ. И тако, за ходотайствомъ онаго Вуколи Сербина, оній вишеписанній Венецкій боляринъ написа карту къ едину корабленнику купцу, подъ его существу властію, таковую, яко не точию да би насъ взялъ во корабль безмездно, но да би отчисти и кормилъ, обѣщаяся ему нагородити, и отсла насъ къ ему съ единѣмъ значнимъ человѣкомъ въ неделю въ вечеръ, Февруарія послѣднего числа. Тотъ же корабля властелинъ абіе съ единѣмъ слугою посла насъ въ корабль и ношевахомъ тамо. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 1 числа, пребивахомъ таможде, неисходно отъ корабля, ожидающе исхода корабля, понеже бяше вѣтръ противень и не могохомъ плисти, и спахомъ тамо. Таже въ полунощи, Божіимъ изволеніемъ, возвѣя вѣтръ помощень и вси снїйдошася въ корабль и отплихомъ, уже начинающуся дню, даже за предградіе мѣста. И бистъ Марта 2 числа, заутра, въ второкъ, тишина велія, яко не могохомъ плисти, и тягнуша корабль, оцѣпивши вервами, въ лоткахъ малихъ, веслами гребуще, и не можаху, двоихъ ради вещей: первое, яко спаде вода и касашеся дна судно; второе, яко отягошень бистъ мно-

гими вещми. И тамо стояхомъ даже до ноци, ожидающе прибитія вѣтра и води. Въ ноци же возвѣявшу вѣтру малу, начахомъ плити по малу и пустихомся на глубину морскую и пловохомъ два дни и двѣ ноци, си есть чрезъ среду и четвертокъ, осмьдесятъ миль, и пристахомъ къ нѣкоему граду, на брезѣ морскомъ стоящому, ему же имя Паренса. Тамо замедлѣ корабля началникъ чрезъ два дни, пятокъ и суботу, ово вѣтра ради, овоже купованія ради нѣкихъ вещей. Ми же, видящи патрона корабля ничто намъ къ ястію не дающа, аще и приказъ имѣяше, изійдохомъ со честнимъ моимъ сопутникомъ іеромонахомъ Рувимомъ Гурскимъ, прошенія ради милостини, испросихомъ, помощію Божією, пищу доволну къ препитанію нѣкихъ дній. Таже, Марта седмаго, въ неделю, рано возвѣявшу вѣтру мало помощну, плихомъ. воскрай брега морскаго, къ другому еще значнѣйшему граду, именуемому Рувинѣо. Тамо слипахомъ о мощехъ, лежащихъ въ костелѣ Римскомъ, Святія великомученици Евфиміи, прехвалной дѣвици, и потщахомся воскорѣ изійти исъ корабля въ градъ, и идохомъ въ костелъ и просихомъ тамо началнихъ священниковъ, да покажутъ намъ, понеже всегда суть затворенни, и не хотяху, понеже Римляне мощей святыхъ Божіихъ не обикоша показовати, найпаче же Греческихъ. Точію слипахомъ се, яко сама въ радѣ моремъ отъ Халкидона припли. Видѣхомъ же гробъ, идѣже лежитъ, и чудеса много творима, и окрестъ ходяще многа народа и лобизающе его. Сподобихомся и ми грѣшни поклонитися и цѣловати. Замедлѣ же и тамо корабль два дни, понеделокъ и второкъ, и просихомъ милостини, якоже и въ первомъ, обаче болѣ смѣющихъ, нежели дающихъ обрѣтохомъ; нѣци бо нарицаху насъ сизматиковъ и инія же геретиковъ и не хотяху давати. Оттуду отплихомъ въ среду

рано, Марта 10. Случижеса тамо случай таковій: яко инокъ мой въпаде въ глубину морскую, яко на пять сажней, лѣзучи въ корабль, азъ же вскричавъ, мя его погибшаго бити, но Богъ чудна дѣла творить. Егда бо, рече, призвавъ тамо, вънутрь моря, умою Пресвятую Дѣву Богородицу и великаго Чудотворца на помощь; абіе въздвижень, аки руками, и вознесенъ бистъ верху води, и яхъ его азъ за рукавъ одежды его, извлекохъ его въ цѣлосты, держаща подъ пахвою согненную рясу и чотки въ рукахъ. Да не въ забвеніе поидеть, и се глаголю: яко изшедшимъ намъ на море перваго дне и пловуще на самой превеликой широтѣ и глубинѣ его, видѣхомъ точію небо и воду морскую, и мнится бити, яко весь свѣтъ затопе и нѣсть ничтоже, кромѣ води и неба. Сице отъ превеликой широти мнится бити, яко ужасно и смотрѣти, найпачеже не бивающимъ на немъ; но, Божиимъ смотрѣніемъ, понеже бистъ тишина, не вредяше ничтоже. Въ утрѣ же, егда возмутися волни на морѣ и начаша носити и колѣбати корабль дозѣла, яко множицею вода вливалася въ корабль, и бистъ страхъ велій, но не всѣмъ, найпаче же мнѣ, первій разъ существу на морѣ. Возмутися же ми сердце и завратися глава, яко едва не одурѣхъ, не можахъ бо ни вънутрь, ни верху корабля сѣдѣти, одмлѣвающе и (прости ми, разумній читателю) не могій стерпѣти, блевахъ пятерицею до зѣла тако, не имій чимъ, едину нѣкую зелень, аки желчь, испущахъ. Азъ убо воздыхахъ, друзіи же смѣяхуса, глаголюще, яко не бойся, будеши послѣди лучше здравъ, нежели прежде, и немощень тогда бѣхъ чрезъ весь день. Иноку же и сопутнику моему, отцу Рувиму, не бистъ ничтоже, токмо мало болѣзноваше на главу, якоже бо онъ уже по мору плавалаше, еще въ Москвѣ живущи. Послѣди же, егда отпусти ми мало,

глаголаху корабленници, яко великое море отъ натури своея не можетъ въ себѣ ничтоже нечисто держати, аще бо би кто имѣлъ трутизну пятолѣтну, или десятилѣтну, или Богъ вѣсть како застарѣлу, найпаче же тотъ, иже не биваль, егда пойдѣ на море, вся измещеть и будетъ здравъ. Паки море не любитъ грѣшна челоуѣка, найпаче въ грѣхахъ смертельныхъ сущаго; того ради всѣ христiяне, имущи плести моремъ, аще не причащаются, то поне исповѣдають грѣхи своя. Таковая азъ чудная и дивная слышати, видяти и самъ на себѣ дознавающи, аще и вся тогда вѣровахъ, аки юнъ и скудоумень, но послѣди по времени уразумѣхъ, яко сіе болѣе бываетъ отъ колѣбанія и непокоя, якоже зримъ блевающихъ отрочать въ колискахъ и великихъ отъ колиханія оморочающихся. Паки видѣхъ иноу дне итпцу, падшую на корабль, ей же имя синица, яже не можаше прелетѣти широти морской, сѣде на отпочиваніе, юже аще и изгоняху, не отлетѣ, донелѣже не препочи довольно. Сія азъ видѣхъ почудився много, яко и птици знаютъ свою смерть и боятся. Се же не единожды, но и множицею видѣхъ и прославихъ Бога за премудрое Его твореніе. И тако плывущимъ помалу, не бивающу вѣтру добру, продолжишася дни многи и уже не имущимъ намъ, что ясти, Марта 13, въ субботу, печаловахомъ, бесѣдующе и просяще Вседержителя, да свое о насъ грѣшнихъ устройтъ промышленіе. Богъ же, челоуѣколюбивъ сій и милостивъ и не хотяи зла никому же, услыша молбу нашу. Въ неделю бо, Марта 14, творящимъ намъ обичное наше моленіе, носимъ бистъ корабль непостоянными вѣтры, видѣхомъ же издалече градъ прекрасень и рѣхомъ, яко аще би милосердіе Божіе било съ нами, даби насъ принесло къ оному граду, да возможемъ испросити милостиню на пропитаніе. И се внезапно возшумѣ вѣтръ отъ

страны и заврати корабль къ оному граду, и тако, аще и не хотяше властелинь корабля плисти, тамо припли. Богу тако чудодѣйствующу нашей ради нищети, не хотя уморити гладомъ творенія рукъ своихъ. И изійдохомъ изъ корабля въ градъ и просихомъ милостини даже до вечера и испросихомъ доволну (буди слава Богу) на препитаніе нѣколкихъ дній. Есть же тамо монастырець малъ святія Параскевіи, въ немъ же иноки Греческіе живутъ, и посѣщяхомъ оній и дадоша намъ малу милостину, и благодарихомъ Бога, яко уже начахомъ въ благочестивіе входитьи странни. Оттуду заутра, въ понеделокъ, Марта 15 числа, отплихомъ. Пловуще же видѣхомъ многіе прекрасніе острова, гори и холми, на водѣ посреди моря стоящіе, съ гради, и веси лѣпотными, на инихъ же пустелники на уединеніи спасаются. Плихомъ же благоутишно чрезъ весь той день, въ нощи же возвѣя вѣтръ противень, бурень и жестоць зѣло и ношашеся нашъ корабль, аможе Богъ хотяше, и уже отчаяхомъ жизни нашея, множицею бо вливашеся вода внутрь корабля. Ми же съ инокомъ, малодушни будуще, плакахомъ, воздыхахомъ, ожидающе смерти, возивахомъ же къ самому Христу Господу, да спасеть ни, паки Святителя Христова Николая и многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, да свободять ни отъ потопленія морскаго. Тогда воспоминахомъ, Богомъ движими, Царствующаго Пророка сложенніе усти словеса: „низходящіе на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахъ многихъ, тін видѣша дѣла Господня и чудеса Его въ глубинѣ“. Помянухомъ же тогда и оное присловя простое: *qui nescit orare, ascendat ad mare*, то есть: кто не умѣеть молитися Богу, нехай шествуетъ чрезъ морску дорогу. Тогда воистину, аще би кто писалъ, како утопающій призываетъ Бога, како молится, аще би нерав-

ніе, то подобніе Златоустому услышалъ молитви, видима бо смерть страшна есть, якоже и намъ бистъ. Таже, ноци уже кончащейся и начинающуся дню, въ второкъ, Марта 16, паки воспять къ томужде граду, именуемому Ленсина, Божіимъ Промисломъ принесенни бихомъ, аще и не хотѣхомъ, но хотѣхомъ, понеже Богъ тако благоволилъ есть. Тамо замедлѣхомъ цѣлую седмицу, даже до понеделка, неблагополучнихъ ради часовъ и неспостоянныхъ вѣтровъ и мокроти дождевной, отчасти же Святъ ради Римскихъ, си есть Воскресенія ради Христова, бывшаго тогда въ неделю Марта 21. Просихомъ же исперва милостини, но малу обрѣтахомъ, отчасти убогаго ради народа, отчасти же, яко дадоша еще исперва тамо намъ пришедшимъ. И недоумѣвахомъ, что творити, не имущи сокровенныхъ денегъ, еже бо что испросихомъ, то и снѣдохомъ, на путь же не могохомъ собрати хлѣба. Идохомъ же тогда, Марта 21, на Римское Воскресеніе, на наше же Вѣханіе Господа нашего Исуса Христа, къ церкви Греческой на святую литургію, и бывшии тогда тамо благочестивіи христіане отъ Грековъ и отъ Славяновъ сложившися дадоша намъ милостину осмьнадесятъ мѣдницъ, и благодарихомъ Бога за промышленіе Его о насъ и идохомъ на торжище и не обрѣтохъ купити на препитаніе хлѣба, понеже (яко же рѣхъ), дни праздничніе бяху у Римлянъ. Идохомъ же отай внутрь дома единаго хлѣбопродавца и купихомъ за всѣ пѣнязи, еже имѣхомъ, и идохомъ внутрь корабля и сѣдохомъ, ожидающе времени благополучна и просяще отъ Христа Господа вѣтра полезна путешествію нашему. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 22 рано воставши отъ сна, не хотѣхомъ ити въ градъ, понеже многажды всеу ходихомъ и возвращахомся, и сѣдѣхомъ внутрь корабля, обычное свое творящи моленіе.

*

Богъ же паче пекійся о насъ, нежели ми сами о себѣ, внемли, благій читателю, внемли, что сотвори съ нами. Егда же Греци, изшедшии отъ онаго корабля на слуша-ніе службы Божой, возвратишася воспять, принесоша тридесять мѣдницъ милостини, отъ нѣкоея благочестивія грекинѣ присланніе, еже ми воспріяше радовахомся о Господѣ, видящи промышленіе Его на ни, и на того всю свою надежду полагающи. Таже помалѣ възвѣя вѣтръ благополучень и отплихомъ тогожде дне, съ помощію Вишняго, и плихомъ день и ноцъ благополучно, аще и малимъ вѣтромъ. Заутра же, въ второкъ, Марта 23, плихомъ до полудне добрѣ, послѣди же внезапно възвѣя вѣтръ противень, силенъ и шумень и едва не преврати корабля. И се видѣхомъ недалече на странѣ островъ великъ, на немъ же бяху прекрасніе гори каменеі, съ древеси, окрестъ стоящіе, внутрь же его входитъ вода отъ моря. Тамо вбѣгше, помощію Божіею, спасохомся отъ потопленія и стояхомъ даже до вечера. Ми же съ сопутникомъ моимъ, честнѣйшимъ іеромонахомъ Рувимомъ, изійдохомъ исъ корабля на островъ и ходихомъ едва не окрестъ и на верхъ горъ, разсмотряющи красоту и лѣпоту его. Лѣпота же его бистъ такова: окрестъ води, внѣ и внутрь все стоятъ гори и холми, прекрасними древеси украшенніе, древа же не простіе, но все ово кипариси, ово яловець, ово древо бобковое, ово рожки турецки и протчіе, ихъ же имени не вѣмъ; на земли же мало каковое растеть инное зеліе, точію леванди премногое множество, яко и пройти за нею едва мощно, се же того ради, яко тамо земля на ню плодovitа до зѣла. Обрѣтохомъ же тамо нѣколико капиць Римскихъ, но пустихъ, и сокрихомся въ едину отъ дожда, и обрѣтше внутрь ея огнище и собравше дровъ много, сотворихомъ огнь великъ и грѣяхомся, присѣдяще, даже до

вечера. Но прости, благій читателю, сотворихомъ бо великое угодіе тамо грѣшнымъ своимъ тѣлесемъ, паче же азъ моему, грѣшнѣйшій и окаяніѣйшій паче всѣхъ челоуѣкъ, подобнѣ аки въ бани пекуще и жаряще его съ великимъ услажденіемъ. Таже въ вечеръ прійдохомъ въ корабль и ноцевахомъ. Не бистъ же намъ сладчайшой ноци никогда же, паче оная. Отсюду явѣ познати можемъ, яко баня есть великое угожденіе плоти челоуѣчской, аще великое угожденіе, то и грѣхъ великъ. Добрѣ бо написаша Отцы Святыи. въ Номоканонѣ, яко баня есть вторій блудъ, и прочая. Заутра же, въ среду, Марта 24, аще и тишина бистъ, обаче, понеже не баше вѣтръ помощень, стояше корабль, и въ четвертокъ такожде. Въ пятокъ же, Марта 26, аще и зѣло малъ баше вѣтръ, обаче, понеже омерзѣ стояніе, пустихомся въ путь и плыхомъ зѣло по волѣ. Таже внезапно возвѣя вѣтръ противень, яко отнюдъ не могохомъ плисти, и возвратихомся паки на мѣсто первое и ноцевахомъ тамо. Заутра, въ Великую Суботу предъ Воскресеніемъ Господа нашего Иисуса Христа, Марта 27, начахомъ печаловати дозѣла, многихъ ради винъ: первое, яко толь многое погубихомъ время и конца не достигохомъ, неблагополучныхъ рады часовъ; второе, яко многіе насъ ненавидаху въ кораблы, именующе насъ влачащихся въ свѣтѣ безъ потребы; третье, яко гладомъ изнуряхомся дозѣла, неимуще гдѣ испросити, ниже за что купити. Се точію благопріятно бистъ намъ, яко гладъ намъ въ постъ превратися, яко случися въ Великій Пятокъ, не имѣхомъ бо ничто отъ ястви, аще же и имѣхомъ би, не би ядохомъ. Обаче о будущихъ днехъ имѣхомъ попеченіе, яко дни праздничніе Воскресенія Христова приближахуся и не имѣхомъ церкви, пдѣже по христіанскому обычаю возмогли отправить набоженство

свое. Слѣшахомъ же на томъ островѣ недалече, яже 8 миль, отстоящую весь, совѣтовахомъ съ собою, да идемъ въ ню, испрошенія рады милостины и набоженства, мняще тамо благочестивую обрѣсти церковь. Мольдохомъ же начальника корабля, да повелитъ ни извергти на брегъ, и повелѣ безъ отреченія. Пойдохомъ же помалу къ вишпереченной веси въ субботу, Бога призвавши на помощь, но зѣло изнемогахомъ на пути, ово отъ неяденія чрезъ два дни, ово отъ отягощенія вещей, ово отъ жестокаго и твердаго пути и остраго каменнаго претиканія, и прешедше еще предъ вечернею, званны быхомъ отъ слуги его къ властелину веси тоя, иже вопросивши насъ: откуда есмь, и видѣвши патента наши, пріять насъ благодарственнѣ и представивъ намъ трапези. Обаче искушеніе пріяхомъ, блāгій читателю, отъ Бога ли, или отъ діавола, поставиша бо намъ яйца, уготованніе бывшой тогда Великой Суботѣ, обаче не ядохомъ, Богу насъ сохранишу, аще бо и чтохомъ въ Писаніи (представляемая вамъ ядите, ничтоже сумнящеся) но никакоже дерзахомъ, поминающе себѣ Господа нашего Иисуса Христа, иже въ дни тія не яде, ни пія, еще въ горкомъ страданіи душу свою положи за ны, дадохомъ бо вину неяденія нашего, на нюже Духъ Святый умудри насъ. Они же взяша воспятъ яству оную и повелѣша поставити риби мало, хлѣба и вина, и свѣдохомъ въ славу Божую, благодаряще Его, яко сохрани насъ отъ грѣха. Еще оній властелинъ даде и на путь намъ хлѣба мало и отпусти насъ со миромъ. Бистъ же вечеръ и не могохомъ паки къ кораблю возвратитися, идохомъ по селу, просяще милостины, но зѣло малу обрѣтохомъ, вси бо показовахуся бити скудни и убоги, найпачѣ въ хлѣбъ и денги, точію вина много, отъ него же и намъ даяху. Пришедшей же ноши, упросихомся у

единого человекѣ добра, иже пріять насъ благодарственнѣ и учреди вечерою и питіемъ доволно и положи насъ на одрѣ, на немъ же самъ возлегаше. Молихомъ же полагающеся, да возбудитъ насъ Господь въ нощи на молитви, понеже бистъ праздникъ Воскресенія Христова, церкви же не обрѣтохомъ нашея, ни людій, уснухомъ твердо. Въ полунощи же явился старцу моему, отцу Рувиму, нѣкій мужъ честень, брадатій, въ иноческомъ образѣ, въ подобіе преподобнаго Θεодосія Печерскаго, иже бодну въ ребро его и глагола: востани. И абіе воста и мене возбуди, и отправихомъ моленіе наше, якоже разумѣхомъ, имѣхомъ бо полуставъ великій и пѣхомъ все правило Воскресенію Христову и цѣловахомъ первѣе крестъ святой, таже другъ друга, по обычаю христіанскому глаголющи: „Христось воскресъ“, „воистинну воскресъ“. По окончаніи же правила уже не спяхомъ, но ожидахомъ дневнаго пришествія, хотяще паки къ кораблю скоро возвратитися, бояхомся бо, да не оставивши насъ отъидеть, егда возвѣтъ вѣтръ благополучень. Того ради абіе начинающуся дню отидохомъ. При отхожденіи же нашомъ господарь цѣловася зъ нами, опровождающе насъ, понеже зѣло любимъ человекъ баше. аще и Римской вѣры, и даде намъ на путь вина и оливи, и возложивши вещи наши на осла, облегченія ради и скорѣйшаго хожденія, отпусти насъ съ честію, пославши и сына своего зъ нами. Аще же и скорбно намъ бистъ, яко едва не всеу ходихомъ, обаче на Господа возвергохомъ печаль свою, паче же Христа ради воскресшаго веселихомъся. Слѣшахомъ же тамо въ селѣ отъ старихъ людей достовѣрну и чудесную вещь сиче. Суть тамо на томъ островѣ гори великіе и високіе, между ими же едина височайшая всѣхъ и имать три водруженніе на себѣ крести деревяніе, на нюже ми, прохожденія ради, возлѣзше съ велимъ трудомъ и стра-

хоть, съ трудомъ, понеже зѣло висока есть и неуглаженна къ хожденію, со страхомъ, понеже многіе пещери видѣхомъ змѣвіе и бояхомся да не выпадемъ въ бѣду, но Божею помощію не случися видѣти ни единого. Егда же возійдохомъ на верхъ, видѣхомъ оніе крести и лобизахомъ я. Вопросихомъ же онаго стараго челоуѣка, въ него же пощевахомъ: „что суть оніе крести и гора?“ И рече намъ, яко еще слиша отъ прародителей своихъ, еже и доселѣ славится, яко въ селѣ ономъ, еще въ ветхіе времена, все Елливи живяху, и егда разійдошася по жребію Апостолы въ миръ благовѣствовати, случися Святому верховному Апостолу Павлу, грядущу въ Римъ на мученичество, ити чрезъ оную весъ. Тогда людіе, тамо живущіи, молиху его, да свободитъ ихъ отъ змѣвъ, иже тамо во горахъ живуще, многія пакости дѣяху, поядоуще дѣтей и уязвляюще людіи и скотовъ. Помолихся Апостолъ Христовъ, и отъ того часа не точію престаша вредити, но еще утѣкають и боятся; въ знакъ же и въ будущее незабвеніе чудесе онаго, водрузи и крестъ своею си рукою на оной вишпереченной горѣ. Таже, по отпаденіи Рима отъ Святія Соборнія Церкви, Божіимъ попущеніемъ бившу тогда мору, вси тамо измроша Греки, едину токмо или двоимъ заставшимъ. Таже послѣди населишася Римляне, иже живутъ и доселѣ, Богу и Папѣ Римскому ими обладающе. Оттуду ми возвратившася, славяхомъ Бога, яко обрѣтохомъ корабль, еще стоящій на мѣстѣ и не отшедшій. Стахомъ же тамо на брезѣ, при одной капицѣ, при ней же и вода сладка обрѣташася, ожидахомъ милости Божіей свищше, да приплвуть ко намъ корабленницы и возмутъ паки съ собою въ корабль, не чаяхомъ бо, даби воспріяти бихомъ, понеже со вещми отъидохомъ и со благодареніемъ. Вистъ же тогда первій день Свѣтлія

недѣлы, си есть Воскресенія Господа нашего Иисуса Христа, и не хотѣхомъ да безъ варенія въ толь великій праздникъ пребудемъ, аще бо и въ вся дни сухояденіемъ жихомъ, понеже поминахомъ себѣ, како родители, сродници, други и вси православніе христіане въ дны тіа торжествуютъ, пиршествуютъ, ядуще, піюще и поюще въ славу Христа воскресшаго. Нарвахомъ же и ми зеля, еже простѣ именуется кропива, и уваривши оную, покропихомъ елеемъ и ядохомъ въ славу Божую и наситихомся. Имѣхомъ же мало и вина, еже принесохомъ въ тиквици со собою отъ села, и растворивше съ водою, пихомъ довольно яко довлѣло чрезъ весь день. Заходящу же слонцу, припловша къ намъ на брегъ корабленници взятія ради воды и обрѣтше насъ, сожалешеса, слушащи отъ насъ о нашей нуждѣ и суетномъ нашомъ трудѣ, и взяша насъ со собою въ чолнъ, привезоша въ корабль и ношевахомъ тамо. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 29, паки начахомъ оскудѣвати въ хлѣбъ, мало бо принесохомъ со собою отъ села, и молыхомъ капитана корабля, да продастъ намъ отъ сухаровъ, дающе ему пѣнязи, онъ же устидѣся отъ насъ брати или не хотя, даде намъ по милости своей, яко на два дны прекормитися. Ми же, взявше оніе сухари, благодарихомъ Творцу нашему, яко чудеснѣ и нечаяннѣ промишляеть о насъ, и на Того всю свою положихомъ надежду. Да не будемъ же ненавидими всегда въ корабли чрезъ ону непостоянну фортуна морскую, сѣдяще и да въ безмолвіи возможемъ творити обычное свое правило, взійдохомъ далече, яко за полпоприща отстоящій отъ корабля, на единъ малій, зѣло обаче прекрасній холмъ, на немъ же калица въ имя Святытеля Христова Николая, отъ камены создана, стояше, и образъ его. Въ немъ тамо вселшеса, жихомъ, аки пустинници, су-

харами оними, иже даде намъ начальникъ корабля. Въ второкъ же въ вечерь, Марта 30, помишляющимъ намъ, что будемъ ясти, понеже окончевахуся сухари наши. И се абіе, по Божию смотренію, два корабля велика пришлоша, противнимъ загнанны вѣтромъ въ той же загонъ морской, идѣже и ми бихомъ. Тогда ми пойдомъ къ нимъ просити милостины, и дадоша въ единомъ сухаровъ, въ другомъ же фасолѣ, и возвратихомъся паки на онъ островецъ въ каплицу, благодаряще Вседержителя за прѣзрѣніе Его о насъ. И прибывахомъ тамо, ожидающе и просяще отъ Господа благополучнаго пути нашему времены, кормихомъжеся оною фасолію, варящю въ морской водѣ, аще слана и горка бистъ, терпѣхомъ бо Христа ради, понеже не хотѣхомъ просити отъ корабля, да не стужаемъ имъ; пити же отъ моря не могахомъ, но избирахомъ по каменехъ, ходяще верху холма онаго и смотряще, гдѣ би мощно обрѣсти мало води, отъ росы или отъ дожда когда спадшой, и пихомъ. Удивляхужеся намъ зѣло корабленници, како ми тамо и гдѣ обрѣтахомъ воду и почто не просихомъ у нихъ. Оттуду въ четвертокъ, Апріля 1, предъ захожденіемъ слонца, по Божию смотренію возвѣявшу вѣтру помощну, отплихомъ и изійдохомъ на самую глубину и широту морскую, не видяще ничесоже, кромѣ небеси, води и своего си корабля, мнится бо, яко уже весь свѣтъ водою затопе. Видѣхомъ верху води вискакующіе и превращающіеся превеликіе риби, иже тамо именуются делфины, си есть свинѣ морскіе, отъ нихъ же величествомъ единъ баше въ долготу, яко пять сажней, или вящше, въ толстоту же, аки воль. Именуютъ же ся свинѣ морскіе того рады, яко все подобіе и натуру имутъ такову, яко свинѣ: глава свинная со ушима и пискомъ таковымъже; егда же превращаются, тогда сопуть, или стогнуть, аки свинѣ. Тако

ми широтою и глубиною пловохомъ въ четвертокъ ношцію, пятокъ и субботу до полудны. Таже возшумѣ буря велика и вѣтри непостояннѣ и едва не преврати корабля, и носими бѣхомъ даже до вечера, аможе не хотяхомъ. Тогда возивахомъ къ Богу и къ угоднику Его великому чудотворцу Спиридону, къ нему же грядяху на поклоненіе, да избавимся отъ тревоженія морскаго. Тогда азъ унивахъ сердцемъ и полумертвь бѣхъ и (прости ми, благій читателю, да истинну реку) не могій стерпѣти диханія и фортуни морской, блевахъ съ болѣзнію трижды, зѣло бо есть трудно небывающему на немъ шествовати моремъ. Сипевимъ наводненіемъ и бурєю носими бѣхомъ въ субботу до вечера и чрезъ всю ношць. Заутра же, въ неделю Ѳомины, Апріля 4, утишися мало, вѣтромъ же чуждимъ пловахомъ, иже не простѣ, но отъ страны дпаше, странный бо, или боковій вѣтръ тамо именують быти чуждымъ. Таже, яко предъ полуднемъ, возвѣя вѣтръ простъ и благополучень, имъ же плихомъ чрезъ весь день и чрезъ всю ношць, и въ понеделокъ, и въ вовторокъ, и среду мало рано. Таже возвѣя вѣтръ противень, силень и шумень, иже всячески возбраняше плисти къ граду Корфусу; бистъ же недалече, тошю за 20 миль отстоящъ. Ми же множицею сопротивляющеса и не хотяще всячески завратити корабля, егда бо бпхомъ завратили, понесло било насъ или воспать къ Венеціи, или Богъ вѣсть камо, бистъ бо буря велика зѣло. Таже, зашедшу уже слонцу, едва съ велією нуждою приплихомъ и стахомъ воскрай острова велика, подъ власть Корфуса града належащаго. Тамо вергше котвицу, ношцевахомъ. Видѣхомъ же на всемъ томъ островѣ стоящіе прекрасныхъ много горъ, долынъ, сѣменей, полъ, весей и садовъ маслынныхъ, и удивляхомся, яко Богъ вѣру нашу православную на благой,

мягкой и плодovitой посаждаетъ землѣ: прежде бо въ Италіи, въ Гиппаніи и въ Ерманіи егда шествовахомъ, все видѣхомъ гори каменніе, идѣже съ нуждею сѣмена своя всѣвають. Тамо же вси гори мягкіе, ископанны и поораны, и насажденны всякими благи толь прекрасно, яко всякому взирающему на ны, усладити можетъ очеса, мало бо зѣло обрѣтается верху горъ каменя, точию внутрь сокровенныя. Богъ тако устрои, потребы ради. Сіи же стояху на томъжеде единомъ островѣ, на немъ же и градъ Корфъ, и биша намъ одесную, ошуюю же недалеце стояху иніе еще болшіе гори и уже належащіе подъ власть Турецкую, на граници стоящіе, не на островѣ, но на брезѣ земли великой, но уже не таковіе, каменистіе бо и великіе на себѣ имутъ снѣзы. И биша намъ гори сюду и сюду, путь же помежду ихъ предлежаше. Тамо на оный островъ къ весемъ зѣло изійти желлахомъ, понеже зѣло гладны бихомъ и не имѣхомъ что ясти, чаяхомъ же тамо милостину къ яствію испросити добру; но понеже бистъ вечеръ и никто же инъ хотя на землю изійти изъ корабля, молчахомъ же и ми и терпѣхомъ Христа ради, ожидающе до утра и чающе на ни челоуколюбія Божія. Болдохомъ бося болѣе начальника корабленнаго просити, понеже познавахомъ ему бити насъ омерзѣвшихъ и его криво насъ усматривающее око, того рады, понеже онъ отъ Римской баше вѣри, ми же отъ истинной Греческой православной, того ради они насъ тако любятъ, яко волкъ агнца, зрѣти же насъ тако терпятъ, яко соль въ очесехъ, и, вѣру ми ими, благій чптателю, яко паче жида или турка любить: баше бо тамо въ томъжеде и единомъ съ нами корабля единъ жиловинъ, и разглагольствоваху всегда съ нимъ любезнѣ и даяху ему частѣ ясти отъ хлѣба и пити отъ вина, намъ же никогда же, кромѣ тѣхъ сухаровъ,

ихъ же чрезъ полтора мѣсяца даде намъ властелинь корабля двоицею или третицею, ими же съ едпною ихъ растворяюще и ядуще водою, и то съ ошадѣніемъ и воздержаніемъ, кормихомся. И ей истину ти глаголю, благій читателю, яко чрезъ все путешествіе наше нѣгдѣ неслучашея таковой терпѣти нужды, яко тамо, найпаче въ яденіи. Того ради и всякаго христіанина, Греческую добрѣ содержащаго вѣру, перестерѣгаю, любве ради Божія и ближняго: аще кому, подобнѣ, якоже и мнѣ, случится гдѣ шествовати по морѣ въ кораблы, или да не идетъ вкупѣ съ Римляны, или да терпитъ поношеніе и всякую нужду Христа ради, или да всегда имать съ собою сребренники, тѣи бо многа творять блага чловѣкомъ. Аще же кто не послушаетъ моего совѣта, то подобнѣ постраждетъ, якоже и азъ, или горѣе. Но не удивляйся сему, правовѣрной читателю, изначала бо мира никогда въ мирѣ не бистъ Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ еретиковъ и пнихъ враговъ, иногда и отъ своихъ величавихъ и високомудрствующихъ Латиновъ (Богу премилостивому терпящу), но нкогдаже ни отъ кого же преодолѣнна биваетъ, ниже будетъ (чаю и чаяти должны есмь отъ Христа Спасителя нашего на ню заступленія), стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребываетъ тверда, аки адамантъ, пропвѣтаетъ яко кринь посредѣ терніа, горитъ всегда непрестаннымъ пламенемъ любве, яже къ Богу, Его же никаковимъ видомъ всякіе еретичествующихъ вѣтри угасити не могутъ, но еще паче возжигаютъ, и тѣмъ болшій любве Божія расширяется огнь; никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь. Обаче умолчу прочее (аще

и тысящніе Церквѣ Святой возможно восписати похвалы), да не показуяй буду ясно перстомъ въ полудны слонце, си есть да не возмнюся тебѣ явитися учителемъ, вся добрѣ знающому (се же къ разумнымъ глаголю). Азъ единъ сій скудоумень, къ тому же и младъ, самъ еще учитися и ползоватися желающій. И тако ми при ономъ прекрасномъ вишпереченномъ островѣ пренощевавши, и заутра рано воставши отъ сна, въ четвертокъ, Апрѣля осмага числа, возвѣявшу зѣло малу вѣтру благополучну, извлекохомъ котвицу отъ воды и начахомъ плисти. Но по малѣмъ времени паки воста вѣтръ противень, обаче не тако силенъ, яко вчера, корабль же не преставаше отъ плаванія, но якоже можаше сопротивляшеся. Таже сотворися тишина велія и не можаше плисти корабль, ми же печаловахомъ, яко гладны бихомъ и не имѣхомъ отнюдь ничесо ясти. Молюхомъ Владиву и Бога, да поне во вечеръ ко граду прибити возможемъ, но никакоже, носими бо бѣхомъ сюду и сюду предъ онимъ вѣздомъ, помежду горами, сопротивляющеся вѣтру, по не могохомъ. Еще есть тамъ островецъ малъ, каменный весь, и иніе каменіе во водѣ лежащіе посередѣ пути, и бояхомъ, да не нисеть и разбіеть корабля, къ тому же и дождъ бистъ. И тако совративше мало отъ пути въ загонъ и вергше котвицу, нощевахомъ, яко за 10 или вѣщше миль отъ града отстояще. Таже, во пятокъ, Апрѣля 9, зѣло рано, возвѣявшу вѣтру малу, точію помощну, извлекохомъ котвицу отъ воды и пустихомъся къ граду, и Божіимъ изволеніемъ приплихомъ о полудны, пдѣже вергше котвицу подъ градомъ, оставихомъ корабль и вещи своя въ немъ, сами же идохомъ внутрь града къ церкви первоначальной святаго великаго угодника Божія и чудотворца Спиридона, въ ней же и мощи его святіе опочиваютъ, желающе ему должное отъ насъ

воздати поклоненіе. Егда же достигохомъ тамо, обрѣтохомъ церковь затворенну, бисть бо тогда полудне, и ожидахомъ во притворѣ, донелѣже отверзуть врата на вечерню. И се, сидящимъ намъ тамо во притворѣ, снѣдопаша ко намъ нѣци отъ Грековъ и начаша насъ вопрошати: откуда есмь и како къ нимъ приходомъ, и камо грядемъ. Ми же отвѣтсвовахомъ поистиннѣ вся. Таже единъ вопроси насъ о сроднику своему, его же имѣяше на Москвѣ, и рекохомъ ему, како и въ коемъ чину пребываетъ, понеже знаяше его добрѣ сопутственникъ мой, честный отецъ Рувимъ, за что онѣй грекъ, бывши благодарень за таковое извѣстіе, зва насъ въ домъ свой, недалече отъ церкви святаго Спиридона стоящей, и представивъ намъ трапезу честну, ею же ми удоволившеса, зѣло благодарны бихомъ Господеви и оному челоуѣку, ибо гладни прійдохомъ въ градъ, ничесоже ядуше, ничесоже имуще (якоже прежде рѣхъ). Послѣди же тотъ челоуѣкъ совѣтова намъ ити къ протопопѣ града того, иже такожде близъ церкви живяше, да просимъ у него мѣсто пребиванія и вся потребная намъ, донелѣже пребудемъ въ градѣ. Пришедшимъ же намъ, обрѣтохомъ его спяща и ожидахомъ во притворѣ церковномъ, донелѣже прійдетъ на вечерню. Таже по вечерни, узрѣхомъ ся съ нимъ и поклонихомся ему, иже абіе начатъ насъ вопрошати: откуда и что, и почто прійшли, и камо грядемъ. Ми же отвѣтсвовахомъ вся, якоже требѣ баше, и абіе даде намъ келію ко престолянню, таможде при паперти церковной стоящую. Тамо ми, пренесше вещи своя отъ корабля, нощевахомъ. Заутра же, Апрѣля 10, въ субботу, начаша знати насъ мнози людіе и совѣтоваху намъ (якоже тамо обичай есть) да идемъ къ протопопѣ и воземъ хартію, си есть указъ, благословящъ просити милостини во градѣ. Ми же сія оставше, первѣе идохомъ въ церковь на

службу Божую, таже, по окончанію литургіи, Богъ, молитвами угодника своего, Святителя Христова Спиридона, посла намъ челоуѣка блага и зѣло добронравна, нѣкоего честнаго законника, именовъ Аѳанасія, да наставитъ ни во всемъ, иже тогда литургію имѣяше. Той, егда узрѣ, вопросы и увѣда насъ, что есми, абіе ко намъ тако христіанскою прилѣпися любовью, яко ни на едину черту не лишися отъ насъ, но абіе тече къ писару протопрезвитерскому и сказа ему, яко сіи странніе путници, отъ странъ Московскихъ грядущіе на поклоненіе святыхъ мѣсть, требуютъ милостини, и абіе безъ всякаго отреченія написа грамоту волную ходити и просити въ градѣ милостини, донелѣже замедлѣти восхощемъ. Возвративше жеся отгуду, принесохомъ оную хартію къ протопопѣ, иже подписавши самъ своею рукою имя, и посла зъ нами онаго-жъ вишеписанаго іеромонаха Аѳанасія просити по базару, си есть по всѣхъ купеческихъ коморахъ и торговнихъ аптекахъ, понеже ми не знаяхомъ, камо ходитъ во градѣ, странни суще. Пойдохомъ же, Бога на помощь призвавше и Его угодника, Святителя Христова и чудотворца святаго Спиридона, и, наченше отъ перваго даже до послѣднаго, всѣ ради коморніе обхождахомъ даже до вечера, и собрахомъ милостину немалу. (Буди Богу всегда слава за призрѣніе ни грѣшники). Заутра же, въ неделю, по обикновенію тамошнему, ходихомъ едва не по всѣхъ церквахъ, во время правленія святыхъ литургій, и тогда милостину собрахомъ добру. Таже обизнахомся со людьми и начаша насъ мнози просити ово литургію отправляти, ово святити воду во домахъ своихъ, платяще и творяще намъ милостину. Ми же пребивахомъ въ оной вишпереченной келіи, церкви святаго Спиридона пристоящей, кормящися довольно милостиною оною, юже взимахомъ отъ всещедрой Творца

нашего десници и отъ православныхъ Греческихъ христіанъ, и ничесоже намъ не бистъ оскудно, точію о единомъ печаловахомъ дозѣла, яко не ускорихомъ прійти на оное время, когда с. чудотворца Спиридона откриваютъ, и не видѣхомъ. Молихомъ же многихъ великородныхъ пановъ, епиторей церкви и самага протопопи, да соберутъ ключи и покажутъ намъ: понеже суть ключей 4 и всякъ во разнихъ держится рукахъ. Аще же сіе дѣло и трудно есть, понеже никому же не показываютъ, кромѣ уреченаго времени; но понеже любими бихомъ ими, яко отъ странъ Російскихъ есми, того ради обѣщахуся вси. Таже по нѣколицехъ днехъ, собравши протопопа вся ключи къ себѣ и въ нѣкій день, по святой литургии, воззавши насъ внутрь олтаря и затвори вся двери; таже поведе насъ на правую страну святаго олтаря, идѣже опочиваютъ мощи Святаго и отверзе всѣ четири замки, пмиже заключень баше гробъ его, въ немъ же другой еще, отъ камене изсѣченъ, баше, внутрь того еще третья рака, отъ древа кипариса содѣланна, покровъ же отъ таблицы чистой, христалной, ей же мала часть, въ ногахъ Святаго, отверзается, добизанія рады. Тамо азъ грѣшній сподобихся, купно со честнымъ отцемъ Рувимомъ, спутникомъ моимъ, приложитися ногамъ Святаго, и видѣхомъ сквозѣ оную таблицу всего его до наименшой вещи, со одеждою, на главѣ своей имѣеть подкапокъ и клобукъ, яже еще въ жптїи своемъ ношаше, и одѣянъ въ сакошь старинній, крестами истканній, ноги же оболченни въ мягкіе зѣло сандалія; во всемъ нетлѣнень, тѣломъ и одеждою, опочиваетъ, аки живій. Еще же протопопа самъ подіймоваше ризи Святаго, и показоваше голени его, и любизахомъ и видѣхомъ тѣло его бѣло и чисто, и мацахомъ, и мягко, аки живое. И повѣда намъ самъ протопопа, яко все таковое тѣло, токмо тварь и рука лѣва

черни суть, правой же нѣсть и не вѣдаютъ гдѣ, тако бо и въ Корфусъ прійде. Вопрошахъ же азъ, чесо ради тварь и рука черна суть. Отвѣствова ми, яко прездними временами не бѣше тако затворень, яко нинѣ, но стояше на ногахъ въ рацѣ своей, поставлень между намѣсними образами въ церкви, и приношаху людіе ладанъ, смирну и ливанъ и вжигажу, аки предъ образомъ, свѣщи и лампади, и тако отъ непрестаннаго, деннаго и ношнаго, куренія и паленія лампадъ горѣнія учернися тварь и рука. Видящи убо началници непочестъ тако-ву, отъ того часа затвориша и не откриваютъ болѣе, токмо дважди или трижди въ годъ. Слѣсахъ же сѣце: яко егда откріють, взимають его со ракою, священници, облекшеса въ оелоны, творять процессію, обходяще стогни града и носяще его, аки живаго, стоящаго на своихъ ногахъ; таже, по окончаніи процессіи, паки вносятъ въ церковь и поставляютъ со ракою стояща между намѣсними образами, лобизанія ради народа, и биваетъ отворень 7 или 8 дній. По окончаніи же времени, паки полагають внутрь гроба, по правой странѣ олтаря стояща, и затворяють четирма замками, и разбирають началници кійждо себѣ свой ключъ врученній. Первій ключъ держитъ губернаторъ града, вторій судія, третій протопопа, четвертій намѣстникъ его. Се ми получивше, благодарихомъ Бога всемогущаго, яко по желанію нашему намъ устрои, моляще, да и прочія святія сподобитъ посѣтити мѣста. Видѣхомъ еще тамо, въ другой церкви, иніе нетлѣннѣ мощи святой праведной Θεодоры царицы, отъ нея же зѣло великое исходитъ благоуханіе. Тамо ми не точію внутрь града, но и внѣ ходихомъ просити милостинны, всю лѣпоту и строеніе града разсмотряющеи. Градъ Корфусъ есть зѣло изрядень, не тако лѣпотою и строеніемъ, яко насажденіемъ великимъ.

надъ водою, подъ горами; великъ, на многи части раздѣленъ, многи високія и крѣпкія каменнія ограды въ себѣ содержащій, со многими армати, пушки; еще же и тогда новія фортеци созидаху; вездѣ пресловутій, ово ветхостію и заложениемъ еще при великомъ царѣ Константинѣ, ово мощми святаго Спиридона и праведной Θεодоры царицѣ, ово же изобилиемъ и благоплодиемъ вина, оливи и прочіихъ вещей. Церквей благочестивихъ имать много, яко пятьдесятъ, со монастырми, обаче нѣ суть лѣпи отъвнѣ, точію отъвнутри; внутри бо имѣють прекрасное иконописаніе и строеніе лампадное, отъвнѣ же нѣ суть, аки въ нашей Россіи, церкви со главами и дивнымъ расположеніемъ угловъ, но аки простіе хати. Еще суть и Итальянскихъ костеловъ много, обаче тамо Италѣане нѣ суть тако противніе, яко въ иннихъ странахъ, ибо понеже болшее многолюдствіе и болшая власть Греческая есть, того ради, слишахъ, яко и отъ Папи Римскаго, лучшей ради зъгоды, имѣють позволеніе вкупѣ свята великіе празновати, якоже и празднують. Тамо ми отпѣхомъ литургій единадесять, по прошенію людій, жихомъ же, буди благодареніе Богу и чудотворцу святому Спиридону, въ градѣ томъ мѣсяцъ цѣлій. Таже обрѣтше корабль, плывущій въ Кефалонѣю, молихомъ начальника корабля, да возметъ ни со собою, поклоненія ради святыхъ мощей преподобнаго Герасима, о немъ же слышахомъ еще прежде, яко тамо опочиваетъ, и абіе взять насъ безъ отреченія. Всѣдохомъ же въ корабль въ субботу, Мая 8, и отплихомъ на ночь, приспѣхомъ ко Кефалонѣи (Божимъ изволеніемъ) въ поведѣлокъ на ночь, Мая 10, и тогда не успѣхомъ внйти во градъ, но ношевахомъ внѣ града на брезѣ. Таже заутра въ второкъ, Мая 11, рано, оставшися на брезѣ со вещми учитель мой, честній отецъ Рувимъ, посла мя ко про-

топопѣ, прошенія ради мѣста къ престою. Къ нему же егда азъ пришедь, пріять мя любезнѣ, понеже челоуѣкъ благъ и добронравенъ есть, къ тому же и знаяше мало разглаголствовати Московскимъ нарѣчіемъ, пже егда увѣда о насъ, абіе повелѣ принестися намъ со всѣмъ въ домъ свой. Совратихъ же ся азъ паки на брегъ и наявше ладію, привезохомъ вещи своя и пренесохомся въ домъ онаго протопопи. Тамо мнози снѣдошася, о многихъ насъ вещехъ вопрошающе, и замедлѣхомъ даже до полудне и снѣдохомъ трапезу, представленну отъ протопопы. Таже просихомъ, да покажетъ намъ путь ко святому Герасиму, бѣ бо внѣ града далече отстоящъ, въ единомъ монастырѣ, и превезохомся со протопопоу на другую страну воды 4 милц, къ второму граду, именуемому *Аргостолъ*, первій же именовашася *Ликсури*. Кефалонѣя бо есть разсѣянная на многи части, со монастырми и весми, но кромѣ того на началнѣйшіе части 3 раздѣляется, якоже прежде рѣхъ:—первая часть именуется *Лѣксури*, вторая *Аргостолѣ*, тамо пребываетъ губернаторъ, третья фортеця, високо на горѣ стоящая, идѣже обитаеть проведиторъ, еще началнѣйшій отъ губернатора, иже всею обладаетъ Кефалонѣею. О красотѣ ея послѣди реку, егда расмотру лучше. Тогда ми вопроеившася о пути, поидохомъ по землѣ отъ града *Аргостолѣ* чрезъ великіе гори и зѣло высокіе ко монастыру дѣвичому, за 10 милъ отъ града отстоящому, идѣже мощи опочиваютъ преподобнаго Герасима. Тамо приходомъ въ второкъ на ночь, зѣло позно, идѣже абіе внѣдохомъ въ церковь и обрѣтохомъ ¹ еще игумена, правящаго повечеріе. По окончаніи молитовъ, поклонившися гробу Святаго, званни бѣхомъ игуменомъ въ це-

¹ Здѣсь въ Уваровскомъ спискѣ прерывается собственноручная рукопись Барскаго.

лю, иже вопросивши и увѣдавши, кто и откуда есмь, и почто прїидомъ къ нимъ, представи намъ вечеру вкратцѣ и даде намъ мѣсто къ препощеванію. Тамо ми обычное свое сотворши моленіе и благодареніе Богови воздавши, уснухомъ крѣпко по трудѣхъ. Заутра же въ Среду, Мая 13-го, воставши отъ сна о отчетши обычное правило, молнхомъ, да покажутъ намъ мощи святаго угодника Божія, и абіе инокиня едина, яже держаше врученній себѣ ключъ отъ раки Преподобнаго, безъ всякаго прекословія отверзе. Тогда должное сотворши поклоненіе, лобизахомъ въ лѣвую руку мощи его святія, яже открывається въ знаменіе народа. Видѣхомъ же его во всемъ цѣла лежащаго и слишахомъ благоуханіе веліе, и даде намъ оная законница маленкую частицу отъ рясн его, въ ней же ободчень лежитъ; чудеса-же многіе, не точію изъ мощей, но и отъ образа творима бывають. Тамо ми, по прошенію инокинѣ, отпѣвши службу Божію и представленій отъ нихъ въ пгуменской цѣли снѣвше обѣдъ, вопроспхомъ о Святомъ, откуда бысть родомъ и како спасесе?— Отвѣща намъ, яко сей преподобній Герасимъ не тотъ, иже пребысть на Иордани, но родомъ бяше отъ земли Морейской. Послѣдній Святый бысть же путешествуя многа лѣта, посѣщая Святія мѣста. Таже Божіимъ изволеніемъ приплывъ въ Кефалонію и обрѣте оній монастырь зѣло малъ, точію едину церковь и при ней нѣколико инокинѣ, вселися тамо, сотворися строителемъ и наставникомъ, разшири и устрои обитель красну, и многія къ пути спасенному приведъ, препочи о Господѣ въ лѣто 1425, и отъ того часа тамо и доселѣ наставникъ инокинямъ или пгумень поставляется старъ, служенія ради и правленія чину церковнаго; власти же надъ ними никакой не имать, кромѣ духовной, и кормится монастыр-

скимъ хлѣбомъ. Се ми услѣшавши и увѣдавши, благодарихомъ Бога, какъ сподобляетъ ни толь преславна и свята знати зрѣти и касатися имъ. Оттуду, по трапезѣ, Богу благодареніе воздавши и Его святому угоднику, преподобному Герасиму, и идохомъ, не хотяще болше промедлѣти, помраченнима бо тамо на насъ взираху очима. Бысть же недалече вторій монастырь дѣвичій, яко за три поприща отстоящъ отъ перваго, и соизволися намъ посѣтити его. Тамо егда прійдохомъ, еще паче не пріяты бѣхомъ: не точию не просиша насъ пощевати, но ниже сидѣти, ниже хлѣба дадоша снѣсти, единаго точию кваснаго пптїя, и то, егда сами испросихомъ, води хладной изнесоша, понеже жаждахомъ, упалу ради солнечнаго и горячести. Таже поклонившися въ церквѣ и приложившися святимъ иконамъ, прійдохомъ внѣ монастыря, и сѣдше подъ оградю каменною, многая съ собою бесѣдующе и соравняюще своя монастыри Россійскіе съ сими, како сторицею суть краснѣйшіе и богатшіе и во всемъ милостивѣйшіе. Таже препочивши яко полчаса, пойдехомъ въспять къ граду Аргостолѣ, не хотяще возвратитися къ протопопѣ, но умислихомъ нѣкое время замедлѣти въ Аргостолѣ. Таже возвратихомся къ первому. Даль же намъ тамо господу зѣло красну единъ священникъ, именуемій папа; сія да по залецѣнію единаго знатнаго челоуѣка отъ Корфуса, въ листѣ писанномъ, и жихомъ тамо седмицу едину. Отпѣхомъ же службу Божию и собрахомъ милостиню, аще и малу, буды благодареніе Богу. Таже соизволися намъ еще пойти къ крѣпости, си есть къ замку, надѣющеся тамо нѣкую получить милостиню. Тамо егда прійдохомъ, Мая 19, въ Вовторокъ, пополудни, никто же намъ не изъявися пріятень, никто же ни малѣйшой не даде милостини, токмо ходихомъ къ прово-

дитору, Римской вѣри сущему, пже обладаетъ всею Кефалонією, той точію единь пріять насъ, напои, накорми и милостиню даде; и тако ми абіе того же часа отъѣдохомъ оттуду. Пойдохомъ же, слонцу заходящу, къ единому дѣвпчому монастыру, въ немъ же слышахомъ быти часть мощей святаго Апостола Андрея Первозваннаго, еже п сотворихомъ, и тамо отъ разглагоствія непочестныхъ и лукавихъ людей уразумѣхомъ, яко не благоволятъ о насъ, обаче уже не хотѣхомъ возвращатися къ граду, понеже нощь приближися, и обнощевахомъ тамо, свѣдше вечеру предъставленну. Заутра же, воставши рано, по утренни, начахъ азъ просити игуменіи о одежду, понеже ветху п раздранну имѣхомъ на себѣ, и абіе жестокими отрече словесп; ми же видѣхомъ, яко не обрѣтохомъ милостивихъ людей, поклонившеса оной вишшеписанной частѣ мощей святаго Первозваннаго Андрея, отъѣдохомъ воскорѣ. Видѣхомъ недалече вторій монастырь стоящъ, но уже сами не хотѣхомъ, разсмотрѣвше монастырскую на путниковъ честь и страннолюбіе, текохомъ же скоро къ граду Аргостолѣ, идѣже имѣхомъ ¹ ити, ниже озирающеса воспать, поминающе оніе самаго Христа Спасителя словеса: „Идѣже аще не пріймутъ вы, ниже послушаютъ ви, псходяще оттуду и прахъ отъ ногъ отрясите, во свидѣтельство имъ“. И тако возвратихомся оттуду воскорѣ паки ко градѣ Аргостолѣ и пребивахомъ тамо еще нѣколко дній, ово литургисающе, ово же водосвятіе творяще въ домахъ, по прошенію народа, п оттуду взимающе милостини и кормящеса, овогда же и на инну страну перевозихомся ко граду, именуемому Лѣксури, по малу милостиню взимахомъ отъ народа, вси бо отмовляхуся, яко нужни суть, п глаголаху мнози, яко не во

¹ келію. М.

время прїѣдохомъ, понеже еще точію начинаху растѣти плоды; слышахомъ бо еще прежде, яко аще би прїѣдохомъ мѣсяца Августа, егда собирають плоды овощніе, то би зѣло многу обрѣли милостиню, ибо дають плодовъ сирихъ и сухихъ много, ихъ же отнюдь невозможно снѣсти, но продавати и денги собирать, тако бо тамо живутъ нищїи; плоды же суть розинки маліе, иже тамо именуются ува, то есть увараса, языкомъ Венецкимъ или Италїанскимъ, си есть ягода сухая; родится же изобилїе великое, токмо не по вся годи. Кефалонїя нѣсть красна иждивенїемъ (кромѣ фортеціи), есть же островъ великъ, многочислень и многолюдень, изобилень въ вино, хлѣбъ и овощи, людей имать много угодныхъ¹, но немного милостивихъ, идѣже мало отъ посполитаго народа воспрїяхомъ милостини и токмо отъ единаго значнаго пана, именуемаго Анастасїя Корафп, милостиню взяхомъ добрѣ (Господи его спаси), многихъ надѣляетъ нищихъ, якоже видѣхомъ и слышахомъ. За медлѣхомъ же въ Кефалонїи мѣсяць пѣлій. Іюня же четвертаго, въ Пятокъ, предъ захожденїемъ слонца, наявше за зду кораблець малъ, пустихомъся въ Закинѣн островъ, понеже недалече отстояше, пловохомъ же день и ночь неблагополучно ради вѣтра и достигахомъ тамо въ Суботу по захожденїи слонца; пловуще, оставихомъ Кафалонѣю создаи, одесную же недалече, яко за четиридесятъ миль, видѣхомъ брегъ морскїй, землю велику, именуемую Морея, яже уже не подъ Венецкую, но подъ Турецкую належаше власть. Но понеже запомнѣхъ тебѣ, любезнїй читателю, начертати: наченше отъ Венеціи даже до Закинѣа разстоянїя миль мѣста отъ мѣста на морѣ отстояшаго зде полагаю, яко прежде отъ Венеціи

¹ учонихъ. Ув. М. К.

къ Корфу шествовахомь миль 700, отъ Корфу же до Кефалоніи миль 150, отъ Кефалоніи до Закинѣа 50. Пришедше мы тамо въ Закинѣ, идохомь первіе къ протопопѣ (по обычаю тамошнему), просити мѣста престоянія и благословеніе просити милостинѣ въ градѣ; онъ же безъ всякаго отреченія даде намъ господу и обѣща написати хартію, еже бистъ тако; обаче мало ми въ ономъ пребывахомь дому, понеже непокоенъ намъ бысть, паче моему старцу, яко всегда людіе прихождаху разглаголствовати и не даяху ниже правила чести, ниже инная потребная творити. И тако ми внѣ града избобрѣтохомь единъ монастирець невеликъ, подъ Синайскимъ инокомъ подчиненъ, обаче зѣло прекрасній и спокоенъ, уединенъ же, отстоящъ отъ града яко за полмиль; тамо точію единъ съ послушникомъ игумень пребиваетъ. Тамо умислихомь жити, по совѣту многихъ, даже до мѣсяца Септеврїа 1, да обрѣтемъ корабль безъ мзди даже до Царп-Граду, понеже въ Септеврїи тамо пребиваютъ различніе кораблѣ отъ различныхъ странъ, купленія ради малыхъ розинковъ, яко тамо родится многое множество и въ Кефалоніи; такожде, второе, умислихомь ожидати даже до Септеврїа того ради, да добрѣ воспріймемъ вѣсть о мирѣ Турка съ Россією, понеже слухомъ еще въ Венеціи, Марта 1, въ Корфу и на инѣхъ мѣстѣхъ многихъ, яко благочестивій нашъ Монарха, Императоръ Московскій, Петръ Алексѣевичъ, по многотрудномъ и преславномъ своемъ житїи, препочи въ мирѣ лѣта Господня отъ Рождества Христова 1725, по смерти же его вся премѣнишася, того ради всячески намъ людіе претяху, да не како дерзаемъ ити въ страну Турецкую, аще нѣсть мира, да не подпадемъ въ неволю бесурману нечестивому. Тако мы тамо живуше разсмо-

трѣхомъ всю лѣпоту, чинъ и обикновеніе и многія иннія вещи, яже обрѣтаются во всемъ Закинѣскомъ островѣ: 1) зѣло многоплоденъ есть въ маліе розинки и въ вино такожде; 2) премного Греческихъ церковь и людій въ себѣ содержитъ; 3) пристанище есть различнымъ кораблямъ; 4) многіе различніе чудотворніе имѣеть иконы; 5) много имать великороднихъ людій; 6) градъ имать красенъ строеніемъ, на брезѣ морскомъ, фортецію високо на горѣ такожде крѣпцѣ и добрѣ устроенну; 7) трясеніе земли часто биваетъ, трижды или четирижды въ мѣсяцъ; еще слышано отъ людей тамо, яко 1723 года бѣше тамо всюду чрезъ многи дни толь великое трясеніе, яко многіе доми каменніе упадоша, мнози же разсѣдошася, еже азъ слышашъ ужасохся и много почудившися разсуждахъ: или стихій ради, или грѣховъ ради человѣческихъ то творимое бити; тамо обрѣтается источникъ дегтя, отъ земли текущъ; 8) многое имать изобиліе¹; 9) чудесное, яко смокви тамо не на всякъ годъ одинако родятся: въ то бо время, егда начинаютъ дозрѣвати, аще вѣтри биваютъ полуденніе, суть сладки, аще пополудніе или полнощніе, не имуть вкуса добра; 10) протополь тамо поставляется отъ мирскихъ, а не отъ духовныхъ соизволенія (кое при насъ случися); дается же ему съ позволеніемъ Принципа Венетійскаго все одѣяніе червоное, си есть капеляшь, подкапокъ, сутана и реверенда, зѣ толь широкими рукавами, яко воскрилія землѣ касается, и лѣска слоніова, толь висотою, яко же и онъ; обаче токмо на пять годъ поставляется, по пяти же лѣтехъ паки инній, тотъ же биваетъ простій попь, якоже и прежде; сіе мнѣ не возлюбися, не вѣмъ, како тебѣ, люлюбезній читателю. Доздѣ о семь, понеже нѣсть что

¹ *вст.* отъ маслинъ и оливоу. Ув. М. К.

сплшати. Тамо азъ, въ ономъ вшшеписанномъ монастирѣ живущій, многую пакость претерпѣхомъ отъ христоненавистнаго врага діавола, найпаче же мѣсяця Іюня, возбуждаша мя къ многимъ сквернымъ мислямъ и дѣломъ; азъ же разумѣвъ бити оную ненависть за посѣщеніе святыхъ мѣсть, и молихъ Владика и Творца моего, да мя избавить отъ него, въ скорбѣ же оной таково сложихъ

Утѣшеніе

грѣшной и окаянной душѣ моей, пзображающее имя мое и прозваніе мое въ началнихъ лѣтерахъ, подобень: Ахъ, зрадлива юность.

Востани, о душе, востани, что спиши,
 Грѣхами помраченна, 2, почто не радши?
 Ахъ, время не вѣси, въ онъ же и съ тѣломъ тебѣ
 Разійтися весма 2, съ нуждою требѣ.
 Съ каковимъ отвѣтомъ прійдеши предъ Бога,
 Истиннаго судію, 2, сотворши зла многа.
 Иже всю жизнь твою начнетъ истязати.
 Горѣ тебѣ, яко 2, нѣсть, что отвѣщати.
 Лютѣ страждати будеши на вѣки,
 Окаянна еси, 2, между человекъ.
 Имаша молитвами ¹, но гдѣ ти помощнаго
 Рука можетъ быти, 2, оставится тощна
 Будеши кровними слезами ридати,
 Обаче не поможетъ, 2, ни отецъ, ни мати,
 Аще не сама ти разсудишь, что треба,
 Въ тѣлѣ еще сущи, 2, да доступишь неба.
 Ридай здѣ за грѣхи, еще прежде смерти,
 И тако можеши, 2, калъ грѣховъ отерти,

¹ молвити. Ув. М. К.

Смерть бо грѣшнымъ люта, всякъ то можетъ знати.

Чисту душу взяхомъ, 2, чисту требѣ дати.

Кто же очиститъ ю, аще не персть Бога,

Иже сотвори, 2, Онъ надежда многа.

Сію псалму со вниманіемъ поющи и Бога на помощь призывающи, свободихся отъ искушеній діаволскихъ. Пребивахомъ же въ ономъ вишпереченномъ монастирѣ всегда, мало въ градъ ходящи (кромѣ нужной потреби), токмо въ недѣлю, прошенія ради милостини, ходящи по церквамъ, якоже есть тамо обычай. Имѣхомъ же тамо ожидати даже до Септеврія, по совѣту нѣкихъ тамошнихъ людей, понеже въ мѣсяцѣ Августѣ тамо собирають плоды отъ малихъ розинковъ, ихъ же тамо много родятся и отъ нихъ же странніе и убогіе великую собирають милостиню; мы же, понеже случися намъ корабль, иже пловяше въ страни Греческіе и Турецкіе, и еще къ тому корабелници насъ Христа ради взяти хотяху, ибо вси бяху Греки, истинніе хрстіане, аще и подъ властію Турецкою живяху. Сего ради оставихомъ вси инніе разніе мисли, взяхомъ едину, идѣже все намѣреніе наше бысть, и Единого Наставника и Управителя путешествію нашему имущи Господа, укораблихомся¹, аще и различнѣ намъ разглаголетвоваху о Туркахъ, немилосердію и великой ихъ дани, на которое поплашеніе ниже десятой части не имѣхомъ денегъ, и шедше, уповающе на Бога, въ онъ же день имѣяше отплисти корабль, въ церковь святаго Діонисія, архієпископа Енигенскаго, поклонихомся его святимъ мощамъ, яже тамо во градѣ Закинѣ опочивають (слишахомъ же еще инніе тамо бити мощи нѣкоего праведнаго Іоанна, иже бысть отъ тамошнихъ жителей, спасеся обаче, понеже недалече отстоя тамо), и

¹ *вст.* безъ всякаго сумнѣнія. Ув. М. К.

призвавше на помощь Бога и Его угодника святого Діонисія, отплихомъ мѣсяца Іюля 21 въ четвертокъ¹. Отпливше же отъ града Закинеа за пятьдесятъ миль, видѣхомъ островъ невеликъ и прекрасенъ и на немъ устроенніе мури, и спросихъ пловцовъ: что есть? и рече: яко на ономъ островѣ есть единъ точію монастырь, обаче великъ и богатъ зѣло, въ немъже оній вишпереченній Діонисій еще монашеское провождаше житіе и успе, погребесе тамо, таже принесенъ бистъ во градъ Закинеъ, ради озлобленія и глумленія Турковъ и разбойниковъ морскихъ, иже (якоже слышахъ) единожды набѣгоша на монастырь, разграбиша все золото и серебро церковное и всю утварь, и еще же нечестивіи бесурмане, не удоволишася тѣмъ, руцѣ отъ честныхъ мощей святого Діонисія (Господу тако, грѣхъ ради нашихъ, попускающу) отрѣзаша и въ инной странѣ² продадоша; и тако отъ того часа оградою каменною крѣпко оній монастырь оградиша, честніе же мощи угодника Божія принесоша въ островъ Закинеъ, иже и доселѣ прославляется чудеси. Еще пловуще Бѣлимъ моремъ, си есть Архипелагомъ, видѣхомъ иннихъ много острововъ, яко двадесять или вѣщше, недалече единъ отъ другаго отстоящихъ, и на нихъ людій живущихъ, и спросихъ пловцовъ: что суть оніе острови и колико ихъ, и кто ими обладаетъ? Рече же мнѣ единъ старъ и благоразумень пловець, иже обходи вся страни земля и вѣсть всякъ, и глагола ми: яко оніе острови вси потопишася³ въ потоцѣ Ноевомъ отъ великаго колебанія воднаго, еже возмиси всю землю, приносяще отъ одинаго мѣста на другое, и сотвори на горахъ долини и на долинахъ гори, на нихъ же прежде, въ ветхіе времена, идолопоклонники

¹ 21 Іюля было въ Середу. — ² Христіаномъ. Ув. М. Е. — ³ сотворишася. Ув. М. Е.

живяху, таже населшася христіане, иже повсюду, сокрушивше капища идолская, сотвори церкви святія и живутъ доселѣ, Богу ихъ снабдѣвающу, аще и во области Турецкой. Онъ сице баснословяше, азъ же въ сердци смѣяхся и чюдяхся простотѣ его. Вопросихъ же, колико суть острововъ всѣхъ морскихъ, и рече мнѣ, яко всѣхъ безъ числа суть, понеже мнози суть пусты и безлюдни; тихъ же, на нихъ же Греки обитають, христіане православниі, суть много, отъ нихъ же мало число начертавши здѣ, читателевѣ моему, извѣщенія ради, коль много повсюду христіанъ процвѣтаетъ вѣра, предлагаю.

Реестръ острововъ морскихъ.

На нихъ же живутъ христіане подъ властію Турка: Спесія, Идра, Егино, Колури, Зія, Оермія, Серфо, Сифанто, Кумило ¹, Мѣло, Поликандро, Сикино, Сира, Егрипо, Андروتино, Мѣхоно, Аксія, Порось, Антипарисъ, Кассандрія, Скіафо, Скопело, Келидронъ, Скиро, Агѣонъ, Оросъ, Набо ², Мимбо ³, Самофраки, Имбро, Тенедо, Москонѣсъ, Метелинь, Псара, Хіо, Некарія, Само, Патино, Лерь, Калимно, Станкію, Нисиро, Пископи, Каришь, Симо, Родо, Кашероло, Корпато, Касо, Кронію ⁴, Сантурини, Астипала, Аналфи, Критъ, Кипръ. Еще же кромѣ тѣхъ, царствъ всякихъ и градовъ, недалече тамо отстоящихъ, много, яко то: Македонія, Троя, Анатолія, царство Аммарейское, царство Коринфское и прочая инная, еже слышахъ, безъ числа, оставляю, да не явлюся непріятель писателевѣ ⁵ и слыхателевѣ. Возвращаюся паки къ описанію простаго путешествія. И тако ми отъ вишшереченнаго пресловутаго онога града За-

¹ Кимудо. Ув. М. — ² Оасω. М. — ³ Лимно. Ув. М. — ⁴ Крости, Ніо. Ув. М. К. — ⁵ читателеве. Ув. М. К. —

кинфа преплихомъ за осмь днй триста миль къ инному острову невелику, уже Туркомъ обладаемому, на немъ же стоитъ малое мѣстечко, именуемое Миконо. Тамо мы доспѣхомъ въ Четвертокъ, Іюля 28¹, бояхомъ жеся пеперва изійти изъ корабля на землю, да не сотворятъ намъ нѣкую пакость, безсурмане, слышахомъ бо отъ многихъ, яко аще не имать мира зъ Россією, сотворитъ ви неволники; обаче на Господа положивше надежду, идохомъ смѣло, турчинъ же насъ ни о чемъ же вопросы, и благодарихомъ Бога. Замедлѣхомъ же тамо 4 дни, даже до Августа, и сотворихомъ едину службу Божую въ первоначальной церквѣ, и снйдеса народъ слышати и сотвориша намъ милостиню добру (Господи ихъ спаси). Оттуду имѣхомъ намѣреніе пуститися въ святую гору Аѳонскую, но совѣтоваху намъ тамо ити къ граду, именуемому Хіо, на островѣ знаменитомъ стоящому, лучшаго ради совѣта и путешествія, понеже тамо пристанище есть всѣмъ кораблемъ и вскорѣ можемъ обрѣсти оказію, аможе кто хоцетъ; ми же послушахомъ онаго благого совѣта (Богу насъ наставляющу и хранящу отъ всѣхъ нуждъ) и отплихомъ во Вторникъ Августа 3. Приплихомъ же тогожде числа, о третьей годнѣ на ночь, недалече бо отстояше, точію 100 миль, еще же къ тому и вѣтръ бѣше благополучень зѣло, и нощевахомъ тогда внѣ града. Утро же въ Среду, возсіявшу слонцу, Августа 4, усумнѣвахомся исъ корабля ити во градъ, по поплащенія ради турецкихъ гарачевъ, понеже оскудни быхомъ; таже, уповающе на Бога, пойдохомъ смѣло; и абіе вопросы насъ турецкій досмотрщикъ, чрезъ толмача, по греческу, откуда еси и почто прійдохомъ тамо и камо грядемо? Азь же, понеже изучихся мало-

¹ 23 Іюля было въ Середу.

Греческаго языка, даде отвѣтъ, якоже мя Богъ настави, за себе и за старца своего, понеже ѿнь не знаяше никакаго языка, кромѣ Русскаго. Таже онъ бѣсурманъ вопросы патентовъ Россійскихъ, ми же не имѣхомъ, токмо нѣкіе патента Рускіе отъ монастырей и показовахомъ ему оніе, яже видѣхъ, посмотривъ своими очима скверними сѣмо и овамо, даде воспягъ и рече, да идемъ, аможе хоцемъ; ми же благодареніе Богу воздахомъ за Его призрѣніе надъ нами, яко умягчи сердце нечестиваго, иже не токмо отъ насъ не взягъ дани, но ниже жестоко глаголаше. Слышахомъ же воскорѣ отъ людій, яко тамо въ ономъ градѣ стоить Хризанфъ патріарха Іерусалимскій премудрій, иже пришель просити милостины на откупленіе Гроба Христова, и удивихомся зѣло толь великому его смиренію, яко самъ труждается, бивши толь великая персона, и текохомъ вскорѣ къ нему, желающе получитьи благословеніе и весь совѣтъ. Егда же тамо прійдохомъ, узрѣша насъ первіе послушники его и вопросиша, откуда и почто прійдохомъ тамо, отвѣтствовахомъ, яко странніе путници есми отъ царства Россійскаго и желаемъ отъ его святѣйшаго пастира благословеніе получитьи; и абіе тѣжде возвѣстиша ему, и повелѣ призвати насъ въ полати, и прійдохомъ и поклонишеся ему до лица земли, лобизахомъ честную и святую его руку. Таже вопросы насъ, кіймъ языкомъ можемъ лучше разглаголствовати съ нимъ, кромѣ Русскаго, понеже онъ не знаяше, кромѣ же того бистъ премудръ и учень добрѣ во многихъ иннихъ языкахъ, азъ же отвѣтствовахъ, яко Латински могу добрѣ разглаголствовати, понеже учися, и вопрошаше насъ о мнозѣ, гдѣ путешествовахомъ и камо грядемъ и прочая. Таже ми его вопрошахомъ, аще свободно есть ити къ Іерусалиму и колико отсюду требѣ ити, и колико должно

ХРИСАНӨЪ

Патріархъ Святаго града Јерусалима и всея Палестины

1707—1731 г.

выплатити денегъ, аще кто хоцетъ вси Святїи мѣста тамо видѣти, и рече намъ, яко аще бы хотѣль кто и найхуждше обойтися, нужно требѣ есть сто левовъ; ми же рекохомъ поистиннѣ, яко не имами, владыко святїй, ниже третїй части; онъ же рече, яко ниже помишляйте, понеже никакимъ невозможно пройти образомъ безъ денегъ; и тако намъ превратившася мысли, и благодарихомъ Бога, яко даде намъ предосторогу. Хіо есть градъ преславнїй и прекраснїй строенїемъ; сѣдитъ на островѣ, подъ горами великими, надъ водою морскою; веселїй расположенїемъ улицъ и лѣши строенїемъ домовъ, имущїй въ себѣ премного народа богатаго и славнаго; изобилень въ хлѣбъ, вино и различнїя овощи и всякія вещи; имать въ себѣ четвероличныхъ вѣрь людїй: Турковъ, Грековъ, Римлянъ и Жидовъ; первїе Турковъ, понеже вся власть ихъ тамо, христіановъ же за ничтоже вмѣняють; градъ онїй есть тамо всюду пресловутїй, понеже есть пристанище различнымъ кораблемъ, отъ Цариграда недалече отстоять, отъ Аѳонской же гори еще ближае, тамо множество Греческихъ церковь, прекрасныхъ строенїемъ и лѣпотою, суть же и мощей части въ единой церквѣ святїа мученици Матрони, имъ же мы кланяхомся; есть же еще недалече монастырь, яко за шесть милъ отъ града отстоящїй, великїй и богатїй и строенїемъ красень, тамо мы ходихомъ посѣщати и видѣхомъ церковь лѣпотну зѣло, яже вся внутрь иконописана мусїєю, аки злато блестящееся до половини насажденни царскїе врата ¹, свѣщники, маргиритною кожею (си есть перловою матицею) хитростиѣ упещренни и насажденнїе, звоновъ не имѣють Турка ради, внѣ града на морї двѣ стражники каменнїе, въ нихъ же чрезъ всю ночь

¹ иконостаси. Уг. М. Б.

свѣтитя; тамо иноки показоваху намъ зѣло ветхіе, старинніе книги Святыхъ Отець, на паргаменѣ рукописанніе лѣпо, есть же тамо чудотворній образъ Пресвятія Владичици нашей Богородици, зѣло ветхій, его же ради явленія тамо внутрь ¹ созданъ ² коштомъ и стараніемъ еще ктиторомъ Царя Константина Мономаха, року отъ Рожденія Христова 1001; братіи есть за двѣстѣ, якоже слышахомъ; еще внутрь цѣркве видѣхомъ двѣ свѣщи толь превеликіе, яко бервено, древяніе, чудесь ради отъ великороднихъ и богатихъ купцовъ на оферу Богородици сотворенніе, ихъ же никогда не вжпгають; но стоятъ обетшаніе и учерненніе даже доселѣ; игумену, вмѣсто лѣски, данна есть отъ ветхихъ временъ патерица, драгими каменъми унещрена, и мантия съ источники; таможде дадоша намъ, яко страннымъ, хлѣба, маслинь и вина, еже снѣвши во славу Божию и возблагодаривше отидохомъ. Вся намъ тамо годѣ бысть видѣти, точію то неприятно, яко тамо Туркы приходятъ и многія пакости иконамъ маліованнымъ творять въ притворѣ церковномъ, ово очи, ово носъ, ово чело избодаютъ. Тамо мы съ сопутникомъ честнымъ Рувимомъ что сотворимъ? Сотворивше совѣтъ, яко не можемъ пойти къ Іерусалиму, убожества ради нашего, и умислихомъ премѣдлѣвши нѣкій часъ, донелѣже обрѣтемъ корабль, пуститися въ Аѳонскую гору, его честность пребиванія ради ³, азъ же точію поклоненія ради святыхъ мѣсть, и оттуду имѣхомъ возвратитися въ отечество. Обаче не тако, яко человекъ, но яко Богъ хочеть, тако устрояеть добрѣ бо воистинну, аще и въ Латинскомъ нарѣчїи присловіе повѣствуеть: „Homo prouonit et Deus disponit“, си есть: человекъ полагаетъ, Богъ распола-

¹ *ест.* и монастырь. *Ув. М. К.* — ² создася. *Ув. М. К.* — ³ *ест.* во вся дни живота своего. *Ув. М.*

гаеть; зри бо что случися. Уже бо намь обрѣтшимь корабль и имущимь за три дни отъехать, ходихомь къ патріархѣ, должную ему, яко пастыру своему, воздати честь и остатнее поклоненіе, пже даде намь нѣчто милостини отъ денегъ и подарунки Іерусалимскіе отъ Гроба Христова, и взявши благословеніе отъидохомь. И уже устроюющимься на пути и вся готова имущимь, се впале въ печальную болѣзнь сопутникъ мой Рувимъ, Августа 15 въ день неделній, въ праздникъ Успенія Пресвятія Богородици, разболѣжеса тамо дозѣла, яко изійдохомь тамо къ нѣкоей церкви слышати служби Божой и не можаше ити, совратися отъ дѣти и едва пришедъ къ кели, паде на землю, валяшеса п стена, яко два часа, таже облегча мало, болѣзнь же его не какая иная баше, токмо омлѣваніе, млость сердца и тяжестное диханіе въ персехъ, се же и самъ глагола и прочіи людїи, яко се ему сотворися премногого ради хожденія¹, еже въ путешествїи подъятъ, обїиде бо тогда болѣе паче мене, егда бо изїиде отъ Москви, неравности и клеветанія радп враговъ своцхъ, пять лѣтъ путешествуя пребить, посѣщаая Святія Мѣста и пская уединенія житїю своему, пройде всю Русскую, Литовскую, Полскую, Волоскую, Сербскую, Болгарскую землю и всю Италію, бысть въ Варѣ² святителя Христова Николая, въ Неаполѣ, въ Римѣ и всюду тамо пройде, идѣже азъ бихъ; еще къ тому самъ не имѣая друга, и Божїе, мнїю, бити смотрѣніе, яко толь многоязычнїе страни оскуднїе и немилостивїе пройде, многую же претерпѣвъ (якоже рече) нужду, ходя въ зимѣ и въ лѣтѣ, отъ хладнихъ вѣтровъ, отъ дожда и отъ великаго упала солнечнаго, якоже азъ самъ своимъ тѣломъ искусихъ добрѣ. Есть же тамо въ

¹ труда. Ув. М. — ² вст. у мощей. Ув. М.

градѣ Хіо гостинница Греческая ¹ болѣзненнымъ, идѣже отъ коея страни челоуѣка пришедшаго, токмо православноя вѣри и разболѣвшагося, тамо воспріймуютъ, кормятъ же и врачуютъ Христа ради, даже или оздравіеть или умреть, на оной же шпиталь вси складають христіане; взяша же зъ господи, идѣже бихомъ, и отца Рувима моего и мене такожде вкупѣ въ понеделокъ, Августа 16, и пребистъ тамо три дни, въ болѣзни лежа немоществуя, якоже прежде и болѣе, таже въ четвертокъ предъ зачинаніемъ дне воставъ мало съ одра, возбуди же мене, послышавше въ себѣ немощь и провидѣвъ конецъ житія своего, повелѣ ми воскорѣ на исходъ души чести самъ своимъ устнима вручая Господевъ духъ свой, аще и стогнаше немощи ради; егда же азъ скончашъ, абіе испусти духъ свой, препочи о Господѣ лѣта отъ Рождества Христова 1725, Августа 19 ², честно, съ великимъ надгробнымъ пѣніемъ, внутрь подъ слудомъ единія прекраснія церкви, ея же храмъ именуется святаго Виктора. Бысть же на погребеніи его пятнадцатъ священниковъ, идѣже и азъ присутвовахъ, провождая его честной моци къ гробу, плача и ридая, яко снѣ духовній отца своего и яко послушникъ наставника и яко ученикъ учителя, къ тому же, яко путникъ сопутника своего. Оставшіеся мало денегъ по немъ взяпа властелини гостинницы оной и раздѣлиша на поли, половину дадоша за душу его священникомъ своимъ, много и отъ себѣ приложивше, останокъ же мнѣ дадоша, нужди ради подорожной, повелѣша мнѣ пребивати въ оной гостинници, донелѣже обрящу корабль къ Святимъ Горамъ, понеже имѣхъ намѣреніе посѣтити, и повелѣша мене таможде кормити на всякъ день, да не погублю оніе денги

¹ страннопремница. М. — ² ест. начинающуся дню. И погребоша его. Уа. М. Б.

купуючи яству, но да сохранию на путь, обѣщаюся сами обрѣсти и корабль безъ мзды. Азь же тамо пребивахъ, благодаривъ Бога, доволствующися во всемъ, молящи Бога за душу преставлшагося и за благодѣвшихъ и творящихъ мнѣ милостиню. Видѣша же мя Греки великіе купци осиротѣвша и оставшася при малихъ денгахъ, при нихъ же трудно возвратитися воспять, сожалехуся о мнѣ зѣло и обѣщахуся мя выпроводити честно оттуду безъ утраты единой аспри, единъ же отъ купецъ тамошнихъ, именовъ Іоанъ Маврогордатосъ аше и младъ ¹, бояйся и любя Бога, той видѣвъ мя убога и въ ветхихъ ризахъ сущи, не глаголю каковую мнѣ даде одежду, но, словомъ единимъ, одѣя мя отъ главы до ногу одеждою новою, яко ничто же на себѣ прежняго не имѣхъ, кромѣ сандаліи, за что, глаголю, да облечетъ его Богъ въ ризу спасенія ² и всякаго благополучія, да покріетъ въ долготу живота его, нигдѣ бо во всемъ путешествіи моемъ ни случися толь милостиваго челоуѣка, искаша ми корабля къ Святимъ Горамъ, но не обрѣтащеся, понеже уже осѣнь начинашеся и великіе начаша являтися вѣтри, того ради престаяху малими кораблями ихати далеко, боящеся фортуны морской, великіе же тамо купеческіе корабль не ѣздятъ, понеже нѣсть потреби; случися же тамо корабль Французскій, иже пловяше недалече къ единому граду отъ Святыхъ Горь отстоящому, тамо мя укорабли оной вишереченній купецъ съ прочими подобными себѣ страннолюбци купцами, и мзду корабль заплатити дадоша ми; не хотѣ бо мя любве ради Божой взяти, понеже Римлянинъ быше вѣроу. Исполнившимся же уже четырьмя неде-

¹ *ест.* обаче во истинну истинный Израильянинъ, въ немъ же асти нѣсть, челоуѣкъ. М. — ² и одеждою веселія. М.

лямь пребыванія моего въ градѣ Хію; взяхъ свидѣтельствовавшую оттуду грамоту о умершемъ моемъ сопутникѣ, священно-іеромонахѣ Рувимѣ, да мя не требуетъ никто¹ на пути, аще узритъ двоихъ именъ патента. Также ввійдохъ въ корабль и призвавше Бога на помощь отплыхомъ въ четвертокъ по полудны Септеврїя 9. Бысть же намъ плывущимъ градъ Хію опуюю; земля-же великая, именуемая Анатолія, си есть Азія одесную. Анатолія оная, якоже слышашъ, земля прекрасная и плодоносная есть; тамо бо родятся прекрасніе великіе родзинки, фіги баволни премоное множество. Оттуду бо проходитъ въ вся страны земля и въ иніе плоды изобилная. Воста же того дне уже заходящу слонцу буря превеликая, яже едва не преврати корабля, носими бо бѣхомъ полумертви сѣмо и овамо и уже помежду волнами аки помежду горами, многажди чающе бити погруженній корабль, егда бо волна морская разбѣгшеса вознесетъ корабль горѣ верху себе, тогда человекъ мнится бити не по водѣ плаваюцій, но по вѣтру носимій; егда же низпускаетъ паки на низъ зрится, яко уже корабль летитъ въ нѣкую пропасть и уже иматъ тамо или погрузитися, или разбитися, обаче (Богу не попускающу еще человекъ умрѣти) паки чуднымъ его проишленіемъ и силою возвишается горѣ и паки на низъ низпадаетъ, и елико возвишается горѣ или низпадаетъ, низу толико всякъ вопіетъ: уви мнѣ Боже мой, помилуй мя; Греки же Θεος μν, Турки же: алла, алла; Французи же повеже подобній съ Италиани имуть языкъ, рекутъ: о Dio mio; Жыди же паки своимъ нарѣчіемъ. Се же того ради пишу, яко всихъ сихъ вѣрь тамо въ ономъ корабли бяху людіе, и воистинну, еже чтохъ Псалтирь Духомъ Святимъ чрезъ Пророка напи-

¹ Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ продолжается собственноручная рукопись Барскаго.

санная словеса, то уже своимъ очеси видѣхъ: „Нисходящій на море въ кораблехъ и творящій дѣланія въ водахъ многихъ ти видѣша дѣла Господня и чудеса Его въ глубинѣ“. Бистъ же оной вѣтръ великъ даже до полунощи. Таже по малу начать преставати. Заутра же рано, въ пятокъ, Септеврїа 10, тако сотворися тишина велїа, яко ни мало не могохомъ плисти, — тую тишину именують пловци морскїе бонаца; бистъ же оная яко до полудны; таже возвѣя вѣтръ великъ противень, яко не возмогохомъ отнюдъ плисти, аще и множицею сопротивляхомся, и убѣгши съ нуждею въ единъ загонъ острова, идѣже бистъ тишина, вергохомъ котвицу и стояхомъ даже до нощи. Таже яко о второй годинѣ на нощь возвѣявшу вѣтру малу, обаче помощну, пустихомся, призвавши на помощь Бога, и пловохомъ даже до полудни простимъ вѣтромъ; таже возвѣя отъ страны обаче пловохомъ, якоже могохомъ, чрезъ весь день и чрезъ нощь; заутра же въ субботу, Септеврїа 11, начинающуся дню возшумѣ дождь аще и помощень, обаче зѣло шумень и силенъ, къ тому же помрачися свѣтъ облаками и бистъ тма велїа, яко не видѣхомъ, камо плисти, къ тому блистанїя и громи явшася и возлія дождь великъ; вѣтръ же безъ мѣри силенъ, и ношашеся корабль, аможе и не требѣ бистъ, покриваяйся волнами морскими, вѣтрило же едва не раздрашася отъ великаго дменїа вѣтра и едва не преврати корабля, и веѣ биша въ великомъ ужасѣ, просяще Бога, да избавитъ отъ наглїа смерти, и уже чаяхомъ погнбути, обаче Богъ милостивъ милуетъ призывающихъ Его. Вихомъ же въ оному мрадѣ и великой фортунѣ яко часъ. Таже освѣтися мало; вѣтръ таковъ, яковъ неперва, и преста дождевное лїянїе; помалѣ начать преставати вѣтръ и обрѣтохмся недалече одинаго острова завращенны во-

спять и благодарихомъ Бога, яко не принесе корабля на нѣкакій островъ и не разби, бысть бо тма велія и не знаяху корабельника, камо правити корабль. Таже сотворися безмолвіе веліе, яко паки не можаше ни малò плисти корабль и стояхомъ даже до вечера на водѣ округъ обращающеса; заходящу же солнцу возвѣя вѣтръ аще и страненъ обаче помощенъ и пловохомъ онымъ чрезъ всю ночь; завтра же, въ неделю Септеврїа 12, яко о трехъ или четырехъ годинахъ на ночь паки сотворися бонаца, яко не могохомъ плисти и бистъ чрезъ всю ночь. Таже вѣтръ возвѣя отъ страны; въ понедѣлокъ же рано толь бистъ буря велія, якоже и прежде; въ второкъ Септеврїа 14 рано бистъ вѣтръ помощенъ; таже инъ явися противенъ, яко отнюдь не могохомъ плисти, но убѣгше въ единъ загонъ острова (понеже тамо въ странахъ Турецкихъ острововъ много), и вергше котвицу стояхомъ, ожидающе погоди, чрезъ весь день и чрезъ всю ночь. Завтра же въ среду, Септеврїа 15, начинающуся дню и по оной непогодѣ явившуся вѣтрицу малу и извлекохомъ котвицу отъ воды и пустихомся, обаче не имѣхомъ чрезъ весь день благополучія, все бо являшеся вѣтрець или противецъ, или страненъ, или аще и простъ, обаче зѣло малъ, или бонаца, си есть тишина велія, се же, мню, яко грѣховъ ради нашихъ, или паче моихъ, творимое бистъ; къ тому же уже осѣнное надхожда же время, въ оныя же море ярится и волнуется дозѣла и дождеве биваютъ велици яко на семь же пути, дознахомся дважды, индѣ же и свѣзи являхуся. Якоже уже пловущимъ намъ недалече града Солуня, ошуюю намъ бистъ земля великая, именуемая Румелія, яже наченшися тамо отъ берега морскаго разширается далече. Тамо видѣхомъ гори велики по надъ моремъ стоящія и на нихъ свѣзи новоспадшіе,

облаками окруженіе. Тогожде путешествія видѣхъ прекрасныхъ острововъ много, на нихъ же не тако, яко на прежнихъ, не видѣхъ не токмо деревья, но ниже травы, точію единъ камень, но все дерева и лѣски прекрасніе и земля мало камене имущая, но мягка, точію песковатая (надъ землю бо Рускую въ семь свѣтѣ нѣсть лучшей къ благоплодію плодовъ, земь и странъ веселѣйшихъ и краснѣйшихъ нѣсть, земля воистину благословенная, земля млекою и медомъ кипящая). Тогда видѣхъ, недалече мимо ея плывущь, и Богомъ благословенную, Богомъ спасаемую, Богомъ соблюдаемую святую Аетонскую гору; на ея же изображеніе лѣпо воистинну всякому посмотрити, широка бо и кругла вся стоитъ на морѣ на ню же зъ моря смотрящи, зрится яко островъ есть, обаче нѣсть островъ, понеже отъ единія страны прилучена есть брегу земному, къ ней же и моремъ и землею, аще кто хощеть, дойти можетъ, морскія бо жилци кораблями, земніи же ногами или коньми приходятъ на поклоненіе; верха ей зрѣти не могохомъ, понеже до половины въ облацехъ; повѣствуютъ же, яко въ лѣтѣ зрится, но имать снѣзи всегда на верху. Тамо азъ отъ острова Хіо имѣхъ намѣреніе плести, но, размѣшенія ради смерти усопшаго сопутника моего отца Рувима, не возмогохъ обрѣсти кораблеца, того ради, обрѣтій корабль, къ пресловутому граду Солуню плывущій, всѣдохъ и азъ, слышахъ бо, яко отъ града Солуня три дне хожденія сухимъ путемъ къ Святой Горѣ, того ради имѣхъ надежду въ Бозѣ дойти тамо, желаше бо душа моя зѣло поклонитися оному святому мѣсту, прекрасному пноческому жилищу, понеже не могохъ дойти къ Іерусалиму, убожества ради моего. Тогда же плывущи видѣхъ многое множество рыбъ морскихъ великихъ, именуемыхъ делфиновъ, превращаю-

щикъся сѣмо и овамо по предѣ кораблямъ. Пути баше отъ Хіо къ Солуню водою миль 400; еже аще благополученъ вѣтръ, за два дни съ ноцми припливають, ми же (понеже время осѣнное), пловохомъ цѣлую седмицу, въ четвертокъ бо отъ града Хіо отплихомъ, въ четвертокъ же другій Септеврїя 23 приплихомъ къ пресловутому граду Солуню.

Описаніе града Солуня.

О описаніи града Солуня послѣди изъвити потщуся, по возвращеніи отъ Святыхъ Горь, аще Богъ извольт, понеже имамъ намѣреніе возвратитися; къ тому же пребихъ въ Солунѣ точію день и не могохъ ничтоже разсмотрѣти. Пристанище мое тамо бистъ благополучно, понеже обрѣтохъ отъ своея страни знаемыхъ людей, къ тому же и Болгаровъ, и тїи мя угощаху и наставиша въ путь. Отъидохъ отъ града Солуня Септеврїя 26, въ день неделній, пополудни, съ прочими тамо живущими людьми, понеже не можетъ тамо человекъ единъ или два путешествовати, но требѣ великой компанїи, многи бо тамо обрѣтаются разбойники, найпаче отъ Турковъ, которїи не токмо обдирають, но и забивають, яко тамо частѣе слушатея оказїи, азъ же, понеже не возмогохъ премѣнити намѣренїя моего, пойдохъ, надѣющеся на Господа и молящи Его, да сохранитъ мя отъ наглоя смерти. Пришедше же того дне въ вечеръ къ нѣкоей веси, пойдохомъ въ домъ пощевати къ единому человекъу, иже съ нами вкупѣ грядеше; той завтра не восхотѣ ити къ Святимъ Горамъ, но повелѣ намъ ожидать, донелѣже собереть гроздія отъ поля и сотворитъ вино; ми же, аще и не хотѣхомъ, обаче ожидахомъ, трудно бо и страшно бистъ намъ ити въ малой компанїи, къ

тому же не знаякомъ и пути, и пребихомъ тамо три дны, таже разсмотрѣвше ложь его и неправду, оставихомъ и обрѣтше инаго пойдехомъ въ четвертокъ рано, Септеврїя послѣднего числа, Бога хранителя себѣ призываючи. Идохъ же и азъ тотъ день съ ними закупѣ добрѣ; таже заходящу слонцу ослабѣхъ, се же того рады, яко много уже время преиде, егда ходихъ по земли, наченши бо отъ Венеціи дванадесять мѣсяцей все яздохъ по морѣ, того рады заби прежднихъ трудовъ тѣло и разслабися, болѣхъ же дозѣла ногами, яко едва могохъ ити, ибо по толь многомъ похожденїи шествовахъ, скоро сравняющеса въ бѣгу съ муломъ, иже далече скорѣе коня ходитъ; глядяше бо съ нами человекъ зъ муломъ, иже вещи людскїе везяше, съ тѣмъ убо вси неотлучно грядяхомъ, понеже всякъ бояся въ малѣ ити, къ тому же, кромѣ онаго проводника, всѣ чуждостраннїе бяху и не знаяху пути. Видѣвше онимъ мя помалу грядуща, не хотѣша мене ради замедлѣвати, ускоряху въ Святую Гору бити въ субботу, понеже на всяку субботу тамо на базарѣ торгъ биваетъ и всякъ спѣшится что нибудь или продати, или купити, оставиша убо мя того вечера. Азъ же идохъ нѣкїй часъ самъ добрѣ, донелѣже свѣтъ видѣхъ; таже егда приближися темнозрачна нощь, безъ освѣщенїя мѣсяца, погубихъ путь, самъ не вѣдяхъ, камо шествовахъ, хотѣхъ бо обрѣсти весь, мя бити близу, но бистъ далече, якоже послѣди разсмотрѣхъ, и ходихъ помежду лѣсомъ и горами, омацѣя ногама и рукама стезю, яко три или четири часа въ нощь, но не слышахъ гласа ни человекъ, ни песїа, воздыхахъ же къ Богу печалующи, да мя наставитъ на путь добрїй, и ходихъ паки мпожицею возвращающеса и на страну удаляющися, того ради, яко многи пути ми являхуса, вѣдѣхъ бо ихъ отъ бѣлости, яко бѣла тамо земля бяше;

обаче ходящи ничтоже успѣхъ въ благое, но въ болшую прійдохъ скорбь и утрудихся дозѣла, помянухъ же тотъ случай бити мнѣ Божіе наказаніе, грѣховъ ради моихъ множества. И положивше на себѣ знаменіе крестное, вздохнувъ ко Творцу моему, молящи Его, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, и облегохъ, обаче не могохъ спати, помисловъ ради многихъ и страха, слышахъ бо множество по лѣсу бѣгающихъ и віющихъ волковъ, и молихъ Владыку и Творца моего, да не оставитъ мя наглою погибнути смертію. Таже услышавши мало псовъ лающія далече, воставъ отъ каменнаго ложа и сотворши крестное знаменіе на челѣ моемъ и моленіе къ Богу, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, пойдохъ, ищущи пути съ слышаніемъ гласа псовъ, обрѣтше же, Богу мя наставляющу, путь, идохъ чрезъ всю ночь и уже окончевающейся ноши и начинающуся дневи (прійдохъ) къ нѣкому селу и уснувши мало отъ труда, тамо раздраніе на мнѣ сандалія повергохъ и взяхъ на нозѣ новіе, понеже имѣхъ, пойдохъ самъ въ пятокъ Октоврія 1, испросивше людей о показаніе пути, и Господу себѣ поручивши, идохъ же весь день и скоро и добрѣ, безъ блужденія, Богомъ наставляемъ; и уклонившуся солнцу на западь, прійдохъ къ нѣкоей гостинниці, при пути близъ моря стоящей; тамо економъ пнокъ началствуя, пріять мя добрѣ, и пренощевахъ. Оттуду заутра въ субботу, Октоврія 2, пойдохъ предъ восхожденіемъ слонца и шествовахъ яко до полудни добрѣ, таже погубихъ путь и зайдохъ въ дубравы густіе и въ вертепи непроходиміе, плача и сѣтуя и молихъ Господа Бога, да дастъ ми кого отъ чловѣкъ обрѣсти, да быхъ возмогъ воспросити о пути. И тако ми блуждающу на много чась, обрѣтохъ двохъ чловѣковъ, христіанinovъ, ходящихъ съ оружіемъ по пустини, тѣи узрѣвше мя не у еще ми

вопрошающу ихъ о пути, они мя первѣе вопросиша грознымъ гласомъ: откуда есмь и иду камо? Та вся ми добръ отрешу и немного глаголющую съ ними, познахъ бо отъ очесъ чловѣковъ лукавихъ суще, молихъ ихъ, да ми покажутъ путь къ Горѣ Святой, они же требоваху златици отъ мене за показаніе пути, азъ отрехохъ имъ, не токмо златици, но ниже дробнихъ денегъ что либо имамъ, понеже есть чловѣкъ странній, нищъ и убогъ, путешествуя Христа ради о единомъ хлѣбѣ и водѣ, ни денги собирая, но посѣщая Святія Мѣста. Они же не вѣроваху словесемъ моимъ, но требоваху, да что нибудь денегъ мало дамъ имъ; азъ же обѣщахся дати имъ едину пару Турецкую, точію да покажутъ ми первѣе путь. Они же всячески мя понуждаху, да первѣе дамъ обѣщанное. Имѣхъ же азъ особно сокровенну пару едину токмо, и иземше ю отъ мѣста дахъ имъ, они же хотяху болѣе, азъ глаголахъ имъ, яко не имамъ, друзи, болѣе, они же начаху мя трусити и искати повсюду, обаче не обрѣтоша ничтоже въ мене, кромѣ одинаго ножа и мало сухарцовъ, ихъ же носихъ при себѣ, не брахъ бо ничтоже съ собою, но оставихъ вся въ Солунѣ градѣ, слышавъ бо еще прежде о разбойницѣхъ, аще бо имѣхъ нѣчто отъ денегъ, обаче добръ сокрихъ, ихъ же не обрѣтоша, Богу мя сохраняющу; ризи же на мнѣ худы бяху, ихъ же развѣ назъ взяти бы дерзнулъ. Таже воземіавшеса ми и пути не показаша и оставиша мя тамо, отшедше во свояси; азъ же тогда въ велицей печали и радости бывши, въ печали, яко безпутень, въ радости, яко свободень отъ рукъ разбойникъ. Воздхнувъ отъ всего сердца къ Богу, благодарящи Его, яко убѣгохъ бѣдъ храненіемъ сили Его, таже пойдохъ съ висоти горъ на низъ къ мору, хотящи брегомъ дойти, видѣхъ бо издалече Аѳонъ гору, понеже есть зѣло ви-

сока, обаче пути не обрѣтохъ пройти къ ней, шествовахъ же бегомъ морскимъ, идѣже аще мощно бѣше, а идѣже ни, то паки возлазяхъ на гору и паки низъ пуцахся, и тако мнѣ тогда весь день мучащуся и не токмо уже вторіи сандалія, но и одежду пораздиравшу, еще же и рудѣ и нозѣ, помежду древесн-и каменія лазящу, поразившу, и алчну и жаждну дозѣла бившу, благодарихъ Бога моего за вся мнѣ отъ него биваемая. Таже, уже приходящу слонцу на западь, обрѣтохъ единого инока на брезѣ морскомъ сидяща и ловяща удицею рыбы, иже не отъ среди Святія Гори изійде, но живяше на виноградѣхъ, внѣ монастырей. Той привѣстова мя любезнѣ и азъ его. Вопросивше мя, откуда есмь, что и како, и увѣдавши о всей приключившейся на пути нуждѣ моей, любовію и страннолюбіемъ возгорѣся къ мнѣ и взять мя отъ брега морскаго и поведе на гору, идѣже обиташе съ прочими законники, и приведа мя въ келію и повѣда прочимъ законникомъ, кто есмь и вся прилучшася на пути, и вси пріяша мя благодарственно и посадиша мя въкупѣ съ собою на трапезу и учредиша довольно, любящи мя, яко странна. Таможе обрѣтохъ единого челоуѣка отъ своей страни, иже радъ бысть мнѣ зѣло. Тамо препочихъ три дны, понеже мѣсто красное, и церковь святаго Василия лѣпа, и виноградовъ премного, и ясти и пити что обрѣтохъ и людей добрихъ; тамо уже начинается зватися Святая Гора Аѳонская, понеже тамо верху гори есть поставленній крестъ, да разумѣется граница начинающаяся входа Горы Аѳонскія, уже бо оттуду и монастыри недалече отстоять. Сотворши убо азъ тамо доброе тамо препочиваніе чрезь три дни утружденнымъ и болѣзненнымъ ногамъ моимъ, умселихъ и общахся предъ Господемъ вся тамо святія монастыри обрѣтающіяся посѣтити. Суть же тамо всѣхъ монастырей,

якоже прежде слышахъ, послѣди же самъ видѣхъ, 20, кромѣ скитовъ, ихъ же суть множество.

Краткое описаніе горы Аѳтонскія.

Гора Аѳтонская есть великая и висока, велику пустыню и непроходимые вертепы въ себѣ имущая; есть же продолженна, и монастыри не на верху, но низу по-над-моремъ стоятъ, десять отъ страни восточнїя, и другїя десять отъ западнїя. Она-гора отъ моря зрится бѣти аки островъ, понеже узокъ имать приходъ отъ земля, и едва не окрестъ обходить море. Отъ страни морской ея есть глава и чело, понеже наивисочайшая тамо верху ивнихъ горъ. Гора стоитъ всегда темными покривается облаки, именуемая гречески (Αθως) еже именуютъ славяне *Аѳонъ*, сїце проименованная, якоже слышахъ до-стовѣрнѣ, отъ единого идола, тамо иногда стоящаго на версѣ, емуже имя баше *Аѳосъ* и емуже еще въ ветхїе времена поклоняхуся Еллины. Тамо егда населишася иноки, опровергоша его въ море, и на мѣстѣ ономъ создаша храмъ Преображенїя Господня приличнѣ на горѣ *Фаворстѣ* показавшаго славу свою, иже и доселѣ стоитъ, обаче тамо никто не живетъ хладовъ ради превеликихъ и непостоянныхъ стихїй, но точїю единоши въ годъ, мѣсяця Августа, въ праздникъ Преображенїя Господня восходятъ тамо иноцы и сотворяють святую литургїю и абїе скоро восходятъ низу, да не како поразятся вѣтромъ хладнымъ и воздухомъ чуждымъ. Понеже тамо страна есть тепла, и повсюду низу горы, во монастырехъ, найпаче въ время лѣтное, горячесть превелкая, точїю тамо горѣ *Аѳона* иная стихїя. Отъ того древняго идола *Аѳона* наречеса и гора *Аѳонская*. И тако мнѣ умислившу. всѣ тамо святїи посѣтити

монастыри, начахъ ходити чинно первѣе по странѣ восточной.

Описаніе монастыремъ,

отъ страны восточной стоящихъ, кромѣ сего, иже стоятъ на западной.

Вшедшу уже мнѣ внутрь саміясвятія горы Аѳонскія, прійдохъ къ первому монастыру Болгарскому, Октовріа 5 числа.

1 Монастырь Изографъ именуется.

Иже стоитъ далече отъ моря, между горами и пустынею, на мѣстѣ високомъ и красномъ лѣпо устроенный. Тамо азъ пришедши, видѣхъ врата и предвратіе честно созданіе и иконами Святыхъ списаніе, и не зная чина и обикновенія Святогорскаго, коснухъся внѣйти въ врата, но абіе воспяти мя единъ отъ иноковъ, иже бысть вратарь. Той, видѣвъ мя по иночески одѣянна, разумѣвъ быти инока Святогорска, — азъ же не въ инока облекохся, но въ подобіе и въ сѣнь его, ибо не иннокъ правиломъ и житіемъ, но точію черноризецъ сотворихся не чуждима, но своимъ руками самъ себѣ черніа наложивъ ризы, се же сотворихъ еще въ панствѣ Венецкомъ, на островѣ морскомъ, зовомомъ Кефалонѣя (о ней же прежде рѣхъ), по совѣту многихъ тамошнихъ иноковъ и священниковъ и нѣкихъ благоразумныхъ людей, и по изволенію преставшагося спутника моего іеромонаха Рувима того ради, да не разлученъ буду спутшествующимъ, и да лучшее и свободнѣйшее имамъ путешествіе найпаче въ странахъ Турецкихъ. Аще бо и прежде черніе нопахъ ризи, путешествуя къ Риму и возвращаяся даже до Венеціи, обаче по чину целгримовъ Римскихъ, иже сяде одѣваются: черна риза опоясанна, круцификсъ или крестъ повешеннй на персехъ.

жезлъ въ рукахъ великій, яко едва мощно носити, плащъ краткій верху плечей, тиквица при поясѣ водоношенія дѣля, капелюшъ на главѣ, вся одежда черна, кромѣ же того еще и торбица, и та черна, въ ней же потребная носить. Аще же азъ вся та еще въ Венеціи оставихъ, егда случихся съ инокомъ, точію единъ капелюшъ ношахъ на главѣ моей, обаче мнози отъ Грековъ познаваху бити пелгрима Римска и усумнѣвахуся ми, дабимъ ихъ добрѣ содержаль вѣру, аще мя слишаху поюща и чтуща въ служеніи литургій съ инокомъ моимъ, обаче не вѣроваху, мняще мя въ путешествіи изучитися, и того ради малу милостину являху; Греки бо зѣло ненавидятъ Рима и послушающихъ его; ненавидяху же мя частѣ отъ капелюша, найпаче же отъ язика Римскаго, понеже еще тогда незнаяхъ Гречески, точію разглаголювахъ или Римски, си есть Італьянскимъ, или Латинскимъ нарѣчіемъ, ибо Римляне, Італьяне или Венеціяне себѣ подобнимъ разглаголюютьъ языкомъ, мало въ чемъ разнящеся. Тогда азъ ничтоже болѣе премѣнихъ, точію капелюшъ на подкапокъ, клобука же не носихъ, понеже тамо таково обичай всѣхъ иноковъ. Тамъ же въ первомъ монастырѣ покушающася ити въ врата, стражъ вратный, разумѣвъ бити инока, и рече: отъ коего ти еси монастыря, яко не знаешъ чина иноческаго? Азъ же отрекохъ: прости ми, отче святій, странень есмь и не вѣдахъ твоего обихновенія. Повелѣ же мнѣ пождати внѣ монастыря, самъ поиде возвѣсти игумену, кто есмь и откуда. И по благословенію его повелѣ ми внйти, и рече ми, яко сей есть чинъ и обичай въ всѣхъ монастырехъ Святыхъ Горъ, да якоже видишь въ первомъ, тако и въ послѣднемъ. Похваляю же азъ сіе, яко безъ позволенія игумена, никтоже входить внутрь монастыря. Тамъ вшедшу, поидохъ первѣе въ святую церковь, и воздахъ должное по-

клоненіе честнымъ иконамъ. Таже изшедши изъ церкви, видѣхъ игумена и братію, отъ ихъ же кійждо свое творяше послушаніе, и сотворихъ метаніе. Повелѣ же мя игумень звати въ трапезу, и представиша трапезу, съчевицу варену, сирѣ, хлѣбъ, и мѣру вина, и ядохъ и наситихся, и благодарихъ Бога. Замедлѣхъ тамо два дни, и разсмотрѣхъ лѣпоту монастыря и чинъ церковній. Востаютъ на утреню въ полунощи, отправляютъ по волѣ съ чтеніями по первой каѳизмѣ и по шестой пѣснѣ канона. Канонъ поютъ, а не чтутъ, якоже въ насъ, Псалтирь чтутъ на странѣ, а не посредѣ церкви. Егда начнетъ чести Ексапсалми, згапають свѣщи и паки, кончащимся, засвѣщаютъ на „Богъ Господь“. Полунощницу, девятой часъ и павечерню чтутъ въ притворѣ, прочая же вся внутрь церкви. Литургія не на всякъ день бываетъ, токмо часи. По утрени расходятся по келіямъ на правило. Наченшуся дню, исходятъ всякъ на повелѣнное себѣ послушаніе. Предъ полуднемъ чтутъ часи. По окончаніи часовъ заразъ входятъ изъ церкви въ трапезу. На трапезѣ чтенія не чтутъ по вся дни, кромѣ неделѣ и праздника, понеже вичитують на утрени. По трапезѣ расходятся на послушаніе, — паки снисходятся на вечерню. По вечернѣ идутъ въ трапезу, кто хоцетъ, понеже не вси два рази ядятъ. По трапезѣ въ церковь на павечерницу. По павечерници кійждо въ свою келію, да что хоцетъ творить. Въ трапезѣ рано точію дается едино вареніе, въ вечеръ же суходеніе; вино поставляется въ неделю, въ второкъ, четвертокъ и субботу. Въ прочія же дни вода.

Лѣпота монастыря того есть такова: стоитъ между горами въ великой пустини, при водѣ здоровой, расположеній на четири углы, въ немъ же чинно и лѣпо келіи устроеніе, одни на другихъ даже до тріехъ степеней

високо стояціе. Всякъ единъ особно свою имать келію. Церковь началная посредѣ монастыря отъ камене лѣпо устроена. Глави покровенни имать цѣвнію. Внутрь же вся иконописанна притчами евангелскими и иконами Святыхъ, лампадами, свѣщами и панъкадилами лѣпо устроена. Низу дсками великими мраморными усланна. Суть тамо двѣ икони святаго Георгія: одна по мору дойде, вторая изобразися на платнѣ еще прежде строенія церкви. Той образъ зовется Изографъ, си есть, самописецъ,—отъ того и монастырь, созданный въ имя его, речется Изографъ. Кромѣ же тоя началнія церкви и инія малія помежду келіями имать лѣпо строеніе и иконописанніе, и трапезу такожде имать лѣпу, внутрь исписанну иконами святыхъ. Внѣ церкви особнѣ имать каплицу, создану отъ камене, и чаша посредѣ велика, отъ мрамора изсѣченна, водосвятія рады. (Стоятъ же сей монастырь на западной странѣ горы, и въ немъ обитають Болгары) ¹, а не (Греки) и Болгарское творять пѣніе же и чтеніе. Тамо азъ пребихъ два дны и пойдохъ къ монастыру иному. Той наречеса Изографъ, отъ икони святаго Георгія, яко самъ тамо изобразися.

Монастырь вторій, Хиландарь зовомій.

Между горами низу, недалече отъ моря, яко полчаса отстоящій пмущій въ себѣ иноковъ Сербскаго языка. Той зѣло множае строеніемъ и лѣпотою превосходитъ перваго, найпаче преизбранной ради своей церкви. Тамо бо похваляхъ, здѣ же чуждуся. Тая обитель именуется царствующая или Лавра Сербская, понеже царей Сербскихъ строеніе есть. Аще же монастырь и низу стоить

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

обаче церковь на високомъ фундаментѣ, въ нюже степенми входити требѣ. Внутрь имать четири столпи мраморніе великіе, и въ папертѣхъ двоухъ по два, вся же иконописанна лѣпо дѣломъ царскимъ отъ главы даже до подножія. Подножіе все насажденно мрамори различными, искуснымъ художествомъ, лѣпіе пестроты показующее; чистое же, яко зеркало, яко съ жалѣніемъ и хожденіе по немъ. Свѣщами и кандилами далече краснѣйше устроено тамо, нежели въ первомъ монастырѣ. Келіи и тамо строенія одинаковаго, токмо расположенія далече болшаго. Церковь главъ много имать, и покровъ ея весь уже не отъ цѣни, но отъ нѣкоей руды, иже имать половину сребра, сотворенній отъ нѣкоего пребогата ктитора, иже имѣяше во области своей таковое мѣсто, отъ негоже ископоваше ону руду. Той взятъ цѣновій покровъ, иже прежде бяше, и сотвори оній многоцѣнній или безцѣнній. Отъ перваго же содѣлаша сосуди, потребніе въ монастырѣ, иже и доселѣ и обрѣтаются всѣ сосуди цѣновіе, маліе и великіе. Трапезу имать такожде прекрасну и велику, внутрь всю иконописанну лѣпими притчами и гисторіями, и отвѣ такожде. Имать же всѣ столи отъ мрамора бѣла и чиста сѣченіе, еще отъ ветхихъ временъ, коштомъ царей Сербскихъ. Весь монастырѣ висланъ каменемъ гладцѣ, воду имать текущую отъ горъ. Словомъ рещи,—вся лѣпа, вся во всемъ красна обитель; но точію, Божіимъ поущеніемъ, Богъ вѣсть откуда, издалече въ горахъ, между лѣсомъ, разжеся огнь, и несень силно шумнымъ вѣтромъ и испали многое мѣсто тамо лѣсовное, таже прійде и къ монастыру и сожже егѣ до половины, кромѣ церкви. Того ради и братіи мало остася, яко разбѣгошася въ время падежа онаго; обаче, красоты ради его, паки начаху снисходитися. Имать части мо-

шей много, и кровь Христа Спасителя, якоже азъ самъ чтохъ напечатаное въ книзѣ Московской. Имаѣтъ же много иконъ чудотворныхъ Пресвятія Богородици, Трое-ручици образъ, иже имаѣтъ три руки изображеннихъ. Бистъ бо отъ иконописца съ двѣма написанна, послѣди же и третья явися. Тамо азъ пребихъ день единъ и ночь, и видѣхъ чинъ единъ тако въ церквѣ и въ трапезѣ, якоже и въ Болгарскомъ монастырѣ. Тамо пребывши день и ночь, и видѣвши и слышавши многая, пойдохъ далѣй по ряду къ монастырю иному.

Монастырь третій, Сименъ именуется,

якби межи горъ, якоже слишахъ истолкованіе отъ инока, понеже отъ всѣхъ странъ горы, онъ же въ единомъ долѣ равномъ стоитъ, на самомъ брезѣ морскомъ, егоже огради, и вратъ въ время вѣтра касается волна морская. Лѣпъ строеніемъ церкви и келій, токмо малъ и убогъ; обаче ничтоже отъ нихъ требуетъ, но доволенъ въ всемъ къ препитанію и управленію своему, и трапеза такожде лѣпа, иконописанна вся внутрѣ. Столи же имаѣтъ деревяніе; иноковъ имаѣтъ мало, по силѣ своей. Сѣдятъ при водѣ здоровой и сладкой, текущей отъ горъ; питаются отъ моря, много ловящи животна, имаѣтъ бо своя корабля и мрежа. Тамо азъ пришедши, идохъ первѣе въ церковь, ей же храмъ Вознесеніе Христова, и, сотворши свое путническое поклоненіе иконамъ святымъ званъ бихъ абіе въ трапезу, понеже время прійде; и пойдохъ, и снѣдохъ въ славу Божию, и наситихся. Тамо обитають икони Греческіе, и чтуть своимъ нарѣчіемъ; чинъ же одинаковій, якоже и въ прочихъ. Оттуду пойдохъ къ монастырю иному.

Монастирь четвертій, Ватопеть именуемій, первіи ветхостию строенія.

Болшій отъ всѣхъ первыхъ расположеніемъ, и красенъ строеніемъ. Церковъ началную иматъ велику и лѣпу, главы покровенны цѣнію суть, внутрь же вся иконописанна иконами Святыхъ и исторіями, отъчасти же и мусією ушпренна, древнимъ дѣломъ, обаче искуснимъ. Храмъ Благовѣщенія есть. Подножіе ея все мраморомъ различнымъ усланое, кандилами же и свѣщниками лѣпо устроена. Чудесами прославляется многими, отъ ихъ же zde три токмо полагаю началнѣйшихъ иконъ чудотворныхъ Пресвятія Богородица. Первая чудотворная икона Пресвятія Богородицы стоитъ внутрь великія церкви на горнемъ сѣдалищи, зѣло ветха, но вся златомъ покровенна, кромѣ лицъ Ея и Христа Младенца, Егоже держитъ на рукахъ Своихъ, иже черни и поразѣдахуся ветхости ради своей. Отъ той иконы сотворися чудо таковое. Нашедшимъ тамо давнихъ временъ нѣкіимъ разбойникомъ, и хотяци раззорити и разграбити оную обитель, и разбѣгшимъ же инокомъ, кій камо можаше сокрытися, единъ отъ нихъ, памятуя и сожалѣваяся о иконѣ, да не како поругаются нечестивіи разбойницы, и текши воскорѣ внутрь олтаря церковна, похитивъ оную святую икону и свѣщу предъ ею велику горящую, и единъ крестъ древяній, впусти та вся въ кладязь, иже отъ давнихъ временъ бистъ тамо сотворенній внутрь церкви, предъ престоломъ, не почерпанія рады и питія, но освященія ради воды на новъ мѣсяць, якоже и нынѣ есть тамо обичай,—въ всѣхъ бо монастирахъ суть святилищи, особно, внѣ церкви, отъ камене лѣпо строенніе. И егда разбѣгошася старцы, страха ради онихъ разбой-

никовъ, и пребиваху въ нихъ странахъ. Таже, по многихъ временехъ, паки помалу начаху собиратися, и та бисть по откровенію Божію съ тоеюжде свѣщю горящюю, ни мало незгорѣвшюю, Богу тако чудодѣйствующу въ иконехъ святыхъ, и прославиша вси иноцы Бога и Его Матерь, и доселѣ прославляютъ. Вторая икона испи-санна въ притворѣ, на каменной стѣнѣ церковной, о ней же сотворися таковое чудо. Единъ тамо отъ діаконъвъ младъ помѣташе церковь, и егда утрудися, поиде къ трапезному, моляци его, да дасть ему чашу испити вина. Трапезный, или не имѣяше времени, или иной ради коей вины, отрече. Оный разгнѣвася и поиде въ притворъ (мню, діаволомъ подстрекаемъ) и ставши предъ онимъ образомъ рече: азъ тебѣ служу всегда, очищаючи и омѣтаючи тебе всегда, ти же ми не даши единой чаши вина,—и, похитивъ ножъ, удари въ лице, и абіе изійде токъ крове бистрь и воскочи въ очеса онаго діакона, и ослѣпи его; и нападе страхъ нанъ великій, и паде полу-мерть на землю, и воскрича гласомъ великимъ отъ болѣзни. И стекошася иноцы, и видѣвши таковое чудо, прославиша Божію Родителницу, въ иконѣ чудодѣй-ствующую. Тойжде діаконъ до смерти жпвота своего, день и ночь приходящи предъ оную икону, плакашеся и ридаше, кающіся и просящи Владичицу, да отпуститъ ему согрѣшеніе. И близъ смерти, бисть ему гласъ: отпу-щаюттися грѣси, токмо рука твоя, коснувшаяся сотво-рити сие, буди проклята. И егда оный діаконъ по смерти погребеся, тѣло согны, рука же по локоть и доселѣ не согнила, суха и черна пребываетъ, къ тому же и смер-дить, юже иноцы заключенну при образѣ держать, въ незабвенную память онаго чудесе. На образѣ же и нынѣ рана съ кровію есть, юже азъ видѣхъ самъ, и ло-бизахъ грѣшными моиими устами. Третья икона Пресвя-

тія Богородици такожде на мурѣ написанна въ оной церквѣ подначальной. Тая возгласи по имени игумена, и премѣнися въ изображеніи своемъ: взять бо Младенца Христа (Егоже держаше) за руку, и приложи къ устамъ своимъ, и доселѣ тамо стоитъ, чудесми и величанми усть чуждихъ прославляема. Тако и трапеза зѣло красна, внутри вся иконописанна; столы же отъ мрамора бѣла, гладцѣ и лѣпотнѣ тесанніе. Тамо вода здрава, къ тому же изобилна. Имать своя корабля и мрежа и млинъ, отъ потока горна мелющій. Тамо пребихъ день и ноцъ. Оттуду пойдохъ по ряду, чрезъ горы, лѣсъ и долины, къ монастыру иному.

Монастирь пятій, Пандократоръ,

си есть Вседержитель, рекомій сиче отъ храма Преображенія Господня. Той монастырь, аще и не тако великъ есть строеніемъ, якоже прочіи, но и не малъ, обаче лѣпотенъ строеніемъ, якоже и иніи. Стоитъ прекрасно надъ самимъ моремъ, на единомъ обширномъ холмѣ каменномъ, или, простѣ рекши, на скалѣ, въ нюже море біеть сильно въ время вѣтра, обаче монастыра не вредитъ ничтоже. Имать церковь прекрасну, покровенну цѣбно, посланну мраморемъ различнымъ, внутри иконописанну, трапезу же убогу и пристарѣлу, очернену, съ столы деревяними. Имать своя корабля и мрежа и страннопріемницу красну и воду здраву, текущую отъ горъ. Чудеснаго тамо не видѣхъ ничтоже. Оттуду по прещеваніи пойдохъ паки горамъ и пустиною къ монастыру иному.

Монастирь шестій, Ставроницита проименованный,

стоитъ на такомъ же мѣстѣ, яко и пятій (Пандократора), си есть, низко подъ горами надъ самимъ моремъ, на единомъ каменномъ холмѣ устроенній. Подобитъ въ строеніи прочіимъ, токмо малѣйшій отъ всѣхъ прежде нихъ, и церковь такожде малу иматъ, обаче строеніемъ и лѣптою красну. Трапезу иматъ убогу и малу съ столи деревяними. Иматъ воду здраву, текущую. Монастирець оній тако отъвнѣ, яко и отъвнугрь есть красенъ, токмо убогъ, и братіи мало, обаче иматъ вся доволна къ кормленію. Откуда наречеса Ставроницита? Имя сіе есть сложено отъ двохъ словесъ: отъ одинаго *ставро* и втораго *Никита*. Ставрось есть слово Греческое, Русски толкуется крестъ; Никита же имя бистъ единому пустинножителю, иже тамо прежде даже монастырь не бистъ, жителствоваше и дѣлаше крести. Того ради отъ дѣланія крестовъ проименованъ бистъ оній пустинникъ Ставроницита, си есть Крестоницита. Тамо, на мѣстѣ ономъ, егда и монастырь создася, сиче наречеса. Монастирець оній уже вторицею воздвигнуса по раззореніи своемъ огненномъ. Храмъ тамо первѣе бистъ Святаго Іоанна Предитечи, нынѣ же Святителя Христова Николая. Чесо ради? По заустѣннїи онаго монастыра (якоже слышахъ), пришедшимъ уже лѣтомъ многіимъ, единъ изъ патріархъ Цариградскій приплы въ Святую Гору, посѣщенія ради, и егда прїйде на оное мѣсто, на немъ же точію едина висока вежа стояше, та невреденна огнемъ, — возлюбися оному патріарсѣ мѣсто то, ловленія ради рыбъ, и повелѣ вергти тамо мрежу. Сотворшии убо повелѣнное, извлекоша рыбъ множество и икону невелику, яко на лакоть, на дсцѣ деревяной изображенну. Бистъ же образъ Святителя

Христова Николая, его же лице покровенно бистъ маргаритною кожею, си есть, простѣ рекши, перловою матицею, въ ней же они родятся. Се же сотворися сице Промыслѣмъ Божиимъ, да невредимо будетъ лице святія иконы. Видѣвъ же ю патріархъ сице покровенну морскою чашею, повелѣ отодрати силою, понеже держашеся крѣпко, акиби пригвожденна, и егда отверзоша, видѣша лице святія иконы лѣпо изображенно, и язву аки съ кровію, червленну имущее, нѣкимъ орудіемъ желѣзнымъ разсѣченну. Узрѣвъ же патріархъ и вси съ нимъ присутствующіи таковое чудо, прославиша всемогущаго Бога и дивнаго въ святыхъ Чудотворца *Николая*. И рече патріархъ, яко Божіе се изволеніе, еже сотворитися монастыру на мѣстѣ семъ въ имя Святителя Христова Николая. И созда монастырь оній, аще и малъ, обаче лѣпъ; чудотворную же оную икону, покривши златомъ и драгими камєньми, поставиша одесную въ церквѣ, пже и доселѣ стоитъ чудесами прославляема. На маргаритной же оной чаши, яже бяше верху лица иконы, изобразиша искуснимъ ритимъ художествомъ панагію, съ нею же (якоже есть обычай) пноцы по трапезѣ творять трисвятѣе даже и доселѣ, незабвеннаго ради чудесе, яже вся та видѣхъ и лобизахъ азъ грѣшній. Се чудесно воистину, яко язва оная, яже на иконѣ, червленна съ кровію, акиби въ живомъ тѣлѣ, къ тому и благоухаетъ. Образъ оній ветхій зѣло, повѣтствуютъ, понеже уразумѣся отъ числа иконописцева, въ кое время содѣла его. О язвѣ же, откуда взяся сице глаголютъ: яко въ время иконоборства, егда многи восташа еретици, иже не хотяху поклонятися иконамъ святымъ, въ той часъ единъ отъ еретиковъ, ругающися, удари нѣкимъ орудіемъ желѣзнымъ и верже въ море. Се же мнѣ быти творимое въ Цариградѣ, понеже тамо наиболее биваше

ереси; обаче Божиими судьбами какову преїде глубину и широту морскую, и обрѣтесе въ Святой Горѣ, яже отъ Цариграда отстоитъ пятію сотъ миль. Но да вѣси, читателю тѣпаливій, каковаго неоцѣненнаго дѣла есть оная икона: не бо писана цвѣтами и колорами, якоже нинѣ творять иконописци, но вся драгими и дробными каменцами искусно истканна и насажденна, меншими пшеничнаго зерна, спце гладко и лѣпо, яко, не при-смотримъшися, нѣсть мощно познати, писана ли или ни. О премудрости и тѣпанія древнихъ иконописцевъ! ихъ же нѣсть мощно обрѣсти въ нинѣшніе времена. Сего ради монастырецъ оній, аще есть и малъ строеніемъ и славою и богатствомъ убогъ, обаче повѣстію своею и оною чудотворною иконою есть великъ. Тамо азъ пребыхъ день единъ и ноцъ и оттуду поїдохъ въ висоту гори къ монастыру иному.

Монастирь седмый Котлумушь.

Оный монастырь есть красенъ отвнѣ и отвнутрь, стоитъ близу базара яко за польпоприща, отъ моря далече и високо, яко въ польгори, имать церковъ лѣпу и пространну, внутрь всю иконописанну, съ подножіемъ мраморнимъ, пестротами устроеннимъ. Глави ея покровенни цѣнію. Трапезу имать високо стоящую между келіями, внутрь всю иконописанну, въ ней же столпъ началнѣйшіе мраморніе, послѣдніе же деревяніе, обаче чинно устроенніе. Монастирь оній нѣсть спце славенъ и богатъ, якоже прочіи началнѣйшіи, обаче иноковъ имать многа и вся на потребу доволна. Сѣдитъ при водѣ здравой, между лѣсомъ великимъ, каштановое древо имушмъ. Тамо азъ замедлѣхъ день и ноцъ, и поїдохъ паки низу гори ко монастыру иному.

Монастирь осмый Іверъ.

Онй монастырь сице назвася отъ ктиторей и создателей своихъ, иже бяху отъ земли Іверскія; красенъ же строснѣемъ и богатъ. Сѣдитъ близъ моря, на брезѣ, между високими горами; имать церковь прекрасную, отъ камене созданную, покровенну цѣнію, внутрь же иконописанну честно иконами святыхъ, отъ притчей евангелскихъ, поликандилами, иконостасемъ и лампадами устроена лѣпо. Подножіе ея отъ мраморей различныхъ цвѣтно и красно усланное, имать же въ единомъ церковномъ углѣ часовникъ, лѣпо содѣланній, съ четверогласными квадранси, доброгласенъ и сладко слышательнъ всѣмъ. Монастирь оній нѣсть зѣло високъ, токмо обширенъ. Имають же трапезу и прекрасну и пространну, внутрь всю иконописанну честно, столи же всѣ отъ камене мраморнаго, искусно и гладко тесанніе, имать. Есть же тамо и чудотворная икона Пресвятія Богородици, отъ Никеи въ время иконоборства приплывшая, ей же возлюбися мѣсто при вратехъ монастырскихъ. Не хотяше бо въ великой церкви стояти, многажды исходяще оттуду. Таже единою и гласъ бистъ отъ нея сицевъ: „что мя стужаете? не прійдохъ, да мя стрежете, но да стрегу вы“. Отъ того часа иноцы не преносиша оттуду, но создаша при вратехъ церковку малу въ имя Ей, и нарекоша имя иконѣ той нарѣчѣемъ своимъ Греческимъ: Портаятиса (еже есть) вратарница, понеже при вратехъ себѣ возлюби мѣсто. Есть же еще тамо вторій образъ Господа нашего Іисуса Христа. такожде чудотворній, его же глаголють истинную мѣру и изображеніе быти, якоже въ мирѣ баше. Тамо азъ пребывахъ день единъ и ношей двѣ, и пойдохъ оттуду чрезъ великіе гори и долини къ монастыру иному.

Монастирь девятій Филосей.

Монастирь оній стоить далече отъ моря, на високомъ мѣстѣ, яко въ польгоры, на мѣстѣ прекрасномъ и равномъ, подъ горами высокими; расположенія подобнаго съ прочіими, токмо меншаго. Високости мѣрной, понеже до тріехъ степеней кели, едини верху другихъ устроеніе. Церковь имать простаго строенія отъ камене проста, отъ мрамора ничтоже тамо, и иконописанна непскусно. Покровъ ея каменній, а не якоже въ прочіихъ цѣновій. Монастирь оній есть убогъ, и иноковъ имать мало, обаче питается доволно, понеже сѣдитъ на равной и мягкой земли, при водѣ же зѣло здравой и изобилной, непрестанно потокомъ великимъ, аки рѣчица, текущей; на ней поставленную имуть мелницу, отъ нея же приобрътають ничто користи; прочее же отъ оградини питаются. Тамо пришедши азъ въ субботу въ вечерь, и токмо пренощевахъ. Заутра же въ неделю пойдохъ рано къ монастиру иному на службу Божию, понеже бистъ недалече.

Монастирь десятый, Каракаль.

Той стоить еще подъ вишшими горами, близъ *Авона*, недалече отъ моря, яко за поприще едино; аще и малъ, обаче лѣпогень строеніемъ тако отвнѣ, яко отвнутрь; и церковь имать такожде малу, токмо красну и расположеніемъ, и зданіемъ, и иконописаніемъ, кандилами же и свѣщами честно устроенну. Главн ея цѣнію покровенни, и подножіе мраморное гладкое, съ пестротами. Монастирь оній долготою и широтою малъ, висотою же мѣренъ. Иноковъ имать мало, обаче въ всякой потребѣ ненужденъ, имать бо своя корабли и мрежа и прочая при-

битки, ими же питається. Оттуду тогожде дне, по трапезѣ, пойдохъ на ночь къ монастыру иному. Се же того ради незамедлѣвахъ нпгдѣ, скорѣйшаго ради обхожденія всѣхъ монастырей, понеже не во время прійдохъ въ Святую Гору, уже бившу тогда мѣсяцю Октоврію. Бистъ же тогда осень и бояхся, да некако ускорить зима и не укончу посѣщенія всѣхъ монастырей. Зима тамо такожде велика есть, найпаче ядовитіе вѣтри отъ верху *Аѳона* псходять, и невозможно путешествовати болзни ради поврежденія.

Монастирь одинадесятый Лавра.

Монастирь той стоитъ въ самомъ концѣ гори Святой, подъ самимъ онымъ превисокимъ Аѳономъ (о немъ же прежде рекохъ), на равномъ и прекрасномъ мѣстѣ, уединень далече отъ всѣхъ монастырей, отъ берега висока, яко за поприще едино. Расположеніемъ и строеніемъ и величествомъ похвали достоинъ тако внутрь, яко и внѣ. Тамо посредѣ монастыра суть двѣ церкви великіе, съ главами, покровенными цѣнію, и съ подьножіемъ мраморнымъ цвѣторазличнымъ, съ иконописаніемъ же лѣпотнымъ, и устроеніемъ кандилнымъ, и всякою лѣпотою удовлетворенны. Трапеза такоже и велика и красна зѣло, въ ней же столи отъ мрамора бѣла, гладкимъ и искуснымъ художествомъ изсѣченніе. Сѣдитъ при водѣ здравой, текущей изобилно отъ спуда Аѳона. Имать братій зѣло много, множае паче всѣхъ монастырей. Есть бо монастырь оній славою и честію, и богатствомъ и первенствомъ вся превосходящій, и акиби главою есть въ Горѣ Святой, понеже никаковой соборъ, ни судъ, ни что либо ино безъ его повелѣнія биваетъ. Обитель она много содержитъ мѣста. Ни въ чемъ есть

оскудна, но въ всемъ пзобилна, тако въ пїнязехъ, яко и въ прочїихъ прибиткахъ. Оттуду пойдохъ округь онаго Аэона, порядку, уже завращающися на страну западную Гори Святой. Идохъ же три дни зѣло нужднымъ, жестокимъ и прискорбнымъ, отчасти же и ужаснымъ путемъ, по сухомъ и остромъ камени, помежду не проходими вертепами и не обрѣтохъ ни одинаго монастыра, токмо все пустинножителѣ, скитающися въ горахъ и вертепахъ, инни же въ пещерахъ. Аще же и при всякомъ монастырѣ суть много скитовъ, обаче нѣ суть иноки толь жестокаго житія, якоже тамо суть двѣ мѣста, на нихъ же обитають оніе уединенніе пустинницѣ. 1) мѣсто именуется Капсокави; оное мѣсто есть сухо и голо, и знойно въ лѣтѣ дозѣла. Тамо иноцы особнѣ единъ отъ другаго живутъ, и всякъ въ своей келїи имуть церковцу малу моленія ради особнѣе, едину велику общую, въ ней же вси сошедшеся, въ неделю и праздники, творять бденіе. Тамо ничтоже имуть, ни ограда, ни сада, кромѣ древа лѣсоваго, и то мало, тако бо изволиша нужно тамо сѣдѣти, прискорбнаго Христа ради житія. Устроиша келїи на единомъ сухомъ камени, надъ крутыми и ужасными провалинами, помежду скалами, по надъ моремъ стоящими, подобнѣ яко птенцы гнѣзда своя. Питаютьжеся единимъ рукодѣліемъ, ово крести, ово ложици дѣлающе. Тамо бихъ у одинаго монаха стара, перваго между ними, и ношевахъ у него, ему имя Акакій, той прославляемъ есть отъ всѣхъ въ Святой Горѣ, богоугоднаго ради своего житія, и есть первій между всѣми, скитающимися тамо. Слїпахъ же, яко имѣеть даръ Духа Свята прозорливости. Второе мѣсто именуется Святыя Анни. Тамо скитовъ четиредесять въкупѣ, въ нихъ же по два или три старци обитають, всякъ свое творяи рукодѣліе, отъ него же питается продающе; не мо-

жетъ бо тамо безъ рукодѣлія сѣдити, понеже нѣсть ни мало мягкой земли на сажденіе лозъ, или на всѣваніе зерна. Токмо шафранъ сѣютъ, мало гдѣ пзобрѣтши земли. Скали же тамо великіе и остріе. Путь же прискорбень тамо отвсюду, и чудесно строеніе келій въ подобіе ластовичихъ гнѣздъ, идѣже отнюдь неудобъ мнать поставитися келіямъ, обаче чудеснѣ (Богу ихъ вразумляющу) прилѣпляются чудеснѣ, гнѣздящеса, якоже рѣхъ, въ истинну въ подобіе ластовиць. Имуть же своего началнѣйшаго, его же послушаютъ. Имуть же и соборную перковь, древню, въ имя Святія Богопраматере Анны, въ нюже въ недели и празники спсходятся все. Тамо ми обичное сотворшу поклоненіе, (пойдохъ къ монастыру инному) ¹.

Монастирь дванадесятій, святаго Павла.

Именуется отъ создателя своего, святаго Павла Аѳонскаго; той стоитъ отъ моря, яко за польпоприща, различень строеніемъ отъ всехъ прежднихъ. Стоитъ подъ самимъ Аѳономъ, отъ страни западной, низу, устроенъ чудеснѣ на острой скалѣ, юже несоглаждающе въ стѣну вѣмороваху. Съдѣланъ въ подобіе единой вежи узкимъ дѣломъ, обаче зѣло високимъ, яко даже до пяти степеней, едни на другихъ целии стоятъ. Церковь, яже есть святаго Георгія, не имать главъ, но вся совокупленна вкупѣ съ келіями подъ единимъ покровомъ, обаче внутри и строеніемъ, и иконописаніемъ лѣпа, найпаче же прекрасно свѣтилниками и полѣкандилами устроена. И трапеза такожде лѣпа. Сѣдитъ при водѣ здоровой и многой. Имать бо потокъ великъ и бистръ, текущъ съ

¹ Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

подъ самага спуда Аоонскаго; при немъ же и мелницу сооружиша. Имать же своя корабля и мрежа. Обитель изрядня строеніемъ и необычнымъ; токмо убога, и иноковъ зѣло имать мало. Иноци же суть язика Сербскаго. Тамо прискорбное отчасти житіе, понеже сѣдить между великимъ яромъ, подъ стѣною високой гори, на сухомъ камени, и отъ лѣса, и отъ базара далече; обаче доброе мѣсто, аще кто хоцетъ жити на уединеніи. Тамо пребыхъ день и полъ и пойдохъ чрезъ великіи гори и яри, древа на себѣ великаго не имупцими, токмо малое хврастіе и каменіе великое, и дойдохъ къ монастыру иному.

Монастирь третійнадесять, Діонисать.

И той такожде зовется отъ имени сооружителя своего; и той такожде високаго строенія и на високой острой каменной скалѣ стоитъ, якоже и святій Павелъ; токмо подъ нижшими горами и близъ моря, яко единоци вергнути каменемъ. Расположенія ширшаго, и внутрь далече пространѣйшій и веселѣйшій. Церковь имать особнѣ раздѣленну, посредѣ монастыра стоящу, ей же имя Іоанна Предитечи,—лѣпотна строеніемъ и дѣломъ, якоже и во прочіихъ началнѣйшихъ монастырехъ, си есть, съ столпы каменными и подножіемъ мраморнимъ, гладцѣ посланнимъ. Свѣщами же и лампадами довольно украшенна, и иконописанна отъ верху до низу чисто, главы имать чино съоруженніе, и покровъ ея весь цѣновъ. Трапеза же толь красна и строеніемъ, и иконописаніемъ, яко дивитися воистинну, яже аще би имѣла столи отъ камене сѣченніе, якоже въ прочіихъ монастырехъ, превосходила би всѣхъ лѣпотою и величествомъ. Иноци тамо обитають Греческіе, числа доволнаго. Чинъ церковній управляютъ добрѣ. Кормятся довольно, пап-

паче жо отъ моря, имать бо своя корабля и мрежа, и мельницу на водѣ текущей, подобнѣ, якоже и въ прежднемъ. Стоитъ далече отъ лѣса и отъ базара, и трудное тамо путешествіе, обаче полезное къ спасенію. Тамо прійдохъ съ вечера и пренощевахъ. Таже заутра рано пойдохъ паки тяжестнымъ путемъ по-надъ моремъ, чрезъ высокіе преходящи гори и сухіе, на нихъ же мало гдѣ обрящещи великаго древа, токмо хвастіе мало, камене же много, и прійдохъ къ монастыру иному, четвертомунадесять.

Монастирь четвертійнадесять, Григоріу.

И той такожде именуется отъ своего ктитора. Съдигъ на самомъ брезѣ морскомъ при водѣ, малъ и низокъ строеніемъ храмъ Святителя Христова Николая, неразлучень въкупѣ, но совокуплень, весь бо монастырь подъ единимъ покровомъ каменнымъ, и сверху ничтоже не познавается, токмо, яко едина полата стоитъ. Внутрь же имать вся сокровенна. Церковь простаго строенія, обаче лѣнаго украшенія, и подножіе бѣло мраморное. Трапезу имать малу, съ столи деревяними. Монастирь оній прежде баше Болгарскій (якоже слипахъ), сугъ бо тамо еще старіе и книги Болгарскіе. Таже по запустѣніи населишася Греки, иже и доселѣ обитають. Монастирѣць оній малъ и некрасень, иноковъ же имать довольно, и питается добрѣ; имать же своя корабля и мрежа, Отъ лѣса стоитъ поблизу, отъ базара далече, яко четири часа хожденія имать. Съдигъ подъ горами высокими, при водѣ здравой; чинъ свой управляетъ, якоже и прочіи. Тамо мало замедлѣхъ, токмо сотворихъ свое обычное путническое поклоненіе, и сѣвши трапезу, пойдохъ паки по-надъ моремъ, высокимъ и тяжестнымъ пу-

темь, чрезъ гори, древесъ мало, токмо каменіе имущими, и прійдохъ тогожде дне, уже заходящу слонцу, къ монастиру пятнадцатому.

Монастирь пятійнадесять, Симопететра.

Онїй монастирь зѣло удивительнїй и строенїемъ, и мѣстомъ, — яко не вѣмъ, како тебѣ, (благїй читателю), изобразити; многїи бо его видившіи (якоже слышахъ) чудятся, како и каковимъ образомъ тамо устроися, и како держится. Мѣсто же его есть таково: холмъ единъ каменнїй, великїй и високїй, отлучно отъ горъ, зѣло високо отъ берега морекаго, подъ самимъ верхемъ горъ стоящїй, на немъ же монастирь, подобнѣ яко и святїй Павелъ, устроенны си есть, даже до пяти степеней едини келїи верху другїихъ стоятъ, обаче основанїемъ еще далече височайшїй, и строенїемъ чудеснѣйшїй. Аще бо п той на остромъ и високомъ холмѣ каменномъ стоитъ, но отъ единїя страны придержится горою, понеже близъ гори стоитъ; тойже на уединенномъ далече отъ горъ, на единомъ, зѣло високомъ холмѣ каменномъ, високо и кругло устроеннїй, акї едина нѣкая прекрасная вежа, или столпъ стоитъ. Роги или угли онаго холма внутрь стѣнъ монастирьскихъ умурованны, понеже не могоша его соравнїти толь високой махїни; внутрь же монастиря и пинѣ подножіе не равно, но индѣ гори, индѣ же долини. Широтою есть узокъ, якоже и холмъ; егда же кто отъ верху високихъ келїї низу смотритъ, тому душа унивааетъ отъ великой високости, понеже около онаго холма яри глубокїе, и отъ моря страна крута. Монастирь онїй лѣпотень строенїемъ отвнѣ и внутрь; келїи единїи на другїихъ чинно устроеннїе, иноковъ имать доволно, суть же иноци Греческіе. Воду имать текущую издалече, отъ

верху горъ, по верху муровъ къ монастыру, понеже монастырь не касаетя горъ стѣною, того ради особнѣ содѣланнїе мури отъ горъ даже до монастыра, прешествїя ради воднаго. Церковь имать Рождество Христа Господа вкупѣ съ келїями съвокупленну, лѣпу, височайшую целїй, ея же верхи цѣнїю покровенни, и внутрь вся иконописанна съ подножіемъ мраморнимъ и со кандилнимъ устроенїемъ. И трапеза такожде красна и пространна. Обитель красна и чудесна строенїемъ, въ пищи доволна. Имать пристанище корабелное. Отъ лѣса недалече, отъ моря високо, отъ базари три часа. Тамо азъ замѣдлехъ ноцъ едину. Оттуду заутра пойдохъ паки велики горами, обаче путемъ равнимъ и не толь каменистимъ. Таже съблудихъ отъ пути, и пойдохъ между великіе гори и вертепи, и чрезъ непроходимїй предирахся лѣсъ, ктому лїяшеся дождь и многую претерпѣхъ нужду и скорбъ даже до слезъ, омочень, отягчень и утружденъ сїй дозѣла, и ходяхъ тако безпутень, яко три часа, воздыхающїи и молящїися къ Богу, да мя наставитъ на путь добрїй. Таже обрѣтохъ стезю велику и по малѣ прїйдохъ къ монастыру иному.

Монастирь шестїйнадесять, Ксеропотамъ.

Той монастырь сѣдитъ на равномъ и красномъ мѣстѣ, подъ горами не великими, уже бо оттуду нижшіи начашася гори, отъ моря яко за поприще едино. Лѣсъ же всюду окрестъ великъ, воду имать здраву, текущу отъ горъ. Строенїя обшїрнаго, токмо низкаго. Церковь имать красну и строенїемъ и иконописанїемъ, съ главами и покровъ цѣновимъ, и подножіемъ бѣлимъ мраморнимъ, и трапезу такожде лѣпу и велику. Монастирь изрядень, токмо отчасти убогъ, питаетъ же ся нужно, и

братіи имать мало. Иноки же тамо обитають Греческіи.

Тамо азъ зѣло мало премедлѣхъ. Токмо бо пришедь, сотворихъ свое должное путническое въ церквѣ иконамъ святимъ поклоненіе, и снѣдши трапезу, пойдохъ далей. Бистъ бо день суботній, и недалече отстояше монастырь Русскій, и ускоряхъ тамо прійти на вечерню, хотя послужити въ церквѣ, еже и бистъ тако.

Монастырь седмѣнадцатъ, святаго Пантелिमона.

Пришедшу ми въ монастырь Русскій еще прежде вечерни, узрѣхъся съ иноки, отъ моея страны сущими, и привѣтвовалъ съ ними, и рады бихомъ другъ другу, и пріяша мя съ любовію, яко странна, благодарствующе за толь великія труды и за посѣщеніе, и молиша мя, да пребуду съ ними вкупѣ въ монастырѣ, или, аще ни, то поне замедлю нѣкое время. Азъ же любве ради ихъ замедлѣхъ тамо три дни, и ходяще по вся дни на правило церковное, поюще и чтуще съ ними вкупѣ, и довольни бѣша мною, и видѣхъ чинъ ихъ въ церквѣ и трапезѣ такожде, яко и въ прочіихъ монастырехъ Святгорскихъ, а не тако, якоже вся инако творять въ своей земли, на Руссіи. Чинъ же ихъ есть таковъ, якоже слышалъ еси прежде въ монастырѣ первомъ, Болгарскомъ. Монастырь оній не великъ, обаче лѣпотень, якоже и прочіи, бѣше строеніемъ, нинѣ уже обѣтша, понеже много лѣтъ пусть стояше и не бѣше даже доселѣ кому онаго снабдѣвати. Сѣдитъ же на мѣстѣ паче всѣхъ монастырей краснѣйшомъ и вишшомъ, на самомъ верху горь, на мѣстѣ равномъ, на земли мягкой и плодоносной, камене немущой, или зѣло мало. Токмо лѣсомъ окружень великимъ, въ немъ же древесъ до избытка довольно и къ паленію и дѣланію ручному, наиболше тѣхъ,

иже плодъ приносятъ къ яденію и иному употребленію, яко то дерева каштановіе, бобковіе и прочіи. Церковь тамо лѣпая, якоже и въ прочіихъ монастырехъ, си есть, верху покровъ цѣновій имать, внутрь же подножіе мраморное съ пестротами, и иконописанна отъ главы до ногу, токмо зѣло ветха и поразсѣдася на многихъ мѣстѣхъ, ктому же нѣсть тако устроена иконами, кандилами и лампадами, якоже индѣ; убога бо ѣсть, и не имать что откуду взяти, и не обрѣтается ктиторий или досмотритель ея. Трапеза такожде и пространна и лѣпо внутрь списанна иконами Святыхъ. Воду имать сладку и здраву, текущую же и почерпателную. Словомъ рещи, довольно изрядна и на красномъ мѣстѣ стоящая обитель, токмо зѣло нища и убога, яко едва съ нудею воскормляется. Аще бо и много имать землѣ подъ своею властію, и села имѣяше, якоже свѣдильствуютъ грамоти старинныя, но ни нѣ чужда рука владѣть, понеже нѣсть тамо кому простерти языка, ни рукъ въ снабдѣваніе онихъ добръ, строители бо или игумени все биша чужди, или отъ Грековъ, или отъ Болгаровъ, отъ Руси же ни единъ бистъ (якоже слышашъ); понеже тамо отъ Руси мало приходятъ, или аще и приходятъ поклоненія ради, то пакы бѣжатъ воскорѣ, яко дивіе серны отъ тенета. И вѣру ми ими, истинну бо ти реку, благій читателю, яко наша Русь не токмо тамо, ни въ коемъ иномъ Святія Гори монастырѣ не можетъ долго пребивати, развѣ кто подражаетъ Іовлему терпѣнію. Въ напой бо странѣ иноки въ монастырехъ аки святіе въ раю пребиваютъ, въ всякомъ доволствѣ и безмолвіи, не трудящеся ни о чемъ, токмо своемъ спасеніи, понеже тамо имуть села и подданіе, иже вся потребная монастыревѣ содѣлываютъ. Въ Горѣ же Аѳонской ничтоже отъ сихъ имущій, въ рукахъ Турецкихъ суще, иноки труждаются денно и

нощю, работающе съ изліяніемъ пота; днемъ копающе землю, и творяще лозіе винограда, и всѣвающе зѣрно пшенично, имъ же питаются; нощю же труждаются о спасеніи своемъ, — и того ради Россійщики бѣжатъ отгуду воскорѣ, яко ненавикоша труда земледѣльнаго. Тамо же инако жити не можетъ; понеже единѣмъ трудомъ и себе всяку требѣ удовлетворити, и отъ Турка откупитися, емуже многія даютъ денги, да не изгнанны будутъ, понеже тамо лѣпотою есть инокомъ райское жителство. Тамо въ монастырѣ Русскомъ обрѣтохъ тогда четири токмо, иже пребываютъ законники: два отъ Руси, а два отъ Болгаровъ, и игумень Болгаринь баше. Имуть свою мельницу и нѣколико скитовъ, отъ ихъ же мало користи взимають, и питаются, якоже могутъ и якоже ихъ Господь управляетъ. Тамо азъ любве ради Русскихъ иноковъ и сожалѣнія ради осиротѣлой, убогой обители, премедлихъ три дни. Таже пойдохъ къ монастыру иному.

Монастырѣ осмыйнадесять, Ксенофѣ.

Той монастырѣ сѣдитъ на самомъ брезѣ, егоже въ время волненія касается вода морска. Строенія низкаго, подобнаго якоже и Рускій. Церковь иматъ лѣпу, съ многими главами, покровенными цѣнью, иконописанну внутрь красно, съ подножіемъ мраморнимъ, и трапезу лѣпу доволно. Сѣдитъ при криницѣ здравой, текущей отъ горъ. Убогъ едва не тако, яко и Руской. Иматъ своя кораблица и мрежа, и мельницу при потоку водномъ, отъ ихъ же мало користи взимають, проче отъ труда питаются. Монастырѣ оній прежде баше Сербскій, нинѣ же съ Греки смѣсисяся. Чтутъ же въ церкви весь полъ и Гречески и Болгарски. Тамо

пребихъ полъ дня и ноцъ. Оттуду пойдохъ къ монастыру иному, порядку.

Монастиръ девятыйнадесять, Дохиариу.

Сиче реченній отъ ктитора своего, той монастырь обширнаго и високаго строенія и лѣпаго. Церковь же височайша строеніемъ и болша долготою, нѣсть въ всей горѣ, якоже тамо. Многія же главы верху имать лѣпо устроеніе и гладцѣ покровенны цѣнію. Подножіе ея чисто и гладко отъ мраморными деками усланное; притворъ такожде великій и лѣпій, якоже и церковь. Вся же иконописанна честно, и кандилами и лампадами устроена зѣло красно, яко услаждаетъ зрящаго зѣнници, и во истину едва мало не соравняется съ Хиляндарскою. Силь токмо разнствуеть, ято тамо и покровъ и подножіе неопѣненно имать. Такожде и трапезу велику и изряднѣ иконописанну имать. Иноци тамо изобилни, чтуть Гречески, чинъ управляютъ лѣпо. Имѣють своя кораблия и мрежа и всякое доволство. Монастирь оцій и великъ, и лѣпотень отвнѣ и отвнутрь строеніемъ, и на веселомъ мѣстѣ стоятъ, на единой равнинѣ, мало вишше брега, подъ горами красными, всякое древо имущими, при водѣ здравой и чудотворной (о ней же послѣди), отъ базаря два часи. Церковь, яже тамо есть, именуется храмъ Собора Святаго Архистратига Михаила и прочіихъ Силь безплотнихъ, ихъ же чудесъ тамо иноки многа имуть, якоже слишахъ, и нѣкія отъ онихъ здѣ въ изявленіе инимъ полагаю. Первое. Единъ юноша, послушникъ сій монастырскій, нѣгдѣ, внѣ Гори Святія, на прибиткахъ монастырскихъ сѣдѣше, стрегій я и копающу ему тамо землю, по Божію смотрѣнію, случися обрѣсти сокровище: Оній юноша, бивши вѣренъ слуга обители

святой, хотя и усноवलитися тамо, дойде къ монастыру и возвѣсти игумену. Игумень, возвѣстивши братіи и избравши тріехъ отъ иноковъ началнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, посла тамо, да вземше привезутъ е въ монастырь. Иноки, вземше корабль, отплиша тамо, бѣше бо на единомъ островѣ, недалече отстоящомъ отъ Гори Святія, и, дошедше тамо, обрѣтоша единъ конобъ великъ, полнъ злата, верху алабастровимъ каменемъ покровень; иземше же его отъ земля, вложиша въ корабль и отплиша вси, купно съ онимъ юношою. Пловущимъ же имъ, древняя злоба діаволь помрачи сердца иноковъ тѣхъ лакомствомъ, и всѣя имъ мисль, да камень оній; имъ же покровень бѣше конобъ, оцѣпивше вервомъ, и привязавше до шіи оному юноши, вергутъ и въ море; сами же, раздѣлившеся онимъ златомъ, и сокривше его, дойдутъ въ монастырь и рекутъ, яко солга оній юноша и сведе ни, и не вѣми, камо убѣже. Но слиши, благій читателю, каковое чудо сотворися. Вергшимъ бо имъ того послушника въ море, внезапно невидимо предсташа два Ангела свѣтла, и взяша его, и принесоша, и поставиша внутрь церкви, яже въ монастырѣ, всего омоченна и съ каменемъ, яже на шіи его. Дошедшимъ же инокомъ къ монастыру и рекшимъ, яко написахъ прежде, и запрѣвшимся, еже не обрѣсти имъ ничесоже, — явѣ показася ложь ихъ, егда изведенъ бистъ юноша отъ церкви въ видѣніе всѣмъ и повѣда, якоже бистъ. И исповѣвши грѣхъ свой, отдаша все злато, якоже обрѣтеся, и прославиша иноци Небеснія Сили, паче же Бога, и украсиша церковь и монастырь лѣпо; камень же той и доселѣ лежитъ въ олтарѣ. 2. Ищущимъ тамо инокомъ, гдѣ би обрѣсти воду, питія ради, Ангель Господень во снѣ показа, и ископаша тамо кладязь, отъ него же и доселѣ почерпають воду здраву зѣло. 3. Пришедшимъ

тамо Туркомъ и хотящимъ плѣнити монастырь, Архистратигъ Христовъ Михаилъ, явившися на кони, разгна ихъ съ многимъ гнѣвомъ, и тако спасе монастырь отъ напасти. Кромѣ же тѣхъ суть и прочая многая чудеса, обаче довлѣеть о томъ, зане не книги и поученія зде пишу, но странствованіе свое. Тамо въ ономъ монастыри пребывши азъ день и ночь, прійдохъ ко монастыру иному.

Монастырь двадесятій, Кастамонитъ.

Той наречеса сиче отъ ктитора своего. Вистъ же ми въ обхожденіи Святія Горы послѣдній, понеже, якоже предъ рекохъ, двадесять суть монастырей тамо. Монастырь оній весма подобень строеніемъ Рускому, и церковію, и трапезою, и келіями, токмо мѣстомъ разнствуетъ, понеже стоитъ въ долини, низко, между горами окрестъ обстоящими, и между великимъ лѣсомъ каштановимъ, при водѣ сладкой и здоровой, отъ горъ текущей, — отъ моря далече и отъ базаря такожде хожденія три часа. Инокъвъ имать мало. Нѣсть же въ нихъ ни кораблей, ни мрежей, токмо нѣсколько скитовъ подъ властію, отъ ихъ же взимають користи мало, прочее же питаются, дѣлающе землю. Здѣ буди благодареніе Богу яко по желанію моему дойдохъ и посѣтихъ вся монастыри, нже суть въ Горѣ Аѳонской, Ему же отъ всѣхъ есть честь и слава, ннѣ и всегда, и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Обшедшу ми и посѣтившу монастыри, скити и вся мѣсца святіе въ Горѣ Аѳонской и хотящу паки возвратитися въ градъ *Солунь*, прослуса нѣякая вѣсть, отъ Цари-града тамо пришедшая, коея ради возбраненъ пропускъ иноземцемъ баше. Сего ради убояхся отгуду изійти, даби не въпаль въ нѣкую напасть, понеже въ

земли Турецкой латво о тое, къ тому же проявляхуся частѣ студеніе вѣтри и дождеве безгодніе, и приближа-
шеся зима. Зима же тамо люта не тако, яко въ инихъ
страпахъ. Сего ради удержался тамо отъ Октоврія 1-го
до 1-го Февруарія чрезъ зимное время, и пребывахъ въ
монастирѣ Рускомъ, церковнимъ набоженствомъ и послу-
шаніемъ монастирскимъ упражняся, даже до мѣсяца
Февруарія. Разсмотрѣхъ же вся чини, обикновенія и
мѣста красоту Святой Гори Аѳонской, яже суть сія:
Гора Аѳонская подобится нѣкому панству невелику, въ
ней же монастири началніе яко гради, а меншіе яко
двори панскіе, скити же яко фолварки, иноки же, яко
граждане. Величествомъ есть въ долготу два дни хо-
жденія, въ широту же единъ день. Есть же тамо мѣсто
посредѣ Гори, именуемое Карія, идѣже устроенне суть
комори, купцевъ ради тамо приходящихъ и своего ради
продаванія нуждныхъ вещей, понеже отъ града далече,
и не исходятъ иноцы въ міръ, развѣ зѣло нуждной ради
потреби. Сего ради приходятъ тамо купци и торговци
съ различными товарн. ово отъ острововъ по мору, ово
же отъ Селуна по земли, и собираются ярмарки трижды
въ годъ, якоже слипахъ, кромѣ иннихъ торговъ меншихъ,
иже на всяку суботу биваютъ; на него же егда свѣ-
дуются иноцы мнози, едино утѣшеніе сердечное и очесемъ
лѣпотное зрѣніе, найпаче иноземцу зрящу является. По-
неже оное Богомъ избранное стадо, аки нѣкій ве-
ликъ соборъ, или процессія, едино умиленіе челоувѣку
приносятъ, вси бо тамо, кромѣ приходящихъ торговцевъ,
не токмо иноцы, но и мірскіе послушники черновласными
одѣянны одеждями, съ преклоненными віями и лицемъ
смиренимъ другъ другу прекланяюще главы, съ всякимъ
любознимъ цѣлованіемъ, съ тихостію и кротостію, не
многоглаголюще, развѣ точію что нужно, и то съ лю-

бовію и всякимъ смиренномудріемъ. Наиболше въ нихъ слышится слово сіе: „благослови и прости“. Всякъ же свое, его же творить, продаетъ рукодѣліе: овіи крести, инии же печати просфорніе, нѣщїи же ложки, друзи же чотки, прочїи же парамани, подкапки, сандалїя, ножи прекрасніе и многообразнїе вещи, своими дѣлающе руками, продають и отъ труда питаются. Понеже тамо незнающему никаковаго рукодѣлія и не имущему сребра зѣло нужно есть жити на уединенїи, въ монастыри же съ многымъ трудомъ хлѣбъ ядятъ, понеже не имуть подданныхъ, якоже въ странахъ инихъ, но сами копающе и оруще питаются. Землю имуть добру къ плодородїю. Хлѣба имуть довольно, понеже отъчасти сами сѣють, болше же привозять по суху отъ Селуня и отъ острововъ морскихъ по водѣ. Много прїяздятъ челоуѣцы поклоненїя ради и продаванїя, аще кто что имать, и потребная такожде себѣ купують на благословенїе въ доми своя, яко то: крести, чотки, ножи и прочая. Вина много тамо раждается. Понеже ниже продають, ниже купують, но всякъ, иже пїеть его, изобилно имать на потребу свою. Суть же нѣщїи, иже никогдаже вкушаютъ вина и суть друзїи, иже въ субботу и въ неделю; вси же три дни въ седмицу воздержуются, развѣ аще кто лакомїй утаеннѣ испїеть чашу, или недужный воскрѣпленїя ради. Чинъ церковный благочестно въ моленїи имуть; кандила и лампы нигдѣже тако лѣпо не устрояють, яко тамо; кимваловъ не имуть вси, аще нѣгдѣ въ началнихъ монастырехъ и обрѣтаются, то развѣ въ дни неделны и празничны въ нихъ бряцають. Благовѣстятъ же на правило церковное по вся дни въ древяніе и желѣзнїе била. На вечерню клеплють въ бѣло великое древяное. Аще же имать бити на вечерни „Блаженъ мужъ“, то и въ желѣзное клепало бїють. Павечерницу поють въ притворѣ,

клеплютъ въ малое било деревяное. Егда же начинаютъ пѣти канонъ, то оглашаютъ въ малое клепалце желѣзное. На полунощницу благовѣстятъ въ тоезде клепалце желѣзное, таже въ малое деревяное, и чтутъ въ притворѣ полунощницу. Скончавши же, клеплютъ въ великое било деревяное, и вшедши внутрь церкви, чтутъ утреню; канонъ на всякъ день поютъ. На девятой пѣснп въ малое клепало желѣзное бѣютъ. Чась же первій внутрь церкви чтутъ, не исходяще. На часи бѣютъ въ било въ малое деревяное и чтутъ въ притворѣ; обѣдницу же внутрь церкви, на службу въ било великое деревяное оглашаютъ, аще же полиелей биваетъ, то и въ желѣзное; на девятой чась въ малое било деревяное, и чтутъ въ паперти церковной. На трапезу въ особое било великое токмо три толка ударяють. Хлѣбъ же егда имутъ пекти, исходитъ седмичный пресвитеръ съ оймѣмомъ надъ замѣшанное тѣсто, и покадивши его честно, глаголетъ: „Благовень Богъ нашъ:“ Трисвятое и по „Отче нашъ“, тропарь и кондакъ храму. Тажъ священникъ чететъ молитву ону, яже четется на бденіи, на благословеніи пять хлѣбовъ, и благословяетъ рукою своею крестообразно тѣсто, и отпустъ творить. Послѣди же братія дѣлають хлѣбъ. Хлѣбъ тамо дѣлается малъ, понеже всякой особѣ единъ хлѣбъ на трапезу поставляется особнѣ, и мала мисочка варенія, и всякому особна мѣрица вина. Держать правило отъ ветхихъ временъ, еже не входити тамо женѣ никакоже, ниже поклоненія ради, аще би была и царица. Не токмо же женѣ, но ниже скота и всякаго животнаго женска полу не попускають внѣйти тамо. Аще бо и имутъ скоти нуждной ради потребности, то все мужеска полу; наветь домашніи звѣри, коти, безъ нихъ же трудно, и тѣи вси суть мужеска полу, и пѣвнѣ, побудки ради, понеже купують ихъ отъ купцовъ драго, которіе

призять въ Святую Гору и привозять по суху или по мору. Ничтоже тамо обрѣтается женска полу, развѣ точию дикихъ звѣрей, яко то: елени, серни, дикіе кози, дикіе коти, лисици, зайци и прочая. Суть бо тамо прекрасніе и великіе лѣси, различніе въ себѣ содержащіе древа, яже суть сіи: певги, кипариси, тиси, кукунари, смереки, ялини, сосни, явори, дуби, ясени, бобки, наипаче же каштановъ многое изобиліе, и прочіи безъ числа, имъ же имени не вѣмъ. Много же древа садоваго по монастирамъ и скитамъ суть, яко то: черешнѣ, дулѣ, яблока, орѣхи волоскіе, орѣховъ лѣсковихъ премножество, виногради различни, смокви, маслинъ изобилно, помаранчи, лимонѣ, сливи и прочая. Словомъ рещи, въ всемъ избранное иноческому житію мѣсто. Отъ всѣхъ бо странъ зрится море и кораблѣ, на немъ плавающе поблизу и издалеча, обходитъ бо едва не округъ море; токмо отъ единой полунощній страни касается берега землѣ великой, на нейже все стоятъ чрезъ всю Болгарію, даже до Волохъ великіе гори. Мѣсто оное безмолвное и зѣло спокойное отъ міра, и не иному, токмо монахомъ прилично; токмо многую дань Турки налагающе, обнищаваютъ его.

Годъ 1726.

На новое лѣто, Януарія 1-го, бяху снѣзи велики въ Горѣ Аѳонской, и мрази такожде. Зима бо тамо люта, но токмо кратка, и то на висотѣ гори снѣгъ и мразъ биваетъ. Воскрай же моря въ дождь притворяется, и ни мало хлада слышатъ живущіи развѣ отъ нѣкоего вѣтра полунощнаго. Всегда бо море отъ естества своего теплое испущаетъ диханіе, и никогда же низу живущіи терпятъ зиму, поелику бо верху горъ падаютъ снѣзи,

потоліку низу являються дождеве. Въ монастирѣ Рускомъ святаго великомученика Пантелеимона, идѣже и азъ пребывахъ, хлади и снѣзи великіе суть. Въ то бо время, егда начаху падати снѣзи предъ Рождествомъ Христовымъ за седмицу, лежаху невредими даже до Богоявленія Господня. Таже, егда явися вѣтръ тепись, за два дни вся исчезоша, и послѣди не являхуся, понеже уже зима преставаше и начинашеся весна. Видящи же азъ приближающесея время путешествію своему, молахъ всемогущаго Бога, преведшаго мя чрезъ многіе землі безвредно и безнападно, да и до конца исправитъ путешествіе мое благополучно, и преведетъ мя даже до отчества моего безвредно.

Богъ же вѣсть, коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребываючи въ Горѣ Аѳонской, тоея ради вини, яко по Латинскимъ странствовахъ странамъ, не хотяху бо мя на многихъ мѣстехъ воспріяти къ прежитію, много о мнѣ мняще въ своихъ мислехъ и еретикомъ мя оглаголююще въ всей Горѣ, тако Греческіе иноки, яко и Болгарскіе, увѣдаху бо о мнѣ, яко ходихъ въ Римъ, и у папи Римскаго ядохъ трапезу, и въ церкви ихъ вхождахъ. Сего ради возвращаху ми причаститися Тѣла Христова, мняху бо мя имуща пренятіе. Егда же увѣдаху чрезъ духовнаго отца моего, давшего ми свѣдѣтельствованную хартію, яко ни въ чесомъ пренятіи немущему и волному приступити къ Пренайсвятѣйшей Евхаристіи, тогда едва съ покутою съ благословеніемъ архіерейскимъ, позволиша мнѣ, и причастихся Тѣла и Крове Господня въ остатной седмици поста предъ Рождествомъ Христовымъ. Таже извѣстившеся, яко повсюду миръ и тишина слышится, и Богу благодареніе воздавши, яко по желанію моему сподоби ми дойти Гори Аѳонской и поклонитися мѣстамъ

святимъ, изійдохъ оттуду мѣсяця Февруарія 1 дня, въ вторникъ на всеедной, съ инними двѣма челоуѣки, мѣрскими торговци, иже въ Святой Горѣ сѣдяху въ коморахъ на базарѣ и куплю дѣяху, но тогда идяху въ Солунь, иже и жилци тамошніе бяху. Огласиша бо отци Аѳонскіе, да вси мѣрскіе послушници, и ремесники, и торговци исходятъ вонъ, всякъ во свое отчество. Се же таковой ради нужди: Сироти и бѣдніе люде, убожества ради своего неимущіе дати Туркамъ дани, яже у нихъ зовется гарачъ, убѣгаху въ гору Аѳонскую, и тамо живуще свободни пребываху всякаго поплащенія, понеже Турчинъ никогда же входяше тамо, но въ время раздаванія гарачу, на всяко лѣто посилахуся началнѣйшіе иноци въ градъ Солунь, и куповаху точію сѣмь сотъ, акиби не имуще въ Горѣ Аѳонской болше, яко пять сотъ челоуѣка. Есть же всѣхъ иноковъ и мѣрскихъ надъ двѣ тысящи народа. Черезъ многое же время на всякъ годъ умножаху Турки дани, не вѣрующе бити малу числу, и уже далыху (якоже слышахъ) на всяко лѣто осмьнадесять кесій сребра, си есть, осмьнадесять мѣшковъ, мѣшокъ же содержитъ въ себѣ пять сотъ таларей. Но еще и тмъ гордїй супостатъ недоволенъ, насилувавше того году самъ гарачій ити въ Гору Святую, и самъ вся кому раздавати гарачійкіе листи, еже не бшеть никогдаже тамо. Много же его молаху и дари ношаху, но не могоша зависти его утолити. Сего ради повелѣша, да вси мѣрскіе изійдутъ оттуду, да аще пришедъ самъ гарачодавецъ, и видѣвъ число мало, не покуется на второе прійти лѣто. Глаголаху бо иноци, яко аще Турки будутъ входить въ Святую Гору сами собирать данъ, не останеть отъ иноковъ ни едина нога жива тамо. Здѣ всякъ разсуди, покушаяся ити въ Гору Аѳонскую. Истинну ти реку, друже, яко райское би било инокомъ тамо жи-

телство, аще не би била Турецкая дань, Богъ же вѣсть что тамо нинѣ творится по отшествіи моемъ.

Идущу ми тогда отъ Гори Аѳонской, остахся отъ содружества своего, и заблудихъ отъ пути, и идохъ самъ единъ, ускоряючи, хотящи ихъ постигнути, мняхъ бо, яко предѣ мене суть; они же остахся, ожидающе мя, и разминухся, ускоряя зѣло. Случижесе мнѣ того дне въ разбойническихъ рукахъ бити близъ смерти третицею. Единъ бо мя стрѣте съ млатомъ великимъ желѣзнимъ, и начатъ на мя напастію налазити, воспящающе путь мнѣ, и покушающесе млатомъ мя ударити. Но видѣвъ мя жезль великъ въ рукахъ носяща, къ тому же болша себе, и жестоко ему отвѣтъ дающа, убохся, да не како мною одолѣнъ будетъ, не имѣше бо кромѣ млата никаковаго оружія. Сего ради остави мя, отъиде въ свояси и разійдохомся безъ пораженія. Паки, прешедшу ми, яко стогну едину, стрѣтоша мя пятерипа человекъ, и сіи не вси, мню, бяху разбойници, но разбойническіе хранители. Единъ же отъ нихъ бѣше истинный разбойникъ, въ раздраннихъ рубищахъ, страшень лицемъ и ужасень зракомъ. Очеса бо его напоенни кровію, исполненни же непаситною завистию, руцѣ его къ убійству, хищенію и грабленію готови, нозѣ его къ бѣгству и гоненію скори, сердце его огнемъ ярости дышущое, исполненно гнѣва и рвенія, и всякоя злоби дѣволскія. Главу имѣяй безсовѣстну, возвишенну, носящу поврежденніе чувства, вію продолженну имій, словомъ рещи, весь ужасновиденъ, и аки левъ готовъ на ловь. Той, узрѣвши мя, абіе воскочи къ мнѣ, начатъ обнажати мя отъ ризи, юже ношахъ, мнѣ же сопротивляющуся ему. Онъ поятъ мя единою рукою за перси, другою же извлече ножъ, хотя мя пробости. Азъ же возопихъ къ нимъ Греческимъ языкомъ: „помилуйте мя,

христiяне ли есте, что творите?“, бяху бо вси Греки. Они же емше его за руку, отъяша ножъ и свободиша мя отъ него. Азъ же бѣжахъ. Разбойникъ же начатъ гонити въслѣдъ мене, хотя постигнути и не постиже, бѣ бо пянь, и не можаше далече бѣжати, таже возвратися. Азъ же, благодаря Бога моего, яко не попусти мя нагло скончатися, идохъ далей, хотя дойти до веси, бѣ бо весь не весьма далече. Шедшу же ми, яко польпоприща, паки стрѣте мя единъ худоризецъ, оружiе огненное нося, високъ и страшень образомъ, пянствомъ дишай. Той, мню, бистъ христiянннъ; но начатъ мя вопрошати жестоко, что есмь и камо гряду? Азъ же, миная и уходя скорѣе, рекохъ Греческимъ нарѣчiемъ: „не знаю, что ти рече“. Онъ же паки Гречески тiа же рече словеса, и хотя возвратити мя, поиде въслѣдъ за мною. Азъ же бѣжахъ скорѣе и сокрихъся въ густиню лѣса, и той, не видя мя, прочее возвратися воспiать, скверними мя безъчествующи словеси. Азъ же, вся та наказанiю мнѣ отъ Бога посылаему бити разсудивъ, и положивши крестное на себѣ знаменiе, поидохъ паки и прiйдохъ къ единой веси, въ нейже самiе христiяне живутъ, и вопросихъ о людехъ, съ ними же идохъ до Селуня, и ничтоже уразумѣхъ, и скорбѣхъ дозѣла, не вѣдый, что творити, не имѣхъ бо съ кимъ ни до Селуня, ни воспiать ити, и упросившеся у единого челоуѣка, обнощевахъ. Случишажеся люди отъ Селуня грядущiе въ Гору Аеонскую, и нощеваху въ томъже селѣ. Заутра же, съ совѣтомъ многихъ людiй, совокупихся съ ними, еже возвратитися паки въ Святую Гору, и идохъ съ ними отъ утра даже до полудни. Таже стрѣтохъ противу мнѣ грядущихъ съпутниковъ моихъ, и возрадовахся дозѣла. Совокупихъжеся паки съ ними, возвращаяся на предъумишленный путь свой, и благодарихъ Бога

яко исправи путешествіе мое. Идохъ же чрезъ силу, ускоря за ними, бояхся бо, да не како вторицею оставятъ мя въ пустыни, и убіють разбойници. Тяжестно же бистъ тогда путешествовати: они бо мулами издыху, азъ же пѣшеходно. Тогда идохомъ зѣло труднымъ путемъ, не тимъ, имъ же азъ прежде идохъ къ Горѣ Аѳонской, но инимъ, чрезъ непроходиміе и высокіе гори, великими снѣгами и пустыми мѣстами, поминающе села, кромѣ пощеванія. Се же того ради, понеже въ малѣ числѣ бяхомъ, и бояхомся, да не како въ руцѣ разбойникъ впадемъ. Не случижеся (Богу насъ сохрани) ничтоже зло, и приспѣхомъ же въ градъ Солунъ Февраля 5, въ день суботный, въ вечеръ позно. И поидохъ паки къ тому же страннолюбцу, у него же и прежде пребывахъ, и пріять мя, по милости своей. Быхъ тамо доволенъ пищею и питіемъ, ожидалъ время путешествію своему.

Описаніе града Солуня.

Градъ Солунъ стоитъ въ земли Македонской, на брегѣ морскомъ, въ царствѣ Турецкомъ, на положеніи добромъ и веселомъ, подъ горами; огражденъ каменною стѣною, на четири углы расположенною. Широтою и распростертіемъ подобитя отчасти Риму, издаличе зрящи. Доми имать все каменніе, покровенніе черепицею, но строенія древнаго и нелѣпаго; суть же и иннихъ лѣпотнихъ полатъ богатырскихъ много, но инимъ образомъ, якоже въ Италіи. Улицы многіи суть каменіемъ усланни, но не вси. Доми стоятъ густо, но невысоко зданніе, якоже въ Италіи: тамо бо до пяти степеней, въ гору будованіе, едни на другихъ полати, въ Солуню же кромѣ до тріехъ степеней не суть вящшіе, но и тихъ мало, вси же доми до двохъ точію степеней

зданніе. Вратъ входнихъ тамо суть 5, бойницъ же великихъ три, покровеннихъ цѣвнїю и наполненнихъ арматами великими, надъ которыхъ болшихъ не случися видѣти. Фортеца стоитъ високо на горѣ внѣ, присовокупленна стѣнѣ града, въ ней же вся оборона содержится. Градъ оній воистинну пресловугїй есть, не лѣпотою и крѣпостїю, но ветхостїю и пристанищемъ земнимъ и воднимъ, тамо бо приходятъ отъ Цариграда, отъ Египта, отъ Венеціи, отъ Франціи, отъ Англіи кораблѣ, куплю дѣлющїи, такожде и по земли, отъ Нѣмцовъ, Волоховъ, Болгаровъ, Сербовъ, Далматїановъ и отъ всей Македонїи и Украйни торговци различнїе, малїе и великіе, приходятъ, приносящїе разнїе товары и пшеницу, Градъ той зѣло доволенъ есть въ пицу, наипаче же въ хлѣбъ, приходятъ бо тамо по вся годи кораблѣ отъ земли Французкой и купуютъ пшеницу и наполняютъ я довольно; къ тому же и отъ ивнихъ странъ и отъ острововъ морскихъ. Четырехъ вѣрь люде тамо живущїе обрѣтаются: Греки, Французе, Турки и Жида. Въ Солунѣ народа много, Жидовъ же паче всѣхъ множество. Турецкихъ джамѣй началнѣйшихъ, числомъ, якоже самъ числихъ, близко 30, при нихъ же столпи, гладко тесанимъ каменемъ мурованнїе, въ широту яко единъ сажень человекъ, или полтора, въ висоту же яко сажней пятнадцать и вѣще. На онихъ убо столпахъ они оглашаютъ набоженство свое, въ кое время повинни. Но и о семь да вѣси, яко чрезъ день и ночь пять разъ молитву творять: 1) на свѣтанню, 2) о полудни, 3) предъ захожденїемъ слонца, 4) о двохъ годинахъ въ ночь, 5) о полунощи, и непремѣнно тимъ способомъ чинять, кромѣ тилко того времени, когда биваетъ Ромазанъ, то есть постъ, въ то время еще болше прилагаютъ набоженства. Но слиши, каковъ смѣхотворнїй и

неистовній постъ въ нихъ. Богати, иже не имуть нужди къ дѣланію, спять чрезъ весь день, точію встають въ время свое на набоженство, и убогіи такожде, или спять и прохождаются, но отнюдь ничесо же работати не хотять, боящися да не повредитъ здравія, постенъ бывши. Егда же увидятъ кого на базарѣ, що колвекъ ядуща отъ Христіановъ или Жидовъ, абіе біеть его, глаголя: «искушаеши мя», и много лаеть. (Се же разумѣй бити въ всей Турецкой земли). И тогда никто же можетъ въ видѣніе ясти, токмо сокровеннѣ. Запедшу же токмо слонцу, по всѣхъ столпахъ начнутъ кричати на набоженство и всю ноцъ безъ сна провождають, ядуще и веселящися и банкетующися; вежа своя украшающе многими лампадами и оніе по шнурахъ, аки по вѣтру, лѣтати творяще, и инніе штуки творяще. Наченше же отъ полунощи, даже до свѣта, непрестанно поють, отъ нихъ же слышяхъ зѣло лѣпо поющихъ. Суть же едина установленіе, иже въ время поста ихъ яздять по улицахъ на конехъ съ котли, оглашающе и возбуждающе ясти, да не како кто, сна ради не ядїи чрезъ всю ноцъ, изнеможеть, не могїи терпѣти дня. Се же того ради творятъ, да твердо сохранятъ постъ чрезъ день, не токмо не ядуще, но ни піюще; въ нощи же ядять, яко свини. Имуть же два Ромазани на годъ, болшїи и меншїи. Минувше же Ромазану, три дни имуть празникъ великъ, рекомїи Байрамъ, въ онъ же торжествуютъ зѣло, якоже ми въ день Рождества Христова, или Воскресенїа. Имуть же обикновенїа за души умершїе молитися и офери приносить. Но да погибнетъ отъ земля животь ихъ, довлѣетъ о нихъ сиде много глаголати. Еще слыши о другихъ ихъ: Жидовскихъ школь вѣцше яко шестьдесятъ, якоже слышяхъ отъ самихъ ихъ. Въ наукахъ цвѣчаты и учонихъ имуть много. Имуть же и унѣвер-

сальную академію, въ ней же различныхъ наукъ даже до философіи учатся, идѣже азъ посѣщахъ и видѣхъ между собою препирающихся философовъ, подобнимъ обичаемъ, якоже и въ иннихъ языкахъ. Жиди тамо суть зѣло богатіе и волю далеко болшую, нежели Христіане, (имуть) ¹, и всѣ куплѣ и дани и мита чрезъ онихъ руки переходять. Кромѣ убожства, всѣ въ реверендахъ чернихъ долгихъ ходять, на головѣ же, по ветхозаконному, подкапки темно червонія зъ завиваломъ носятъ. Языкомъ разглаголствуютъ Гишпанскимъ, понеже они зъ Гишпаніи изгнани бша и прійдоша доброволне въ Турецкую землю, и по повелѣнію царскому населишася, найпачеже въ Солунѣ. Христіанскихъ церковь близъ 30, якоже рѣхъ, Французкій единъ костель и той зѣло малъ, понеже гостей ради, а не жилцовъ, и то едва съ нуждею умолиша поставити. Есть же тамо и консуль Французскій, присланній отъ Цариграда, управленія ради онихъ Французовъ, аби не турбовали ихъ Турки въ гарачъ. Языка якового схочешъ найдешъ: Италѣянского, Французского, Гишпанского, Волоского, Руского, Лацинского, Арапского, Арнаутского, Болгарского и прочіихъ. Градъ Солунъ въ позоръ отъвнѣ лѣпотенъ и изряденъ, внутрь же не тако, кромѣ памѣй, которіи предъ тимъ христіанскими церквами били. Воду имать текущую фонтанами по всѣхъ панскихъ началнѣйшихъ Турецкихъ дворахъ и значнихъ улицахъ. Мури же въ полъ съ дровомъ престолающе созидають; муруютъ зъ блатомъ земленимъ, а не зъ вапномъ, токмо послѣди побѣляютъ вапномъ. Улицы вси суть посланні каменіемъ, аще и не гладко. Градъ весь окрестъ каменною стѣною високою окруженъ, аще и не лѣпимъ дѣломъ, но крѣпкимъ онимъ

¹. Слово въ скобкахъ въ подлинникѣ пропущено, а потому заимствовано изъ другихъ списковъ.

старосвѣцкимъ муромъ. По верху же стражници, аки домове побудованніе, въ нихъ же стражъ всегда на всяку ночь стоитъ и кричитъ ажъ до полунощи; въ время же Ромазана и противу всякаго пятка на гвардію не ходять, ибо пятокъ имутъ они тако въ пошанованю, яко христіане недѣлю. Въ конци града, на горѣ, имать лѣпу, гладкимъ муромъ зданную фортецу, исполненную арматами и орудіями военными. Градь оной отъ единія страни воскрай самой води морской. Окрестъ Солуня все гори великіе, каменніе, чрезъ все лѣто по верху снѣзи имущіе, но и деревь довольно. Морскіе тамо отъ всѣхъ сторонъ видятся бреги, понеже тамо есть не равній брегъ, но морскій куть, или загонъ, и есть аки нѣкое озеро, зѣло широкое, зрится бо отвсюду земля. Рыбы морской не весьма довольно, но помежду горами суть озера и рѣки, отъ нихъ же извлекаютъ довольно. Земля тамо разнится отъ прежнихъ и нѣсть тако суха и неплодна, якоже Италія, но подобится Нѣмецкой. Се же того ради, понеже приближается къ нашимъ странамъ. Зрится недалече отъ Солуня пресловутая гора Олимпъ, високая и широкая, многія имущая чрезъ все лѣто верху снѣзи, о нихъ же предъ рекохъ, пловущи къ Солуню. Тамо (якоже слышашъ) подобнѣ, якоже и въ Святой Горѣ, саміе монастырѣ иноческіе обитаютъ. Недалече отъ Солуня, днемъ единимъ, отстоятъ три криници тепліе, горячую воду точащіе, въ нихъ же мѣются, аки въ банѣ; ихъ же ми именуемъ теплицы, подобніе оной, о которой писахъ въ Нѣмецкой землѣ. Еще тебѣ, читателю, достовѣрную и дивную вещь реку: есть, днемъ коннаго хожденія отъ Солуня, въ горахъ, едина вода, чудесное въ себѣ естество имущая, сладка и здравая къ питію; отъ потока же ея каменіе твердое и великое рождается. Тамо бо, откуда починается, есть вода чиста и свѣтла, якоже и

прочіи води, таже имъ же далѣй течеть, тимъ огустѣваетъ подъ сподомъ и въ камень бѣль и твердъ, аки мраморъ, претворяется. Не вѣмъ, Божією ли волею преестественнѣ сіе содѣвается, или отъ естества воднаго, или солнечнаго. А идѣже течаше зъ гори въ долину, по малу малу чрезъ многіе лѣта сотвори холмъ каменній великъ, Турки же, хотящи искусити естества водной силу и мисляще, яко мѣстомъ дѣется, прекопаша ровъ на ину страну и завратиша теченіе ея на другое мѣсто, обаче и тамо всегда одиначе даже доселѣ дѣйствуетъ, сотворися бо и на другомъ мѣсту такожде скала каменная. Се же еще чудеснѣе есть, яко мала риновка яже отъ древа содѣланна и постановленна тамо, удобнѣйшаго ради питія, и та вся обрасте каменемъ. На послѣдокъ, древесна, яже окрестъ стоятъ, лѣсовіе, низу въ долинѣ, на ихъ же вѣтвіе каплетъ оная вода, вѣтвіе и листвія обрастоша каменемъ. Аще же азъ самъ не посѣщахъ той води, но достовѣрнѣ извѣстихся отъ посѣщающихъ и приносящихъ оттуду каменіе, раждаемое отъ нея, и древо съ листвіемъ, обрастшее каменемъ, отъ коего камени и азъ взяхъ съ собою, лучшой ради вѣри и памятованія. Не могохъ же тамо пойти того ради, понеже тамо много суть челоукоубійцовъ, тако отъ Турковъ, якоже отъ безбожныхъ и распустныхъ христіанъ; Христіане бо Турковъ убиваютъ, Турки же Христіанъ. И не можетъ тамо единъ или два ни ихати, и ни пѣшешествовати, но всегда совокуплшеса 5 или 6 или десять; къ тому же къ оной водѣ зъ умыслу люде не издятъ, случаемъ биваетъ егда приходятъ къ оному селу, еже стоитъ близъ ея, или тимъ путемъ камо инуду шествовати; къ тому же тамошнимъ людемъ нѣсть она дивна, понеже родишася при ней. Паки суть недалече Солуня на двохъ мѣстехъ кри-

ници, теплую воду зѣло, яко на огни согрѣянную точащїе, отъ нихъ же въ единой бихъ азъ и михся, и удовлетворихся, якоже хотѣхъ. Источникъ води тоя въ едину яму, челоуѣку по уста, глубоку, широку на два сажни, кругло и гладко отъ тесанаго мрамора бѣлаго зданную, течеть, въ ней же внутрь въ водѣ и внѣ окрестъ приспи каменнїе устроени лѣпо. Стоитъ же внутрь капици, честно отъ камене съчиненной кругло отъ низу даже горѣ, сице затвористо, яко отнюдь ни камо пара отъ води дышущая изійти не можетъ, развѣ входа двернаго; верху же имать окна скляннїе, внутрь челюстей мурованнїе, лучшей ради свѣтлости. Внѣ же вратъ абїе течеть вода хладная и здравая, прохладженїя ради или питїя мїющихся. Въ ямѣ оной мїются людїе различнихъ вѣръ и языковъ, всякому бо волно тамо приходити хотящему, понеже никто же владѣеть особнѣ ею, но всего народа общая есть, и стоитъ внѣ одинаго села на поли. Что азъ видѣвши своима очима и осязавши тѣломъ, почудихся не мало, и Богу Вседѣтелю, чудная дѣйствующему, воздадохъ похвалу. Есть паки въ Солуню единъ мечеть великъ, кругль строенїемъ, аки столпъ, и различенъ отъ иннихъ, отъ церкви превращенъ, яже иногда зѣло лѣпа бяше. Тамо обрѣтается купа великая сухаровъ, оставшихся отъ Христїанъ отъ ветхихъ временъ, егда воюющимъ Туркомъ Грецію запершися съ запасомъ сѣдяху, не хотяще покоритися. Сего ради даже до здѣ держатъ невѣрнїи, болшаго ради своего прославленїя и въ незабвенную память, отъ нихъ же и азъ мало имѣхъ съ собою.

О путешествїи къ Иерусалиму.

Веѣдшу ми въ корабль съ прочїими многими людми, Септеврїа 1-го числа, года 1726, идѣже много поклон-

никовъ бѣше, имущихъ путь къ Іерусалиму: отъ Грековъ, Сербовъ и Евреевъ же съ женами множество, нѣколько Турчиновъ и отъ Французовъ, понеже Французкій корабль бѣше; но сіи не вси грядяху къ Іерусалиму, понеже нѣціи купци бяху, пловущіи съ товари къ островамъ морскимъ, яко то: до Сакизу, албо Хіо, до Кипру и прочіихъ мѣсть; бѣше же всѣхъ душъ числомъ близу ста, христіановъ 58. Тогожде числа отплихомъ отъ града Солуня и пловохомъ на востокъ солнца паки тимъ же путемъ, имъ же первѣе до Солуня отъ Хіо. Пловущимъ же намъ тогда, не скоро идяше корабль, понеже не бистъ вѣтеръ помощень, но отъ странни; того ради мало того дне уплихомъ, такожде и втораго и третаго. Четвертаго же дне и числа вишереченнаго мѣсяца, зъ суботи ¹ на неделю, по полунощи, возвѣя вѣтеръ помощень и пловохомъ добрѣ даже до утра и утро и до второй полунощи понеделка. Таже начатъ преставати помалу, и уже начинающуся дню толь велія сотворися тишина, даже до полудне, яко отнюдь ни камо не могохомъ плисти, но все на единомъ мѣсту колѣблющеся, подьносими бѣхомъ волною морскою, раздраженною отъ вишшереченнаго вѣтра. Таже по полудни возвѣя вѣтеръ помощень и доспѣхомъ къ граду Хіо, или Сакизъ, въ вечеръ понеделка, по захожденіи слонца, Септеврїя цятаго числа, предъ праздникомъ чуда Архистратига Христова Михаила, бившаго въ Хонехъ ². И тако ми, неблагополучнихъ ради вѣтровъ, изъ вишшереченнаго града Солуня шествовахомъ чрезъ пять днїй 400 миль; егда же вѣтеръ добрѣ биваетъ, тогда двою дню съ пощми вѣкратцѣ препливають тамо. Тамо замедли корабль 5 день, ово купли ради, ово же неблагополуч-

¹ Суббота приходилась въ 1726 г. на 3 сентября. — ² Слово „въ Хонехъ“ въ подлинной рукописи Барскаго заклесено бумагой.

нихъ дѣля вѣтровъ. Нѣщии люди тамо отъ корабля нашего останахся, но вѣщше вмѣсто тихъ приближа въ корабль отъ Турковъ, Жидовъ и Христіанъ, иніи бо пловоша къ Кипру острову, и иніи къ Родусу, друзіи же къ иннимъ мѣстамъ, прочіи же къ Іерусалиму. Имѣхомъ же въ корабли двохъ протосингеловъ Іерусалимскихъ, Германа и Галактіона, съ прочіими четирма иноками, и единъ іеромонахъ, именемъ Діонисій, бистъ отъ Святія Гори, Первій протосингель, посланній бивши отъ патріарха Іерусалимскаго въ Сербскую землю, възвращаешя въспятъ; другій отъ странъ Венецкихъ, такожде повращаше. Тамо спорядивъши кійждо своя вся, отпловомъ Божіею помощію оттуду въ день неделный рано Септеврія 11 числа. Тамо шествіе наше бистъ на полуденную странну; имѣхомъ ошуюю землю великую, зовомую Анатолія,—одесную же море пространное. Тогда идохомъ между островами морскими двѣма, отъ нихъ же бистъ единъ ошуюю островъ, високую и пространную гору имущъ, зовомій Само, продолженній добрѣ, вторій же одесную, еще паче продолженніе, но не тако высокіе гори имущъ, рекомій Никарія. Пловомъ же того дне добрѣ даже до полудни вѣтромъ помощнымъ и простимъ, аще и не весьма силнымъ. По полудни же явися вѣтръ чуждъ и пловомъ зѣло лѣнотно даже до вечера, и въ ноци такожде. Ноци же минающей, внійдохомъ узкимъ моремъ между оніе вишшереченніе острови, и бистъ, егда явися свѣтъ дневній, Септеврія 12 числа, не видѣхомъ окрестъ моря далече пути, но отъ вѣхъ странъ баху острови густіе, единъ при единому стоящіе, и на нихъ гори высокіе, древа же или мало или ничтоже, но сухъ камень. Служаше же намъ тогда вѣтръ вчерашній до полудне; та же явися вѣтръ помощень, аще и не силенъ, но простъ, созади, и несяше корабль спѣшно. Пलो-

хомъ же чрезъ весь день тотъ между окруженными горами, аки въ вѣнцу, и видѣхомъ на единой горѣ градъ, високо стоящъ, и другій ошуюю. Тогожде дне много рыбъ видѣхъ, превращающихся предъ кораблемъ поверху воды, иже бяху въ долготу болшіе, яко чловѣкъ, писки долгиѣ имущіе, ихъ же пловци морскіе зовутъ *capis marinus*, песь морскій. Оминухомъ тогда и единъ корабль великій, рекомій Галонъ, далече подъ горами пловущъ. Заходящу же слонцу, минухомъ единъ градъ лѣпъ, имущъ фортецу крѣпку; по обою же страну града того многое множество древа садовнаго, ими же изда- лече зрится красенъ. Стоить на единомъ особномъ островѣ, именуется же Станко, и островъ весь такожде. Имать пристанище, идѣже и кораблей не мало зряхуся. Ноци же надшедшей и служащу намъ вѣтру полезну, изійдохомъ отъ-между острововъ тѣхъ на пространѣйшую широту морскую и пловохомъ все вѣтромъ добримъ до утра и утро, обаче отвсюду землею окружаеми бѣхомъ: одесную имущи острови, ошую же землю Анатолию. Утру же бившу, Септеврїа 13, пловохомъ даже до полудни воскрай острова, рекомаго Родусъ, на немъ же зряхуся лѣпотніе веси, съ многими садами, различнїя дресеса имущими, такожде лозіе и точила виноградніе, отъ камене зданніе лѣпо.

О приходѣ къ острову Родусъ.

Таже приближающеса къ концу его, видѣхомъ градъ, отъ камени зданній, и замокъ, воскрай же его прекраснїй, ровнїй брегъ морскій и на немъ много млиновъ вѣтрянихъ, чинно, якоже и въ Сакизѣ, единъ при единому зданнихъ, ихъ же вращахуся колеса вѣтромъ обра-

щаеміе, аки звѣзды. Таже изволеніемъ начальника корабленнаго приближихомъ къ пристанищу самаго града, такожде рекомаго Родусъ, понеже всякъ островъ отъ началнаго своего града именуется, и впливши узкимъ проходомъ внутрь пристанища, вергохомъ котвицу тогожде 13 числа Септеврія, предъ Воздвиженіемъ Честнаго Креста, въ полудни. Изійде же кійждо въ градъ творити потребу свою, ми же всѣ, колико бѣхомъ Христіане, съгласившеся единомисленно, пойдомъ къ единой церквѣ къ храму Въведенія Пресвятія Богородици, поклоненія ради. Но понеже не приспѣло бяше время вечерни, сего ради ходихомъ сѣмо и овамо, созирающе градъ. Таже идохомъ къ единимъ людемъ, имѣяху бо протосингели Іерусалимскіе знаемыхъ тамо людій, и идохомъ вси купно съ ними и препочихомъ тамо мало. Таже водипа насъ тамошніе жилци по своихъ садахъ, идѣже видѣхомъ различніе лѣпіе дресеса и источници водніе, отъ горъ текущіе; фники, лимонѣ, цитрини, помаранчи, фіги, фіги Индійскіе и прочіи инніе, ихъ же имени не извѣстихся. Тамо прохождахомъ довольно и пихомъ води здравіе и удовлетворихомся. Таже нѣцїи воскорѣ възвратипася въ корабль, бѣ бо вечерь и не хотяху затворенни быти въ градѣ. Прочіе же вѣдяще, яко не имать корабль отъйти воскорѣ, оставшася въ градѣ, съ ними же и азъ, и идохомъ къ вишпереченной церкви и слушахомъ вечерни. Таже азъ съ другимъ идохомъ къ дому оному, идѣже предъ вечернею бѣхомъ, идѣже ноцевахомъ; трапези же тамо намъ не дадоша ни единаго хлѣба, но купивше за своя пѣнязи ядохомъ; точію постеля намъ дадоша и спахомъ. По полунощи же идохомъ къ вишпереченной церкви и слушахомъ утрени и служби Вожой; всенощной же не бистъ. Воздвиженіе Честнаго Креста не тако творять,

яко на странахъ Рускихъ: 1) на славословіи не воздвигашу, но по окончаніи часовъ и по проскомидіи славословіе пояху вторицею; 2) не схиляется помалу на низъ даже на землѣ, таже горѣ сходитъ, но схилившеся мало низу, держитъ крестъ на единомъ мѣсту, донелѣже не препоютъ сто разъ „Господи помилуй“, таже погружаетъ въ воду и возвишаетъ горѣ, и сице творитъ пятерижди. Послѣди же весь народъ, единъ по другому творятъ поклоненіе и лобизаютъ его съ страхомъ, чесому и азъ бихъ участникомъ. Бистъ же единъ съ нами путешествуя іеромонахъ Святогорець, именовъ Діонисій, иногда бившій игумень монастыря Дохіарского. Той въ день праздника того тамо принесе въ церковь мощи святія Параскевіи, часть великую, кость отъ руки съ тѣломъ, юже егда лобизаху людіе въ время правленія литургіи святой и азъ лобизахъ. Такожде и крестъ съ животворящимъ древомъ принесе тамо вишпереченній протосингель Іерусалимскій Германъ, и лобизушимъ прочимъ христіаномъ сподобихся и азъ грѣшній лобизати его. Тамо всякіе обрѣтаются людіе: отъ Грековъ, Арменовъ, Французовъ, Жидовъ; Турковъ же болѣе всѣхъ. Мужіе Христіанскіи и Еврейскіи завивала носятъ рабіе, яко же и въ Сакизѣ и повсюду въ земли Турецкой; Армене же ходятъ въ шапкахъ червонихъ, футромъ подбитихъ съзади и съспреди по два роги имущихъ. Жени тамо Греческіе ходятъ въ одеждахъ долгихъ и въ фартухахъ, покриваютъ же своя главы бѣлыми хустами; твари не натираютъ фарбами, но нѣкіи изображаютъ квѣти на ногахъ черниломъ толь крѣпкимъ, яко никогда же отмитися не можетъ, и сіи суть отъ Карпата, одинаго островца малаго, созади Родуса обрѣтаемаго и подъ власть его належащаго. Строеніе того града есть отчасти лѣпое, понеже вси доми и вси стѣни

градскіе отъ одинакаго, на чепри угли рѣзаннаго, мягкаго камени зданіе въ шахмати, крѣпко и гладко; доми же нѣ суть высокіе, точію инніе до двохъ степеней, инніе же до тріехъ. Всякъ домъ свои врата и дворъ имать, округъ стѣнами каменными високо ограждень. Доми обикоша маліе здати, токмо съ многими окнами, и покрова не имуть стеклистаго, острозданнаго, и отъвнѣ зрятся безъ покрова бити; обаче верху посипани суть землею равно и ринви отъ странни въ истѣканіе дождевой воды. Отъ верху доми зрятся, аки препростое село или пустое, понеже вси суть землею посипани и на иннихъ биліе порасте; внутрь же всюду лѣпо есть, понеже вси града улици каменемъ, аще и не гладкимъ, посланни, вси же двори насажденни каменцами черними и бѣлыми, рубомъ толь красно, яко лучше не требѣ. Тихъ каменцовъ тамо множество море на брегъ извергаетъ; обрѣтаются же они и на Русіи, при рѣкахъ и потокахъ, ихъ же ми простимъ нарѣчіемъ именуемъ лужанци. Всякъ дворъ имать свой кладезъ и малъ садокъ; кромѣ же того имуть многое множество садовъ внѣ града. Градъ стоитъ на берегу песчистомъ, подъ горою, въ концу острова, весь окрестъ каменною стѣною високо ограждень, рѣзанимъ квадралнимъ каменемъ въ едину мѣру. Строеніе оное все есть Малтизкое, понеже въ то время (якоже слышахъ) создася, егда они тамо обладаху. Стоитъ же отъ приходу во водѣ морской; имать лѣпо зданній оній лиманъ, идѣже внутрь кораблѣ купеческіе стоятъ. Тамъ бо стѣни въ водѣ глубоко, яко на два сажни, зданіе суть, къ нимъ же привязуются кораблѣ; предъ пристанищемъ же сѣмо и овамо двѣ вѣжи стоятъ, утвержденни арматами, ими же, яко врати въ лиманъ, си есть въ пристанище, кораблѣ входятъ; предъ пристанищемъ же внѣ града особѣ стоитъ на водѣ вежа

каменная, на ней же свѣтло свѣтится въ нощи, удобнѣйшаго ради прихода кораблемъ. Есть же тамо армать великихъ спѣжовихъ нѣколико, оставшихся отъ Малтезовъ, отъ нихъ едина есть толь великая, яко внутри можетъ человекъ воместитися пространно, юже (азъ лгати не хошу), аще своимъ очима не видѣхъ, но достовѣрно известихся отъ честныхъ персонъ, протосингеловъ Иерусалимскихъ, иже своимъ видѣша очеси. Тамо церковь христіанскихъ мало. Тамо ми премедлихомъ полтора дня, и егда сотвориша потребу свою, тогда извлекше котвицу отъ воды и призвавше Бога на помощь, отпустихомся отъ пристанища того въ день Воздвиженія Креста Господня, въ вечеръ, при захожденіи слонца, Септеврїа 14 числа. Тогда пловуще не видѣхомъ къ тому острововъ, но точію ошуюю бистъ Анатолія, земля великая, отъ всѣхъ же странъ море и небо. Шествоваше же корабль чрезъ ночь отчасти добримъ вѣтромъ. Утру же бившу, Септеврїа 15, бистъ тишина на малое время; таже явися маломощній вѣтрець и пловохомъ, якоже можахомъ. Послѣди же, предъ вечеромъ, даде намъ Богъ вѣтръ благъ и шествовахомъ даже до утра добрѣ. Утру же бившу, Септеврїа 16 числу паки, якоже и вчера, умолкоша вѣтри, и не могохомъ плисти ни сѣмо, ни овамо, колѣблющися на единомъ мѣстѣ. Взійдохомъ же того дне, еще на болшую широту морскую и не видѣхомъ ни острововъ, ни брега нигдѣ же, токмо мало Анатолія, ея же мѣсто Мирликія именуется, идѣже поживе и умре Святитель Христовъ Николай. Есть же тамо (слишахъ) и гробъ, идѣже первѣе святіе его лежаху моги, таже пренесомся въ Баръ градъ; но и та въмалѣ ищезе отъ очей нашихъ, бистъ бо ея рогъ тамо и завратися на инну странну, си есть на востокъ, наше же шествіе бистъ противу полудне. Не имѣхомъ же

того дне нимало ни откуда вѣтра, но даже до вечера колебахомься на единомъ мѣстѣ. Таже заходящу слонцу, явися вѣтръ малъ, но помощень, имъ же шествоваше корабль добрѣ чрезъ два дни и двѣ ноци безмѣрною широтою морскою, идѣже не видѣхомъ ничтоже болѣе, токмо небо, море и свой корабль. Таже едва втораго дне узрѣхомъ издалече островъ Кипръ, аще и не весма високіе, но зѣло долгіе на себѣ гори имущъ, и пловохомъ цѣлій день воскрай его и не могохомъ оминути величества и продолженія. Имѣяше же корабль нашъ нѣколико душъ въ Кипръ грядущихъ, сего ради, отпушенія ради ихъ и взятія новой воды, съвратихомъ отъ пути къ берегу, ноци надъходящей, и вергше котвицу, стахомъ издалече до утра, Септеврїа 18, въ недѣлю. Утру же бивицу, Септеврїа 19, въ понеделокъ, рано, припловохомъ къ берегу ближае, лучшаго ради исхода.

О пришествїи моемъ нъ Кипру.

Пришедше ми къ Кипру нощїю, не приближахомся близъ берега, да не татїи и разбойниковъ морскихъ разумѣюще бити, вергутъ на ни огненное оружіе жители тамошнїи и поразятъ ни. Сего ради, по совѣту и разуму корабля правителя, вергше котвицу въ море внѣ издалече, стояхомъ даже до утра. На заутрѣе же, яко же рѣхъ, Септеврїа 19, въ понеделокъ, предъ восхожденїемъ слонца, извлекше котвицу, припловохомъ къ берегу ближае, подъ единъ градъ невеликъ, идѣже изїидоша отъ насъ много, всякъ потреби ради своей. Азъ же придержайся вишшеписанныхъ иноковъ Іерусалимскихъ, съ ними же ходихъ до двоихъ церковь христїанскихъ, иже суть зѣло простаго отъ камене, но крѣпкаго и стараго строенїя. Таже ходихомъ по садахъ и

и подь сѣнію ихъ витахомъ, ядохомъ и пихомъ; тамо и препочивахомъ. Замедли же корабль намъ тамо полтора дня, и разсмотрѣхъ азъ вся тамо. Градець и малъ, и некрѣпкаго и нелѣпаго строенія, понеже домовъ отъ камене мало суть, но вси отъ плинѣ непаленихъ, отъ блата сотвореннихъ, зданніе и поверху посипани землею; токмо на брезѣ едину бойницу имать съ арматами. Стоитъ же на полѣ пространномъ, равномъ и зѣло прекрасномъ, подь горами; имать же окрестъ далече много древа садовнаго отъ маслинъ, финиковъ, фигъ, ягодинъ, грушъ, помаранчовъ, лимоновъ и прочіихъ деревъ, ихъ же нѣсть въ странахъ нашихъ, отъ лозія же многое множество. Но вѣдомо буди, яко ми не прійдохомъ къ граду началному, но инъ есть тамо великій и славній градъ началній, иже имать пристанище корабленное славное и богатое, якоже и на прочіихъ мѣстѣхъ. Островъ бо Кипрскій есть зѣло великъ: окрестъ всея земли имать сѣмьсотъ и пятьдесятъ миль и весей толикожде (якоже повѣствуются въ народѣхъ), градовъ же имать три или четири. Въ ономъ островѣ святій Лазарь епископомъ бистъ, егоже Иисусъ воскреси отъ мертвыхъ въ Вифаніи. Послѣди же преставися вторичею тамо; его же гробъ и доселѣ тамо есть, мощи же Богъ вѣсть камо. Есть же еще тамо монастырь лѣпъ иноческій, въ немъ же даже доздѣ хранится икона Пресвятія Владычицы нашей Богородици, юже самъ Евангелистъ Лука исписа. Обаче никтоже отъ насъ посѣщаше та, понеже имѣяше въскорѣ отъити корабль; къ тому же мѣста та отстояху въ горахъ далече, двою дню хожденія, и не могохомъ сотворити по желанію нашему, токмо путници Іерусалимскіе собраша, между собою сложившеса, милостину отъ пѣнязей и послаша въ оныи вишпереченній монастырь. Островъ есть зѣло прекрасенъ,

великъ, славенъ и богатъ, класа родящъ изобилно и лозія винограднаго. Оттуду исходятъ вина крѣпкіе и къ питію пріятніе и сладкіе и идутъ въ панство Венѣцкое и въ прочія странни Итали. Рожковъ Турецкихъ толь многое изобиліе родится, яко многіе наполненни великіе доми имуть и лопатами, аки гной сьгрѣбають, идѣже приходятъ купци великіе и наполняютъ кораблѣ многіе и развозятъ въ инніе царства. Тамо ми замедлѣхомъ токмо полтора дня, и сотворше кійждо свое требованіе, собрахомся въ корабль; извлекше же желѣзо отъ воды, пустихомся оттуду, помощію Божію, въ Палестину, Септеврія 20, въ второкъ. Пलोхохомъ же того дне и послѣдующей ноци вѣтромъ малимъ; втораго же дне съ ноцію шествовахомъ вѣтромъ добримъ, но невидѣхомъ нигдѣ земли, кромѣ небо и море; слонца же восхожденіе мяшеса очесемъ въ пучинѣ бити морской. Таже третаго дне узрѣхомъ ошуюю зѣло далече сѣнящіяся гори, стоящіе на предѣреченной земли Анатоли, между ими же зряшеса наивишшая гора, рекомая Кармилъ, идѣже спаша с. пророкъ Ілія, о чесомъ пишется въ книгахъ Царствъ. Пलोхохомъ же того дне мало, токмо рано; таже до самага полудни бистъ толь типина велія, яко и на десять степеней не могохомъ отплисти далей, но стояше корабль, вертящеса окрестъ и колѣблющеса сѣмо и овамо волнами играющаго моря, разярившагося отъ мимоседшаго вѣтра. Явившужеса вѣтру по полудни добру, пловохомъ добрѣ, имущи ошуюю издалече Анатолійскую землю. Оминухомъ же того дне предѣреченную гору Кармилъ и градъ, иже нарицается Кайфа. Четвертаго же дне, въ пятокъ, Септеврія 23 числа, пловохомъ недалече брега вѣтромъ добримъ, воскрай страни Палестинской, и мимодохомъ градовъ два ветхихъ на брезѣ, далече между собою отстоящихъ:

первій именуется Тартуза, иже иматъ внутрь людій живущихъ, и той стоитъ на крутомъ брезѣ, при високихъ горахъ; второй же стоитъ пусть и разорень, на низкомъ брезѣ, на пѣскахъ, рекомій Кессарія. Пловухомъ же чрезъ весь день той воскрай брега низкаго и веселаго, на немъ же далече поле ровное, пѣсчистое распростресе и деревь лѣсовихъ на немъ зеленѣють множество. Приближающимъ же ся намъ къ граду Юпи, оминухомъ единъ мечеть Турецкій, стоящій на брезѣ, пусть, иже первѣе церковію христіанскою бяше, послѣди же его Турки (якоже повѣствуется) проименоваша именемъ святаго своего, рекше Ибналемъ, еже мѣсто и доселѣ сиче нарицается. Таже, при захожденіи слонца, доспѣхомъ къ Юпіи, идѣже не ближащеся къ граду, стахомъ внѣ издалече, вергше котвица корабля въ море. И бистъ шествія нашего отъ Солуня до Юпѣи 900 миль и 50.

О пришествіи моемъ къ Юпіи.

Еще пловущимъ намъ издалече къ граду Юпѣи, юже именують тамо Яфа, припловаша къ намъ устрѣтающе многими кораблецами людіе тамошніи, нелѣпозрачній образомъ, языкомъ Арапскимъ бесѣдующіи, хотяще насъ превозити въ градъ. Обычай бо тамо таковъ есть, яко кораблѣ великіе тамо не припливаютьъ близъ града, понеже пристанища нѣсть добра, но идѣже би кораблѣ имѣяху приставати, тамо суть жестокое и остро каменіе, инніе въ водѣ, другіе же вишне воды стоящіе; сего ради, да не поразими будутъ, обикоша стати внѣ, издалече. Верже тогда котвицу въ воду и нашъ кораблоправитель и удержа корабль далече отъ града, яко двѣма поприцма на морѣ отстоящъ. Тогда нѣціи отъ насъ, иземше вещи своя отъ корабля и вложше въ ладія, от-

плиша къ граду на пощеваніе, прочіи же отложиша на утро, бисть бо вечеръ темень и вѣтръ шумень, великіе волни возносяй. Остахъжеса и азъ тогда и пощевахъ въ кораблѣ. Бисть же тогда даже до полунощи зѣло буря велика и волненія морская толь силно колѣбаху корабль, яко едва не превратиша, яко ни стояти, ни сѣдѣти, ни лежати безъ придержанія верви, или чесого иного, нѣсть бяше мощно. Наутрѣ же, возсіявшу дню суботному, Септеврїа 24 числа, сотворихъ азъ благодареніе господо корабленнику, яко по милосердію своему, чаяй царствїа небеснаго, превезе мя чрезъ толь великій путь безъ мзды, Бога ради. Таже, взявши своя рубища, препловохъ, мзду давши, съ прочіими люди къ граду и пойдохъ въ метохъ или въ страннопріемницу Іерусалимскую, идѣже прочіи бяху поклонники, предваривши насъ, отъ купцевъ богатихъ и благороднихъ, такожде и отъ священнихъ особъ немало, идѣже вси ожидаху времени, донелѣже придуть отъ Іерусалима возници съ верблюди и повезуть ихъ тамо. Метохъ оній есть прежде 3 лѣти, новосозданній многимъ коштомъ патріархи Іерусалимскаго Хрисанфа, угожденїа ради Христіанъ, путешествующихъ тамо, иже приложи много тщаніе о немъ и пѣнязей. Сиче же лѣпо и премудро устроень и располженъ, яко отъ всякаго ходящаго тамо похваляемъ бываетъ и благодареніе творится потщавшемуся о немъ. Келїи и домовъ много иматъ къ сложенію вещей и препочиванію странныхъ, чинно, якоже въ нѣкоемъ монастырѣ, устроенныхъ. Тамо препочивахомъ кїйждо на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, по три и по четири въ келїяхъ. Бисть же тогда день суботній, и преклоняющуся слонцу на западь, идохомъ ко единой церкви на вечерню, идѣже на единой странѣ пояху по Греческу, на второй же по Арапску. Се же путниковъ ради, прибывшихъ отъ Греціи

(якоже слишахъ, сотворися); сами же тамошніи всегда по Арапску чтуть, понеже именуются Арапи бѣліе, бѣлой ради породы своей, и не знаютъ иннаго языка, кромѣ Арапскаго. Имуть же своя вся книги, къ церкви и вѣри требованію, яже суть не печатанныи, но рукописанныи; писмена же ихъ якоже и Турецкіе. Чинь въ отправѣ церковной весь держать Греческой, токмо каѳизму первую тогда чтоша три дѣтища, единъ по другому, по „Славѣ“, на конецъ. Вѣру Христіанскую православную содержатъ крѣпко и поютъ на тони Греческіе. Ходятъ въ долгихъ одеждахъ и глави не завиваютъ на подобіе Турковъ, якоже и въ иннихъ странахъ Турецкихъ. Жени такожде долгу носятъ одежду, лица своя закрывающе, глави же покрываютъ хустами зѣло долгими, яко воскрилія ихъ даже до земля висятъ. Церковь, о ней же предъ помянухъ, нѣсть церковь совершенная, въ еже би могла въ ней пѣтися литургія божественная, но аки часовня, идѣже нѣсть ни царскихъ вратъ, ни олтара; поеть же ся тамо токмо вечерня, утреня и часи. Повѣствуютъ же вѣроятнѣ, яко то самій домъ есть, идѣже Апостоль Петръ дѣвицу умершую, именовъ Тавиѳу, воскреси отъ мертвыхъ. Есть же домъ онъ каменезданъ, сиче же зѣло обетша, яко иже прежде отъ бѣла камня составлень баше, нинѣ мнится бити отъ черна, бо очернѣ и укурися дозѣла, ветхости ради, и стоитъ близъ берега морскаго. Близъ его стоитъ вторій престарѣлій домъ, въ немъ же жителствоваше Симонъ Усмарь, въ него же гостивши Петръ, препочивающа на горници, видѣ плащеницу, отъ небесъ спущенную, въ ней же бяху животная чиста и нечиста и прочая, о чесомъ пишеть въ Дѣянїяхъ Апостольскихъ, и инніе мѣста, идѣже с. Петръ хождаше, сѣдѣше, поучаше и прочая. Та вся азъ видѣвши и увѣдавши, дадохъ славу Богу, яко сподоби мя

недостойного оніе святіе посѣщати мѣста, и возвратихся паки въ вишѣписанную гостинницу съ прочіими поклонники. Ноци же нашедшей, созва началникъ, или игумень метоха того въ особную келію всехъ путниковъ, богатшихъ и началнѣйшихъ, и представивъ имъ трапезу честну и учреждаше ихъ довольно. Азъ же, убожества ради своего, не званъ бѣхъ, но останахъ съ слугами и стоя внѣ дверей, созирахъ бывшее. По окончаніи же трапезы, по обычаю тамошнему биваемому, взять игумень страннопріемницы единъ блюдь празденъ, и даяху вси, по силѣ своей, по нѣколко златиць, прочіи же сребники, и вписоваша вси имена своя, поминанія ради въ сорокоустахъ. Таже, благодареніе Богу сотворше, разидошася на своя мѣста. Азъ же послѣди званъ бѣхъ съ слугами и послушники Іерусалимскими вечеряти и наситихся отъ збитковъ и укруповъ довольно. Заутра же, въ неделю, бихомъ на утрни въ тойже вишѣписанной часовниці. Наставшу же дню, пойдехомъ вси съ протосингелами Іерусалимскими къ другой церкви, внѣ града на распутіи стоящей, и слушахомъ тамо святой литургіи, яже въ поль, и Арапскимъ, и Греческимъ язикомъ, пояшеса, чтяху жеся двое Евангелія и два Апостоли, да разумѣютъ Арапи и Греки. Но вземли, благій читателю, истину ти реку, яко нѣгдѣже худшой, убогшой и бѣднѣйшой не случися видѣти церкви, яко та. Не глаголю бо о томъ, яко не имать никаковаго украшенія внутрь: ни образовъ, ни свѣтилниковъ, ничтоже, но сіе болѣзненно, яко ни покрова, ни вратъ, ни оконъ. Что же имать? Точію три стѣны каменныхъ, и то не цѣли, четвертая же стѣна, яже отъ входу, развалися даже до землѣ, верхъ же завалися такожде, токмо надъ олтаремъ мало присѣненно тростию; внутрь же, идѣже стояше иногда иконостасъ, стоитъ прегражденна каменная стѣна

ветха такожде, якоже и церковь. Словомъ рещи, аки единъ пусть вертепъ, идѣже егда приходятъ литургію святую творити, вся сосуди и одежды священническіе, такожде книги и свѣщи, приносятъ съ собою, послѣди же паки относятъ. Вопросихъ же азъ, почто тамо Христіане оной не обновлятъ или инной не сотворятъ? Отвѣтствуютъ, яко бѣсурмане, иже тамо обладаютъ, отнюдь не соизволяютъ на тое, аще тысящными моленми, златомъ же, серебромъ и многими дарами пѣстунствуеми биша. Та и прочая азъ тамо слишавши и видящи, соболѣзновахъ сердцемъ неволѣ ихъ и похваляхъ въ умѣ моемъ твердость вѣри ихъ, яко аще и въ таковой нуждѣ обрѣтаются, обаче непремѣнно, яко и прочіи Христіане, даже доселѣ, на всякъ день молятся Господеви. Ходихомъ же на всякъ день на правило къ церкви, но всегда Арапское слишавомъ чтеніе, и пребивавомъ въ вишшешеписанной гостинниці, ожидающе время путешествію нашему къ Гробу Господню.

О Юлѣи.

Юлѣя (или якоже тамо именуется Яфа) есть градъ малъ и тѣсень строеніемъ, но отчасти имать лѣпіе доми, отъ каменей четверугольных, гладцѣ сѣченнихъ, зданіе, такожде и прочіи отъ самороднаго камене бѣла составленніе старомирскимъ, простимъ; улицы и стезѣ ускіе и не весма чистіе. Зданія домовъ не имуть покрововъ, горѣ возвишеннихъ, якоже въ иннихъ страннахъ, и зрятея бити безъ покрововъ, но покрови ихъ внутрь, между стѣнами суть, отъ каменцовъ малихъ, праха и вапни, вкупѣ съ водою смѣшеннихъ, сочиненное сиче лѣпно и гладко, яко ни токь гумепній, лучшій не можетъ бити. Суть же въ стѣнахъ и дири на улицы, ими

Ἰουθία ἢ Ἰάφα.

Юштия или Яффа.

Византизмъ. В. Кадетство, Варшава. № 16.

Яффа

ἰωταῖον ἤρην Ἰάφα.

Фото-линогр. Н. Индустного, Караван. № 16.

Яффа

же отъ покрововъ онѣхъ дождевная истѣкаетъ вода. По-
латъ високихъ суть мало, токмо нѣсколько бѣсурман-
скихъ, прочіи же домове нѣ суть много високи, но иніе
до двохъ точію степеней, едни верху другихъ, иніе же
до тріехъ. Отъ моря зрится градъ бити строеніемъ ви-
сокъ, того ради, понеже стоить на брезѣ крутомъ, предъ-
няя убо зданія стоятъ низу, а яже создади—на высо-
чайшемъ мѣстѣ; отъ земли же, грядущи отъ Іерусалима,
нижнихъ домовъ не зрится ничтоже. Мѣсто оное, вет-
хости ради своей и пристанища корабленнаго, есть бо
повсюду тамо пресловутое, занеже кораблѣ Французкіе,
Ангелскіе, Турецкіе, Венецкіе и отъ прочіихъ странъ
тамо приходятъ, иніе съ товари, иніе же съ поклон-
никами Іерусалимскими. Обитаеть же тамо и консуль
Французскій, си есть совѣтникъ, управленія ради своихъ
людей, тамо приходящихъ. Есть же и монастырецъ малъ
Римскій, идѣже единъ инокъ брадатій, мню капуцинь,
живеть, духовной ради потреби къ своему люду; церкви
же Римской нѣсть, не соизволяютъ бо устроить не-
вѣрніе. Имать къ тому градъ той двѣ крѣпостѣ, зѣло
тѣснѣе, съ арматами, къ сопротивленію враговъ устро-
енніе, и мѣсто къ сочиненію пристанища лѣпое могло
бы бити, (якоже иногда и бистъ), аще би въ руки му-
дрихъ строителей отдано било. Юпѣя стоить на брезѣ
близу, яко и домовъ основанія касается вода морская.
Поля равнаго имать много, окрестъ протяженнаго, но
землю пѣсковатую и мушаго, пдѣже хлѣба оскудно ра-
ждаеться и лозія зѣло мало, понеже Арапи природнѣ
вина не обикоса пити и ни иннаго хмелнаго питія, тако
богатіи, якоже и убогіи, токмо воду едину, того ради
и лицемъ неблагообразни суть, но черни, сухи, звѣро-
видни; аще нѣдїи и піють, то зѣло мало, и малочисленни
такови обрѣтаются, развѣ тїи, иже проходятъ въ страну

Греческую. Воду имуть во студенцахъ копаннихъ, отъ спудовъ земнихъ исходящую и къ питію невестна здраву, найпачеже иностраннымъ людемъ. Древеса садовая, смокви, маслины и рожди токмо плодоносятъ, иніе же не обрѣтаются. О дрова нужно приходять и скупо продаются, понеже лѣса нѣсть близу, но далече продолжша поля равніе, пѣсчастіе, кътому же сухіе и травы не родящіе и води мало имущіе, ибо въ той странѣ много жжетъ солнечная луча и горячесть велія есть, яко толща земли просядеся на земли на частихъ мѣстѣхъ, идѣже ни трава, ни биліе зеленѣти не можетъ, якоже въ странахъ Россійскихъ, но вся усихаютъ, и аще уже тамо въ оное время мѣсяць Септеврій кончашеся, обаче таковая бѣше теплота, яковая биваетъ въ земли Руской посередѣ лѣта. Тамо недалече отъ Яфи отстоятъ многіе градове и веси, о нихъ же воспоминаніе творится въ Писаніи Божественномъ. Отъ восточнія убо странни суть сіи: Лида, иже есть отчество святаго великомученика Георгія, Назареть, Иерусалимъ суть далече отъ моря; на приморіи же суть сіи: мѣсто нарицаемое Ибсальемъ, идѣже Христось Господь вопроси учениковъ: „кого Мя глаголють челоуѣци бити, сына челоуѣческаго? Инніи глаголаху, яко Илію, другіи, яко единого отъ Пророкъ. Петръ же рече: „Ти еси Христось, Ти еси Сынъ Бога Живаго“. Нынѣ же на мѣстѣ томъ стоятъ джамѣя Турецкая, пуста. Таможде недалече стоитъ градъ пустъ и раззоренъ, рекомій Кесарія Филипова; таже далѣ Тирь, и Сидонъ и Кармилъ гора, идѣже постышесе пророкъ Ілія. Отъ полуденія же странни Рама, Газа, таже далече Александрія, Египеть, Гора Синайская, Аравія, идѣже черніе Арапи жителствуютъ. Отъ западнія же странни море, къ всѣмъ странамъ путь имущое. Пребивающимъ убо намъ въ градѣ Юпѣи, въ вишшени-

санномъ гостинномъ монастирѣ патріаршемъ нѣколикодній, дойдоша отъ Цариграда многое множество народа Арменскаго, не мало же и Жидовскаго, съ женами и дѣтицами, грядущіе на поклоненіе къ Іерусалиму; обрѣтохомъ же и отъ предъварившаго насъ народа изобилно, но ни отъ коея инія странни не бистъ толь много, яко отъ Константинополя, понеже убѣгаху отгуду много, бывшаго ради тамо великаго гнѣва Божія, моромъ лютомъ люди казнящаго. Сображеса тогда насъ народа всѣхъ поклонниковъ Іерусалимскихъ, отъ Грековъ, Арменовъ и Евреовъ, близъ тысящи душъ, и пребиваху вси въ особнихъ гостинницахъ, ожидающе время, донелѣже будетъ повелѣно пойти къ Іерусалиму отъ градоначалника, по обычаю тамошнему. Обычай убо есть таковъ: егда соберутся поклонниковъ много, ихъ же именуютъ тамо хадзии, тогда начальникъ града Іопѣи, именуемій папа, пишеть посланіе къ Іерусалиму, да пришлютъ ему людій съ верблюди толико, елико могутъ вся вещи путниковъ взяти и отнести въ Іерусалимъ, и паки, да пришлютъ верблюдовъ, месковъ, ословъ и коней толикое число, елико можетъ всѣхъ ходзѣевъ, си есть путниковъ, на себѣ превезти. Посла же тогда папа вѣсть къ Іерусалиму, и прислани биша Арапи мнози съ верблюдами, ослиами и проч. и взяше вся вещи путниковъ, повезоша тамо преди за мзду, Септеврія 27 числа, въ вѣвторникъ. Таже, ноци надшедшей, приспѣша отъ Іерусалима другіе Арапи съ вящшимъ и множествомъ различныхъ животнихъ, отнесенія ради всѣхъ путниковъ въ Іерусалимъ. Взятъ же папа Іопійскій отъ всякой души дань отъ пѣнязей и даде всѣмъ знаменія, на хартіяхъ написанная, въ еже би волно изійти отъ града. Дадоша же миряне вси по седмъ толярей и полъ, иноки же по три и полъ; равную же и азъ съ иноками дадохъ дань,

наставленіемъ протосингелей Іерусалимскихъ, пройдохъ бо вмѣсто инока удобно, понеже толь въ долгомъ моемъ путешествіи обрасль биль долгими власи главными и малою брадою, кътому же черніе всегда носяхъ одежды и покровъ главній, подобній иноческому, его же невѣрній не разсмотряють. Богу же промишляющу о моемъ убогомъ странствованіи подь видомъ сицеваго образа полезно ми бистъ. А иже по мирску одѣянь, аще би и худѣйшіе и послѣдніе рубища на себѣ носиль, долженъ есть дати равную съ прочими дань, не зрять бо невѣрній на нищету, ниже имать милосердіе, но токмо исчисляеть главы. Милосердіе бо есть добродѣтель, а иже не имать вѣри, той ниже добродѣтели. Но вѣдомо буди всякому, хотящому знати, яко мзда она, юже именуютъ тамо кефари, того ради вземлется неотмѣнно отъ пашы градоначалствующаго, понеже онъ посилаеть людій своихъ въкупѣ съ поклонниками провожденія ради даже до Іерусалима. Аще бо би не било сиче, то би отнюдъ невозможно било тамо проходить никому же, разбойниковъ ради множества, тамо обрѣтающихся, иже, егда человекъ нѣкоего похитять въ свои руцѣ на поли, аще не убіють, то біюще каменіемъ, ели жива оставять при пути, обнаживши его даже до послѣднего рубища. Сего ради, разсудивше, да не погибаетъ много, взимають мало и безъбѣднѣ проводими бивають страннопришелци. И тако, егда собра паша тогда отъ всѣхъ хадзіевъ, си есть поклонниковъ, мзду свою, даде всякому на малой хартіи печать свою, съ подписомъ, даде же и Араповъ коннихъ и пѣшихъ съ оружіемъ и дреколми, да шествуютъ съ нами въ Іерусалимъ и агу началствующаго представи надъ ними. Тогда предъуготовившеся вси на путь, инни всѣдоша на верблюди, и инни же на кони, друзіи же на мески и прочіи на осли, и

кѣждо по мздѣ и воли своей. Азъ же, частію убожества дѣля, щадя пѣнязь на нужднѣйшее, частію же Бога ради, на посѣщеніи святыхъ мѣстъ потрудитися хотящи, пѣшеходити изволихъ. Двигнухомься убо отъ Іопѣи Септеврїя 28 числа, въ среду, предъ обѣдомъ, за два часа или ранше, идѣже исходяще изъ града, дахомъ вси печати своя, яже имѣхомъ отъ паши, и по двѣ пари стражникомъ, въ вратахъ стоящимъ. Таже изїидохомъ вонъ, идѣже инніе Арапи скитающіеся по поляхъ въ худихъ и раздраннихъ одеждахъ, взимающе коней за брозди и не пуцающе далѣй шествовати, искаху отъ всякаго нѣчто отъ пинязей, глаголице Арапскимъ языкомъ: „альбакшипъ“, то есть даждь даръ, и роздаяху сребренники на многихъ мѣстехъ; аще же кто не хотяше дати, то біяху жезліемъ, во слѣдъ гоняще осла или коня; искаху же и отъ мене, но не даяхъ имъ ничтоже, и попихаху мя, посмѣвающесея. Егда же отїидохомъ отъ града недалече на поле, ожидахомъ на единомъ мѣстѣ путниковъ прочіихъ, донелѣже собравшася вси въ единый полкъ, и придоша провождающіи насъ Арапи съ началнимъ своимъ, отъ нихъ же пѣшеходци идоша преди, конніи съзади, посередѣ же чинно грядяху всѣ хаджіи. И тогда, призвавше Всемогущаго Бога и Творца своего вси на помощь, начахомъ шествовати, сіи на конехъ и сіи на верблюдахъ, аки на колесницехъ, ми же, въ имя Господа Бога нашего совокупившесея, нѣціи убозіи грядохомъ пѣши. Вистѣ же насъ тогда всѣхъ полкъ великъ, яко до полтори тысящи душъ и зряшеся народъ, аки нѣкое войско, грядущое на брань. Имѣхомъ путь широкъ, равнимъ и долгимъ полемъ, идѣже нѣсть ни древа, ни травъ лѣпнихъ, но всюду пѣсокъ бѣль и земля просѣдшаяся отъ горячести солнечной и весей мало. Тогда преїидохомъ чрезъ едипу весь, зѣло

ветху и малу, яко едва живуць кто обрѣтается; таже мимоидохомъ опуюю вторую весь, именуемую Лида, идеже баше отчество святаго великомученика Георгія. Послѣди полудни доспѣхомъ къ граду Ремли.

О градѣ Ремлы, или Рамѣ.

Входящимъ намъ въ градъ Ремль, устрѣтаху насъ множество народа отъ Арменъ, Римлянъ и Еѳиоповъ, тако отъ вѣри Греческой, яко и отъ Турецкой, и раздѣлихомъся вси, по обычаю тамошнему, на различніе гостиници: Армени особъ, Евреи сѣобъ, ми же, Христіане Греческой вѣри стахомъ особно въ страннопріимницѣ патриаршей, при храмѣ святаго Георгія стоящей, и ношевахомъ тамо, ожидающе до утра, донелѣже намъ будетъ повелѣнно изійти отъ града. Бихомъ же въ церкви святаго Георгія на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже чтеніе Еѳиопское есть, якоже и въ Іоуѣи. Пришедше же иноки Іерусалимскіе съ поклонники Греческими въ полъ съ Арапи по Греческу пояху и чтаху. Зданіе храма того есть зѣло ветхое, отъ каменей бо сѣченнихъ великихъ лѣпо сложенъ есть, къ тому же и пространенъ внутрь и лѣпаго расположенія есть. Имѣаше же иногда извнѣ верху главы, нинѣ же разорени суть и поверху ихъ покровъ равень стоитъ и дира средня главы закровенна бревнами деревяними. Отъвнѣ же никакой лѣпоти нѣсть, понеже стоитъ между домами инними, и сама есть, якоже нѣкій домъ. Стоитъ же низу, яко на 10 степеней въ землѣ. Се же того ради, яко ветха есть лѣтми, и по многихъ временехъ возрасте градъ вишше, она же нерушима единаче даже доселѣ пребиваетъ. Внутрь иматъ токмо престоль единъ къ совершенію божественія литургіи. Формъ внутрь нѣсть

къ поддержанію тѣлесъ, якоже въ странахъ Греческихъ
обычай есть многимъ бити въ церквахъ, идѣже распяв-
ши ружь обоюду, повѣшаютъ униліе тѣлеса своя, не гла-
голю старіе, симъ бо прилично, немощи ради ихъ, но
юноши и младенци или, паче рещи, дѣти таможде вкупѣ
въ чину старихъ стоять. Что же глаголю стоять, мнятся
токмо стояти, вещью же самую вѣдять съ всякимъ угож-
деніемъ, еже гдѣ любо буди обрѣтается въ православ-
ной христіанской вѣри, и не лѣпо и съ грѣхомъ есть.
Тамо же не тако, но вмѣсто формъ суть сотвореніе
милици древяни, на нихъ же обикомъ хроміе ходити,
ими же подпираются старіе и немощніе на правилѣ цер-
ковномъ, прочіи же стоять посрединѣ церкви, ниже до
стѣни прикасающася, еже достойное есть похвали. Под-
ножіе храма того великими каменными деками гладцѣ
посланное и украшеніе образовъ отчасти лѣпотное.
Суть же внутри столповъ високихъ мраморныхъ шесть
отъ цѣлаго камня изсѣченнихъ гладцѣ, ими же обдер-
жится верхъ церкви тоя; ихъ толстота, яко единому че-
ловѣку едва обяти мощно руками. Отъ онихъ столповъ
единъ есть образомъ и дѣломъ различенъ, въ углѣ отъ
страни опуія стоящъ и имущъ на себѣ ветхая Грече-
ская написанія. Принесень тамо чудомъ святаго Геор-
гія сиче ¹: Градъ тотъ (якоже рѣхъ) именуется Ремль.
Се же Еоіопскимъ, Греческимъ и Агаранскимъ языкомъ,
Россійскимъ же или Славенскимъ Рама, о ней же вос-
поминаеть Евангелистъ Матѣей въ главѣ 2, егда пи-
шетъ о избіеніи младенецъ сиче: „Тогда Иродъ, видѣвъ,

¹ Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для выписки изъ Житія св. велико-
мученика Георгія и только съ боку замѣчено: „Что въ житіи с. велико-
мученика Георгія“; а въ другихъ спискахъ: „Якоже о томъ пространна
есть исторія въ житіи святаго великомученика Георгія, позволай да четь
тамо“.

яко поругашася ему волсви, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся младенци сущыя въ Виолеемѣ. Тогда скончася реченное Пророкомъ, глаголющимъ: „гласъ, рече, въ Рамѣ слышася, рыданіе и плачь многъ; Рахиль плачущися чадь своихъ и не хотяше утѣшиться, понеже не суть“. Рама мѣсто високо сказается, якоже чтохъ въ Толкованіи: есть же мѣсто сіе високое въ Палестинѣ. Случижеся въ жребіи племени Веніамина, Веніаминъ же баше сынъ Рахилинъ, Рахиль же въ Виолеемѣ погребенна бысть. Сего ради Пророкъ Рахиль Виолеемъ нарицаеть, понеже въ Виолеемѣ Рахиль погребеса. Гласъ же, слышанный въ Рамѣ, сирѣчь въ мѣстѣ високомъ. Мѣсто оное нѣсть градъ, понеже не огражденно стѣною окрестъ, отнюду же би могль защититися противу врага своего, но есть аки нѣкая знаменитая весъ; аще бо и врата внутрь имать, но та всегда отворенна стоять, якоже и въ Іопѣи. Симв токмо разнствуютъ, яко Іопѣя пристанищемъ славна, Рама же пристанища не имать, но стоитъ на земли равной, пѣсковатой, на мѣстѣ веселомъ, понеже окрестъ себе имать много садовъ, зеленающихся всегда отъ древа маслиннаго, маслина бо и въ лѣтѣ и въ зимѣ зеленое и здравое листвіе имать, и равностъ поля отъ восточнїа и западнїа странни распространися, отъ полуденнїа же странни горы Іерусалимскіе высокіе отстоятъ недалече, яко полдня хожденіемъ; кромѣ же того и внутрь имать дрeвеса: финики, смокви, ройди, лимони и помаранчи, лозіе же не обрѣтается, ни вино, понеже Еѣиопи зѣло лѣнивъ и развращень народъ и самъ не пїеть вина и пити хотящимъ не плодородитъ; не токмо же то, но и на хлѣбъ мало землѣ орутъ, сего ради и скупою продается цѣною, единаче якоже и въ Іопѣи, еже бо въ Солуни третью часть сребника датп треба, тамо цѣлій за толккожде, и вся

третицею дражайше. Есть же тамо торжище, идѣже купеческихъ каморъ токмо двѣ или три, и то убогіе, прочее же ничтоже обрѣтается, развѣ снѣднихъ вещей, и то развѣ хлѣба и смоковъ или явнихъ плодовъ, сира мало, млека никогда же продають, понеже зѣло нужно жити овцамъ, ибо поля и гори безъ травы суть, ово камня и пѣска ради, овоже теплаго ради края, ибо дождеве тамо чрезъ все лѣто не омочаютъ земли, развѣ въ зимное время: къ тому же народъ золь и лѣнивъ на всякое дѣло. Мясо обрѣтается, но драго; рыба же отнюдь не обрѣтается, понеже окрестъ нѣгдѣ ни рѣки, ни езера нѣсть; аще и явится когда, то развѣ принесенна будетъ отъ Іопѣи, и тогда мало кто ея требуетъ. Арапи бо обикоша хлѣбъ ясти съ елеемъ, понеже елея довольно есть, ни же фаву и сочиво. Французи же, иже тамо нѣколико обрѣтаются, ти не ищутъ много, понеже всегда мясо и сирь ядятъ. Нужно же тамо ясти вареніе и хлѣбъ пеци, скудости ради дровъ, понеже нигдѣ окрестъ на поляхъ нѣсть лѣса, токмо отъ между горъ Іерусалимскихъ издалече приносятъ. Тамо обрѣтаются четирохъ вѣрь людіе: Христіане Еѣиопи вѣри Греческой, Римляне, Армене и Махометане. О Греческой церкви с. великомученика Георгія прежде рекохъ. Ходихъ же азъ тамо посѣщати и Арменскую гостинницу, виденія дѣля, идѣже церковь простаго каменнаго зданія, но имать свою лѣпоту внутрь и украшеніе. Гостинница же ихъ зданія многа, пространна и лѣпа строеніемъ имать, съ насажденными древеси лимонными, и студенци, отъ камене гладцѣ устроенными, страннимъ ради почерпанія воды, въ нихъ же вода отъ дожда въ зимное время собрана стоитъ и піють ю даже до года, сиче и въ Греческой гостинници и въ всемъ градѣ, понеже въ землѣ источника трудно обрѣсти. Тогда бистъ тамо множество

народа отъ Армень, грядущихъ на поклоненіе къ Іерусалиму, яко наполнитися всѣмъ домоу тамо въ гостиници, аще есть и велика, аки нѣкій монастырь. Мало же отъ нихъ баше убогихъ, но все богатіе господіе и великіе купци, съ женами и дѣтми, бяху, наиболше же отъ Константинополя, мора ради бившаго въ немъ. Утру же бившю, Септеврія 29 числу, въ день четвертка, рано обійде вся гостиници самъ начальникъ мѣста того съ прочіими Махометани и подобнымъ обичасемъ тамо, яко же и въ Іопѣи, взять мзду за стражъ, яже провождаше насъ. Творять бо, яже хочуть, въ рукахъ своихъ держаще мѣста Святая. Но тамо польмзди Іопскія дается: отъ мирскихъ убо отъ всякія души, малія же и великія, взяша четири златихъ Турецкихъ, се же есть три таляри, отъ иноковъ же по два златихъ, си есть по полтора таляра и еще двѣма сребники вящше. Дадохъ же и азъ тогда равное съ иноки поплащеніе, Богу о мнѣ сиде промишляющу наставленіемъ добрихъ людій, черноризецъ бо и худоризецъ бѣхъ, сего ради не много презирахъ бѣхъ, но подѣ видомъ ница и убога инока пройдохъ. Егда же дадоша вси свое должное и взяша печати, подобнѣ якоже и въ Іопѣи, тогда испущенни бихомъ вси изъ града, давше имъ печати ихъ съ мздою двохъ сребникъ, еже есть двохъ парь, и изшедше того дне предѣ захожденіемъ слонца внѣ Рамы, стояхомъ на поли равномъ, по хотѣнію провождающихъ ны, даже до четирихъ часъ ноци и вящше. Таже двигнувшеся отгуду, яко близъ полуноци, и мѣсяцю полну тогда свѣтящу намъ, пойдохомъ въ свой путь. Тогда азъ пройдохъ преди, предваря коннихъ, занеже между конними нужда пѣшу шествовати, ово подавленія ради, ово же праха ради, копитами скотскими горѣ възбіеннаго и въ очеса и носъ летящаго: вси бо, иже бяху пѣпи, преди грядяху. Ви-

дящи убо азъ тогда Еѳіоповъ отъ полка нашего, пошедшихъ впредь, яко пятнадцатъ человекъ, послѣдовахъ по нихъ издалуче, понеже конници не исправивша народъ въ чинъ ко шествію. Егда же шествовахъ, яко четвертую часть часа, бѣхъ далече отъ полка своего, яко не токмо невидяшеса, но ниже гласъ народа слышашеса можаше. Тогда начахъ усумнѣватися, да некако что зло постражду отъ Араповъ, слышахъ бо золь народъ сущъ и разбойническъ. Не вѣдахъ же что тогда творити, не смѣяхъ бо ниже выпредь шествовати, ниже въспять, ниже ожидать на пути, понеже и предидущихъ и послѣдующихъ мнѣ видѣхъ Еѳіоповъ издалуче. Обаче размисливши, положихъ помощь на Силнаго и грядяхъ, якоже и прежде. Богъ же (мню, любяй мя) попусти мя въ малое наказаніе, лучшаго дѣль исправленія: его же Богъ любитъ, того и наказуетъ, глаголетъ Писаніе. И се мя начаша постизати Еѳіопи, скоро бо шествуютъ, яко скоти, изученни отъ обикновенія всегдашняго, и всякъ достигій ощущаше пиру мою, юже на хребтѣ ношахъ съ хлѣбомъ, и инни убо мимоидоша, видѣвше мя съ хлѣбомъ токмо и жезломъ шествующа, прочіи же прошаху хлѣба. Азъ же еще прежде увѣдавъ о нравахъ ихъ, ношахъ всегда съ собою хлѣбъ готовъ на раздаяніе, и иже убо прошаше, даяхъ единъ посмагъ, сухарь, и тымъ отчасты ползу мира получахъ. Псовъ бо яростнихъ многожде обикохомъ хлѣбомъ отгоняти, и паки ничтоже благопріятнѣйшее можетъ бити алчущему, паче хлѣба. Аще же и самъ мало имѣхъ, но и той раздѣлихъ, хотя безъ пакости прейти. Тогда мимоидоша мя едини и другіе и достигше попереди грядущихъ Еѳіоповъ и возвѣстиша имъ о мнѣ. Тѣи же завистнѣйше имущи сердце и аки лви на ловъ, готови сущи на грабленіе и разбойничество, и видящи мя уединенна, далече

отъ народа, омедлиша мало донелѣже приближихся къ нимъ, и тогда возложше на мя рудѣ, яша мя и начаша торгати сѣмо и овамо, овѣи за ризу, овѣи же за пѣру, хотяще мя обнажити и послѣднихъ рубищъ и глаголюще: „алъ бакшишь“, еже есть „даждь дарь“, аки би рещи: искупися. Азъ же, аще и не знаяхъ Арапскаго языка, но разумѣхъ умомъ, яко пѣнязей отъ мене требуютъ и недоумѣвахъ, каковимъ би языкомъ имъ отвѣтствовать, нарѣчимъ убо Турецкимъ, его же зѣло мало знаяхъ, рекохъ, кланяяся имъ, глаголющи: „что отъ мене ищите? азъ есмь человекъ нищъ и убогъ и ничтоже имамъ, токмо о единомъ хлѣбѣ и водѣ путешествуяй, оставите мя съ миромъ, Бога ради“. Они же не внимающе, свое дѣяху. Бяху же собранни числомъ, яко двадесять, вси цѣши, не имуще ничтоже, токмо жезліе въ рукахъ и ножи великіе. обоюдоостріе о чреслѣхъ своихъ. Единъ же между ними бистъ Агарянинъ, на ослѣ грядій; той убо аще и съ ними баше, но не отъ нихъ, си есть, аще едину и туюжде вѣру махOMETанскую съ ними вкупѣ имѣаше, но не отъ Евѣиоцскаго народа баше, знающе же и языкъ ихъ. Той, яко старъ сѣдиною сущъ между ними, начатъ имъ претити, наказовати онихъ, да мя оставятъ въ мирѣ. Они же, не слушающе сего, не престаяху творити начатое и хотяху мя совлекти отъ всего. Тогда начахъ азъ вопити къ предъреченному Агарянину и преступлши къ нему, лобизахъ рудѣ его, молящи прилѣжно, да мя заступитъ. Онъ же (виждь добродѣтель) слѣзе съ осла долу и взять мя за руку, другою же рукою отрѣваше отъ мене Араповъ, порѣвающихъ и толкущихъ мя въ боки, и непусти же имъ ничтоже отъ мене взяти, кленуще я Богомъ и вѣрою ихъ. Они же паче разгнѣвашася и на его и на мя, и пакости ми дѣяху, и хотяху исхитити отъ

рукъ его. Агарянинъ же не хотѣше кътому шествовати, но сѣдъ при пути и посадивши мя съ собою, ожидаше, даже приспѣ полкъ весь народа. Не отидоша же ниже они окаяннѣи, обсѣдше и остушивше окрестъ, много мнѣ ругахуся и пакости дѣяху, ови въ образъ, друзіе въ персп, нѣціи же въ вію и плечи, прочіи же въ боки руками припражаху, прекорчающе персты, и пястницами подбиваху, или, просто рекше, кулаками, инніи же, вмѣсто собченнихъ перстовъ, камень въ рукахъ держаще, бодяху, единъ же, имѣяше иглу велику, ею же купци мѣхи великіе наполненніе товары, зашивають, и бодящи мя ею въ вію, требоваше отъ мене пѣнязей, другій же возьмъ песку отъ землѣ и метну мнѣ на образъ и засипа мнѣ уста и очеса. Аще бо и возбраняше имъ оній Турчинъ и отрѣваше руки ихъ и отгоняше, аки псовъ, но не можаше ничтоже противу множества чинити. Азъ же ничтоже инно не отвѣщахъ, точію: „оставите мя, Бога ради, яко убогъ есмь человекъ и ничтожа имамъ“. Многожды же осязаху нѣдра моя и пиру ощущающе и ищущи динарѣй, но, Богу призирающе на мя, не обрѣтоша; аще бо биша были обрѣли, было бы нѣчто горѣе. Единъ же хотѣше изути сандалія отъ ногу моею, зане той имѣяше худшіе моихъ, сего ради зависть имѣяше, но не може, возбраняющаго ради Агарянина. Тогда воистинну приличествоваше мнѣ глаголати царствующаго Пророка словеса: „обійдоша пси мнози, сонмъ лукавихъ одержаша мя“, хотѣше себѣ раздѣлити, не глаголю ризи, но рубища моя; и каковое тогда бѣше помилуеніе, аще не къ смерти, егда уже и ножемъ намѣрахуся и палицами! Молихъ же азъ въ часъ той Всемогущаго Владыку и Бога, да мя сохранитъ невредна и безъ пакостна, и бистъ Господь утверженіе мое, помощникъ мой и защититель въ день печали моя,

нанъ упова сердце мое, и поможе, и избави мя отъ врагъ моихъ силнихъ и отъ ненавидящихъ мя. Ожидаюмъ же тамо сѣдяще, яко четвертую часть часа, и еще не уприспѣ ко намъ народъ, косняше бо на пути, нѣкоего ради препятія. Хотяше же Турчинъ всѣсти на осла своего и оставити мене, омерзѣ бо ему долго сѣдиги; и егда воста отъ земли, паки двигнушася Арапи на мя. И молахъ его, да еще мало пождеть, и сотвори со мною по милости своей, якоже хотѣхъ, отганяя Еѳиоповъ отъ мене и наказаніемъ и моленіемъ. Видѣша же разбойници, яко никакоже ползовашася отъ мене, начаша просити, да поне хлѣба дамъ имъ, хотящи мя лукавствомъ своимъ ухитрити, да егда бихъ снялъ пиру отъ плечей и началь разрѣшати ю, могли би отъяти вся. Азъ же, предпознавая помилуваніе ихъ, не покусихся отрѣштити ю, отвѣствуя, яко мало имамъ и самъ есмь скудень къ препитанію. И се доспѣша къ намъ отъ полка нѣколько Араповъ пѣшихъ и возвѣстиша, яко близъ грядяше народъ. Они же воставше вси, идоша и гоняша мя, да иду преди, мнѣ не хотящу насиліемъ поганяху мя, попихающе созади. Шествовахъ же азъ медляци и озирающися воспятъ къ народу частѣ. Егда же узрѣхъ очима близу, уклонихся нечаяннѣ отъ между ихъ и пойдохъ скоро воспятъ. Видѣша же, яко ничтоже мнѣ прежде не могоша отъяти, Агаранина ради, погнася единъ отъ нихъ за мною и взялъ камень въ обѣ ружья великъ и постигнувъ мя, удари отъ всея силы своея въ хребетъ, яко ми пасти на землю и возопити. И абіе слышавъ гласъ мой предъній яздець, прибѣже воскорѣ, но не обрѣте его, внезапно бо отбѣже злодѣй онъ къ другому своимъ. Азъ же съ нуждею совлекохся отъ земля, едва могій шествовати, и къ тому не лишихся людій, но вкупѣ шествовахъ съ ними. Бистъ же путь равній,

и углажденній, и шерокій, подобній, якоже и отъ Іопѣи, прейдохомъ все полеь нагимъ и пѣщистимъ и безъводнимъ, нигдѣ бо на пути ни криници, ни студенца нѣсть. Почерпоша же тогда хадзѣе еще отъ Рами воду, елико довлѣти даже до Іерусалима, и везоша всякъ на своемъ скотѣ. Азъ же, понеже пѣшь грядохъ, не могъ довольно на себѣ понести, но сосудецъ малъ, его же при поясѣ носихъ, наполнилъ бѣхъ и тѣмъ хотѣхъ удовлетворитися, мало омочаючи въ время жажды уста. Обаче драпѣжній оній и безъчеловѣчный народъ Еоиопекъ не остави ю имѣти, но отъяша тояже ноци и испиша, мене жаждею изнурятися сотвориша, празденъ сосудъ носяща. Шествовахомъ же чрезъ всю нощъ, нигдѣ не препочивающе, ниже каковія любо веси обрѣтающе. Таже, восходящій денници солнечной, егда уже окончися равность поля и начахомъ входить въ гори узкимъ и каменистимъ путемъ, тамо по повелѣнію пашн, провождающаго насъ, почихомъ мало, яко полчаса, донелѣже просвѣтихомся днемъ, бояхомъ бо ся ноцію входить въ гори, да нечто зло постраждемъ, бяху бо жени и дѣти маліе съ нами. Утру же бившу рано, завратися путь нашъ на востокъ и пойдохомъ внутрь горъ и вертеповъ, узкій и тѣсенъ путь имущихъ, идѣже по два яздци токмо вкупѣ прохождаху. Шествовахомъ же тогда все горами великимъ и високими, ниже трави, ни билія имущими, но токмо едино каменіе твердое и бѣлое, аки варъ. Обрѣтаютьжеся и дресеса, но мало и малаго возраста, води же нигдѣ не видихомъ, ниже ни единія веси прейдохомъ. И елико приближахомъ къ Іерусалиму, толико на вящшіе восхождахомъ гори, и инніе убо прехождахомъ, инніе же обхождахомъ. Бистъ же тогда путь нашъ сѣмо и овамо покривленъ, въ подобіе ползющаго змія, идѣже не токмо пѣшимъ, но и коннимъ зѣло нужное бляше прехожденіе.

Шествовахомъ же сице даже до полудни, необрѣтающе нигдѣ людѣй живущихъ. Близъ времени же полуденнаго прейдохомъ село малое, именуемое Еммаусъ, о немъ же Евангелистъ Лука въ главѣ 24 воспоминаеть, егда самъ съ Клеопою грядяша тамо, въ день воскресенія, и бистъ бесѣдующема има, самъ Исусъ приближися и идяше съ нима, и не познаста Его первѣе, таже въ вечеръ познася има въ преломленіи хлѣба и послѣди не видимъ бистъ. Весь Еммаусъ отстоитъ отъ Іерусалима шестіюдесять стадій. Стоитъ же низу въ долинѣ, между горами высокими, окрестъ обстоящими; имать же отчасти и дресва садовнаго при себѣ отъ смоковницъ и маслинъ, прочее же ничтоже, опустѣ бо и мало домовъ имать, и христіане тамо не обитають, токмо нѣколико Араповъ. Поминувши же Еммаусъ, шествовахомъ еще болшими горами и долинами, идѣже азъ, ово отъ жестокаго пути и твердаго каменія, ово же отъ теплоты солнечной, ово же отъ жажды, изнемоглъ бѣхъ сице, яко едва насиліемъ влачахъ ноги свои. Прешедше же отъ Еммауса едину велику гору и низъпустившесе въ удоль, зѣло низкій, обрѣтохомъ источникъ хладенъ воды, текущій отъ спудовъ земленихъ, и пиша вси отъ нея жаждущіи съ благодареніемъ. Оттуду же на вишшую, паче всихъ, восходихомъ гору. Егда же взійдохомъ верху ея, къ тому низу низпущахомъся, но идохомъ, яко полчаса, по верху горъ, даже до самаго града Іерусалима. Какову же бѣду и нужду претерпѣ народъ отъ безъстуднихъ и проклятихъ Еѳиоповъ, донелѣже преѣде гори тія, воистинну изрещи невозможно. Егда бо исперва начахомъ входить въ великіе гори и прійдохомъ къ узкому прохожденію въ едину долину, тамо предваряюще насъ многое множество собрася онихъ, иніи съ копіями, инніе же съ дрекольми, и ставше на пути, възбрацяху намъ шествовати, пшуще отъ насъ

бакшиша, еже есть дара. Сопротивляхужесе много имъ провождающіи насъ, но ничтоже имъ внимаша, ни бо боятся кого, ниже срамъ имуть. Аще же и дадоша нѣчто отъ динарій попереди грядущіи поклонници, но не быша тимъ доволни, но грядяху вкупѣ съ нами при полцѣ и нападаху всякаго, воспящающе мески и осли и ищуще отъ коеяжде души по сребнику, и иже даяху, свободнѣе шествоваху, а иже, пли скупости ради, или убожества, не даяху, тихъ попихаху и каменми толцаху создаи. Прешедше же мало паки другіе и совокупившесе съ первими горшу бѣду народу творяху, нѣціи просяще хлѣба, друзіи же цѣнязей, и елика хотяху творяху. Паки, егда прейдохомъ далей, инніи нападаша, и тако на многихъ и частихъ мѣстехъ стояще уготовани и присовокупляющесе народу поклонникъ, вси вослѣдъ грядяху. Сображесе ихъ многое число, едва не равно съ нами, и твориша пакости людемъ многіе, и биша послѣдня горша паче первыхъ. Что бо не дѣлаша беззаконіи! Множицею бо, бестудни и безсовѣстни, ко единому челоуѣку прихождаху и искаху отъ него бакшишъ, аще уже не единожди, но и десятирицею взяша. Дотолѣ же удержаваютъ коня, или верблюда, или осла донелѣже ему не дастъ сребренника, и аще отбѣжитъ единь, то по малѣ другій прискочитъ, и не оставитъ тя, донелѣ не даси и тому. Потомъ иній стужаетъ, таже по малѣ паки приходитъ тойжеде, аки не познаваемъ, и ищетъ сребренника отъ тогожде, отъ него же взять, и аще и речеть ему, яко уже еси взялъ не единожди, но множицею, то запирается отнюдѣ, глаголющи, яко еще первѣя отъ него ищетъ, и дотолѣ не отступаетъ. доцележе или прійметъ что отъ него, или украдетъ. Аще же не можетъ испросити сребренника, то поне хлѣба проситъ, да не тощъ оставитъ челоуѣка; аще же

ниже то получить, тогда ударяетъ или палицею, или каменемъ, и сохраняется между полкъ народа и не познается, вси бо одинаки ризи носятъ. Горе же женамъ бистъ, иже ни ополчнтися, ни сопротивнтися имъ ни мало можаху и раздаяху множае сребникъ, нежели чловѣци, и многіе пакости прїймаху отъ онихъ проклятихъ Еѳиоповъ, иже овихъ подбиваху пястницами, инихъ же каменми, а иже есть жестока сердца и хотяше сопротивлятися имъ, тоя и палицами коснушася. О роде невѣрній и развращенній! Невѣрній воистинну, яко мохOMETанскій содержитъ законъ, развращенній же яко не токмо никаковія добродѣтели, но ниже чловѣческаго нрава пли обичая имать. Что же болѣе о нихъ реку? Кому уподоблю народъ оній лукавъ, ехиднино порожденіе, синовъ Веелзевула, князя бѣсовскаго? Воистинну, недоумѣю. Родъ бо ихъ пребеззаконній кто исповѣсть? Простъ же звѣрскую и нравы скотскіе кто изрещи возможесть? Аще бо би кто по достоянію безчловѣчное ихъ житіе и обичая и явити восхотѣ, омерзело би не токмо пишущему, но и чтущему и слышащему. Въ всемъ воистинну пугшествїи моемъ таковыхъ мерзостныхъ и злонравныхъ людей не случися мнѣ видѣти, и сего ради не вѣмъ, кому уподобити ихъ. Аще бо уподобихъ былъ Фараонитамъ или, простъ рекши, Циганамъ, отъ нихъ же въ странахъ нашихъ послѣднѣйшого народа нѣсть, но кое здѣ равенство можетъ бити? Сїи бо аще и лгутъ и крадутъ, инная неправедная творять, но егда что отъ кого просятъ и воспрїимуютъ, тогда благодарствуютъ, якоже чловѣци, и доволни суть по единомъ прошенїи. Они же безсрамнѣ сторипцею просятъ и сторипцею воспрїявши, не токмо не единомъди не благодарствуютъ, но еще помиловавшаго ихъ окрадаютъ и граблятъ; на послѣдокъ, еже есть крайнего безъчловѣчїя, и бїютъ; бїютъ же не на единѣ, но

въ очесехъ всего народа біеніе, здѣ разумѣй единожды удареніе, или рукою, или каменемъ, или палицею. О крайнего безъсрамія и своя совѣсти не стыдящагося! Въ семь точію подобни суть Фараонитамъ, яко ни въ градѣхъ, ни въ весехъ не имуть своихъ домовъ, но на поли, при пути и окрестъ мѣстъ, въ шатрахъ обитають, иніи же въ пещерахъ, помежду горами, аки звѣріе, но недалече отъ градовъ. Ходять же токмо въ еднихъ кошуляхъ жени и дѣти ихъ, и сандалія на ногахъ носятъ, понеже тамо жестоко есть по каменехъ ходити, и мужіе такожде едни токмо хитони носятъ, даже за колѣна; ножной же одежды не носятъ, и всякъ иматъ ножъ при поясѣ великъ. Всеи же поверху кошуль носятъ ризи одинакіе, пестріе, отъ килима простаго сошвенніе, отъ нихъ обыкоша кунци мѣхи шити на товари. Ни сѣють же, ни орутъ, ни инній кій трудъ творять, но отъ монастырей христіянскихъ пищу испрошаютъ и многу имъ обиду творять. Пища ихъ повседневная—хлѣбъ и елей, вина же, ни иннаго питія не вкушаютъ, а елей сице любятъ, яко хлѣбъ омочающе въ него ядятъ; аще же имъ гдѣ случится довольно обрѣсти, то ложипами ядятъ и піють, аки воду. О непомѣркованнаго стомаха! О скотскаго питанія! Кому уподобити достоитъ родъ сей? Животнымъ ли? Но многая животная въ потѣ лица своего пищу ядятъ. Сверѣпѣмъ ли звѣремъ? Но и тии благодѣтелямъ своимъ покаряются и почитаютъ ихъ. Они же ни отъ труда пищу ядятъ, ниже благодѣтелей своихъ почитаютъ. Всегда бо къ монастыремъ приходящи просятъ хлѣба, и что глаголю просятъ, но аки по должное приходятъ, прошеніе бо ихъ не съ смиреніемъ, но съ грозбою, и взятіе милостини безъ благодарствія бываетъ. Сице же неблагодарни суть, яко отъ тѣхъ самихъ монастырей инока, и знаема имъ, егда обрящутъ гдѣ на

пути, обнажаютъ даже до послѣднаго хитона. И кій убо народъ можетъ бити горшій сего, иже не имать ничтоже въ себѣ похвали достойно? Бесѣда бо ихъ мерзостна къ слышанію, зрѣніе же и хожденіе звѣрское, а не человѣческое, цѣлованія же и привѣствія нѣсть, и яденіе и піеніе свинское имуть. Словомъ рещи, всего міра послѣднѣйшій народъ нравомъ и житіемъ. Ниже Бога боятся, ниже человѣкъ срамляйся, ниже властелинамъ покаряйся. Въ градѣхъ бо токмо егда что зло сотворять, судими суть отъ Турковъ, понеже яко царство, тако и власть ихъ тамо; внѣ же градовъ, что хошуть и могутъ, то творять, ниже судящеса, ниже кого устрашающеса. Обаче не вси суть такови, суть бо инніи отъ тѣхъжде самихъ Евоіуповъ христіанскую православную вѣру содержашіи и тии убо крещеніемъ святымъ просвѣщенни и истиннаго въ Троици славимаго Бога боящеса, живутъ по человѣческу, но нравовъ своихъ природнихъ оставити не могутъ. Безсрамни бо суть и чести иннимъ человѣкомъ воздавати не знаютъ и на трапезѣхъ неблагоговѣно и нелѣпо ядятъ, якоже мнѣ самому многажди случися видѣти. Тии убо орутъ землю и плодородятъ хлѣбъ и всяку потребу и различная рукодѣлія работаютъ. Но христіанъ тамо мало суть и едва третая часть обрѣтается народа. Сія убо толь многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящее сердце твое къ мѣстомъ святымъ, еже би тебѣ и инному не смѣти ити тамо, таковаго злаго ради прехожденія, но приложи болшее усердіе къ усердію и въоружися сими тремя добродѣтелми: вѣрою, надеждею и любовею, еже къ Богу, и тако отъ всея души твоя, и отъ всея крѣпости твоя, и отъ всего помилшенія твоего всѣми силами тщиися путешествовати на мѣста оніе,

идѣже стояетъ и ходистъ пресвятіе нозѣ Христа Спасителя нашего. Не буди страшливъ, якоже серна, яке не токмо отъ лица, но и отъ гласа челоуѣча бѣжитъ, она бо несмысленна сущи и никакой совѣтъ себѣ могуща подати сіе творить, ти же уменъ сій и разумную имій душу, не убойся глаголовъ и словесъ, мною zde написанныхъ, еже бо писахъ, писахъ отъ избытка сердца моего, яко необыкшій между сицевимъ народомъ бити; кътому же вся начертаваю въ путешественной моей книзѣ того ради, яко аще кто тѣмъ самовидецъ возлѣнится бити, то поне чуци, извѣстится. И не мни, благій читателю, яко яже слышиши отъ мене извѣствуема, то уже всякому, шествующему въ Іерусалимъ, пострадади требѣ несомнѣнно никакоже, ибо мнози обрѣтаются, ихъже не токмо удареніе отъ Араповъ, но ниже слово злое касается, зане никто же обидимъ бываетъ, развѣ отъ себе самага. Аще убо кто, несребролюбивъ сій, даетъ всякому нудящому и на пути сребникъ малъ, той преходитъ кромѣ всякоя пакости, а яже не даетъ, безъ ударенія не биваетъ. Обаче оба мзду имутъ отъ Бога, яко той не падитъ имѣнія своего любве ради Божія, сей же тѣлесс. О, воистинну блаженни, и паки реку блаженни сущъ христіяне, (кромѣ мене грѣшнаго) шествующіи тамо! По евангелской бо ходять заповѣди, егда оставляютъ, аще и на время, отпа и матеръ, и братію, и сестри, и жену, и чада, и сродники, и други, и села, и доми, имени ради Божія, и толь далекій творятъ путь, всякую претерпѣвающе нужду, и напасть, и прираженіе отъ злихъ челоуѣкъ. Напоследокъ, еже есть великія любве и теплоти къ Господу, нѣци и животъ свой полагаютъ за Него, многіи же, аще и не полагаютъ, но готови сущъ на смерть въ морскомъ плаваніи, море бо смерть есть подъ ногами шествующаго

по немъ. Сего ради такові, по обѣщанію, неложніи истинніе Христа Спасителя миру сторицею воспріймутъ и животъ вѣчній наслѣдятъ, и не токмо похваляеми будутъ въ вѣки на небеси, но и временно отъ человѣкъ на земли, яко собыватися пророческимъ глаголомъ, и будетъ честно имя его предъ ними, ибо многажды въ мирѣ семь видимъ въ чести сущихъ поклонниковъ Іерусалимскихъ, понеже Богъ въ вся дни живота ихъ благословитъ и долгоденствіе даруетъ и вся благополучна устрояетъ, яко благою часть избравшимъ и доброе дѣло содѣлавшимъ о немъ. Самъ бо рекль усти царствующаго Пророка въ псалмѣ 90: „Избавлю и покрію его, яко позна имя Мое, и воззоветъ къ Мнѣ, услышу его, съ нимъ есмь во скорби, и изму его, и прославлю его, долгою дній исполню его и явлю ему спасеніе Мое“. Виждь, слышателю, колика благодѣянія обѣщаваетъ всецѣдрій датель Богъ, имени ради Его благотворящимъ и трудящимся, не токмо бо въ жизни сей руку помощи, но и спасеніе вѣчное явити хоцетъ. Обаче здѣ мое простресея слово не о тѣхъ поклонникахъ, иже, тщеславія ради, да похвалу и честь отъ человѣкъ имѣти, труждаются въ далечайшіе странни не тако на поклоненіе, яко паче на прославленіе имени своему, въ еже би именоватися отъ народа хадзѣемъ, или путникомъ Іерусалимскимъ. Таковій бо всуе ходитъ и тощъ возвращается, и на большое осужденіе сіе себѣ творитъ. Но азъ о тѣхъ глаголю, иже возжегшися пламенемъ любви къ Богу всѣмъ сердцемъ и всѣми силами желаютъ поклонитися и прикоснутися устнами мѣстамъ онимъ, яже съприеносущное слово Отчее Единородній Сынъ Его, явлшися на земли во плоти хожденіемъ и страданмы освяты и прослави; желаютъ же сиче, яко вся неблагополучія, и бѣды, и нужди, и зной солнечній претерпѣвати и на смерть готови

быти обѣщаются. И сицевіи желаемое получаютъ и многую ползу душѣ своей ходотайствуютъ. Тѣмже убо всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще бо богатъ еси и имаши имѣнія доволна, благодари Бога, яко ти даль есть, и не сотвори, яко же оній человекъ, отъ Евангелиста Луки, въ главѣ 12, воспоминаемій, ему же угобзися нива и недоумѣяше что творити, умисли же раззорити житници своя и болшіе создати, собранія ради плодовъ. Ти же возми слова, отъ устъ его реченная, и обрати инуду. Той бо глагола: „что сотворю, яко не имамъ гдѣ собрати плодовъ моихъ“; ти же рци: „что сотворю, яко не имамъ и невѣмъ, гдѣ сокривати имѣніе мое, его же ми часто овогда тля тлить, овогда моль поядаетъ, овогда же татіе окрадають“. Онъ рече: се сотворю: раззорю житници моя и болшія созижду и соберу ту вся жита моя и благая моя, и реку души моей: душе, имаши многа благая лежаша, на многа лѣта, почивай, яждь, пій и веселися“. Ти же убо рци: „се сотворю: оставлю зданія дому моего и взявши имѣніе, и принесу е въ Іерусалимъ и положу я въ новосѣченнѣмъ Гроба Господня кюотѣ въ немъ же никтоже кромѣ Іисуса, никогда же положенъ бѣ, идѣже уже не къ тому прочее тля иматъ тлти, ниже червь снѣдати, ниже татіе украсти“. И сіе рекъ словомъ, абіе потщися сотворити и дѣломъ. И сице не на лѣта токмо многа, но вѣчную душѣ твоей пищу уготовиши. Аще же кто убогъ есть, да попуститъ себе въ смиреніе и трудъ и да претерпитъ всякую нужду, утѣсненіе и досажденіе, аще же случится, и біеніе. Обаче извѣстно буди, яко не можетъ тамо шествовати ничтоже сребра пмій, понеже аще би милостини и не подалъ на.

мѣста Святіе, то за перевозъ морскій и Туркамъ поплащеніе неотмѣнно дати требѣ, понеже ими обладаема вся суть. Богатіи убо людіе многочисленная имѣнія взимають съ собою въ путь, но едва половину раздадутъ на Мѣста Святіе, прочее же истощаютъ на Турецкіе дани. Средніи же по двѣстѣ, иніе же по сто златиць иждиваютъ; нижніе же людіе, убогіе суще, съ двѣма ста талларей едва нужно могутъ удовлетворити путешествіе свое. А иже кто хочеть токмо пойти и возвратитися, а милостини нигдѣже ничтоже дати, аще есть мирянинъ, отложити ему требѣ полтора ста талларей на путь, на харчъ и на всяку потребу; аще же есть инокъ, довлѣеть ему шестьдесятъ талларей или пятьдесятъ. Аще же ниже толико кто иматъ у себе готово, то и той да не оставляетъ путешествія Іерусалимскаго, но да идетъ, просяи на пути милостини, и Богъ его не оставитъ, якоже и мене, очи бо Его на нищаго призираетъ. Се же ти, читателю, извѣстихъ, разсуждаючи начатій путь отъ моря; а иже кто есть отъ далекихъ странъ и не можетъ по земли даже до моря пѣшеходити, самъ да размыслитъ, колико требѣ. Аще бо и сухій путь отъ Цариграда къ Іерусалиму обрѣтается, но тамо путници не обикоша ходити, великаго ради драпѣжства и боязни отъ разбойникъ, къ тому же далече: шествию десятъ дній хожденіемъ пѣшеходца.

Се въ извѣщеніе подахъ всѣмъ хотящимъ чести и слышати сія, найпаче же Россійскимъ людемъ, совѣтуя и желая ити на поклоненіе животворящему Гробу Господню, понеже ни отъ коея же странни сиде мало поклонниковъ приходитъ, якоже отъ странъ Рускихъ. По пяти бо, и шести лѣтехъ едва единъ является, чему Греки зѣло удивляются, яко ни Московити, ни Малороссійчики усердія къ Святимъ Мѣстомъ не имуть,

аще у нихъ паче всѣхъ христіанъ православнѣйшіе почитаются быти. Року бо того, его же азъ ходихъ тамо, единъ азъ тоцію бѣхъ отъ Руской земли. Прежде же моего пришествія, мимошедшимъ двомъ лѣтомъ, ни единъ не прійде, якоже слышахъ. И есть воистинну чесому чудитися, понеже идѣже царство христіанское есть и вѣра едина благочестива въ всѣхъ содержится, и людіе кромѣ всякіе работи, и нужди, и утѣсненія пребываютъ, оттуду зѣло малочисленни приходятъ на поклоненіе; а иже царя врага имуть и подъ игомъ работи суть и данми отягченни многими, оттуду, аки пчели, прилѣтають, и отъ труда своего, аки сладкій медъ, милостиню подавають на откупленіе Гроба Христова отъ рукъ невѣрныхъ и еретическихъ. Аще бо не би всѣми силами имѣли христіане Греческіе попеченіе, уже би давно отъятъ былъ Гробъ Господень, отъ Махометановъ или Арменовъ искупленъ, яко и бистъ въ нѣкое время; но Богъ не попусти имъ долго обладати. Тѣмъ же Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящіи христіане потщитесь отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваши на шествіе къ Святимъ Мѣстомъ и руки въ подаеніе милостини на откупленіе тѣхъжде, студъ бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрныхъ. Аще бо и отъ Греціи христіанъ много идутъ на поклоненіе, но сьравнивши ихъ съ Армени или Еврей, зѣло мало мнятся, ибо тогда преходящимъ хадзѣемъ отъ Іюпы въ Іерусалимъ ниже познавахуся христіане между множествомъ числа Арменъ и Жидовъ. И аще убо тіи, ересьми поврежденни суще, толикое усердіе имуть къ Мѣстомъ Святимъ, яко небрегше домовъ и отчествъ, съ женами и дѣтми шествуютъ, тольми паче ми, въ блазѣй вѣрѣ воспитанни и чада Божія суще, долженствуемъ паче и спѣштитися на сіе дѣло и другихъ наставляти. И аще Іудее, Авра-

амова ради гроба, толикъ трудъ и терпеніе отъ ругающихся Еѳіоповъ воспріймуютъ, и приходятъ не токмо отъ странъ Турецкихъ, но и отъ Волоскихъ, и Полскихъ, и Украинскихъ, колми паче намъ, Гроба ради Христова, имъ же клятва потребися и смерть умертвися и животу вѣчному вси сподобихомся, безчисленнїя труди, поруганїя и ударенїя терпѣти подобаетъ, и не токмо не щадѣти имѣнїя, но ниже, аще би случитися могло, и души своея. Тѣмъже убо никтоже да не убѣгаетъ пути сего святаго и да ничто усумнѣвается, ни униваетъ сердце, злаго ради и нужднаго прешествїя отъ Араповъ сверѣбныхъ и распустныхъ, Божїе бо то смотренїе есть, яко попусти имъ на Земли Святѣй жити, яко да вси вѣрнїи тамо шествующе и многїя отъ нихъ пакости и нужди претерпѣвающе, болшую любовь являютъ къ Богу и болшую мзду душъ своей воспріймутъ. Аще же кто хочетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпнѣтъ серебромъ всякое завистное око, что бо есть раздати талляръ или два Еѳіопомъ, любве ради Божїя и Мѣсть Святыхъ. Аще же ни, то да терпитъ вся случающаяся ему злая, аще пакости, аще поруганїя, аще ударенїя, и да помышляетъ, яко никтоже болшія пакости, и поруганїя, и ударенїя не претерпѣ, якоже Спаситель мира Христосъ Господь. Обаче сїце денари раздающїи, яко же ударенїе терпящїи, мзду имутъ отъ Всемогущаго Творца воспрїяти, аще токмо сіе творятъ любве ради, яже имутъ къ Богу и мѣстамъ отъ него освященнымъ. А еже аще кто усумнѣвается отъ убїенїя, ниже да помышляетъ о семъ, Еѳіопи бо сего никакоже творятъ, не токмо же не убиваютъ челоуѣка, но ниже поражаютъ до крове. Въ семъ токмо злонаправни суть, яко аще кого на пути единаго обрящутъ и или малѣ число, яко противу силъ своей, тогда вся отъемлютъ и совлачатъ

даже до хитона, еще же и бѣють, и поругаются, и послѣди оставляють, а еже животъ отъяти никакоже покупаются. Самы бо токмо между собою убиваются, сварящися и тяжущися, христіянъ же оставляють жити, вѣдають бо окаянніи, яко отъ нихъ пищу себѣ приобрѣтають и безъ нихъ жити не могутъ. Но ни се когда любо кому отъ чуждихъ приключитися можетъ, понеже хадзѣ, или, яснѣе рекше, поклонники Іерусалимскіе нигдѣже тамо далече сами не ходять, но всегда провождаемы съ стражею честно и небоязненно, и никтоже ниже пораженъ когда бываетъ. Аще убо таковое бы тамо обрѣталося зло, кто же би смѣлъ ятися пути онаго? Но се безчисленныя народи отъ разнихъ вѣръ ходять и повращаются на всякое лѣто здрави и живи въ отчество свое и прославляють имя Христово. Убо и ти, благоразсудній читателю съ внимательнымъ слушателемъ, отложивше всякое сумнѣніе и мнѣніе, вооружившися о Бозѣ вѣрою, надеждою и любовію, подвигните на ю и иннихъ, аще возможно есть, къ сему душеполезному путешествію. Несите же имѣнія ваша съ собою, аки пчелы сотъ, и положите я въ неветшающемъ влагалици, въ Гробъ, реку, Христа Спасителя, и тако, милостинею вашею искупѣми, сохраняются отъ невѣрныхъ невредна Мѣста Свята, себѣ же благословеніе отъ Бога и патріяршего престола и отпушеніе грѣховъ получить можете. Но довлѣетъ о семъ мнѣ глаголати, понеже многу распротрохъ бесѣду и далече удалихся отъ повѣсти путешествія моего. Сего ради возвращаюся паки на первое, еже вишше писахъ, си есть:

О пришествіи моемъ къ святому препро-
славленному и Богомъ соблюдаемому граду
Іерусалиму.

По многотрудномъ и жестокомъ морскомъ же и гор-
номъ прешествіи, сподобилъ мя естъ преблагій Богъ,
купно съ прочіими христіянскими поклонниками, dospѣти
святаго града Іерусалима мѣсяця Септеврія послѣднаго
числа, въ день пятка, въ самій часъ полудня. Бистъ же
(якоже прежде рѣхъ), егда възидохомъ на послѣднюю
велику гору, тогда шествовахомъ равнимъ путемъ, мало
низпускаючимся, помежду красными маслинными садами,
яко три поприща, и устрѣтаху насъ издалуче, исхо-
дяще за градъ, многіе христіане, отъ духовнаго и мир-
скаго стана, и даяху всякому цѣлованіе любезное, съ
многимъ привѣтствѣемъ и осязаніемъ рукъ, глаголюще:
„добрѣ пришли есте братія“ и елика таковая; и елико
приближахомся, толико вящше насъ устрѣтаху и про-
воздаху. Егда же азъ узрѣхъ стѣни града, возрадо-
вахъся зѣло и забыхъ тѣлесной немощи, дадохъ же абіе
славу Богу, яко сподоби мя по желанію моему достиг-
нути тамо. Видѣхъ же крѣпкое и дѣпое каменное зда-
ніе огради, искуснимъ художествомъ строенное и немного-
лѣтное, и отъ всякаго похвали достойное, и почудихся
отчасти. Та же вси внїдохомъ врати Давидовими, ни-
кимъ же воспящаеми, ниже бо стражіе бяху, ни воины,
но токмо многіе граждане, изшедши въ стрѣтеніе. Тогда
иноки тамошніе, по обичаю своему, всѣхъ насъ, не токмо
мужей но и женъ, отведеша въ первоначалній мона-
стирь Патріаршій, идеже въ то время патріарха не
бистъ, но отшелъ бѣ въ страну Греческую, прошенія
ради милостини на откупленіе Гроба Христова. Архи-

епископъ же, именуемій питропъ, вмѣсто его тогда обладающій, повелѣ всѣмъ дати гостинніе келіи къ упокоенію, и бистъ тако. Препочившимъ же намъ яко часъ единъ, званни бѣхомъ въ трапезу иноческую, идѣже предъставиша намъ два варенія постна и маслинніе плоды, бѣ бо тогда пятокъ, напояху же и виномъ, отъ рукъ своихъ подавающе всякому, хотящому пити, и наситихомся доволно и благодарихомъ Бога. По трапезѣ поведоша насъ иноки високо по степенехъ верху келій, созирати многая зданія и полати, и видѣхомъ строеніе монастыра того зѣло лѣпое и расположеніе премудрое. Многіе бо келіи и входи, и исходи имать, и покрови верху зданій низкіе и утаенніе, иже отъ земли не зрятся; сугъ же сотворенніе отъ пепела, съ водою растворенна, еице же искуснимъ художествомъ, яко злившия въ составеленіе едино держатся крѣпко и твердіе сугъ, аки камень, и гладкіе аки токъ, отъ нихъ же вода стекающи дождевная въ время зими и собирается въ студенци, питія ради. Зданіе монастыра оного есть высокое и еице тѣсное, яко нигдѣ же праздна мѣста имать, но все келія. Устроень же есть чудесно на двѣ части: первая убо часть стоитъ отъ единія страни улицы и присовокуплена есть къ великой церкви, идѣже Гробъ Господень, вторая же на другой странѣ улицы; обѣ же части мостомъ каменнымъ крѣпкимъ совокупленни сугъ високо, прехожденія ради, а подѣ мостомъ низу по вся дни ходять людіе сѣмо и овамъ и торжище собирается, или, яснѣе рекше, монастырь стоитъ сюду и сюду, посредѣ же путъ къ торжищу, или улица. Оттуду ведоми бѣхомъ еще вишше по каменныхъ степенехъ на покровъ церкви великой Воскресенія Христова, идѣже созирахомъ внутрь окнами и видѣхомъ строеніе и украшеніе ся зѣло прекрасное, и желаше же душа моя крѣпко, да мя сподо-

бить Богъ дойти внутрь. Тогда показоваху намъ иноки главы церковніе, кая надъ каковимъ предѣломъ стоитъ. Отъ нихъ вси суть отъ самаго камени зданіе гладкимъ и лѣпимъ дѣломъ, едина же паче всѣхъ болша, отъ древа составленна и внѣ цѣнію покровенна, а сверхи диру имуща велику, и сія есть надъ Гробомъ Христовимъ. Но о семь послѣди чти въ описанію великія церкви. Еще же и инная зданія многа далече и близу стояща, показоваху намъ перстами, яко то церковь Соломонову, домъ Давидовъ, гору Елеонскую и проча, о чесомъ послѣди изявити потщуся. Послѣди идохомъ въ церковь монастыра того, именуемую святаго Константина и Елени, и слушахомъ тамо вечерни, идѣже иноки поють чинно и лѣпо, съ всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Храмъ того ради въ имя святаго Константина есть созданный, понеже онъ быше ктиторъ и великой церкви и монастыру Патріаршему и вся онъ созда. Стоитъ же присовокупленній къ стѣнѣ великія церкви Воскресенія Господня, отъ оиудуже на странѣ лѣвой есть окно, и зрится Гробъ Христовъ и прочіе мѣста внутрь. Церковь она, аще и мала есть, но строеніемъ гладкимъ и лѣпотнымъ зиждема и внутрь побѣленна варомъ чисто, безъ всякаго иконописанія. По стѣнахъ же суть многоразлични повѣшенни икони, украшенія ради, а намѣсніе образи, обоюду царскихъ вратъ стоящіе, вси суть серебромъ позлащеннымъ покровенни, кромѣ лицъ. Столпы токмо единъ иматъ внутрь, имъ же поддержитя, не можетъ бо вмѣстити болше, малости ради своей. Подножіе зѣло гладкимъ, искуснимъ дѣломъ сочиненно отъ таблицъ мраморныхъ троякаго вида: бѣла, черни, и червленна. Что же реку о сѣдалищи, или тронѣ патріаршемъ и о прочіихъ столцахъ и наложцахъ? Воистинну многія похвали достойна суть, понеже вся дробнымъ и

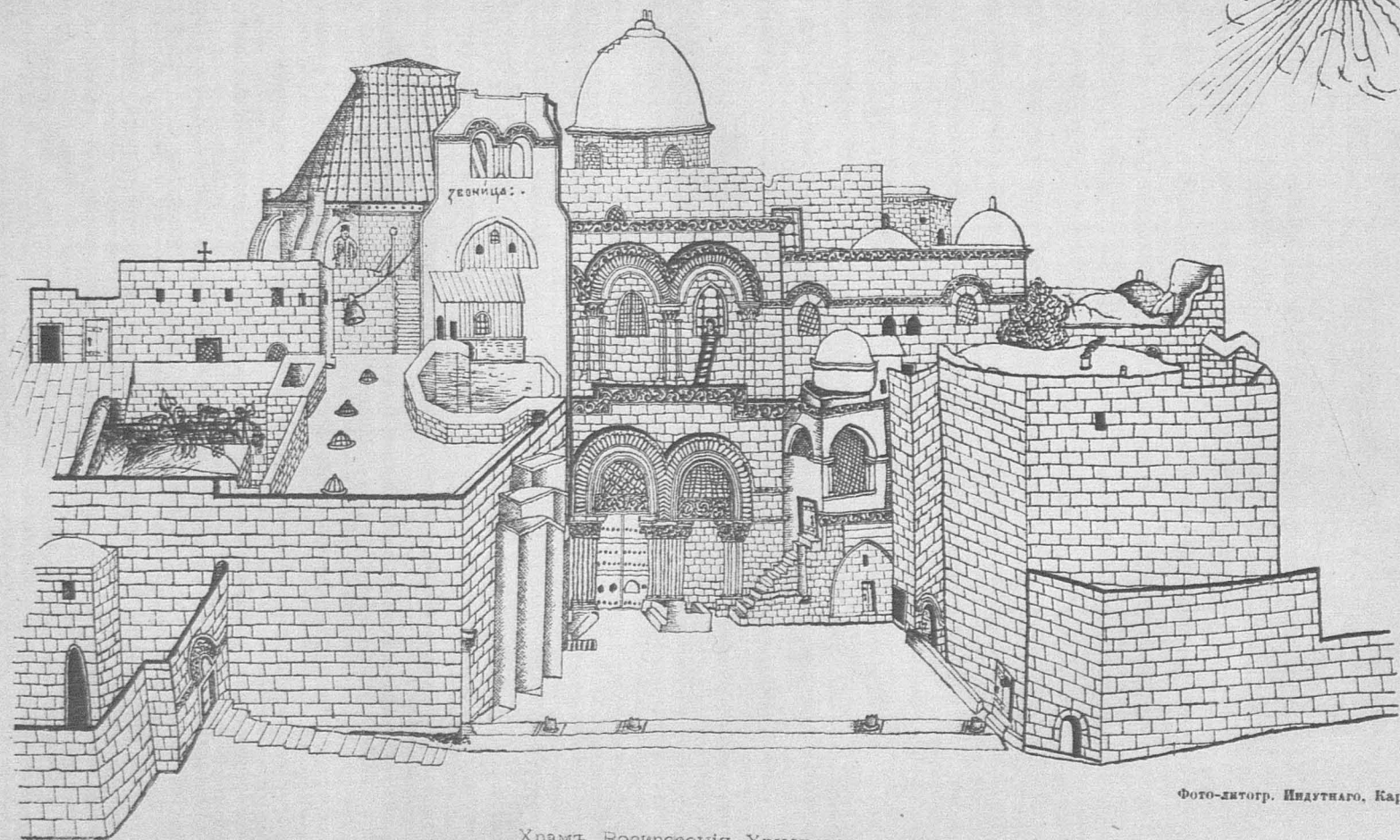

Фото-дитогр. Индутаго, Караван., № 16.

Храмъ Воскресенія Христова

избраннымъ художествомъ, бисернымъ чреповнокожіемъ, или, простѣ рекше, перловою матицею и иными драгими костми отъ рыбъ морскихъ насажденна и украшенна суть. Егда же, по вислушаніи вечерни, изійдохомъ отъ церкви, абіе биша въ било и званни бѣхомъ въ трапезу вечеряти и предъставиша намъ подобніе снѣди, якоже и въ часъ обѣда, служаще и частующе виномъ. Тогда наситившеса, благодарихомъ Бога и разійдохомся вси по келіяхъ своихъ. Заутра же въ субботу, мѣсяця Октоврія 1 дня, въ тойжде вишпереченной церквѣ бихомъ на утрени и слушахомъ правила даже до „Богъ Господь“. Наченшужеса чтенію Псалтири, по повеленію намѣсника патріаршего, дадоша намъ всякому свѣци, поведоша насъ нѣколько иноковъ внизъ многими степенми каменными, даже до земля, и изведоша насъ внѣ монастыра предъ врата великія церкви, именуемая по Греческу *Аѳа Порта*, еже есть святая врата, и сотворше вси по три поклоненія до земля, лобизахомся. Святая же порта иматъ обоюду по три столпи мраморніе, бѣліе, отъ нихъ же одесную посередѣ стояй между двѣма просядеса до полу тако, яко персту чловѣчу влазити, и сотворше поклонія, лобизахомъ его по повеленію предъвожающаго насъ инока, иже пменуется мерхадзи, еже есть имій свое послушаніе, повеленное отъ питропа, водити по всѣхъ мѣстахъ поклонниковъ. Оттуду прешедше нѣколько степеней, ошуюю стоитъ столпъ свѣтло-червленній, на подобіе порфира, не въ стѣнѣ церковной, но на уединеніи при единомъ притворѣ, иже внѣ церкви стоитъ. Тамо также поклоняющеса, лобизахомъ его, и абіе предводяй насъ рече вину почитанія столповъ тѣхъ сице: Вистъ не предъ многими лѣти, егда Армене закупиша бяху отъ Турчина Гробъ Господень въ самообладаніе и обладаша лѣтъ нѣколько, послѣди же оклеветанни бяху, яко не

снисхождаше къ нимъ огонь отъ небесъ въ великую субботу, якоже обиче Грекомъ молящимся снисходити. И приспѣвшу празднику Воскресенія Христова, снідошася властелини Турецкіе съ прочими многими Махомедани созирати и увѣсти истинну. Бяху убо Армене внутрь при Гробѣ Господнемъ молящи, а патріархъ со Христіани своими внѣ церкви изійде и ста при ономъ вишшереченномъ уединенномъ столпѣ, плача и моляся Господеви, да прославить вѣру ихъ православную, а Арменъ проклятихъ да обличить лжу и ненависть. Бистъ же егда Армене молахуся, кричаще надъ Гробомъ Христовимъ и ничтоже ползоваху, се, Божією волею, отъ столпа онаго изійде огонь, иже есть при святыхъ вратахъ, и прескочивши къ другому столпу, при немъ же стояше патріархъ, и зажеде его пламенемъ зѣлнимъ, и абіе патріархъ заже свѣща своя, и огонь невидимъ бистъ. Такожде и вси людіе зажегоша свѣщи и прославиша Бога, показавшаго имъ таковое чудо. Армени же посрамишася. Видѣвъ же сіе единъ отъ знаменитихъ Турчинъ, велія (рече) вѣра есть христіанская, и вѣрова въ Христа. Абіе же отъ инихъ Махометанъ похищенъ бистъ испалень, въ очесехъ всего народа, предъ церковію. Арменамъ же оттолѣ болшъ не попустиша владѣти, но паки въ руцѣ Грекомъ дадоша. Виждь, любимій читателю, вѣри православнія силу! виждь чудеса Божія, прославляющаяся въ ней, враждующимъ на обличеніе! Оттуду, мало поступивше, внїдохомъ въ едину тѣснукелію, идѣже Марія Египетская плакашася зѣло, того ради, яко сила Божія възбрани ей внїти въ врата церковніе и поклонитися Гробу Господню. Оттуду пойдомъ въ монастирь святаго Авраама, идѣже вшедши въ врата, идохомъ помежду зданіями на гору многими степенми, и прїйдохомъ въ едину церковь невелику, но

лѣпу, яже при стѣнѣ великія церкви стоитъ. Тамо стоитъ мѣсто предъ царскими врати, серебромъ окрестъ, въ подобіе блюда, окованно, идѣже бѣше иногда Савековъ садъ и Авраамъ хотѣше сына своего заклати Богу на жертву, но Богъ, видя усердіе его, не попусти ему сего сотворити, но яви ему овна, и лобизахомъ мѣсто оное съ благоговѣніемъ и честію. Оттуду возвращающи въ великій монастырь Патріаршій, поведоша насъ на мѣсто оное, идѣже явился Христосъ Маріи Магдалинѣ, яко вертоградарь съ копаницею, идѣже такожде поклоняхомся и лобизахомъ мѣсто святое. Таможде абіе пойдомъ въ церковь святаго Іакова, Брата Господня, иже первій епископъ въ Іерусалимѣ бистъ, и тамо въ оной церквѣ первій и ветхій тронъ его бѣше. Оттуду повратихомся въ монастырь тѣмъже путемъ, имъже и первѣе изійдохомъ, и идохомъ паки въ церковь и слушахомъ до конца утрени и по окончаніи разійдохомся въ своя келіи. Просвѣтившужеса дню солнечнымъ сіяніемъ, паки въ томъже храмѣ святаго Константина слушахомъ святой литургіи, послѣди же творяху коливо за усопшихъ, и по отпѣтіи церковномъ, таможде неотходно сѣдшимъ всѣмъ раздаяху и вина по чаши всякому. Таже абіе всѣхъ путниковъ и новопришелцовъ, духовныхъ же и мирскихъ, еще же и женъ, отведоша въ умивалницу и молыша всѣхъ сѣсти чинно, и бысть тако. Начать же пѣти пѣвецъ нѣкую стихиру лѣпимъ и умилненнымъ гласомъ, стоящи посередѣ умивалницы, изійдоша же шесть иноци, два носяще мѣдницу шероку и сосудъ съ теплою водою и лентіе, третій же препоясанъ завѣсою, такожде отъ другія странни, и наченше отъ перваго даже послѣднаго всѣмъ умиша нозѣ. Чинъ же сипцевъ бистъ: единъ держаше готово лентіе бѣло къ отираиію ногъ, вторій нося съсудъ съ теплою водою, съ

нѣкимъ благоуханнымъ зеліемъ уваренную, и поливаше подѣставивши мѣдницу подѣ ноги путника, третій же преклонъ колѣнѣ на землю, взявши первѣ десную ногу, потираше миломъ и омиваше согрѣяною водою и отерши лентіемъ лобизаше, аще быше инокъ, онъ омивающаго главу, мирянина же сипе безъ лобзанія оставляше, такожде и шуюю ногу омиваше подобнѣ, токмо не лобзаше, довлѣетъ бо и единожды. Сѣдящу же и мнѣ тогда въ чину прочіихъ путешественниковъ, аще и на послѣднемъ мѣстѣ, приступивше, умиша и мои грѣшніи нозѣ съ облобизаніемъ. Тогда азъ, не терпящи толь великаго смиренія ихъ и добродѣтели, испустихъ отъ очесъ моихъ слези, бяху бо и иніи прослезившіися, и сего ради не можахъ удержати тока зѣницъ моихъ. Егда уже умиша всѣмъ нозѣ, тогда носиша предѣ всякаго хадзѣя воду чисту и умиша вси, единъ по одному, рущи сами себѣ, абіе единъ послѣдоваше нѣкую воду, благоуханіями растворенну, носай и кропляше коемуждо на рущи, и потираху ея лица своя. Послѣди же дадоша по чаши кафе, и бистъ піющимъ привѣтствоваше краткою бесѣдою намѣсникъ патріаршій всѣхъ поклонниковъ, похваляющи благое произволеніе путешествія ихъ на мѣста свята и желающи, даби Богъ сподобилъ вся та съ страхомъ, благоговѣніемъ и вѣрою посѣтити и лобизати и елика такова. По малѣ же времени званни бѣхомъ въ трапезу, и представиша намъ ядъ лучшую, нежели вчера, бѣ бо день суботній, и честоваху довольно виномъ. Наситихомъжеся въ славу Божию и благодарихомъ. Послѣди, изшедше оттуду, поведе насъ паки верху церкви великія, якоже и вчера, тойжде инокъ, мерхадзій, или предтеча поклоническъ, многая намъ перстомъ показаше зданія внутрь и внѣ града мѣста святіе и довольно съ нами бесѣдова, что изявитися иматъ послѣжде.

Послѣди приспѣвшу времени, обичнѣ идохомъ и слушахомъ вечерни въ предъреченномъ святаго Константина храмѣ; таже послѣдовательнѣ званнѣ бѣхомъ въ трапезу и разійдохомся. За утра же въ день неделнѣй, Октоврѣя второго числа, по вислушаніи ношнаго правила, егда просвѣтися день солнечнымъ сіяніемъ, повелѣніемъ намѣсника патріаршого созваннѣ бяху вси хадзѣ въ газофилакію, еже есть въ скарбницу монастырскую, и дадоша милостину въ корванъ Гроба Христова всякъ противу силѣ своей, елико кого Духъ Святій наставилъ бѣ. Тогда же и Махометане прійдоша въ монастырь, по обычаю своему, взятія ради мзди за отверженіе вратъ великія церкви, они бо въ рудѣ своей держать и никого же отъ пришелець попустятъ внѣйти тамо, дондеже установленну дань отъ него не возмутъ; взимають же токмо отъ мирскихъ, отъ иноковъ же ничтоже, не токмо отъ Іерусалимскихъ, но и отъ чуждыхъ, понеже многу дань дають въ годъ монастырь Патріаршій на царя Турецкаго за монастыри, иноки и всякіе потреби, и сего ради воленъ входить имъ есть на вси святіе мѣста, безъ всякаго поплащенія. Тогда убо мирстїи поклонники вси дадоша по седмъ таларей и взяша Турецкіе печати, по обикновенію тамошнему, да въ время вхожденія въ церковь покажетъ въ вратѣ оную и безъ воспященія впущенъ будетъ, уготовляхуся бо того вечера хадзѣ внѣйти внутрь, бистъ бо уже день третій гощенія въ монастыри и къ тому болше держати не обикоша ихъ тамо иноци. Приближившуся убо вечеру, прійдоша бѣсурмане съ ключами и отверзоша святіе врата, идѣже егда впустишася, оставиша вратамъ отверзтимъ бити яко полчаса, поклоненія ради народа Іерусалимскаго, послѣдоваша. бо тогда по насъ людіе многи отъ жителей тамошнихъ, ибо Іерусалимнявъ ради никогда же не отверзають церкви,

но егда наймутъ хадзѣе, тогда и имъ волно внійти. Обаче стоятъ Агаране во вратахъ и стрегутъ, и никого же отъ чуждыхъ попускаютъ внійти, аще кто прежде имъ не далъ мзди и не иматъ отъ нихъ знаменія печати, и не можетъ никто же тамо внійти хитростно, безъ заплащенія. Тогда, егда ввійдохомъ во святые врата, абіе мерхадзій, предводий, показа мѣсто, идѣже Пресвятое Тѣло Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, снемши Іосифъ съ Никодимомъ съ Креста, обвѣша плащеницею. Послѣди поведе насъ къ Гробу Господню, и поклоняхуся вси хадзѣе съ вѣрою и страхомъ, коего поклоненія и азъ недостойній сподобихся. Оттуду не хотяше повести къ прочимъ святымъ мѣстомъ, но поведе насъ въ храмъ Воскресенія Господня предъ началній престоль, посередѣ церкви стоящъ, и тамо показа намъ на подножіи церковномъ пупъ, или посредствіе земли, о немъ же воспоминается въ Писаніи Божественномъ, яко спасеніе содѣя посередѣ земля Христосъ Богъ роду чловѣческому, еже мѣсто съ любовію и поклоненіемъ лобизахомъ вси. Тогда абіе начаша Греческіе иноки пѣти вечерню и къ тому, не исходяще оттуду, слушахомъ. По вечерни ведоми бѣхомъ степенми каменными на гору Голгофу и поклоняхомъся мѣсту, идѣже Крестъ водружень стояше съ распятимъ на немъ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Таможде видѣхомъ гору просѣдшуюся каменную въ время Страстей Христовихъ, о чемъ пишется въ Евангеліи, яко земля потрясеса и каменія распадашася. Таможде лобизахомъ мѣсто оное, идѣже положивши Крестъ на земли и распростерши на немъ Христа Спасителя нашего, прибиша желѣзными гвоздіями. Оттуду изведше ни на низъ, показаху намъ пещеру подъ горою, идѣже Адамъ погребень бисть и кровію Христовою освятишася кости его. Оттуду во-

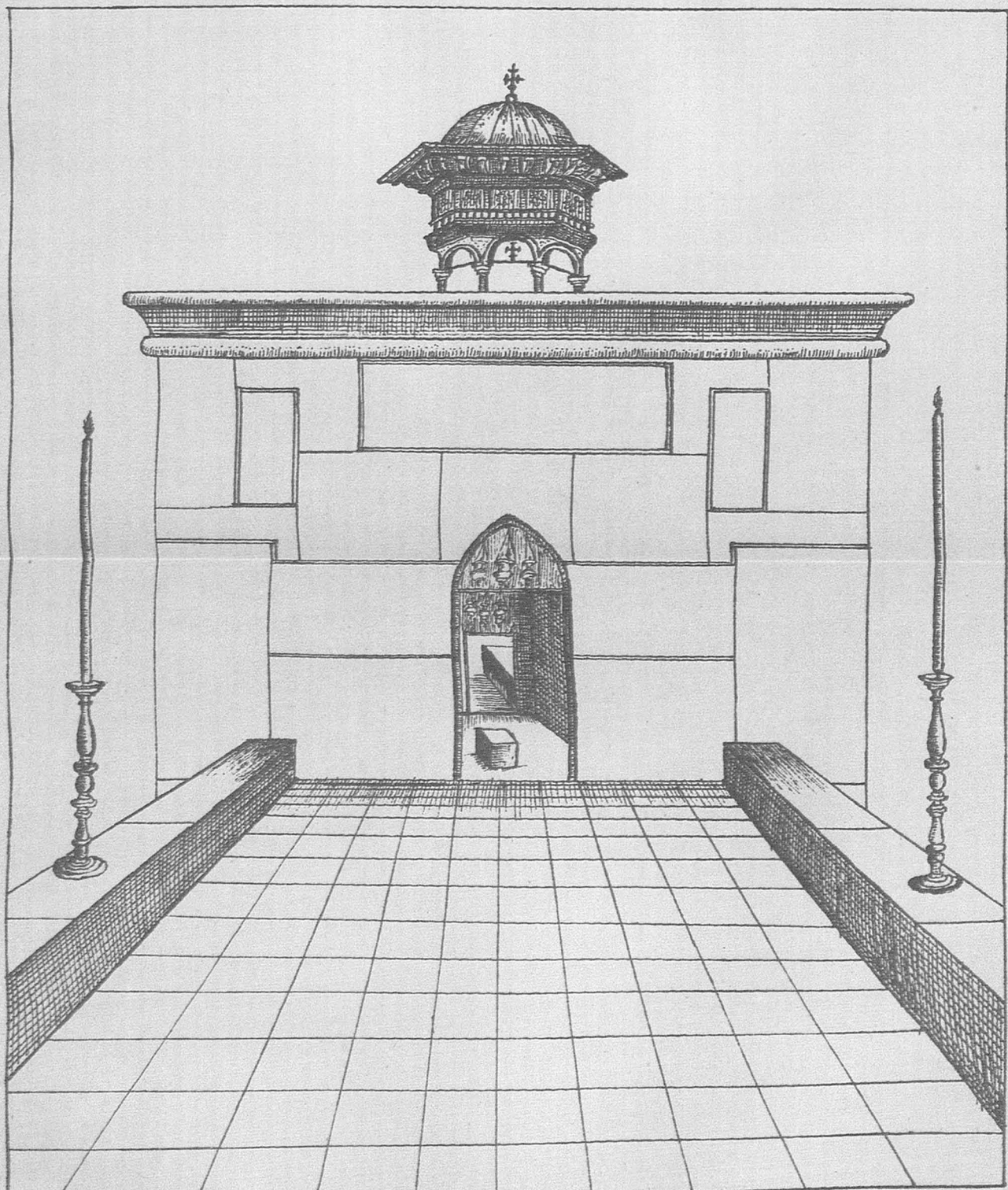

Фото-гипср. Н. Индугнаго, Караван. № 16.

Гробъ Христовъ въ Иерусалимѣ.

дими бѣхомъ къ прочімъ мѣстомъ святимъ и любизахомъ я вси съ многимъ поклоненіемъ и любовію, а именно сіи суть: Камень, на немъ же посадивши Христа, терновъ вѣнецъ возложиша на нь; яма, идѣже святая Елена Животворящій Крестъ Господень обрѣте; мѣсто, на немъ же о одежди Христовѣй метаху воини жребія; темница, идѣже Христосъ затворенъ быше; камень съ двѣма дирама, идѣже Христови нозѣ провѣченни бѣху и заключенни; столпъ, къ нему же Евреи привязавше Христа, біяху розгами, и прочіе мѣста, о нихъ же послѣди подробну извѣститися имаши. По обхожденіи же мѣсть святыхъ, званни бѣхомъ отъ начальствующаго въ церквѣ инока на трапезу, идѣже въведши насъ въ едину гостинницу, предъстави вечеру честну, якоже и въ монастырѣ Патріаршемъ бистъ, и учреди ни ястіемъ и питіемъ довольно. Послѣдиже, по обычаю ихъ всегдашнему, изнесень блюдь великъ, среброкованъ, позлащенъ и на немъ книгу лежащую и хартію, и чернило, и моляше милостини на потреби церкви, и даяху вси по силѣ своей, елико кого Богъ поставиль, и въписоваху имена своя въ книги церковніе, поминанія ради. Таже, по оконченіи всего, въ той же гостинници дадоша постеля къ спанію, и яже хотяху спаша, прочіи же хождаху по церкви и рассмотрѣваху строеніе ея и мѣста святіе, съ ними же и азъ, и чудихомъся лѣпотному, премудрому и пространному зданію ея, и послѣди спяхомъ вси. О полунощи же, по всегдашнему обычаю своему, иноки, тамо пребивающіе, биша въ било деревяное и возбудиха всѣхъ на пѣніе церковное, и наченше отъ полунощници вся по ряду, даже конца утрени съ всякимъ благолѣпіемъ и благочиніемъ, таможде при великомъ олтарѣ совершаху набоженство. Тогда бившу славословію великому, якоже подобаетъ въ

день неделній, священникъ служащій изнесе отъ олтаря на сребномъ, позлащенномъ блюдѣ крестъ, яко полтори пяди величествомъ, такожде среброкованъ, въ немъ же бѣше посредеѣ часть честнаго древа отъ Креста Христова, величествомъ яко два палци чловѣчїи въ широту, и лобизахомъ вси съ достожджноу честїю и поклоне- нїемъ. Послѣди же слушахомъ служби Божой на горѣ Голгофѣ, отправованной при оной дири, идѣже Крестъ съ Христомъ стояше. Таже наставшу дню и возсіавшу солнцу, прїйдоша Турки и отверзоша врата святїе, и поклонившеса паки Гробу Господню и прочїимъ свя- тимъ мѣстомъ, изїйдохомъ, давши славу Богу. Тогда азъ славяхъ и благодаряхъ Бога Вседержителя о всѣхъ, яже видѣхъ и слышяхъ, и всегда благодарю Его, яко сподоби мя толь пресвятїе и преславнїе посѣтити и лоби- зати мѣста. Оттуду паки въ монастырь Патріяршїй воз- вратихомся и приспѣвшу времени трапезою угощенн бѣхомъ; по трапезѣ же, по повеленїю намѣстника па- трїяршего, разведоша иноци хадзѣевъ по монастырахъ на временное пребиванїе. Обычай бѣ тамъ страннимъ, не токмо духовнимъ, но и мирскимъ по монастырахъ жити, донелѣже обходятъ вси мѣста святїе и совершатъ поклоненїе. И изїйдоша того дне отъ Патріяршего мо- настира вси на инїе мѣста, идѣже кому возлюбїся, оби- чай бо и постановленїе отъ давнихъ лѣтъ есть тамо, яко не угощеваютъ странныхъ, токмо три дни, послѣди же сами кормлятся въ монастырехъ сѣдяще, гостинницъ бо кро- мѣшнихъ ихъ ради нѣсть, а въ монастырехъ келїи суть много праздныхъ, а иноковъ мало обитающихъ. Раз- шедшимъ же ся тогда всѣмъ, мнѣ повелѣнно бистъ удер- жати еще тамо чрезъ нѣколько днїй, имѣхъ бо себѣ теплая заступника и ходатая она вишшеписанна два протосингела Іерусалимска, съ ними же вкупѣ еще отъ

моря творяхъ шествіе къ Іерусалиму, отъ нихъ же съ единимъ еще путешествуя въ земли Венецкой, познахъся въ градъ Киркѣрѣ, идѣже суть мощи Святытеля Христова и Чудотворца Спиридона, съ другимъ же въ Македоніи въ Солуню. Тѣи убо вѣдоючи мя убога и немогуща отъ своего мѣща кормитися, имѣяху о мнѣ попеченіе, Господы ихъ спаси. И тако за ихъ ходотайствомъ и милостію питропа, или намѣсника Патріаршего, преселиша мя въ монастырь святаго Архистратига Христова Михаила, идѣже совокупивши мя въ дружество съ другимъ, такожде оскуднѣ имущимся хадзѣмъ, или поклонникомъ, иже баше отъ странни Сербскія, отъ града Сегедина, именовъ Стоянь Савинъ, дадоша обѣмъ едину келію, временнаго ради пребытія, и повелѣша на всякъ день пицу взимати отъ великаго монастыря. Прейдохомъ убо въ монастырь Архангелскій Октоврія 5 числа, въ среду, и хождахъ азъ на всякъ день дважды, въ полудни и вечеръ, къ монастыру Патріаршему по пицу, отъонюдуже хлѣбъ, варенія и вино и вся яже братія ядаху, то и намъ даяшеса. За что, глаголю? Да умножаетъ щедръ и милостивъ Господь всякихъ благъ изобиліемъ обитель ону и живущихъ въ ней до скончанія вѣка. Ми же пребивающе съ прочіими тамо многими хадзѣями, творяхомъ, на неже прійдохомъ въ Іерусалимъ, хваляще и благодаряще Бога и благодѣтелей своихъ.

О монастырѣ Святаго Архангела Михаила.

Монастырь святаго Архистратига Михаила стоить недалече отъ Патріаршего, весь отъ камене зданъ и каменною огражденъ стѣною; строеніемъ невеликъ и тѣсенъ, имать въ себѣ доволное число келій и зданій,

но иноковъ мало, идѣже поклонници, на всякъ годъ приходяще, обитають и исполняютъ вся праздна келія. Тамо церковь, аще и невелика, но лѣпа и отъ самаго сѣченнаго камене гладцѣ устроена, имуща главу токмо едину каменну отъвнѣ и внутрь, подножіе же отъ мрамора и иннихъ каменныхъ доскъ искуснимъ художествомъ, якоже и въ монастырѣ Патріаршемъ, посланное. Монастирь той есть метохъ обители с. Савви, яже есть внѣ Іерусалима, въ пустыни, или, яснѣе рекше, причастень монастыру святаго Савви, идѣже есть млинъ конній, имъ же мелюще чуждая брашна, користъ нѣкую приобрѣтають. Таможе вино дѣлается и инніе потреби уготовляются и посылаются въ обитель Сави Освященнаго. Стоитъ же въкупѣ съ монастыремъ Римской вѣри иноковъ Францишкановъ. Живущи убо азъ тамъ, ходихъ едва не всякъ день съ прочіими хадзѣи поклонятися святимъ вратамъ великія церкви, по обикновенію тамошнему. Октовріа же 9 числа наяй нѣкто Агарянь и отверзаху врата святіе на единъ токмо часъ, тогда азъ вторицею поклоняхся Гробу Господню и прочіимъ святинямъ, въ церкви обрѣтающимся. Октовріа 11 числа, въ вовторникъ, видѣхъ церемонію съвершаемую въ градѣ Іерусалимѣ о христіанинѣ, пріявшемъ вѣру Турецку, сице: Всадивше его на коня, и наченше отъ торжища провождаху по всѣхъ улицахъ града, въ труби гласяще и въ тимпани биюще. Предидаху же ему пѣшихъ чловѣкъ въоруженныхъ 30, конныхъ же съ нимъ грядяху вящше десяти. Единъ же Агарянинъ преди всѣхъ грядяше и его же или устрѣташе, или обрѣташе на улици стояща или христіанина, или жида, требоваше бакшиша, си есть дара, и собираще пѣнязи новопріемшему вѣру махометанскую. Тоже, обшедше началніе улицы града, ведутъ на уреченное мѣсто и обрѣзуютъ его.

Доспѣвшу же числу шестомунадесять Октоврія, въ день неделній, по соизволенію мерхаджѣя провождающаго, ходихомъ вси поклонници Греческіе посѣщати инніе мѣста святіе, внутрь и внѣ града обрѣтающіеся. Воставши убо рано предъ восхожденіемъ слонца, идохомъ первѣе къ Святимъ Вратомъ Великія Церкви и сотворихомъ поклоненіе, оттуду поидохомъ страною восточною града, стоящею прямо горѣ Елеонстѣй, на низъ улицами, и дошедше лобизахомъ: 1) мѣсто, идѣже Господь нашъ Іисусъ Христось, Спаситель всего міра, въ время волнаго своего за насъ страданія, егда носяше крестъ на распятіе Себе Самаго и изнемогъ отъ труда, препочи усѣдши. Оттуду улицею пройдохомъ мало на гору и видѣхомъ останки зданія Претора, идѣже, якоже Евангеліе свѣдѣтельствуеть, судимъ баше Христось отъ Ани и Кааяфи, иже стоятъ високо, пресеязюще чрезъ улицу въ попрекъ, а подъ ними, аки вратами, проходятъ люде. Тамо восходити неволно, понеже Турками обладаемо есть, и смотрѣти нѣсть что, понеже все раззоренно, токмо двѣ стѣнѣ зрятся и оконъ нѣколко. Тогда ми, мимоидуще, лобизахомъ низу стѣну зданія того. Оттуду поидохомъ вишше улицею тоеюжде и видѣхомъ дворъ Пилатовъ, иже есть великъ и пространень и стоитъ на мѣстѣ високомъ, каменною огражденъ стѣною, исходящи изъ града одесную есть. Тамо путници не входятъ внутрь, понеже бѣсурманъ знаменитъ нинѣ тамо обитаеть и стражникъ у вратъ стоитъ, къ тому же нѣсть что отъ ветхаго вѣдѣти, понеже, по многомъ раззореніи Іерусалима, нова вся зданія биша. Оттуду прешедше мало на низъ тоеюжде улицею, поминухомъ одесную входъ къ святилищу Соломонову и стражу въ немъ стоящую и возбраняющую входити всѣмъ инной вѣри, кромѣ махометанскоѣ, о чесомъ по-

слѣди широчае. Таже мало прешедше, мимоидохомъ, ошуюю стоящъ, домъ Іоакима и Анни, въ немъ же Пресвятая Богородица родися, и купель, въ ней же миса, якоже повѣствуется отъ народа. Оттуду мало прошедши, видѣхомъ ровъ, въ онъ же с. пророкъ Іеремѣя въвержень. Той есть зѣло шерокъ и глубокъ, и внутрь на четыре страни каменными огражденъ стѣнами, идѣже ветхихъ временъ вся нечистота, отъ града истекающая, собирашея, нинѣ же, по многократномъ раззореніи Іерусалима, небрегомъ пребываетъ, въ немъ же внутрь оградная земля всѣвають человѣци. Оттуду абіе приближихомся къ вратамъ, рекомимъ Геосиманскимъ, понеже прямо веси Геосиманскія на востокъ стоятъ. Тамо внутрь града, въ камени, при вратехъ, изображенна есть стопа Ангелская. Врата оніе бяху прежде въ Великой Церкви, идѣже Гробъ Господень, таже, въ время заустѣнія Іерусалима, взяша оттуду и принесше, сотвориша порту градскую, иже и доселѣ стоятъ, почитаема и лобизаема отъ Христіанъ. Тогда ми, лобизавше столу Ангелскую и врата, изидохомъ вонъ изъ града и идохомъ съ гори долу, къ потоку Кедрскому. Не преходяще же потока, поклоняхомся мѣсту, на немъ же каменіемъ побіенъ бистъ с. первомученикъ и архидіаконъ Стефанъ, о чесомъ пишеть въ Дѣянїяхъ Святыхъ Апостоль. Таже, оставивше весь Геосиманию ошую, преидохомъ потокъ Кедрскій. Обаче вѣстно буди, яко потокъ именуется не того ради, въ еже би имѣлъ въ себѣ воду непрестанно текущую, но отъ теченія дождевой воды въ время зими, и, яснѣ рекше, нѣсть потокъ, по ровъ между горами. Тогда начахомъ абіе восхождати на гору Елеонскую, помежду садами маслинными, и показа намъ провождай насъ мѣсто, идѣже Христось Господь, грядій на страсть волную, оставивъ ученики своя, самъ же отъиде моля-

шелъ. Тако бо свѣдѣтельствуеть Евангелистъ Матѳеѳей: „Тогда прійде съ ними Іисусъ въ весь, нарицаемую Геѳсиманія, и глагола ученикомъ: сѣдите ту, дондеже шедъ помолюся тамо; и поемъ Петра, Іакова и Іоанна, начать скорбѣти и тужити. Тогда глагола имъ Іисусъ: прискорбна есть душа моя до смерти, пождите здѣ и бдите съ мною“. Оттуду мало прешедше, яко верженіемъ камене, показа намъ мѣсто, идѣже Іисусъ моляшеся къ Богу, Отцу Своему. Тако бо свѣдѣтельствуеть Евангелистъ Лука: „И изшедъ Іисусъ, иде по обычаю въ гору Елсонскую, по немъ же идоша ученици Его. Бившу же Ему на мѣстѣ, рече имъ: „молите, да не внійдете въ напасть“, и самъ отступи отъ нихъ, яко верженіемъ камене, и поклонъ колѣни, моляшеся, глаголя: „Отче, аще волиши мимо нести чашу сію отъ Мене, обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ“. Явижеся Ему Ангель съ небесе, укрѣпляя Его“, и прочая тамо чтѣ. Тамо ми съ вѣрою и любовію поклоняхомся и лобизахомъ мѣсто оное святое, и взяхомъ мало отъ земля, на благословеніе. Оттуду прешедше нѣколько степеней на гору, поклоняхомся мѣсту второму, идѣже вторицею моляшеся Христосъ, якоже с. Матѳеѳей глаголетъ: „И паки вторицею шедъ помолися, глаголя: Отче Мой, аще не можеть сія чаша ити отъ Мене, аще не пію ся, буди воля Твоя“. Вѣдомо же буди, яко аще и трѣжди Господь нашъ Іисусъ Христосъ моляшеся, якоже тойжде воспоминаеть Евангелистъ: „Шедъ паки помолися третицею, тожде слово рекъ“, обаче два мѣста познаваются и исповѣдуются отъ Іерусалимлянъ, откуда явѣ есть, яко Христосъ Спаситель на единствѣ на коемъ либо буди, или на первомъ, или на второмъ, дважды молитву творяше къ Богу и Отцу, а на другомъ единожды. На первомъ убо мѣстѣ ннѣ стѣна ка-

менная ограда садовой, а на второмъ мѣстѣ камень самороденъ, великъ, недвижимъ лежитъ. Оттуду восходящи далей на гору, показаху намъ камень великъ, недвижимъ, при пути лежащъ, его же лобизахомъ такожде съ поклоненіемъ. Повѣствова же намъ мерхаджѣй, провождай насъ, сице: яко въ время Успенія Пресвятія Богородици, егда Апостолы Христови облакомъ по воздуху отъ различныхъ странъ принесенни биша въ Геосиманію на погребеніе Божія Матере, тогда Апостоль Ѳома не бяше съ ними, послѣди же третаго дне, по Божію смотренію, облакомъ принесень бистъ и поставленъ на ономъ камени, предъ Геосиманію. Повѣствуютъ же, яко сѣдѣшу ему тогда на камени, видѣше возносимую ангелы Пресвятую Богородицу и возваше къ ней, глаголя: „Камо грядеши, Пресвятая Дѣво?“ Она же, не отвѣщаючи ничесоже, метну ему поясъ свой, его же егда показа прочіимъ Апостоломъ, не вѣроваши, даби онъ видѣлъ Матерь Божію, глаголюще, яко мы прежде тріехъ днѣй погребохомъ ю въ веси Геосиманстей; и пришедше вси, вкупѣ съ Ѳомою, отверзоша гробъ и не обрѣтоша тѣла, въскресе бо по третіемъ дни, якоже и Единородній Сынъ Ея Христосъ Господь, и на небо Ангели Божіими взята естъ. Оттуду послѣди пойдехомъ на верхъ гори Елеонской, идѣже возшедше, сѣдѣхомъ вси, препочиванія ради, и созирахомъ лѣпоту града Іерусалима. Оттуду бо зрятся, аки на длани, все зданіе и вси доми его, найпаче же церковь Соломонова и полата его и окрестъ ограда зѣло лѣпотны къ видѣнію зрятся. Паки видѣхомъ многая каменная зданія, лѣпо содѣланная, яже верху гори Елеонской стоятъ. Таможе и мечеть Турецкій стоящъ, въ немъ же Богу молятся; такожде древо маслиннаго окрестъ многа, и прочая. Послѣди же прійдохомъ къ зданіямъ тѣмъ и посѣщахомъ домъ Меланіи

Елеонская гора.

Вид с горы. Иллюстрация. Караван, № 16.

Вершина Елеонской горы

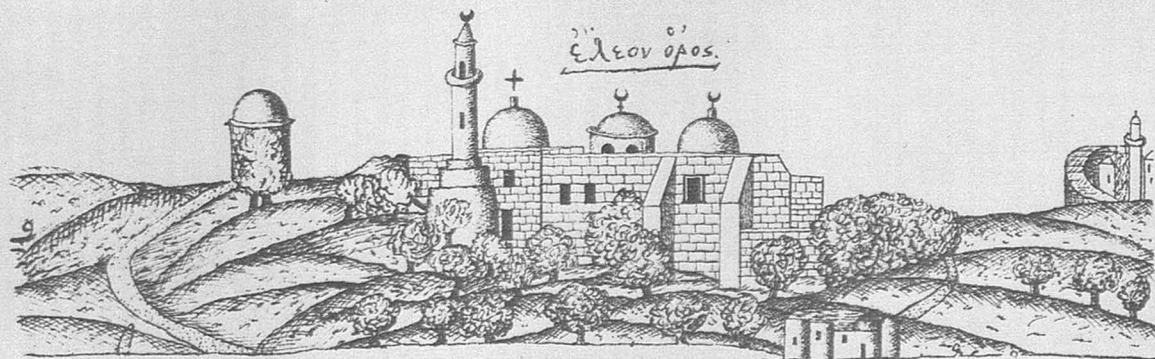
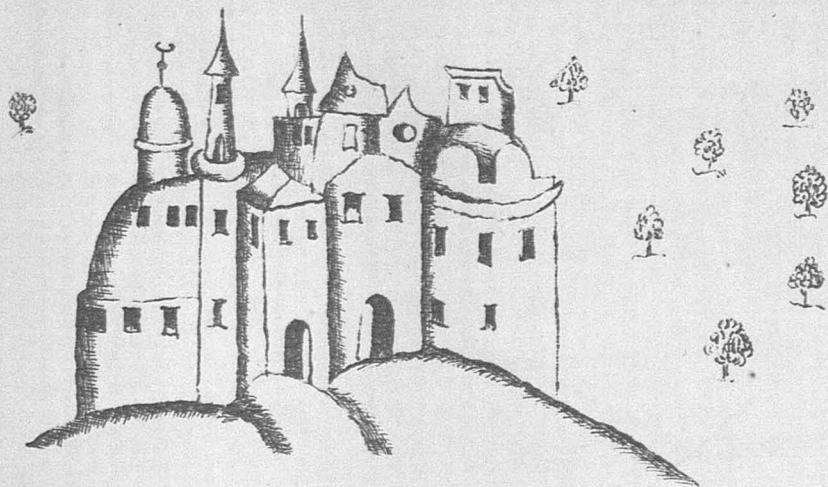

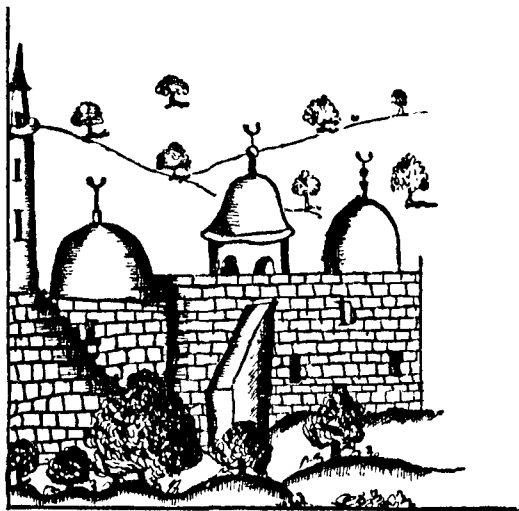
Фото-литогр. Индутаго, Караван., № 16.

Вершина Елеонской горы

Домъ Св. Мелані.

Римлянины, въ немъ же житіе свое провождаше, иже пристроенъ и присовокупленъ прочіимъ домомъ есть, и не входихомъ, ниже созирахомъ внутрь, понеже заключенъ есть и руками невѣрныхъ обладаемъ. Обаче сквозѣ расщелину, яже баше въ вратехъ, видѣхомъ распространіе келія тоя невеликое; внутри же подѣ спудомъ имать зданія нѣкая ветхая и темная, подѣ спудомъ основанія стоящая. Оттуду абіе, безъ омедленія, ведоми бѣхомъ отъ мерхардзѣя въ нѣкій дворъ широкъ и пространенъ, ограж-

денъ окрестъ високою каменною стѣною, стоящъ совокупленнѣ съ мечетомъ Турецкимъ. Тамо сѣдяху при вратехъ два махOMETANE и взимаху отъ коегождо входящаго хадзѣя по двѣ парѣ монеты Турецкой. Егда же внѣдохомъ единими врати, видѣхомъ пляцъ, или подворіе, равное и широкое, и посредѣ его, аки нѣкій храмъ малъ или церковь, гладцѣ и искуснѣ созданную кругло, въ подобіе столпа. Обрѣтаются же тамъ внутри и внѣ окрестъ обстоящихъ столповъ мраморныхъ числомъ 14, и не прикасающихся къ стѣнамъ зданія, кромѣ главъ и подножій. Тамо вшедше, паки по единому сребреннику дадоша вси стражевѣ, и поклонихомся мѣсту, отъ оногоду же Господь нашъ Іисусъ Христосъ вознесся на небо, и лобизахомъ слѣди пречистыхъ стопъ Его, яже на камени, аки на воску, изображенніе остави. Камень той стоитъ на подножии, посредѣ зданія того, иже баше иногда церковь, глубоко, окрестъ обложенъ мраморными

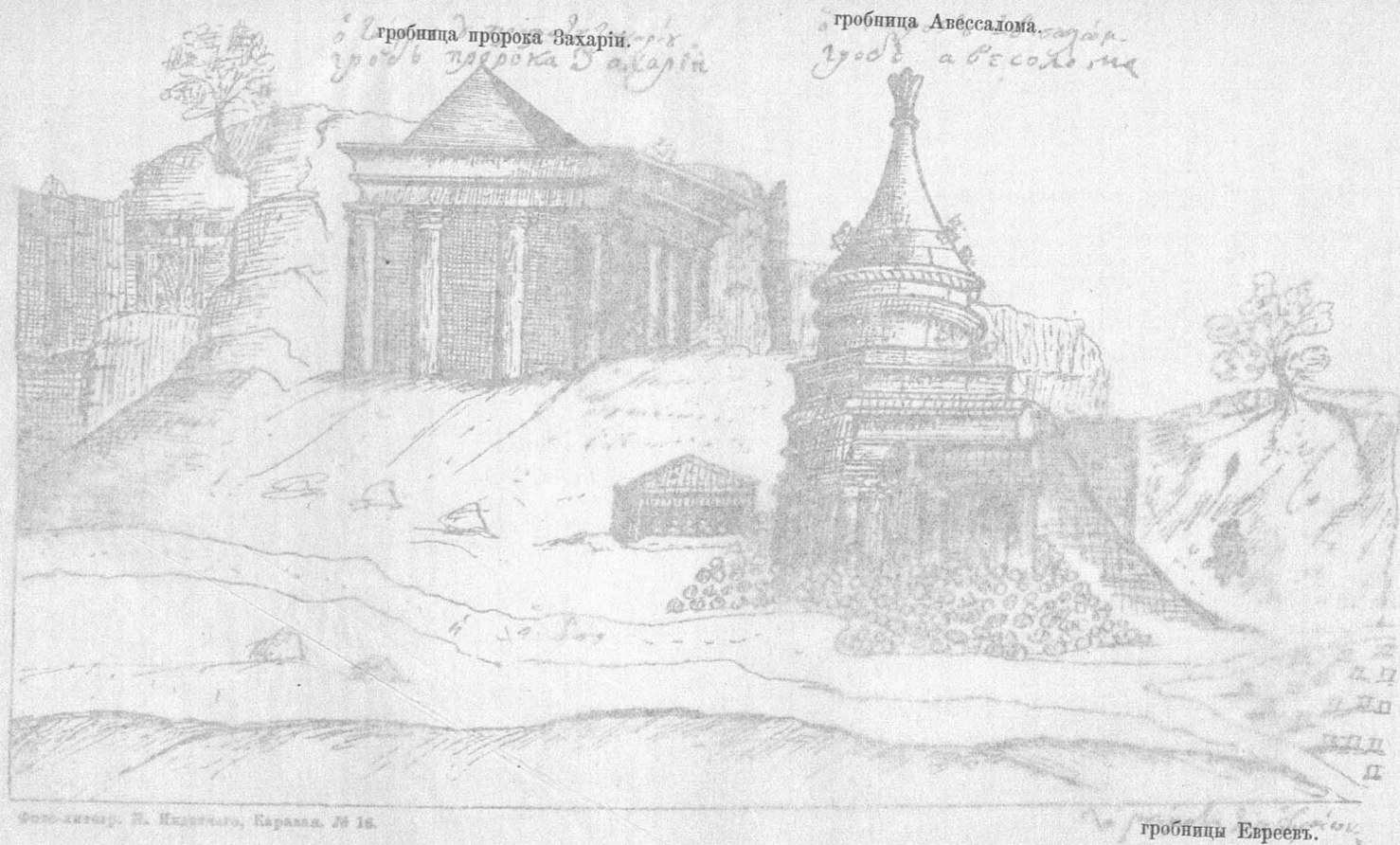
дсками. Величество образа его сверху зрится, въ долготу и широту, яко единъ степень человекъ, внизъ же, въ земли, величество его многое, самороднѣ бо въ горѣ бистъ и пребываетъ недвижимъ доселѣ; отгуду бо и познавається, яко гори тамо все каменніе суть, и камень той одинаго рожденія и подобія съ протчїими каменми, въ горѣ Елеонстей обрѣтающимися. Правія убо стопи не токмо мѣсто, но и палцовъ изображенія виразнѣ даже доднесь показується, лѣвія же не тако. Тамо внутрь никтоже литургисаетъ, ни отъ коея же вѣри, токмо суть внѣ храма онаго, на поли, созданные каменніе престолы отъ Грековъ, Римляновъ, Арменовъ, Коптовъ и Сирїановъ, иже на всяко лѣто, въ праздникъ Вознесенія Господня, службу Божю творять. Оная вся зданія ветха, яже обрѣтаются на горѣ Елеонстей, вся содѣланна суть отъ рукъ христїанскихъ, и бяху церкви божественніе, нинѣ же вся руками невѣрныхъ и наслѣдниковъ проклятаго Махомета обладаема суть, и превращеннїи храмъ Вознесенія Господня въ онихъ нечестивіе мечети. Тогда, поклоншеся (якоже предрекохъ) мѣсту святому, отъ него же вознесся Христосъ Господь на небо, идохомъ верху гори, яко на три верженія каменна, и покладохомся показанному намъ мѣсту, на немъ же Пречистая Дѣва Богородица, по вознесеніи Христа Господа, восходила часто на гору Елеонскую, посѣщенія дѣла мѣста, отъ него же вознесся Синь Ея, и паки приходящи на мѣсто оное второе, взираше ко Іордану, идѣже крестися Христосъ, и поклоняшеся молитвующи къ Сину своему. Сиче повѣствуютъ Іерусалимляне. Мѣсто же оно пусто, стоитъ на поли, ниже огражденно, ниже кимъ любо буди стрегомо. Гора Елеонская извнутри града зрится сиче: стоитъ же отъ страни восточной и есть височайшая, паче оная, на ней же Іерусалимъ сто-

ить; имѣеть же много благой землѣ къ всѣванію сѣмень и растѣнію древесъ; такожде лѣпотна и весела въ позоръ челоуѣкомъ есть. Отъ верху ея зрится весь Іерусалимъ, аки на длани, такожде Іорданъ, иже стоитъ на востокъ, и езеро Содома и Гомора, иже за беззаконіи своя огнемъ и пожертіемъ земли скончашася. Нинѣ же на мѣстѣ томъ остася вода, яже Греки именуютъ *Νεκρα Θάλασσα*, си есть Мертвое море, о чесомъ послѣди узриши.

Гора Елеонская Греческимъ языкомъ именуется *ὄρος τῶν Ἐλεον*, Россійскимъ или Рускимъ гора Оливная, или Маслинная. Се же того ради прозвася тамо, яко много имать на себѣ садовъ отъ древа маслиннаго, отъ него же елей, или, простѣ рекше, олива дѣлается. Суть вѣкїе маслинни великіе и сице ветхіе, яко еще отъ воплощенія Христова (якоже повѣствуютъ) даже доселѣ стоятъ и плодородятъ не усихающе, еже есть не токмо видѣти, но и слышати преславно. Оттуду возвращешся, снїдохомъ съ гори тѣмъже путемъ къ Геосиманіи, яже стоитъ при потоцѣ Кедрскомъ, идѣже иногда весь баше, якоже чтется въ Писаніи божественномъ, и людіе жителствоваху въ ней, нинѣ же токмо садове обрѣтаются и Гробъ Матере же Божіа, стоящъ въ земли глубоко въ церкви, отъ нея же зданія внѣ ничтоже зрится, токмо входъ, имущъ внизъ степеней пятьдесятъ, идѣже посредѣ степеней, отъ обою страну, суть гроби Іоакима и Анни. Посредѣ же олтаря есть каплица каменная, въ немъ же внутрь гробъ Матере Божіа; каплица же и гробъ отъ мрамора бѣла составленна, идѣже висятъ кандиловъ стеклянихъ 18: православнихъ 6, Римскихъ 4, Арменскихъ 4, два же кандила Коптовъ, а два Сириановъ. Церковь она, въ подобіе пещерп, есть созданна въ земли отъ благочестивія царици Елени, расположенна же есть кресто-

образно и есть въ длину ¹, а въ широту ¹. Престоли къ литургисанію различніе секты имуть; Греки же на первоначалномъ престолѣ служатъ Божественную литургію и то не всегда, токмо въ нѣкіе праздники и неделѣ. Церковь та, или, паче рещи, пещера, стоитъ пуста, кромѣ всякой утвари; токмо егда литургисають, тогда отъ града иноки приносятъ вся съ собою аппарати. Нѣсть же тамо ни царскихъ, ни сѣверныхъ вратъ, никаковаго прегражденія, но откровеннѣ служатъ. Внѣ же церкви Геосиманской, абіе недалече одесную, есть мѣсто, идѣже (глаголють), яко Іуда лобзаніемъ Христа Господа предаде Іудеомъ и тиѣ, возложше нанѣ руцѣ, яша его. Таможде и пещера, идѣже сокрипаша Апостоли, страхи ради Іудейска. Ошуюю же начало потока Кедрскаго и рова, въ немъ же хочеть потекти рѣка огненная, предъ судищемъ Христовимъ въ послѣдній день. Тамо ми въ то время слушахомъ службу Божую и по окончаніи абіе изійдохомъ изъ церкви и пойдомъ внизъ потока Кедрскаго, мимо гроби Іудейскіе, идѣже отъ ветхихъ временъ даже доселѣ погребаются Іудове. На всякомъ же гробѣ камень и написаніе. Между теми убо единъ гробъ знаменитъ, великъ и високъ, стоитъ отъ ветхихъ временъ даже донинѣ, отъ камене непоколѣбимо въ горѣ изсѣченъ, главу на себѣ имущъ острую и високу, аки столпъ. Гробъ же той есть Авесалома, сына Давидова, якоже единогласно отъ Іерусалимлянъ повѣствуется, и стоитъ прямо Соломонова Храма, внѣ града, въ потоцѣ Кедрскомъ. Тамо Евреи странніе, егда приходятъ посѣщенія ради, по обычаю своему, всякъ по единому каменцу малу вергаетъ, коими каменцами, чрезъ многолѣтнее время, едва не вполь завергаша гробъ той. Оттуду мало прешедше, яко на полѣ верженія каменна, посередѣ потока Кедрскаго показаша намъ мѣсто, идѣже

¹ Пропускъ въ подлинной рукописи Барскаго.

гробница пророка Захаріи
гробъ пророка Захаріи

гробница Авессалом
гробъ авессаломъ

гробницы Евреев.

Фоль-китвар. Н. Издатель, Карала. № 18.

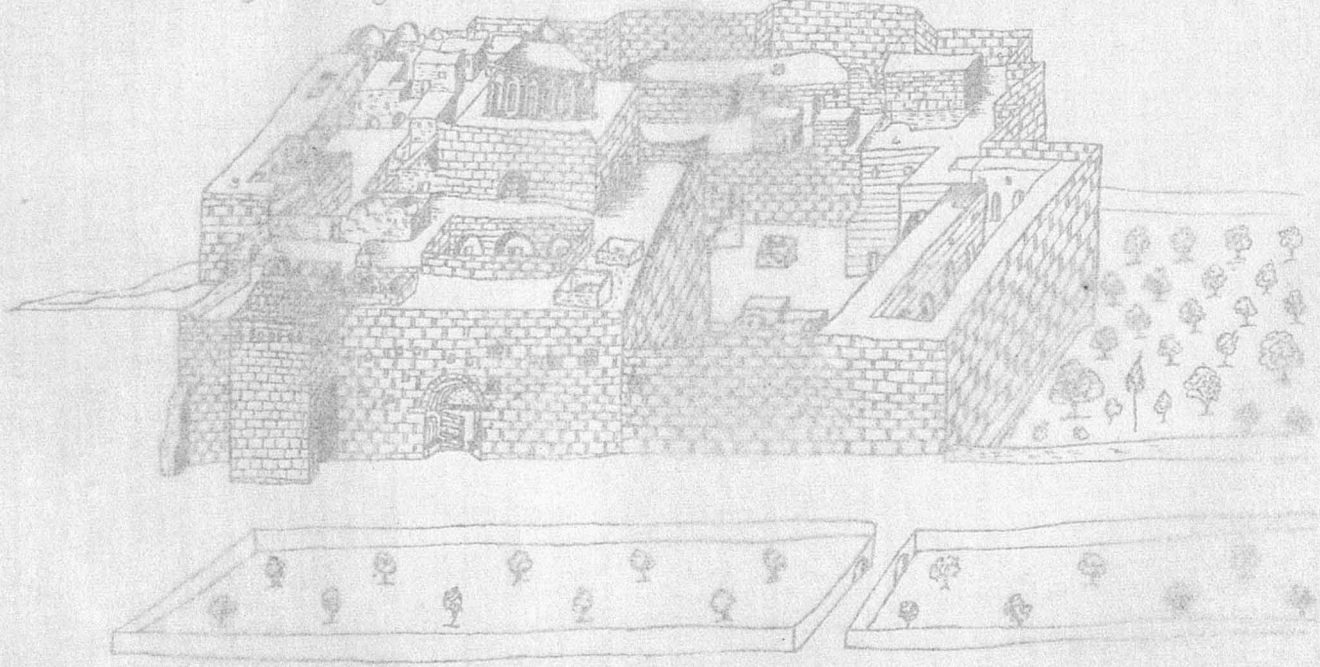
Гробницы Авессалом и пророка Захаріи.

Господь нашъ Иисусъ Христосъ плюнуль на землю и сотвори брєніе, и взятъ отъ брєнія и помаза очи слѣпорожденному, и посла его въ купель Силоамскую умитися, и прозрѣ слѣпорожденній. На мѣстѣ ономъ нѣсть никакова зданія, токмо камень нерушимъ въ земли пребываетъ, и поклоншеса вси, съ вѣрою и любовію лобизахомъ мѣсто оно святое. Таже пойдохомъ внизъ потока Кедрскаго далече; оставихомъ опуюю весь Силоамскую, пойдохомъ купѣли Силоамъ. Избѣгоша же нѣколики Арапы обнаженніе, едини токмо хитони, и то раздраніе, носящіе, и предвариша насъ въ купели и возбрапиша входъ, и не попустиша ввійти, донелѣже вси поклонници не дадоша по сребнику, по парѣ. Тамо вшедше внутрь, аки въ пещеру, на низъ степеней, умихомъ лица своя, благословенія ради, нѣщїи же, благоговѣнни суще, почерпши, пиша. Обаче къ питію нѣсть прїятна, понеже стоитъ въ земли нерушима, и аще начало свое имать, откуда исходить, обаче исхода не имать; къ тому же Еѣиопи возмущаютъ, напаяюще овци и козлища и сами умивающеса. Оттуду, возвративше на странну полуденную, объ онь поль потока Кедрскаго, пойдохомъ окрестъ града, восходяще на гору Сионъскую. Показаху намъ мѣсто, на немъ же непокоривїи и жестокосердїи Іудеи прерѣзаша пилою древною велегласнаго Пророка Ісаїю. Нинѣ же на мѣстѣ томъ велика ягодичина стоитъ, насажденна отъ давнихъ времянь и каменною приспою окруженна, незабвенной ради памяти. Ми же, поклоншеса тамо, съ вѣрою и поклоненіемъ лобизахомъ мѣсто оно, освященное мученіемъ святаго Пророка. Послѣди же веденни бихомъ мало далѣе, и показаша намъ мѣсто, идѣже баше столпъ Силоамскїй, иже егда падеся, осмьнадесять мужей забы, якоже пишется въ Палеи, нинѣ же токмо корень, или основаніе его обрѣтается, въ немъ же и вода есть, о че-

сомъ повѣствуютъ достовѣрнѣ, яко оттуду купель Силоамская свое начало имать, отъ Силоама бо и столпъ Силоамскій проименованъ, и оттуду протяжеса сквозѣ гору, даже до потока Кедрскаго, о чемъ мало преди писахъ, идѣже о купелѣ и веси Силоамской. И сія два мѣста: святаго Пророка Ісаи и столпа Силоамля, низу гори Сіона, внѣ града близу, противу Святая Святыхъ. Оттуду взійдохомъ на верхъ гори Сіона, тамо посѣщахомъ гроби мертвихъ и надъписанія различна на мраморѣхъ созирахомъ, Греческимъ, Латинскимъ, Арменскимъ, Серіянскимъ и Коптійскимъ языкомъ начертанна. Таможде показоваху намъ оставшоеся каменіе отъ дому Зеведеова. Гора Сіонъ стоить отъ странни полуденнія града, есть же многими дѣйстви Христовими освященна (якоже достовѣрнѣ повѣствуютъ Іерусалимляне): 1, домъ Зеведеовъ тамо баше, въ немъ же Христосъ Тайную Вечеру съ святими Апостоли ядъше. Таможде и хлѣбъ въ тѣло Свое святое, а вино въ кровь Свою святую претворилъ; тамо и Апостоломъ ноги умилъ; тамо, въ томъжде Зеведеовомъ дому, снѣде Духъ Святій въ огненныхъ язицѣхъ на Богомъ избраннія Апостолы; тамо, уразумѣвають премудріе училиіе отъ писаній божественныхъ, яко имать Христосъ судити живихъ и мертвихъ въ послѣдній день; тамо и донинѣ обрѣтаются гроби Давида и Соломона, идѣже погребенни быша. Обаче нинѣ Христіане не посѣщаютъ ихъ, понеже на мѣстѣ томъ Агаряне имуть мечеть свой и возбраняють входа. Тамо недалече отстоятъ село Скуделниче, си есть село крове, еже за тридесять сребникъ, возвращенныхъ отъ Іуди, купленно есть, въ погребаніе страннимъ, идѣже и донинѣ никого отъ тамошнихъ, токмо странныхъ и пришельцовъ погрѣбають. Таможде, близу, и студенець Іоавль. Обаче та мѣста не посѣщаномъ въ

Монастырь святого апостола Иакова в Иерусалиме армянский.
Монастырь св. ап. Иакова

Фотодура. В. Давидович, Караган. № 10.

Монастырь Св. Иакова

μοναστήριον τῆς ἁγίας ἀποστόλου Ἰακώβου ἐν τῇ Ἱερουσαλῆμ ὁ ἐν ἀρμενίῳ.
Μοναστήριον ἁγίου Ἀποστόλου Ἰακώβου

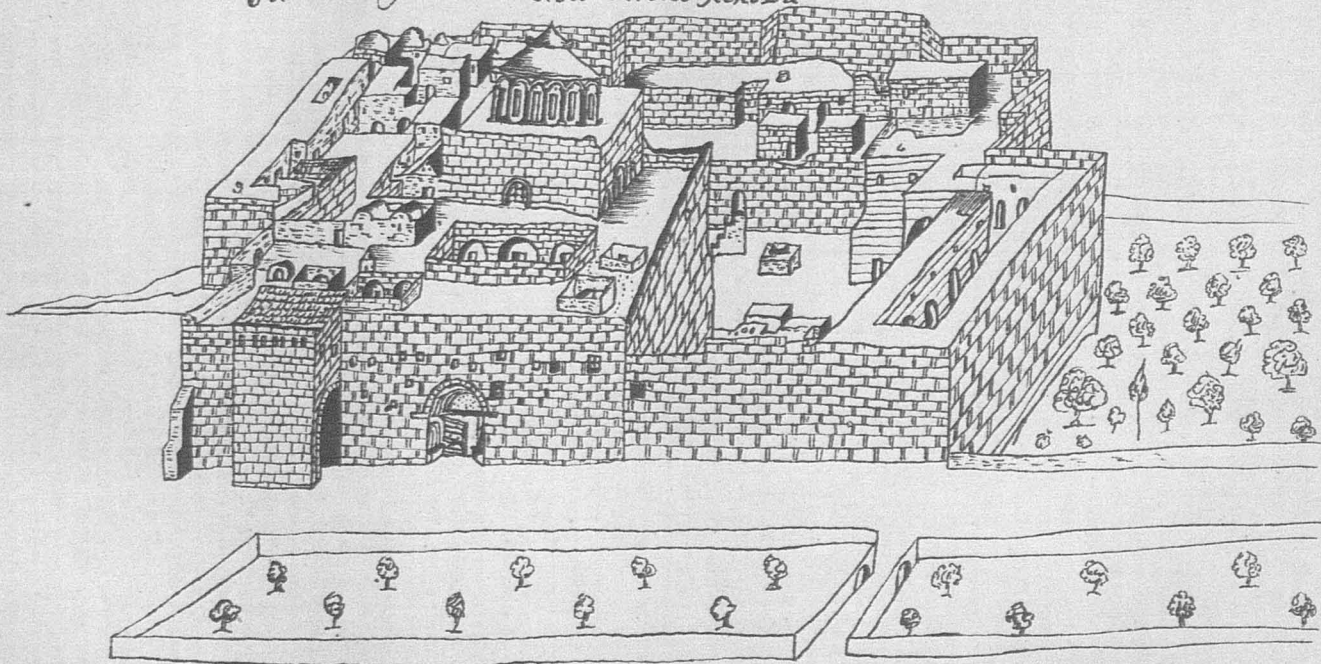

Фото-литогр. Н. Индугнаго, Караван. № 16.

Μοναστήριον ἁγίου Ἰακώβου.

той день, но отложихомъ на инно время. Оттуду обшедше окрестъ града на странну западную, внїдохомъ паки въ святыи градъ врати Давидовими и разїдохомся всякъ въ свое обиталище. Вѣстно же буди, яко Иерусалимъ имать шесть вратъ: четыри главнихъ, а двое малихъ. Главниі именуются сїце: порта Давидова, и сїя есть первая и началнѣйшая, стоитъ же отъ приходу отъ странн западней, а именуется Давидова того ради, яко близу ея полати царя Давида стоятъ. 2 порта Сїонская именуется, понеже на горѣ Сїонѣ стоитъ. Третья именуется порта Геосиманская, того ради, понеже стоитъ прямо Геосиманїи, къ горѣ Елеонстей, на востокъ. Четвертая же порта Варухова именуется, понеже за градомъ, внѣ вратъ, стоитъ пещера, въ ней же Варухъ сѣмьдесятъ лѣтъ спаше. Стѣна же града окрестъ лѣпо отъ камней великихъ сѣченнихъ зданна и врата градскїе суть лѣпо устроеннїе, съ подписанїями Турецкими и дверми, желѣзомъ облеченными. Многая же намъ повѣстми откри тогда мерхадзїи, сїя есть предводящїи насъ инокъ, о нихъ же особнѣ нижеа подробну вся начертанна обрѣтаются. Прїспѣвшу дню 23 числу, на святого Апостола Іакова, Брата Господня по плоти, бистъ праздникъ великъ въ Иерусалимѣ, и служаше епископъ Фаворскїи божественную литургїю соборомъ въ храмѣ святого Іакова, иже обрѣтается при великой церкви Воскресенїя Господня, въ монастырѣ патріаршемъ. Послѣди же весь народъ отъ Араповъ Иерусалимскихъ, Греческую содержащихъ вѣру, собрася въ монастырѣ патріаршїи, съ женами и дѣтми, и испускающе по единому инми врати, далху всякому, малому же и велику, по поль-хлѣба и по чаши вина. Сїце бо есть обичай пнокомъ, отъ прежднихъ временъ даже до нинѣ, на всяко лѣто творити. Послѣди, Октоврїа 26 числа,

бывшу празднику святаго великомученика Димитрія, ходихъ съ прочими хаджѣи до монастыра с. Димитрія на вечерню, утреню и божественную литургію, идѣже архіерей съ многими священники служаше лѣпо и церковь вся бѣше сребряными украшенна лампадами. Церковь тамо аще и невелика, но лѣпа, вся отъ камене тесаннаго зданная, главу же съверху токмо едину имать и подножіе, отъ проста каменя насажденное. Монастирь есть ветхаго строенія, зданій же и келій въ немъ суть много, но иноковъ мало, токмо потреби ради церковной обитають. Тамо такожде хаджѣе стоять, пришедшіи на поклоненіе въ Іерусалимъ. Тогда на праздникъ, по службѣ Божой, званни бяху хаджѣе отъ игумена въ стравнопріемницу, съ ними же и азъ, и учреди ны трапезою краткою, предложеніемъ хлѣба, вина, маслинъ и сушеннаго винограду. По трапезѣ же обичнѣ о милостиву просяше игумень на обитель, и даяху, елко кого Богъ наставилъ бѣше. Таже благодареніе сотворше Богу, с. Димитрію, отъидохомъ, отпущенни съ миромъ, и възвратихомся въ обиталища своя. Утру же бывшу, Септеврія ¹ 27 числа, доспѣша въ Іерусалимъ инніе хаджѣе, иже бяху отъ различныхъ странъ: иніе отъ Цариграда, другіе же отъ земли Волоской, прочіи же отъ острова Хіо, не токмо же бяху Греки, но и Армене и прочіи; христіянъ же мужеска и женска полу прійдоша тогда числомъ 30 и 6 душъ. Ихъ же такожде христіяне и иноци устрѣтаху, якоже и насъ, и угощевашу три дни въ монастырѣ патріаршемъ. Таже, Октоврія 29, дадоша поплоченіе Туркамъ и отверзоша пхъ ради врата Великія Церкви, и ввійдоша тамо на ноцъ, поклоненія ради. Тогда и азъ съ ними бѣхъ. И угощеванни бяху и тѣи вечерою честно, якоже и протчїи

¹ Въ подлинникѣ ошибочно вмѣсто: Октоврія.

путници, и водими по святыхъ мѣстахъ, и бистъ поклоненіе мое святинямъ, внутрь церкви обрѣтающимся, третицею. Тогда случися мнѣ поклонитися гробомъ Іосифа и Никодима, иже на той часъ Копти отверзаху входъ къ нимъ, иного же времени всегда заключено есть и обладаемо отъ Коптовъ. Послѣди же, на другій день, егда изійдоша изъ церкви, разійдошася по иныхъ монастырехъ, тогда нѣціи и въ монастырь святаго Архангела пріидоша нѣколко, и бистъ насъ множае, и вси въкупѣ хождахомъ посѣщати святіе мѣста.

Мѣсяць Ноеврій.

Ноеврія 2 числа, бывшу празднику святаго великомученика Георгія въ монастырѣ женскомъ, ходихомъ посѣщати обитель ту, яже близъ святаго Архистратига стоитъ, и бихомъ на отправованію церковномъ, на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже паки архіерей литургисоваше соборомъ, и тамо такожде, якоже и въ святаго Димитрія монастырѣ, угостиша насъ трапезою краткою, токмо хлѣбомъ и виномъ и сухими ягодами отъ лозія. Тамо церковь малаго и простаго строенія, не имуще верху ни единія главы, но лѣпа внутрь, и лампадами сребрянными многими въ то время баше украшенна. Монастырь же тій ветхолѣтень и тѣсенъ, и инокинъ малое число въ немъ обитають. [Приспѣвшу дню шестому мѣсяця Ноеврія, ходихомъ посѣщати монастырь Честнаго Креста. Тогда изшедше изъ града на страну запада солнечнаго, врати Давидовими, идохомъ садами маслинными и полемъ, равній путь и землю добру имущимъ, идѣже аще и каменія много суть, но болше мягкости и къ растѣнію древесъ и жить мѣсто. Тогда созирахомъ и гробовища Турецкая, внѣ града стоящая, и пророка Іліи монастырь,

далече въ горахъ отстоящъ, и иніе прочіе мѣста, яже повѣда намъ мерхадзѣй. Шествовахомъ же тогда часъ единъ равниною, поверху горъ, таже спустихомся въ доль и прійдохомъ въ монастырь Честнаго Креста. Монастирь оній есть первѣе созданъ отъ царя Иверскаго Татіяна, таже прочіи Иверіяне и патриархи Іерусалимскіе ктиторовствоваху о немъ. Есть же строеніемъ ветхій и величествомъ широти и долготи доволенъ; много же въ себѣ келій и зданій содержитъ и стѣною високою окрестъ ограждень, и внѣ окрестъ себе много древа маслиннаго иматъ. Стоитъ же въ единомъ равномъ роздолу, между горами, на мѣстѣ ономъ, идѣже израсте честное древо, на немъ же распяты Христосъ Господь, грѣхъ ради нашихъ. Тогда ми пришедше въ обитель ону, яко 220 вратъ въ всѣхъ зданіяхъ обрубтаются, обаче зданія единъ верху другихъ високо строеніе; вхожденіе же въ монастырь чрезъ три врата: чрезъ двое желѣзніе и едини дрянніе. Идохомъ первѣе въ церковь и воздахомъ должное поклоненіе честнымъ иконамъ, таже вѣдоми бѣхомъ внутрь олтаря и поклоняхомся древу Честнаго Креста, идѣже мѣсто оное ниѣ стоитъ подъ престоломъ мраморнимъ, каменемъ покровенно, въ немъ же просѣченна дѣра, въ глубину на лакоть, и окованна, якоже и на Голгофѣ, въ знаменіе и память бившаго тамо древа. Тамо три кандила висятъ сребніе, непрестанно свѣтящіе. Послѣди же слушахомъ божественной литургіи, и по окончаніи ея, изнесе священникъ служащій отъ олтаря крестъ святій, отъ животворящаго древа содѣланній, величествомъ болшій отъ полпяди, широтою же и толстотою яко палець человѣческъ, сребромъ позлащеннымъ окрестъ окованъ, на немъ же колоръ перцовій зряшеса бити, якоже и въ Іерусалимѣ, въ великой церкви Воскресенія Господня. Тогда ему съ благоговѣ-

ніемъ и страхомъ поклоняющесе вси хадѣе, лобизаху, съ ними же и азъ грѣшній сподобихся недостойными моими прикоснутися устами. Послѣди созирахомъ зданіе и красоту церкви; яже аще отъвнѣ мало лѣпоти имать, но внутрь зѣло благозрачна, иконостась бо великъ, не худодѣлень имать, вся же списанна есть иконами различными благо сверху даже до земли; сама же отъ сѣченнаго великаго камене зданна, шесть столповъ въ себѣ пмущая, такожде отъ камене сложеннихъ, иже подѣржать всю тяготу церкви; подножіе же ея нѣкогда баше мраморное, нинѣ же каменцами простими бѣлыми, подобящимися мрамору, рѣзанными на четыре угли, въ мѣру едину, дробно, яко мушкатній орѣхъ, насажденно есть лѣпо и удивленію достойно. Тамо престоль токмо единъ, идѣже божественная совершается литургія, и врата такожде едины входа церковнаго, предъ ними же и паперть, такожде отъ камене созданна. Въ всемъ изрядная перковь, расположеніемъ, красотою, висотою, долготою и широтою, въ ней же, егда поется правило, гласъ расходится многъ и къ слышанію внимателенъ. Въ долготу имать сажней 14, а въ широту седмъ и полъ, и строеніемъ въ всемъ подобится церквамъ, яже суть въ горѣ Аѳонской, идѣже кандилвъ всѣхъ въ церкви повѣшеннихъ суть 40, а неусипаемихъ 7. Тамо видѣхомъ царей Иверскихъ и патріархъ Іерусалимскихъ изображеннихъ, иже приложиша попеченіе и тщаніе о обители той, и многая такожде пописанія и писмена, на стѣнахъ подъ иконами изображенная, иже подобятся мало Славенскимъ, но много отъ тѣхъ различна суть, ихъ же никтоже отъ насъ не можаше прочести. Видѣхомъ же паки на двоухъ мѣстехъ черная знаменія на подножіи церковномъ, яже (якоже отъ лѣтописцовъ повѣствуется) сотворишася отъ крове иноческія, идѣже

Еоиопи, единою нападше на монастырь, заклаша инокъ числомъ внутрь церкви, аки агнцовъ незлобивихъ, и разграбиша вся, ихъ же и икони изображенни суть на стѣнѣ, надъ мѣстомъ тѣмъ, и свѣща тамо вжигается всегда въ время правила церковнаго. Живяху же тамо иногда иноковъ множество, нинѣ же мало, якоже и въ прочіихъ монастырехъ Іерусалимскихъ, потреби ради церковной суть, да не попустится запустѣти мѣсто святое. Послѣди иніе маліе храми посѣщахомъ, яже въ монастырь обрѣтаются ихъ же суть числомъ четири. Таже званни бѣхомъ игуменомъ обители тоя въ гостиницу, иже учреди насъ трапезою зѣло довною и честною, лучшею нежели въ патріяршемъ монастырь внутрь града. Тогда при оконченіи трапези, во время прошенія милостини на монастырь (якоже есть обычай), лучшаго ради умягченія сердець поклонниковъ, мерхаджѣй, си есть той, (якоже многажди рѣхъ), иже показываетъ мѣста святіе, повѣствова намъ о честномъ древѣ исторію вкратцѣ Греческимъ простимъ язикомъ, его же азъ разумѣяхъ въ то время. Повѣсть же, яже въ Греческихъ обрѣтается книгахъ, есть сицева: Въ время западенія Содома и Гомора, егда Богъ огнемъ сожже гради тіа за преумножившіяся ихъ беззаконія, и егда праведнаго человекъ Лота съ женою и со чади изводящи оттуду, (якоже чтется въ Библии), заповѣданно бистъ имъ, да никакоже дерзнуть возрѣти воспятъ, жена же Лотова не стерпѣ и возрѣ и обратился въ камень сланій, иже и доселѣ стоитъ за Іерусалимомъ, близъ Мертваго моря. Оставшу убо тогда отцу съ дщерми двѣма и ношующи упоиша дщери отца своего Лота и грѣхъ сотвориша съ нимъ. Въ утрѣ же, егда отрезвѣ и возвистиша ему дщери о содѣяннѣмъ грѣсѣ, тогда печаленъ бивъ много, скорбяше дозѣла, не вѣдѣй, что творити и каковое бл

покаяніе положити грѣху своему. Пойде же къ Аврааму патріархѣ и исповѣдася ему и моляше, да и раздрѣшитъ отъ грѣха. И рече ему Авраамъ, яко грѣху твоему нѣсть равная эптемія, токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идетъ въ садъ Савековъ и возметъ тамо три главни отъ онаго огнища, идѣже хотяше сина своего Ісаака заклати на жертву Богу, а главнѣ оніе да возметъ отъ древа разнаго, едину отъ певга, вторую отъ кедра, третую отъ кипариса, и да посадить я въ долинѣ оной, идѣже нинѣ Честнаго Креста монастырь стоитъ, внѣ Іерусалима, единъ часъ хожденія, да носитъ же на хребтѣ своемъ воду отъ Іордана на лѣто едино трижды и поливаетъ оніе главни, еже есть седмь часъ растоянія, и сиче да творить чрезъ три лѣта. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оніе главни оживутъ и возрастутъ въ древо, тогда разумѣй, яко отпущенъ ти есть грѣхъ отъ Бога. Се же все бистъ волею божественною и предъвидѣніемъ всемогущаго Творца, нашего ради спасенія. Сотвори же праведній Лоть повелѣнное ему, аще и не совершенно: заповѣда бо ему Авраамъ, да аще кто отъ него воспроситъ пити на пути, никакоже да возбранитъ ему, но абіе да дастъ; аще кто нашіется отъ воды тоя, да не несетъ ю къ тому на поливаніе главень онихъ, но да изліетъ вонъ и паки идетъ къ Іордану и возметъ другую, да ни отъ кого же начатою водою поливаетъ древа оніе. И тако праведній Лоть, творя повелѣнное ему, многій трудъ понесе чрезъ три лѣта, всегда бо или человекъ, или жена, или отрочище просяше отъ него на пути води. Се же бистъ частію отъ случая, найпаче же отъ врага діавола, пакостящаго намъ въ спасеніи нашемъ, иже наводяци множицею мужа или жену и творяше препятіе покаянію Лотовому. Трудящися же сиче чрезъ три лѣта, дважды

точію неначатаю водою поля главни оніе, обаче Богу, видяци его истинное покаяніе, сотвори пріятися и ожити главнемъ тѣмъ, и тако сдѣпившися въ купу три, возрасте древо едино отъ певга, кедра и кипариса, отъ него же Иудове содѣлавшє крестъ, роспяше на немъ Господа нашего Іисуса Христа. Таковая азъ тогда слышавши, много чудихся прекрасной повѣсти оной и благодарствовахъ Богу въ сердци своемъ, яко сподоби мя самовидцемъ бити толь преславнихъ и достослышанныхъ вещей. Тогда, кто хотяша и можаше отъ хадзѣвъ, ущедри милостинею обитель святую. Таже, воставше отъ трапези и воздавше благодареніе Богу, отъидохомъ оттуду и возвратихомся въ Іерусалимъ на своя мѣста.

Ноеврїа 7-маго ходихомъ вторицею посѣщати гору Елеонскую, гробъ Матере Божїа и прочїе святїе мѣста, низу по-надъ потокомъ Кедрскимъ стоящіе, даже до гори Сїона, о нихъ же писахъ прежде. Ноеврїа 8-маго числа, на Соборъ святаго Архангела Михаїла, бистъ праздникъ въ монастырѣ Архангелскомъ, идѣже азъ пребивахъ, и снїдєся народъ многъ отъ Іерусалимлянъ и хадзѣвъ, и бистъ въ навечерїи архїерей и благословяше пять хлѣбъ и утро поляше литургїю съ священники съборомъ, бяху же пѣвци избранніе и торжество веліе, и церковь исполненна лампадами сребрянными и свѣщами, ихъ же аще не много число баше, но малости ради храма изобилїе зрашєся. Тогда вси хадзѣ званни бяху отъ игумена на честь и угощеваеми отъ него, и иже бяху новопришедшіи въ Іерусалимъ, иже еше не посѣщаху обители тоя, тїи даяху милостину. Чтяхужеся тогда на службѣ Божой два Апостола и два Евангелїа, Греческимъ и Арапскимъ языкомъ, въ еже би разумѣли Грекии Арапи, иже тогда бяху на набоженствѣ. Доспѣвшу Ноеврїа 9-му дню, изволися намѣснику па-

тріаршему отслати насъ на поклоненіе къ неусипаемой обители преподобнаго Савви Освященнаго, иже отстоитъ отъ Іерусалима далекостію четырехъ часовъ хожденіемъ. Тогда мерхадзій, предводяй насъ, собра всѣхъ и изійдохомъ съ нимъ утру бившу рано вонъ изъ града врати Давидовими, отъ запада стоящими, идѣже обрѣтохомъ много Араповъ, варяючи ни съ уготованными кони и осли. Обычай бо тамо таковъ есть, яко Арапи не оставляютъ поклонниковъ (аще би и произволеніе ихъ било) ходити пѣшо, но насиліемъ дають кони и мески и сами при нихъ пѣшеходяще, отвозятъ, гдѣ требѣ, се же прибитка ради своего творятъ. Тогда хаджѣ всѣдоша на скоти, азъ же никакоже сотворихъ се, аще много мя насилствоваху Арапи, желаніе бо мое бистъ и предъумишленіе, еже всегда по святыхъ мѣстехъ собственными трудитися ногами. Тогда пойдехомъ окрестъ града на страну полуденную и видѣхомъ два рови великіе и глубокіе, въ долинѣ низу стоящіе, и внутрь окрестъ каменными стѣнами, отъ камене тесаннаго, гладцѣ огражденніе, отъ нихъ же въ единомъ бѣше купель или, простѣ рекше, сажалка, идѣже мѣхуся жени Давидови; вторій же, еще глубочайшій, полнь бѣше иногда води текущей, его же Давидъ вмѣсто езера имѣ, идѣже держаше риби и яздыше ладіями, утѣшенія ради и увеселенія, тако бо достовѣрнѣ Іерусалимляне повѣствуютъ. Паки мимоидехомъ село Скуделниче, за Сіономъ на другой горѣ стоящее, идѣже странніе и пришелци отъ чуждихъ странъ сущи, егда умирають, тамо погребаеми бивають. Село же оное купленно бѣше еще отъ Жидовъ, въ время Страсти, за тіе 30 сребренники, ими же проданъ бистъ отъ Іуди Господь нашъ Іисусъ Христосъ, тако бо свѣдѣтельствуетъ Евангелистъ Матеей, въ главѣ 26, въ началѣ 111. „Тогда видѣвъ Іуда, предавій Іисуса, яко осу-

*

диша его, раскаявся, возврати тридесять сребренники книжникомъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ, предахъ кровь неповинну. Они же рѣша: что есть намъ? ти узриши. И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися. Архіерее же, приѣмши сребренники, рѣша: не достойно есть ихъ вложить въ корвану, понеже цѣна крове есть. Совѣтъ же сотворше, купиша ими село Скуделниче, въ погребаніе страннымъ. Тѣмъже наречеса село то село крове до сего дне». Село же убо не отъуду нарицается въ еже би жителствоваху въ немъ людіе, никакоже, никтоже бо тамо обитаетъ, но, простѣ рекше, есть пляцъ, или майданъ, на горѣ обрѣтающъся, иже отстоитъ яко полпоприща отъ Іерусалима. Случижеса и самовидцемъ мнѣ бити чуждему погребанію, понеже инокиня едина Греческая тогда приде вкупѣ съ нами на поклоненіе въ Іерусалимъ, яже по единомъ мѣсяцѣ преставися и погребенна бистъ на селѣ Скуделничомъ. Поминувшемъ же намъ село Скуделниче, шествовахомъ все долиною низкою, ея же начало есть отъ потока Кедрскаго, съ-подъ Іерусалима, конецъ же входитъ въ Мертвое море, идѣже гради Содома и Гомора земля пожре. Долину ту, или ровъ, Греки тамо именуютъ Пирнось Потамось (якоже предъ речеса), си есть огненная рѣка, яже имать на страшномъ судѣ потекти. Суть же тамо гори и доли многіе, лѣпотніе, въ нихъ же мало каменія обрѣтается, но все земля мягка и добра, индѣ черна, индѣ червлена, индѣ же бѣла, аки варь, древа же ни мало нигдѣ не видѣхомъ, ни билія, токмо малу траву, въ долинахъ и раздолехъ растущую. Видѣхомъ же верблюдовъ пасомыхъ изобилно и гонимыхъ сквозѣ гори сѣмо и овамо отъ Еоноповъ. Води же нигдѣже не видѣхомъ, токмо на едномъ мѣстѣ, и то не чисту, отъ нея же токмо скоти напаваеми биваютъ, а не чловѣци піють.

Тогда аще и много насъ устрѣтаху отъ Араповъ, но никакоже насъ смѣяху пакостити, бѣ бо насъ тогда провождай кафаръ, началствуяй надъ ними, его же хадзѣе наяху, удобнаго дѣля прехода. Приближающимъ жеся намъ яко за поприще едино до обители преподобнаго Саввы, взѣдохомъ на гори твердіе, ни мало земли, токмо великія каменія имущое, идохомъ же по-надъ тѣмъже ровомъ, о немъ же предъ рекохъ, иже тамо зѣло глубоко есть и ужасенъ къ видѣнію, аки нѣкая бездна; отъ обою же странну имать пещеръ многое множество и келій, помежду каменми зданнихъ, идѣже ветхихъ временъ скитахуся Святіи Отци пустинножителѣ и аки птицѣ гнѣздящесе единъ при единому, богоугодное препровождаху житіе, ни нѣ же вся пуста суть, и лисици и иніе звѣріе въ нихъ обитають, и Арапи ношуютъ. Тогда идуще все по-надъ ровомъ тѣмъ, доспѣхомъ къ монастыру преподобнаго Саввы, иже въ томъже ровѣ стоитъ. Тогда провождай насъ Еѣиопъ, кафаръ глаголемій, ста въ вратехъ монастырскихъ и взять отъ коегождо хадзѣя четири парѣ мзди за трудъ свой. Тогда вшедше внутрь монастыра, устрѣтаеми бихомъ отъ иноковъ честно, нисходихомъ же внизъ многими каменными степенями, аки въ яму, помежду многими зданіи, и внідохомъ первѣе въ великую церковь, посредѣ монастыра стоящую, и поклонихомся иконамъ честно, таже званни бихомъ въ трапезу, но понеже прїидохомъ нечаяннѣ, къ тому же бистъ день среда, того ради прїяти бихомъ сухояденіемъ и виномъ. По трапезѣ водими бѣхомъ по всѣхъ монастырскихъ церквахъ и зданіяхъ, горѣ и низу, идѣже видѣхъ зѣло чудесніе входи и исходи, и пищери, похвали и удивленія достойны. Вечеру же приспѣвшу, слушахомъ вечерни въ началномъ храмѣ, въ имя святаго Савы Освященнаго созданномъ, таже

званни бихомъ въ трапезу отъ игумена и братій, и представиша вечеру доволну и честну, подобнѣ, якоже и въ монастырѣ Честнаго Креста. Бяху же варенія три съ елеемъ и вина изобилно, яко всемъ благодарствовати хаджіемъ. При оконченіи же трапези, вси вписоваху имена своя въ поминники церковніе, инніи же родителей и братій своихъ, и ущедриша милостинею обитель святую, елико кто можаше и хотяше и елико кого Духъ Святій наставилъ быше. Послѣди, воставше отъ трапези и благодареніе Богу сотворше, поведоша въ гостинницу, идѣже уготованна быше горница велія и послана многими килимами и колдрами лѣпо, яже путниковъ ради токмо и прочіихъ честныхъ гостей держать иноки, и спяхомъ по трудѣ и по чести сладко и здраво. Заутра же бихомъ на правилѣ церковномъ и слушахомъ утрени и службы Божой, яже насъ ради рано бистъ, и тогда иноци показоуху двѣ главы преподобныхъ Аркадія и Іоанна, брата его, и прочіихъ Святыхъ нетлѣннѣе кости, яже любизахомъ вси. Таже, давше всякому хлѣбъ и по нѣколико маслинъ и по чаши вина, отпустиша въ мирѣ съ всякою честію и провожденіемъ. Мнѣ же зѣло возлюбися обитель оная, и молюхъ игумена да ми благословитъ нѣколики дни пребити тамо, иже никакоже отрече. Пребывахъ убо тамо не мало время, ходя на всякъ день на правило церковное и упражняся чтеніемъ книгъ отъ вивліюопки монастырской. Разсмотрѣхъ же всю лѣпоту, и строеніе, и чинь, и вся, суща тамо, и во истину многа похвали достойна имать монастырѣ оній. 1) Вся зданія имать отъ камени чиста и бѣла, гладко и лѣпо на четири угли тесаннаго и отъ всѣхъ странъ огражденъ есть високою каменною стѣною, аки нѣкій градъ. 2) Аще зрится и не весма бити великъ, обаче много домовъ и келій въ себѣ со-

держитъ, ибо суть до тріехъ и четырехъ степеней, едни верху другихъ зданіе, инніе же внутрь основанія монастырскаго въ земли подъ спудомъ, многіе же внутрь гори, аки пещери ископаніе, понеже часть гори внутрь монастыра стоитъ, ея же камень есть бѣль и удобенъ къ крушенію и сѣченію, сиде же лѣпо покопанны суть пещери и въ нихъ построеніе келіи, яко всякаго страннопришелца удивляетъ умъ и слаждають зрѣніе очесь. Отъ нихъ же въ единой и азъ тогда пребывахъ. Суть же вси, кромѣ страннопріемницъ, маліе и тѣсные, единому человѣку въ обитаніе сотвореніе, и по единому оконцу имущіе, и тепліе довольно, въ нихъ же и одри, или кровати, спанія ради, индѣ отъ камене сложеніе, индѣ же отъ самородной скали неотдѣлно въ горѣ изсѣченіе.

3) Церковь велика, въ имя преподобнаго Саввы созданная, есть красна и честна мѣрою и строеніемъ своимъ внѣ и внутрь, ничтоже древяно, кромѣ иконостаса, имать, иже закрываетъ престоль, вся бо отъ основанія, даже до верха, отъ плинѣ великихъ не скуделничихъ, но отъ самородна въ горѣ камене, гладцѣ и искуснимъ художествомъ рѣзанныхъ, лѣпо составленна; камень же ея сиде бѣль, яко ни варъ въ стѣнѣ познавается, сего ради ниже побѣленна есть отвнѣ, не требуетъ бо бѣлости лучшей, паче, юже имать въ камени. На верху же покровы ничтоже имать отъ древа, но отъ пепела и вара раствореннымъ нѣкако брениемъ сиде красно и гладко покровенна, и она, и вся зданія монастыря, яко ни токъ гумений, равнѣйшій или гладчайшій можетъ бити, отъ нихъ же вода дождевная въ время зими истѣкаетъ въ студенци, питія ради. Сиде же покровы ихъ суть крѣпки, аки камень, и держатся до пятнадцати и двадцати лѣтъ, таже поновляеми бивають. Церковь убо та, бѣлости своей мнитися бити не многолѣтна и аки нова, обаче по истинцѣ

зѣло есть ветха, повѣствуютъ бо яко отъ царя Константина, и та въ едино время создася, егда же и перковь Воскресенія Христова, яже въ Іерусалимѣ, идѣже Гробъ Господень есть. 4) Суть тамо еще малихъ церквей, особнѣ стоящихъ пять, въ нихъ же литургисають. Первая стоитъ при стѣнѣ началнаго храма, въ честь 40 мученикъ созданна. Вторая више всѣхъ келій, на единой вежи стоитъ, идѣже иногда ветхихъ временъ баше трапеза Святихъ Отець, нинѣ же храмъ Вознесенія Христова есть приличнѣ на горѣ Елеонстей бившу Вознесенію Господню и храму оному на горѣ стояти. Третья с. Іоанна Златоустаго, и сія стоитъ въ углу монастыра чудесно устроенная, внутрь гори, стоящая надъ глубокимъ ровомъ и на мѣстѣ ужасномъ, зѣло бо тамо нависла есть гора и мнится падати, обаче волею Божественною чрезъ колющее множество лѣтъ держится. Четвертая церковь с. Николая, лѣпа и пространна строеніемъ, такожде внутрь гори въ пещери единой великой, яже токмо едину стѣну иматъ отъ входа, отъ камене стѣннаго зданную, прочее вся изрита и ископанна есть и стѣнами прегражденна, верхъ же ея многуму удивленію достоинъ есть, камень бо единъ неотдѣленъ отъ гори и великъ велми надъ цѣлимъ храмомъ тѣмъ, аки висити мнится и покриваетъ его. Тамо внутрь двѣ пещери великіи изрити суть и загражденніе отъ предистѣнами и наполненніе даже до верха костей ветхихъ Святихъ Отець пустинныхъ, иже тамо иногда окрестъ неуспаемой обители преподобнаго Савы жителствоваху, и отъ нѣкоего нечестива царя вси изсѣченни бяху, и пусто все баше, послѣди же, егда паки населишася иноци въ монастырь и видѣша костей много валяющихся и не гніющихъ, собраша вся и изнесоша на едино мѣсто въ пещеру ту, идѣже нинѣ храмъ с. Николая,

якоже више рекохъ. Лежащимъ же имъ первѣе открыто и созирающимъ всеѣмъ приходящимъ тамо, хадзѣ нѣци (якоже повѣствуютъ) тайно взимаху по малой части отъ костей; обаче Богу небдаговлящу о томъ: егда возвращахуся въ Югѣю, не можаху плести на морѣ, многими волнами и страшливыми бурами носимы, и не могла отъйти въ отчество свое, повращахуся паки и отдаяху. Сего ради, повѣленіемъ нѣкоого патріарха, загражденны бяху стѣнами и ниже входъ нинѣ къ нимъ есть, токмо едино оконце високо стоитъ и на немъ костей нѣколико положенно, знаменія ради; кости же, яко видѣтся изда-лече нѣ суть, якоже прочіихъ Святыхъ, бѣли и чисти, но черновидни. Пятая церковь въ пещерѣ святаго Сави Освященнаго, идѣже онъ житіе свое провождаше, со-зданна въ другомъ углѣ монастыра, подобнѣ надъ ро-вомъ тѣмъжеде глубокимъ стоящая, якоже и святаго Хризостома, и согласуютъ весма себѣ мѣстомъ; она бо въ единомъ углѣ монастыра стоитъ, сія же въ другомъ, и въ имя и память тогожеде преподобнаго Савви учи-ненна; есть же мала и тѣсна велми, и идѣже иконостасъ имѣлъ бити, на томъ мѣстѣ стѣна каменная прегражден-на, исписанна иконами Святыхъ. Тамо вратъ сѣвернихъ нѣсть, тѣсноти ради, токмо царскіе врата едини, и ими же исходитъ, тими и входитъ священникъ и панамаръ. Таможеде вкупѣ, создади церкве, въ горѣ пещера, въ ней же внутрѣ вторая пещера зѣло малая обрѣтается, идѣ-же угодникъ Божій преподобній Савва Освященній ски-ташеся; тамо непрестанно, день и ношѣ, не успиная лампада елея горитъ. Суть же еще двѣ церкви, лѣпо-отъ каменей составленніе, но пусти стоять, и не чтется въ нихъ правило никогда же. Есть же и гробъ св. Сав-ви въ монастирѣ томъ, въ немъ же въ день усненія своего положенъ баше, нинѣ же мощи его нѣ суть тамо,

но въ Италіи, въ пресловутомъ градѣ Венеціи обрѣтаются въ костелѣ Римскомъ, близъ церкви Греческой стоящемъ, якоже прежде писяхъ. Обаче гробъ его и днесъ въ великой чести есть, верху бо онаго создася, столпъ кругль, отъ камене лѣпо, съ главою и входомъ, идеже не престающи, денно и ношно, горятъ два кандила елея полніе. При томъжде гробѣ, подъ спудомъ въ земли, и прочіе многіе подѣланныи суть гробове, въ нихъ же нинѣ живущіе тамо иноки погребаются. Тамо азъ ходихъ и посѣщахъ, и видѣхъ костей безъ числа. Гробница же Саввы стоитъ верху земли, а гробъ его внутри земли глубоко, яко на лакоть пять, и прочіе токожде предъ великою церковію, посредѣ монастыра устроеніе. 5) Правило церковное есть совершенное и чтется лѣпо, съ страхомъ Божиимъ и съ всякимъ благоговѣніемъ, безъ шептовъ и бесѣдъ непотребныхъ. Литургія же рано не биваетъ никогда, (развѣ аще случится гостей ради) но всегда часомъ или двѣма предъ полуднемъ, егда время трапези приближается. Литургія на всякъ день не биваетъ, токмо въ недѣлю, во вторникъ, въ четвертокъ, и субботу, прочія же дни часи токмо чтутся, кромѣ аще случится праздникъ, тогда неотмѣнно всегда поется. 6) Трапеза есть лѣпо созданна, въ ней же столи, на нихъ же предъставляется снѣдь, зѣло майстерствомъ краснимъ и гладкимъ сложенни суть, яко отъ всякаго приходящаго тамо странна похваляеми биваютъ, наипаче же столъ первій, идѣже братія по вся дни трапезу ядятъ, отъ бѣлаго и чистаго простаго камене, рѣзаннаго сице крѣпко, лѣпо и гладко сложенній, яко издалече отъ цѣлаго и одинаго камене изсѣченъ мнѣтся бити. 7) Чинъ въ монастырѣ добръ есть. На утреню иноки встаютъ рано, службу Божию отправуютъ позно, за часъ или два предъ полуднемъ, егда приближается время трапезованія; и

часи такожде; на всякъ пятокъ, по вечерни, исходятъ надъ гроби оніе (о нихъ же вѣмалѣ предъ писахъ) и поють канонъ за усопшихъ отецъ надъ коливомъ и виномъ, съ каждемъ ¹ оиміама и прочимъ благолѣшиемъ. По литургіи ² абіе идуть въ трапезу, и по вечерни такожде не расходящеса по келіяхъ. Въ трапезѣ чтенія не чтуть, развѣ при гостехъ, понеже суть вси прости и не разумѣють не токмо книжнаго писанія, но многи суть, иже Греческаго простаго языка не умѣють, кромѣ Турецкаго; сіи суть отъ Анатолиі, ³ все по Турецку бесѣдуютъ и другаго не знаютъ языка, аще же и Греческіе книги въ церкви чтуть, но не разумѣють, тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да христіанская вѣра не исчезаетъ; прочіи же, аще и знаютъ по Греческу въ монастырѣ томъ, то суть или глухи, или слѣпи, или зѣло стари, таковыхъ бо тамо патріархъ оставляетъ жити, да не много глаголюще, пребываютъ въ молчаніи. Къ тому же вси суть монахи, кромѣ седмичнаго, его же одинаго обикоша держати ⁴, такожде монахъ поставляется тамо, да памятующе вси, яко равни суть чиномъ, и смиряющеса спасаются. Въ трапезѣ, кромѣ священника, аще стару, аще младу, или вишше или низше сѣсти волно есть, понеже одина ядъ и равна часть всѣмъ предлагается, и коемуждо особно; послушанія иннаго нѣсть имъ, кромѣ церковнаго и трапезнаго, понеже ни оградовъ, ни садовъ имуть, но всякая пища имъ посылается отъ Іерусалима, отъ монастыра патріаршего, и аще что любо буди дѣлають, никогда же одинъ или два, но вся совокупно. 8) Кладязовъ тамо суть 12, вси дождевную воду имущіе, и есть води довольно къ питію и ко всякой потребѣ мо-

¹ Далѣе въ подлинникѣ не достаеъ листа 157.—² службъ же той М.—³ идѣже мало христіанъ Христіане бо иже въ Анатолиі М.—⁴ въ монастырѣ, и игумень М.

настирской¹ ихъ же тамо мало помежду каменъми всѣ-
 вають отци. Есть же тамо и вода жива, текущая отъ зе-
 мли, яже молитвою преподобнаго Саввы явися; име-
 нуютъ же ю тамо агіазма, си есть вода освященная
 отъ преподобнаго Саввы. Піють же ю Еѳіопи, про-
 ходящій сквозъ пустыню, со многимъ благодарствіемъ,
 понеже не обрѣтается тамо нигдѣ вода инна даже до
 самага Іордана. Обаче внѣ монастыра обрѣтается, зѣло
 низу въ единой пещери, яже на нѣколико саженой подъ
 монастырь протяжеса. Обаче иноци на всякъ день не
 піють отъ источника того, понеже тяжестень путь къ нему,
 найпаче Еѳіоповъ ради часто изъ монастыра исходити
 не могутъ. 9) И строеніе и мѣсто зѣло дивно есть,
 стоитъ бо при горѣ каменной, между прочіими пустыми
 горами, надъ зѣло глубокимъ ужаснимъ ровомъ, въ немъ
 же (якоже повѣствуютъ) на страшномъ судѣ потечеть
 рѣка огненная. Во огражденіи же своемъ пол-стѣни
 имать самородной² художествомъ, и внутрь монастыра ин-
 дѣ³ долини и ями и многа чудесна, и яже отнюдь по-
 драбну исписати нѣсть мощно. Сквозъ же монастырь
 преходить потокъ дождевій, иже издалече отъ-между
 горъ начинается и впадаетъ въ ровъ рѣки огненія, она
 же входитъ въ Мертвое море. И еще же есть тамо
 столпъ високъ, въ стѣнѣ монастырской при вратехъ на
 горѣ стоящъ, идѣже отъ-среди монастыра даже на верхъ
 его 230 степеней человѣческихъ хожденія есть, якоже
 азъ самъ числихъ, а отъ-среди монастыра, внизъ рова, ко
 источнику святаго Саввы еще вѣшше. На столпѣ томъ
 всегда единъ поставленній живетъ законникъ, стражи
 ради, аще убо кто приходитъ, или отъ Еѳіопскихъ раз-
 бойниковъ, или инъ кто безъ потреби, тому возбраняеть

¹ въ обращенію велій, М.— ² отъ горы отъ полъ стѣны, сложенній М.—
³ вст. холми, индѣ. М.

входа, и не повелѣваетъ икономъ впускати въ монастырь. Аще же видитъ кого отъ своихъ или христіанскихъ путниковъ толкуща во врата, тогда оглашаетъ братіи, да отверзуть; оглашаетъ же и гортанію, понеже нужно есть услышати, разстоянія ради, но есть тамо верхъ сплетень отъ дрота зѣло долгій и прицѣпленъ отъ висоти столпа даже внизъ, до великой церкви, при концѣ же висятъ 3 колоколци маліе, и тими вѣсть подають. 10) Обитель она во всемъ прекрасно и угодна къ житію человѣческу ¹ и по истиннѣ пустинническая есть, понеже уединенна отъ мира и людій, и ничтоже имать окрестъ себя, токмо едины пустіе и безводніе горы, идѣже не токмо древа нѣсть, но и билія и травы мало, и то развѣ въ нѣкихъ ² долинахъ обрѣтается въ зимѣ, въ лѣтѣ же все согаряеть отъ зноя солнечнаго. Прибитка никакогого имать, токмо отъ милостини живеть, юже христіане приходящій на поклоненіе подавають. Пещерь много покопаннихъ суть и скитовъ, построеннихъ окрестъ монастыра еще отъ древнихъ Отець, нинѣ же вся опустѣша, егда нечестивій оній и злонравній народъ Арапскій населися, и инніе звѣріе въ нихъ живутъ, иже частѣ исходяще отъ язвинъ своихъ, бѣгають внизъ рова подь монастыремъ и собирають крупицы и окрушци хлѣбніе, отъ трапези изметаемія, еже мнѣ самому случися видѣти многожды. Суть же еще въ горахъ тѣхъ едины звѣріе, именуеміе Греческимъ языкомъ сканцохери, ихъ же ми Руси называемъ яжами, и въ странахъ нашихъ суть, яко глава человѣча, костіе имуть, яко иглы верху себе, тамо же раждаются великіе, аки свини, и остіе на нихъ толстое и долгое, яко періе дрохвинное, въ крилахъ сущіе; ихъ инокомъ, смотрящимъ изъ монастыра, случается видѣти

¹ иноческому. М. — ² низкихъ. М.

рано ходящихъ по горахъ. Повѣтствуютъ же, яко окрестъ Иордана еще большіе раждаются, ихъ же убивающе Еѳиопи огненнымъ оружіемъ, собираютъ ости ихъ и приносяще въ ¹ Иерусалимъ, продаютъ на торжищи; потребніе же суть на многіе вещи, найпаче же къ писанію. Наконецъ, монастырь той въ семь благолѣпенъ и безмолвень къ житію иноческому, токмо не малу нужду и озлобленіе имать отъ Араповъ драцѣжнихъ, иже тамо по между горами, окрестъ Иерусалима и Иордана, въ пустыни живутъ. И что глаголю живутъ? всегда бо и лѣто и зиму подъ сѣніями, или просто рекше въ шатрахъ, аки скоти, пребываютъ; иже аще би били христіане и сицевую нужду Бога ради терпѣли, якоже терпятъ, во истину всѣ би спаслися; обаче, иже держатъ вѣру христіанскую, тѣи не обитаютъ въ пустыни, но въ градѣхъ, идѣже священники и церкви Божественніе суть, а иже сѣдятъ въ горахъ, тѣи вси суть махOMETанской вѣри. Тѣи убо приходяще на всякъ день, ово пять, ово десять, овогда же пятнадцать, двадцать, тридцать и всяко, якоже случается, вопіютъ подъ монастыремъ, толкуще въ стѣни каменіемъ и зовуще велегласно, да изнесутъ что сѣдно. Печеть же ся тамо особній черншій и крупнѣйшій хлѣбъ, Араповъ ради, и суть двѣ окна отъ обою страну монастыра, ими же въ кошницѣ, прицѣпленной вервомъ, низпускающе, пищу имъ подавають. Пища же ихъ сія есть: хлѣбъ, паки оцеть, елей, лукъ, все въ единъ сосудъ смѣшанное; нѣкіимъ же знаменитшимъ даются и маслины, иногда же и вареніе братерское. Еще ивнїе, не доволни суще тѣмъ, и прочіихъ многихъ вещей ищутъ, и аще не получаютъ, много кричатъ, гнѣвающеся и біюще въ стѣни каменіемъ и вергающе внутрь

¹ Отсюда продолжается подпная рукопись Барскаго.

монастира и инніе пакости творяще, и аще би не платили началствующему надъ ними постановленное въ годъ, давно би оставили опустѣти обитель, якоже иногда и бисть. Сиде бо въ рукахъ ихъ суть, яко кромѣ нужди за врата исходити не могутъ, и то наймуютъ провождающаго стража. Обаче трудолюбивіи отци претерпѣваютъ вся и якоже могутъ живутъ, и тако, помощію Божіею и молитвами с. Савви, обитель его соблюдается. Пребывающу же ми тамо многи дни, имѣхъ многое тщаніе и попеченіе, како бихъ могъ видѣти мѣсто Содома и Гомора, иже отстоитъ толпко еще далече за монастиремъ, колико монастирь отъ Іерусалима, си есть четири часа пѣшехожденія. Вяху же пришли въ той часъ отъ града, зъ монастира патріаршего, иніе четири иноки, отъ нихъ же быше единъ знаменитъ протосингелъ и благодѣтель мнѣ, о немъ же више предъ писахъ. Той убо самъ наятъ двоухъ Эѳіоповъ, провожденія ради, и согласившеса насъ пятерица, отъидохомъ Ноеврія двадесять осмаго числа. Облекопажеса оніе 4 иноки въ послѣдняя и зѣло худая рубища, яко ни разбойнику хотѣти взяти, бояхубося да не како будутъ напастуеми отъ Араповъ; азъ же въ тѣхъжде ризахъ, въ нихъ же присно хождахъ, бѣхъ, не жалѣя лишитися ихъ. Идохомъ тогда все горами и долинами, идѣже древа и води ничтоже, травы и билія мало; прочее же все каменіе обрѣтается; обаче идохомъ многими равними раздолами, лѣпу и мягку безъ камене землю имущими, идѣже аще би инніе люди жительствоваху, многіе би сѣмена всѣвати и виноградъ плодити могли, нинѣ же вся пуста суть. И елико далѣе шествовахомъ, толико на нисхождахомъ; егда же приближихомся къ послѣднимъ горамъ, тогда узрѣхомъ воду, велию въ долготу и широту, идѣже прежде быше Содомъ и Гоморъ. Тогда зѣло тя-

жестнимъ и неудобъ ходимимъ путемъ спустившеся внизъ глубокой зѣло долини, помежду ужасными каменными провалинами и вертепами проходяще, дойдохомъ тамо.

Мѣсто Содома и Гомора, каково нынѣ. Вода оная есть пространна, наипаче же въ долготу, и зрится аки нѣкое превеликое озеро, еже именуется тамо отъ Грековъ *Некра θαλασσα*, си есть Мертвое море, того ради, яко отъ умертвія людскаго бысть, егда бо Содомъ и Гоморъ съ окрестными своими гради пожрени быша огнемъ, и земля пожре я, отъ того времени оста вода. Море же именуется того ради, понеже яко въ морѣ вода сланая естественнѣ есть, тако и тамо, и еще паче сланшая и зѣло горка, яко токмо палець омочивши и на языкъ возложивши, яки лютѣйшой нѣкой яди челоуѣкъ стерпѣти же можетъ: смердитъ пожарищемъ и отчасти сѣркою не токмо она, но и брегъ издалече окрестъ его. Брегъ же далече нераздѣлно въ единъ бѣль камень изліяшася и далече внутрь мѣлькіе суть, яко на пятнадесять или двадесять сажней, но токмо тамо, идѣже ми посѣщакхомъ, на прочіихъ же мѣстехъ ниже берега мало имать, но отъ края абіе бездна неизмѣримая и гори високіе каменніе окрестъ обстоятъ. Вода, аще и бѣла видомъ зрится бити, но не свѣтла и нечиста и акиби блатомъ возмущенна; имать же верху себе нѣкую сласть или ситость, аки елей, въ дробнихъ капляхъ показующуюся и плавающую, и не стоитъ тихо, аще и въ найтишайшее время, но всегда шумитъ и малими волнуетъ цѣнами и превращается въ подобіе кипящаго котла, обаче горячести не имать, токмо малу теплоту. Тамо ни рыба, ни инно что живеть и ниже раждается, токмо соли много, отъ води изливаемой на брегъ и оставающей между каменни въ ямицахъ (отъ нея же собирающа Арави продають и вси Іерусалимляне оную

ядять), яже отъ слонца верху води собирается въ едино, якоже тенкій ледь отъ мраза. Бѣла есть, аки снѣгъ, а слана сице, яко равна ей въ свѣтѣ необрѣтается. Кораблями, ни ладіями тамо когда плавають, ниже мощно есть, понеже разваряетъ и псуестъ въ маломъ времени, ниже что отъ одежды мити кто можетъ, понеже поядетъ и гноитъ вся, токмо къ митію тѣла есть здрава и помощна, понеже всяку свербъ и красту снѣдаетъ, идѣже Еѳиопи, мимоходяще, всегда миуются. Тамо мы замедлихомъ яко 2 часи и вящше, ходяще по брезѣ и созирающе. Тогда на сухомъ брезѣ обрѣтахомъ отъ земли исходящую малимъ теченіемъ воду, смердящую злѣ, юже едва мимо ити возмогохомъ. Стоить же тамо на единомъ мѣстѣ близъ берега лѣсъ малъ, древо листвіемъ подобное кипарису родящъ, густъ же, понеже при немъ множество веліе трости раждается, тріехъ человекъ мѣрюю високой и нижшой, того ради, понеже мѣсто есть зѣло низкое и воднистое. Много же сущъ источниковъ малихъ, сладкую воду имущихъ, иже толь бистримъ и крѣпкимъ теченіемъ исходятъ, яко не просто по земли, но аки кипящи, въ гору струю возносятъ. Обрѣтохъ же тамо, между лѣсомъ и тростіемъ, едину рѣку узку и мѣлку, такожде сладку воду имущую, между каменми текущею толь бистро, яко съ нуждею бродити въ ней, идѣже сущъ нѣкаковіи рибици и инообразни раки, яковіи въ морѣ раждаются. Исходитъ же рѣка она сподъ горъ, отъ Іерусалимской страны стоящихъ, нѣпци же повѣствуютъ, яко сподъ самага Іерусалима начинается, наконецъ (якоже самовидци быхомъ) впадаетъ въ оное Мертвое море, рекше въ озеро Содомы и Гоморы. Случижеся тогда видѣти вепра дикаго, изшедшаго отъ лѣса на берегъ, его же хотяху Еѳиопи убити, но не постигнуша, сокрися бо воскорѣ и къ тому не

явися. Тамо мало между древеси препочивахомъ, яко пол- часа, и снѣдохомъ по окруху хлѣба, таже михомься вси въ морѣ Мертвомъ, хотяще искусити и увѣдѣти есте- ство и силу води оной, идѣже многа познахомъ чу- десна.

Какова сила Мертваго моря! 1) Яко вода крѣпко слана есть и горка, и сице лютѣ ясть все тѣло, яко нужно стерпѣти, обаче свербъ, краста и инніе прищавки и вся нечистота на тѣлѣ погибаетъ отъ нея. 2) Видѣхъ тамо древеса, въ водѣ стоящіе, и касахомся ихъ, иже суть дебелы и високи, и наченши отъ корене до поло- вини стоятъ въ водѣ, прочее же верху зрятся издалече, суть же сухи и ни листвія ничтоже на себѣ имущіе, толь же крѣпкіе, яко два вкупѣ возлазихомъ на ня и ничтоже сокрушися. Не вѣсть же никто же, садовніе ли и лѣсовіе бяху древа, обаче, что и како любо буди, мало о томъ испитаніе. Се великаго удивленія достойно, яко чрезъ толь тысящніе вѣки, волею Божіею, стоятъ непоколѣбими и не согниваютъ въ такой лютѣ водѣ, и донелѣже ихъ касаетъ вода, дотолѣ каменною чудеснѣ обростоша кожею. Нетокмо же тіи, но и прочіи дре- веса, при брезѣ стоящіе, ихъ же касаетъ вода, усуши- шася и каменіемъ обростоша, и нинѣ на всякъ день обростають, чесому азъ много удивляющися, взяхъ съ собою отъ каменей тѣхъ и соли, яже тамо раждается. 3) Еже есть многому недоумѣнію приличное и чудеси, яко вода оная потопитися или понрути или погрузитися человѣка не оставляетъ, сами бо искусихомъ достовѣрнѣ, егда михомся въ ней, идѣже ни гребущихся насъ, ни движущихся, но легшихъ распростертима рукама и но- гама, аки сосуди праздніе ношаше, и лежахомъ, аки на постели мягкой; не могутъ бо понрути ни ноги, ни рупѣ человѣка на низъ, якоже въ иннихъ сладкихъ водахъ

естественнѣ то дѣйствуется, и не наученъ плавати часто на глубинѣ утопаетъ. Таможе не тако, но человекъ, наченши отъ берега, токмо можетъ ити по земли донелѣ же висота его, аще же начнетъ далѣе въ глубину поступати, яко касатися устнамъ его водѣ, тогда абіе отъ земля горѣ насиліемъ воздвигаетъ нозѣ и носить верху себѣ человекъ, аки дску плавающего. Егда же изійдохомъ отъ воды, бяху тѣлеса наша побѣлени и аки мукою потрушенни солию, и созирающеса другъ другу смѣяхомся, таже омившися въ сладкой водѣ, облекохомся въ ризи своя. Обаче послѣди, даже чрезъ три дни и вящше, баше слана кожа на тѣлѣ моемъ, чесому азъ зѣло чудихся и благодарствовахъ Господеви, яко сподоби мя видѣти толь неизреченная Его дѣйствія. Море Мертвое въ долготу протяжесе много, его же конца на брезѣ стояще не видѣхомъ, широта же отъ всѣхъ странъ зрится, окружаема високими горами, пайпаче же гори зѣло високіе стоятъ обонъполь воды. Осязаетъ же мѣста всего окрестъ сѣмь сотъ миль морскихъ, си есть Италѣянскихъ (якоже согласно повѣствуется въ людехъ). Бяхомъ же ми тогда недалече, яко ослзаніе ока, отъ конца втораго, стоящаго отъ Іордана, и видѣхомъ на Мертвомъ морѣ аки рису, или нѣкую черту, идѣже вода съ водою сопротивляется. Повѣсть же такова о томъ проходить, яко Іорданъ рѣка, яже впадаетъ въ море Мертвое, великую часть проходящи его, къ тому прочее престаеть отъ теченія своего и погубляетъ конецъ, и не вѣсть никтоже совершенно; инніи бо глаголють, яко моремъ Мертвимъ пожираемъ, кончается на оной предпомяненой чертѣ, другіи же глаголють, яко подъ землею идетъ и за Мертвимъ езеромъ, во пустыни, пакп выходитъ и идетъ своею струею. Та и множае тамо увѣдавши, мислихомъ еще пойти къ Іордану, иже та-

*

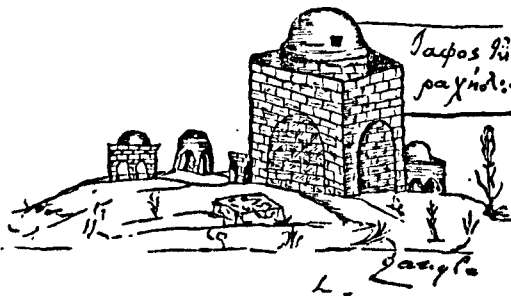
кожде три или 4 часи отстоять отъ моря Мертва, но Еѳіопи не хотѣша повести ни (мню) боящеса, да не како увѣдани будутъ отъ началнаго своего и казними, понеже на Іорданѣ единъ разъ въ годъ весь народъ, вкупѣ съ хадзѣями, и то за поплащеніемъ ходять, и тако прочее отложихомъ на ино время. Тогда наловивше раковъ въ водѣ сладкой и препочивше мало, возвратихомся тогожде дне преклоншуся слонцу на западъ, тѣмъжеде путемъ паки во монастырь, Богу насъ сохраняющу не вреднихъ и безъпакостнихъ.

Мѣсяць Декемврій.

Мѣсяця Декемврія 5 числа (еще ми гостящу въ неусипаемой преподобнаго Савви обители) бистъ праздникъ его и снїдеса народъ много отъ Христїанъ, отъ хадзѣевъ и Аравовъ Іерусалимскихъ. Совершашежеся церковное пѣніе лѣпо, обаче бденія всенощнаго не творяху, токмо на вечерни 5 хлѣбъ благословиша, и утренняя въ свое время бистъ и служба Божая зѣло рано, народа ради. Архіерей же не прїйде тогда отъ града, нѣкоего ради препятїя, и бистъ торжество веліе и безъчинїе же не малое отъ Еѳіопъ, чрезъ два дни медлящихъ тамо, иже (якоже прежде рѣхъ) аще и Христїане суть, но нравовъ своихъ природнихъ свинскихъ лишитися не могутъ, ядяху бо представленную имъ трапезу, аки свинѣ, нечисто, просящую и проливающе, вопїяху и кричаху до избитка и плясаху, сваряхуся и бїяхуся и прочая безъчинїя творяху. Минувшу же празднику, абїе на другаго дне, Декемврія 6 числа, и возвращающуся народу въ Іерусалимъ, отъидохъ и азъ къ 1-му своему мѣсту, въ монастырь Архангелскїй. Доспѣвшу Декемврія дню 10-му, ходихъ вкупѣ съ хадзїями посѣщати мона-

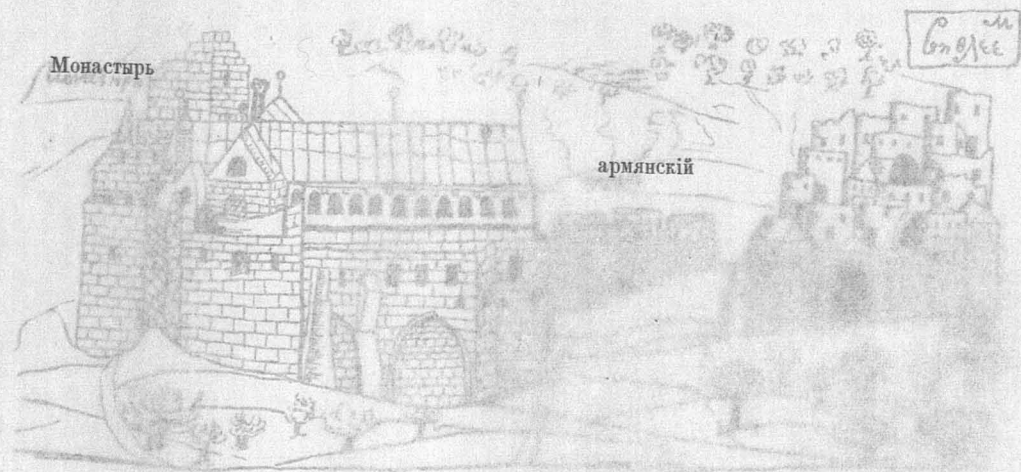
стирь другій святаго Георгія, въ градѣ стоящъ, идѣже иноки обитають, идѣже бихомъ въ церкви и слушахомъ Божественной литургіи. Тамо видѣхъ ланцухъ желѣзень, висящъ при иконѣ, его же остави свободень нѣкто отъ работи Агарянской чудотвореніемъ с. великомученика Георгія, той есть ветхолѣтенъ и блюдется въ храмѣ даже доселѣ. Тамо пріяти бѣхомъ хлѣбомъ и виномъ и сухими гроздіями, и сложивше нѣчто милостини възвратихомся въ доми своя. Обитель она убога есть и мало украшенна, стоитъ же на лѣпотномъ и веселомъ мѣстѣ, на горѣ; церковь подобна въ всемъ, якоже въ первомъ монастырѣ дѣвическомъ Святаго Георгія, о немъ же прежде писахъ. Тогда идохомъ единою улицею, идѣже въ земли и во стѣнахъ стоятъ основанія столповъ древнихъ, о нихъ же различно повѣствуется, се же извѣстнѣйше яко глаголютъ бити иногда тамо стѣну града и врата, понеже множицею раззоряшеся Іерусалимъ, и сего ради нинѣ вся инако суть престроенна. Мѣсяця тогожде 11 числа, въ субботу, съ вечера нѣкто наятъ Турковъ отверзти Святіе Врата токмо на единъ часъ, тогда паки сподобихся поклонитися Гробу Христа Спасителя. Тогожде мѣсяця, въ постъ Филиповъ, предъ Рождествомъ Христовимъ послѣдней седмици, по обычаю Христіянскому, причащихомся Тѣла и Крове Господней, идѣже таковъ чинъ совершашеся, по обыкновенію Іерусалимскому: первѣе исповѣдохомъ грѣхи своя и предъготовляхомся ходящи на церковное правило всегда; послѣди, по нѣколицѣхъ днехъ, пришедши въ монастырь нашъ архіерей съ священники и сотвориша Елеосвященіе и мазаху ни масломъ святымъ, таже, паки по нѣколицехъ днехъ, причащяхомся; прежде же причащенія и словесъ изреченія на литургіи Божественной: „Со

страхомъ Вожимъ“, чтяше священникъ нѣкую молитву отъ Требника о разрѣшеніи грѣховъ, и послѣди даяше Тѣло и Кровь Божественную. Приближившужеса убо празднику Рождества Христова, иже случися тогда 25 Декаврія, въ день неделній, идохомъ прежде днемъ единымъ, въ субботу, къ Виолеему, поклоненія ради, вкупѣ съ архіереемъ, грядущимъ тамо служенія ради. Виолеемъ отстоитъ отъ Іерусалима двохъ часовъ хожденіемъ, идохомъ же добримъ и равнимъ путемъ и полемъ краснимъ, мало камня имущимъ, но все мягкую и къ всѣянію сѣмень изрядную землю, и поминухомъ монастырь, при пути стоящъ, пророка Іліи. Оттуду идохомъ малими горами, обаче веселими, понеже въ то время тамо, якоже въ насъ на веснѣ, травы прозябоша и цвѣти явишася на земли и зеленяхуся всюду древа маслинніе, маслина бо и зиму и лѣто всегда листвіе на себѣ зеле-

ное имать. Входящи же въ ограды Виолеемскіе, оминухомъ при пути стоящъ гробъ Рахиилинъ, иже есть отъ камене зданъ на четири угли или въ четири стѣни

сице, яко нѣкая каплица, съ главою, гладцѣ устроены, расположеніемъ не великъ; имѣяше же первѣе отъ всѣхъ четирихъ странъ входи внутрь, нынѣ же отъсюду замурованъ стоитъ; при немъ же и иннихъ погребшихся тамо людій гробове маліе, зданніе такожде отъ камене, стоятъ. Отъ нихъ же суть иніе возвишенніе горѣ, инніе же токмо при земли каменіе верху себе имуть лежаціе съ начертаніемъ писменъ. Послѣди идохомъ зѣло рав-

Монастырь

армянский

Селуке

Монастырь. Н. Издательство, Караган. № 10.

Владимир

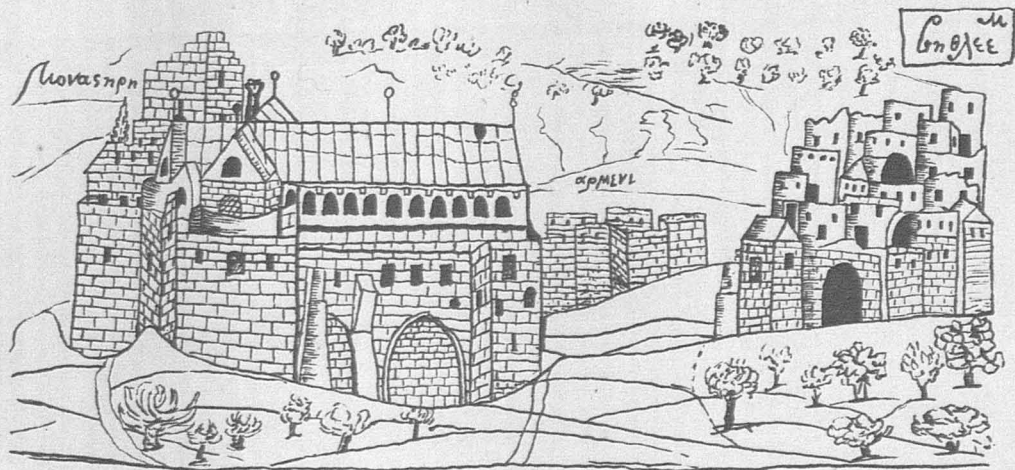

Фото-литогр. Н. Индугнаго, Караган. № 16.

Иерусалимъ.

нимъ путемъ, на гору малу сходящи, и видѣхомъ садовъ много, стоящихъ окрестъ Виолеема, отъ древа смоковничнаго и маслиннаго. Смокви убо безъ листвія бяху наги, якоже прилично древу въ зимѣ, маслини же зеленяхуся якоже посредѣ лѣта, таковое бо ея свойство. Таже dospѣвши Виолеема, не идохомъ внутрь веси, но воскрай ея, и поидохомъ въ монастырь Греческій, иже на два верженія каменемъ отстоитъ, устроенъ при вертепѣ, въ немъ же Христось родися. Виолеемъ иногда баше градъ, якоже свѣдѣтелствуетъ Божественное Писаніе, нинѣ же, по многомъ раззореніи Іерусалима, сотворися аки весь, обаче зданія и доми вси иматъ каменніе и строенніе отчасти лѣпо. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, на единой горѣ, окружаемой отвсюду долинами низкими, красными, въ нихъ же полно древа садовна отъ маслынъ, и смоквъ и прочіихъ, отъ страни же полуденной зрятся гори недалече отъ Виолеема, вишшіе нежели Іерусалимскіе, на нихъ полно древесъ лѣсовнихъ, великихъ же и малихъ. Тамо въ тихъ горахъ, шесть часовъ хожденіемъ, отстоитъ отъ Виолеема домъ Авраама патріарху ветхозаконнаго, иже сипе странволюбивъ баше, яко вмѣсто гостей сподобися Божественную Троицу пріяти въ дому своемъ, подъ видомъ тріехъ ангель (якоже пишется въ Палеи). Въ Виолеемѣ иногда баше весь народъ Греческой вѣри, нинѣ же, егда населишася тамо Римстїи иноци, всехъ къ своему правилу и обычаю привлекоша, не поученїи (якоже слышашъ), но златомъ милостиню дающе и дарствующе, имъ же онїй убогїй народъ зѣло прелщается. Сутъ же тамо нѣціи и Греческой церкви придержащіися Арапи, обаче зѣло мало, иже яко нѣ сутъ народъ тамо искусенъ въ художествѣ и дѣлѣ ручномъ, найпаче же въ дѣланію крестовъ и чотокъ и иннихъ лѣпотнихъ вещей, отъ древа

составленнихъ. Вертепъ, въ немъ же Христосъ родися, стоитъ внѣ Виолеема на два верженія каменемъ, въ тойжде горѣ, внутрь земли ископанъ, идѣже прежде Рождества Христова людіе скоти привязоваху и пищу даяху. Нинѣ же на мѣстѣ томъ великій, якоже градъ Виолеемъ, монастырь и лѣпій зѣло созданъ стоитъ, въ немъ же церковь зѣло прекрасная, отъ Іустиніяна царя благочестива сооруженна верху вертепа, въ честь Христу рожденному. Обаче нинѣ тамо Францишкане, иноки Римскаго закона, обитають, чрезъ вражду бо нѣкую и сваръ прежде тридесяти лѣтъ отъ Грековъ отъяша, преплативши мзду велию паши Турецкому, Іерусалимомъ обладающему. Иноки же Греческіе таможде, при томжде монастырѣ, на единомъ столпѣ каменномъ, широкомъ и високомъ, иже бѣше звоница, монастырець себѣ възгнѣздше, обитають, не хотяще вовся лишитися мѣста святаго, идѣже и храмъ Рождества Христова сооружиша малъ, себе ради и Еѳіоповъ, вѣру Греческую имущихъ, идѣже попи Арапскіе вкупѣ съ иноки тамошними литургисають и все правило церковное чтуть въполь, своимъ и Греческимъ діалектомъ. Тогда ми идохомъ гостисти вси купно поклонници, съ архіереемъ въ предъ-реченній монастырець Греческій, на звонарнѣ стоящій, и тамо пріяти бихомъ игуменомъ и братією въ страннопріемницу честно и представиша намъ тогда въкратцѣ сухоядну трапезу. Таже преклоняющуся слонцу на западь, идохомъ на вечерню, яже тогда соборомъ яшеша, съ архіереемъ и многими священники и діакони, и многими свѣщцами и кавдилами украшенна церковь бѣше, такожде пѣвци снѣдоша отъ Іерусалима и пояху лѣпо, и бисть праздникъ веселій. По вечерни же пять хлѣбъ благословеннихъ раздѣлиша и раздаде народу самъ архіерей своею рукою. Таже взїдохомъ паки го-

рѣ, церковь бо та внизу стоитъ на землѣ, при вишше-помянутой начальной великой церкви, совокупно стѣною, отъонуду же есть окно въ великую церковь и зрится входъ вертепа Христова; монастырь же, якоже предъ рекохъ, високо стоитъ верху звонници, идѣже отъ низу горѣ вяще пятьдесяти степеней восходити требѣ. Тогда ми, по оконченіи вечерни, взїдохомъ во монастырь и прїяти бихомъ отъ игумена трапезою доволною честно, и уснухомъ мало. Таже бихомъ на утрени, всенощна же бденія не бѣше, необикоша бо сіе въ Іерусалимѣ творити, не вѣмъ чесо ради, идѣже на вся праздники въ навечерїи хлѣбъ благословляется, и прочее по вечерни пѣніе не биваетъ даже до утрени. Впстѣ же тогда абіе по оконченіи утрени служба Божая, и отпояхуся вся предъ восхожденіемъ денници. Послѣди пдохомъ вси соборомъ Христїяне, ми же пришелци и Еюнопи тамошніе, закупѣ съ архїереемъ и иноци въ великую начальную церковь, яже иногда бѣше Греческа, нинѣ же Римска есть. Идохомъ же внутрь пещери, идѣже Христось родися, яже стоитъ подъ великимъ алтаремъ, изрита въ земля еще прежде лѣтъ воплощенія Христова, и поклоняхомся тамо двомъ мѣстомъ: 1-му, идѣже Пречиста Дѣва Богородица роди Христа, 2-му, идѣже повивши, положи въ яслехъ. Аще нинѣ вся пещера мрамори драгими посланна и столпами хитростнѣ сѣченными украшенна, но на мѣстѣ ясеель и нинѣ, якоже ясли, отъ доскъ мраморнихъ бѣлихъ сочинено есть, и лампадъ неусипаемихъ, си есть день и ноцъ горящихъ, много суть. Пещера оная внутрь покровами драгими шелковими обитая, лучшей ради лѣпоти, понеже земля ея, отъ многого вожженія свѣтилникъ и отъ частаго кажденія оимїяма, очернѣ, и аще би не било покровенно, не лѣпо зрочно би било. Тогда поклоншеса вси, абіе возвратихомся въ

монастирь, и препочивше мало, ходихомъ съ мерхадзѣемъ посѣщати вторую пещеру, идѣже Пречистая Богородица съ Христомъ первѣе сокрися, егда утѣкаше къ Египту. Тая пещера нинѣ стоитъ пуста, внѣ монастыра, яко на верженіе камене, въ единомъ саду, въ ней же ничто же есть и всѣмъ невозбранно есть входитьи отъ Іерусалимлянъ, отъ чуждыхъ же входящихъ, яко то отъ хадзѣевъ, вземлетъ по сребнику отъ челоуѣка Еѣиопинъ, обладаей ею. Внутрь пещери той пространно мѣсто, сѣмо и овамо покопано, на мѣстѣ же томъ, идѣже Пречиста Богородица съ Христомъ и обручникомъ Іосифомъ крѣяшеса, есть нинѣ каменный престолъ созданъ, идѣже кто хошетъ отъ Христїанъ вжигаетъ елей, въ память Христову, иногда же попи Арапскіе и литургїю творять. Суть же тамо нѣколико мраморныхъ столповъ, отъ нихъ же единъ зѣло оропаетъся, и взимають людїе росу ону на пещленіе болнихъ очесъ. Нѣціи же повѣствуютъ, яко тамо не крѣяшеса Богородица, но спаргана закопа. Спаргана же суть нѣкіе останки отъ отрочате раждающагося остающїеся, ихъ же баби обикоша закоповати въ землю. Обаче что любо буди, намъ много испитовати не требѣ, но вѣрити, понеже людїе отъ толь многого времени, забвенїя ради, различно бесѣдуютъ. Тогда ми поклоншеса съ вѣрою и любовїю, возвратихомся въ монастырь, и учреди насъ всѣхъ купно поклонниковъ игумень трапезою честною довольно, съ изобилїемъ яствїа и вина, и отпусти съ миромъ въ Іерусалимъ, съ провожденїемъ и цѣлованїемъ. Азъ же остахся тогда съ архїереемъ и діакони его, двоихъ ради винъ: 1, да лучше видимъ и уразумѣю не токмо Виолеемъ, но и прочїе окрестнїе мѣста; 2, понеже архїерей имѣяше литургисовати въ нѣкоей инной веси, и сего ради, понеже дни празднични бяху, не хотяхъ лишитися его. Тогда препочивши мало, собрашася

нѣколико Еѳиоповъ Христіанъ, взяша архіерея честно и отнесоша въ едину весъ, яже именуется *Icos* тѣ Еѳраѳо, си есть домъ Еѳраѳовъ, о немъ и Писанія Божественна на многихъ мѣстѣхъ воспоминають, яже весъ отстоитъ отъ Виолеема единъ часъ и менше хожденія. Тамо егда внутръ вхождаше архіерей, изійде весъ народъ отъ веси съ женами и дѣтми въ стрѣтеніе ему и со многимъ торжествомъ, и кличемъ, и званіемъ, провождажу его, поюще и припѣвающе нѣкая словеса Арапскою бесѣдою, и вся по обычаю своему творяху отъ простоты и смиренія. иніе убо прибѣгающе къ коню, лобизаху руку его, другіи же, возлѣзше верху домовъ стояху и привѣствоваху, велимъ кричуще гласомъ, и другіи предъидяху, прочіи же послѣдоваху, „благословенъ грядій“ зовуще. Бяху же людіе вси прости и малоцѣніе одежды носяще, иніе же ветхіе и безъ сандалій босо-ходящіе, нѣціи же апостолскіе сандалія, токмо кожу подъ ногами имѣяху; сице не токмо тамо, но вси повсюду Еѳиопи, якоже прежде рѣхъ, сице обпкоша ходити. Егда же внійдохомъ въ весъ, отведоша насъ въ единъ домъ на престоаніе. Тамо мало препочивши, егда приближашеся слонце къ западу, отведохомъ архіерея, въ мантию оболченна, съ подобающею честію въ храмъ Святителя Христова Николая, иже въ томъ селѣ единъ токмо обрѣтается. Послѣдоваше тогда и народъ многъ, съ женами и дѣтми, съ радостію многою и кличемъ, и отслужихомъ чинъ вечерни, якоже требѣ быше; быше же служащихъ священникъ 13, кромѣ архіерея. Послѣди возвратихомся, вкупѣ съ архіепископомъ въ предъреченную гостинницу. Тогда убогій оній Еѳиопскій народъ, всякъ противу силѣ отъ дому своего, иній хлѣба, иній нѣчто варено, иній же нѣчто печено, и всякъ, что можаше, принесе въ гостинній домъ и предъставиша намъ трапезу доволну, яко

всѣмъ годѣ бистъ. И служаху намъ много народа отъ усердія и простоты сердца своего, иніе же предстояху; бистъ же сице много, яко невомѣшати храминамъ, но отъ своихъ, отъ чуждыхъ же, или рекше гостей, бѣше яко пятьдесять душъ, и ядоша вси и наситишася доволно, яко избыткомъ остатися, и воставше отъ трапези, воздаша вси благодарствіе Господу, дающему пищу алчущимъ. Тогда разійдошася людіе, ми же вси гости спяхомъ на опредѣленнѣхъ мѣстѣхъ. Заутра же въ нощи востахомъ и идохомъ вси, купно съ архіереемъ, въ предъреченную церковь и слушахомъ утрени и служби Божой, соборомъ съ многими священники бившой, и бистъ торжество веліе и родость людемъ, и изійдохомъ изъ церкви рано предъ восхожденіемъ слонца и возвратихомся паки въ вишшепенанную гостинницу, идѣже паки людіе оніе убогіе навесше различнаго вареннаго и печеннаго яденія и угостиша насъ трапезою лучше, нежели вчера, и виномъ отчасти. Чудяхъ же ся азъ много, яко въ всемъ селѣ двохъ точію началнѣйшихъ видѣхъ, мало лучше одежду носящихъ, прочіе вси суть наги, иніи бо токмо въ единихъ хитонахъ, друзіи же коимъ либо вретичемъ покравенни, прочіи же вси по единой одеждѣ ношаху, аще тогда бистъ и зимное время. Одежда же ихъ обща есть (якоже прежде рѣхъ), толста есть, отъ вретича сошвенна нелѣпо, еже есть сѣтканно отъ власъ верблюжихъ, бѣлихъ и чернихъ, сандалія же иніи носятъ кожаніе, иніе же древяніе, иніе же токмо кожу подъ ногами имуще подвязану въ еже би не уязвити ногу о камень остръ или о терніе, прочіи же многіе босо ходятъ, найпаче отъ женска полу. Домъ Еѳраеовъ иногда бѣше градъ, якоже свидѣтельствуеть Божественное Писаніе, нинѣ же, по многократномъ раззореніи Святаго Града Іерусалима, превратися въ село, еже отъвнѣ

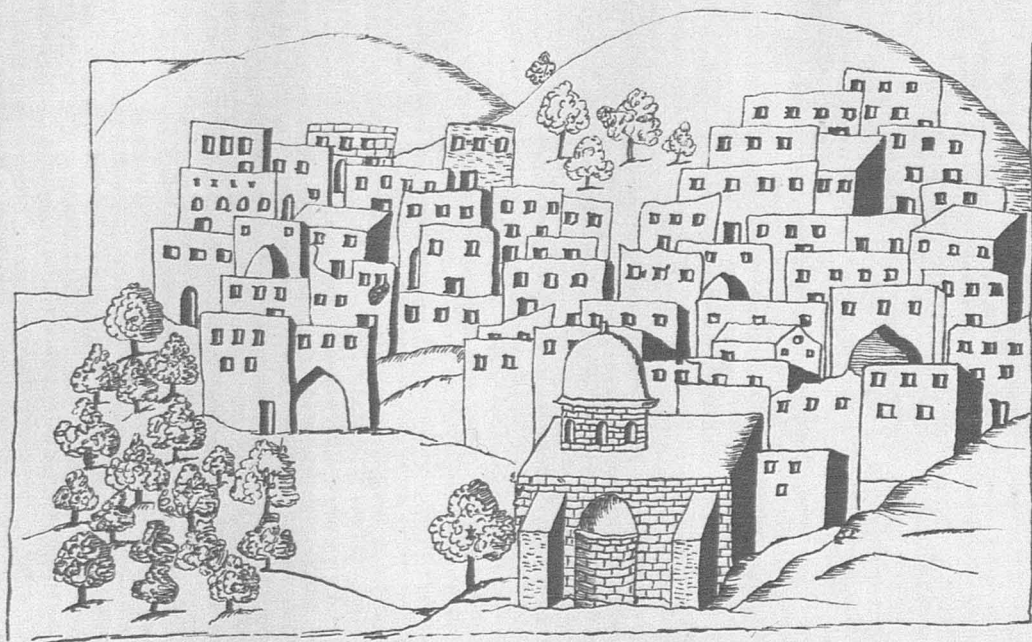

Фото-литогр. Н. Индупаго, Караван. № 16.

Домъ Ефраеовъ.

зрится, аки нѣкій красній градъ, внутрь же никакой не имать лѣпоты, ибо, якоже обично въ весехъ, нечистоты между домами и улицами полно; обаче доми вси суть каменнозданніе, аще и не весма изрядно. Стоить же на мѣстѣ веселомъ и високомъ, подъ горами, много отъ древа маслиннаго и смоковнаго имущими; тамо почерпають людіе воду живу, си есть текущую отъ спудовъ земельныхъ въ студенцахъ; вси же суть Христіане вѣри Греческой и ни единаго между собою имуть либо Римлянина, либо Турчина, либо коего инного. Богу тако ихъ хранящу, аще и прихождаху нѣщїи отъ Агарянь тамо и вселяхуся на пакость насиліемъ, обаче Божиимъ изволеніемъ, мало нѣчто поживше, погибашу отъ жизни сея. Увѣдавше же множицею казнь Господню събивающуюся на себѣ, никогда же не вселяются тамо, но самихъ точію Христіанъ пребивати оставляють. Тамо храмъ точію единъ Святителя Христова Николая къ востоку съпреди села стоить, обаче дванадесять поповъ тамо живутъ, иже о церковномъ правилѣ и о паствѣ попеченіе имуть, иже по седмици, единъ по другому, держать церковную службу; есть же и діаконъ единъ, иже въ нарочитіе праздники великіе литургисаетъ. Домъ Еераѳовъ толкуется домъ утѣшенія, того ради, понеже, егда родися въ Виѳлеемѣ Христосъ, ни едина тамо отъ окрестныхъ весей не возрадовася паче оная, якоже сами свѣдѣтельствуютъ тамошніи людіе. Отнелъже даже и доселѣ веселое свойство имуть, ибо (якоже прежде рѣхъ), егда прїйдохомъ съ архіепископомъ тамо, зѣло съ великою радостію устрѣтаху и провождаху, наипаче же сея ради вини, яко уже четвертое преиде лѣто, яко не прихождаше тамо никаковъ архіерей. Тогда, въ день собора пресвятія Богородици, по святой литургїи и по трапезѣ, отъиде архіерей съ діакони своими къ Святому

Граду съ многимъ проведеніемъ народа даже на поле, внѣ села, азъ же съ игуменомъ Виолеемскимъ възвратихься паки въ Виолеемъ и пребихь дній 2. Ходихь же тамо въ великую церковь частѣ, ею же обладаютъ Римстїи иноци, и въ пещеру, идѣже родися Христосъ, и рассмотрѣхь всю красоту и великолѣпіе ея. Церковь та есть устроена отъ Іустинїана царя Греческаго благочестива (якоже слышахъ) въ лѣта держави его; есть же и расположеніемъ и величествомъ въ всемъ подобна церкви с. верховнаго Апостола Павла, яже обрѣтается въ Римѣ, внѣ града, точію внѣ покровомъ различествуеть, оная бо инаго, сея же покровъ на крестъ сочиненїй отъ таблицъ оловянихъ, зѣло лѣпо и гладко, яко похвалити всякому взирающему нань; не токмо же покровъ, но и самїй храмъ крестообразно устроень, каковое строеніе мало гдѣ обрѣтается. Есть убо онъ весь отъ камене зданъ, токмо покровъ отъ древа содѣланъ, а верху древяна оловянь, въ висоту доволенъ и совершенъ, въ долготу же есть 76 степеней, въ широту же тридесять и 3, якоже азъ самъ тщателно размѣряхъ. Разумно же буди о степенехъ, яко не глаголю о стопахъ, но о ступанїи или о хожденїи ножномъ. Оконъ тамо суть више 40, столповъ же внутрь, ими же поддержится тяжесть церкви, суть всѣхъ равно 50, иже суть висотою, толстотою и лѣпотою равни и отъ одинаго камня несложно изсѣченніе; камень же той аще есть и простъ, обаче лицемъ является, аки краснѣйшїй порфиръ, ибо есть бѣлъ, въ полъ съ знаменїи червленными, и сице искуснимъ и гладкимъ художествомъ столпи сѣченни суть, яко аки кристалъ свѣтятся. Отъ онихъ убо 40 въ четири ряди, по десять, чинно зѣло стоятъ; внутрь же олтаря 10 обрѣтаются, и верхніе стѣни даже до столповъ вси суть насажденіе различновидными каменми

музикійскими, дробными, аки горохъ, сиче искуснимъ художествомъ, яко умъ удивляетъ человѣческой. И во истинну зѣло прекрасная и драгоцѣнная церковь. Пещера, или вертепъ, идѣже Христосъ Сынъ Божій родился, есть внутрь олтаря великаго, подъ подножіемъ церковнымъ, два входи имущая, отъ десніа и шуія страны, 13 степеней низу отъ мрамора созданнихъ, и двери такожде обоюду мраморосѣченнимъ искуснимъ художествомъ составленни суть; внутрь же всея пещери подножіе и стѣни и тамо, гдѣ Христосъ родился и гдѣ во яслехъ положенъ, всюду низу и окрестъ, кромѣ верха, дсками мраморными и порфирными осажденно есть сиче прекрасно, яко ни въ царскихъ полатахъ лучше можетъ бити, верхъ же есть обіенъ драгими покрови шелковими, токмо надъ яслами Христовими откровенъ есть, въ знаменіе и въ лучшее увѣреніе людемъ, яко да всякъ, видяй гору самородну, а не отъ рукъ человѣческихъ сотворенную, познаеть, яко та есть, а не ина пещера, въ ней же Христосъ родился. Тамо путници двомъ мѣстомъ поклоняются, единому, идѣже Христосъ Господь родился отъ пречистіа Дѣви, второму, идѣже въ во яслехъ положенъ бистъ, идѣже и нинѣ ясли маліе въ память отъ доскъ мраморныхъ бѣлихъ сочиненніе суть. Есть же въ тойже пещери иніе пещери, къ западу и полунощи, отъ нихъ же едина низу провлечеса и входа не имать, токмо оконцемъ созирають въ ню. Тамо въверженни бша 14 тысящъ младенецъ, избіеннихъ отъ Ирода за Христа. Вертепъ, въ немъ же Христосъ родился, многое имать украшеніе отъ злата и серебра, найпаче же кандиловъ сребрнихъ и кристалнихъ полнь есть, отъ нихъ же много есть неусипаемихъ, си есть день и ноцъ присно горящихъ. Та увидѣвши и увѣдавши, ходихъ втораго дне внутрь монастыра великаго, при церкви стоящаго,

иже (якоже прежде рѣхъ) иногда баше Греки обладаеми, нинѣ же Римляни и Францѣшкани, иноки Римскіе, обитають тамо. Тогда вся, по повеленію начальника, созирахъ обходящи, и видѣхъ множество прекраснихъ зданій и келій, идѣже би мощно вмѣститися близъ двохъ сотъ инокомъ; обаче и нинѣ не мало отъ Римлянъ обитають, но кая намъ полза, съ ними же нѣсми едино? Ходихъ паки особнѣ съ инокомъ Греческимъ въ едину долину, внѣ Виолеема стоящую, идѣже пастиріе иногда пасяху овци и возвѣщенни баша отъ ангель о Рождествѣ Христовомъ, идѣже нинѣ нѣсть ничтоже, токмо разоренная церковь, яже древле баше красна строеніемъ, якоже познавается отъ останковъ своихъ. Отстоитъ же отъ церкви недалече малая весъ, идѣже до четиредесяти душъ Араповъ обитають. Тамо показа ми инокъ Виолеемскій единъ студенець ветхъ и празденъ же и безъ води стоящъ, отъ него иногда пресвятая Дѣва Богородица отнѣкуду грядущи и жаждна бивши, восхотѣ пити, и егда при niche надъ кладязь, узрѣ далече бити воду и не имѣяше чимъ почерпсти и ниже случися кому прійти тогда почерпанія ради, тогда словомъ воздвиже горѣ воду, и напившися паки повелѣ на свое возвратитися мѣсто. О чудесе пречуднія Божія Матере! Аще бо би текущая вода въ студенци обрѣталася, то и то веліе било би чудо, еже словомъ наполнитися горѣ; но сіе чудеснѣйшее есть, яко кладязь дождевную въ себѣ воду собираще и огнюдъ не имѣяше въ себѣ никакого источника. Зри и втораго купно собившагося чудесе: егда бо при niche въ корито каменное колѣнми и ятсѣ пречистими своими руками верха кладязня, вся напечаташася на камени, аки на воску. Персти убо незрѣтсѣ нинѣ, понеже (якоже повѣствуютъ) вервами затрошася, якоже обично вервамъ не токмо въ камень,

но и въ желѣзо вѣдаться, отъ тяготи и отъ частаго тягненія воднаго, кътому же людіе ветхїи не имѣяху то въ почитанію, понеже Дѣва Богородица еще за Еврейство то сотвори, и не бѣ прославленна; колѣнъ же знаменія въ коритѣ каменномъ даже и доселѣ обрѣтаются, ихъ же азъ сподобихся лобизати. О чесомъ, аще есть истинна, аще ли ни, читателя къ вѣроятію не принуждаю, ниже свѣдѣтельствовати подѣ клятвою могу, понеже не отъ писанія божественнаго, но отъ повѣстей людскихъ сіе гласится. Обаче самовидца мѣсто то къ увѣренію приводитъ, понеже знаменія колѣнъ истинна являются бити; кътому же никтоже помислити можетъ, яко каменносѣчь я изобрази, понеже отнюдъ тамо не потребна суть. Та и множайша азъ въ Виолеемѣ и окрестъ видѣвши и слышавши, и поклоняющіеся многимъ мѣстомъ святимъ, промедлихъ 5 день. Таже въ четвертокъ рано, Декаврїя 29, отъидохъ оттуду къ монастыру с. пророка Иліи, идѣже на пути три посѣщахъ мѣста: 1) Гробъ Рахилинъ, о немъ же предъ речеся; 2) мѣсто, идѣже повѣствуется, яко нѣкто отъ чловѣкъ горохъ меляше, по случаю же мимоидій Іисусъ вопроши его, что твориши чловѣче? не яко невѣдїй, но якоже обычно чловѣкомъ вопрошати другъ другу приходящема, аще би и видѣлъ, что творить. Чловѣкъ же той, кошунствуя, отвѣща: каменіе мелю. Видѣвъ же Іисусъ неправо сердце его въ отвѣтѣ, буди, рече, по глаголу твоему, и отъиде, и абіе горохъ обратися въ каменіе; чловѣкъ же послѣди мелюще и ничтоже успѣвающе, остави вся и возвратися въ домъ свой тощъ, познавая согрѣшеніе свое. На томъ убо мѣстѣ, даже доселѣ, множество каменія дробнаго, гороху подобнаго. 3) Камень, идѣже съ Христомъ и обручникомъ Іосифомъ пресвятая Дѣва Богородица сокрися, страха ради Иро-

дова. Но вѣдомо буди, яко двое мѣста сокровенія Богородичина обрѣтаются въ Іерусалимѣ: едино близъ вертепа Христова въ Виелеемѣ, другое же внѣ Виелеема далече, при монастыри святаго пророка Иліи. Пришедши убо азъ къ обители св. прорска Иліи, и прежде, даже не входити внутрь, поклянхся мѣсту, на немъ же почиваше св. Илія, возвращающися отъ гори Кармилской, идѣже знаменіе спяща чловѣка и доселѣ на камени, аки на воску, изображенно есть; есть же предъ монастыремъ, внѣ ограды, при пути, понеже тамо путь, къ Виелеему ведущъ, воскрай монастыра лежитъ. Послѣди внїдохъ внутрь монастыра св. пророка Иліи и прїятъ игуменомъ и братією, и премедлихъ тамо два дни, любви ради и распознанія мѣста святаго; а найпаче того ради, яко въ то время бистъ велми непостояно, съ вѣтри хладными и мглою великою, яко пѣшествовати зѣло нужно бистъ. Монастырь святаго славнаго пророка Иліи отстоитъ двою часу хожденія отъ Іерусалима, на пути Виелеемскомъ. иже аще и малъ отъвнѣ зрится бити, обаче внутрь многа зданія содержитъ, собранни бо суть въ немъ келїи, единостѣніемъ зданія и тѣсенъ есть внутрь. Имать же храмъ преизбранїи, великъ и високъ, съ главою одиною, яже зрится внѣ обители изда-лече, шестїю же столпами поддержитя, иже отъ одинаго съ церковїю камене составленни суть. Храмъ онїи иногда бистъ иконописанъ зѣло лѣпо, но понеже обетша, сего ради поновленъ есть варомъ. Въ долготу, висоту и широту далече болшїи отъ храма Св. Креста; сице же тѣсно съ келїями совокупленъ окрестъ, яко низу ни откуду къ вратамъ пути имать, но иноки, правила ради, снисходятъ сверху зданїи степеней каменныхъ низу къ дверемъ. Храмъ той къ пѣнїю и чтенїю есть изряденъ, понеже гласъ и шумъ великъ издаетъ противу устомъ че-

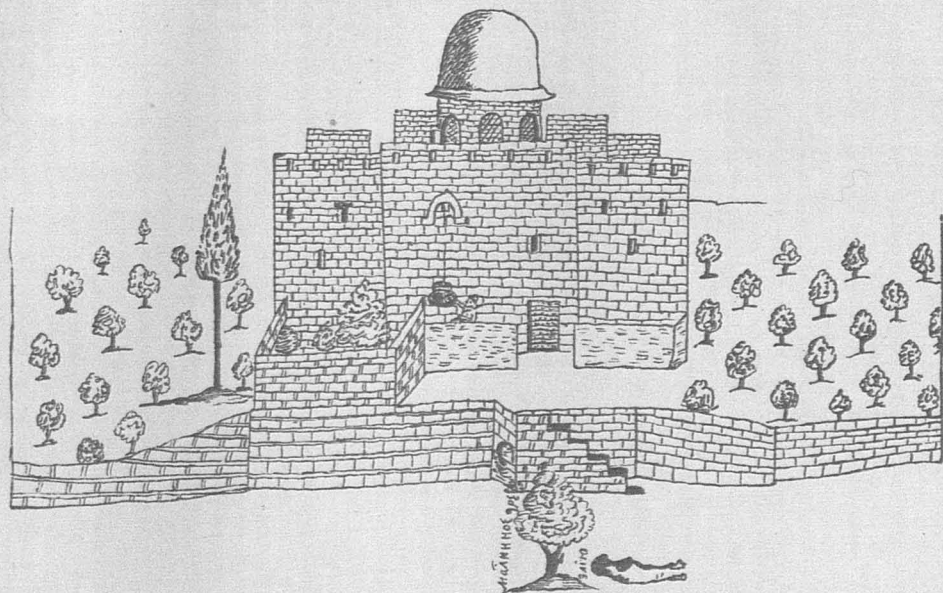

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Монастырь Св. пророка Или.

ловѣческимъ. Трапези зданіе мало есть и келій такожде мало суть, понеже церковь величествомъ своимъ наполни весь монастырь. Иноди малочисленни обитають, токмо елики довлѣють церковнаго ради пѣнія и нужднаго послушанія монастырскаго. Обитель она въ всемъ изрядна и къ тому же на веселомъ и високомъ мѣстѣ стояща, аще и не на высокой горѣ, но на широкой, окрестъ себе много древа маслиннаго иматъ, и огражденна каменною стѣною. Внѣ монастыра, предъ врати, путь къ Виолеему, при пути же стоитъ древо маслинное и подъ нимъ мѣсто, идѣже спаше пророкъ Ілія, утружденъ сій отъ путешествія, егда возвращашеся отъ гори Хориви, о чемъ въ Библии чести лучше требѣ. Тамо пѣють воду дождевну; въ Іерусалимѣ бо нужно текущую въ земли воду обрѣсти, понеже мѣсто есть високо и ко копанію неудобно, камня ради. Монастырь оній есть въ всемъ изряденъ и уединенъ и къ иноческому житію весьма безмолвенъ, токмо отъ Араповъ имать нужду не малу, понеже по вся дни и нощи подавають имъ пищу оконцемъ малимъ, въ кошници низпускающе вонъ изъ монастыра. Тамо азъ пребихъ два дни, гостяще, третого же дне возвратихся въ Іерусалимъ. Приспѣ бо новое лѣто и изволися намѣстнику патріаршему въ великой церкви Воскресенія Господня парусію творити, си есть соборомъ, съ великимъ пѣніемъ и многимъ украшеніемъ церковнымъ и многочисленными священники, діакони же и свѣщеносци служити. Се же бысть отчасти на похвалу и болшую честь Божию, отчасти же на лучшее утвержденіе христоролюбивихъ и правовѣрнихъ поклонниковъ, понеже колики тамо суть секти вѣри христіанской: Греки, Римляне, Армени, Серіане, Копти, сии вси кійждо о себѣ лучше въ пѣніи и чтеніи церковномъ тщатся показатися.

Годъ 1727.

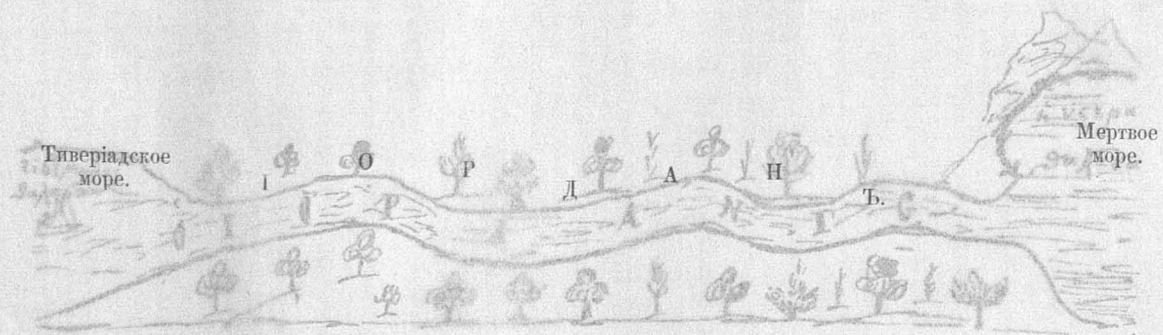
Новое лѣто, мѣсяць Януарій.

Приспѣвшу новому лѣту, изволи самъ намѣстникъ патріаршій съ многими священники въ великомъ и первоначалномъ храмѣ Воскресенія Христова служить, прійдоша бо тогда еще болше поклонниковъ послѣди насъ, и сего ради желаху видѣти вси соборное Іерусалимское служеніе. Тогда въ навечеріи въ субботу отверзоша Агаряне за мзду врата Святіе, и снїдохомъся вси поклонници и отъ Іерусалимлянъ, елико суть христіане, въ церковь. Прійде же и митрополитъ, держай престоль патріаршій, съ всѣмъ клиромъ и бистъ вечерня съ чтеніемъ и пѣніемъ долгимъ и съ пѣвци доброгласно поющими; на воходъ же и литію исхождаху священниковъ числомъ до тридесяти и діаконовъ пять; олтарь же первоначалній, въ немъ же служаху, многими серебряными и кристалными кандилами украшень бѣше. Тогда на вечерни и пяти хлѣбовъ благословеніе бистъ, кромѣ пшеници, вина и елея, таковое бо тамо обикновеніе, и раздробаша, и раздѣлиша народу. И ношевахомъ въ церкви, заключиша бо Турки врата даже до утра, и спяхомъ овїи въ гостинницахъ, овїи же въ углѣхъ церкви, понеже церковь есть зѣло велика, имать внутрь многая зданія, идѣже неисходно заключенны жителствуютъ, особливо Греки, особливо Римляне, Армени, Сербіане, Копти; имуть же гостинници, поварню и трапезу вси, гостей ради, особливо мужемъ, а особливо женамъ, къ упокоенію, кромѣ всякой нужди. Тогда воставше въ полунощи, пояхомъ утреню даже до утра, таже литургію божественную самъ намѣстникъ патріаршій со всѣми началными протосингели, іеромонахи и презвитери служаше, таже процес-

сію творяше окрестъ Гроба Христова и великаго олтара. Бистъ же тогда въ служеніи священниковъ болше тридесяти, діаконовъ 5, а иподіаконовъ баше множество, отъ нихъ же овїи крестъ архіерейскій и патерицу, иніе рипиди, прочіи свѣци ношаху. Изнесоша же тогда рипидь 7 среброкованнихъ, ими же покриваху приносиміе дари святіе и архіерея; намѣсникъ же патріаршій и вси архієпископи Іерусалимскіе литургисають безъ митри. Тогда, по оконченію пѣнія, изшедше изъ церкви, званны бяху вси поклонници на трапезу въ монастырь патріаршій и угощенни бяху довольно пищею и питіємъ; таже разійдошася по монастырехъ, понеже поклонници въ Іерусалимѣ, донелѣже совершатъ поклоненіе, въ монастырѣхъ пребивають. Се же того ради монастыри имуть зданія многа, а иноковъ мало.

Приспѣвшу празднику святаго Богоявленія или крещенія Господа нашего Ісуса Христа, бистъ паки парусія, подобная первой, въ великомъ храмѣ Воскресенія Господня, при пресвятомъ Его Гробѣ, идѣже баше толико зажденнихъ кандиловъ и облеченнихъ священниковъ же и діаконовъ и подіаконовъ, съ многими рипидами и свѣцами, якоже и первѣе. Такожде божеественную литургію самъ намѣсникъ патріаршій съ соборомъ служаще и великое освященіе води сотвори Освящаху же воду во великихъ двохъ сосудахъ серебряныхъ, ихъже дарова императоръ Московскій Петръ Алексѣевичъ, и тогожде дне паки угощенни бяху вси поклонници Іерусалимскіе на трапезѣ въ монастырѣ патріаршемъ. Послѣди, Іануарія 27, по благословенію самаго епитропа, отъидохъ вторицею къ обители преподобнаго Савви Освященнаго. Тамо согласившися съ иними двѣма иноки, и наявше одинаго Еѳіопа, провозведенія ради, отъидохомъ ношцію къ Іордану на поклоне-

ніе, Январія 29, въ недѣлю, въ вечерь, противу праздника с. Тріехъ Святителей. Вѣстно же буди всякому, чтущу и слышащу, яко обичай есть всѣмъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ отходити на поклоненіе къ Иордану рѣцѣ, въ ней же Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестися отъ с. Предитечи Іоанна, въ великій понеделникъ, и всякъ платитъ Туркамъ по четири талари дани; иноки же, тако тамошніе, яко странніе, не обикоша ожидать онаго времени, но прежде, утаенно ноцію, отъ обители святаго Савви ходять, и аще нѣкій случится поклонникъ убогій зѣло, не могій платити Турецкихъ даній, такового отай ноцію закупѣ съ иноки посылають. Таковое убо и о мнѣ благодѣяніе отъ епитропа сотворенно. Тогда убо ми (якоже прежде рѣхъ) собравшеся три и взявше съ собою едина Еѳиопа въ провозденіе, пойдохомъ, положивше надежду на Господа. Одѣяхомъ же въ рубище толь ветха, яко всякому гнушатися има, и идохомъ чрезъ всю ноць, не препочивающе нигдѣ же и утрудихомся сиче, яко едва могохомъ влачити ноги наша, шествовахомъ бо пустимъ путемъ, преходяще гори и долини и претикающе ноги о камень, ово бодряще о терніе. бѣ бо тогда ноць несвѣтолунна; къ тому же находихомъ на многіе разбойники, въ нихъ же рудѣ, Богу насъ сохраняюще, едва не впадохомъ. Проходимъ ноци тоя великіе гори и вертепи, таже изійдохомъ отъ между горъ на поле равное и пространное и зѣло благопріятное, идѣже бѣше Іерихонъ. Тамо земля мягка и блага, камене не имуща, и къ всѣванію сѣмень и сажденію древесъ, обаче людіе не обитають, ниже весь кая либо буди обрѣтается, но всюду пустиня; токмо пустинніе Еѳиопи разбойници днемъ проходятъ сѣмо и овамо, ноцію же нѣсть никогоже. Идущи же онимъ полемъ, поминухомъ обитель преподобнаго авви Гера-

Форт-Кларк. II. 1880-1881. Карандаш. № 16.

Юманъ

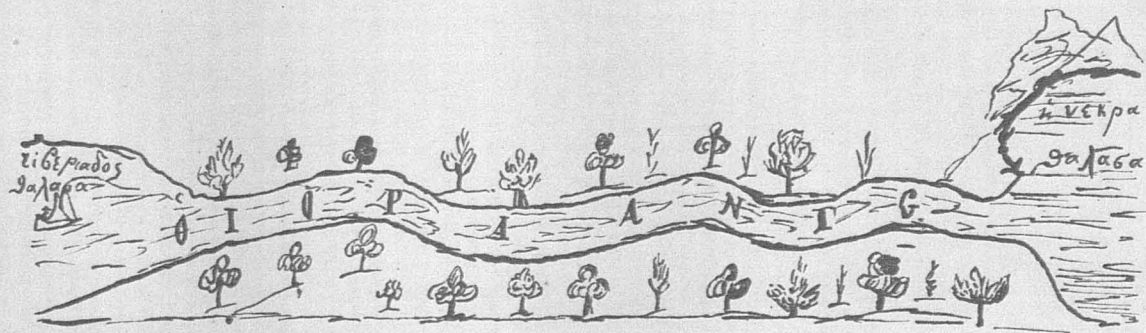

Фото-литогр. Н. Индутаго, Караван. № 16.

Иорданъ

сима; не хотяше бо насъ повести внутрь проводникъ, понеже вѣдыше обычай разбойниковъ, яко множицею тамо собираются на пощеваніе, ибо обитель авви Герасима есть пуста и раззоренна, токмо останки основанія и стѣны даже доселѣ стоятъ, въ нихъже овогда отъ дожда, овогда же отъ слонца къ препочиванію сокриваются. Поминувши же монастырь авви Герасима, паки равнымъ полемъ идохомъ единъ часъ, таже dospѣхомъ къ преблагословенной рѣцѣ Иордану. Проляся же тогда, Богу хотящу, дождь велій предъ восхожденіемъ денници и бистъ лійся даже до полудне, наполнишася же рублища наша води, аки губа, и промерзохомъ хладомъ дозѣла, яко невѣдахомъ, что себѣ творити, токмо подъ вѣтвями дресвь кріющеся сѣмо и овамо, притерпѣхомъ часъ онъ. Таже преставшу дождю, совлекохомъ рублища своя и омихомъся въ Иорданъ и урѣзахомъ себѣ жезли отъ древа, надъ рѣкою растущаго, благословенія ради, такожде и отъ води взяхомъ въ сосуди.

Иорданъ рѣка, въ ней же Господъ нашъ Исусъ Христосъ плотію отъ Іоанна Предитеча крестися, имать свое имя отъ двоихъ именъ сложенное: отъ Іоръ и Данъ, иже суть двѣ рѣцѣ, различнѣ текущія, и впадаютъ въ Тивиріадское море; оттуду не исходятъ двѣ, но едина токмо рѣка, и того ради именуется Иорданъ, яко отъ Іори и Дана начало свое имать. Течеть же Иорданъ зѣло бистрою струею, яко никогда же мнѣ не случися видѣти толь скороточной рѣки, яко едва человекъ стати въ ней до пояса погруженъ, съ нуждею можетъ погрузитися, не придержайся древа и что либо буди не можетъ; нѣсть же много шерока, ни глубока; въ широту же имать, яко десять сажней, егда разліется въ зимѣ отъ дождевъ, въ глубину же яко сажень и полъ; а вода сице къ питію сладка и здрава, яко человекъ

насититися ея не можетъ. Повѣствуютъ же Иерусалимляне, яко посредѣ лѣта умалается, яко преходятъ людѣ ногами объ онъ поль. Обоюду Иордана земля мокра, и зѣло много древесъ и трости раждаеть. Древеса сущъ различна, ихъ же нѣсть въ странахъ нашихъ, не подобни бо сущъ нашимъ древесемъ, токмо едина верба подобится, на коемъ древѣ повѣствуютъ, яко Иуда повѣсився; тростіе же растеть въ висоту вящше чети-рехъ сажней, въ толстоту же, колико рукою челоувѣкъ обяти можетъ. Иорданъ рѣка впадаетъ въ Мертвое море, си есть въ езеро Содома и Гоморра, и тамо кончается, понеже есть велико, и Богъ вѣсть, аще имать дно. Нѣ-щїи же глаголють, яко за Мертвимъ моремъ, въ пусти-ни, паки зѣ землѣ выходитъ и течеть далече. Обаче вѣ-роятнѣйше, яко отъ Содома далѣе не исходитъ, понеже и знаменіе зрится, гдѣ сладкая вода съ сланою сопро-тивляется. Разумно ти буди, благїй читателю, яко ни Тиверїадское море, ни Мертвое не совокупляется съ мо-рями, иже всю землю окружають и кораблѣ по нихъ плавають, но особнѣ сущъ, аки езера. Тивирїадское убо море сладку воду имать и риби разнїе внутрь, и есть благословенное отъ самаго Христа, Сина Божїя, и отъ Святихъ Апостоль, имъ же Христось показася по вос-кресенїи ловящимъ риби. Сего ради двѣ онїе вишше-писаннїе рѣци Иоръ и Данъ аще и впадаютъ въ море Тивирїадское, обаче не погибають, понеже сладкая вода, сладкой нѣсть противна, къ тому же и благословенна, и тако паки оттуду исходятъ, и бивають отъ двохъ малыхъ рѣка болшая Иорданъ. Мертвое же море имать воду нечисту, густу, слану, смердящу, къ тому же есть мѣсто казни грѣшнихъ людїй. Сего ради Иорданъ рѣка доздѣ токмо течеть, сквозѣ же его не проходитъ. До-здѣ о Иорданѣ. Обычай же ходящимъ на Иорданъ ити

нощю, а день тамо сѣдѣти между дресеси и тростми, понеже днемъ ходять сѣмо и овамо Арапи, и того ради отнюдѣ невозможно шествовати: не яко убиваютъ, или обнажаютъ—никакоже, но уловивше, безчестнѣ приводятъ въ Иерусалимъ къ судіи и той налагаетъ (аще за Гречина) вину на монастырь патриаршій таларей 50 за главу; аще ли же Арменинѣ, аще Римлянинѣ, или инѣ нѣкто, туюжде платитъ вину. Ми же тогда, по изволенію провождающаго Арапа, не ожидахомъ даже до нощи, но егда по облацехъ и дождѣ возсія солнечній свѣтъ, уразумѣ, яко вси разбойници разбѣгошася по весехъ, требованія ради пищи, ми же, не у еще бившу полудни, вооружившеся крестнымъ знаменіемъ и положивше надежду на невидимо насъ предъводящаго Бога, пойдомъ, и прешедшу яко часу единому, доспѣхомъ къ обители преподобнаго авви Герасима и внѣйдомъ внутрь, посѣщенія ради, но не видѣхомъ ничтоже цѣло, токмо останки монастыра и церкви, часть олтаря стоитъ списанна иконами Святыхъ, трапеза святая, на ней же совершашеся божественная литургія, обаленна лежитъ на земли, юже лобизахомъ съ поклоненіемъ, такожде и икони Святыхъ вселенскихъ церковныхъ учителей. Познаваетъ-же-ся, яко монастырь баше високою огражденъ стѣною и пирги на четири странни високи имѣлше; обаче отъ камене мягкаго, пѣсковатаго и некрѣпкаго созданъ баше, сего ради по многолѣтномъ заустѣніи обалися. Отстоитъ же отъ Иордана единаго часа хожденіемъ. Тамо преподобный Герасимъ сотвори чудо оно, еже въ житіи его пишется: Егда по пустыни ходяше, преподобный узрѣ лва, имущаго въ носѣ остъ терновень, его же иземщи, обяза платомъ струпъ его, за что благодарствующи, левъ до смерти преподобному служаше, таже и самъ при гробѣ его издше. Есть же и другій

монастырь, еще болшій, на брезѣ Іордана стоящъ, въ имя святаго Крестителя Господня Іоанна созданъ, такожде раззоренъ и пустъ. Иніе же многи монастыри бяху въ пустыняхъ и горахъ, ово отъ преподобнаго Савви Освященнаго, ово же отъ иннихъ преподобнихъ созданіе, обаче нинѣ вси пусты и раззоренни суть, токмо основанія пребиваютъ, едина токмо неусипаемая обитель преподобнаго Савви, неусипними его къ Богу молитвами, даже доселѣ процвѣтаетъ. Оттуду пойдохомъ спѣшно, и преклоняющуся слонцу на западъ, преидохомъ равное и внїдохомъ между великіе горы; внїдохомъ же въ единъ узкъ ровъ и, по совѣту провождающаго ны Арапа, сѣдѣхомъ даже зайде слонце, бояхомся бо шествовати днемъ, да не како нападемъ на нѣкихъ разбойниковъ и постраждемъ зло; вечеру же темну бившу поведе насъ инымъ далечайшимъ путемъ, но несумѣннымъ. Идохомъ же тогда зѣло спѣшно, нигдѣже нимало не препочивающе, даже до полунощи, и утрудихомся снце, яко едва нуждею уже ноги наша влачехомъ. Таже доспѣхомъ, аки къ райскому пристанищу, къ монастыру преподобнаго Савви и толкнувшѣ въ врата, возбудихомъ братію и игумена, и отверзше, прїяша ни внутрь съ любовію, и воскорѣ уготовше нѣчто варенное, укрѣпиша насъ снѣдію, и снахомъ, аки полумертви, до утра и утро даже до полудне. Одушася же ноги наша и разболѣшася снце, яко не могохомъ ходити, и препочивахомъ тамо четири дни, ничтоже работающе, таже возвратихомся паки въ Іерусалимъ и пребивахъ на мѣстѣ предреченномъ, въ монастырь святаго Архангела Михаила. Приспѣвшу великому посту, святія четиредсятници первой недели, по обычаю христіанскому, предъготовившися, причащася пречистихъ и животворящихъ Тайнъ тѣла и крове Господа нашего

Исуса Христа. Приспѣвшей же неделѣ Православной, паки давше мзду Агарянамъ, правовѣрніи христіане отверзоша Святіе Врата началствующей церкви Воскресенія Господня, и бисть парусія (си есть соборное служеніе) болшая, паче первыхъ и лѣпотнѣйшая, служаху бо въ то время божественную литургію и прочіи два архіепископи съ епитропомъ, си есть съ намѣстникомъ патріаршимъ, и осятиша единого отъ протосингеловъ въ архіепископа града, именуемаго Лиди, иже обрѣтается въ Палестинѣ, недалече отъ Іерусалима, и идѣже бисть отчество святаго великомученика Георгія, якоже свѣдѣтелствуется отъ житія и страданія его. Тогда служаху архіереи 4, іереевъ же вѣщше 30, а на литіи, еже есть на процессіи, вѣщше 40, бѣше діаконъ 5, иподіаконовъ же зѣло много, отъ нихъ же овіи свѣщи, овіи крести и патерици архіерейскіи и прочая церковная украшенія носяху; въ то время рипидь среброкованнихъ бѣше 9, патериць архіерейскихъ 4 и крестъ. По изшествіи же изъ церкви, званни тогда бяху вси поклонници въ монастырь патріаршій и угощенни трапезою честно. Минувшимъ же нѣколицемъ днемъ, Феврарія 23, паки ходихъ третицею къ обители святаго и преподобнаго Савви, послушанія ради монастырскаго, по прошенію игумена, понеже братій мало тамо обрѣтается, къ тому же немощни и стари, сего ради игумень нѣколько убогихъ поклонниковъ созва, помощи ради, идѣже и азъ бѣхъ, и пребивши тамо седмицу едину, паки возвратихся въ Святій Градъ.

Наставшей же неделѣ крестопоклонной, паки отверзоша Святіе Врата церкви Воскресенія Господня, идѣже и Гробъ Христовъ обрѣтается, и бисть соборное служеніе пресловутое и парусія избранная, еще болшая паче первыхъ, тогда бо бѣше вѣщше кандилъ и лам-

падъ возженнихъ и всякой утвари церковной. 4 бо тогда вышенисанніе архіепископи служаху божественную литургію, а пятого иннаго отъ протосингелъ освятиша архіепископомъ Газскимъ; самъ же епитропъ патріаршій крестъ святій отъ честнаго древа изнесе на блюдѣ среброкованномъ, позлащенномъ отъ божественнаго олтара средѣ церкви, и поклоняхуся вси христіане, любяюще съ вѣрою, страхомъ и всякимъ благоговѣніемъ, и бѣше въ то время рипидъ среброкованнихъ и позлащеннихъ 12 и патериць 5 и крестъ, иже носится предъ намѣсникомъ патріархи, діаконовъ бѣше седмъ, священниковъ же близъ 40, а на процесіи бѣше пятьдесятъ. И угощенни бяху того дне трапезою вси ходзѣе въ монастырѣ патріархіи. Послѣди, сѣдящу ми въ монастырѣ святаго Архангела съ прочіимъ множествомъ народа поклонниковъ, не могахъ потребъ моихъ молви ради творити, сего ради нужда ми бѣсть нѣкако уединитися, и отъидохъ, по соизволенію честнаго игумена, въ монастырѣ Святаго Креста третницею, и сидящи тамо на уединеніи 14 дній совершихъ потребу мою, и возвратихся паки въ Святій Градъ, на мѣсто первое. Въ единъ же отъ дній, согласившися азъ съ сожителемъ своимъ, иже бѣше отъ Сербіи, наяхомъ Агарянина, да поведетъ насъ во Горняя, поклоненія ради, понеже хадзѣе тамо на поклоненіе соборомъ не ходятъ, якоже на прочіе мѣста, но кто хоцетъ когда. Вина же сего двояка есть: 1) яко отчасти есть далече, тріехъ бо и четирехъ часъ хожденіемъ отстоитъ отъ Іерусалима; 2) яко Греки ничтоже тамо имуть, но вся въ рукахъ Римлянъ. Ми же отъ далечайшихъ странъ суще поклонници и болшее паче иннихъ желаніе къ посѣщенію имуще, согласихомся (якоже рѣхъ) и пойдохомъ пѣши, съ предъводящимъ насъ Агаряниномъ, и за два часа до-

Пещера Предтечи за Горней.

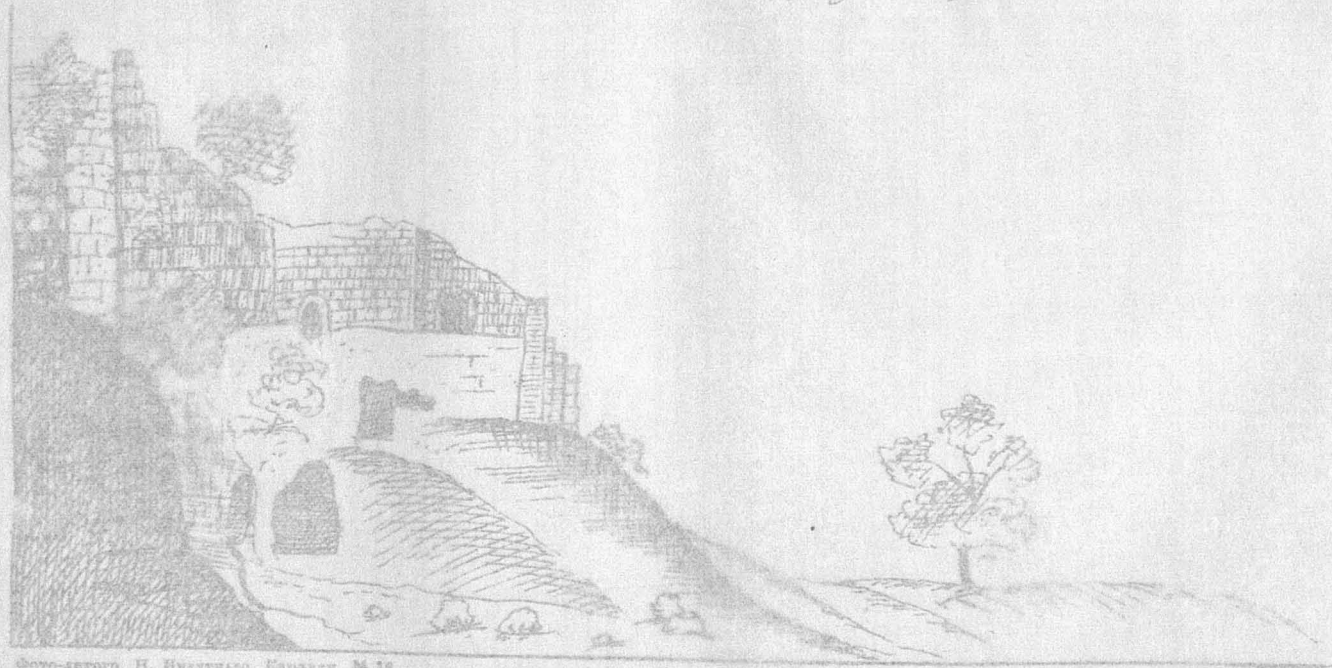

Фото-худож. Н. БИДУНОВА, КИЕВЪ. М 18.

Пещера Св. Иова Предтечи близъ Горней.

Ὁ ἁγῶνας δὲ προδρομὸν ἔχει ὀρθῶς.

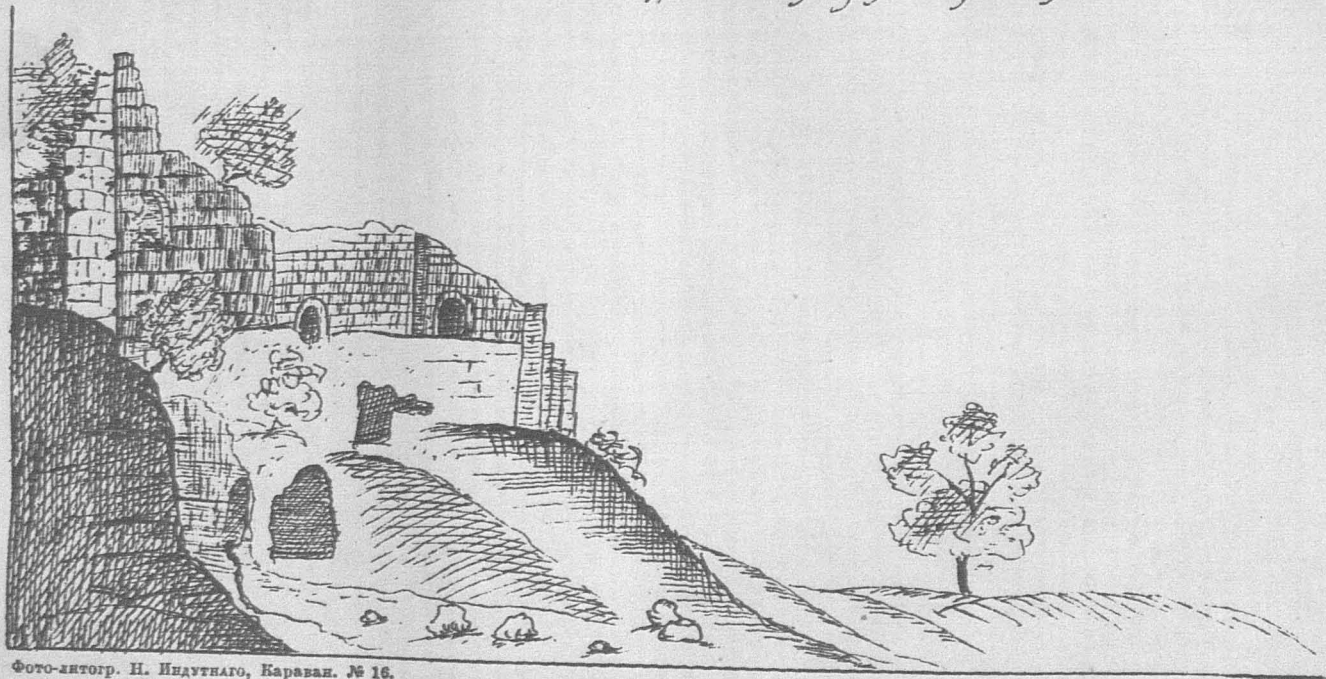

Фото-лиготр. Н. Ивдугнаго, Караван. № 16.

Пещера Св. Иоанна Предтечи близъ Горней.

спѣхомъ въ Горняя, идѣже бѣше иногда градъ, якоже свѣдѣтельствуеть божественное писаніе, нинѣ же мала весь обрѣтается и внутрь веси монастырь невеликъ, обаче зѣло лѣпотень, идѣже обитають Францѣшкане, Римскаго устава иноки. Созданъ же естъ на мѣстѣ, идѣже честній Пророкъ и Предитеча и Креститель Господень Іоанъ родися отъ неплоднихъ ложеснъ матернихъ и идѣже бѣше домъ Захаріинъ, и устрѣтесе Преподобная Дѣва Богородица съ Елисаветою и цѣлоуастѣся обѣ. Тамо ми не входяше внутрь, отъидохомъ первѣе къ скиту святаго Предитечи, идѣже отъ пеленъ матернихъ изшедше, пустынное и безмолвное препровождаше житіе, еже мѣсто отстоять отъ Горнихъ единымъ часомъ пѣшехожденія. Тамо пришедше къ единой горѣ великой, стоящей надъ ровомъ глубокимъ, обрѣтохомъ въ камени изсѣченну малу пещеру, идѣже постническую и ангелску святій Предитеча провождаше жизнь, одесную же пещери течеть прекрасній живія воды источникъ, иже молитвою Святаго къ препитанію отъ Бога даровася. Прежде бо даже не обитати тамо святому Іоанну, ниже вода бѣше, ниже бо удобно мѣсто бити водѣ, понеже високо стоитъ въ конецъ гори, обаче благодатию Божіею угоднику его даровася, аже и доселѣ течеть непрестанно и неоскудно. Верху же пещери стоитъ церковь, послѣди отъ челоуѣкъ въ память Святаго созданна, нинѣ же опустѣла и разоренна естъ, и древа, именуеміе акриди (еже естъ рожки Турецкіе) при пещерѣ растутъ, отъ его же вершія ядѣше святій Предитеча. Тамо ми поклоншеса мѣсту святому въ церквѣ и пещерѣ, и пивше отъ источника Предитечева благословенна, возвратихомся воскорѣ въ Горняя и идохомъ въ предѣреченній монастырь къ инокомъ Римскимъ, и отверстѣй сущей церкви, идохомъ внутрь и

поклонихомся съ вѣрою и говѣніемъ мѣсту оному, идѣже родися с. Предитеча. Мѣсто же оное сице прекрасно мраморомъ бѣлимъ и чернимъ съ искуснимъ сѣченіемъ и премудрымъ майстерствомъ осажденно, яко всякому дивитися дозѣла. Послѣди же званни бѣхомъ, по повеленію началствующаго, иже именуется гвардіанъ, и угостиша насъ, яко страннихъ, хлѣбомъ и виномъ, и возблагодаривше Богу и страннолюбцемъ и возвратихомся въ Іерусалимъ. Егда же наста день недели цвѣтной, бистъ парусіа краснѣйша и болшая паче всѣхъ первыхъ, о нихъ же прежде писахъ. Тогда бо бистъ кандиловъ елейнихъ возженныхъ безчисленное множество, сребрянихъ же, кристалнихъ и всяко различнихъ, не токмо бо Греки, но и Римляне, и Армени, и Копти, и Сиріяни, словомъ рещи, всѣ еретиковъ секти, внутрь великой Воскресенія Господня церкви обрѣтающіися, на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ вжегоша кандила и лампы и покрывами драгими. И красяшеся тогда церковь огненнымъ свѣтомъ, аки небо звѣздами, серебромъ же и златомъ и инними утварми церковными, аки молніями, и тогда воистинну въ церкви стояще, на небеси стояти мнѣхомся. Бистъ же вечерное и утреннее пѣніе дѣпое и неспѣшное и пѣвцевъ множество, и бистъ сладкое бденіе и недремливое стояніе тогда, найпаче же, егда начаша раздавати ваія, раздаваху бо сами архіереи отъ рукъ своихъ людемъ. Даяху же всякой душѣ ваію едину финикову и вѣтву маслину и крестъ, отъ листвія финикова съплетенній. И служаше тогда самъ епитропъ патриаршій и съ нимъ два архіепископи, священниковъ же еще болше, нежели прежде бистъ. Егда же, по оконченіи божественной литургіи, изійдоша на литію архіерей съ іеромонахи, іереи, діакони же, иподдіакони и съ всѣмъ народомъ христіанскимъ, тогда обхождаху ве-

Свѣтъ Предтечи.

Изображение Св. Предтечи, Казанск. № 16.

Свѣтъ

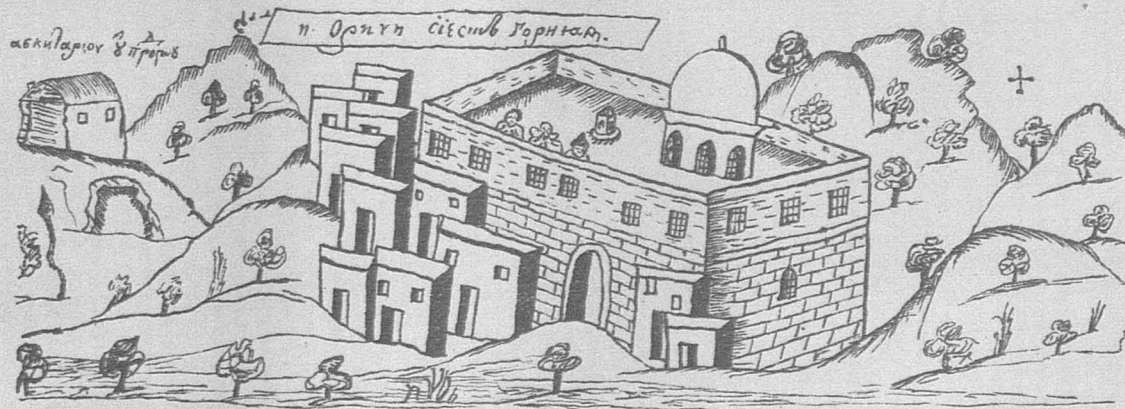

Фото-автогр. Н. Индугнаго, Караван. № 16.

Горняя

ликій олтарь церкви и гробъ Господень. Тогда явился много отъ сокровища церковнаго и предношаху хоругвь иконописанныхъ 10, лампадъ же великихъ, аки дреколіе, отъ чиста и бѣла снѣговидна воска сотворенныхъ, многое множество, рипидъ серебряныхъ и позлащенныхъ 15, іереевъ яко пятьдесятъ и вѣщше, діаконовъ бѣше близъ десяти, еще же ношаху на серебряныхъ блюдѣхъ три митри патріаршіе, среброкованніе и позлащенніе, и различными драгоценными каменми насажденіе, и бистъ празденство праздникомъ и торжество торжествомъ, шумъ же и вопль отъ пѣнія неизмѣримый, даже до небесъ досягающій. Греки бо въ великомъ соборномъ олтарѣ и окрестъ, Римляне же одесную церкве и Армени ошуюю, Копти же и Сиріяни создади, всѣ елико могутъ поютъ по преданію своему, наипаче же Римляне бездушнымъ своимъ органомъ всѣхъ гласи покриваютъ и заглушаютъ; Арапи же вѣри Греческой всегда на пренесеніи даровъ и на литіи частѣ повторяюще отъ всея крѣпости въпреки Римлянѣмъ вопіютъ: едина вѣра православныхъ христіанъ. Сиде же по вся годи творять, отъ ветхихъ временъ обикше. Тогда, по изшествіи изъ церкви, званни бѣху вси поклонници въ монастырь патріаршій и угощенни трапезою честно, якоже и прежде. Утру же бывшу, въ великій понеделникъ, отъидоша вси поклонници къ преблагословенной рѣцѣ Іордану, овии на конехъ, инии же на верблюдахъ, прочіи же на мескахъ и ослахъ и всяко, якоже кто изволи. Отъидоша же съ многими вооруженными, съ кошіями и хоругвами безчисленными. Се же того ради, да отъ пустынныхъ разбойниковъ безъ пакости сохраненни будутъ, иже окрестъ Іордана скитаются. Не токмо же Греки сами отъидоша, но и Римляне и Армене, и всякой вѣри люде, кромѣ Жидовъ, и бистъ

тогда народа до тріехъ тысящъ и вѣще собраннаго. Таже третіяго дне возвратишася въ Іерусалимъ, си есть въ среду. Заутра же въ великій четвертокъ, единъ отъ архіереевъ съ іеромонахи сотвори елеосвященіе ¹ въ патриархїи и помазаху всѣхъ путниковъ и прочте разрѣшительну молитву. Таже единъ отъ архіереевъ имѣяше служеніе соборное въ храмѣ святаго Апостола Іакова, Брата Господня, иже стоитъ внѣ великія церкви; по литургїи же божественной изійде архіерей съ двѣмнадцате священники предъ Святіе Врата Великія Церкви, на предъуготованное мѣсто, и по свѣдѣтельству Евангелїя, въ память Христову, якоже на Тайной Вечери ученикомъ своимъ сотвори, съвлекъ ризи своя и препоясався и уми всѣмъ двѣмнадцатемъ священникомъ нозѣ. Многому множеству народа предстоящу и смотрящу таковое архіерея благое дѣло. Заутра же, въ великій пятокъ, отверзоша Святіе Врата Агаряне, по мздѣ, и оставиша внїти внутрь всѣхъ страннихъ же и своихъ, Грековъ же, Римляновъ, Арменовъ, Сирїановъ, Колтовъ и Еѳіоповъ, многое множество народа отъ окрестнихъ странъ сошедшихся, и заключиша врата и не отверзоша даже до времени, въ онъ же является огонь отъ Гроба Господня въ великую субботу, и пояху вси на опредѣленномъ своемъ мѣстѣ правило, по обычаю своему и языку. Греки убо по преданїю Святихъ Отець ношаху плащеницу и надъгробное Христу пояху пѣніе, тогда же единъ отъ учителей малое поученіе къ народу повѣствоваше; Римляне же и Армени и прочїи по своему творяху обикновенїю. Римляне убо въ великій пятокъ въ полунощи, воставше отъ мѣста своего и облекшеся въ одежды своя священническія и клирическія, идоша первѣе

¹ Отъ слова „элеосвященіе“ до „единъ отъ архіереевъ“ въ подлинной рукописи утратилось.

на гору Голгоу, съ многими лампадами возженими и псалмопѣніемъ, носяще крестъ съ распятимъ Христомъ, отъ древа срѣзаннымъ, и вознесше на Голгоу поставиша, поюще свое правило яко часъ единъ. Таже единъ отъ иноковъ ихъ Францѣшкановъ, учитель сій, изійде на среду и повѣствоваше поученіе къ народу Италіанскимъ языкомъ, си есть Римскимъ общенароднымъ. По оконченіи же сняша съ креста икону Христову деревяну и положивше на плащеници, несоша съ Галгофи низу и положиша на мѣстѣ ономъ, идѣже Іосифъ съ Никодимомъ, снемши тѣло Христово съ креста, обви плащеницею, и тамо такоже подобнѣ пѣніе сотворише, повѣствова инъ учитель великое поученіе къ народу языкомъ Арапскимъ, на ползу Арапомъ, отъ нихъ же многихъ превратиша къ своей церквѣ. Послѣди же несоша икону Христову съ плащеницею и положиша ю верху Гроба Христова, и тамо третій учитель Гиппанскимъ нарѣчїемъ поученіе сотвори. Окончившимъ же всѣмъ ночное правило, угасиша вси кандила, яко ни единому нигдѣ же остатися. Обычай бо тамо есть отъ ветхихъ времянь сїце творити, понеже вси Христїане ожидаютъ новаго огня, иже является отъ Гроба Христова въ великую субботу о девятомъ часѣ дне по вся годи, егоже исповѣдуютъ и вѣрують Греки, Армени, Копти и Сирїане, и Еоиопи вѣри Греческой, едини токмо Римляне не вѣрують и глаголють, яко хитростію никако Греки творять, сего ради отчасти, неимуще откуда огня взяти, отчасти же въпреки Грекомъ творяще. Заутра въ великую субботу рано, прежде даже не возійти слонцу, предъ Гробомъ Христовимъ поставляютъ трапезу, украшенну сребромъ и златомъ и свѣщами многими въ служеніе божественной литургїи. Творять огнь новїи сїцевимъ образомъ: вземлетъ единъ отъ Римлянъ инокъ

камень и желѣзо и губу, или простѣ рекше, кресиво, и ударяетъ дважды или трижды и не могуши зажегги, отдаетъ Турчину и той зажигаетъ и биваетъ огонь, и зажигаютъ тогда свѣщи и литургисаютъ предъ Гробомъ Христовимъ, еже многообразнии народи видяще, посмѣваютъ. Особнѣ же азъ, хотяши увѣдати тайну, одинаго отъ законникъ ихъ вопрошахъ, почто сице творять? Отвѣствова ми, яко умершу Христу плотію, вся совершишася и ветхал мимоидоша, во воскресеніе же вся премѣнишася и нова биша, сего ради и ми новій (рече) огонь, нѣ сущу ветху, содѣловаемъ. Обаче паки приступаю къ повѣсти, яко по оконченіи оной литургіи абіе собирають вся и входятъ вси Римляне вѣнуръ обители своя и заключаются и неисходно пребиваютъ даже до явленія огня отъ Гроба Господня, отъ него же запалаютъ свѣщи вси Христіане и Армене и прочіе секти, обрѣтающіися въ великой церкви Воскресенія Господня.

О чудотворномъ огнѣ, являемомъ на Гробѣ Христовомъ и о еже како его воспріймуютъ христіане и въ кое время.

О огнѣ Іерусалимскомъ многи многая и различная глаголють словеса, нѣкая же и противная Богу. Нѣциі убо глаголють, яко огонь оній съ небесе съходитъ, иніи же отъ великаго усердія и неразсужденія рекутъ, яко нѣсть онъ огонь, но Духъ Святій, другіи же глаголють, яко не палитъ, прочіи же глаголють, яко палитъ, нѣциі же баснословятъ, яко до тріехъ лицъ, си есть, егда первый возжетъ отъ Гроба, другій же отъ перваго и третій отъ втораго, тріехъ человекъ не опалаетъ, аще и браду нанъ возложиши; четвертій же, егда возжетъ, опалаетъ его. Паки иніи повѣствуютъ, яко огонь оній, аки

живое сребро, на части маліе, кругліе, раздѣльшеся, вер-ху мрамора гробнаго движется, и нѣсть червленъ, но токмо синій, аки отъ сѣри возженій. Нѣпци же глаго-лють, яко пламеньъ великъ естъ, яко всей каплицы Гроба Христова наполнятися. Обаче Богъ вѣсть, кому вѣру-яти требѣ, никто бо можетъ вѣдати совершенно о томъ, кромѣ того, иже входитъ внутрь первій и воз-жегши износить, ниже бо не можетъ внутрь Гроба внйти въ часъ той, подъ великою и крѣпкою стражею, кромѣ патріархи, или безъ битія патріархи, иннаго архіерея, на мѣстѣ его служащаго. Обаче азъ, подъ со-вѣстію моею, тщательнѣй читателю, истинно ти вся и не-отмѣнно, якоже биваетъ тамо исповѣмъ и якоже азъ своимъ очима видѣхъ и увѣдахъ, никто же бо (мню) не имѣяше таковаго тщанія и испытанія отъ между толь тысящнаго народа путниковъ, якоже азъ.

О церемоніи огня Іерусалимскаго.

Заутра убо въ великую субботу, вси лампы и свѣщи, елико могутъ обрѣстися въ церкви, сами Турки съ иноки Греческими и Арменскими вся престоли и угли цер-ковніе горѣ и низу обходятъ и созирають, аще могутъ гдѣ каково либо буди обрѣсти свѣтило, и всюду угапа-ють; такоже и вси христіане, найпаче же Арапи, блю-дуть, да не како останеть гдѣ нѣкое кандило горящее. Таже обшедше вся, нѣпци отъ началнѣйшихъ иноковъ Греческихъ и Арменскихъ и погасиша вси кандила, обрѣтающіися внутрь Гроба, понеже Гробъ Христовъ естъ внутрь зданія, двое вратъ имущаго, внѣшніе и вну-трѣнніе, еже аки церковь мала стоитъ, съ главою (якоже предъ писахъ). Тогда народъ безчисленъ, отъ поклон-никовъ и Іерусалимлянъ, готовящеся съ великимъ говѣ-

ніемъ и усердіемъ, взлѣзающе на зданія и столпи церковніе и прицѣпляющесе другъ другу, едва на главу не возлѣзаше, и подавляхуса утѣсняющесе, всякъ хотя первій бити и первѣе отъ рукъ архіерейскихъ возжегти свѣщи. И азъ бо хотѣхъ потщитися и бити первѣйшимъ паче всѣхъ, но егда приспѣ время, едва не послѣднѣйшемъ быхъ. И весь народъ, руки подносяще, вопіяху: „Кирие елейсонъ“. Приближающему же осмому часу дня, уготова новій кандиль начальникъ великія церкви, наполненъ елеемъ, и понесе внутрь Гроба Христова не возженъ и постави его верху камене гробнаго, на зажженіе новаго онаго Святаго огня, егоже Греческимъ нарѣчіемъ именуютъ *Αἷον φῶς*, си есть Святый Свѣтъ. Бившу же яко полчаса осмому, прійде нѣкій отъ знаменитыхъ Турчиновъ и вшедши внутрь Гроба Христова, созираше, да не како кто утаится и сокріется тамо и да не оставеть нѣкое кандило непогашенно, таже изшедши, заключи врата и печатію утверди, и окрестъ вратъ пристави стражъ крѣпку, и не вхождаше къ тому никтоже.

О исхожденіи огня.

Абѣ же намѣстникъ патріаршій, не сущу тогда въ Іерусалимѣ самому патріарсѣ, съ священники же и діакони и съ всѣмъ причтомъ церковнымъ, облекошася въ одежды священническія и егда огласи осмь часовъ, тогда весь освященный соборъ стояше внутрь великаго олтаря и ожидаше знаменія. Знаменіе же сицево есть: егда узритъ весь народъ нѣкое кандило, внѣ гроба въ церкви запалемое, и самъ узритъ патріархъ или намѣстникъ его, тогда разумѣютъ, яко и внутрь Гроба Господня огнь есть несумѣнно; всегда бо, на всякъ годъ или пять,

или четири, или два, или поне едино запалѣются, обаче не горятъ, токмо просвѣщаются, аки пламенемъ огненнымъ, отъ нихъ же и азъ три кандила видѣти сподобихъся, два убо бяху мало блещашеся и по малѣ погасоша, третіе же, егда запалися изначала, пламенемъ велимъ горяше зѣло прекрасно дотолѣ, донелѣже не погаси панамарь. Узрѣвши убо намѣсникъ патріаршій просвѣщаемія кандила святымъ онимъ свѣтомъ. не рукокошнѣ, такоже и вси людіе, абіе изійде съ всѣмъ священнымъ соборомъ и творяху обхожденіе окрестъ каплицы Гроба Христова, поюще: „Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангелы поютъ на небесехъ“. Обшедше же трижды священници вси возвратишася въ великій олтарь, митрополитъ же, намѣсникъ патріаршего престола, Турчину отрѣшившу печать и отверзшу двери внутрь Гроба, съ свѣщами невозженными ввійде. Стояху же нѣколько иноковъ, младихъ и силнихъ крѣпостію, уготовльшеся взяти архіерея Господня съ святымъ свѣтомъ и принести къ олтару, понеже аще не би било сиче на всяко лѣто, народъ удавили биша архіерея единого. Вкупѣ же съ архіереемъ Греческимъ и архіепископъ Арменскій ввійде внутрь, обаче ничтоже не дѣйствуетъ, токмо зрѣтъ чудотворимое и стоитъ за первыми врати внѣшними, при камени, иже отваленъ есть отъ гроба, архіерей же Греческій въ внутреннѣйшіе входитъ врата, идѣже есть Гробъ Христовъ мраморенъ, и тамо, не вѣмъ како и каковымъ образомъ, запалѣетъ свѣщи многи и даетъ единъ связенъ свѣщъ отъ руку своею Арменскому архіепископу, таже износитъ вонъ къ народу. Сиче о сокровенныхъ слышимъ. Обаче да приступлю къ повѣсти начатой. Тогда митрополитъ Греческій, вшедши внутрь Гроба, замедлѣ яко чрезъ двое „Помилуй мя Боже“, таже изійде ко народу, въ десници и въ шуйцѣ многіе

запаленніе свѣщи носяще, и абіе похитивши иноки архіерея своего, несяху предъ великій олтарь, Армене же, похитивши своего, несяху къ своей церкви, и абіе всею силою возринуся народъ на архіерея Греческаго, наипаче же отъ странныхъ и далекихъ пришелцовъ, и сотворися мятежъ и вопль великъ, всякъ бо простираше рудъ къ архіерею и угнѣташе другъ друга, и отрѣваше, и скакаху на плещи одинъ другому, и всякъ хоташе отъ самага архіерея засвѣтити своя свѣщи; и тогда, хто силнѣйшій, той и первій бяше, ктоже немощнѣйшій, той послѣдній бистъ. Запали весь народъ своя свѣщи, нѣщи отъ самага архіерея, инни же другъ отъ друга, обаче едина сила и благословеніе отъ всѣхъ воспріймуеться. Архіерея же внесоша внутрь олтаря ели жива отъ угнѣщенія всенароднаго, и тамо препочивши, мало укрѣпися. Бистъ тогда церковь вся полна пламене огненнаго и зряшеся, яко рѣка огненная текущая, или аки пламенноносніи херувими, лѣтающіи во храмъ Господнемъ, отъ него же страхъ и радость неизглаголанная пронзаше утробу человѣческую, и бистъ торжествованіе въ народѣ и удивленіе многое. Мало же подержавши свѣщи, погасиша, понеже всякъ путникъ оніе свѣщи въ свою странну несетъ на благословеніе. И возжегше кандила серебряная отъ огня онаго въ великомъ олтарѣ и на Голгоѣѣ, начатъ епитропъ, съ всѣмъ освященнымъ соборомъ, пѣти божественную литургію, и тогда еще нѣкая кандила невозженная просвѣщахуся свѣтомъ, аки горѣти мняхуся, едино же зажжеся пламенемъ совершеннымъ и горяше чрезъ всю божественную литургію, послѣди же изшедъ понамаръ погашати кандила, тогда и тое погаси, невидѣвшу мнѣ; а еже яко не вжегомо бѣ, но само сожжеся, сіе азъ своимъ видѣхъ очима и тогда утвердихъ маловѣріе мое, ибо аще отъ-

внѣ въ время то сице нерукокоснѣ чудотворится, то колми паче внутрь Гроба (аще и никто же видитъ, кромѣ архіерея), требѣ всякому вѣровати, идѣже пречистое и пресвятое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа положенно бистъ, и благодатъ Божая присно пребиваетъ. Аще бо Богъ, иже Израилтяномъ во пустыни отъ камене воду источи, и весь свѣтъ и яже въ немъ отъ ничесого же сотвори, то не можетъ ли Тоижде въ животворящемъ Своемъ Гробѣ (въ немъ же, яко чловѣкъ, плотію уну и яко Богъ воскресе) показовати и являти чудотворнїй огнь, на славу и похвалу правовѣрному христіанскому роду? И аще рекутъ противнїи, яко прежде являшеся, нинѣ же, грѣховъ ради людскихъ, преста, на то да отвѣтствуимъ, яко аще и грѣси людстїи умножишася, обаче благодатъ и сила божественная, присутствующая въ Христовомъ Гробѣ, не умалися, но единаче, якоже и сперва, и нинѣ пребиваетъ и до скончанїя вѣка пребудеть; а еже глаголють паки, яко архіепископъ Греческїй нѣкако притворнѣ и хитростнѣ обрѣтаеть огнь, на сіе отвѣтствую азъ, яко аще би и сице било (еже да не оставитъ Всемогущїй Богъ сицевому злотворенїю обрѣстися въ вѣрѣ нашей), унше есть вѣровати, нежели не вѣровати, вѣруяй бо лгущему на похвалу Божїю, грѣха не имать ни мало, лжай же, аще и на похвалу Божїю, грѣхъ тяжестенъ имать. Тѣмъ же болѣзнъ невѣрїя и лжи врага нашего да обрѣтается на главѣ его, и на верхъ его неправда его да снїдетъ, ми же благодаримъ дивно во Троицу прославляемаго Единаго Всемогущаго Бога, сподобившаго насъ слїшати и видѣти таковое чудо. А еже глаголють многїи отъ Грековъ, яко не опаляетъ чловѣка и нѣстъ, якоже естественнъ огнь, но свѣтъ, аще убо билъ би токмо свѣтъ, а не совершеннїй огнь, убо просвѣщаль би точїю, а не

жегль; азъ же видѣхъ и искусихъ, яко нетокмо мене грѣшнаго, но и иннихъ многихъ добродѣтелнихъ мужей опалаетъ, аще кто прикасается ему тѣломъ своимъ; аще же би кто таковій обрѣстися возмогль, его же би не жегль оній огнь, оттуду не можемъ глаголати, яко огнь неопалый и преестественъ есть, понеже не отъ сили огня чудодѣйствуется, но отъ Бога, добрихъ ради дѣлъ и вѣри мужа онаго. Сиче убо и дѣтемъ Еврейскимъ въ Вавилонѣ иногда пламень печній естественній преестественнѣ сила божественная на хладъ преложи и тріехъ отрокъ не опали. Паки, аще би не жегль оній огнь, то билъ нѣкій свѣщше божественъ, въ немъ же иногда Боговидецъ Моисей въ горѣ Синайстей видѣ купину горящую и несогаряемую, и кто убо би смѣлъ, (рци ми), не глаголю прикоснутися, но възрѣти нанъ отъ насъ грѣшнихъ, въ смердящомъ семъ тѣлеси окалнная провождающихъ житіе? Аще убо праведній Моисей, божественій и преестественній оній огнь тѣлеснима и естественнима видѣти сподобивійся очима, гласъ страшенъ отъ Бога слышавъ сиче: „иззуй ремень сапогу твоею, мѣсто бо, на немъ же стоиши, свято есть“, то како би ми грѣшніи могли прикасатися ему, съ таковимъ безъстрашіемъ и безчиіемъ тиснущеся, яко едва архіерея Божія не угнѣщаемъ? Паки, аще би билъ огнь неопалній, то како свѣщци отъ него запалюемъ и воскъ растопнѣваетъ, фитили же горяще очернѣвають и въ пепель обращаются, и кандила въ церкви отъ тогожде огня запалюють, отъ нихъ нѣкая неусипно чрезъ весь годъ горять, якоже надъ гробомъ Христовимъ и на Голгофѣ. Паки, аще би билъ не якоже естественній огнь, то едва би въ тысящнихъ народѣхъ единъ удостоился видѣти или коснутися его, въ церквѣ же Іерусалимстей единъ другому подаваетъ и другъ отъ друга засвѣщаетъ свѣщци, и елико

добродѣтеленъ, толико и грѣшенъ и грѣшнѣйшій прикасается и равно участникомъ биваетъ; не токмо же правовѣрніи христіане, но и Армени, и Копти, и Сиріане равно и одиначе воспріймуютъ и вси вжигаютъ свѣщи отъ огня онаго. А еже нѣщии неразумніи глаголють, яко сходитъ съ небесе, ни се есть истинна, аще убо нисходилъ би съ небесе, убо билъ би небесній, преестественній, неопалній, но якоже не едино отъ сихъ не имать въ себѣ, довлѣеть убо всякому вѣровати, аще и естественъ есть, обаче безъ прикосновенія руки челоуѣческой верху Гроба Христова на мраморѣ является, и прежде даже ему не явится, кандила церковная внѣ Гроба всѣмъ видящимъ иная мнятся, яко свѣтитися, иная же запалются и погасаютъ, иная же зажегшися, елико елея въ кандилѣ довлѣеть, горять. Довлѣеть убо намъ нинѣшнихъ вѣковъ таковое чудо, и ниже сего достойни есми видѣти. Но приступѣмъ къ повѣсти. По окончаніи убо божественной литургіи, христіане зѣло радовахуся, благодаряще Бога, яко получиша желаемое, понеже поклонники не иной ради вини даже до Воскресенія Господня медлятъ въ Іерусалимѣ, токмо чудотворнаго ради онаго и освящающаго пламене, иже отъ мрамора гробна въ великую субботу, въ девятой часъ дне, является. Пребыва же вси поклонники неизменно въ церкви даже до дне Воскресенія Господня, стояще на всенощномъ бденіи и утро на божественной литургіи. Служаше же самъ намѣстникъ патріаршій съ всѣмъ освященнымъ соборомъ лѣпо, якоже и прежде. По окончаніи же служби Божой, въ свѣтлій день Воскресенія Господня, изійде весь народъ вонъ и заключиша Агаряне врата святая двѣма ключама и печатію, якоже и прежде. Званни же абіе бяху отъ иноковъ, повелѣніемъ епитропа, вси поклонники въ монастырь патріархію и учрежденни бша.

послѣднею обаче изобилною и мирскою трапезою, заклаша бо ихъ ради 40 овецъ, кромѣ иннихъ вареній и сотвориша пированіе со тимпанн и труби и съ многими честными поздравленіи и привѣтствіи, благодарствоваше самъ намѣстникъ патріаршій за трудолюбіе и милостиню, юже сотвориша мѣстомъ святымъ. Бяше же душъ ядущихъ яко 400 и вящше, и ядоша вси и наситишася до изобилія и яко избыткомъ остатися многимъ, на няже нападше Арапи христіане, вся та расхитиша въ мгновеніи ока. Пребиша же въ Іерусалимѣ поклонници даже до Өоминой неделѣ, предъуготовляющеса на путь и отслаша Свѣтлой седмици вси свои вещи въ Іюпію, сами же обхождаху и посѣщяху нѣкіе мѣста святіе, ихъ же не посѣтиша прежде, иніи недуга ради, инніи же нѣкаковаго дѣля препятія. Тогда убо и азъ посѣщяхъ домъ Давидовъ и Горняя. Домъ Давидовъ стоитъ близъ первоначалнихъ вратъ града, путь имущихъ къ Хеврону, ихъ же иніи именуютъ врата Давидови того ради, яко близъ дому Давидова стоятъ, Аравн же именуютъ врата Хевронскіе. Полати Давидови суть на столпѣ толстомъ и високомъ, отъ каменей великихъ зданномъ. Суть же и инніе подобніе ему два столпа, стоящіе едынъ одесную и едынъ ошуюю; стоятъ же въ стѣнѣ градстей и окрестъ ихъ ровъ глубокъ содѣланъ, отъвнѣ и внутрь града чрезъ ровъ же къ полатамъ мостъ утверждень къ переходенію, идѣже нинѣ Турки крѣпость и защищеніе граду содѣлаша и наполниша арматами и иними орудіями бранными. О Горнихъ же прежде писахъ. Приспѣвшей убо Өоминой неделѣ, отверзоста Агаряне по мздѣ Святія великія церкви Воскресенія Господня врата еще съ вечера. и пребиша тамо на ноцномъ пѣніи и утро на божественней литургіи и воздавши послѣднее поклоненіе и цѣлованіе Пречистому и Животворящему.

Гробу Христову и прочимъ святимъ мѣстомъ, обрѣтающимся внутрь храма; изшедше же изъ церкви, уготовашася на путь и всякъ себѣ наять скота. Заутра же, въ понедѣльникъ по Фоминой неделѣ, рано, всѣдше на кони, мески, верблюди же и осли и всяко, якоже кто можаше, убогій же пѣше ходяще, отъидоша вси отъ различныхъ вѣръ поклонници отъ святаго града Іерусалима въ Юпію къ пристанищу морскому, идѣже доспѣша третіяго дне. Бистъ же тогда всего народа отъ Грековъ, Римлянъ, Арменъ, Коптовъ же и Сиріановъ яко три тысячи и вѣщше, и помощію Божіею благополучнѣ преидохомъ, кромѣ всякой пакости, а не якоже прежде, понеже бистъ съ нами знаменитій папа, съ множествомъ воевъ провождаѣй насъ, сего ради ничтоже пустинніе Еѳіопи не смѣяху путникомъ пакости творити, токмо подобнѣ, якоже и прежде, въ Рамѣ и въ Юпіи данъ вси дадоша. До здѣ о посѣщеніи святаго града Іерусалима. Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онимъ, яже въчеловѣчившися Самъ своимъ Пречистимъ Тѣломъ и Пресвятимъ Духомъ освяти. Еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ правовѣрныхъ христіанъ, отъ всего сердца желающихъ дойти и поклонитися тамо, еже всесилною Его помощію буди, буди. Аминь.

Пребывшимъ убо намъ въ Юпіи нѣколько днѣй и сущимъ на пристанищи кораблемъ многимъ Французскимъ, въ различніе странни плывущимъ, тогда всякъ отъ поклонниковъ въ свое отчество отплы: инніе въ Константинъ градъ, инніе въ Солунъ, прочіи въ Кипръ островъ, нѣціи же въ Египеть, друзіи же въ Анатолю, и всяко, идѣже кто требоваше, седмици оная разлучишася. Азъ же еще прежде имій желаніе и попеченіе отъити, по-

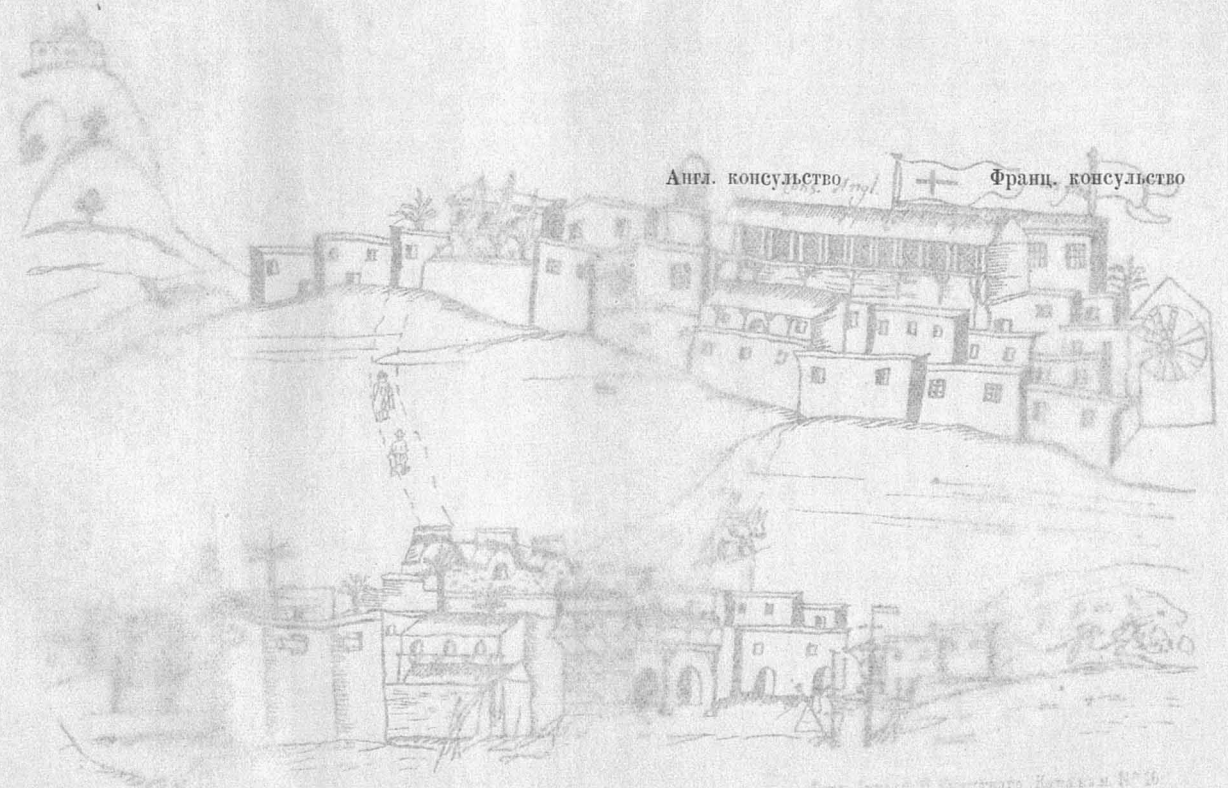
клоненія ради, въ гору Синайскую, и обрѣтъ корабль, пловущъ къ единому граду знамениту, именуемому Дамята, отстоящему близъ Египта, на пристанищи морскомъ, всѣдохъ въ онъ съ прочими, Априля 17, минувшей седмици по изшествіи изъ Іерусалима. Наченшу же кораблю шествовати, одинаго дне пловохомъ вѣтромъ помощнимъ, втораго же дне явися вѣтръ противенъ и уже приближающимся къ пристанищу Дамяти, несяше корабль воспятъ. Нехотящимъ же возвращатися, пловохомъ сопротивляющесе сѣмо и овамо шесть днѣй. Видящи же началникъ корабля, яко вѣтръ день и ночь единъ пребываетъ, къ тому же оскудѣ нѣкимъ пища, такожде и вода возсмердѣся, сего ради, по совѣту его и всѣхъ, пустихомся въ островъ Кипрскій, купленія ради хлѣба и почерпенія воды, понеже тамо вѣтръ гоняше. Пловохомъ же еще четири дня и едва нужно достигохомъ пристанища Кипрскаго. Богъ же вѣсть, какову ю нужду претерпѣхомъ, піючи смердящую, еще и ту ю не довольно, но отъ своей води началникъ корабля подаваше всякому малою мѣрою, юже не токмо пити, но принести къ устому или къ носу нужда бистъ. Таже Априля 26 приспѣхомъ къ Кипру, къ граду Лемесу.

О пришествіи моемъ вторицею къ Кипру острову.

Видящи азъ, яко Богъ тамо, идѣже не хотѣхъ, принесе мя, отгуду уразумѣхъ, яко ищеть отъ мене, да должное святимъ мѣстомъ, въ Кипрѣ обрѣтающимся, воздамъ поклоненіе. Сего ради, давши мзду за мя, оставихъ корабль плисти въ свояси, азъ же останахся, совокуплшися съ единымъ іеромонахомъ Діонисіемъ святогорцемъ, азъ поклоненія ради, онъ же милостини ради на монастырь и поклоненія. Есть же мѣсто то,

идѣже ми пристахомъ, рекомое Лемесо, еже есть малъ градъ, и аще зданія мало лѣпотна суть, понеже отъ цинфѣ блатянихъ, не паленихъ жиждемая, но на равномъ, веселомъ же и мягкомъ полѣ, при брезѣ морстемъ стоитъ, идѣже древесъ акриднихъ, си есть рожковъ турецкихъ, внутрь же и окрестъ града древа много садовнаго, отъ финиковъ, лимоній, помаранчовъ. роидовъ и древа шелковаго изобиліе, такожде и маслиннаго и фиговаго, хлѣбъ же и вино и вся вещи на малой цѣнѣ продаются. Тамо замедлѣвше 4 дни, отъидохомъ на мскахъ къ первоначалному граду Кипрскому, рекомому Левкосія, Мая 1, и dospѣхомъ тамо третіяго дне, идѣже идохомъ первѣе къ архіепископу всего Кипра, иже есть тамо въ великой чести, и давши намъ свое архіерейское благословеніе, отсла насъ на малое пребываніе въ гостиницу, при храмѣ святаго Антонія стоящую, яже иногда бѣше монастырь, нинѣ же мирская церковь. Премедлихомъ же тамо нѣколики дни и посѣщахомъ вси церкви града и монастыри. Левкосія градъ въ островѣ Кипрскомъ есть первоначалній и болшій, понеже тамо властелинъ Турецкій, всѣмъ Кипромъ обладай, обитаетъ, и первенствующій архіепископъ христіанскій и вся суди тамо совершаются. Бѣше же иногда градъ зѣло прекрасенъ, егда обладаху Венети, Венецкаго бо есть не простаго зданія, якоже отъ стѣнъ градскихъ и отъ ветхихъ основаній домовъ, мало оставшихся, познавается, найпаче же отъ повѣсти народа. Егда же Агаряне, чрезъ брань, Божіимъ поущеніемъ, взяша въ своя руцѣ, опустошиша вся и раззориша доми и прекрасіе палати до основанія, отъ нихъ же нѣкіи останки зданій и церковь даже доселѣ обрѣтаются, иже бяху лѣпаго строенія, найпаче же обрѣтается даже доселѣ церковь святія Софіи, велика и зѣло прекрасная, отъ камене рѣзан-

наго зданна, яже издалече внѣ града зрится; нинѣ Турки превратиша ю на свой мечеть, идѣже собирающесе молитву дѣють, и нѣсть христіянину волно внйти внутрь. Сего ради, ниже азъ могу явити красоти ея внутрѣныя, токмо слисахъ отъ христіянъ майсторовъ, иже нѣкоего времени потреби ради зданія, повелѣніемъ Агарянь работаху внутрь, яко зѣло лѣпа есть. Нинѣ же, верху основаній ветхихъ каменныхъ, вси доми суть зданіе отъ плинфѣ блатянихъ, непаленнихъ, внутрь же варомъ побѣленнихъ. Тамо вси началѣйшіе и богатііе людіе и купци обитають, болше же Турковъ, нежели христіянъ, обрѣтаютьжеса Римляне и Армени. Церковъ христіянскихъ внутрь града всѣхъ суть 9, прочее же все турецкіе мечети, иже отъ святыхъ церквей превратиша; монастыра нѣсть ни единого Греческаго внутрь, Французскій же единъ и едина Арменская церковь. Прочее градъ отъвнѣ стѣною есть крѣпокъ и лѣпотенъ, внутрь же зданія не весма лѣпотна, токмо отъ множества древа садовнаго зѣло прекрасенъ, издалече аки нѣкій вертоградъ зрится, понеже всякъ домъ иматъ свой садъ отъ лимоній, помаранчовъ, яблочь и прочіихъ различныхъ древесъ, найпаче же отъ финикъ изобиліе многое. Градъ оній иматъ три врата, съ стражею, и по стѣнамъ града армать нѣколко, окрестъ же града окопанъ ровъ, иже во время дожда наполняется води. Стоитъ же на полѣ равномъ, низу, окрестъ же обстоятъ гори високіе издалече, и иматъ воду, текущую отъ горъ, внутрь изобилну, отъ нея же вси вертогради напаяются. Тамо ми пребихомъ 10 днй, и оттуду, Мая 13, прійдохомъ до Ларнаки, иже есть мѣсто недалече моря стоящее. Ларнака нѣсть градъ, ниже весь, но мѣсто близъ брега морскаго стоящее, идѣже обитають консули Французскій и Ангелскій, управленія ради и сужденія своего люда, по морю

Англ. консулъство

Франц. консулъство

Фиг. 10. Видъ на Копенгагенъ изъ моря.

Алигесъ и Ларнака.

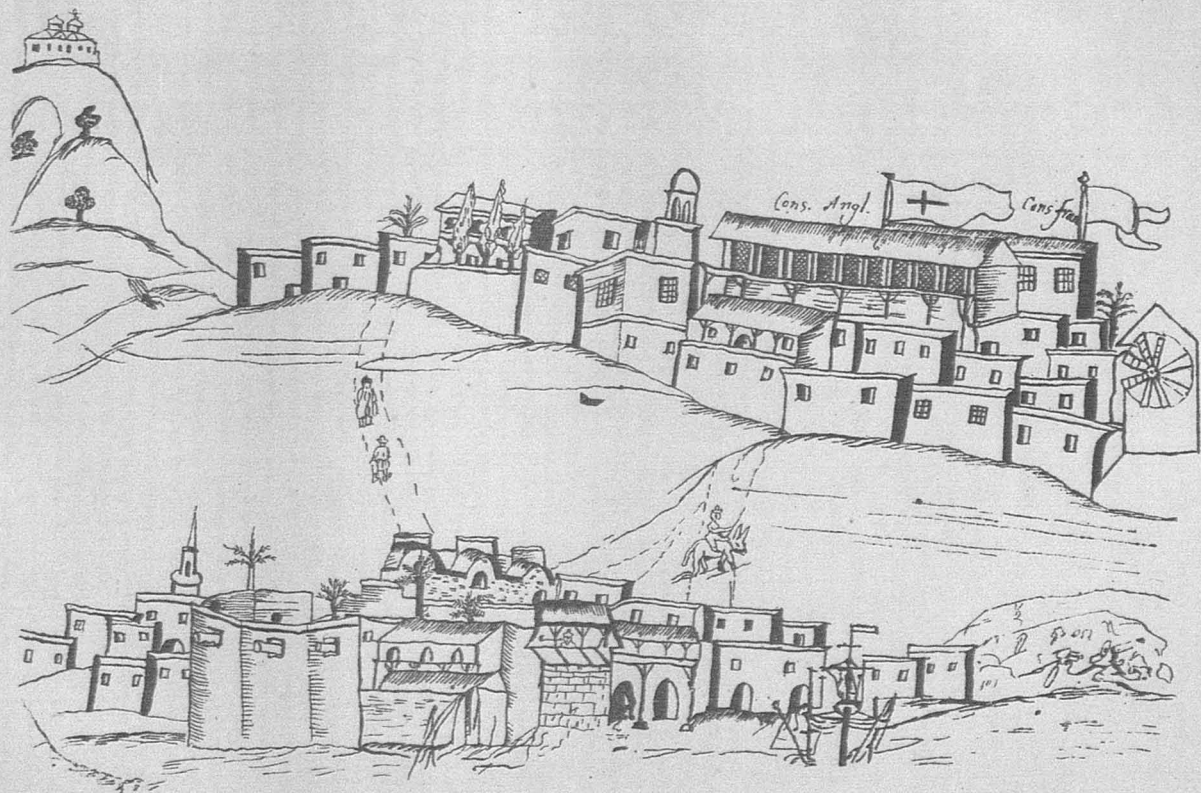

Фото-Ляггоръ И. Имлутичаго, Караванъ № 16.

Аликесъ и Ларнака.

кораблями приходящаго. Есть же близъ Ларнаки инное мѣсто, рекомое Аликесь, на самомъ брезѣ при морѣ стоящее, еже есть пристанище кораблемъ, идѣже припливаютъ кораблѣ отъ различныхъ странъ, Французскіе, Ангелскіе, Турецкіе и прочіи и привозятъ товары, яже требуетъ Кипръ, отъ Кипра же взаимъ иніе взимають товары и развозятъ въ своя странни, яко то: вино, сирь, масло, медь, рожки турецкіе, фарби, родяшіеся въ Кипрѣ, и прочая. На пристанищи ономъ обрѣтается храмъ святаго Лазаря, великъ и високъ, крѣпкимъ иждивеніемъ сооруженъ, якоже нѣкая царская палата; о немъ же не ложно повѣствуется, яко созда святій Лазарь, оній, его же Господь нашъ Иисусъ Христосъ по четвертомъ дни умертвія его въ Виѳаніи воскреси отъ мертвихъ. Къ тому же лучшее имами свѣдѣтельство, яко въ томъже храмѣ, въ великомъ олтарѣ, внутрѣ въ земли, яко насажденъ глубоко есть гробъ, аки мала пещера изрять, въ немъ же бяху положенни мощи с. Лазаря, егда успе вторицею, по епископствованіи своемъ въ Кипрѣ (якоже отъ житія его свѣдѣствуется). О мощехъ убо не слышашъ, гдѣ обрѣтаются, гробъ же и до нинѣ въ церкви есть, въ чести и почитаніи христіанъ. Ларнака отъ Аликесь отстоитъ яко полпоприща, и сего ради, яко едино населіе есть, людіе бо непрестанно сѣмо и овамо, потреби ради, проходятъ; обаче въ Ларнацѣ все суть знаменитіи людіе и вѣщше домовъ и церковь три, въ Аликесь же токмо едина церковь святаго Лазаря; обаче обрѣтаются и здѣ и тамо прекрасніе палаты, наипаче же консуловъ и купцевъ Французскихъ. Есть же въ Ларнацѣ едина церковь Французкая и монастырь францѣшкановъ, иноковъ Римскихъ. Близъ же Аликесь суть двое езера, имущіе воду слану, идѣже раждается соль бѣла и чиста; обаче отъ христіанъ никто же обла-

дають ими, токмо Турки, но и тїи закупующе, дань дають царевѣ. Мѣсто оное стоитъ на равномъ и веселомъ полѣ, но садовъ мало, лѣса же ничтоже; не весьма же далече, яко двою или трію часу хожденія, гори обстоятъ и отгуду древа лѣсовніе къ паленію имуть. Води доброй мало обрѣтается, вина же и хлѣба, и елея, и всего довольно. Недалече же пристанища, рекомаго Аликесъ, отъ странни западнія, отстоитъ гора висока, яко четырехъ часъ хожденіемъ, верху оной убо гори обрѣтается монастырь Святаго Креста, его же святая Елена царица созда. Но о семь послѣди ясно изявити потщуся. Поклонившеся убо ми тамо гробу святаго Лазаря, и пребихомъ тамо даже до оконченія мѣсяця Мая, творяще своя потреби. Таже, Іюня втораго числа отъидохомъ паки къ Лемесу пристанищу, о немъ же предъ писахъ, идѣже пребивши мали дни, отъидохомъ, Іюня 13 ¹, числа, въ понедѣлокъ, къ монастыру, иже именується Панагіа ту Кикю, поклоненія ради, иже отстоитъ двою днію хожденія отъ Лемесо, между великими горами, во пустыни. Ми же шествующе медленно, доспѣхомъ тамо третіяго дне; прїятїи же бихомъ (не сущу игумену) братією честно и премедлихомъ тамо гостяще цѣлую седмицу, лѣпоты ради обители и мѣста святаго. Монастырь онїи именуется отъ инихъ Кикось, а отгуду Панагіа ту Кикю, си есть Богородица Киковская, есть зданіемъ невеликъ, но строеніемъ и расположеніемъ изряденъ, весь отъ камене зданъ, покрови же на основанїи древяномъ керемидніе, сп есть отъ черепици; зданіе токмо двоихъ степеней, единъ верху другихъ устроєніе суть. Церковь тамо особнѣ стоитъ, не весьма велика, но лѣпотна, имущая едину главу, возвишенну горѣ, съ окнами, толика же есть мѣрою въ широту, елика въ долготу, внутръ вся списанна иконами Святихъ. Тамо въ храмѣ обрѣтается една

¹ Въ 1727 г. Поведѣльнигъ приходилъ 12 Іюня. *Ред.*

икона Пресвятія Дѣви Богородици, именуемая Одигитрія, держащая на правици Господа нашего Іисуса, яко младенца зѣло умиленна, сицевимъ образомъ ¹. Ея же исписаніе не зрится,—вся покровенна есть, кромѣ лица, среброкованною шагою. Чудотвореніемъ отъ ветхихъ временъ—даже до нпнѣ—прославляемая; предъ нею же на всякъ день иноци молебній канонъ поютъ. Не токмо же Кипрьскій народъ, но и окрестніе далекіе странни въ велицемъ почитаніи икону ту имуть. Церковь есть расположеніемъ троепрестолная, входовъ же вратнихъ 5 имать; трапеза верху келій и зданій високо стоитъ, идѣ же иноци пищу ядятъ. Монастирь оній нужди и дани великой отъ Агарянь не имать, и крести верху зданія церковнаго водруженни имать, еже есть веліе въ Турецкой земли; се же отчасти того ради, яко стоитъ въ пустыни, между великими горами, уединенъ отъ градовъ и народа, найпаче же, яко благодать и призрѣніе Препоблагословенной Дѣви Богородици присно пребиваетъ тамо. Обитель она стоитъ зѣло въ великой пустыни, на мѣстѣ високомъ и прохладномъ, и благопріятномъ, и весма къ иноческому уединенному житію приличномъ. Воду, потреби ради монастырской, отъ дожда собираемую въ кладязяхъ имуть, къ питію-же есть источникъ предъ врати монастырскими, внѣ въ долинѣ малою струею текущъ, но вода паче оная въ всемъ Кипрскомъ островѣ лучша обрѣстися не можетъ, понеже чиста, яко кристалъ, хладна же, аки ледъ, яко едва зуби понести могутъ піющаго ю, здрава же и легка на стомахъ сице, яко не токмо неболѣзненну, но и немощну помощна. Именуеть же ся оній источникъ *Αγιασμα Παναγίας* си есть освященіе Богородици, понеже искусствомъ доходятъ,

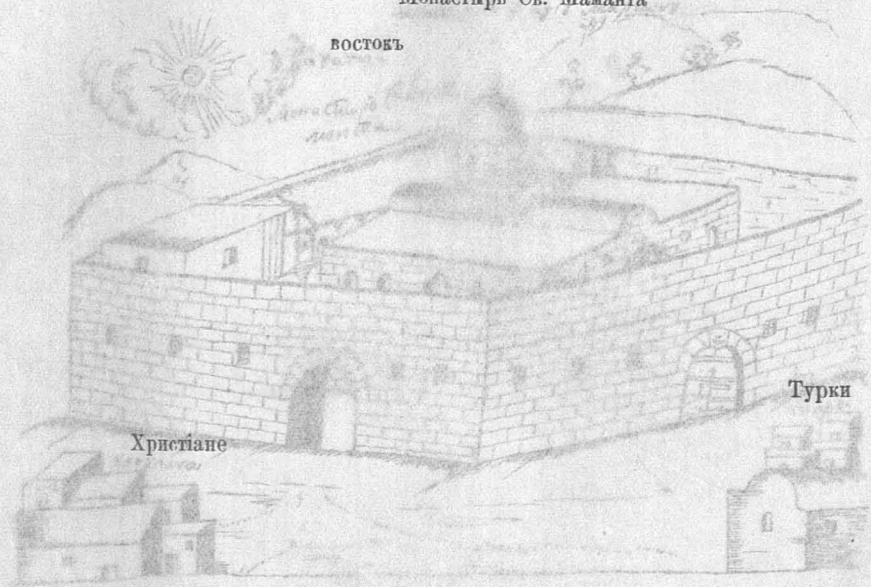
¹ Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для рисунка, который не сдѣланъ. *Ред.*
Путешествіе Барокаго.

яко изсподу храма церковна начало теченія своего иматъ. Словомъ рещи, во всемъ обитель изрядна, не токмо мѣстомъ, и строеніемъ, и святинсю, но и добрыми иноки, иже суть добродѣтели, смиренни и страннолюбиви зѣло и благоговѣнни; ихъ чинъ цѣрковній и пѣніе и монастырское обикновеніе изрядна суть; кимваловъ не имуть, токмо двое била, древяно и желѣзно, ими же оглашаютъ потреби монастыря. Нѣсть же тамо ни вертограда, ни сада, ниже внутрь, ни внѣ обители, но всюду окрестъ пустыня и гори высокіе, на нихъ же дресеса токмо лѣсовна суть: певги, кедри, платани, дубіе и прочіе. Вѣстно же буди, яко певгъ Греки именууютъ сосну, аже обрѣтается повсюду, кипарисъ же, аще не повсюду, но въ многихъ странахъ обрѣтается, кедръ же мало гдѣ; елико бо шествіе творяхъ землею, между великими горами, не токмо видѣти, но ни слышати не случися. Въ Кипрскомъ же островѣ, недалече монастыря сего, на единомъ токмо мѣстѣ кедри растутъ многи, отъ него же древа много во зданіи монастыря обрѣтается, чесо ради искусства ради и видѣнія, ходихъ азъ единаго дне въ пустыню и видѣхъ образъ растенія его. Но о семъ на иномъ мѣстѣ явить слово. Еще же обрѣтаются кедри краснѣйшіе въ горѣ Ливанѣ, въ предѣлахъ Галилейскихъ и Іерусалимскихъ, инамо же не слышатся. Прилично убо zde явити повѣсть и о сей иконѣ Апостола Евангелиста Луки, понеже нѣціи глаголютъ, яко нѣсть его, но ина. Исторіографи Греческіе повѣствуютъ, яко три икони различніе Пресвятія Богородици въ животѣ своемъ написа, отъ нихъ же едина обрѣтается въ Малой Россіи, въ градѣ, именуемомъ Вилно, и тая зовется Елеса, которая на лѣвой руцѣ держитъ Господа нашего Іисуса Христа; вторая въ Мореи, въ великой пещери, и тая стоитъ на погахъ, и, простерши руцѣ мало, молится;

о третьей-же пишутъ, яко нѣсть извѣстно, гдѣ обрѣ-
тается. Въ монастырѣ же ономъ Кипрскомъ имуть иноки
лѣтописецъ, идѣже извѣстно показуеть, яко есть едина
отъ иконъ (Евангелиста Луки и именуется Одигит-
рія). Бистъ убо иногда въ Константинополь православ-
ній дуксъ христіанскій, именуемій Исакій, его же дщери
случися впасти въ недугъ великъ и не можаше отъ
него исцѣлти, многу врачемъ имѣнія раздавшу отцу ея.
Бистъ же въ то время въ Кипрскомъ островѣ нѣкій
добродѣтелній и подвижній старецъ, именемъ Исаія, въ
пустини, между горами, въ единой пещери вселся жи-
вій, Богу работая (и нинѣ пещера она есть въ горѣ
високо, недалече монастыра); тому убо явися Пресвятая
Дѣва Богородица во снѣ, глаголющи: иди въ Констан-
тинополъ и повели именемъ моимъ, яко аще хочеть, да
дщерь его дѣлбу получитьъ, да пошлетъ икону мою ону,
яже Евангелистъ Лука написа, въ Кипръ, да создастъ
церковь на мѣстѣ ономъ (еже мѣсто показа старцу,
идѣже нинѣ есть монастырь). Пустиножитель убо абіе
немедленно отъиде въ Цариградъ, извѣсти дуксу Исаку,
иже егда обѣщася сотворити, въ той часъ воста отъ
одра болѣзни дщерь его, и отсла съ многимъ провожде-
ніемъ и честію икону ту святую отъ Цариграда въ Кипръ
на повелѣнное мѣсто, и церковь малу созда, яже по-
слѣди многими ктитори разширися монастырець малъ,
таже совершенній и первій въ Кипрѣ Киновъ, идѣже
инокъ обрѣтается вѣщше ста, аще внутрь по вся дни
мало сидять, понеже на послушаніе въ метохи, си есть
въ причастія монастырская, разсилаются, отъ конхъ ме-
тоховъ всякую пищу и питіе приносятъ и всякіе при-
битки оттуду имуть. И тако и донинѣ икона она пре-
бываетъ, прославляема чудеси, и обитель она прекрасна
благодатию ея, невредна процвѣтаетъ и иноци всякое

доволство имуть. Премедливше убо ми (якоже прежде рѣхъ) въ оной обители едину седмицу, отъидохомъ къ монастыру святаго Маманта, Юня 19 числа, иже отстоять отъ Кика одинаго дне хожденіемъ и вѣщше. Монастырь оній стоитъ на полѣ зѣло равномъ и веселомъ, отъ странни восточнія близъ горъ, отъ странни же западнія близъ морскаго берега за едину милю; есть же строеніемъ въ подобіе града, на четири стѣни расположенъ, строеніемъ низкій, въ широту же и долготу доволно пространенъ, двое вратъ великихъ, аки градскихъ, имать, яко найвишая колесница вползти внутръ можетъ; есть же весь отъ сѣченнаго въ едину мѣру камене великаго, бѣлообразнаго зданъ гладкимъ и лѣщимъ художествомъ, подобнѣ якоже храмъ свѣтія Софіи, иже есть въ градѣ Левкосіи, о немъ же предъ писахъ. Церковь тамо святаго мученика Маманта зѣло изряднаго строенія, яко ни едина церковь, ею же нинѣ христіане обладаютъ, краснѣйша обрѣтается въ всемъ Кипрѣ; есть же висотою и широтою и долготою доволна, внутръ десятию столпами великими подержима; трое престолная же, якоже и въ предреченномъ монастырѣ, но токмо въ среднемъ началномъ алтарѣ литургисують; визу же на подножіи каменными дсками лѣпо посланна; оконъ имать яко двадесять и вѣщше, дверей семь, отъ нихъ же суть началнѣйшихъ великихъ пять; верху же имать горѣ возвищенну главу едину, съ осмерицею оконъ. Церковь воистинну въ всемъ лѣпа, въ ней же одесную стѣни стоитъ икона святаго мученика Маманта и гробъ мраморенъ, идѣже, нѣци глаголють, яко суть мощи, друзіи же глаголють, яко нѣ суть, еже есть вѣроятнѣе, понеже въ Турецкой земли цѣліе мощи нинѣшнихъ вѣковъ мало гдѣ слышатися могутъ. О семь же вѣстно буди, яко отъ гроба

Монастырь Св. Маманта

Фотосъёмка Н. Игумнова 1880 г.

Монастырь Св. Маманта. изъ востокъ

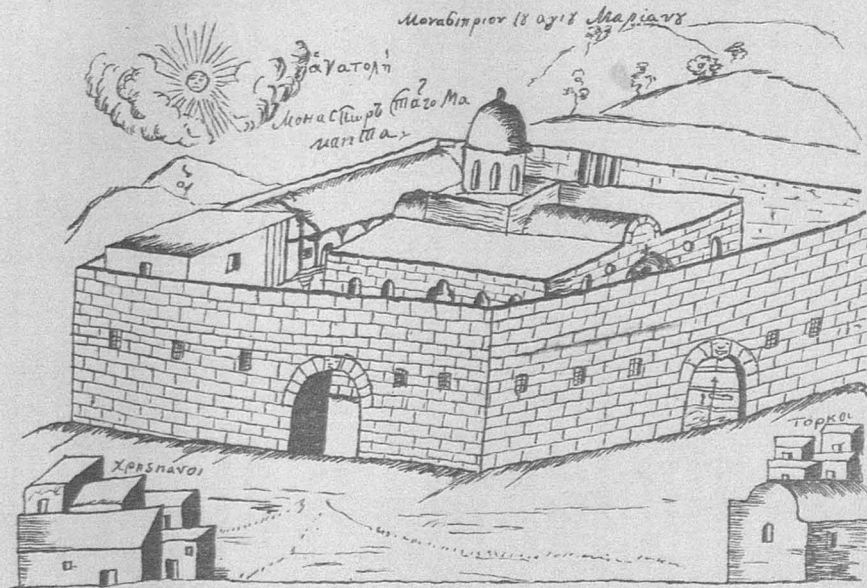

Фото-диптографія Н. Индутаго Караван. № 16.

Μοναστήριον Ἁγίου Μαρτῖνου. на ὄ. Κύπρῳ.

его миро является, имъ же мажущеса правовѣрніи, цѣлбу недугомъ получаютъ. Стоитъ же церковь посредѣ монастыра особно, неприкосновенна къ иннимъ зданіямъ, окрестъ же суть келіи, едини верху другихъ, въ подобіе вѣнца. Обитель та пногда, въ время христіянства, бѣше богата и множество имѣяше иноковъ, нинѣ же есть убога и иноковъ мало суть, понеже стоитъ въ единомъ селѣ, между молвою народа, недалече отъ града, идѣже Турки въ полѣ съ христіяни обитають и тяжкіе дани налагають, завидяще лѣпотному строенію. Единою бо Агаряне хотяху отъяти отъ иноковъ монастырь оній и прѣвратити церковь въ мечеть къ богомоленію своему, понеже въ то время не живяху Турки въ веси той, но приходяще отъ града или грядуще откуду, потреби ради, препочиваху случаемъ или пощеваху тамо, и сего ради, ниже капища своего имѣяху, но хотяху отъяти церковь въ рудѣ свои, еже аще би Богъ хотѣль, удобно би било, и нинѣ есть, обаче Богъ, молитвами святаго великомученика Маманта, не попусти ещевому ущербленію бити. Игумень бо обители тоя моли Агарянь, да не отъимуть церкве, и обѣща имъ сотворити иное капище новое, еже и сотвори (Господи его спаси), и тако свободи обитель отъ рукъ невѣрнихъ. Тамо убо ми, поклоншеса гробу святаго, премедлихомъ полдня, препочиванія ради, и угости насъ игумень трапезою; и оттуду тогожде дня паки прійдохомъ въ предѣреченній градъ Левкосію, потреби ради сопутника моего и взятія ради хартіи Турецкой, рекомой мухуртыгату, си есть отъизднаго листа, безъ котораго никто же тако отъ своихъ, яко и отъ чуждихъ, не можетъ вонъ изъ Кипра изійти. Пребивши убо ми тамо мало дній, до оконченія мѣсяца Іюня, и взявши отъ паши отпустную хартію, отъидохомъ, Іюлія числа 3,

паки въ Ларнаку и Аликесь къ пристанищу морскому, идѣже недалече отстоятъ, хожденіемъ 4-рехъ часъ, монастырь Святаго Креста, на горѣ високой. Мислихомъ убо потрудитися тамо, поклоненія ради, таже раскаяся съпутникъ мой. Въ единъ же отъ днѣй самъ азъ тамо отъидохъ и сотворихъ должное поклоненіе и премедлихъ три дни: посѣтихъ же и иніе монастырскіе мѣста вкупѣ съ игуменомъ обители тоя. О монастырѣ ономъ сице извѣстно есть: яко въ время оно, егда Святая Елена царица обрѣте Животворящій Крестъ Господень въ Іерусалимѣ и возвращашеся въ Константинополь, когда приста въ Кипръ, и видящи ону гору високу еще издалече на морѣ, и възйде на ню, посѣщенія ради, и угодно ей бистъ мѣсто, и созда храмъ Воздвиженія Честнаго Креста и монастырець малъ, понеже мѣсто узко верху, и содѣлавши крестъ отъ древа великъ, яко сажень въ висоту, вложи часть Христова Креста не малу и остави на благословеніе обители, яже и донинѣ силою Всечестнаго и Животворящаго Креста и молитвами ея соблюдается. Монастырь оній зданій много не иматъ, понеже токмо церковь пространна въ широту же и долготу, низка же строеніемъ, но изрядна; двѣ маліе иматъ сверху главы, внутрь же шестію столпамъ есть поддержива; трипостасна иногда бѣше, нинѣ же токмо на среднемъ престолѣ литургисують; келій въ монастырѣ мало суть, токмо четири или пять, и типѣсно къ церкви призданни суть. Обаче зѣло мѣсто лѣпое и веселое, безмолвное же и уединенное и прохладное, понеже тамо, висоти ради, всегда вѣтръ обрѣтается, аще низу и нѣсть. Иноци токмо два тамо неисходно сидятъ, церковнаго ради пѣнія, прочіи же по методахъ монастырскихъ, низу гори, понеже горѣ ничто же нѣсть, токмо камень сухъ и земля неудобна къ всѣмъ.

Монастырь Честного Креста

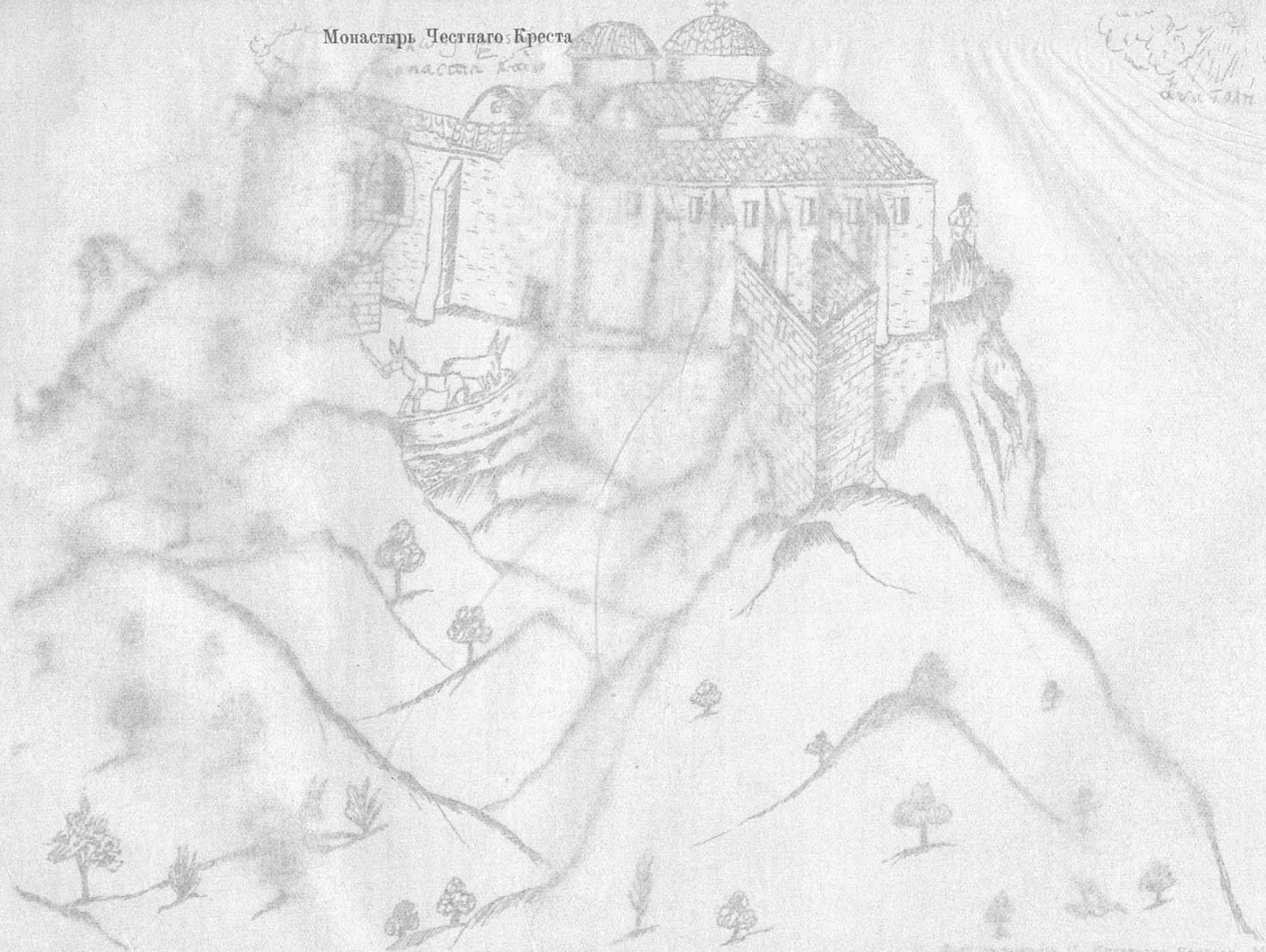

Рис. академика И. Кипутова. Каравас. № 10.

Монастырь Честного Креста на о. Кипра.
Юго-западная сторона.

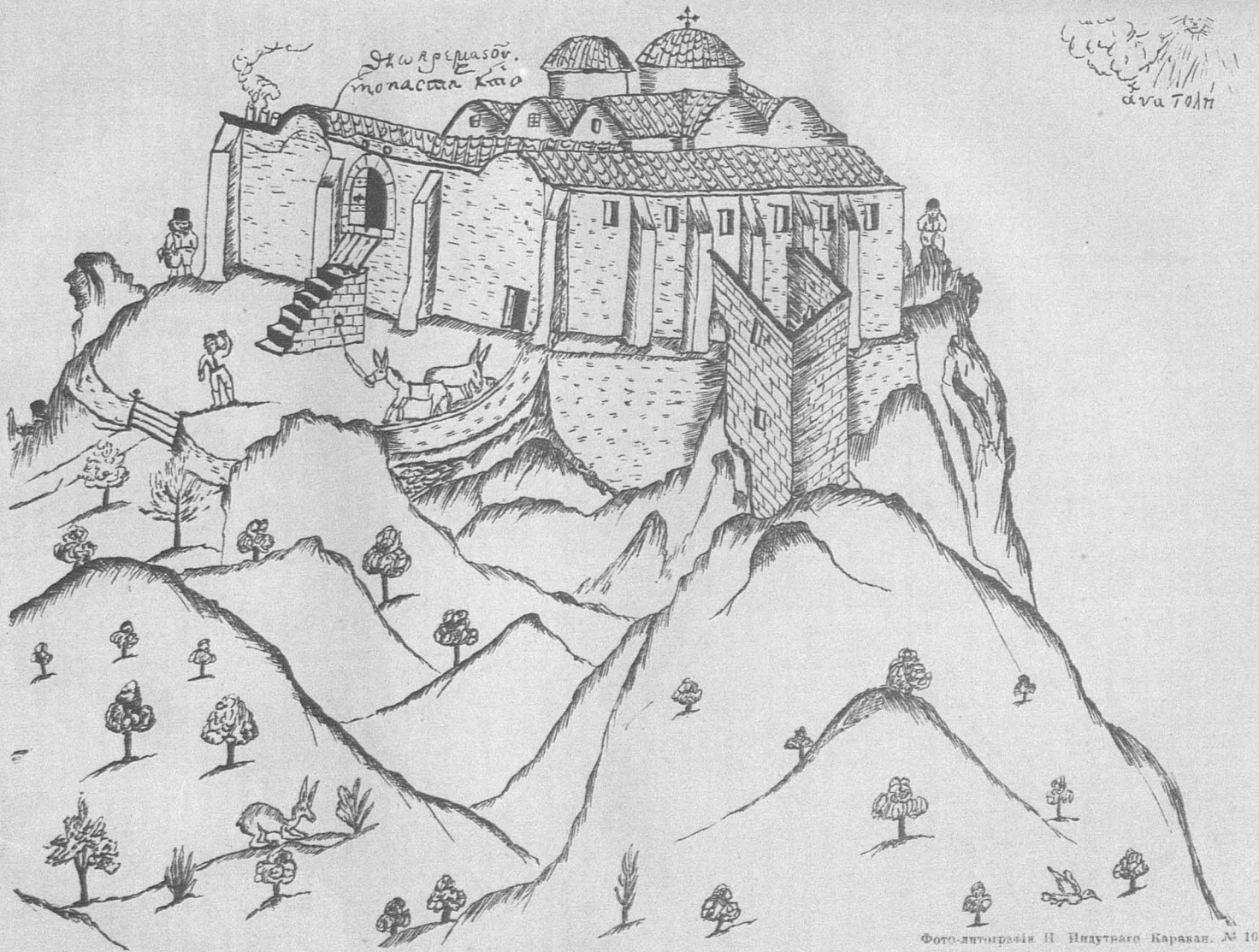
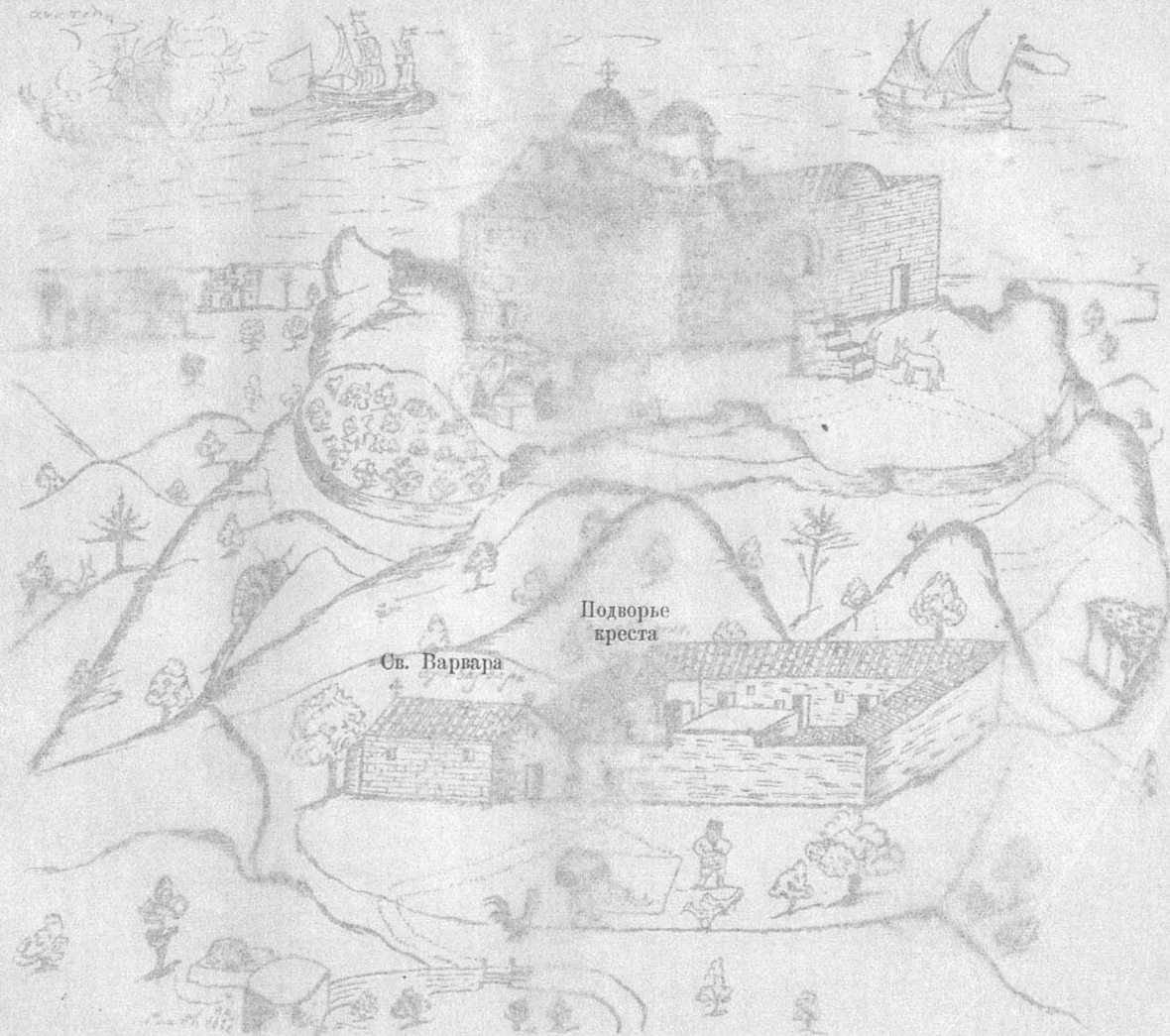

Фото-литография Н. Индутаго. Караван. № 16.

Монастырь Честнаго Крста на о. Кипрѣ,
Юго-Западная сторона.

Востокъ

СВ. ВАРВАРА

Литографія И. Копчука, Казань, № 15

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипръ, Северо-Западная сторона.

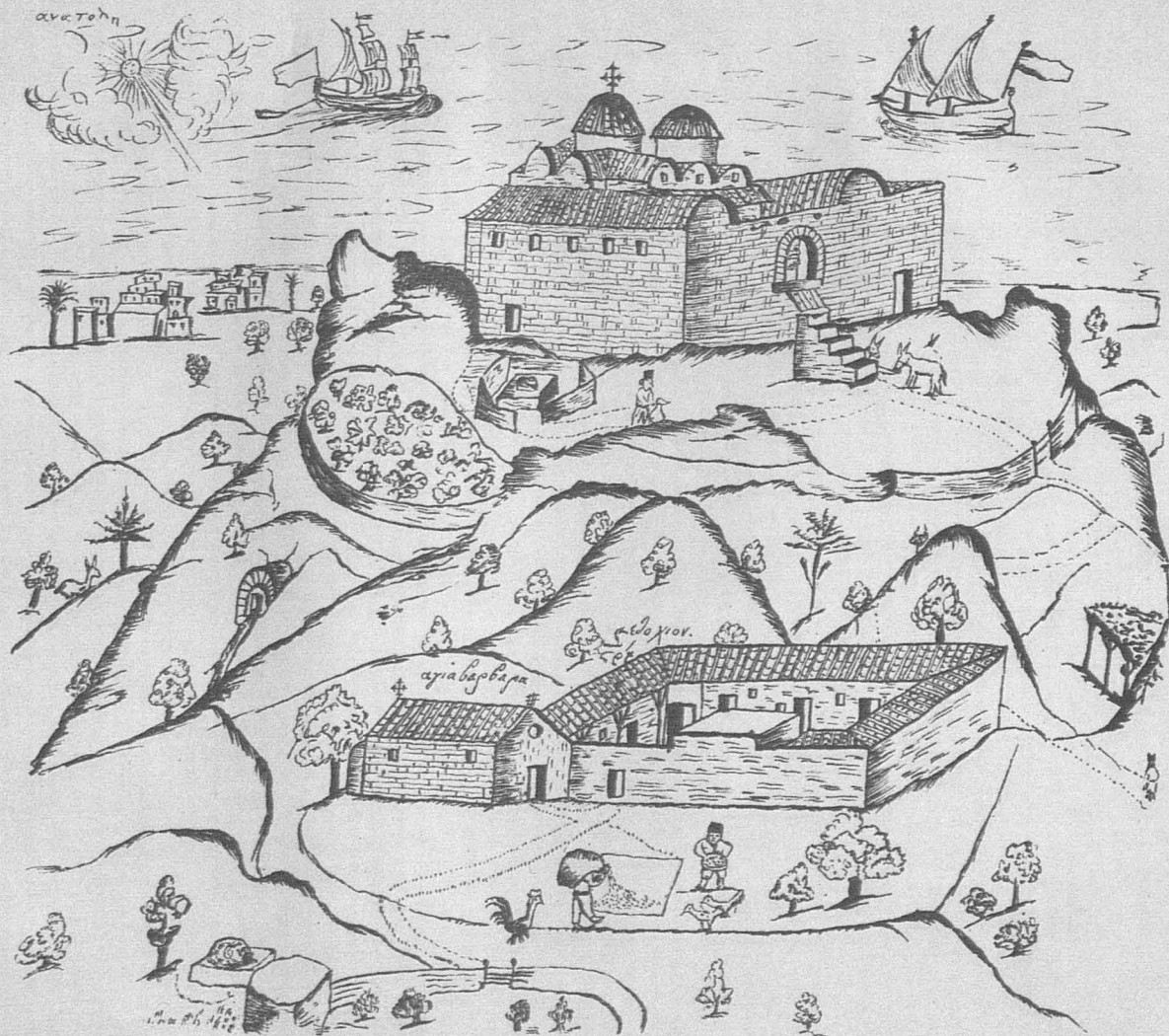

Фото-Литограф. Иллюстрация. Караван. № 16.

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, Сѣверо-Западная сторона.

нію, найпаче же, яко нѣсть води, но отъ дожда собираемую піюць. Есть же вьнизу гори, яко поприще едино, далече источникъ текущъ, Агіазма с. Креста, но неудобенъ путь къ ношенію горѣ, яже вода есть зѣло здрава, найпаче же недужнымъ. Вь низу гори, отъ странни западнія, есть метохъ первій монастыря того, рекомій Святая Варвара, понеже храмъ иматъ святія великомученици Варвари; есть же зданіемъ, якоже и монастырь, великъ. Тамо живутъ нѣколико иноковъ и тамо вся пища и питіе монастыря хранится, и аще что требѣ, горѣ вь монастырь оттуду приносится. Поклоншися убо азъ вь оной обители честному и животворящему древу и замедливши тамо и на иннихъ мѣстѣхъ монастыря 3 дни, возвратихся къ свѣому паки сопутнику, и абіе отъидохомъ къ первому нашему пристанищу Лемесу, идѣже три дни замедлихомъ, готовящися вь предъумишленній путь, и обрѣтше корабль Французскій, хотящій плисти вь Александрію, наяхомъ и вкораблившися отплихомъ отъ славнаго острова морскаго Кипра, Іюлія 18 числа, хотяще дойти вь Александрію, яже 500 миль отстоить. Не суцху же времени благополучну, пловохомъ по мору шесть дній и уже близъ сущимъ Александріи намъ явися буря велія и противная путешествію нашему, яко отнюдь не можахомъ плисти. Сего ради господинъ корабля пріста къ единому пристанищу, нижей Александріи сущему, именуемому Апокерія, иже есть мѣсто убого и оскудно вь вся, понеже на пѣску стоить идѣже ничтоже не раждается, токмо финиковъ многое множество, отъ нихъ же Арави кошници плетуть зѣло лѣпотнымъ художествомъ и продають вь вселенную. Тамо христіяне не обитають, токмо саміе Агаряне. Увѣдавше же отъ пришелець, яко вь Александріи патріарха нѣсть, но вь Египтѣ, понеже патріарха ради тамо хо-

тѣхомъ дойти, а не иной вини, сего ради пренесше своя вѣщи въ инъ малъ корабль Еѳіопскій и замедливше тамо два дни, третіяго дне отплихомъ къ граду, рекомому Рахить, идѣже первѣе плихомъ моремъ, таже дванадесять миль рѣкою Ниломъ. Рахить нѣсть градъ стѣною оточень, но касася, си есть множество народа и зданій, якоже градъ, имущъ. Стоитъ же при Нилѣ рѣцѣ, за дванадесять миль отъ берега морскаго, на равномъ и прекрасномъ зѣло мѣстѣ; много имать древа садовнаго отъ смоковъ, бросквинъ и лимоній, наипаче же финиковъ безчисленное множество, иже, аки лѣси, лѣто и зиму зеленѣютъ, понеже отъ онихъ деревъ никогда же листвіе отпадаетъ, отъ нихъ же дѣлають Еѳіопи кошници, верви, клѣти и прочая, на потребу купеческихъ товаровъ; 12 бо миль отъ мора, даже до Рахита, вси береги и острови Нила полни суть деревесъ финиковихъ; сиче же лѣпоту являютъ человекъ, яко не могутъ насладитися очеса его. Есть же пристанище великое и богатое, понеже отъ Египта Ниломъ рѣкою тамо вси товари купеческіе приходятъ и отгуду въ иніе странни разносятъ. Приходятъ же тамо по суху и по водамъ торговци великіе отъ всея вселенія: отъ всея Анатолии, Чермнаго же и Бѣлаго моря, отъ Венеціи и всей Италіи, и взимають отгуду кафе, рижъ, ленъ, плоды финикови, тканія различна и инніе вещи драгіе, отъ Индіи приходящіе. Не приходятъ же тамо кораблѣ великіе, но маліе все, понеже рѣка мѣлка есть; сего ради отгуду товари купеческіе преносятъ малими кораблецами въ Александрію, яже стоитъ на пристанищи морскомъ, и отгуду развозятъ кораблями великими въ инніе странни. Въ Рахитѣ строеніе домовъ високое и зѣло лѣпотное, понеже оконъ множество малихъ же и великихъ имуть, яко полати, аки сѣтъ сквозѣ зрятся

Фото-линогр Н. Индугнаго, Караван. № 16.

Рахитъ.

и вѣтръ дихаетъ внутрь отъ всѣхъ странъ; вся же зданія суть отъ пливнѣ дробнихъ, печеннихъ, а не отъ камене, понеже тамо каменя трудно есть обрѣсти, ибо нѣсть нигдѣ же горъ, но всюду равное поле и земля мягка, якоже въ Російскихъ странахъ. Тамо различнаго язика и вѣри людіе обрѣтаются: Греки, Римляне, Армени, Копти, Жидове, Турки же и Арави. Христіанскихъ церковь двѣ токмо: греческая, ею же обладаетъ патріархъ Александрійскій, и Римляновъ монастырь съ церковію, прочее же Турецкихъ мечетовъ полно. Тамо брашно и всяко яденіе нѣсть скупо, токмо вино, понеже тамо не раждается, но привозится отъ иныхъ странъ, христіанъ ради и Жидовъ; Турки и Евѣопи, по правилѣ вѣри своея, не пѣютъ вина, развѣ нѣкій тайно, не храняй твердо вѣри своея. Тамо кладязовъ и источниковъ къ питію нѣсть, но весь народъ отъ рѣки Нила почерпаютъ и пѣютъ; аще и ископаютъ студенци, то слану воду обрѣтаютъ, яже точію къ помиванію сосудовъ угодна есть. Тамо азъ разлучися съ вишшеписаннымъ съпутникомъ, іеромонахомъ отъ гори Аѳона, и замедливши 3 дни, отплихъ рѣкою Ниломъ въ великій градъ Египетъ, Іюлія послѣднего дня, и приспѣхъ тамо четвертаго дня.

О пришествіи моемъ къ великому и вездѣ прослутому граду Египту.

Пришедши азъ въ великій градъ Египетъ и не вѣдуши (яко страненъ и нищъ), гдѣ главу поклонити и обитель обрѣсти на нѣкое время, моляхъ всещедрого Бога, да попечется о мнѣ грѣшномъ. Идохъ же въ мѣстохъ къ инокомъ горы Синайскія, си есть въ дворѣ ихъ, въ немъ изшедши отъ монастыря иноци потреби

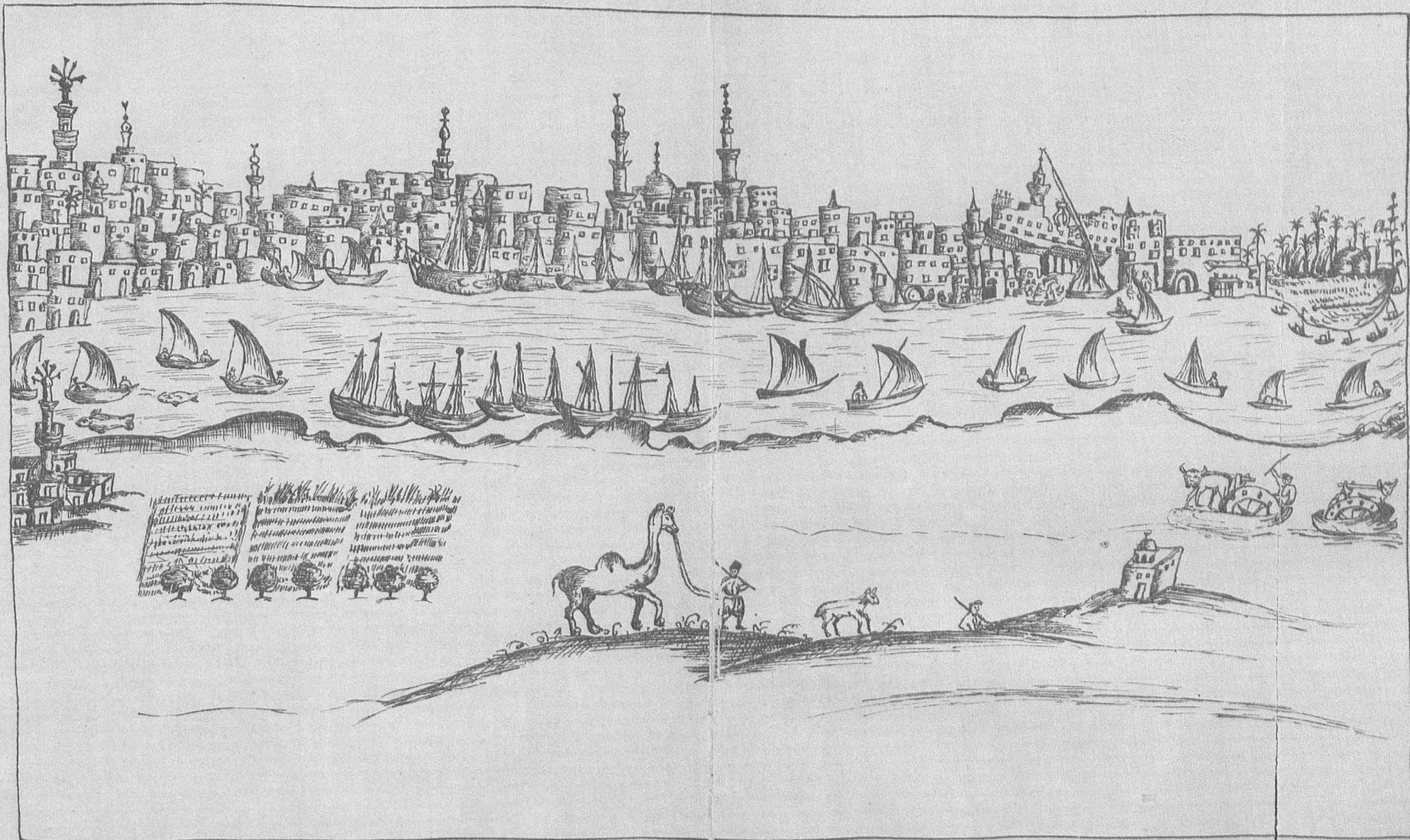
ради въ Египетъ или въ ину странну градуще чрезъ Египетъ, тамо препочиваютъ нѣколики дни, иніе же всегда сѣдятъ, ради послушанія монастирскаго, яко то пшеницы ради, елея, сира и прочіихъ вещей, яко вся на пищу, на потреби монастирскіе отъ Египта купующе, посылаютъ тамо. Пришедшу же ми въ метохъ и сущу тамо на то время архіепископу горы Синайскія, именемъ Іоаникію, абіе идохъ къ нему и привѣтствовавши его по достоянію, сказахъ ему намѣреніе и вину, коея рады прійдохъ въ Египетъ. Отвѣща ми, яко аще би кто тысящи истощалъ, не можетъ нинѣ пойти въ гору Синайскую: не токмо бо странніи, но ниже ми своихъ иноковъ прекормити, ниже отсюду послати тамо, се же того ради, яко ми не могуще прекормити Еѳіоповъ, избѣгохомъ вси иноци нинѣ въ Египетъ, токмо оставихомъ малихъ числомъ, ради церковнаго правила, да обитель святая не опустѣетъ. Еже бистъ истинно, въ то бо время слышашеса отъ всего народа, яко Арави путь заключиша къ монастиру и невозможно есть никому пойти. По изволенію убо архіепископа, дадоша мнѣ едину келію къ обитанію на время внѣ метоха, съ куппами Греческими, идѣже замедлѣвши дный нѣколико, ходихъ всякаго дне къ инокомъ на трапезу и питахся отъ нихъ. Вопрошахъ же послѣди вторицею и третицею архіепископа аще мощно есть мнѣ не лишитися онаго святаго поклоненія, отвѣща ми паки, яко невозможно есть отнюдь нинѣ, донелѣже не примиримся паки съ Еѳіопи и отверзется монастирь, а еже когда то будетъ, ми не можемъ вѣдати, или по нѣколицехъ мѣсяцехъ, или по нѣколицехъ лѣтахъ; тожде рѣша и прочіи иноцы. Тогда азъ прискорбенъ бихъ зѣло, недоумѣя, что творити, понеже возвратится въ отчество кромѣ сего поклоненія, толь многіе благодатію Божіею посѣтивши святіе мѣста, зѣло

печално ми бистъ, ожидати же паки, не вѣдущи конца времени и како и откуда би питатися, и истощаніе на путь имѣти, зѣло неудобно мняшеса бити. Прочее возвергохъ на Господа печаль мою, да Той мя, якоже Самъ вѣсть, препитаеть, положивши въ умѣ своемъ, яко аще есть воля Божія желаніе мое исполнити, Онъ вся добрѣ промислитъ о мнѣ. Случившужеса тогда бити въ Египтѣ святѣйшему патріарсѣ Александрійскому Козмѣ, и хотящу оттуду изійти въ Рахитъ, желлахъ пріяти отъ него благословеніе. Въ единъ убо отъ днй идохъ въ дворъ патріаршій и, угоденъ часъ получивши, удостоихся его святую лобизати десницу и пріяти благословеніе, купно же и събесѣдовати, иже мя вопроши: кто есмь и откуда, и чесо ради прійдохъ въ Египетъ, яже вся азъ въкратцѣ извѣстихъ. Съжалижеса о мнѣ, яко въ толь далечайшій страннъ прійдохъ, найпаче же въ нищетѣ сій и не мый, гдѣ глави приклонити, совѣтова мнѣ, да сотворюся отъ него инокъ и пребуду съ нимъ вкупѣ, мнѣ же на то не преклоншуся, остави мя и рече, яко въ гору Синайскую неудобенъ есть проходъ, но аще пмаши намѣреніе премедлти нѣкое время въ Египтѣ, ожидая угоднаго времени поклоненія твоего, сѣди zde въ дворѣ моемъ и кормися вкупѣ отъ трапези инокъ моихъ, донелѣже ти есть угодно; даде же ми и писаніе общее къ всѣмъ христіаномъ, еже мя миловати, и самъ отъ своея десници даде ми милостини. Азъ же сподобивіися таковую воспріяти отъ него благодать, припадъ къ ногамъ его и святѣйшую его облобизавши десницу, благодарествовахъ до зѣла. Препоручи же мя своими усти ипокомъ, ихъ же остави малихъ числомъ въ дворѣ своемъ, ради управления церкви и христіанъ. Сказа же въ день неделній поученіе къ народу Греческимъ діалектомъ, ради Грековъ, иже тамо обрѣтаются много; купно

же при боку его стояше и толмачъ, иже, яже слышаше отъ устъ святѣйшаго патріарха глаголемая словеса, абіетаяжде къ Арапомъ христіяномъ Арапскимъ языкомъ толковаше. По поученіи же всѣмъ людемъ, въ церкви сущимъ, общее разрѣшеніе прочте. Таже въутрѣ изійде отъ Египта, съ многою честію провождающу его духовному собору и всему клиру церковному. Тогда архіепископъ Синайскія горы примирися съ святѣйшимъ патріархомъ, понеже прежде между собою распрію нѣкую имѣяху. По отшествіи убо святѣйшаго патріарха остана азъ въ Египтѣ, въ дворѣ его, съ прочими иноки, пищею и питіемъ питаемъ довольно, якоже въ дворѣ родившаго мя отца, и обитахъ тамо, ожидаючи день отъ дне угоднаго времени путешествію моему, въ Греческомъ поучаяся языку, славяхъ же и благодаряхъ Бога и великаго благодѣтеля моего, святѣйшаго патріарху Александрійскаго Козму; труда же и дѣла чуждаго никаковаго же не имѣхъ, развѣ токмо на свою потребу; токмо иноки сотвориша мя на время трапезаромъ, имъ постилахъ и измѣтахъ трапезу и самъ купно съ ними ядахъ, яковаго послушанія азъ самъ паче хотѣхъ, нежели они. Любяху же мя иноци вси, патріарха ради, понеже мя онимъ любезно вручи, и препровождахъ дни благополучно и сотворихъ многихъ себѣ знаемыхъ и друзей, съ ними же, аможе хотѣхъ, свободно ходихъ въ Египтѣ и рассмотрѣхъ всю красоту, величество и строеніе града, еще же вся чини и обичая народа Египетска, еже послѣдуетъ въ описаніи Египта.

О великомъ и пресловутомъ градѣ Египтѣ.

Египетъ есть градъ зѣло ветхій, не зданіемъ, но лѣти, еще бо прежде Рождества Христова и прежде ветхаго закона, Моисеомъ даннаго, бистъ; изъ него же

Каиръ

изведе пророкъ Божій Моисей людъ Израильскій, си есть Жидовскій, свободни отъ работи Фараонови и преведе ихъ чрезъ Чермное море, о чемъ ясно и пространно пишется въ старой Библии, въ книгахъ Исхода; самое же видѣніе паче слуха увѣряетъ: внѣ бо града суть многіе гори, яже не суть естественни, но чрезъ толь многіе времена народъ, въ Египтѣ обрѣтающійся, змѣтающе своя доми и стогни и вергающе внѣ града, сотвориша гори отъ смѣтія. Вѣдати же подобаетъ, яко Египетъ раздѣляется на два именованія: Египетъ именуется вся страна Египетская и Египетъ именуется градъ; градъ паки Египетъ именуется двогубо: Египетъ ветхій и Египетъ новій, еже есть градъ ветхій и новій градъ, убо ветхій, иже прежде баше, въ время жидовское, нинѣ зѣло обѣтша, стѣни же и доми падоша многи, обаче нѣсть въвся разоренъ и пусть, но и нинѣ народъ обитаетъ, наипаче же отъ христіанъ много; новій же градъ мало отъ ветхаго есть отдаленъ, въ немъ же князи и велможи великіе и богатіе купци и многъразличенъ народъ обрѣтается, и о семъ Египтѣ слово мое предлежитъ. Египетъ есть слово Еллинско, еже происходитъ въ Славенскомъ и Латинскомъ язицѣ, простимъ же языкомъ Римскимъ именуется *Gran Cairo*, Турецкимъ—Мисиръ и Арапскимъ—Мауаръ. Египетъ стоитъ на равномъ, веселомъ и добромъ мѣстѣ, надъ рѣкою славною Ниломъ, яже великіе користи творить въ странѣ той, токмо крѣпость, то есть замокъ, на высочайшемъ отъ града мѣстѣ, при горѣ рекомой, яже прежде не бистъ тамо, но въ время святѣйшаго патріархи Александрійскаго Герасима бившу нѣкому уничиженію на вѣру христіанскую, молбами его и всѣхъ христіанъ, наипаче же за моленіемъ единаго богоугоднаго и добродѣтельнаго мужа, сапожника суца отъ Але-

ксандрии, повелѣніемъ божественнымъ подвижеса отъ мѣста своего издалече и прійде тамо, о чемъ несомѣнно и достовѣрно въ исторіяхъ пишеть и нинѣ неотмѣнно въ Египтѣ народъ повѣствуетъ, и отъ каменія гори оной храми, полати и вся зданія строятся. Тамо доми иніе отъ родимаго камене, иніе же отъ плинѣвъ суть зданіе строеніемъ высокимъ и лѣпотнымъ, много чардаковъ и оконъ имущіе, ради прохлажденія, понеже зѣло тепель и несудобъ стержимъ край есть. Найпаче же капища Турецкая и полати благороднихъ мужей и отъвиѣ довольно лѣпотни, найпаче же внутръ зѣло красни, верху позлащенны или цвѣтами исписанни, низу же искуснимъ художествомъ различными мрамори упещренны и драгими одеждами посланни, яко мѣста плюновенію нѣсть. Тамо обичай есть ходити босима ногама внутръ домовъ, понеже чисто восходи и нисходи измовенни суть. Улицы тамо мало обрѣтаются широки, но все узкіе, и домовъ строеніе тѣсное зѣло, яко къ многимъ домоу входъ точію единъ, идѣже обитають пять или шесть господаровъ вкупѣ, съ женами и дѣтми, едини низу, а другіе горѣ; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая есть тѣснота. Обрѣтаются бо самихъ токмо капищъ Турецкихъ, якоже повѣствуетъ народъ, до шести сотъ, домовъ же числа никто же вѣсть; народа же толь много, яко на всякъ день не токмо на базарѣ, но але въ всѣхъ и малихъ стогнахъ градекихъ разминутися нужное есть; не токмо же въ дни, но и въ ноци много людій обрѣтается, понеже тамо вси въ единъ часъ никогда же не усипають, но иніи въ дни труждаются, инніи въ ноци, найпаче вещи къ яденію и питію въ ноци дѣлають. По стогнахъ же кандилы зажженни чрезъ всю ноць горять, да не преткповенну имуть стезю, ходящии въ ноци; тому же и злій человекъ абіе

познанъ и уловленъ биваетъ. Обычай бо есть тамо нощю проходити дозорцемъ стогни градскіи, злочинцовъ ради, иже егда нѣкоего уловить, аще и малѣйшее знаменіе имущаго къ злу, абіе на стогнѣ, кромѣ всякаго суда, въ главу усѣкается; сего ради тамо весь народъ съ великимъ страхомъ и опасствомъ нощю ходять. Обрѣтаются въ Египтѣ многая капища Турецкая, пространна и велика и лѣпо зданна, имущая внѣ, на версѣ главы возвишеніе, имъ же би зѣло прилично бити церквами христіянскими, аще би токмо било изволеніе Божіе. Улицы градскіе нѣ суть посланни каменми, якоже въ иннихъ странахъ, но имуть землю естественную, и началнѣйшіи суть чисти и помѣтаеми на всякъ день, нѣдци же обрѣтаются полни смѣтія и нечистотъ. Се же отчасти, яко народъ Египетскій варварскъ и небрегливъ, отчасти же, яко тѣсно людіе обитають, нѣсть бо града болшаго въ всей Турецкой земли, паче Египта, чесо ради Италѣяне, искусивши и разсмотрѣвши многіе гради и странни, повѣствуютъ общее слово сиде: *tre paeze bono troto grande gran Cairo di Siria, Milano di Lombardia e Parizo di Franza*, то есть: три на всей вселенной градове болшіи народомъ и протяженіемъ суть: Египетъ въ Сири, Медиоланъ въ Ломбардіи, въ Италіянской земли, и Парижъ въ Французкой. Въ Египтѣ обрѣтаются людіе различнаго рода, различной вѣри и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единая вѣри суть, такожде Греки и Арави православніи христіяне, иже имуть церквій 3: первая Святителя Христова Николая и сія есть въ новомъ градѣ и есть двопрестолная, вторая святаго велико мученика Георгія въ Египтѣ ветхомъ, и сія есть въ монастыри, въ немъ же убогіе инокины, немощіе старицы и бѣдніи сироти обитають и пищу имуть отъ милостини христіянь. Тамо обрѣ-

тается икона Пресвятія Дѣви Богородицы, яже пренесенна есть отъ Венеціи единымъ купцемъ, повеленіемъ и откровеніемъ ему бывшимъ въ снѣ, 1727 году. Третья церковь есть Пресвятія Богородицы, и та есть весьма пуста, ниже вратъ, ни затвора, ниже каковаго либо внутри украшенія имущая, обаче и тамо на всяку субботу литургія биваетъ ради усопшихъ, понеже тамо тѣлеса ихъ погрѣбаема биваютъ. Храмъ убо той довольно есть пространенъ въ высоту, въ долготу же и широту, и познавается, яко иногда зѣло лѣпотенъ баше, и зѣло же ветхъ есть, обаче число лѣтъ уразумѣти нужно есть, понеже писмена и подписанія вся отрошася, точию имя святѣйшого патріархи Александрійскаго Григорія, о чесомъ нѣсть извѣстно, аще ли въ время его созданна, или обновленна бысть. Обрѣтаетьжеся въ церквѣ той образъ Пресвятія Дѣви, отъ главы до ногу на древѣ списанъ, держащъ на руку Христа Господа, зѣло обетшалій, о немъ же повѣствуютъ, яко въ время гоненія на христіани закопаша въ землю въ церквѣ, купно съ кандиломъ запаленнымъ; послѣди же, опустѣвшей церкви и многимъ лѣтомъ прешедшимъ, впаде въ недугъ великъ властелинъ Египетскій, иновѣренъ сій, и егда не можаше отъ врачей исцѣлится, бистъ ему явленіе въ снѣ, да повелитъ откопати образъ онъ и отъ кандила да помажется и здравъ будетъ. Еже сотвори безъ законсѣнія, и обрѣтоша икону съ кандиломъ незгасшимъ, и помазався болній, и абіе (о, великія благодати Твоя, Мати Божія!) изцѣлѣ и здравъ бистъ, и отъ того часа даде паки въ область христіаномъ церковь оную. Обрѣтаются еще въ Египтѣ Римляне. иноци же и миретіи, и церковь имутъ двѣ: едину въ новомъ, а другую въ ветхомъ Египтѣ. Литургисаютъ же и въ предреченной опустѣлой церкви, таможе и погрѣбаются не токмо

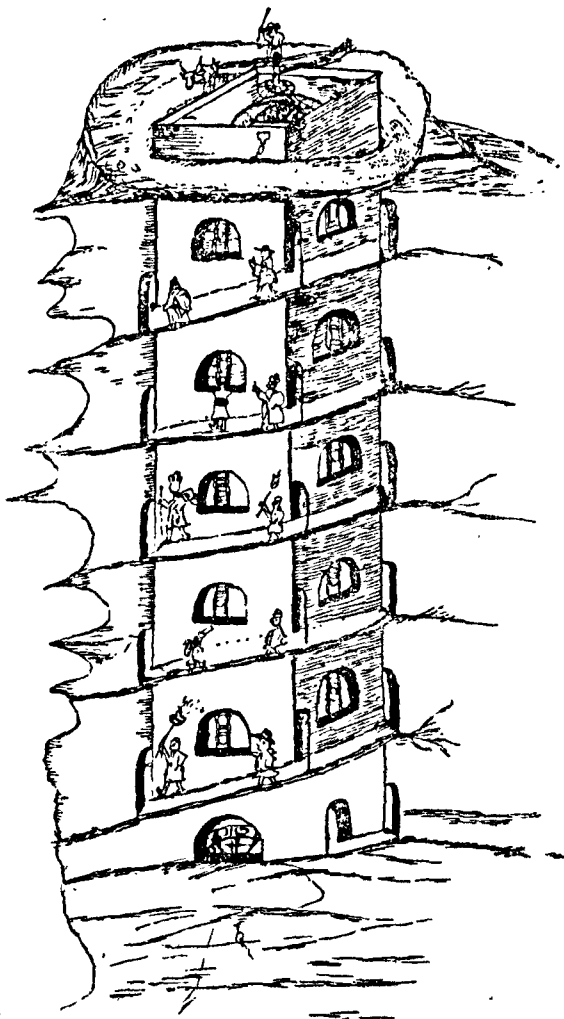
Французи, Венеціани и Гишпани, и консуль Французкій, иже обладаетъ ими. Обрѣтаютъжеся въ Египтѣ Енглези и консуль ихъ. Суть паки Арменъ множество, и церковь свою имуть и патріарху. Обрѣтаются еще нѣкіи христіане еретики, именуеми Копти, си есть обрѣзанци, иже и крестятся, и обрѣзуются, и многихъ прочіихъ ересей держатся, и тихъ суть множество въ Египтѣ и церковь ихъ обрѣтается число не мало; имуть же своего особнаго патріарха и себе съ нимъ за православнихъ быти и патріарху своего достойно Александрійскій престоль держати мнать и проповѣдуютъ. Греческаго же патріарху и всѣхъ купно съ нимъ за православнихъ быти почитаютъ. Обрѣтаютъжеся тамо и Жидовъ много и свою такожде синагогу и жилище особно имуть. Многое же множество Турковъ странныхъ отъ Константинополя, Анатолиі и отъ иннихъ великихъ градовъ и острововъ морскихъ обрѣтаются тамо; но Аравовъ безъ числа суть, тамо бо ихъ родъ и отчество есть. Египтяне не имуть иной воды къ питію, токмо вси піютъ отъ рѣки Нила. Египетъ есть славенъ множествомъ купцевъ, различными и драгими товары, понеже есть пристанищемъ торговцевъ, отъ Индіи возвращающихся. Египетъ великіе користи иматъ отъ Нила рѣки и отъ Чермнаго моря, начало убо его совокупляется съ окіаномъ, конецъ же отстоитъ отъ Египта три дни хожденія землею, идѣже есть пристанище, рекомое Сувезъ. Възрашающа убо купцы кораблями отъ Индіи чрезъ окіанъ, проходятъ чрезъ Чермное море и приносятъ въ Сувезъ ливанъ, смирну, перецъ, кинамонъ и прочая аромата и коренія благоуханная, такожде сосуди драгія фарфорніи и инніи многоцѣнніи вещи; приносятъ же кафе, иже раждается въ Емени, надъ Чермнимъ моремъ, яже страна не въ власти Турецкой есть, но особно. Та убо вся вещи

приносятся чрезъ море Чермное, даже въ Сувезъ, а от-
туду по земли въ Египеть; отъ Египта же на Чермное
море посылается рижъ, пшеница, фава, сочиво и вся
ядоміе вещи, яже тамо оскудни суть. Се Чермное море
коль велию користь приноситъ Египту. Не малое добро
и Нилъ рѣка творить, яже разливается на всякъ годъ
и наполняетъ, и тогда копають людіе рови и напаяють
вся поля Египетскіе отъ сладости рѣки, толь бо сладку
и здраву воду имать, яко на островахъ рѣки тростіе
раждается, сокъ сладокъ имущое, отъ него же дѣлають
пукоръ. Егда же напаятєся поля и рѣка испадеть, тогда
сѣють пшеницу, рижъ, бобъ, сочиво и прочая, яже вся
благословеніемъ Божиимъ толь угобзаются, яко всей
Аравіи отъ Египта изобилovati, тако-бо много раждається
рижа, яко въ нашихъ странахъ жита или пшеници. То-
вари же вишереченніи идуть отъ Египта Ниломъ рѣкою
въ Бѣлое море, а оттуду въ всю Турецкую странну и
прочіе. Кораблецовъ и ладій, яже на рѣцѣ Нилѣ пу-
тешествують, суть многое множество, непрестанно бо иніе
отъ Александрии, инніи отъ Рахита, инни отъ Дамяти
приходятъ въ Египеть, иніе же отъ Египта возвра-
щаются тамо. Египеть, аще и подъ державою естъ сул-
тана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо
данъ даетъ ему, и папа, иже обладаетъ Египтомъ, на-
ставляется отъ Цариграда. Обаче папа тамо не долго
господствуетъ, единъ бо другаго низлагаетъ; той лучшій,
иже крѣпчайшій, единъ бо другому отъ господій не по-
каряется и единъ съ другимъ домъ на домъ бранъ тво-
ритъ. Въ Египтѣ пляцъ, или пазаръ, или торжище ве-
λικое зѣло естъ, на немъ же безчисленное множество
народа на всякъ день обрѣтается, и комори купеческіи
зѣло тѣсно устроєнни суть. Истиннѣ же рекше, весь
градъ торжищъ исполненъ, идѣже въ всѣхъ стогнахъ

низу комори, верху едины на другихъ полати високо строеніе суть, въ нихъ же оконъ и чардаковъ множество, ради прохладенія, суть. Верху же всѣхъ домовъ Египетскихъ, аки комини или столпи устроеніе, въ ня же дышетъ вѣтръ и проходитъ въ вся келіи зданій, даже до низу, и прохладяетъ обитающихъ, и се есть зѣло нужно и потребно тамо, понеже, ради тѣсныхъ улицъ и високихъ зданій, не можетъ вѣтръ дыхати внутрь домовъ, инако же би не мощно било жити народу, ради горячести солнечной. Въ Египтѣ вода продается, аще и рѣка при боцѣ есть, понеже отъ домовъ, воскрай рѣки стоящихъ, сами людіе почерпаютъ воду, а иже внутрь града далече обитають, не могутъ на всякъ день ходити къ рѣцѣ, но суть на то особніе человѣцы—водо-продавницы, иже почерпаютъ мѣхами кожанними отъ рѣки воду и, возлагающе на верблюди, приносятъ въ градъ и продають; инной же води къ питію нѣсть, понеже страна та есть слана, и аще обрѣтаются тамо кладязи въ всякомъ дворѣ, но въ всѣхъ слана вода обрѣтается, ею же токмо сосуди омивають. Имуть же въ Египтѣ ископанъ ровъ, имъ же рѣка, въ время умноженія води, входитъ внутрь града, и тогда на малой цѣнѣ воду продають. Суть же въ многихъ дворяхъ господскихъ стерни, то-есть ями, въ подобіе кладязомъ созданны, яже тогда кушующе наполняютъ и піють до года. Въ Нилѣ рѣцѣ рыбы довольно различной. Начало же ея есть отъ одинаго езера, или ями рекомой Заира, яже обрѣтается въ Хабесіи, и егда убо яма та воскипитъ и умножаетъ воду, тогда и Нилъ много разливается въ широту и многи користи творитъ обитающимъ людемъ при немъ. Проходитъ же чрезъ всю Ефіопію, и ниже Египта раздѣляется на три части: часть течетъ во Александрію, часть въ Рахитъ, часть въ Тамять, нако-

нецъ впадаетъ въ Бѣлое море. Въ Египтѣ обрѣтается древесъ садовнихъ много: помаранчовъ, лимоній, родій, найпаче же отъ финиковъ; ограднихъ плодовъ тамо велие изобиліе въ зимѣ и лѣтѣ. Хлѣбъ, елей, сирь, масло, кафе и вся вещи, яже къ пищѣ, на малой цѣнѣ продаются, вино же и горѣлка скупо, понеже отъ Бѣлаго моря приходитъ, а не тамо дѣлается. Сребра тамо изобилно обрѣтается, и удобно тамо можетъ человекъ обогатѣти, найпаче же умѣющъ художество, на всякаго бо художника зѣло тамо добрѣ есть. Египетъ на четири имени раздѣляется: первое именуется Египетъ, идѣже обще весь народъ обитаетъ и торжища началнѣйшая суть. Тамо убо и церковь Греческая, и Синайскій метохъ, и дворъ святѣйшаго патріарха Александрійскаго обрѣтается, въ немъ же намѣстникъ его съ иноки, иногдаже и самъ вѣшно обитаетъ; тамо и азъ пребихъ вся дни замедленія моего въ Египтѣ. 2) Крѣпость, или замокъ, и стоитъ особно на мѣстѣ високомъ и именуется Кале, идѣже азъ множицею ходихъ; тамо имуть армати и прахи. Тамо обитаетъ паша и прочіи начальници; тамо суди дѣйствуются и главы осужденнихъ посѣщаются; тамо монета, или пѣнязи, мѣдніе, серебряніе и златіе дѣлаются, еже самъ своимъ очима видѣхъ. Обрѣтаютъжеся тамо и донинѣ еще полати Фараона и Іосифа Прекраснаго, иже суть нинѣ пусти и раззоренни. Фараоновихъ убо полатъ зѣло гордое и высокое строеніе, отъ великихъ камней, и внутрь познавается, яко позлащенни бяху. Тамо же недалече обрѣтаются останки единаго зданія великаго, идѣже нинѣ торжище есть; тамо суть столповъ много единокаменнихъ, толь великихъ, яко чудитися всякому зрящему на ня, како и каковою силою толь велія тягота камене подвизашеся и здашеся, толстота бо ихъ, яко тріемъ человекомъ обяти, въ висоту

же шесть или семь сажній суть, еже не вѣсть никто же, что баше, но мнѣтмися, яко домъ судилища быеть иногда, въ немъ же дѣйствовахуся суди въ время царствованія Фараонова. Обрѣтаются жетамо вънутрь крѣпости и полати Прекраснаго Іосифа, иже иногда царствоваше въ Египтѣ и въ нихъ обиташе, иже такожде пусти суть и падоша, токмо двѣ стѣнѣ стоятъ, на нихъ же смотрѣти зѣло лѣпо и удивительно есть, понеже насажденни суть позлащенною и различно - цвѣтною муссеею и маргаритнимъ чрепемъ, то есть перловою матицею; не простимъ же художествомъ, но сице хитримъ и искуснимъ, яко землю, цвѣти разніе, дресеса, плоды, птицы и прочіе вещи изображенни суть.

Таможе вънутрь Кале есть кладязь Іосифовъ, егоже азъ посѣщахъ и соглядахъ; изобразити же или описати совершенно, якоже есть въ себѣ, веліе мнѣ есть не удобство, понеже

таковой вещи нигдѣ индѣ не случашеся ми видѣти. Кладязь оній разсуднимъ умомъ и мудримъ совѣтомъ есть со-творень; обаче хитрость копанія его нужно есть из-явити, понеже вся въ земли есть и ничтоже отъ внѣ зрится. Обаче азъ разсудному уму описую и начертаваю сице: кладязь оній не имать никаковаго притворнаго внутрь зданія или стѣнь, но въ самой естественной земли, въ мягкомъ камени есть ископанъ на четири углы, равно въ широту и долготу, яко на четири сажни и вѣщше, глубокъ же безъ мѣри. Окрестъ убо того кладязя есть путь копанъ, аки улица или пещера, иже иногда бѣше даже до конца глубини, нинѣ же точію до половины, идѣже въ стѣнахъ кладязя окна суть просвѣщенни, ради просвѣщенія, обаче мало подають свѣта, во глубинѣ суще, но нужда есть сходити съ огнемъ, якоже и азъ снїйдохъ. Тамо работници приставленніи низводятъ внизъ воли, задрѣгаютъ ихъ въ колесо, хитростнѣ учиненное, имъ же горѣ воду тягнетъ отъ дна кладязя даже до половины, и сливается въ едину яму, а оттуду верху кладязя иными волами, подобнѣ запряженными, витягаются вонъ сосудами, на вервахъ повѣшенными, инако бо сверху даже до низу единимъ влеченіемъ вервь неудобно досягнути води, ради великой глубини. Отъ верхнихъ убо воловъ даже до вторихъ, суть нисхожденія степеней 200, якоже азъ самъ измѣрихъ, а оттуду ниже мало вода зрится. Повѣствуютъ же тамо труждающіися работницы, яко еще вѣщшая половина есть внизъ, нежели оттуду горѣ. Вода же нѣсть сладка, но мала слана, обаче въ нужду безвѣдно питися можетъ. И се о двохъ частехъ. 3) именуется ветхій Египетъ, о немъ же предъ рекохъ, яко тамо обрѣтается монастырь Гре-ческій святаго великомученика Георгія и церковь Пре-святія Богородици, такожде монастырець законниковъ

Римскихъ и три церкви Коптскихъ, отъ нихъ же въ единой обрѣтается единъ домъ малъ внутрь земли, въ немъ же (повѣствуется отъ христiянъ) обиташе Пресвятая Дѣва Богородица съ Христомъ, избѣгши изъ Иерусалима, даже до умертвiя Иродова; таможде есть и мѣсто купели, идѣже омываше Пречистая Владичица Христа Спасителя. Между новимъ и ветхимъ Египтомъ есть високiй каменнiй каналъ устроенъ, имъ же отъ рѣки даже до Кале течеть вода; стоитъ-же на столпахъ на подобiе моста. Четвертое мѣсто именуется полако, которое отдѣлнѣ мало отъ града стоитъ, воскрай брега рѣчнаго. Тамо суть полати краснiи и великiе и садовъ лѣпотнихъ много суть. Тамо индукта и торговое поплащается. Тамо коморъ и имбаровъ подъ полатами множество суть, въ нихъ же торговци слагають своя товари. Обаче вся та мѣста предреченна, аще и особнiи имени имуть, но вся единъ Египеть бити именуется. Недалече отъ Египта, обонъ поль рѣки Нила, суть рукотворенiе гори, а отъ Грековъ нарицаемiе пирамиди, иже суть четверограничны; всякая граница на стопъ 75, висота же ихъ есть на стопъ пятьсотъ. Между ими же три височайшия суть и именуются гори Фараонови, понеже Фараонъ, суци древле царемъ Египетскимъ, своимъ иждивенiемъ созда, мисляци суетная, якоже повѣствуется, да иматъ прибѣжище тамо, внегда би случился Божiимъ попущенiемъ разлитися рѣцѣ до зѣла и потопити вся поля Египетская. Еще же вѣстно буди наконецъ и се, яко въ Нилѣ рѣцѣ, горѣ далече, отъ Египта, на единомъ мѣстѣ обрѣтаются змѣеве, именуемiе крокодили, на подобiе ящурки сущiе, съ четирма ногами, обаче великiе, якоже бѣлуги или есетри, и могутъ жити въ водѣ и на земли: на время бо въ водѣ суть, на времяже излѣзуть на брегъ, между сладкое тростiе, и

ядуть е, или предпочиваютъ въ нихъ; аще же случается, то и человека снѣдаютъ. Вѣстно же буди въ конецъ и се, яко въ Египтѣ въ церкви Греческой двома языки чтется правило церковное: Греческимъ и Арапскимъ; Греческимъ убо иноки, Арапскимъ же попи мирскіи. Имуть же чинъ церковній въ чтеніи и пѣніи, и въ служеніи лѣпотень, тако присудствующу патріарху, якоже и безъ присутствія его. На литургіи же божественной всегда два апостола и два евангелія чтуться, гречески и аравійски, развѣ инако случается въ повседневіе, егда едва кто приходитъ къ церкви; въ праздники же Господскія, Богородични и иннихъ нарочитихъ святыхъ соборное служеніе биваетъ и по двѣ литургіи: ранная и позная, подобнѣ и по вся недели. Иноци Синайстіи приходятъ въ церковь патріаршую служити служби Божой по вся недѣли и праздники, понеже въ своемъ метоху церкви не имуть, токмо часовню прежде имѣяху, но бившимъ сваромъ между ими и патріархомъ Александрійскимъ Козмою, отъяша Турки и сотвориша свой мечеть. Та убо и тѣмъ подобная азъ увѣдѣвши, видѣвши же и слышавши, и твоей любвѣ, тщательнѣи читателю, вкратцѣ написавши, совершихъ, Богу благодареніе, рокъ 1727, сидяци въ предъреченномъ дворѣ патріаршемъ въ великомъ и славномъ градѣ Египтѣ.

Ad M. G. D. Bea. V. M¹.

Конецъ первой части

¹ Ad Majorem Gloriam Dei (et) Beatae Virginis Mariae — Къ превеликой славы Божіей и Пресвятой Дѣвы Маріи.

Р и с у н к и.

	ВЪ СТРАН.
1. Снимокъ съ письма В. Григоровича-Барскаго (двойной).	XXXII
2. Гробница В. Григоровича-Барскаго въ Кіевѣ	XXXVI
3. Хрисанеъ, патриархъ Іерусалимскій	208
4. Яффа	280
5. Храмъ Воскресенія Христова	310
6. Гробъ Христовъ въ Іерусалимѣ (двойной).	316
7. Вершина Елеонской горы	324
8. Домъ Св. Меланіи	324
9. Мѣсто Вознесенія Христова (въ текстѣ).	325
10. Гробницы Авессалома и пророка Захаріи	328
11. Монастырь Св. Іакова	330
12. Гробница Рахили (въ текстѣ)	358
13. Вилеемъ.	358
14. Домъ Ефраювъ.	364
15. Монастырь Св. пророка Іліи	370
16. Іорданъ.	374
17. Пещера Св. Іоанна Предтечи близъ Горней	380
18. Горняя.	382
19. Левкосія	396
20. Аликесъ и Ларнака	398
21. Монастырь Св. Маманта на о. Кипрѣ	404
22. Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, юго-западная сто- рона.	406
23. Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, сѣверо-западная сторона.	406
24. Рахить	408
25. Каиръ (двойной).	412
26. Колодезь Іосифа (въ текстѣ)	421

Оглавленіе.

	СТРАН.		СТРАН.
Предисловіе	I	Католѣка	55
1723 годъ.		Аримимѣнѣ	56
Кіевъ	2	Сенегалѣя	57
Почаевъ	3	Анкона	58
Броди	4	Лоретъ	59
1724 годъ.		Калаврїя	67
Львовъ	5	Санктъ Михаель	70
Самборъ	13	Барлета	72
Воля	15	Тарапъ	74
Грушевъ	16	Баръ	75
Каменцы	17	Барлета	87
Ганиска	20	Троя	92
Гестъ	21	Путь къ Неаполю	94
Тардъ	22	Неаполь	96
Денгешъ	23	Гариліано	109
Гатванъ	24	Римъ	111
Будимъ	25	Флоренція	143
Комарно	27	Рувиго	147
Вѣденъ	29	1725 годъ.	
Марїяцель	35	Венеція	149
Навмаргъ	41	Рувинѣо	175
Филохъ	43	Море	176
Понтава	44	Ленсипа	178
Валюежонъ	45	Море	181
Кордоватъ	46	Корфусъ	191
Портогуаро	47	Кефалонѣя	195
Венеція	49	Закинѣъ	201
Доля	54	Море	205

	СТРАН.		СТРАН.
Хіо	207	Путь въ Іерусалимъ	297
Море	215	Іерусалимъ	308
Солунь	218	Путь къ Св. Саввѣ	339
Путь на Афонъ	219	Монастырь Св. Саввы	341
Афонская гора	223	Мертвое море	351
Изографъ	224	Іерусалимъ	357
Хиландаръ	227	Виолеемъ	359
Симень	229	Дождь Евраѳовъ	363
Ватопеть	230	Виолеемъ	367
Ставроникита	233	Монастырь Св. пророка Іліи	370
Котлумушь	235	Іерусалимъ	371
Іверъ	236		
Каракаль	237	1727 годъ.	
Лавра	239	Путь къ Іордану	373
Діонисіатъ	241	Іорданъ	375
Симонететра	243	Монастырь Св. Герасима	377
Св. Пантелимона	245	Монастырь Св. Крестителя Іоанна	378
Ксенофъ	247	Іерусалимъ	379
Дохіаріу	249	Горняя	381
		Іерусалимъ	383
1726 годъ.		Іопія	395
Авоонская гора	251	Море	396
Путь въ Солунь	257	Левкосія	397
Солунь	259	Аликесъ	399
Море	265	Монастырь Кикось	400
Родушь	269	Монастырь Св. Маманта	404
Кицръ	273	Монастырь Св. Креста	406
Море	275	Апокерія	407
Іопѣя	277	Рахитъ	408
Путь въ Іерусалимъ	285	Египеть	409
Ремя	286	Рисунки	425
Путь въ Іерусалимъ	291	Оглавленіе	427
Еммаусъ	296		